ЛЕВ ТОЛСТОЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ 59

ПИСЬМА

1844–1855 гг.

Лев Николаевич

ТОЛСТОЙ

Полное собрание сочинений. Том 59.
Письма 1844–1855

Государственное издательство
«Художественная литература», 1935

LÉON TOLSTOÏ

OEUVRES COMPLÈTES

SOUS LA RÉDACTION GÉNÉRALE
de V. TCHERTKOFF

AVEC LA COLLABORATION DU COMITÉ DE RÉDACTION:
K. CHOKHOR-TROTSKY, N. GOUDZY, N. GOUSSEFF, A. GROUSINSKY,
N. PIKSANOFF, N. RODIONOFF, P. SAKOULINE, V. SRESNEVSKY,
A. TOLSTAÏA et M. TSIAVLOVSKY

SANCTIONNÉE PAR LA COMMISSION DE RÉDACTION D'ÉTAT:
V. BONTCH-BROUIÉVITCH, I. LOUPPOL et M. SAVELIEFF

TROISIÈME SÉRIE
LETTRES

TOME
59

ÉDITION D'ÉTAT
MOSCOU—1935

Л 128

Л. Н. ТОЛСТОЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
В. Г. ЧЕРТКОВА

ПРИ УЧАСТИИ РЕДАКТОРСКОГО КОМИТЕТА В СОСТАВЕ:
А. Е. ГРУЗИНСКОГО, Н. К. ГУДЗИЯ, Н. Н. ГУСЕВА, Н. К. ПИКСАНОВА,
Н. С. РОДИОНОВА, П. Н. САКУЛИНА, В. И. СРЕЗНЕВСКОГО, А. Л. ТОЛСТОЙ,
М. А. ЦЯВЛОВСКОГО и К. С. ШОХОР-ТРОЦКОГО

ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ ПОД НАБЛЮДЕНИЕМ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕДАКЦИОННОЙ КОМИССИИ
В СОСТАВЕ В. Д. БОНЧ-БРУЕВИЧА, И. К. ЛУППОЛА
и М. А. САВЕЛЬЕВА

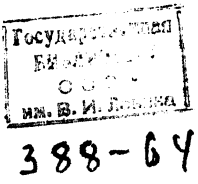
СЕРИЯ ТРЕТЬЯ
ПИСЬМА

ТОМ
59

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА—1935

Перепечатка разрешается безвозмездно

Reproduction libre pour tous les pays.



388-64

ПРЕДИСЛОВИЕ К СЕРИИ «ПИСЬМА».

Третья серия томов настоящего издания, заключающая в себе двадцать девять томов (с пятьдесят девятого по восемьдесят седьмой), отведена письмам Л. Н. Толстого, печатаемым в хронологическом порядке их написания. В состав этих томов входят беловые тексты: 1) частных писем к частным лицам; 2) писем в редакции; 3) писем официального характера к отдельным лицам и в учреждения и «прошений»; 4) конспектов писем, написанных кем-либо по просьбе Толстого; 5) приписок Толстого в письмах, не им написанных; 6) писем, продиктованных Толстым, им исправленных и подписанных; 7) писем, продиктованных и только подписанных Толстым; 8) писем, написанных кем-либо по просьбе Толстого, им исправленных и подписанных; 9) писем, написанных кем-либо по просьбе Толстого и только им подписанных; 10) коллективных писем, написанных кем-либо и подписанных Толстым и 11) «совместных» писем, т. е. писем, в которых текст Толстого перемежается с текстом другого лица, или в чужом тексте которых имеются вставки Толстого.

В серии томов «Письма» печатаются и телеграммы Толстого.

Кроме беловых текстов, печатаются все черновые тексты перечисленных категорий писем, если беловые тексты неизвестны, и те из черновых текстов всех перечисленных категорий писем, которые по мнению редактора представляют интерес со стороны содержания.

Письма, относительно которых есть указания, что они написаны по просьбе Льва Николаевича (или даже может быть им продиктованы), конспекта которых, написанного Толстым, не имеется, самые же письма Толстым не подписаны, и в них

нет вообще ничего написанного рукой Льва Николаевича, не печатаются ни в основном тексте, ни в примечаниях.

Список таких писем с указаниями: 1) адресата; 2) лица, писавшего письмо; 3) места нахождения письма и 4) содержания письма дается в конце каждого тома серии «Письма».

В конце каждого тома помещается список писем, не имеющихся в распоряжении Редакторского комитета, с указанием источника, на основании которого мы знаем о существовании письма.

Письма к С. А. Толстой и к В. Г. Черткову выделяются из общей хронологической цепи писем и составляют последние семь томов в серии.

Редакторский комитет не только не имеет в своем распоряжении всех писем Толстого, написанных им за шестьдесят семь лет своей жизни (с 1844 г. по 1910 г.), но и не может с точностью определить их количество.

Разбросанные по всему земному шару, являясь собственностью сотен лиц и учреждений, письма Толстого продолжают как поступать в распоряжение Редакторского Комитета, так и появляться в печати. Пока известны тексты около восьми тысяч писем Толстого. Приведение в известность всех сохранившихся его писем — дело еще многих лет, а потому можно теперь же утверждать, что ко времени выхода в свет последнего тома серии писем обнаружится немалое количество писем, не попавших в соответствующие томы. Все эти письма составят особый дополнительный том.

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА.

В дополнение к тому, что сказано в общем предисловии к серии «Письма», я должен во избежание всяких недоразумений сообщить читателям, что Лев Николаевич относительно всех своих писем снабдил меня следующим уполномочием:

«Владимир Григорьевич,

В виду того, что вы готовите для издания все мои писания и желали бы для этого иметь право свободно пользоваться и моими частными письмами к разным лицам, — сим удостоверяю, что в случае, если вы или те, кому вы при себе или после себя поручите продолжать это дело, нашли бы желательным включить в издание моих писем те или другие из моих частных писем к кому бы то ни было, копии с которых имеются у вас или будут вами получены от меня или другими путями, то предоставляю как вам, так и продолжателям вашего дела, полное право делать всё, согласно вашему или их благоусмотрению.

Даю вам это разрешение и потому, что предполагая, что некоторые из моих писем могут иметь общее значение, я уверен, что как вы, так и те, кому вы предоставите продолжать вашу работу, сумеют наиболее целесообразным образом воспользоваться ими; и потому еще, что вообще не признавая литературной собственности, я не желал бы, чтобы мои письма становились частной собственностью тех лиц, к которым они адресованы.

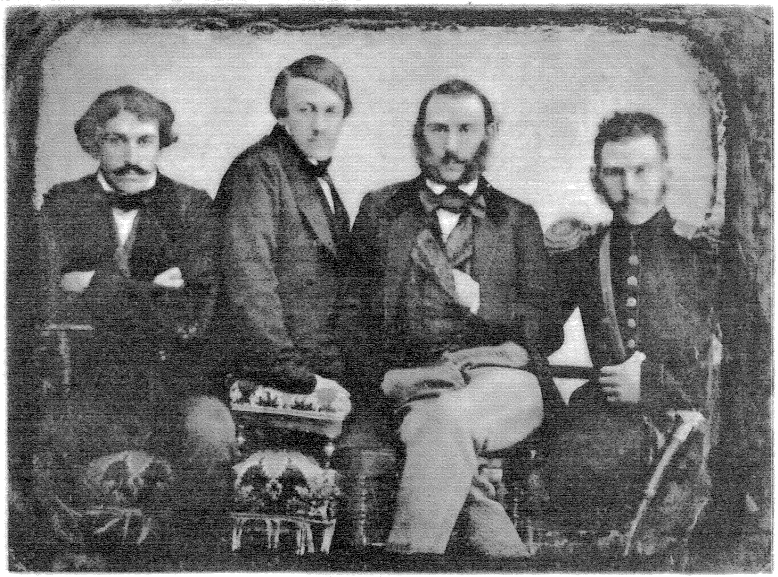
Лев Толстой

Ясная поляна, 30 января 1909 г.

Толстой по своей скромности не мог представить себе, что для читателя может быть интересна каждая строчка когда-либо написанная им. Несомненно, что такой интерес существует и

будет с каждым днем увеличиваться, а потому, как я уже говорил в моем предисловии к его дневникам (т. 46), редактируя его письма, я придерживаюсь того принципа, чтобы печатать, на основании данного мне Львом Николаевичем полномочия, целиком, выпуская в исключительно редких случаях лишь такие письма, опубликовывать которые адресаты выразили прямое нежелание и лишь те слова и выражения интимного свойства, предание которых гласности могло бы заведомо быть неприятно адресатам.

В. Чертков.



БРАТЬЯ СЕРГЕЙ, НИКОЛАЙ, ДМИТРИЙ и ЛЕВ ТОЛСТЫЕ
1855 г.

Размер подлинника

ПИСЬМА
1844 — 1855

РЕДАКТОР
М. А. ЦЯВЛОВСКИЙ

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЯТЬДЕСЯТ ДЕВЯТОМУ ТОМУ.

В пятьдесят девятый том настоящего издания, являющийся первым томом серии «Письма», входят письма Толстого за двенадцать лет, с 1844 по 1855 год.

Определить количество всех написанных Толстым за это время писем не представляется возможным. Имеющийся в конце тома список недошедших до нас писем, конечно, неполон. Но во всяком случае можно утверждать, что за эти ранние годы жизни Толстого писем пропало больше, чем за какой-либо другой период его жизни.

Всего сохранилось за эти двенадцать лет сто одиннадцать писем: за 1844 г. — два; за 1845 г. — два; за 1847 г. — одно; за 1848 г. — шесть; за 1849 г. — тринадцать; за 1850 г. — двенадцать; за 1851 г. — восемнадцать; за 1852 г. — восемнадцать; за 1853 г. — одиннадцать; за 1854 г. — восемь и за 1855 г. — двадцать.

Из этих писем на французском языке написано пятьдесят семь писем, остальные пятьдесят четыре — на русском. Из ста одиннадцати писем, вошедших в том, до сих пор было напечатано полностью лишь двадцать шесть писем; пятьдесят пять писем печатаются впервые, остальные тридцать писем появлялись в отрывках. По автографам печатается сто восемь писем, по фотографии — одно, по печатным текстам — два письма.

Ряд ценных сведений для комментария сообщен К. С. Шохор-Троцким. Большую помощь в деле оформления тома к печати оказали О. В. Воронцова-Вельяминова и Т. Н. Муравьева.

Перевод французских писем принадлежит С. А. Стахович.

М. Цявловский.

РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ.

При воспроизведении текста писем Л. Н. Толстого соблюдаются следующие правила.

Текст воспроизводится с соблюдением всех особенностей правописания, которое не унифицируется, т. е. в случаях различного написания одного и того же слова все эти различия воспроизводятся (этаго» и «этого», «тетенька» и «тетинька»).

Текст писем на французском языке печатается с сохранением ошибок Толстого в орфографии.

Слова, не написанные явно по рассеянности, дополняются в прямых скобках.

В местоимении «что» над «о» ставится знак ударения в тех случаях, когда без этого было бы затруднено понимание. Это «ударение» не оговаривается в сноске.

Ударения в «что» и других словах, поставленные самим Толстым, воспроизводятся, и это оговаривается в сноске.

Неполно написанные конечные буквы (напр., крючок вниз, вместо конечного «ъ» или конечных букв «ся» или «тся» в глагольных формах) воспроизводятся полностью без каких-либо обозначений и оговорок.

Условные сокращения (т. н. «абревиатуры») типа «к$\underline{\text{ый}}$», вместо «который», раскрываются, причем дополняемые буквы ставятся в прямых скобках: «к[отор]ый».

Слова, написанные не полностью, воспроизводятся полностью, причем дополняемые буквы ставятся в прямых скобках: т. к.— т[акъ] к[акъ], б. — б[ылъ].

Не дополняются: а) общепринятые сокращения: и т. п., и пр., и др., т. е.; б) любые слова, написанные Толстым сокращенно,

если «развертывание» их резко искажает характер записи Толстого, и лаконический, условный стиль.

Слитное написание слов, объяснимое лишь тем, что слова для экономии времени и сил писались без отрыва пера от бумаги, не воспроизводится.

Описки (пропуски и перестановки букв, замены одной буквы другой) не воспроизводятся и не оговариваются в сносках, кроме тех случаев, когда редактор сомневается, является ли данное написание опиской.

После слов, в чтении которых редактор сомневается, ставится знак вопроса в прямых скобках [?].

На месте не поддающихся прочтению слов ставится: [*1 неразобр.*] или [*2 неразобр.*], где цыфры обозначают количество неразобранных слов.

Из зачеркнутого — как слова̀, так и буквы начатого и сейчас же оставленного сло̀ва — воспроизводится в примечаниях лишь то, что найдет нужным воспроизводить редактор причем знак сноски ставится при слове, после которого стоит зачеркнутое.

Написанное в скобках воспроизводится в круглых скобках.

Подчеркнутое воспроизводится курсивом.

В отношении пунктуации: 1) воспроизводятся все точки, знаки восклицательные и вопросительные, тире, двоеточия и многоточия, кроме случаев явно ошибочного написания; 2) из запятых воспроизводятся лишь поставленные согласно с общепринятой пунктуацией; 3) ставятся все знаки (кроме восклицательного) в тех местах, где они отсутствуют с точки зрения общепринятой пунктуации, причем отсутствующие тире, двоеточия, кавычки и точки ставятся в самых редких случаях. При воспроизведении многоточий Толстого ставится столько же точек, сколько стоит их у Толстого.

Воспроизводятся все абзацы.

Все письма имеют редакторскую дату, которая печатается курсивом перед текстом письма. Дата письма, писавшегося в течение нескольких дней, обозначается первым и последним днем писания: «*Апреля 14 — 16*». Дата письма, датируемого редактором предположительно днем не ранее такого-то и не позднее такого-то дня, обозначается: *Апреля 14... 16*. Знак вопроса в редакторской дате указывает на то, что она предположительна и выведена редактором на основании разных данных и ряда соображений.

Письма или впервые печатаемые в настоящем издании, или такие, из которых печатались лишь отрывки или переводы, обозначены звездочкой: *.

В примечаниях приняты следующие условные сокращения:

АК — «Архив села Карабихи». Письма Н. А. Некрасова и к Некрасову. Примечания составил Н. Ашукин. М. Изд. К. Ф. Некрасова. MCMXVI.

АТБ — Архив Толстого в Государственной Всесоюзной библиотеке имени Ленина.

Б — Бирюков П. И. «Лев Николаевич Толстой». Биографи , т. I, 1 изд. «Посредник». М. 1906; 2 изд. «Посредник». М. 1911.

Бир — Полное собрание сочинений Л. Н. Толстого, т. I—XX. Под ред. и с примечаниями П. И. Бирюкова, изд. Сытина. М. 1912—1913.

ГТМ — Государственный Толстовский музей в Москве.

ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский дом) в Ленинграде.

ЛБ — Всесоюзная библиотека имени В. И. Ленина.

ПТС — «Письма Л. Н. Толстого», собранные и редактированные П. А. Сергеенко. Изд. «Книга», т. I—1910; т. II — 1911.

ПТСО — «Новый сборник писем Л. Н. Толстого», собр. П. А. Сергеенко. Под ред. А. Е. Грузинского. Изд. «Окто». М. 1912.

ЦЛМ — Центральный музей художественной литературы, критики и публицистики в Москве.

ГЛМ — Государственный литературный музей при Всесоюзной библиотеке имени В. И. Ленина в Москве.

ПИСЬМА

1844—1855

1844

1. Ректору Казанского университета Н. И. Лобачевскому.

1844 г. Мая 29. Казань

Его Превосходительству Господину Ректору Императорскаго Казанскаго Университета Дѣйствительному Статскому Совѣтнику и Кавалеру Николаю Ивановичу Лобачевскому.

Прошеніе.

Желая поступить въ число Студентовъ по Восточному отдѣленію [1] Философскаго Факультета Императорскаго Казанскаго Университета, [2] прошу Ваше Превосходительство допустить меня къ испытанію. Акты мои: Свидѣтельство о рожденіи изъ Тульской духовной Консисторіи подъ № 252, [3] и Свидѣтельство о моемъ Дворянскомъ происхожденіи [4] изъ Тульскаго Дворянскаго Депутатскаго Собранія подъ № 267 при семъ честь имѣю представить.

Графъ Левъ Толстой.

Свидѣтельство о здоровьи [5] въ скоромъ времени [6] доставлю.

Л. Толстой. 1844 Мая 30.

Печатается по автографу, хранящемуся в ГТМ. Впервые опубликовано Н. П. Загоскиным в статье «Гр. Л. Н. Толстой и его студенческие годы»— «Исторический вестник» 1894. № 1, стр. 94—95.

На прошении пометы: «Под.[ано] 29 мая 1844» и «Нет лекарского свидетельства о здоровье, впрочем акты достаточны».

После текста прошения рукой Н. И. Лобачевского написано: «Льва Толстого допустить к испытанию во 2-м комитете, объявя просителю,

чтобы доставил свидетельство о здоровье. 29 мая 1844 г. Ректор Лобачевский».

После кончины 30 августа 1841 г. опекунши Николая, Сергея, Дмитрия, Льва и Марии гр. Толстых, гр. Александры Ильиничны фон-дер-Остен-Сакен, опека перешла к другой их тетке, сестре их отца, Пелагее Ильиничне Юшковой, жене казанского помещика В. И. Юшкова, которая и перевезла детей Толстых в Казань осенью 1841 г. В том же 1841 г. гр. Николай Николаевич Толстой перевелся из Московского университета на третий курс Казанского университета, куда осенью 1843 г. поступили Сергей и Дмитрий Толстые. Лев Толстой 1842—1844 годы употребил на подготовку к вступительным экзаменам по турецко-арабскому разряду Философского факультета. Вступительные экзамены происходили 29 мая — 5 июня 1844 г. Толстой получил следующие отметки: 29 мая — закон божий — 4; 30 мая — история общая и русская — 1; 30 мая — статистика и география — 1; 31 мая — математика — 4; 1 июня — русская словесность — 4; 1 июня — логика — 4; 2 июня — латинский язык —5; 5 июня — арабский язык — 5; 5 июня — турецко-татарский язык — 5; См. Н. П. Загоскин «Граф Л. Н. Толстой и его студенческие годы» — «Исторический вестник» 1894, № 1, стр. 78—124.

Николай Иванович Лобачевский (1793—1856), известный математик, гениальный создатель Неевклидовой системы геометрии, в 1816—1846 гг. — профессор Казанского университета, с 3 мая 1827 г. по 14 августа 1846 г. — ректор Казанского университета; с 18 апреля 1845 г. по август 1847 г. — управляющий Казанским учебным округом. Казанский университет многим обязан Лобачевскому в деле строительства университета, оборудования физических кабинетов, устройства библиотеки и преобразования печатного университетского органа.

[1] *После слов:* Восточному отделению *вписано между строк рукою Лобачевского:* в разряд турецко-арабск.

[2] Казанский университет основан 5 ноября 1804 г.

[3] Свидетельство о рождении из Тульской духовной консистории, см. прим. 3 к прошению № 2.

[4] Свидетельство о дворянском происхождении, см. там же прим. 4.

[5] Свидетельство о здоровье, см. там же в конце примечаний.

[6] *Зачеркнуто:* дост.

При прошении Толстого имеется (в ГТМ) еще бумага такого содержания: «По рассмотрении актов графа Льва Толстого: 1. Метрического свидетельства, выданного из Тульской Духовной Консистории от 23 Генваря 1841 г. за № 252 о времени рождении и крещения его. 2. Копии с протокола Тульского Дворянского Депутатского Собрания от 19 Августа 1841 г. за № 267 экзаменовался по Отделению Восточной словесности, но принятия в Университет не удостоен. Определено: акты здесь поименованные возвратить Г. Инспектору студентов для обращения Графу Льву Толстому, так как он не удостоен к поступлению в Университет... Исполнено 13 Июня».

9.

Под. 29 мая 1844

Его Превосходительству Господину Ректору Императорского Казанского Университета Действительному Статскому Совѣтнику и Кавалеру Николаю Ивановичу Лобачевскому.

Прошеніе

Желая поступить въ число Студентовъ по Восточному отдѣленію Философ[ского] и юрид[ического] Факультета Императорского Казанского Университета, прошу Ваше Превосходительство допустить меня къ испытанію. — Акты мои: Свидѣтельство о рожденіи изъ Тульской духовной Консисторіи подъ № 252. и Свидѣтельство о моемъ Дворянскомъ происхожденіи изъ Тульскаго Дворянскаго Депутатскаго Собранія подъ № 267. присемъ честь имѣю представить.

Графъ Левъ Толстой

Левъ Николаевъ Толстой въ лѣтахъ 60 фунтъ Коллежскій, обѣщаетъ прилежно, Левъ Толстой

Свидѣтельство о здоровьи въ коротк времени

Доставлено г. Толстой 1844 Мая 30

Размер подлинника

2. Ректору Казанского университета Н. И. Лобачевскому.

1844 г. Августа 3. Казань.

Его Превосходительству господину ректору Императорскаго Казанскаго университета, заслуженному профессору, дѣйствительному статскому совѣтнику Николаю Ивановичу Лобачевскому. [1]

Отъ Льва Николаевича графа Толстого

Прошеніе.

Въ маѣ мѣсяцѣ текущаго года я вмѣстѣ съ учениками первой и второй Казанской гимназіи подвергался испытанію, съ цѣлью поступить въ число студентовъ Казанскаго университета разряда арабско-турецкой словесности. Но какъ на этомъ испытаніи не оказалъ надлежащихъ свѣдѣній въ исторіи, статистикѣ, то и прошу покорнѣйше ваше превосходительство дозволить мнѣ нынѣ снова экзаменоваться въ этихъ предметахъ. [2]

При семъ имѣю честь представить слѣдующіе документы:

1) метрическое свидѣтельство изъ Тульской консисторіи, [3]

2) копіи [4] съ постановленія Тульскаго дворянскаго депутатскаго собранія. Августа 3 дня 1844 г. Къ сему прошенію означенный выше проситель графъ Левъ Николаевъ Толстой руку приложилъ.

Печатается по автографу, хранящемуся в архиве Казанского университета. Впервые опубликовано Н. П. Загоскиным в статье: «Граф Л. Н. Толстой и его студенческие *годы*» — «Исторический вестник» 1894, № 1, стр. 48-99.

На прошении рукой Лобачевского помечено: «Допустить к дополнительному испытанию. 4 августа 1844 г. Ректор Лобачевский». После текста прошения помечено: «Определено Толстого принять в университет студентом своекоштного содержания по разряду арабско-турецкой словесности, в 1-й курс, о чем уведомить Отделение Наук и инспектора студентов, подлинное за подписом гг. присутствующих и скрепою секретаря. верно за столоначальника Андроникова исполнено 20 сентября. В 1-ое отделение № 1189 Инспектору № 1138».

[1] О Н. И. Лобачевском см. вступ. прим. 1 к прошению № 1.

[2] Результаты этих экзаменов нам неизвестны. В «Деле Канцелярии Правления № 109 о принятии в Университет Студентом Льва Николаева Толстого», хранящемся в архиве Казанского университета, никаких

экзаменационных отметок, относящихся к августу 1844 г., не значится.

[3] В «Деле» о Толстом Казанского университета имеется 2-я копия этого свидетельства:

«Свидетельство, по указу Его Императорского Величества из Тульской духовной консистории дано сие умершего подполковника графа Николая Ильина Толстого сыну Льву, на предмет помещения его в казенное учебное заведение в том, что день рождения его Льва по метрическим книгам крапивенской округи села Кочаков от священноцерковнослужителей за тысяча восемсот двадцать восьмой год по данным записанным значится того года августа двадцать осьмого дня следующим образом: сельца Ясной поляны у графа Николая Ильина Толстого родился сын Лев, крещен двадцать девятого числа священником Васильем Можайским с диаконом Архипом Ивановым с дьячком Александром Федоровым и пономарем Федором Григорьевым, при крещении восприемниками были: Белевского уезда помещик Семен Иванов Языков и графиня Пелагея Толстова. Генваря 23 дня 1841 г. Подлинное подписали: присутствующий протоиерей Михаил Прудовский, скрепил секретарь Бардовский, справил помощник столоначальник Субботин. С подлинным читал за столоначальника Андроников».

Гр. Николай Ильич Толстой (р. 26 июня 1795 г., ум. 21 июня 1837 г.), отец Льва Николаевича, сын гр. Ильи Андреевича (1757—1820) и Пелагеи Николаевны кж. Горчаковой (1762—1838). *Кочаки* — погост, к приходу которого принадлежит Ясная поляна, находится почти в 3 *км* от нее. Здесь, в церковной ограде, стоит склеп графов Толстых, где похоронены родители Льва Николаевича и гр. Дмитрий Николаевич Толстой; вне склепа похоронены Татьяна Александровна Ергольская, Пелагея Ильинична Юшкова и кн. Марья Львовна Оболенская, рожд. Толстая. *Можайский Василий Давыдович* (р. 1792, ум. 18..), — священник Кочаковской церкви в 1817—1859 гг.; *Архип Иванов* — дьякон Кочаковской церкви с 1804 г.; *Александр Федорович Кочаковский* (р. 1795 ум., 18..) — дьячок Кочаковской церкви с 1818 г.; *Федор Григорьев* (р. 1775, ум. 18..) — пономарь Кочаковской церкви с 1789 г. (сведения из клиросной ведомости за 1839 г., хранящейся в Тульском архивном бюро, извлеченные сотрудником Музея-усадьбы Ясная поляна С. А. Малых). *Семен Иванович Языков* (р. 1787 г., ум. 24 мая 1865 г), помещик Белевского уезда Тульской губ., владелец деревни Бутырок, товарищ по охоте гр. Николая Ильича Толстого, крестный отец Л. Н. Толстого. Выведен Толстым под именем Семена Ивановича Езыкова в одном из набросков романа «Декабристы». О нем пишет Толстой в III, VI и VII главах «Воспоминаний детства». *Гр. Пелагея Николаевна Толстая*, бабка Толстого по отцу; выведена Толстым в «Детстве» в лице «бабушки». Сведений о *Михаиле Прудовском*, *Бардовском*, *Субботине* и *Андроникове* не имеем.

1841 г. января 30 дня в журнале Тульского дворянского депутатского собрания записано: «Прошение опекунши малолетних детей умершего подполковника и кавалера графа Николая Ильича Толстого, сыновей: Николая, Сергея, Дмитрия, Льва и Марии, графини Александры Ильиной дочери фон-дер-Остен-Сакен, при коем, представляя о рождении и крещении

оных детей метрические свидетельства Тульской духовной консистории, просит из числа тех детей Сергею, Дмитрию и Льву выдать с протокола, по коему они в 1832 г. внесены при отце их в родословную книгу, копию — каждому порознь, а дочери Марии свидетельство, на случай определения их в какие-либо казенные учебные заведения и потом сыновей в службу, и притом метрическое свидетельство возвратить обратно. А по справке в сем собрании оказалось: подполковник и кавалер граф Николай Ильич Толстой по представленным от него доказательствам и по состоявшемуся на оное 1832 г. марта 15 дня определению с показанными детьми его как об них в списке от Крапивенского уездного предводителя дворянства было тогда показание: Николаем 8, Сергеем 6, Дмитрием 4, Львом 3-х лет и Мариею $1^1/_2$ года внесенным состоит в дворянскую родословную Тульской губернии книгу в 5-ю ее часть; в представленных же ныне свидетельствах, выданных сего января 23 дня из Тульской духовной консистории за №№ 250, 251, 252 и 253, означено, что в метрических книгах Крапивенской округи села Качакова у подполковника графа Николая Толстого родившиеся дети записанными состоят: Сергей 1826 февраля 17, Дмитрий 1827 апреля 23, Лев 1828 августа 28 и дочь Мария 1830 годов марта 7-го числа. Приказали: списав с определения № 1832 года марта 15 и с сего журнала копии означенных малолетним графа Николая Ильича Толстого детям Сергею, Дмитрию, Льву, каждому порознь и дочери Марьи свидетельства выдать, причем и метрические свидетельства, оставя с них под дело копии, подлинные возвратить с распискою...

Дана сия копия из Тульского дворянского депутатского собрания умершего подполковника и кавалера графа Николая Ильича Толстого сыну недорослю Льву Толстому вследствие состоявшейся на поданное от опекунши графини Александры фон-дер-Остен-Сакен прошение резолюции апреля 19 дня 1841. Подлинное подписали правящий должность губернского тульского уездного предводителя дворянства Хрущев, скрепили секретарь и кавалер В. Либин; справил столоначальник Иван Елисеев. С подлинным читал за столоначальника Андроников».

Гр. Александра Ильинична Остен-Сакен (р. 1797 г., ум. 30 августа 1841 г.[1] — старшая дочь гр. Ильи Андреевича Толстого, родная тетка Льва Николаевича; по смерти гр. Н. И. Толстого была опекуншей детей Толстых. Толстой в своих «Воспоминаниях детства» называет ее «важным для моего детства лицом». «Тетушка Александра Ильинична очень рано в Петербурге была выдана за остзейского богатого графа Остен-Сакен. Партия казалась очень блестящая, но кончившаяся в смысле супружества очень печально для тетушки, хотя может быть последствия этого брака были благотворны для ее души... Она заботилась о нас, когда была нашей опекуншей, но всё, что она делала, не поглощало ее душу, всё было подчинено служению богу, как она понимала это служение» («Воспоминания детства», гл. V). *Иван Николаевич Хрущов* — в 1838—1843 гг. Тульский уездный предводитель дворянства. *Василий Иванович Либин* (род. 1805 г.), титулярный советник, в 1835—1858 гг. секретарь Тульского дворянства.

[1]. В «Деле» о Толстом, хранящемся в архиве Казанского университета, имеется эта копия с постановления Тульского дворянского депутат-

ского собрания: «1832-го года марта 15-го дня в журнале Тульского дворянского депутатского собрания записано: прошение Крапивенской округи помещика, подполковника и кавалера Графа Николая Ильича сына Толстого, при коем представил на основании Высочайшей грамоты, пожалованной благородному Российскому Дворянству, доказательство на дворянское достоинство свое равно как по службе и увольнению от оной выданный ему 1825 г. Генваря 29 пашпорт, просит внести его с малолетними четырьмя сыновьями и одной дочерью в следующую часть дворянской родословной Тульской губернии книги и выдать ему на то грамоту, за которую и денег в *дворянскую* сумму 25 р. взнес».

Будучи окончательно принят в университет, Толстой в ноябре 1844 г. представил медицинское свидетельство. В деле о Толстом Казанского университета имеется подлинник свидетельства о здоровье:

« Дано сие студенту Казанского университета Льву Толстому в том, что он действительно корь и оспу имел натуральную, болезней заразительных и прилипчивых не имел и не имеет; в чем свидетельствую, 1844 г. ноября 10 дня. Адъюнкт Иван Дмитриевский».

Иван Степанович Дмитриевский учился в Казанском университете в 1819—1824 гг. и окончил университет лекарем; с 1828 г. — ординатор, в 1827—1852 гг. — секретарь врачебного отделения университета; в 1387—1854 гг. — адъюнкт-профессор.

Это свидетельство о здоровьи инспектор студентов 13 ноября препроводил в правление университета.

1845

***3. Проректору Казанского университета К. К. Фойгту.**

1845 г. Августа 25. Казань.

Его Высокородію Господину Проректору Казанскаго Императорскаго Университета и Орденовъ Кавалеру, Карлу Карловичу Фойгту.

Студента перваго курса разряда Восточной Словесности Графа Льва Толстаго

Прошеніе.

По желанію моему и совѣту родственниковъ, имѣю намѣреніе перемѣнить Факультетъ Восточной Словесности на Юридическій; почему покорнѣйше прошу ваше Высокородіе допустить меня къ слушанію лекцій Юридическаго Факультета.

Къ сему прошенію руку приложилъ Студентъ Казанскаго Императорскаго Университета перваго курса разряда Восточной Словесности Графъ Левъ Николаевъ сынъ Толстой.

Печатается по автографу, хранящемуся в ГТМ. Публикуется впервые. Датируется на основании имеющейся на автографе пометки чернилами неизвестной рукой: «Пл. [т. е. Получено] 25 Авг. 1845». На прошении имеется отметка карандашем неизвестной рукой: «оставлен за малоуспешность».

На основании неудовлетворительных полугодичных испытаний в январе 1845 г. Толстой не был допущен на 2 курс Факультета восточной словесности и тем самым был оставлен на второй год на этом курсе. Это и побудило его, повидимому, к перемене факультета. В ответ на прошение Толстого проректору Казанского университета о переводе его с факультета восточной словесности на юридический факультет, проректор в представлении за № 357 от 10 сентября 1845 г. запросил об этом управляющего Казанским учебным округом. Управляющий Казанским учебным округом, он же ректор университета, Н. И. Лобачевский, выразил 13 сентября свое согласие на переход Толстого на Юридический факультет. Проректор Фойгт обратился 10 октября 1845 г. к правлению Казанского университета с предложением за № 416, где доводил до сведения

правления о мнении Лобачевского и просил допустить студента Толстого к слушанию лекций на Юридическом факультете, что и было исполнено. Вся эта служебная переписка хранится в ГТМ.

Карл Карлович Фойгт (1808—1873), профессор русской словесности и истории всеобщей литературы в Казанском университете, сын профессора Казанского университета, К. Т. Фойгта (1760—1811). Среднее образование получил в Казанской гимназии, в 1823—1826 гг. — студент Казанского университета, который кончил кандидатом словесного отделения. В 1826—1833 гг. преподавал в университете языки, в 1834 г.— адъюнкт, в 1837—1850 гг. библиотекарь. С 1839 г. экстраординарный профессор по кафедре русской словесности и истории литературы, с 1842 г. ординарный профессор. В 1845 г. К. К. Фойгт за возложением на ректора университета Н. И. Лобачевского управления округом, в течение семи месяцев нес по избранию обязанности проректора. В 1849—1852 гг. состоял деканом словесного факультета. В 1852 г. перемещен на должность ректора Харьковского университета, впоследствии попечитель Харьковского учебного округа, с 1868 г.— председатель ученого комитета Министерства народного просвещения. К. К. Фойгт имел ряд печатных трудов по русской словесности и истории литературы.

*4. Т. А. Ергольской.

1845 г. Августа 25 ... 28 Казань.

Quoique j'aye un peu tardé à vous écrire mais néanmoins je vous écris; j'aurais pu vous faire une quantité de mensonges à ce sujet en guise d'excuses; mais je ne ferai pas cela; mais je vous dirai tout bonnement que je suis un mauvais sujet qui ne mérite pas l'amour que vous lui portez. Parceque quoiqu'il le sente bien et qu'il vous aime aussi de tout son coeur; mais il a tant de défauts, il est si paresseux, — qu'il ne sait vous le témoigner. Mais pardonnez le en faveur de l'amour qu'il a pour vous.—Nous voilà depuis trois jours à Casan, [1] je ne sais si cela vous plaira ou non. J'ai changé de faculté, je suis devenu étudiant des droits. [2] Pour moi je trouve que l'application de cette science e[s]t plus facile et plus naturelle que toute autre à notre vie privée; et par conséquent je suis très content de ce changement. Je m'en vai[s] vous mettre au fait à présent de me[s] plans et quel genre de vie je veux mener. Je n'irai pas en société du tout. Je m'occuperai également de musique, de dessin, de langues et de mes leçons de l'université. — Dieu donne que j'aye assez de fermeté pour persister dans mes desseins. — J'ai une prière à vous faire, ma chère petite tante, que je n'aurais pas fait à une autre; mais je vous connais bonne et indulgente. Je me suis pro-

mis de vous écrire deux fois par semaine, vous m'écrirai[ez] aussi sans doute le même nombre de lettres; si je manque à ma promesse ne me punissez pas, écrivez moi toujours, *пожалуйста*.—Puisque je calcule nous n'aurons que deux petites conversations par semaines et pas de conversations suivies; comme nous en avions à Ясно[e] [3] quand mon domestique [4] soupait, et si vous me privez de chaque lettre que je n'aurai pa[s] méritée — mais non vous ne ferai pas cela, vou[s] m'écrirai toujours. — De mon côté je vous informe de tout ce qui me concerne, ce sera à votre tour. L'état de la chère *Пашинька* [5] m'intéresse beaucoup. J'ai eu une compensation pour le chagrin que j'ai eu de vous quitter, c'était la satisfaction que j'ai eue à revoir Nicolas. [6] — Le pauvr[e] garçon comme il est mal au camp, surtout sans un sou d'argent on doit se trouver extrêmement gêné. Et les camarades. Ah Dieu, des manans comme s'il en fut jamais. — Il faut voir un peu cette vie du camp pour être dégouté du service militaire. Si vous êtes à Ясное, chère tante, envoyez moi je vous prie tout[e]s les vieilles notes qu'il y a là avec les chevaux et l'obose. Je baise mille fois les mains à ma tante Lise [7] et embrasse Pauline. [8] Adieu маленькая тетинька.

Léon Tolstoï.

Хотя и с опозданием, а всё-таки я вам пишу; себе в оправдание я мог бы много наврать, но я этого не сделаю, а просто сознаюсь, что я негодяй, не заслуживающий вашей любви. И хотя он сознает это и также всем сердцем вас любит, но у него столько недостатков, притом он такой лентяй, что не умеет доказать вам своей любви. А за нее простите его. Вот уже три дня, что мы в Казани. [1] Не знаю, одобрите ли вы это, но я переменил факультет и перешел на юридический. [2] Нахожу, что применение этой науки легче и более подходяще к нашей частной жизни, нежели другие; поэтому я и доволен переменой. Сообщу теперь свои планы и какую я намереваюсь вести жизнь. Выезжать в свет не буду совсем. Буду поровну заниматься музыкой, рисованьем, языками и лекциями в университете. Дай бог, чтобы у меня хватило твердости привести эти намерения в исполнение. У меня к вам просьба, милая моя тетенька, с которой я ни к кому не обратился бы. Но я знаю, как вы добры и снисходительны. Я обещал себе писать вам два раза в неделю; конечно, и вы будете столько же мне писать. Но ежели мне случится не выполнить своего обещания, не наказывайте меня, продолжайте писать, * *пожалуйста* *. Я рассчитываю, что таким образом у нас будет только две коротеньких беседы в неделю — это не то, что наши продолжительные разговоры в Ясном, [3] когда мой камердинер [4] уходил ужинать! А ежели вы будете лишать меня своего письма каждый раз, как я это буду заслуживать... Нет, вы этого не сделаете, вы всё-таки будете мне писать. Вы видите, что о себе я всё вам сообщаю,

теперь очередь за вами. Состояние милой * *Пашиньки* *[5] меня очень интересует. За горе, вызванное расставаньем с вами, я был вознагражден встречей с Николенькой. [6] Бедный малый, ему плохо в лагере и особенно должно быть тяжело без копейки денег. А товарищи его... Бог мой! что за грубые люди. — Как посмотришь на эту лагерную жизнь, получишь отвращение к военной службе. Ежели вы в Ясном, милая тетенька, соберите, пожалуйста, все старые записки и пришлите их с лошадьми и обозом. Тысячу раз целую ручки тете Лизе [7] и целую Полину. [8] Прощайте, * маленькая тетенька *.

Лев Толстой.

Печатается по автографу, хранящемуся в АТБ. Публикуется впервые. Письмо датируется на основании содержания: три дня, как приехал в Казань и переменил факультет. Прошение о перемене факультета подано Толстым 25 августа 1845 г.

Татьяна Александровна Ергольская (р. в 1792 г., [1] ум. 20 июня 1874 г.), по словам Толстого, «третье, после отца и матери и самое важное лицо в смысле влияния на жизнь его» («Воспоминания детства», гл. VI), была дочь майора Александра Семеновича Ергольского (р. в 1758 г.), сына Екатерины Ивановны Ергольской (р. в 1728 г.), рожд. кж. Горчаковой, сестры кн. Николая Ивановича Горчакова (1725—1811), прадеда (по отцу) Толстого. Таким образом Татьяна Александровна приходилась Толстому троюродной теткой.

У А. С. Ергольского (кто была его жена, неизвестно) было шесть сыновей и две дочери. После смерти отца и матери сирот разобрали родные. Танечка была взята на воспитание своей двоюродной теткой, бабкой Толстого, гр. Пелагеей Николаевной Толстой, рожд. кж. Горчаковой. В «Воспоминаниях детства» (гл. VI) Толстой говорит, что Татьяна Александровна «воспитывалась совершенно наравне с моими тетками и была всеми нежно любима, как и нельзя было не любить ее за ее твердый, решительный, энергичный и вместе с тем самоотверженный характер». Об этом свидетельствуют письма к ней 1820-ых годов бабки, матери, отца и теток Толстого, опубликованные С. Л. Толстым в его книге: «Мать и дед Л. Н. Толстого» (изд. «Федерация». М. 1928). «Должно быть», пишет Толстой, «она была очень привлекательная с своей жесткой, черной, курчавой, огромной косой и агатово-черными глазами и оживленным энергическим выражением. В. И. Юшков, муж тетки Пелагеи Ильиничны, большой волокита, часто уже стариком с тем чувством, с которым говорят влюбленные про прежний предмет любви, — вспоминал про нее: «Toinette, oh, elle était charmante!» [Танечка, о, она была восхитительна!]...

Должно быть она любила отца, и отец любил ее, но она не пошла за него в молодости, для того чтобы он мог жениться на богатой моей матери. Впоследствии же она не пошла за него потому, что не хотела портить своих чистых поэтических отношений с ним и с нами. В ее бумагах, в бисерном портфельчике, лежит следующая, написанная в 1836 г., 6 лет после смерти моей матери, записка:

---

[1] По «Родословцу» дворянского сословия Тульской губ. В. И. Чернопятова, ч. VI, стр. 183, Татьяна Александровна родилась в 1792 г. Толстой же в «Воспоминаниях детства» пишет, что она родилась в 1795 г.

«16 août 1836. Nicolas m'a fait aujourd'hui une étrange proposition — celle de l'épouser, de servir de mère à ses enfants et de ne jamais les quitter. J'ai refusé la première proposition, j'ai promis de remplir l'autre tant que je vivrai». [6 августа 1836. Николай сделал мне сегодня странное предложение — выйти за него замуж, заменить мать его детям и никогда их более не оставлять. В первом предложении я отказала, второе я обещалась исполнять, пока я буду жива.] Так она записала; но никогда ни нам, никому не говорила об этом.

После смерти отца она исполнила второе его желание. У нас были две родные тетки и бабушка. Все они имели на нас больше прав, чем Татьяна Александровна, которую мы называли тетушкой только по привычке, так как родство наше было так далеко, что я никогда не мог запомнить его, но она по праву любви к нам, как Будда с раненым лебедем, заняла в нашем воспитании первое место. И мы чувствовали это... Она была воспитана барышней богатого дома — говорила и писала по-французски лучше, чем по-русски, прекрасно играла на фортепьяно, но лет 30 не дотрагивалась до него... Она стала играть только уже тогда, когда я взрослым учился играть, и иногда, играя в четыре руки, удивляла меня правильностью и изяществом своей игры. К прислуге она была добра, никогда сердито не говорила с нею, не могла переносить мысли о побоях и розгах, но считала, что крепостные — крепостные, и обращалась с ними, как барыня. Но несмотря на то, ее отличали от других, любили все люди. Когда она скончалась и ее несли по деревне, из всех домов выходили крестьяне и заказывали панихиду. Главная черта ее была любовь, но как бы я не хотел, чтобы это так было, — любовь к одному человеку — к моему отцу. Только уже исходя из этого центра, любовь ее разливалась на всех людей. Чувствовалось, что она и нас любила за него, через него и всех любила, потому что вся жизнь ее была любовь. Она имела по своей любви к нам наибольшее право на нас, но родные тетушки, особенно Пелагея Ильинична, когда она нас увезла в Казань, имели внешние права, и она покорилась им, но любовь от этого не ослабевала. Она жила у сестры гр. Е. А. Толстой, но жила душою с нами, и как только можно было, возвращалась к нам. То, что она последние годы своей жизни, около 20 лет, прожила со мной в Ясной поляне, — было для меня большим счастьем... Я сказал, что тетенька Татьяна Александровна имела самое большое влияние на мою жизнь. Влияние это было, во-первых, в том, что еще в детстве она научила меня духовному наслаждению любви. Она не словами учила меня этому, а всем своим существом заражала меня любовью. Я видел, чувствовал, как хорошо ей было любить, и понял счастье любви. Это — первое; второе — то, что она научила меня прелести неторопливой, одинокой жизни... Умирала она, почти никого не узнавая. Меня она узнавала всегда, улыбаясь, просиявала, как электрическая лампочка, когда нажмешь кнопку, и иногда шевелила губами и старалась произнесть Nicolas, перед смертью уже совсем нераздельно соединив меня с тем, кого она любила всю жизнь».

Из переписки Татьяны Александровны с Толстым сохранилось сто писем Льва Николаевича за 1845—1866 гг. и сорок два письма Ергольской за 1851—1865 гг.

[1] Толстой прожил в Казани с осени (сентябрь—октябрь) 1841 г. по

23 апреля 1847 г. За это время он со всей семьей не менее трех раз уезжал в Ясную поляну: на лето 1844 г., на лето 1845 г. и на лето 1846 г.

[2] О переходе Толстого с Факультета восточной словесности на Юридический см. прошение № 3.

[3] Ясная поляна.

[4] Алексей Степанович Орехов (ум. в апреле 1882 г.), из яснополянских крепостных Толстых — камердинер Толстого, бывший с ним и в Севастополе. Впоследствии был управляющим в Ясной поляне. Женат был на дочери дядьки братьев Толстых, Николая Дмитриевича, изображенного в «Детстве» — Евдокии Николаевне Банниковой (ум. 15 ноября 1879 г.). Об А. С. Орехове см. в кн. И. Л. Толстого: «Мои воспоминания», М. 1914, стр. 18, 22-23.

[5] Пашенька — приемная дочь тетки Толстого гр. А. И. Остен-Сакен (1797—1841), бывшей замужем за душевно-больным гр. Карлом Ивановичем Остен-Сакеном, покушавшимся на жизнь гр. Александры Ильиничны. В «Воспоминаниях детства» Толстой писал, что после покушения на Александру Ильиничну ее мужа, «она родила уже мертвого ребенка. Боясь последствий от огорчений от смерти ребенка, ей сказали, что ребенок ее жив, и взяли родившуюся в то же время у знакомой прислуги, жены придворного повара, девочку. Эта девочка — Пашенька, которая жила у нас и была уже взрослой девушкой, когда я стал помнить себя. Не знаю, когда была открыта Пашеньке история ее рождения, но когда я знал ее, она уже знала, что она не была дочь тетушки». («Воспоминания детства», гл. V.) О Пашеньке упоминается в семейных письмах гр. Толстых 1820-ых гг., опубликованных С. Л. Толстым в кн.: «Мать и дед Л. Н. Толстого. Очерки жизни, записи и письма по неизданным материалам». Изд. «Федерация». М. 1928, стр. 124, 127, 130, 140, 144, 168.

[6] Старший брат Толстого — гр. Николай Николаевич Толстой (1823—1860). О нем см. письмо к нему № 50. По окончании весной 1844 г. Математического факультета Казанского университета Николай Николаевич в декабре этого года поступил на службу в № 7 батарею 14-й артиллерийской бригады.

[7] Гр. Елизавета Александровна Толстая, рожд. Ергольская (р. 1790 г., ум. 14 сентября 1851 г.), дочь А. С. Ергольского, сестра Т. А. Ергольской, троюродная тетка Льва Николаевича. Оставшись круглой сиротой в детстве, воспитывалась у чернской помещицы Татьяны Семеновны Скуратовой. Елизавета Александровна вышла замуж за мичмана в отставке гр. Петра Ивановича Толстого (1785—1834), двоюродного дядю Толстого. Ее сын гр. Валериан Петрович был женат (с 1847 г.) на сестре Толстого, гр. М. Н. Толстой, а дочь гр. Александра Петровна была замужем за бар. Ив. Ант. Дельвигом, братом поэта. По предположению Софьи Андреевны Толстой, Елизавета Александровна изображена Толстым в лице барыни в рассказе «Поликушка».

[8] Пелагея Ильинична Юшкова, рожд. гр. Толстая (р. 1801 г., ум. 22 декабря 1875 г.), сестра отца Льва Николаевича, дочь гр. Ильи Андреевича Толстого и кж. Пелагеи Николаевны Горчаковой. Замужем (с 1817 г.) за В. И. Юшковым (1789—1869). О нем см. прим. 4 к п. № 46. О П. И. Юшковой см. в 60 томе.

1847

5. Ректору Казанского университета И. М. Симонову.

1847 г. Апреля 12. Казань.

Его Превосходительству господину ректору Императорскаго Казанскаго Университета дѣйствительному статскому совѣтнику и кавалеру Ивану Михайловичу Симонову.

Своекоштнаго Студента 2-го курса Юридическаго факультета Графа Льва Николаевича Толстого

прошеніе.

По разстроенному здоровью и домашнимъ обстоятельствамъ, не желая болѣе продолжать курса наукъ въ Университетѣ, покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство, сдѣлать зависящее отъ Васъ распоряженіе о исключеніи меня изъ числа Студентовъ и о выдачѣ мнѣ всѣхъ моихъ документовъ.

Къ сему прошенію руку приложилъ Студентъ Графъ Левъ Толстой.

Апрѣля 12-го дня 1847 года.

Печатается по автографу, хранящемуся в архиве Казанского университета. Впервые опубликовано Н. П. Загоскиным в статье «Студенческие годы Л. Н. Толстого» — «Исторический вестник», 1894, № 1, стр. 121; факсимиле (неполно) в ПТСО, перед 1 стр. Над текстом Толстого помета рукой неизвестного: «Пол. 12 апреля 1847 г.» и другая: «В правление».

По прошению Толстого состоялось следующее определение правления: «Толстого из списков студентов исключить и составить о бытности в университете свидетельство». В архиве Казанского университета хранится копия свидетельства, выданного Толстому (впервые опубликовано Н. П. Загоскиным в статье «Студенческие годы Л. Н. Толстого» в «Историческом вестнике», 1894, № 1, стр. 121—122):

«Объявитель сего, граф Лев Николаевич сын Толстой, получив первоначально домашнее образование и выдержав в предметах полного гимназического курса подлежащий экзамен, принят в студенты Казанского университета по разряду арабско-турецкой словесности, в первый курс, но с какими успехами в оном курсе обучался—неизвестно, потому что на годичные испытания не явился, почему и оставлен был в том же курсе, и на основании разрешения г. управляющего казанским учебным округом от 13 сентября 1845 г. за № 3919, из разряда арабско-турецкой словесности перемещен в первый курс Юридического факультета, в коем обучался с успехами: по логике и психологии — отличными, энциклопедии права, истории римского права и латинскому языку—хорошими, всеобщей и русской истории, теории красноречия и немецкому языку—достаточными; переведен был во второй курс, но с какими успехами обучался в оном курсе, неизвестно, потому что годичных испытаний не было. Поведения он, Толстой, во время бытности в университете был отлично-хорошего. Ныне же, согласно прошению, поданному 12 текущего апреля, по расстроенному здоровью и домашним обстоятельствам, из университета уволен, почему он, г. Толстой, как не окончивший полного университетского курса наук, не может пользоваться правами присвоенными действительным студентам, а на основании 590 ст. III тома Свода Законов (изд. 1842 г.), при поступлении в гражданскую службу, сравнивается в преимуществах по чинопроизводству с лицами, получившими образование в средних учебных заведениях, и принадлежит ко второму разряду гражданских чиновников. В удостоверение чего и дано ему, графу Льву Толстому, сие свидетельство из правления императорского Казанского университета за подлежащим подписанием и приложением казенной печати, на основании высочайше дарованной Казанскому университету грамоты, на простой бумаге».

Сам Толстой так говорил об оставлении им университета: «Меня мало интересовало, что читали наши учителя в Казани. Сначала я с год занимался восточными языками, но очень мало успел. Я горячо отдавался всему, читал бесконечное количество книг, но всё в одном и том же направлении. Когда меня заинтересовывал какой-нибудь вопрос, то я не уклонялся от него ни вправо, ни влево и старался познакомиться со всем, что могло бросить свет именно на этот один вопрос. Так было со мной и в Казани. Причин выхода моего из университета было две: 1) что брат кончил курс и уезжал; 2) как это ни странно сказать, работа с «Наказом» и «Esprit des lois» [«Дух законов»] (она теперь есть у меня) открыла мне новую область умственного самостоятельного труда, а университет с своими требованиями не только не содействовал такой работе, но мешал ей». (Б, I, 1911, стр. 137—138).

Толстой пробыл в Казанском университете два года и семь месяцев.

Наказ — сочинение Екатерины, долженствовавшее служить руководством для созванной в Москве в 1767 г. «Комиссии о сочинении проекта нового уложения». О работе Толстого над «Наказом» см. в 46 томе. *«Дух законов»* — сочинение французского писателя Монтескье (1689—1755).

Иван Михайлович Симонов (1794—1855) астроном, учился в Казанском университете, с 1812 г. магистр, с 1814— адъюнкт-профессор по кафедре астрономии; в 1816 г.— экстраординарный профессор, с 1822 г.—

ординарный профессор; с 1841 г.— заслуженный ординарный профессор. В 1847 г. ректор Казанского университета. Известный в свое время астроном, Симонов, по предложению Академии наук, совершил с научной целью двухлетнее плавание (1819—1821) в южном полушарии. Неоднократно посылаем был за границу, состоял членом 16-ти научных обществ и ряд своих работ по астрономии напечатал в русских и иностранных журналах.

1848

* 6. Т. А. Ергольской и гр. Е. А. Толстой.

1848 г. Октября 19. Москва.

Mes chères tantes! [1]

Je me porte comme toujours ni bien ni mal; cependant j'ai commencé à me traiter aujourd'hui, même Over [2] et Deutsh [3] viendront pour une consultation. — Je loge chez les Perfilieff. [4] *Въ Николо Песковскомъ переулкѣ у Собачей площадки въ домѣ Ивановой.* [5] — Dans la même cour il y a une aile que je loue pour 50 roubles assignat par mois avec meubles, cuisine et apartement pour le[s] gens, dont je n'ai pas besoin; j'y déménagerai dans deux ou trois semaines. —

J'ai éte à la banque où on m'a donné de fort mauvaises nouvelles. — Au lieu de 200 roub. d'arriérés comme nous l'avions pensé on m'a dit qu'il y en avait encore pour 1195 argent. Peut être que les derniers envois ne sont pas compris dans ce compte. Dans tous les cas dites à André, [6] чтобы онъ показалъ бы купцамъ моимъ и постороннимъ Савинъ березникъ и узнавши отъ нихъ настоящую цѣну написалъ бы мнѣ о томъ съ первою почтою и постарался бы отъ Капылова [7] взять слѣдующія въ 49 году деньги теперь, вычтя проценты. Сережа [8] можетъ въ полученіи этихъ денегъ по довѣренности расписаться, — и внести слѣдующую недоплату въ Уѣздный судъ, куда, какъ мнѣ обѣщался К[нязь] С[ергѣй] Д[митріевичъ], [9] будетъ послано разрѣшеніе, — ежели же разрѣшенія не будетъ еще прислано, то въ Москву.

J'ai été chez le P. A. [10] il m'a donné la lettre de Sheremet, [11] avec la copie que je vous envois la décision de la banque n'est pas bonne. — Adieu, je vous baise les mains, de même qu'à ma tante Lise, embrasse Marie et Valérien. [12] —

Dites à André qu'il vende pour 200 argent de farine ou de blé et m'envoie l'argent au plus vite. —

Les comissions que vous avez données à Pauline [13] sont toutes prêtes.

Изъ числа вещей, которыя надо привезти, я забылъ шляпу.

На 4 странице:

Ея высокоблагородію Татьянѣ Александровнѣ Ергольской. Въ городъ Тулу. В Ясныя Поляны.

Дорогие мои тетеньки! [1]

Здоровье мое по обыкновению ни хорошо, ни плохо; тем не менее я начал лечиться, и сегодня Овер [2] и Дейч [3] будут у меня на консилиуме. — Живу я у Перфильевых [4] * *Въ Николо Песковскомъ переулкѣ у Собачей площадки въ домѣ Ивановой.* [5] * — В том же дворе я снял флигель за 50 рублей ассигнациями в месяц с мебелью, кухней и помещением для людей, в которых я не нуждаюсь; переберусь я туда через две или три недели.

Был в банке, где мне сообщили плохие известия.—Вместо просроченных 200 рублей, как мы думали, оказывается еще 1195 р. серебром. Может быть, последние платежи не внесены в этот счет. Во всяком случае, скажите Андрею, [6] * чтобы онъ показалъ бы купцамъ моимъ и постороннимъ Савинъ березникъ и узнавши отъ нихъ настоящую цѣну написалъ бы мнѣ о томъ съ первою почтою и постарался бы отъ Капылова [7] взять слѣдующія въ 49 году деньги теперь, вычтя проценты. Сережа [8] можетъ въ полученіи этих денегъ по довѣренности расписаться, — и внести следующую недоплату въ Уѣздный судъ, куда, какъ мнѣ обѣщался К[нязь] С[ергѣй] Д[митріевичъ], будетъ послано разрѣшеніе, — ежели же разрѣшенія не будетъ еще прислано, то въ Москву. *

Я был у кн. А.[10] он дал мне письмо Шеремет, [11] с копией, которое я вам пересылаю. Решение банка неблагоприятно. — Прощайте. Целую ваши руки, так же как и у тети Лизы, целую Машеньку и Валерьяна. [12]

Скажите Андрею, чтобы он продал на 200 р. с. муки или ржи и немедленно выслал мне деньги.

Поручения, которые вы дали Пашеньке, [13] все исполнены.

*Изъ числа вещей, которыя надо привезти, я забылъ шляпу. *

Печатается по автографу, хранящемуся в АТБ. Публикуется впервые. Письмо датируется на основании почтового штемпеля: «Москва [184]8 Октября 19».

[1] Гр. Елизавета Александровна Толстая, рожд. Ергольская и Татьяна Александровна Ергольская. О них см. вступ. и 7 прим. к п. № 4.

[2] Александр Иванович Овер (1804—1864), известный хирург. Сын французского эмигранта. Овер родился в России, в 1823 г. окончил Московскую Медико-хирургическую академию со степенью доктора медицины. В 1823 г. был отправлен для продолжения образования за границу, где пробыл до

1829 г. С 1830 г. работал в Москве в Басманной, Екатерининской и Московской городских больницах. В 1833 г. доктор медицины и хирургии, с 1842 г. профессор Московского университета и директор терапевтического отделения факультетской клиники Московского университета. В 1849 г. получил звание гоф-медика. Имел огромную практику и пользовался большой популярностью как «медицинское светило» своего времени.

[3] Карл Федорович Фон-Дейч, доктор медицины. В 1848 г. врач Сиротского дома в Москве, в 1851—1865 гг. врач дворцовой конторы в Москве; гоф-акушер с 1856 г. до начала 1870-ых гг.

[4] Василий Степанович и его жена Прасковья Федоровна Перфильевы. Василий Степанович Перфильев (р. 19 января 1826 г., ум. 21 июня 1890 г.), сын жандармского генерала Степана Васильевича Перфильева (1796—1878) от первого брака, был в приятельских отношениях с Толстым до конца своей жизни. По окончании курса в Александровском лицее, Василий Степанович в 1846 г. поступил на службу в Московскую Провиантскую Комиссию, откуда вышел в отставку в 1850 г. В 1857—1861 гг. Перфильев был предводителем дворянства Кирсановского уезда Тамбовской губ.; в 1861—1870 гг. член Тамбовского губернского по крестьянским делам присутствия, в 1870—1874 гг. московский вице-губернатор, в 1878—1887 гг.— московский губернатор; с 1887 г. почетный опекун, с 1888 г. управляющий Московским вдовьим домом. По свидетельству Т. А. Кузминской (см. «Моя жизнь дома и в Ясной поляне», ч. III, изд. 2, М., 1927, стр. 21-22) некоторыми чертами В. С. Перфильев послужил прототипом для Стивы Облонского в «Анне Карениной». Василий Степанович был женат на троюродной сестре Толстого, дочери гр. Федора Ивановича Толстого-американца — гр. Прасковье Федоровне Толстой (р. в 1831 г., ум. 25 марта 1887 г.). В. С. и П. Ф. Перфильевы были посаженными отцом и матерью на свадьбе Толстого. Известен дагеротипный портрет начала 1850-ых гг. братьев гр. Толстых (кроме Льва) и В. С. и П. Ф. Перфильевых. Место нахождения дагеротипа неизвестно; впервые воспроизведен в кн. Молотова и Сергеенки «Л. Толстой. Биографический очерк». СПБ. 1911 г. В архиве Толстого сохранилось десять писем В. С. Перфильева к Толстому.

[5] Дом, принадлежавший в 1848 г. поручице Дарье Ивановне Ивановой, находился в Малом Николо-Песковском переулке. Теперь это владение №№ 12 и 14; дома более не существует.

[6] Андрей Ильич Соболев, управляющий в Ясной поляне. О нем см. прим. к п. № 16.

[7] Копылов — тульский купец, часто упоминающийся в письмах Толстого 1848—1855-ых годов. Он упоминается еще в письмах А. Е. Берс к Толстому 1862—1867 гг.

[8] Гр. Сергей Николаевич Толстой (1826—1904), брат Льва Николаевича. О нем см. вступ. прим. к п. № 12.

[9] Под инициалами «К. С. Д.» нужно разуметь вероятно кн. Сергея Дмитриевича Горчакова, так по крайней мере сокращенно обозначает его Толстой в дневнике. О нем см. прим. 1 к п. № 7.

[10] Кн. А. — вероятно кн. Андрей Иванович Горчаков. О нем см. прим. 1 к п. № 33.

[11] Шеремет, — конечно Шереметев, но кто именно, сказать не можем.

[12] Гр. Марья Николаевна Толстая (1830—1912), сестра Толстого, с 1847 г замужем за гр. Валерьяном Петровичем Толстым (1813—1865). О ней см. вступ. прим. к п. № 42.

[13] Прасковья Федоровна Перфильева.

* 7. Т. А. Ергольской и гр. Е. А. Толстой.

1848 г. Октября 19...26. Москва.

La nouvelle qu'on m'a donnée à la Banque est vrai[e] je ne puis concevoir quelle est la cause de cette méprise. Dites, je vous prie, mes chères tantes, à André qu'il m'envoie les quittances des payements faits l'année 1848. — Dites aussi à Valérien qu'il tâche de se procurer de l'argent pour payer au moins quelque partie de la somme de 1195 roub. arg. d'arriérés qu'il nous reste à payer à tout deux. — Je me porte assez bien et me traite de même. Je n'ai pas encore commencé mes occupations par ce que j'ai trop peu de temps à moi; tantôt ce sont les affaires, tantôt ce sont les personnes qui viennent qui me dérangent.

Adieu. Que faites vous?

Comment va la santé de Marie. Où est Serge? Pourquoi ne m'écrivez vous pas?

La Princesse Serge [1] est tout entichée de Dmitri [2] d'après ce que je lui ai raconté et elle m'a absolument recommandé de lui dire qu'elle l'aime beaucoup et qu'elle a grande envie de le voir.

Dans l'armoire qui reste chez Marie il y a 4 volumes reliés du Dictionaire [3] Enciclopédique que vous aurez la bonté de m'envoyer.

Je baise les mains à ma t[ante] Lise, [4] embrasse Mar. et Valérien. Никол. Серг. [5] кланяюсь.

Известие, которое я получил в банке, верно, я не могу представить себе причину этого недоразумения. Пожалуйста, милые тетеньки, скажите Андрею, чтобы он выслал мне все квитанции платежей за 1848 г. — Скажите тоже Валерьяну, чтобы он постарался добыть денег для уплаты, хотя части просроченной суммы 1195 руб. сер., которые нам двоим остается уплатить. — Здоровье мое недурно, и лечение тоже. Заниматься еще не начинал, потому что не располагаю своим временем: то — дела, то приходящие мне мешают.

Прощайте. Что вы поделываете?

Как здоровье Машеньки? Где Сережа? Почему вы мне не пишете?

Жена кн. Сергея [1] увлеклась Митей [2] по моим рассказам и настоятельно поручила мне сказать ему, что она его очень любит и хочет видеть. —

В шкапу, который стоит у Машеньки, находятся 4 переплетенных тома энциклопедического словаря.[3] Пришлите мне его, пожалуйста. —

Целую руки тетеньке Лизе[4] и целую Машеньку и Валерьяна. * Никол. Серг.[5] кланяюсь. *

Печатается по автографу, хранящемуся в АТБ. Публикуется впервые. Судя по содержанию, письмо было написано между письмом от 18 октября и письмом от 27 октября 1848 г.

[1] Кн. Анна Александровна Горчакова, рожд. Шереметева (р. 14 апреля 1800 г., ум. 12 апреля 1882 г.), жена троюродного дяди Толстого кн. Сергея Дмитриевича Горчакова (1794—1873), в 1844—1849 гг. бывшего директором 1-го отделения Экспедиции сохранной казны. У них было шесть дочерей и три сына. Толстой был близок с семьей кн. Горчаковых, живших до 1853 (?) г. на Сивцевом Вражке (теперь дом № 29). В «Детстве» и «Юности» кн. Горчаковы изображены в лице «князей Карнаковых». Гр. Сергей Николаевич Толстой писал Льву Николаевичу в 1852 г., что кн. Горчакова «или себя не узнает или показывает, что не узнает» в кн. Карнаковой.

[2] Гр. Дмитрий Николаевич Толстой. О нем см. прим. 5 к п. № 84.

[3] О каком словаре идет речь, сказать невозможно.

[4] Гр. Елизавета Александровна Толстая. О ней см. прим. 7 к п. № 4.

[5] Николай Сергеевич Воейков (1803—18..), сын тульского помещика, брат опекуна малолетних Толстых Александра Сергеевича Воейкова (о нем см. прим. 5 к п. № 45), в молодости служил в гусарах, потом был монахом, но за пьянство из монастыря был выгнан, опустился и жил приживальщиком главным образом у гр. Н. Н. Толстого, часто бывая в Ясной поляне и Пирогове. Фет так описывает его внешность в 1859 г.: «красивый старик с белыми, как лунь, вьющимися волосами и такою же бородою пышным веером, одетый в безукоризненно белую парусинную рясу». Юродствовавший алкоголик, немилосердно бравший, Воейков производил впечатление не совсем нормального человека, да может быть и был таким. В 1905 г. (2 августа) Толстой с сестрой Марьей Николаевной вспоминали Воейкова, и на вопрос Марьи Николаевны, почему Лев Николаевич не описал его, Толстой ответил: «Бывают в жизни события и люди, как в природе картины, которых описать нельзя: они слишком исключительны и кажутся неправдоподобными. Воейков был такой. Диккенс таких описывал». Тем не менее в наброске «Два спутника», относящемся к 1870-ым годам, Толстой в лице «Николая Петровича» несомненно изобразил Воейкова. В архиве Толстого сохранилось письмо Н. С. Воейкова (с приписками гр. Сергея Николаевича) от 6 января 1852 г. О Н. С. Воейкове см. А. Фет «Мои воспоминания», М. 1890 г., т. I, стр. 295—297; Кузминская Т. А. «Моя жизнь дома и в Ясной поляне»; Гольденвейзер А. Б. «Вблизи Толстого», М. 1922, т. I, стр. 161.

* 8. Т. А. Ергольской и гр. Е. А. Толстой.

1848 г. Октября 27. Москва. 27 Октября.

Il me semble que nous avons changé de rôle, mes chères tantes, c'est moi qui vous écris et qui se lamente de ne point recevoir

de vos nouvelles et c'est vous qui faites les paresseuses; Voilà bientôt deux semaines et pas un môt de vous. — Je me porte assez bien et mène en attendant mon installation dans le nouveau logement un genre de vie assez bête et inactif. —

Que puis-je vous écrire davantage, ne recevant point de vos lettres je ne puis que vous faire des questions dans les mienn[es], mais malheureusement elle sont toutes épuisée[s], ainsi donc Adieu.

Je fais en postscriptum tout ce que j'avais fais dans les deux lettres précédantes.

Мне кажется, что мы поменялись ролями, дорогие тетеньки, я пишу и жалуюсь, что не получаю от вас известий, а вы ленитесь. Скоро уже две недели, что я не получил от вас ни единого слова. — Здоровье мое порядочно; в ожидании своего переезда на новую квартиру, провожу время глупо и бездельно. —

Что бы мне еще вам рассказать; не получая писем от вас, я в своих могу только задавать вопросы, но и они иссякли, к сожалению. Итак, прощайте. В приписке повторяю то, что сделал в двух предыдущих письмах.

Печатается по автографу, хранящемуся в АТБ. Публикуется впервые. Год письма определяется содержанием: вторая неделя как не получает писем от Т. А. Ергольской, сам написал два письма, переезжает на новую квартиру.

* 9. Т. А. Ергольской.

1848 г. Ноября первая половина. Москва.

Chère tante!

Voilà la quatrième lettre que je vous écris sans recevoir de réponse, puisque celle que j'ai reçue de vous avec l'envoi n'était pas une réponse. Je commence à m'inqui[é]ter fort sur votre compte et sur celui des frères, il me paraît, que si vous ne m'écrivez pas, vous si régulière, il doit y avoir une raison et cette raison ne peut être autre qu'un malheur arrivé à vous ou à quelqu'un de la famille. — Cela me tourmente sérieusement et j'espère que vous me tirerez de cette inquiétude en m'ecrivant. Je n'ai rien à vous dire ni de bon ni de mauvais sur mon compte, je ne mène ni une vie trop mondaine ni trop retiré[e], je ne m'amus[e] ni ne m'ennuie, au reste généralement on s'amuse très peu, il y a peu de bals; mais cela viendra avec les fêtes.

Je ne profiterai pas comme vous savez des plaisirs pendant les fêtes puisque je partirai, si je suis en vie et bonne santé le 28, c'est une raison de plus pour laquelle je voudrais savoir où vous êtes et quel est l'état de Marie, a-t-elle accouché? [1] Que fait Serge?[2]

est-il content de la manière dont j'ai rempli ses comissions, a-t-il abandonné les bohémiens? J'ai renvoyé la lettre de crédit que Капыловъ [3] m'avait donné [e] pour son commissionaire ici et je n'ai pas pris l'argent qu'il m'a apporté plus tard; à cause du retard qu'il y avait mis j'avais donc ordonné au *староста* de vendre ce blé à Toula et de m'en envoyer le prix; mais jusqu'à présent je ne reçois ni lettre ni argent, ni de chez moi ni de Serge ce qui me fera bientôt manquer de tout; puisque je me donne pour règle de ne pas faire de nouvelles dettes, pas même à la *лавочка*. — Si l'intention que j'avais de jouer vous inquiète, cessez de vous inquiéter, je ne joue plus que les jeux de commerce à 2 sous arg. et je ne perds ni ne gagn[e] ce qui m'est également indifférent. J'ai été engagé pour aujourd'hui chez les Diakoffs [4] et j'y ai diné très agréablement, c'est une charmante famille mais c'est dommage que les demoiselles de jolies qu'elles étaient sont devenues toutes laides.

Adieu, je baise vos mains et au revoir.

Дорогая тетенька!

Вот уже четвертое письмо, что я вам пишу, не получая ответа, так как полученное с посылкой было не ответное. Начинаю сильно беспокоиться о вас и о братьях. Думаю, что ежели вы, такая аккуратная, не пишете, значит есть на то причина, а причиной может быть только какое-нибудь несчастье, постигшее вас или кого-нибудь из семьи. Меня это сильно мучает, и я надеюсь, что вы успокоите меня скорым письмом. О себе ничего не могу сообщить вам, ни хорошего, ни дурного; мой образ жизни не чересчур светский и не уединенный, не веселюсь и не скучаю; впрочем здесь вообще мало веселятся, и балы редки. Удовольствия наступят с праздниками. — В них я не приму участия, — как вам известно; ежели буду жив и здоров, я уеду 28 и тем более мне необходимо знать, где вы и в каком положении Машенька, разрешилась ли она? [1] Что поделывает Сережа, [2] доволен ли он тем, как я исполнил его поручение, бросил ли он цыган? Я отослал доверенность, полученную от *Копылова * [3] для его здешнего комиссионера, и не взял денег, принесенных мне позже. По случаю этой задержки я приказал * *старосте* * продать хлеб в Туле, известив меня о цене. Однако ж до сих пор не получаю ни письма, ни денег, ни своих, ни от Сережи и поэтому скоро я буду нуждаться в самом необходимом, так как я поставил себе за правило больше не должать, даже в * *лавочке* *. Ежели намерение мое играть вас беспокоит, перестаньте беспокоиться — играю я только в коммерческие игры по 2 коп. очко; не выигрываю и не проигрываю, к чему я впрочем одинаково равнодушен. Сегодня был зван к Дьяковым [4] и приятно у них отобедал. Это прелестная семья; жаль только, что все барышни из хорошеньких стали дурными собой.

Прощайте, целую ваши руки и до свиданья.

Печатается по автографу, хранящемуся в АТБ. Публикуется впервые. Датируется на основании содержания: пишет в четвертый раз и 28-го «до праздников» хочет уехать.

[1] В 1849 г. у гр. Марьи Николаевны Толстой родился сын Петр, умерший в этом же году.

[2] Гр. Сергей Николаевич Толстой.

[3] Копылов — тульский купец. О нем см. прим. 7 к п. № 6.

[4] Сын отставного полковника (в 1837 г.) Алексея Николаевича Дьякова (1790—1837) и его первой жены Ирины Дмитриевны, рожд. Полторацкой (ум. в 1824 г.), Дмитрий Алексеевич Дьяков (1823—1891), с которым подружился Толстой в Казани, жил в это время в Москве с мачехой (третьей женой его отца) Елизаветой Алексеевной Дьяковой, рожд. Окуловой (1806—1886), в молодости славившейся в московском обществе пением, знакомой Пушкина, и тремя сестрами, дочерьми его отца от второй жены, Марьи Ивановны, рожд. бар. Дальгейм (ум. 22 мая 1833 г.) — Марьей Алексеевной (р. 3 октября 1830 г., ум. 10 января 1889 г.), в 1849 г. вышедшей замуж за Сергея Михайловича Сухотина (1818—1886) (см. о нем прим. 10 к п. № 61), Александрой Алексеевной (р. 1831 г., ум. 8 декабря 1890 г.), в 1853 г. вышедшей замуж за кн. Андрея Васильевича Оболенского (1825—1875), и Елизаветой Алексеевной (р. 22 мая 1833 г., ум. 25 июля 1875 г.), в 1858? г. вышедшей замуж за поэта Алексея Михайловича Жемчужникова (1821—1908). О Д. А. Дьякове см. в 60 томе.

* 10. Т. А. Ергольской.

1848 г. Декабрь? Москва.

Письмо, которое я пишу къ Николенькѣ, [1] очень непонятно, а — переписывать некогда, напишите ему сами объ этомъ и прикажите Андрею вложить въ письмо къ нему *черновую довѣренность*.

Mes lettres, chère tante, vous doivent être doublem[ent] agréables: *primo* parce qu'elles vous prouvent que je suis sain et sauf et *secondo* parce qu'elles vous prouvent que je deviens raisonnable. — En arrivant à Moscou j'ai éte très empressé de vous donner de mes nouvelles parce que j'avais de bonnes à vous donner au sujet de mon genre de vie, et puis j'ai cessé de vous en donner par ce que j'étais mécontent de moi. Je me suis tout à fait débauché dans cette vie du monde, à présent tout cela m'embête affreusemen[t] et je rêve de nouveau à ma vie de campagne que je compte reprendre bientôt. Valérien me prie d'être le parrain de son enfant ce qui me ferait grand plaisir si sa rupture avec tante Pauline [2] ne me fer[s]ait [3] trop de peine, dites lui donc de ma part que je ne viendrai pas autrement chez lui qu'avec ma tante.

Ayez la bonté de dire à André que je ne suis plus fâché contre lui et qu'il a très mal fait d'envo[yer] la farine, mais qu'il vaudrait mieux envoyer de l'avoine, s'il reste encore des подводы, en tout cas que j'ai besoin de 200 r. argent et qu'il fasse acheter des chevau[x].

*Письмо, которое я пишу къ НиколенькѢ, [1] очень непонятно, а переписывать некогда, напишите ему сами объ этомъ и прикажите Андрею вложить въ письмо къ нему *черновую довѣренность*. *

Мои письма, дорогая тетенька, должны вам быть вдвойне приятны: *во-первых*, они удостоверяют, что я здрав и невредим, а *во-вторых*, что я становлюсь благоразумным. Приехав в Москву, я поспешил известить вас о себе, потому что мог сообщить хорошее о своем образе жизни; а потом я перестал писать потому, что был собой недоволен. Я распустился, предавшись светской жизни. Теперь мне всё это страшно надоело, я снова мечтаю о своей деревенской жизни и намерен скоро к ней вернуться. Валерьян зовет меня быть крестным отцом его ребенка, на что я охотно согласился бы, ежели бы меня не огорчил его разрыв с тетей Полиной. [2] Поэтому передайте ему, что я приеду к нему не иначе, как вместе с тетей. —

Будьте добры сказать Андрею, что я перестал на него сердиться, что напрасно он отправил муку, лучше было бы послать овес, ежели еще имеются *подводы *, что во всяком случае мне необходимы 200 р. сер., и чтобы он распорядился купить лошадей.

Печатается по автографу, хранящемуся в АТБ. Публикуется впервые Письмо датируется предположительно содержанием: живет в Москв сравнительно уже долго.

[1] Письмо к гр. Н. Н. Толстому неизвестно.
[2] Пелагея Ильинична Юшкова. О ней см. прим. 8 к п. № 4.

* 11. Т. А. Ергольской и гр. Е. А. Толстой.

1848 г. Декабрь? Москва.

Merci pour vos lettres et pour l'envoye, chères tantes. [1] Je vois que vous avez une bien fausse opinion de l'état de ma santé, c'est sans doute le mot de consultation qui vous a tellement effrayé; mais cela ne veut dire autre chose que comme cela m'aurait coûté trop cher de me faire traiter par Over [2] je ne l'ai engagé que pour une consultation, dans laquelle il a donné des conseils à Deutsh [3] qui est mon médecin.

Même Over a dit que ce n'est point une descente que j'ai, mais une varicoselle [4] le nom [n'y] ni fait rien comme de raison: mais c'est que cette dernière est moins dangereuse et est plus facile à guérir. Je me sens en général beaucoup mieux qu'à Ясное.

Adieu je vous baise les mains et fais de nouveau en P.S. la même chose.

Ce cachet est charmant, je vous en remercie. Envoyez moi aussi le grand. Ne vous étonnez pas, mes tantes, que j'ai besoin de tant d'argent. Je ne joue pas, mais j'ai payé 250 r. arg. à Basile[5] et je me suis fait faire une pelisse et des habits indispensables pour 400 r. arg. ensuite il faut[que] je m'achète une montre. Tout cela sont des dépenses temporai[res].

Благодарю вас за письма и за посылку, дорогие тетеньки. Вы ошибаетесь на счет моего здоровья, слово консилиум, вероятно, напугало Вас; дело в том, что лечиться у Овера [2] обошлось бы мне слишком дорого, поэтому я и пригласил его совместно с Дейчем, [3] который собственно меня лечит, и которому он передал свои указания.

Овер тоже нашел, что это не грыжа, а varicosella. [4] Конечно, не в слове дело, но эта болезнь менее опасна и легче вылечивается. Чувствую себя в общем лучше, чем в * Ясном. * —

Прощайте, целую ваши ручки и в приписке опять повторяю то же.

Печатка ваша прелестна, благодарю вас за нее. Пришлите мне также большую. Не удивляйтесь, тетеньки, что мне нужно так много денег. Я не играю, но заплатил 250 р. сер. Васеньке и заказал себе шубу и необходимых одежд на 400 р. сер. Затем мне нужно купить себе часы. Но все эти траты временные.

Печатается по автографу, хранящемуся в АТБ. Публикуется впервые. Датируется предположительно содержанием.

[1] Татьяна Александровна Ергольская и гр. Елизавета Александровна Толстая. О них см. вступ. и 7 прим. к п. № 4.

[2] Александр Иванович Овер — хирург. О нем см. прим. 2 к п. № 6.

[3] Карл Федорович Дейч — доктор медицины. О нем см. прим. 3 к п. № 6.

[4] Расширение вен семенного канатика.

[5] Вас. Степ. Перфильев. О нем см. прим. 4 к п. № 6.

1849

* 12. Гр. С. Н. Толстому.

1849 г. Февраля 13. Петербург.

13-го Февраля.

Сережа!

Я пишу тебѣ это письмо изъ Петербурга, гдѣ я и намѣренъ остатся на вѣки. — Планы мои и причины этаго рѣшенія слѣдующія: — Нѣсколько дней послѣ твоего отъѣзда [1] мы отправились тоже въ противную сторону — мы т. е. Ферзенъ, [2] Озеровъ [3] и я. Пріѣхавши, остановились я и Озеровъ на углу Малой Морской и Вознесенскаго Проспекта въ гостинницѣ Наполеона [4] (я пишу это для того, чтобы адресъ зналъ), я на другой день отправился къ Лаптевымъ, [5] къ Толстымъ, [6] къ Оболенскому, [7] къ Пушкину, [8] Милютина [9] нашелъ, Ислявиныхъ [10] тоже [11] и пр. представили меня [12] многимъ и мнѣ многихъ. Однимъ словомъ, что какъ то сдѣлалось такъ, что знакомыхъ гораздо больше здѣсь, [13] чѣмъ въ Москвѣ и *достоинствомъ выше*.

Всѣ меня уговариваютъ остаться и служить, кромѣ Ферзена, Львова [14] (Ферзенъ, въ скобкахъ буде сказано, здѣсь что-то гадокъ, такъ себѣ, тише воды, ниже травы). Львовъ ничего, тотъ у Великой Княгинѣ [15] былъ на балѣ и такъ часто бываетъ, а все груститъ по Машѣ [16] и завтра ѣдетъ опять въ Москву.

Я и рѣшился здѣсь остатся держать экзаменъ и потомъ служить, ежели же не выдержу (все может случиться) то и съ 14 класса начну служить, я много знаю чиновниковъ 2-го разряда, которые не хуже и васъ перворазрядныхъ служатъ. — Короче тебѣ скажу, что Петербургская [жизнь] на меня имѣетъ большое и доброе вліяніе, она меня приучаетъ къ дѣятельности

и замѣняетъ для меня невольно росписаніе; какъ то нельзя ничего не дѣлать; всѣ заняты, всѣ хлопочутъ, да и не найдешь человѣка, съ которымъ бы можно было вести безпутную жизнь— одному нельзя же. —

Я знаю, что ты никакъ не повѣришь, чтобы я перемѣнился, скажешь — «это уже въ 20-й разъ и все пути изъ тебя нѣтъ, самый пустяшной малой»; нѣтъ, я теперь совсѣмъ иначе перемѣнился, чѣмъ прежде мѣнялся: прежде я скажу себѣ: «дай ка я перемѣнюсь», а теперь я вижу, что я перемѣнился и говорю: «я перемѣнился». —

Главное то, что я вполнѣ убѣжденъ теперь, что умозрѣніемъ и философіей жить нельзя, а надо жить положительно, т. е. быть практическимъ человѣкомъ. Это большой шагъ и большая перемѣна, еще этаго со мною ни разу не было. — Ежели же кто хочетъ жить и молодъ, то въ Россіи нѣтъ другого мѣста, какъ Петербургъ; какое бы направленіе кто не имѣлъ, всему можно удовлетворить, все можно развить и легко, безъ всякаго труда. Что же касаяться до [17] средствъ жизни, то для холостаго жизнь здѣсь вовсе не дорога, все, напротивъ, дешевле и лучше Московскаго; нипочемъ квартира. Сейчасъ приѣзжалъ ко мнѣ Оболенской и привозилъ письмо, только что полученное имъ отъ *брата Димитрія. Ужасъ*. Я посылаю тебѣ это письмо, самъ полюбуйся. Что ежели бы я съ Оболенскимъ не былъ также хорошъ, какъ съ Львовымъ и этими Г[оспода]ми, я бы ускакалъ изъ Петербурга. Да онъ меня выживетъ отсюда, я только и жду, что онъ Шереметеву [18] такое же письмо напишетъ, вотъ допекаетъ то. Разрѣшеніе обѣщаются однакоже на дняхъ выслать. Теперь пишу тебѣ о дѣлахъ. — Сдѣлай милость, пошли за Андреемъ [19] и объясни ему, что мнѣ деньги какъ можно больше нужно, во первыхъ, чтобы жить здѣсь, во вторыхъ, чтобы расплатиться съ долгами въ Москвѣ. Ежели хлѣба недостаточно, чтобы мнѣ въ скоромъ времени доставить сверхъ 250 и 500 р. сер., о которыхъ я уже писалъ, еще 800 р. сер. такъ, ради Бога, продай Савинъ лѣсъ или, [20] ежели же и этого мало будетъ, то у Копылова [21] за вычетомъ процентовъ впередъ еще возьми; при продажѣ Савина лѣса первое условіе: всѣ деньги впередъ. — Деньги мнѣ нужны не для житья моего здѣсь, но для уплаты долговъ въ Москвѣ и здѣсь, которыхъ съ Орловскимъ проклятымъ долгомъ [22] оказалось 1200 р. сер. — Надѣюсь на тебя, *братъ Сергѣй*, что ты мнѣ все это обдѣлаешь,

похлопочешь и разрѣшеніе на лѣсъ изъ Опекунскаго М[осковскаго] совѣта, да и поглядывай пожалуйста изрѣдка на Андрея Ильина и въ Ясенскія счетныя и хлѣбныя книги. Всѣмъ нашимъ передай, что я всѣхъ *цѣлую и кланяюсь* и что лѣтомъ въ деревнѣ можетъ буду, может нѣтъ; мнѣ хочется лѣтомъ взять отпускъ и поѣздить по окрестностямъ Петербурга, въ Гельзингфорсъ и въ Ревель тоже хочу съѣздить; напиши мнѣ, ради Бога, хоть разъ въ жизни; мнѣ хочется знать, какъ ты и всѣ наши эту новость примутъ, проси и ихъ отъ меня писать; я же писать къ нимъ боюсь, [23] такъ давно не писалъ я къ нимъ, что они вѣрно сердятся, особенно передъ тетинькой Татьяной Александровной мнѣ совѣстно, попроси у нее отъ меня прощенія. Оболенскій тебѣ кланяется. Можешь себѣ представить, что Алеша Пушкинъ [24] здѣсь *левъ*, однако я его еще не видалъ.

Скажи пожалуйста Андрею, чтобы онъ мнѣ писалъ; а то уже мѣсяцъ, какъ я никакихъ извѣстій ни отъ кого не получаю, не говоря уже [о] чувствахъ любви и т. п., денегъ то у меня нѣтъ ни гроша.

Я все думаю, какъ это *братъ Дмитрій* такое письмо вздумалъ написать и рѣшительно, кромѣ того, что онъ былъ пьянъ, для его же чести придумать не могу. —

Рукой К. А. Ислявина: [25]

Здраствуй Пироговский помѣщикъ, здраствуй грозный владѣтель 313 Пироговскихъ невольниковъ; что подѣлываешь? много ли вздыхаешь о своей возлюбленной Машѣ? Не понимаю, какъ можно закабалить себя зимою въ деревнѣ—развѣ съ досады, что строилъ куры—курамъ на смѣхъ—безъ всякаго успѣха. Когда мнѣ молодежь расказывала про *Ваши* амурныя продѣлки — я ужаснулся, т. е. тому, что все это дѣлалось такъ *непрактически*, особенно съ твоей стороны. Впрочемъ полно объ этомъ. Есть еще надежда что лѣтомъ (какъ обѣщаетъ Лёвочка) все это общество съѣдется въ Ясное — и я въ томъ же числѣ. — Тогда увидимъ — Левочку мы замкнули — остальное ты знаешь. Больше мѣста нѣтъ. Adieu. Покорный рапъ Костенька.

Печатается по автографу, хранящемуся в АТБ. Впервые опубликованы отрывки из письма с неверной датой «1848 г.» П. И. Бирюковым в Б, I, 1906, стр. 153—154; впервые полностью опубликовано П. А. Сергеенко (без приписки А. Ислявина и с той же неверной датой «1848 г.») в ПТС, 1, стр. 1—2. Год письма определяется содержанием: Савин лес еще не продан. Продан он был в апреле 1849 г.

Гр. Сергей Николаевич Толстой (р. 17 февраля 1826 г., ум. 23 августа 1904 г.), брат Льва Николаевича, сын гр. Николая Ильича. Осенью 1843 г. поступил на Математический факультет Казанского университета,

который и окончил весной 1847 г. Получив по разделу имение Пирогово Крапивенского уезда Тульской губ., жил в нем, занимаясь хозяйством, и имел в 1850-ых гг. конский завод. В марте 1855 г. поступил поручиком в Стрелковый полк императорской фамилии, но в следующем же году вышел в отставку. В 1881—1885 гг. был Крапивенским предводителем дворянства. С 1850 г. состоял в гражданском браке с тульской цыганкой Марьей Михайловной Шишкиной (р. в 1829 г. или в 1832 г., ум. 1/14 марта 1919 г.), с которой повенчался 7 июня 1867 г. и от которой имел одиннадцать детей, из которых семеро умерло в детстве. В «Воспоминаниях детства» Толстой пишет о Сергее Николаевиче: «С Митенькой я был товарищем, Николеньку я уважал, но Сережей я восхищался и подражал ему, любил его, хотел быть им. Я восхищался его красивой наружностью, его пением, — он всегда пел, — его рисованием, его весельем, и в особенности, как ни странно это сказать, непосредственностью его эгоизма. Я всегда себя помнил, себя сознавал, всегда чуял, ошибочно или нет, то, что думают обо мне и чувствуют ко мне другие, и это портило мне радости жизни. От этого, вероятно, я особенно любил в других противоположное этому, непосредственность эгоизма. И за это любил особенно Сережу, слово «любил» неверно. Николеньку я любил, а Сережей восхищался, как чем-то совсем мне чуждым, непонятным. Это была жизнь человеческая, очень красивая, но совершенно непонятная для меня, таинственная и потому особенно привлекательная. На-днях он умер, и в предсмертной болезни и умирая он был также непостижим мне и так же дорог, как и в давнишние времена детства. В старости, в последнее время, он больше любил меня, дорожил моей привязанностью, гордился мной, желая быть со мной согласен, но не мог и оставался таким, каким был: совсем особенным, самим собою, красивым, породистым, гордым и, главное, до такой степени правдивым и искренним человеком, какого я никогда не встречал. Он был, что был, ничего не скрывал и ничем не хотел казаться». Фет так пишет о Сергее Николаевиче в своих воспоминаниях: «Со времени этого первого моего знакомства с графом Сергеем Николаевичем, судьба впоследствии нас сводила довольно часто, и наши характеры оказывались до того сходны, что я не помню никакого между нами спора, а напротив, мнение, высказанное одним, казалось другому у него подслушанным. Одного этого обстоятельства достаточно, чтобы удержать меня от всяких похвал или порицаний по адресу графа». В течение всей жизни Сергей Николаевич был связан с Толстым чувством глубокой дружбы. Будучи атеистом и долгое время не принимая вероучения Толстого, Сергей Николаевич в последние годы своей жизни относился к идеям последнего не без сочувствия. Из их переписки сохранилось сто семьдесят пять писем Толстого к гр. С. Н. Толстому и пятьдесят писем последнего к Толстому. Некоторые черты гр. Сергея Николаевича внесены Толстым в образ кн. Андрея Болконского в «Войне и мире», точно так же, как роман Сергея Николаевича с Татьяной Андреевной Берс (впоследствии Кузминской) дал материал Толстому для истории отношений кн. Андрея Болконского с Наташей Ростовой. Гр. Сергей Николаевич изображен Толстым еще в наброске «Что я видел во сне». О гр. С. Н. Толстом: Л. Толстой «Воспоминания детства» гл. IX; А. Фет «Мои воспоминания», ч. I, М. 1890, стр. 296; М. С. Бибикова (дочь гр. Сергея Николаевича) «Мои воспоми-

нания» — Труды Толстовского Музея. Л. Н. Толстой. «Юбилейный сборник» М. 1928 г.; Илья Толстой «Мои воспоминания», М. 1914 г.; Т. А. Кузминская «Моя жизнь дома и в Ясной поляне», три части.

[1] Гр. Сергей Николаевич приезжал из Пирогова в Москву.

[2] Бар. Герман Егорович Ферзен в 1850—1852 гг. начальник отделения Хозяйственного департамента Министерства внутренних дел. В 1852 г. он женился на Иловайской, по первому мужу Левиной.

[3] Борис Семенович Озеров (р. 9 апреля 1827 г., ум. в 1859 г.), сын сенатора в Москве, Семена Николаевича Озерова (1776—1844) и кж. Анастасии Борисовны Мещерской (1796—1841). Был в Училище правоведения, но курса не кончил, будучи исключен за какие-то «шалости». По возвращении в Москву, женился на «француженке с Кузнецкого моста» и вел весьма предосудительный образ жизни. Прожив свои 200 душ, Борис Семенович в 1857 г., по словам сестры своей, был «больным, оборванным, потерявшим совершенно даже наружность порядочного человека» («Русский архив», 1898, № 5, стр. 133). В дневнике Толстого за декабрь 1850 г. — март 1851 г. имеется ряд записей о встречах с Озеровым, с которым, видимо, Лев Николаевич был близок. О Б. С. Озерове см. в воспоминаниях его сестры: «Памятные записки игумении московского Страстного монастыря Евгении Озеровой» — «Русский архив», 1898, №№ 3 и 5.

[4] Гостиница «Наполеон» помещалась, вероятно, в угловом доме (теперь № 23) по М. Морской (№ 8 по Вознесенскому пр.). С 1880-ых годов до революции в этом доме помещалась гостиница «Париж» братьев Вайтенсон.

[5] Лаптевы — троюродная тетка Толстого Софья Дмитриевна Лаптева, рожд. кж. Горчакова (ум. в 1870 г.) была замужем за полковником Дмитрием Андреевичем Лаптевым (ум. в 1885 г.).

[6] Толстые — м. б. гр. Ф. П. и А. И. Толстые. Гр. Федор Петрович Толстой (1783—1873) — двоюродный дядя Толстого, сын ген.-майора гр. Петра Андреевича (1746—1822) и Елизаветы Егоровны Барбо-де-Марни (1750—1802). В 1802 г.— мичман; с 1804 — отставной лейтенант; с 1806 г. состоял при Импер. Эрмитаже; в 1828—1859 гг. — вице-президент Императорской Академии художеств; 1853 г.— товарищ президента императорской Академии художеств; художник медальер. Женат (вторым браком) на Анастасии Ивановне Ивановой (1817—1889).

[7] Кн. Дмитрий Александрович Оболенский (р. 16 октября 1822 г., ум. 22 января 1881 г.), сын сенатора д. т. с. кн. Александра Петровича Оболенского (1780—1855) и кж. Аграфены Юрьевны Нелединской-Мелецкой (1789—1829). По окончании курса в Училище правоведения кн. Оболенский в 1842 г. определился во II-й департамент Сената. С августа по ноябрь 1844 г. он был губернским уголовных дел стряпчим в Казани, где и познакомился с братьями Толстыми. С ноября 1844 г. по октябрь 1845 г. кн. Оболенский служил и. д. председателя Тульской палаты гражданского суда, а затем эту должность занимал в Петербурге до 25 июля 1851 г., когда был назначен председателем Петербургской палаты гражданского суда. В 1853—1863 гг. кн. Оболенский был директором Комиссариатского департамента Морского министерства, в это время самого передового ведомства. Деятельность кн. Оболенского здесь отмечена коренными

реформами николаевских порядков и энергичной борьбой с злоупотреблениями интендантов. В качестве председателя комиссии 1862 г. для пересмотра постановлений о книгопечатании кн. Оболенский явился главным автором закона о печати 6 апреля 1865 г. В 1863—1870 гг. занимал должность директора Департамента таможенных сборов; в 1870—1872 гг. товарищ министра государственных имуществ. А. В. Никитенко характеризует Оболенского как человека «рассудительного, умного, образованного и чуждого всяких крайних увлечений». (А. В. Никитенко «Записки и дневник», 1905, СПБ, т. II, стр. 115). Либеральный чиновник эпохи «великих реформ» Оболенский близок был к славянофилам, дружа с Аксаковым и Самариным. Не чужд был Оболенский и литературы, издав в 1876 г. книгу «Хроника недавней старины (из архива кн. Оболенского-Нелединского-Мелецкого)» и поместив несколько статей в «Русской старине» и «Русском архиве». О кн. Д. А. Оболенском см. в «Русском биографическом словаре».

[8] Пушкин — Михаил Николаевич Мусин-Пушкин (1795—1862), попечитель Казанского учебного округа в 1827—1845 гг. и Петербургского в 1845—1856 гг. С Толстым Мусин-Пушкин был знаком в Казани. О М. Н. Мусине-Пушкине Толстой вспоминал в I гл. своей «Исповеди». О Мусине-Пушкине, как цензоре «Севастополя в мае» Толстого см. в 4 томе.

[9] Вероятно, Владимир Алексеевич Милютин (1821—1855) — сын Алексея Михайловича Милютина и Елизаветы Дмитриевны, рожд. Киселевой, младший брат военного министра (в 1861—1881 гг.) гр. (с 1878 г.) Дмитрия Алексеевича и Николая Алексеевича, деятеля крестьянской реформы, товарища министра внутренних дел (в 1860—1861 гг.). С Милютиными Толстой был близко знаком еще в детстве. В своей «Исповеди» Толстой вспоминает, что в 1838 г. Володенька Милютин, учившийся в московской гимназии, придя к Толстым на воскресенье «как последнюю новинку объявил открытие, сделанное в гимназии, что бога нет, и что всё, чему нас учат, одни выдумки».

По окончании Петербургского университета, В. А. Милютин в 1850 г. получил степень магистра государственного права за диссертацию «О недвижимых имуществах духовенства в России» и был назначен адъюнкт-профессором государственного права Петербургского университета; в 1853 г. перешел на кафедру полицейского права. Как профессор Милютин пользовался большой популярностью среди студентов. Несмотря на некоторую близость к кружку Петрашевского Милютин не сделался фурьеристом и в своих статьях по политической экономии, доставивших ему большую известность, являлся последователем Конта. Больной чахоткой, безнадежно влюбленный Милютин застрелился в Эмсе. О В. А. Милютине см. в кн. П. Н. Сакулина «Русская литература и социализм», ч. I, М. 1922.

[10] Ислявины — сыновья приятеля отца Толстого, тульского помещика Александра Михайловича Исленьева (1794—1882) и кн. Софьи Петровны Козловской, рожд. гр. Завадовской (ум. в 1830 г.) (см. о них прим. 8 к п. № 31). Из детей Исленьева в Петербурге жили Владимир Александрович (р. 29 ноября 1818 г., ум. 27 мая 1895 г.), служивший в 1845—1846 гг. столоначальником в 1 департаменте Министерства государственных имуществ; в 1847—1854 гг. секретарем при министре, в 1855—1857 гг.

чиновником особых поручений при министре, в 1858—1862 гг. директором канцелярии министра государственных имуществ, в 1863—1884 гг. — членом совета министра государственных имуществ; Михаил Александрович (1819—1905), с 1844 г. служивший в Министерстве государственных имуществ, и Константин Александрович, о котором см. ниже, прим. 25.

[11] *Зачеркнуто:* так

[12] *В автографе ошибочно:* мнѣ

[13] *Зачеркнуто:* нашлось

[14] Кн. Георгий Владимирович Львов (1821—1873), приятель Толстого, бывший с ним на «ты». Сестра кн. Г. В. Львова кж. Екатерина Владимировна (1807—1880) была фрейлиной в. к. Елены Павловны и жила в ее дворце. О кн. Г. В. Львове в это время см. письмо к нему № 94.

[15] Великая княгиня Елена Павловна, рожд. принцесса Виртембергская (1806—1873), известная своим либерализмом, супруга в. к. Михаила Павловича (1798—1849).

[16] Маша, тульская цыганка Марья Михайловна Шишкина, в это время была в Москве, так как гр. С. Н. Толстой писал Льву Николаевичу 31 марта 1849 г.: «я пробыл масленицу и две недели великого поста в Москве, а затем вернулся влюбленный в Машу более обыкновенного, и Маша была более чем когда-либо очаровательна». (Оригинал по-французски.)

[17] *Зачеркнуто:* ж способовъ

[18] Какого Шереметева имеет в виду Толстой, сказать не можем.

[19] А. И. Соболев. См. о нем прим. к п. № 16.

[20] *Зачеркнуто:* Вор[отынку]. Савин березняк — березовый лес в Ясной поляне, за р. Воронкой по дороге к деревне Груманту, невдалеке от места, где была купальня на р. Воронке.

[21] О Копылове см. прим. 7 к п. № 6.

[22] Орловский долг — долг какому-то Орлову, которому проиграл в карты Толстой. Об этом Орлове писал Льву Николаевичу В. С. Перфильев 31 марта—3 апреля 1844 г. См. прим. 2 к п. № 13.

[23] *Зачеркнуто:* не знаю.

[24] Гр. Алексей Иванович Мусин-Пушкин (р. 19 мая 1825 г., ум. 7 ноября 1879 г.), сын гр. Ивана Алексеевича Мусина-Пушкина (1783—1836) и кж. Марьи Александровны Урусовой (1801—1853), товарищ детства Толстого, изображенный в «Детстве» в лице одного из братьев Ивиных. Впоследствии гофмаршал. Был женат на гр. Любови Александровне Кушелевой-Безбородко.

[25] Приписка сделана без всякого дела проживавшим в Петербурге младшим сыном Александра Михайловича Исленьева, Константином Александровичем Ислави́ным (р. в 1827 г., ум. 23 марта 1903 г.). С Костенькой Толстой был ближе, чем с кем-нибудь из Ислави́ных. В противоположность братьям, хорошим петербургским «службистам», беспечный и к работе неспособный, Константин Александрович никакой карьеры не сделал. Чрезвычайно музыкально одаренный, он и в музыке остался диллетантом. Хотя в старости в своих «Воспоминаниях детства» Толстой и называет Ислави́на «внешне привлекательным, но глубоко безнравственным человеком», отношения Льва Николаевича к нему всегда были благожелательные. Так Толстой устроил Ислави́на в 1876 г. на службу к М. Н. Каткову секретарем в

«Московских ведомостях», а в 1881 (?) г. хлопотал у гр. А. С. Уварова об определении Ислявина на службу в Исторический музей. «Дядю Костю» очень любили в семье Толстых, и он часто гащивал в Ясной поляне. О К. А. Ислявине см. брошюру С. Д. Шереметева «Константин Александрович Ислявин», М. 1903 и в воспоминаниях Т. А. Кузминской «Моя жизнь дома и в Ясной поляне» и Ильи Толстого «Мои воспоминания».

На это письмо гр. С. Н. Толстой отвечал 9 марта таким неизданным письмом: «Левушка! Сейчас получил твое письмо. Ты можешь себе представить, что оно приехало сперва в Пирогово, из Пирогово опять в Москву, из Москвы опять в Пирогово, и я уже получил его спустя месяц, после того как ты его писал. Я его прочел с большим удовольствием, во-первых, потому, что я был в деревне один, и мне было скучно, а, во-вторых, от того, что, мне кажется, ты точно не переменился. Живи же себе в Петербурге, служи, это будет еще лучше, но одно страшно мне, как бы тебя не подбили бы там в картишки; старик Перфильев говорит, что на счет этого Петербург очень опасен. Смотри же, там станут с тобой играть не *Орловы и Ивановские*, а действительно, так называемые порядочные люди. Я этого ужасно для тебя боюсь. С твоим презрением к деньгам ты пожалуй там проиграешь что-нибудь значительное. — На счет этого, что ты мне пишешь, чтобы присмотреть за Андреем, я непременно исполню. Что же касается до присылки денег, я с ним говорил об этом и до твоего письма. Он мне сказал, что денег нет, а что лес покупают, но дают меньше, чем ты хотел, но я боюсь, что всё это будет не так скоро, и что ты будешь нуждаться в деньгах, покуда это кончится. На счет же разрешения из Совета, я готов хлопотать, да я думаю, что деньги тебе можно будет получить до разрешения. Андрей тебе уже давно писал об лесе. Я думаю, что ты ему уже на это отвечал. Полученные же в Москве от корреспондента Копылова деньги доставлены тебе, исключая 50 целковых, из которых 15 я отдал за квартиру, заплатив сам 30, — а остальные получены *Беклемишевым*. Твой Федор делает ужасы, он украл у меня деньги, заложил без спроса серебряные ложки, я дал ему деньги эти ложки выкупить, он их пропил, и ложки эти канули в воду. Пьянствует он уже не с равными себе, а даже с *маленьким Перфильевским Сенькой*. Одним словом, он кутит; есть ли он у тебя в Петербурге, то советую тебе его велеть хорошенько посечь. Читал брата Дмитрия письмо и краснел, потел, бегал по комнате. Ужас, ужас, ужас, ужас одним словом. Беда, точно, не написал ли он Шереметеву что-нибудь в роде этого. Беда. Сейчас еду в Покровское и напишу тебе с первой почтой подробно обо всем. Прощай. С. Толстой. Скажи Костеньке, что грозный владетель 333 душ ему кланяется». (Письмо неопубликовано; подлинник в АТБ.)

Старик Перфильев — Степан Васильевич (р. 1796 г.; ум. 1 февраля 1878 г.), по окончании Пажеского корпуса выпущен в л.-г. гренадерский полк; участвовал в войне 1812 г., в 1823 г. вышел в отставку; в 1827 г. поступил в корпус жандармов; в 1831—1836 гг. был рязанским гражданским губернатором; в 1836 г. снова перешел в корпус жандармов и до 1874 г. был начальником 2 округа корпуса жандармов. Женат был вторым браком (с 15 июля 1832 г.) на кж. Анастасии Серг. Ланской (ум. 17 июня 1891 г.). С Перфильевыми Толстой был дружен. О *проигрыше Орлову* Толстым см. выше прим. 22. Кто такой *Ивановский*, выяснить не удалось.

Беклемишев — возможно, что это Григорий Алексеевич Беклемишев, штабс-капитан, помещик Новосильского уезда Тульской губ. Слуга Толстого, *Федор*, упоминается и в других письмах. *Сенька* — слуга Перфильевых. Четырежды повторенное слово *ужас* написано в четырех разных направлениях.

* 13. Гр. С. Н. Толстому.

1849 г. Марта 15. Петербург.

Serge! 15 Mars.

J'ai écrit à Basile et à Pauline [1] concernant différents arrangements que je le priai de faire. 1-mo je lui ai écrit qu'il m'envoye Théodore avec les effets que j'ai laissé à Moscou; ce qui n'étant pas fait, je te prie de le faire au plus vite. 2-do je l'ai prié en recevant 900 r. argent d'André d'acquitter mes créanciers. A présent je te prie toi de m'écrire avec la première-poste, l'argent est il reçu? ou non. Si tu veux me rendre service, dis leur c. à d. à Орловъ [2] à Chevalier [3] à Афанасій [4] à [*1 неразобр.*] et à Васинька que mes intentions ayant changé il a fallu que je m'installe à P-g, ce qui m'a couté beaucoup d'argent; mais que dans un mois tout au plus je compte les satisfaire absolument et en effet il y a bien longtemps déjà que j'ai écrit à André de vendre la forêt et d'envoyer 900 r. arg. à Moscou que toi ou Basile vous vous chargerez de distribuer à tout ces messieurs.———Je ne serai tranquille que quand ces dettes seront payées. Adieu. Excepté les affaires je voudrais bien savoir ce que vous faites tous. — Все такъ ли Маша и козликъ [5] въ ходу или новенькое что нибудь? Ты вѣрно участвуешь въ повтореніи маскарада для Царской фамиліи, [6] вамъ провинціаламъ вѣдь это въ диковинку.

Сережа! 15 марта.

Я писал Васеньке и Полине [1] относительно разных дел, которые я просил его сделать. 1. Я писал ему, чтобы он послал мне Федора с вещами, которые я оставил в Москве; если это не сделано, то устрой пожалуйста как можно скорее. 2. Я просил его по получении от Андрея 900 р. расплатиться с моими кредиторами. Теперь я прошу уже тебя написать с первой почтой, получены ли деньги или нет? Если ты хочешь оказать мне услугу, скажи им, т. е. Орлову, [2] Шевалье, [3] Афанасию [4] [*1 неразобр.*]и Васеньке, что я переменил намерение и принужден обосноваться в Петербурге, что мне стоило много денег; но что самое большое через месяц я рассчитываю совершенно их удовлетворить. И в самом деле я давно написал уже Андрею, чтобы он продал лес и прислал бы в Москву 900 р. с., которые ты или Ва-

сенька примете на себя труд распределить всем этим господам. Я успокоюсь только тогда, когда эти долги будут уплачены. Помимо дел я очень бы хотел знать, что вы все поделываете. — * Все такъ ли Маша и козликъ [5] въ ходу или новенькое что-нибудь? Ты вѣрно участвуешь въ повтореніи маскарада для Царской фамиліи, [6] вамъ провинціаламъ вѣдь это въ диковинку. *

Печатается по автографу, хранящемуся в ГТМ. Публикуется впервые.

Год определяется содержанием: Савин лес еще не продан, что было в апреле 1849 года.

[1] Василий Степанович и Прасковья Федоровна Перфильевы. Письмо к ним Толстого неизвестно. О присылке Федора в Петербург В. Ст. Перфильев писал Толстому 31 марта — 3 апреля 1849 г.

[2] Об Орлове, которому Толстой проиграл в карты, писал Льву Николаевичу В. С. Перфильев 31 марта—3 апреля 1849 г.: «Из твоих должников беспокоит меня Орлов, которого я привел немножко в себя тем, что дал ему 15 р. серебром; для примеру посылаю тебе его записку под № 1227; на следующей почте пришлю, ежели хочешь, и остальные 1226, с тем, чтобы ты заплатил за посылку» (письмо не опубликовано; хранится в АТБ).

[3] Гостиница Ипполита Шевалье помещалась в Старо-Газетном переулке, в доме Марковой, против теперешнего Московского художественного театра. В этой гостинице Толстой останавливался в 1856 г. и в 1862 г. с Софьей Андреевной. Гостиница Шевалье изображена Толстым в романе «Декабристы», а по словам Софьи Андреевны и в «Казаках».

[4] Кто такой Афанасий, сказать не можем.

[5] «Козлик» — русская песня «Вскочил козлик в огород».

[6] С 28 марта по 10 апреля 1849 г. Николай I с семьей прожил в Москве, где происходили празднества по случаю окончания постройки большого кремлевского дворца. Маскарад во дворце был 7 апреля.

* 14. Гр. С. Н. Толстому.

1849 г. Марта 1...25. Петербургъ.

Сережа!

Во первыхъ, попроси пожалуйста Львова, [1] чтобы онъ черезъ кого нибудь изъ своихъ товарищей похлопоталъ о моемъ дѣлѣ съ Крапивинскими по размежеванію дачи Гончаровой [2] — оно находится въ общемъ собраніи. — Во вторыхъ, я въ послѣднемъ письмѣ приказываю Андрею продать всѣхъ лошадей. — Я думаю въ Москвѣ на Аукціонѣ теперь продажа хороша; ежели ты того же мнѣнія, то напиши о томъ Андрею и займись этимъ. — На сколько теперь ихъ продадутъ и на сколько было прежде продано я думаю составится весь твой долгъ (по раздѣлу), съ которымъ мы и будемъ по этому случаю квиты. [3] Въ

третьихъ, напиши ради Бога мнѣ хоть два слова, это ужъ глупо становится, цѣлый мѣсяцъ ни Федора, ни отъ кого ни полслова. Я серьезно занимаюсь къ экзамену. [4] — Былъ у Пушкина. [5] Онъ [6] *благоволитъ* очень ко мнѣ. — Прощай.

Я въ первый разъ безпокоюсь. — Мнѣ кажется все, что съ кѣмъ нибудь изъ нашего семейства что нибудь да случилось. —

Печатается по автографу, хранящемуся в ГМТ. Публикуется впервые. Письмо датируется предыдущим и ответом гр. С. Н. Толстого от 31 марта 1849 г.

[1] Кн. Георгий Владимирович Львов. О нем см. вступ. прим. к п. № 94.

[2] По плану генерального межевания и в экономических примечаниях 1833 г. к нему во владении «подполковницы гр. М. Н. Толстой (т. е. матери Толстого) и майора Ивана Ивановича Крапивина» значится «пустошь Гончуровка» (земли пашенной 3 дес. 1960 с., сенных покосов — 7 д. 2000 с., лесу — 43 дес. 1671 с., неудобной земли — 4 д. 1933 с., всего — 60 д. 364 с.), лежавшая «на правой стороне Гончаровского отвершка и по обе стороны большой дороги из Ефремова в Тулу. Об этой пустоши (или «даче») и пишет Толстой, который вел дело по размежеванию, очевидно с детьми И. И. Крапивина, которого официальные бумаги называют и «Крапивенским». У Ив. Ив. и Ел. Дм. Крапивиных было шесть сыновей — Валерьян (р. в 1814 г.), Александр (р. в 1816 г.), Орест (р. в 1817 г.), Аркадий (р. в 1827 г.) и Иван (р. 1831 г.) и две дочери — Анна (р. в 1815 г.) и Екатерина (р. в 1835 г.).

[3] О продаже лошадей гр. С. Н. Толстой отвечал в письме от 31 марта 1849 г.: «Что касается твоих лошадей, то, если ты хочешь, я попытаюсь продать их на ярмарке в Богородицке, которая будет 20 апреля, в Москве же на аукционе их продать не могу, ибо, увы, я в Пирогове...». Относительно же долга Сергей Николаевич писал: «Объясни мне, прошу тебя, что ты хочешь сказать, говоря, что, когда ты продашь лошадей, ты будешь квит со мной по долгу по раздельному акту. Признаюсь, я не понимаю этого». (Письмо не опубликовано; хранится в АТБ.)

[4] Толстой готовился к экзаменам в Петербургском университете на кандидата юридических наук. См. п. № 15.

[5] Михаил Николаевич Мусин-Пушкин. О нем см. прим. 8 к п. № 12.

[6] *Зачеркнуто:* протежируетъ.

На это письмо гр. С. Н. Толстой отвечал неопубликованным письмом от 31 марта, хранящимся в АТБ.

15. Ректору Петербургского университета П. А. Плетневу.

1849 г. Марта 30. Петербург.

Его Превосходительству Господину Ректору Императорскаго С.-Петербургскаго Университета, Дѣйствительному Стат-

скому Совѣтнику и Кавалеру, Петру Александровичу Плетневу

бывшаго Студента Казанскаго Университета Графа Льва Толстого

Прошеніе.

Желая держать экзаменъ на ученую степень Кандидата, покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство допустить меня къ испытанію вмѣстѣ со Студентами здѣшняго Университета по юридическому фак. и разряду.

При семъ прилагаю слѣдующіе документы:

1) Свидѣтельство, выданное мнѣ изъ Казанскаго Университета. [1]

2) Метрическое Свидѣтельство о рожденіи и крещеніи. [2]

Графъ Левъ Николаевичъ Толстой.

30 марта 1849 г.

На полях слева рукою Толстого: Свидѣтельство изъ Казанскаго Университета обратно получилъ Графъ Левъ Толстой 26 мая.

Печатается по автографу, хранящемуся в архиве Ленинградского университета в «Деле» № 21 за 1848 г.: «О допущении разных посторонних лиц и слушателей Университета к испытаниям вместе со студентами Университета на ученую степень кандидата или звание действительного студента. Нач. 20 янв. 1848 г. Конч. 28 мая 1849 г.». Впервые опубликовано И. А. Шляпкиным в его книге: «Памяти гр. Л. Н. Толстого» СПБ, 1911, стр. 27—28. После текста Толстого рукой неизвестного: «Спр. Из свидет. Казанского Унив-та видно, что граф Лев Толстой находился в юридич. фак-те и уволен из 2 курса 19 апреля 1847 г.». Толстой так рассказывал своему биографу Левенфельду о намерении держать экзамены в Петербургском университете: «Мне очень приятно было жить в деревне с тетушкой Ергольской, но неопределенная жажда знания снова увлекла меня вдаль, это было в 1848 году [sic!] я всё еще не знал, что мне предпринять. В Петербурге мне открывались две дороги, я мог поступить в армию, чтобы принять участие в венгерском походе, и мог закончить мои университетские занятия, чтобы получить себе потом место чиновника. Но моя жажда знания победила мое честолюбие, и я снова принялся за занятия. Я выдержал даже два экзамена по уголовному праву, но затем все мои благие намерения рухнули. Наступила весна, и прелесть деревенской жизни снова потянула меня в имение». В вышеназванном «деле»

Петербургского университета нет сведений, по каким предметам у каких профессоров Толстой держал экзамены.

Петр Александрович Плетнев (1792—1865)— литературный критик, друг Пушкина, ведший его издательские дела. После его смерти в 1837 г. принимал ближайшее участие в издании «посмертных» произведений поэта, печатавшихся в основанном им журнале «Современник», который Плетнев в 1838—1846 гг. издавал под своей редакцией, и который им был продан И. И. Панаеву и Некрасову. В 1832 г. Плетнев занял кафедру русской словесности в Петербургском университете, а в 1840—1861 гг. состоял ректором Петербургского университета. Академик (с 1841 г.) и председатель Отделения русского языка и словесности Академии наук в 1859—1865 гг.

Личное знакомство Толстого с Плетневым началось в ноябре 1855 года, когда Толстой, приехав в Петербург из Севастополя после Крымской кампании, стал близок к литературному кружку «Современника» и выдвинулся, как подающий большие надежды писатель. Л. Б. Модзалевским опубликована переписка Толстого с Плетневым в 1862 г.: одно письмо Толстого и два письма Плетнева по поводу журнала «Ясная поляна», «Книжек для чтения», издаваемых Толстым, а также нового романа Тургенева «Отцы и дети». См. «Толстой (1850—1860) материалы и статьи». Редакция В. И. Срезневского, Л. 1927, стр. 22—28). В 1910 г. Толстой, вспоминая Плетнева, сказал, что последний к нему «был очень ласков» (А. Б. Гольденвейзер «Вблизи Толстого», т. II, стр. 89).

[1] См. прим. к прошению № 5.

[2] См. прим. 3 к прошению № 2.

* 16. А. И. Соболеву (черновое).

1849 г. Марта 15... 31? Петербург.

Андрей Ильичъ

Ты дѣлаешь все не дѣло. — Скажи на милость, съ какой стати буду я продавать Копылову лѣсъ огуломъ, когда вдвое выгоднѣе продать его по десятинамъ. Какъ ты тамъ не клянись, что нибудь да не то. — посылку при семъ приложенную доставь Сергѣю Николаевичу.

Печатается по черновому наброску, сделанному Толстым поперек письма гр. С. Н. Толстого ко Льву Николаевичу от 9 марта 1849 г. Публикуется впервые. Датируется письмом гр. С. Н. Толстого.

Андрей Ильич Соболев — вероятно вольноотпущенный, так как уже в 1830-ых годах в официальных бумагах называется «служителем» Толстых.

В черновом наброске, относящемся в «Роману русского помещика» и носящем название «Характеры и лица», Толстой дает характеристику А. И. Соболеву. «Он мастер ходить по судам, пишет Толстой, ему доставляло большое удовольствие запутать ясное дело, глубокомысленно потолковать с секретарем о смысле 365 статьи... Зато уж когда запьет — беда! Он раздевается до гола и отправляется — зимой или летом всё равно — в одну известную клумбу в саду, ложится там на живот и плачет... В делах по хозяйству помещика, семейных и общественных Андрей Ильич в сущности мот, деспот, жесток и вообще большой подлец, но он добр и умен». (См. 4 том, стр. 377 — 378). А. И. Соболев еще упоминается Толстым в III гл. «Воспоминаний детства». Управляющим Ясной поляны Соболев был до июля-августа 1852 г., когда за пьянство был уволен.

На этом же письме гр. С. Н. Толстого, на ряду с рисунками и пробами пера рукой Толстого написано:

«Chère Tante vous ne sauriez croire combien vous me faite de peine par votre silence. [Милая тетенька, вы не представляете, как вы огорчаете меня своим молчанием]

⟨Catilina secundum omnibusqui⟩ [Катилина, во-вторых, всеми, которые]

Студенту — тетради узнать

Гирганзанъ [?] Пушкину Костень спровад. къ Андрееву Написать письмо Вас. Милютину

Ферзену — о службѣ Герценъ Ферзенъ Ферзенъ Герценъ Костинька Поливановъ Пушкинъ Сазановъ Сафоновъ Петръ первый Екат Ек Екатерина II»

Пушкин — вероятно Михаил Николаевич Мусин-Пушкин. *Ферзен* — приятель Толстого, бар. Г. Е. Ферзен. *Костинька* — К. А. Ислявин.

* 17. Гр. С. Н. Толстому.

1849 г. Апреля 1...30. Петербург.

Serge, je suis très occupé [1] de quoi? je t'écrirai plus tard. C'est pourquoi je ne t'écris que quelques mots; viens à Ясное et parle toi même avec les marchands. — Je remarque d'après les lettres par trop éloquentes d'André, qu'il y a du louche dans toute l'affaire. Pour te mettre au fait je te dirai seulement: *Капыловъ* donne 250 r. [2] et m'a donné de l'argent d'avance, les autres marchands en donnaient 310 et encore plus d'argent d'avance; donc puisque c'est plus avantageux, on peut prendre ceux-la et payer Капыловъ. Je lui ai écrit il est vrai, que je lui céd[ais] pour 275 mais puisqu'on en donne plus il faut qu'il fasse la même chose ou bien qu'il se retire. Au reste si tu trouves qu'il vaut mieux rendre à Капыловъ même pour 270, fais-le. — Je tiens seulement à ce que cela finisse et sans ce fripon d'André. [3] —

Виноватъ о Щербачовкѣ [4] ничего не узналъ. Оболенскій [5] говорилъ, что скоро кончится, но я подробно не разпросилъ. Митинька [6] написалъ ему еще письмо и онъ хотѣлъ нынче ко мнѣ заѣхать за объясненіемъ. Прощай, поцѣлуй *ручку* у т. Т. А. [7] — Очень занятъ. Каковы борзыя, к[оторыя] я тебѣ прислалъ. Прелесть! Хоть бы ты учтивость соблюлъ, поблагодарилъ.. [8]

Печатается по автографу, хранящемуся в ГТМ. Публикуется впервые. Письмо датируется содержанием: извинение в том, что «ничего не узнал о Щербачевке». О Щербачевке узнать просил гр. С. Н. Толстой в письме от 31 марта, на которое, таким образом, данное письмо является ответом. В письме этом речь идет о продаже леса Савин березняк.

[1] Занят Толстой был приготовлением к экзаменам.

[2] *Зачеркнуто:* arg

[3] Сережа, я очень занят, чем? я тебе напишу после. Поэтому я тебе пишу всего несколько слов. Поезжай в Ясное и поговори сам с купцами. По письмам Андрея, слишком красноречивым, я замечаю, что дело нечисто. Чтоб ты был в курсе дела, я скажу только, что Копылов дает 250 р., и дал мне денег авансом, другие купцы дают 310 и еще больше аванса. Следовательно, так как это выгоднее, можно взять у этих и заплатить Капылову. Я ему написал, правда, что я уступаю ему за 275. но раз дают больше, надо чтобы и он сделал то же или бы убирался. Впрочем, если ты находишь, что лучше отдать Капылову даже за 270, то сделай так. Я только стою за то, чтобы поскорее всё это кончилось и без участия этого жулика Андрея.

[4] Щербачевка — имение Курской губ. Суджанского уезда, доставшееся по разделу детей Толстых в 1847 г. гр. Дмитрию Николаевичу Толстому. При разделе в Щербачевке были 331 душа, 1000 десятин земли, лесные дачи и мукомольная мельница.

[5] Кн. Дм. Алдр. Оболенский. О нем см. прим. 7 к п. № 12.

[6] Гр. Дм. Ник. Толстой. О нем см. прим. 5 к п. № 84.

[7] Татьяна Александровна Ергольская.

[8] Фраза со слов «хоть бы» приписана сбоку страницы.

* 18. Гр. С. Н. Толстому.

1849 г. Апреля 20. Петербург.

20 Апрѣля.

Сдѣлай милость, съѣзди въ Ясную и въ Тулу даже, ежели нужно, и кончи какъ нибудь съ этими купцами. Я чувствую, что я и самъ виноватъ въ путаницѣ, которая произошла, да что дѣлать? Ксенофонтовъ [1] даетъ 325, Капыловъ же 280. — Мнѣ

кажется, что одинъ способъ [2] кончить это дѣло такъ: Капылову отдать за 280 съ тѣмъ, чтобы онъ *всѣ* забранныя деньги надписалъ на прежнемъ контрактѣ безъ процентовъ; ежели же онъ не согласенъ, то, нечего дѣлать, отдать Ксенофонтову; впрочемъ, объ одномъ тебя прошу, сдѣлай все это поскорѣй и, какъ знаешь, все, что ты сдѣлаешь я за все тебѣ буду благодаренъ и *спорить и прекословить не буду*, а то у меня *Саветъ* вотъ гдѣ сидитъ!

Прощай.

Печатается по автографу, хранящемуся в ГТМ. Публикуется впервые. Год определяется содержанием: продажа леса Копылову.

[1] Ксенофонтов — очевидно тульский купец.

[2] *Зачеркнуто:* сдѣлать правильно это

На это письмо гр. С. Н. Толстой отвечал письмом, датируемым концом апреля 1849 г.:

«Лес твой продал и контракт заключил, по 275 рублей десятина, проценты не считать; не знаю, доволен ли ты будешь тем, как я распорядился деньгами. Тебе следует получить вперед 1100 рублей серебром, из коих ты получил уже 470 серебром, как мне сказал Копылов, и как я видел по одной твоей расписке, данной в 250 р. серебр., да еще недавно, как говорит Копылов, ты взял 70 р. сер., то там остается только 150 р., которые вероятно тоже ты положил в число денег за Савин, а не за Заказ. Так как ты писал Андрею послать в Москву 300 р. серебром, то я сказал Копылову доставить эти деньги через кореспондента в Москву *Васиньке*, а этому последнему пишу удовлетворить ими самых алчных кредиторов. 180 р. серебром получишь в Петербурге от тестя Копылова, а остальные 150, за исключением небольшой суммы, вышедшей на издержки контракта, получит Андрей, и ты уже сам прикажи ему, что из них делать. Не худо бы тебе написать ему доставить что-нибудь тетиньке Татьяне Александровне, о Полине же не беспокойся, она уже довольно меня допекает. Андрей говорит, что нужно будет послать в Совет, подумай об этом сам. — Письмо мое от того так *хорошо*, что сейчас еду на охоту. Охота славная. Борзые, которые ты мне прислал, хороши, но мои молодые живые [?] еще лучше. Напиши мне про четыре вещи: во-первых, 1) как идут твои занятия, держишь ли ты или нет экзамен? во-вторых, 2) Будешь ли или нет летом в деревне, в третьих? 3) О Щербачевском деле. Прощай. Получаешь ли мои письма? В другой раз буду писать больше. Гр. С. Толстой. Tante Toinette t'embrasse. [Тетенька тебя целует.] Напиши мне непременно, получаешь ли мои письма» (Письмо не опубликовано; хранится в АТБ).

Заказ — старый лес, примыкающий к усадьбе Ясная поляна. *Васенька*— В. С. Перфильев. О нем см. прим. 4 к п. № 6.

* 19. Гр. С. Н. Толстому.

1849 г. Мая 1. Петербургъ.

1 Мая.

Читай это письмо одинъ.

Сережа.

Ты, я думаю, уже говоришь, что я *самый пустяшной малой*; и говоришь правду. — Богъ знаетъ, что я надѣлалъ! — Поѣхалъ безъ всякой причины въ Петербургъ, ничего тамъ путнаго не сдѣлалъ, только прожилъ пропасть денегъ и задолжалъ. Глупо. — Невыносимо глупо. — Ты не повѣришь, какъ это меня мучаетъ. — Главное долги, которые мнѣ *нужно* заплатить и *какъ можно скорѣе*, потому что, ежели я ихъ заплачу не скоро, то я сверхъ денегъ потеряю и репутацію. — Ради Бога, сдѣлай вотъ что: Не говоря теткамъ и Андрею, почему и зачѣмъ, продай Воротынку [1] Уварову [2] или Селезневу. [3] Это моя послѣдняя ресурса, но без которой я не обойдусь, какъ для того, чтобы прожить, такъ и для того, чтобы въ Опекунской совѣтъ заплатить. Мнѣ до новаго дохода необходимо 3,500 р. серебромъ, — 1,200 въ 0. с.; 1,600 заплатить долги; 700 на прожитокъ. — Я знаю, ты будешь ахать, но что-же дѣлать, глупости дѣлаютъ разъ въ жизни. Надо было мнѣ поплатится за свою свободу и философію, вотъ я и поплатился.

Некому было сѣчь. Это главное несчастіе.

Сдѣлай милость, похлопочи, чтобы вывести меня изъ фальшиваго и гадкаго положенія, въ которомъ я теперь — безъ гроша денегъ и кругомъ долженъ. — Мнѣ въ наискорѣйшемъ времени нужно сюда 800 р. с. и въ Москвѣ, какъ я писалъ Андрею, 300 и еще 150. За лѣсъ и лошадей получатъ вѣрно 1,400, всѣ ихъ и нужно разослать. — 450 въ М[оскву], а остальные сюда. —

Воротынку-же можно скоро запродать, препятствій, я думаю, никакихъ нѣтъ. Оболенскій [4] говоритъ, что по Щербач. перезалогу вся задержка въ довѣренности: нѣтъ ни твоей, ни моей, ни Маш[инькиной] [5] свою я уже давно послалъ Митинькѣ. [6] Чего ты не понимаешь *о томъ что мы будемъ квиты долгами*? [7] Это значитъ то, что за что я у тебя взялъ даромъ лошадей? Это не было въ раздѣлѣ, да ежели бы и было, то было бы несправедливо, поэтому я тебѣ и писалъ, что съ продажею лошадей мы будемъ квиты 1500 р. с. к[оторые] ты мнѣ б[ылъ] долженъ

по раздѣлу... Лошадей ты мнѣ далъ вѣрно, коли не больше, чѣмъ на 1500 р. сер. А что я тебѣ это написалъ, а не сказалъ прежде, это потому, что мнѣ и тебѣ было бы неловко объ этомъ говорить. Не знаю отъ чего, а было бы неловко... Ты знаешь вѣрно, что наши войска всѣ идутъ въ походъ, и что часть (2 корпуса) перешли границу, и говорятъ, уже въ Вѣнѣ. Я началъ было держать экзаменъ на кандидата и выдержалъ 2 — хорошо; [8] но теперь перемѣнилъ намѣреніе и хочу вступить юнкеромъ въ Конно-Гвардейскій полкъ. Мнѣ совѣстно писать это тебѣ, потому что я знаю, что ты меня любишь, и тебя огорчатъ всѣ мои глупости и безосновательность. Я даже нѣсколько разъ вставалъ и краснѣлъ отъ этаго письма, что и ты будешь дѣлать, читая его; но что дѣлать, прошедшаго не перемѣнишь, а будущее зависитъ отъ меня. —

Богъ дастъ, я и исправлюсь и сдѣлаюсь когда нибудь порядочнымъ человѣкомъ, больше всего я надѣюсь на Юнкерскую службу; она меня пріучитъ къ практической жизни и nolens volens [9] мнѣ надо будетъ служить до Офицерского чина. — Съ счастіемъ т. е., ежели Гвардія будетъ въ дѣлѣ, я могу быть произведенъ и прежде 2-хъ-лѣтняго срока, Гвардія идетъ въ походъ въ концѣ Мая. Я теперь ничего не могу дѣлать, потому что, во первыхъ, нѣтъ денегъ, которыхъ мнѣ нужно не много (все казенное), а, во-вторыхъ 2) метрическія свидѣтельства въ Ясной, вѣли ихъ прислать какъ можно скорѣй. Не сердись на меня пожалуйста, я и то теперь слишкомъ чувствую свое ничтожество, и исполни поскорѣй мои порученія. Прощай, не показывай письма этаго тетинькѣ, я не хочу ее огорчать.

Печатается по автографу, хранящемуся в ГТМ. Впервые опубликованы отрывки из письма (с неверной датой: «1848») П. И. Бирюковым в Б, I, 1906, стр. 154—155; несколько бо́льшие отрывки даны (тоже с неверной датой: «1848») в ПТС I, стр. 2—4.

[1] Воротынка, или правильнее Малая Воротынка, имение Богородицкого у. Тульской губ. с 22 душами, доставшееся по разделу 1847 г. Толстому.

[2] Кто такой Уваров — сказать не можем.

[3] Дмитрий Степанович Селезнев (1807—188.) — тульский помещик, скупавший земли. В 1879 г. у него было родовых в Тульской губ. 5400 дес. и купленных в разных губерниях 3200 дес.

[4] Кн. Дмитр. Алдр. Оболенский. О нем прим. 7 к п. № 12.

[5] Гр. Мар. Ник. Толстая.

[6] Гр. Дм. Ник. Толстой.

[7] О долге гр. С. Н. Толстому см. прим. 3 к п. № 14.

[8] Манифест о содействии австрийскому правительству в подавлении венгерского восстания был издан 28 апреля 1849 г. Тогда же был двинут из Кракова к Вене отряд (из четырех пехотных полков и одной артиллерийской бригады, а не из двух корпусов, как пишет Толстой) под начальством Ф. С. Панютина. Слух, передаваемый Толстым, что отряд «уже в Вене», был неверен. Отряд остановился в Градище (между Ольмюцем и Гедингом).

[9] В статье «Воспитание и образование», написанной в 1862 г., Толстой вспоминал: «В 48 году [Лев Николаевич запамятовал: дело было несомненно в апреле 1849 г.] я держал экзамен на кандидата в Петербургском университете и буквально ничего не знал и буквально начал готовиться за неделю до экзаменов. Я не спал ночи и получил кандидатские балы из гражданского и уголовного права, готовясь из каждого предмета не более недели». Левенфельд со слов Толстого писал, что Лев Николаевич «терпеливо сдал два экзамена по уголовному праву» (Ф. Левенфельд «Гр. Л. Н. Толстой. Его жизнь, произведения и миросозерцание». Перевод с нем. Изд. 2, М. 1904, стр. 39). В письме от 11 мая Толстой пишет, что держал один экзамен. Вероятно в один день был экзамен по двум предметам. Профессором уголовных и полицейских законов в петербургском университете в 1835—1856 г. был Яков Иванович Баршев (1807—1892); профессором российских гражданских законов 1843—1855 гг. был Константин Алексеевич Неволин (1806—1855).

[10] волей-неволей.

На это письмо гр. С. Н. Толстой ответил неопубликованным письмом от 11 мая 1849 г. (Год письма определяется содержанием: «За лес и лошадей получат верно 1400». Лес — Савин березняк был продан в апреле 1849 г. О лошадях Толстой писал гр. С. Н. Толстому в письме от марта не позднее 25-го 1849 г.) Приводим письмо гр. С. Н. Толстого от 11 мая 1849 г. полностью:

«Завтра еду в Тулу, чтобы видеть Уварова и начать хлопотать о продаже Воротынки. Есть-ли же он раздумал, то пошлю к Селезневу; но вот в чем дело: как я не буду стараться ускорить это дело, всё это кончится не так скоро. Во первых, это не может кончиться прежде полученья денег за Щербачевку, во-вторых, тебе надо дать мне доверенность от себя и прислать, естьли у тебя есть, а естьли нету, то вытребовать доверенность от всех братьев. Напиши мне скорее и подробно об этом, я же покуда буду хлопотать. Лес твой я продал до получения твоего последнего письма, поэтому я так и распорядился деньгами. Естьли бы я получил твое письмо прежде, то я не велел бы посылать 300 рублей серебром в Москву, а послал бы их в Петербург. У Андрея, исключая 150 серебром, посланных к тебе, остается 180 р. серебром. Напиши, куда их послать, к тебе? или в опекунский совет? Ты пишешь, что за лес и лошадей надо получить 1400 серебр. но ты из следуемых за лес получил 420 р. серебр., следовательно остается 620 рубл. сер. За лошадей же всего получено 200, т. е. за Надежного. — Итого 880 серебром. Завтра узнаю у Андрея, естьли продажный хлеб. Итак, одна надежда на Воро-

тынку, но, чтобы продать Воротынку, надо необходимо кончить сперва щербачевское дело, а для этого нужно следующее: моя, Машинькина, Николенькина (которая уже есть) и твоя доверенности у Митеньки, потому что Николенька прислал свою Митеньке; ты пишешь, что ты Митеньке доверенность послал, а Митенька же пишет мне, что она не годится. Вот тебе его письмо. Прочти его со вниманием и поймешь, в чем дело, а именно: ты напишешь доверенность о перезалоге Щербачевки на имя Митеньки и, оставя ее у себя в Петербурге, отдашь ее тому, кому Митенька пришлет свою и Николенькину доверенность. Я же с Машенькой сделаю то же; Митеньке же я напишу, чтоб узнать от него, кому он даст доверенность от себя, и следовательно, уже не от нас, чтобы хлопотать о этом деле.

Естьли же и это не удастся, то я скоро получу доверенность от Николеньки, и тогда опять уже тебе, Митеньке и Машеньке нужно будет дать доверенность мне, а я передам ее кому нибудь в Петербурге, хотя Оболенскому. Покуда всё это кончится, я буду хлопотать о продаже Воротынки, напиши мне с первой почтой о цене и о том, естьли у тебя на этот предмет от братьев доверенности. Я писал тебе до сих пор больше не о чем, как о делах, зная, что это больше всего должно тебя занимать. Советовать или отговаривать тебя насчет поступления в Конногвардию я не хочу, потому что я знаю, что советы, даже и самые благоразумные, никогда и никого ни к чему не повели. Но мне кажется, что тебе следовало бы сделать вот что: *сейчас же приехать в деревню*. Я уверен, что тебе это покажется невозможно, но дело вот в чем. — Тебе необходимо в самом коротком времени расплатиться с долгами; насчет этого нечего говорить, надо их заплатить и как можно скорей, хотя это тебя очень стеснит, ибо Воротынка, как ты говоришь сам, твоя последняя рессурса, но дело сделано, помочь ему нельзя; ты говоришь, что глупости делаются в жизни один раз, хорошо, когда бы это было так. А теперь уже самая легкая глупость может расстроить твое состояние совершенно, а состоянье, право, в нашей жизни вещь очень важная особливо, когда кто к нему привык. Но долги твои в Петербурге непременно надо заплатить, и как можно скорей и поэтому (естьли ты не лишен возможности выехать из Петербурга) то надо, как можно скорей приехать в деревню, естьли же тебе по случаю долгов нельзя выехать, то займи где нибудь и употреби все возможные средства и приезжай в деревню. Тебе это должно казаться странно, но прочти до конца: как я ни буду стараться, я никак не кончу так скоро продажу Воротынки, как ты сам. Это вещь невозможная. Сам же ты можешь найти и другие средства достать денег. Вообще всё это кончится вдвое скорее; купчую по доверенности совершить кажется нельзя; да естьли и можно, Уваров и Селезнев уже наверное на это не согласятся, тогда опять будет месяца на два пересылок и переписок. Ты же можешь приехать не более как на две недели со всем с проездом. Дорожные издержки тебе будут верно стоить меньше, чем прожить эти две недели в Петербурге. Поступить в Конногвардию ты точно также можешь по возвращении из деревни. Кстати, скорей выхлопочешь себе метрическое свидетельство (про которое в Ясном никто не знает) и так насчет поступления в службу задержки не будет, насчет издержек расчет один и тот же, теперь остаются два главные пункта.

1) *Будет ли тронута твоя репутация тем, что ты уедешь из Петербурга не заплатя долги?* — Нет, ибо ты собственно уедешь для того, чтобы скорей расквитаться с долгами. Может и будут в продолжение двух или трех недель, покуда ты не соберешь денег и думать об тебе не совсем то *ловко*, но так как ты сам уверен в том, что долги свои заплатишь и, следовательно, и все эти господа будут удовлетворены, то ни репутация, ни совесть твоя не потерпят ни малейшего вреда. — Теперь последний пункт. Может тебе от долгов нельзя выехать из Петербурга, тогда надо будет тебе как нибудь похлопотать об том, чтобы тебя выпустили, что ты наверное сделаешь, но я уверен, что дела твои еще не так худы. Отвечай мне скорей обо всем подробно. — Гр. С. Толстой». (Публикуется впервые; подлинник в АТБ.)

* 20. Гр. С. Н. Толстому.

1849 г. Мая 11. Петербург. 11 Мая.

Отвѣчаю тебѣ на твои четыре пункта слѣдующее: 1) Одинъ экзаменъ я держалъ и выдержалъ, [1] но сдѣлался боленъ и не могъ продолжать, не знаю, позволютъ-ли мнѣ или нѣтъ держать остальные въ августѣ — я объ этомъ хлопочу и надѣюсь, что позволютъ, въ этомъ случаѣ мнѣ нужно будетъ писать еще диссертацію. — 2) Въ деревню я пріѣду нынче лѣтомъ только въ томъ случаѣ, ежели мнѣ не позволятъ додерживать экзаменовъ (и то не думаю, потому что въ этомъ случаѣ я вступлю въ военную службу, какъ я уже тебѣ и писалъ) и когда заплачу всѣ долги. — 3) О Щербачовкѣ я тебѣ уже писалъ и писалъ Митинькѣ; сейчасъ ѣду обѣдать къ Оболенскому и узнаю еще подробнѣе. 4) Письма твои получилъ и всегда съ большимъ удовольствіемъ, почему и прошу тебя писать почаще. —

Въ послѣднемъ письмѣ моемъ я писалъ тебѣ разныя глупости, изъ которыхъ главная та, что я былъ намѣренъ вступить въ конно-гвардію; теперь же я этотъ планъ оставляю только въ томъ случаѣ, ежели экзамена не выдержу, и война будетъ сурьезная. — За продажу лѣса я тебѣ очень благодаренъ; одно только что мнѣ не нравится, это то, что полученные мною 400 р. с. въ Петерб[ургѣ] я хотѣлъ бы считать по прежнему контракту, а 1000 р. с. получить сполна. Скажи объ этомъ Андрею или Копылову. — Надѣюсь, что ты также скоро и хорошо кончишь съ продажей Воротынки; хотя и жалко, но нечего дѣлать. — Я отъ своихъ глупостей теперь въ самомъ непріятномъ положеніи; ты испыталъ его въ Москвѣ, поэтому и постараешься вѣрно меня выручить. Dis à tante Toinette, que je lui demande pardon de mon étourderie et dis à André qu'il

remette à tante T. les 150 r. arg. Je n'écris pas à la tante parceque je me sens trop fautif envers elle. Je lui ai commencé trois lettres que j'ai déchiré. Prie la de m'écrire. Je lui baise les mains. [2]

О собакахъ я тебѣ писалъ не о живыхъ, а о гипсовыхъ, которыхъ я тебѣ прислалъ. Скажи пожалуйста А И., [3] что мнѣ прислали вмѣсто нужныхъ вѣщей ненужные: какъ то разные мѣховые пальты и т. д., а сертука лѣтняго и зимняго, панталонъ, косынокъ лѣтнихъ, платковъ фуляровыхъ, ложекъ серебрян[ыхъ], носковъ, простынь, полотенецъ, салфетокъ, печатей не прислали. Вѣли прислать и узнать, пропилъ ли эти вѣщи Федоръ [4] или ихъ забыли. Отвѣчай поскорѣй и подробнѣе. Прощай.

Деньги, которые получитъ Андрей за лѣсъ, хлѣбъ, за лошадей, вѣли присылать мнѣ. Опекунскій совѣтъ я намѣренъ удовлетворить деньгами отъ продажи Воротынки, [5] которую, повторяю еще разъ, *нужно* продать; жалко! А нечего дѣлать; мало того, что надо жалѣть, надо и поправлять зло, которое уже сдѣлано. —

Ты бы могъ мнѣ сдѣлать большое благодѣяніе, ежели бы отпустилъ ко мнѣ Алексѣя Пѣтухова; [6] я знаю, что ты не откажешься; тѣмъ болѣе, что въ этомъ случаѣ я буду кормить его семейство и пришлю тебѣ въ замѣнъ стараго Исленьевскаго буфетчика и охотника, который теперь мнѣ служитъ, хорошій человѣкъ, хотя и любитъ выпить; притомъ безъ семейства; но дѣло въ томъ, согласится ли Пѣтуховъ. Скажи ему, что я ему предлагаю 10 р. с. въ мѣсяцъ жалованье на своей пищѣ, и что не оставлю его семейство. — Я очень здѣсь чувствую необходимость въ хорошемъ слугѣ. — Итакъ, ежели Пѣтуховъ согласенъ, то вѣли Андрею дать ему на дорогу денегъ, и пускай онъ ѣдетъ; чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше.

Я пишу тебѣ, а не Андрею, потому что онъ своими разсужденіями вывелъ изъ терпѣнія; скажи ему, что я очень недоволенъ его письмами, совѣтами и перемѣною старостъ, но чтобы не менѣе того не переставалъ писать съ каждой почтой.

На конверте:

Въ *Тулу*. Андрею Ильичу Соболеву. *Передать Графу Сергѣю Николаевичу Толстому безъ задержки.*

Печатается по автографу, хранящемуся в ГТМ. Впервые опубликован отрывок из письма П. И. Бирюковым в Б, I, 1906, стр. 155. Год письма определяется почтовыми штемпелями: «С. Петербург, 13 мая, 1849» и

«получено 1849 мая 17». Письмо является ответом на письмо гр. С. Н. Толстого от второй половины апреля 1849 г.

[1] Об экзаменах см. предыдущее письмо.

[2] Скажи тетеньке, что я прошу извинения моей ветренности и проси Андрея передать ей 150 р. сер. Я не пишу тетеньке, так как чувствую себя слишком перед ней виноватым. Я начал ей три письма, которые разорвал. Проси ее написать мне. Целую ее ручки.

[3] Андрей Ильич Соболев.

[4] Слуга Толстого.

[5] Малая Воротынка.

[6] Сведениями об Алексее Петухове мы не располагаем.

* 21. Т. А. Ергольской.

1849 г. Мая 20 — 26. Петербург.

Cette lettre est du 20 Mai comme vous voyez elle est depuis 6 jours sur ma table et je ne puis me décider à vous l'envoyer, attendant toujours une lettre de vous je vous assure que c'est cruel de votre part. André m'écrit [1] que vous avez l'air chagriné. Pardon, chère tante, простите меня, душечька, je suis un misérable, un vilain de vous faire souffrir pour moi; je sais que c'est moi, qui suis la cause de votre chagrin[e], et dès à présent je me décide à retourner le plus tôt possible auprès de vous pour ne plus vous quitter, que parfois pour quelques semaines. [2] Je vous[ai] écrit que je veux entrer au ministère de[s] Affaires Etrangères; mais j'y renonce, запишусь чего нибудь, въ Тулѣ буду готовиться къ экзамену и всю зиму пробуду въ Ясной, чтобы экономить.

Долги мои неуплатимые, но Богъ дастъ это въ послѣдній разъ. — Теперь дѣло въ томъ, что я не могу выѣхать, не потому что меня задерживают, но потому, что я обѣщался заплатить до отъѣзда и на дорогу нужно 100 р. с. Всего мнѣ нужно теперь 400 р. с. — Прощайте, цѣлую ваши ручки и скоро надѣюсь васъ видѣть. —

Ne montrez à personne cette lettre, encore une fois, et ne parlez pas de mon arrivée prochaine; [1] je voudrai[s] tomber à l'improviste. Dites à Serge que je l'embrasse et je le remercie pour la peine qu'il se donne. —

Это письмо, как вы видите, от 20 мая: оно лежит 6 дней на моем столе и я всё не решаюсь его отправить, ожидая письма от вас. Право, это жестокость с вашей стороны. Андрей пишет, [1] что вы выглядите грустной. Простите, дорогая тетенька, *простите меня, душечька, * я презренный, я

дурной, причиняя вам страданья; знаю, что причина вашего горя — я, и решаюсь вернуться к вам, как можно скорее и не расставаться больше о вами, разве изредка, на несколько недель. [2] Я писал вам, что хочу поступить в Министерство иностранных дел; бросаю это намерение, *запишусь чего нибудь, въ Тулѣ буду готовиться къ экзамену и всю зиму пробуду въ Ясной, чтобы экономить.

Долги мои неуплатимые, но Богъ дастъ это въ послѣдній разъ. — Теперь дѣло въ томъ, что я не могу выѣхать, не потому что меня задерживаютъ, но потому, что я обѣщался заплатить до отъѣзда и на дорогу нужно 100 р. с. Всего мнѣ нужно теперь 400 р. с. — Прощайте, цѣлую ваши ручки и скоро надѣюсь васъ видѣть. — *

Никому не показывайте этого письма, еще раз, и не рассказывайте о моем близком приезде. Я хочу явиться неожиданно. Скажите Сереже, что я его целую и благодарю за его труды. —

Печатается по автографу, хранящемуся в АТБ. Публикуется впервые. Начало письма не сохранилось. Год письма определяется содержанием: необходимость уплатить долг задерживает Толстого в Петербурге. См. п. № 19.

[1] Это письмо не сохранилось.

[2] День отъезда Толстого из Петербурга в Ясную поляну неизвестен.

* 22. А. И. Соболеву.

1849 г. ? Апрель... май? Петербург?

Андрей Ильичъ!

Отвѣтишь ли ты мнѣ, наконец, сколько просрочки въ Опекунскій Совѣтъ. Если полученныя деньги за землю нельзя будетъ переслать въ Совѣтъ, то постарайся продать что нибудь и, хотя немного, послать денегъ въ Совѣтъ, чтобы не подвергнуться описи, которая остановитъ предположенныя мною продажи.

Г. Л. Толстой.

Печатается по автографу, хранящемуся в АТБ. Публикуется впервые. Датируется предположительно по содержанию: уплатой денег в Опекунский совет и продажей земель Толстой был взволнован в апреле — мае 1849 г. См. письма №№ 18 и 19.

* 23. Т. А. Ергольской.

1849 г. Декабря конец. Тула.

Chère tante.

Le soir du même jour que vous êtes partie, revenu à *Ясное* j'appris votre départ, [1] qui me causa beaucoup de peine; d'autant plus, que Gacha [2] me raconte que vous étiez très-fâchée contre moi,

et ce qui me fit encore plus de chagrin, très triste. — J'aurai pu m'excuser: vous dire que le dîner, auquel j'avais promis d'être présent me retint la veille, que le lendemain m'étant levé tard je suis resté dîner avec Arsenieff, [3] croyant toujours vous trouver, dans le cas où vous ne seriez pas partie le matin.

Quoique ce soient des raisons valables, j'aime mieux avoir recours à votre bonté, vous avouer franchement, que j'ai été inconséquent et vilain d'avoir pu causer du chagrin et vous demander pardon.

Je vous aurais suivi le même jour, si je n'avais quelques affaires assez sérieuses, qui me retiennent ici. Dites à Marie et à Valérien que je les embrasse bien tendrement et que je ne demande pas mieux que d'être le parrain de leur futur enfant; mais comme je ne peux ni ne veux être présent à l'ac[c]ouchement de Marie je demande seulement qu'on m'informe dès qu'ell[e] sera accouché et dans 12 heures je serais arrivé. — Comment se porte-t-elle?

Adieu, chère tante, je vous baise les mains et vous prie de ne plus être fachée contre moi. Avez vous des nouvelles de la tante Pauline?

J'envoie le calendrier à tante Lise, je la félicite et lui baise les mains. —

Je vous remercie pour votre cadeau qui m'est d'une grande utilité — la robe de chambre. —

На конверте.

Ея Высокоблагородію Татьянѣ Александровнѣ *Ергольской. Въ Покровское.*

Дорогая тетенька.

Вечером, в самый день вашего отъезда, [1] я вернулся в **Ясное** и глубоко огорчился, узнав, что вы уехали, тем более, что Гаша [2] рассказывает, что вы очень сердились на меня, и что меня еще больше опечалило, были очень грустны. — Я мог бы себе в извинение сказать вам, что накануне меня задержал обед, на котором я обещался присутствовать, а что на другой день я встал поздно и остался обедать с Арсеньевым, [3] думая всё-таки вас застать, ежели вы не уехали утром.

Но хотя причины эти достаточны, я всё же предпочитаю обратиться прямо к вашей доброте, сознавшись откровенно, что, причинив вам огорчение, я поступил непоследовательно, дурно и прошу вас меня простить. —

Я бы поехал вслед за вами, ежели бы меня не задерживали здесь кое-какие серьезные дела. Передайте Машеньке и Валерьяну, что я их нежно целую и что охотно буду крестным отцом их будущего ребенка; но, так как я не могу и не желаю присутствовать при Машенькиных родах, пусть они известят меня, когда она разрешится, и через 12 часов я явлюсь. Как ее здоровье? —

Прощайте, дорогая тетенька, целую ваши ручки и прошу перестать на меня сердиться. Имеете ли вы известие о тете Полине? [4]

Посылаю календарь тете Лизе, [5] поздравляю ее и целую ее ручки. — Благодарю вас за подарок — халат. Он мне очень нужен.

Печатается по автографу, хранящемуся в АТБ. Публикуется впервые. Датируется содержанием: предстоят роды гр. М. Н. Толстой. Она родила 8 января 1850 г. дочь Варвару.

[1] Т. А. Ергольская уехала из Ясной поляны к Толстым в Покровское, чтобы присутствовать при родах гр. Марии Николаевны Толстой.

[2] Агафья Михайловна (1812—1896) была горничной бабки Толстого, гр. Пелагеи Николаевны, затем служила у Толстых в разных должностях и прожила всю свою жизнь в усадьбе Ясная поляна. Последние годы жизни получала пенсию от Толстого. Несмотря на то, что в молодости была красива, она осталась девушкой. Агафья Михайловна была своеобразно умна и талантливо рассказывала. У нее было пристрастие к животным, и одно время она заведывала овцами, а затем охотничьими собаками. Толстой вывел ее в «Детстве» и «Отрочестве» в лице горничной Гаши. Изображена она в «Дневнике помещика» и в «Анне Карениной». О ней см. Илья Толстой «Мои воспоминания»; Т. А. Кузминская «Моя жизнь дома и в Ясной поляне»; Т. Л. Сухотина-Толстая «Друзья и гости Ясной поляны». М. 1923.

[3] Владимир Михайлович Арсеньев (1810—1853), гвардии поручик, тульский помещик, владелец имения Судаково в 7 в. от Ясной поляны, женат был на Евгении Львовне Щербатовой (1808—1856). После смерти В. М. Арсеньева Толстой был назначен опекуном оставшихся сирот: Валерии (1836—1909), Ольги (1838—1867), по мужу кн. Енгалычевой, Евгении (1845—1909) по мужу Липранди и Николая (1846—1907).

[4] Пелагея Ильинична Юшкова. О ней см. прим. 8 к п. № 4.

[5] Елизавета Александровна Толстая. О ней см. прим. 7 к п. № 4.

* 24. Т. А. Ергольской.

1849 г. Июнь... декабрь? Тула.

Que faites vous chère Tante? Moi je m'amuse. Adieu, je vous baise les mains. — Voilà un billet pour André.

На обороте: Ея Высокородію Татьянѣ Александровнѣ Ергольской. Въ Ясную Поляну.

Что вы поделываете, дорогая тетенька? Я веселюсь. Прощайте, целую ваши ручки. — Эта записка Андрею.

Печатается по автографу, хранящемуся в АТБ. Публикуется впервые. Датируется предположительно временем, когда Толстой часто бывал в Туле.

1850

* 25. Т. А. Ергольской и Гр. М. Н. Толстой.

1850 г. Января 10. Тула?

Chère tante,

Votre lettre m'a causé une vive émotion, en la décachetant je croyais y trouver la nouvelle de la délivrance de Marie, mais malheureusement il n'en est encore rien et il faut encore attendre. Je vous félicite au sujet du nouvel an que je passe à Toula et un peu plus sagement que l'an 1849. [1] — Hier j'ai reçu une lettre de Serge, qui m'annonce, que Pauline [2] a très heureusement accouché d'un garçon qu'on nomme Théodore. Serge m'écrit que le 7 Janvier il compte partir pour P-g pour y passer 2 semaines.

Pour ce qui concerne l'argent que je vous dois de même que celui de tante Pauline [3] je ne l'ai pas pour le moment mais je compte vous l'apporter. Je vous en demande bien pardon. Adieu je baise vos mains de même que celles de ma tante Lise. [4] —

Рожай поскорѣе, милый другъ Машенька; ты не повѣришь, какъ скучно будущему дядюшкѣ дожидаться, до свиданья, цѣлую тебя очень нѣжно и поручаю также поцѣловать отъ меня Валеріана.

10 Января 1850.

На 3 странице:

Его [sic] Высокоблагородію Татьянѣ Александровнѣ Ергольской.

Дорогая тетенька,

Я очень взволновался, получив ваше письмо, распечатывая его, я думал, что вы извещаете меня, что Машенька разрешилась. К несчастью, — нет, и надо еще ждать. Поздравляю вас с новым годом, который встретил в Туле и благоразумнее, чем 1849. [1] — Вчера получил письмо от Сережи,

который сообщает, что Полина [2] благополучно родила мальчика, которого назвали Федором. Сережа пишет, что 7 января он собирается на две недели в Петербург.

Что же касается моего долга вам и тете Полине, то теперь у меня нет денег, но я рассчитываю вам их привезти. Извините меня. Прощайте, целую ваши ручки и тети Лизы. —

*Рожай поскорѣе, милый другъ Машенька; ты не повѣришь, какъ скучно будущему дядюшкѣ дожидаться, до свиданья, цѣлую тебя очень нѣжно и поручаю также поцѣловать отъ меня Валеріана.

10 Января 1850. *

Печатается по автографу, хранящемуся в АТБ. Отрывок (русский текст: «Рожай поскорее, милый друг Машенька...») опубликован Н. Н. Гусевым в его книге «Толстой в молодости». М. 1927, стр. 255.

[1] 23 ноября 1849 г. Толстой поступил на службу в Тульское губернское правление канцелярским служителем Тульского дворянского депутатского собрания с зачислением в 1-й разряд. (Паспорт Л. Н. Толстого, выданный Тульским дворянским депутатским собранием 17 января 1852 г.).

[2] Прасковья Федоровна Перфильева. О ней см. прим. 4 к п. № 6.

[3] Пелагея Ильинична Юшкова.

[4] Гр. Елизавета Александровна Толстая.

* 26. Т. А. Ергольской.

1850 г. Февраль? Тула.

Chère tante!

Je vous envois des cartes et de l'huile pour les cheveux, pour ce qui est de l'argent je ne puis encore vous en envoyer. Depuis mon retour [1] j'ai passé dix jours à Toula assez heureusement c'est à d. que je n'ai rien perdu excepté mon tems. La vente de Vorotinka [2] ne peut encore être faite mais j'attends d'un jour à l'autre les lettres de créance dont j'ai besoin pour cette affaire. —

Serge est revenu de Pétersbourg très sage, il est pour le moment à Pirogovo [3] où il ne compte passer que quelques jours pour [4] vous faire visite. —

Comment va votre santé, celle de Marie et de ma filleule? —

Embrassez les bien tendrement de ma par[t] Adieu. —

На 3 странице:

Ея Высокоблагородію Татьянѣ Александровнѣ Ергольской.

Дорогая тетенька!

Посылаю вам карты и масло для волос; денег же еще не могу прислать. С приезда своего [1] я провел в Туле десять дней довольно удачно, так как

ничего не потерял кроме времени. Продажа Воротынки [2] еще не могла состояться; жду со дня на день доверенностей, которые мне необходимы для этого дела. — Сережа вернулся умницей из Петербурга; теперь он в Пирогове [3] на несколько дней, а оттуда собирается к вам. — Как здоровье ваше, Машенькино и моей крестницы? —

Поцелуйте их нежно от меня. Прощайте.

Печатается по автографу, хранящемуся в АТБ. Публикуется впервые. Письмо написано, судя по содержанию, из Тулы. Датируем его предположительно февралем 1850 г., потому что в письме имеется вопрос о здоровье крестницы Толстого гр. Варвары Валерьяновны Толстой, родившейся 8 января 1850 г.

[1] Толстой, очевидно, ездил из Тулы в Покровское на крестины.

[2] Малая Воротынка.

[3] Пирогово — имение Крапивенского уезда Тульской губернии. По разделу детей Толстых в 1847 г. Пирогово было поделено между Сергеем Николаевичем и Марьей Николаевной, причем Сергею Николаевичу достался господский дом и конский завод.

[4] *Зачеркнуто:* pour aller.

* 27. Т. А. Ергольской.

1850 г. Апреля 20. Пирогово.

Il y a bien longtems, que je n'ai de vos nouvelles, chère tante, et c'est à mon tour de m'inquiéter à votre sujet; moi et Serge nous nous portons tous les deux bien: il est à Piragovo où je n'ai[pu] le rejoindre aujourd'hui pour finir de faire mes dévotions. Je vous félicite ainsi que Marie, Valérien et la tante Lise au sujet des fêtes de Pâques. Comme[nt] se porte la tante Lise? Mes compliments à M-lle Vergani. [1]

Les Arsénieffs [2] desirent excessivement [de] l'avoir chez eux et m'ont chargé de lui demander ses conditions. — Ils consentiront à toutes celles qu'elle voudra proposer. Moi je lui conseille si nulement d'entrer dans cette maison sans parler du plaisir que nous aurons à la [*1 нрзбр.*] souvent les Arsenieffs sont au fond de très braves gens.

Adieu je baise vos mains. Quand viend[r]ez vous?

C. L. Tolstoy.

20 April

18

Уже давно я ничего о вас не знаю, дорогая тетенька, и мой черед о вас беспокоиться. Мы с Сережей здоровы; он в Пирогове; я туда не поехал с

ним сегодня, чтобы окончить говенье. Поздравляю вас, Машеньку, Валерьяна и тетю Лизу с праздником Пасхи. Как здоровье тети Лизы? Кланяюсь М-ль Вергани. [1] — Арсеньевы [2] очень желают, чтобы она к ним поступила и просили меня узнать ее условия. — Они согласятся на всё, что она потребует. Я советую ей поступить к ним. Не говоря об удовольствии для нас часто ее видеть, Арсеньевы в сущности хорошие люди.

Прощайте, целую ваши ручки. Когда вы приедете?

Г. Л. Толстой.

20 апреля.

Печатается по автографу, хранящемуся в АТБ. Публикуется впервые. Год определяется содержанием: Толстой поздравляет с праздником Пасхи, которая была в 1850 г. 23 апреля.

[1] Француженка Вергани служила гувернанткой у гр. М. Н. Толстой, а потом перешла к Арсеньевым.

[2] О семье Арсеньевых см. прим. 3 к п. № 23.

* 28. Неизвестной. Черновое.

1850 г. Октябрь ... ноябрь. Ясная поляна.

Madame

Votre aimable lettre quoique du 12 Septembre ne m'est parvenue que le 25, presumant que ma reponse irait tout aussi longtems, j'ai pris le parti de Vous repondre à Moscou. Je n'aurai dans aucun cas tardé à me rendre à votre aimable invitation, dont je suis on ne peut plus sensible et qui était tout à fait conforme à mon desir bien sincère de vous voir, si mon frère Dmitri m'avait dit ⟨dans quelle terre⟩, où vous comptez passer ces quelques mois ⟨est à ⟩ où quelque autre part, j'ai même envoyé pour prendre des informations à ce sujet, mais on n'a pu rien me dire de certain; ce n'est donc que par votre lettre que j'ai appris que c'était à votre terre d'Алексинъ, [1] très proche de chez moi — que vous m'attendiez. J'était pret à partir, quand la veille de mon depart un terrible incendie dans mon village me priva par dessus toute les autres ⟨desagréments⟩ choses du plaisir que j'attendais de ma visite chez vous. Mais ce qui est retardé n'est pas perdu, je vous ferez cette visite à Moscou, où je compte passer les premiers jours de décembre.

Милостивая государыня,

ваше любезное письмо, хотя оно и от 12 сентября, дошло до меня только 25-го. Предполагая, что мой ответ пойдет так же долго, я решил ответить вам в Москву.

Я ни в коем случае не замедлил бы явиться на ваше любезное приглашение, как нельзя более меня тронувшее, и вполне отвечавшее моему самому искреннему желанию вас видеть, если бы мой брат Дмитрий мне сказал, где вы рассчитываете провести эти несколько месяцев или в другом месте. Я даже посылал в справиться об этом, но мне ничего определенного не могли сказать. Таким образом, только из вашего письма узнал я, что вы ждали меня в столь близком от меня вашем Алексинском имении.

Я уже должен был выехать, когда накануне моего отъезда ужасный пожар в моей деревне лишил меня, кроме всего прочего, удовольствия, которое я ожидал от моей поездки к вам. Но то, что отложено, не потеряно; я побываю у вас в Москве, где я рассчитываю провести первые дни декабря.

Печатается по автографу, хранящемуся в АТБ. Публикуется впервые. Письмо датируется почерком и содержанием. Почерк конца 1840-ых — начала 1850-ых гг. Из содержания письма видно, что оно написано после 25 сентября и не позднее ноября. Год письма определяется записью о пожаре в Ясной поляне в дневнике под 8 декабря 1850 г. (см. т. 46, стр. 38).

Определить лицо, к которому адресовано письмо, не представляется возможным.

[1] Алексин — уездный город Тульской губернии.

* 29. В Тульское Дворянское Депутатское Собрание.

1850 г. Ноября 18. Тула?

18 Ноября 1850 г.
27

№ 717

Въ Тульское Дворянское Депутатское Собраніе.

Служащаго въ семъ Собраніи въ числѣ канцелярскихъ чиновниковъ Графа Льва Николаевича сына Толстаго

Прошеніе.

Извѣстился я, что Правительствующаго Сената Временное Присутствіе Герольдіи до сего времени не утвердило покойнаго родителя моего подполковника Графа Николая Ильича Толстаго и меня съ братьями Николаемъ, Сергѣемъ и Дмитриемъ въ правахъ Графскаго достоинства и возвратило въ оное Собраніе представленную въ Герольдію копію съ дѣла о внесеніи

насъ въ 5-ю часть родословной Тульской Губерніи книги, для пополненія и составленія родословной по формѣ разосланной въ 1842 году, въ слѣдствіе чего считаю нужнымъ представить при семъ свидѣтельство данное мнѣ съ вышеозначенными братьями отъ родственника нашего по третьему колѣну утвержденнаго уже въ Графскомъ достоинствѣ уволеннаго отъ службы Маіора и кавалера Графа Валеріана Петровича Толстаго, на основаніи 59 ст. IX т. св. зак. изд. 1842 г. въ томъ, что мы по прямой линіи происходимъ отъ родоначальника нашего Петра Андреевича Толстаго пожалованнаго въ Графское достоинство съ потомствомъ ИМПЕРАТОРОМЪ ПЕТРОМЪ 1-мъ.

Тульское Дворянское Депутатское Собраніе покорнѣйше прошу пріобща это свидѣтельство къ дѣлу о дворянствѣ нашемъ представить оное Правительствующаго Сената въ Департаментъ Герольдіи и ходатайствовать о утвержденіи меня съ означенными братьями въ правахъ потомственнаго Дворянскаго и Графскаго достоинства.

Проситель Графъ Левъ Николаевичъ Толстой руку приложилъ.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в Тульском арх. бюро («дело о роде гр. Н. И. Толстого»). Рукою Толстого написано лишь со слов: «Проситель граф...». Публикуется впервые. При прошении Толстого приложено свидетельство такого содержания:

«СВИДЕТЕЛЬСТВО. Я, нижеподписавшийся уволенный от службы майор и кавалер граф Валериан Петров сын Толстой на основании 59 статьи 9 тома Свода законов гражданских издания 1842 года дал сие свидетельство тульского помещика умершего подполковника и кавалера графа Николая Ильича Толстого детям: артиллерии подпоручику Николаю, губернским секретарям Сергею и Дмитрию, — и служащему в Тульском депутатском дворянском собрании Льву Николаевым графам Толстым в том, что, как из приложенной при сем поколенной рода нашего росписи видно, покойный граф Николай Ильич есть действительно законный сын графа Ильи Андреевича Толстого деда моего, графа Ивана Андреевича, родного брата и доводится мне двоюродный дядя, а вышепоименованные дети его, графы Николай, Сергей, Дмитрий и Лев троюродные братья; а как я и родной брат родителя моего умершего мичмана графа Петра Ивановича Толстого, майор граф Иануарий Иванович Толстой и весьма многие родственники наши по Костромской и Тульской губернии утверждены уже герольдиею в графском достоинстве, и герб рода нашего находится в гербовнике, то для такового ж утверждения означенных троюродных моих братьев графов Николая, Сергея, Дмитрия и Льва Толстых в носимом ими достоинстве, как происходящих от одного родоначальника, предка нашего

графа Петра Андреевича Толстого, это свидетельство для представления в Тульское дворянское депутатское собрание, за подписом моим и благородных свидетелей, им графам Толстым и выдал. Октября дня 1850 года. А что в лице первого листа почищенному написано (Льву Никола:) то сие верно. Отставной майор и кавалер граф Валериан Петров сын Толстой.

Что действительно графы Николай. Сергей, Дмитрий и Лев Толстые есть троюродные братья майору графу Валериан Петровичу Толстому, рукою коего подписано это свидетельство, в том удостоверяю штабс-капитан Николай Евгеньевич сын Неелов. В том же удостоверяю коллежский регистратор Василий Александрович Кретов. В том же удостоверяю надворный советник Родион Михайлов сын Журавлев. В том же удостоверяю штабс-капитан Андрей Савостьянович сын Гофштеттер. В том же удостоверяю гвардии поручик барон Александр Антонов сын Дельвиг. В том же удостоверяю штабс-ротмистр Александр Николаев Сомов. В том же удостоверяю штабс-капитан Павел Иванов Сухотин. В том же удостоверяю майор Иван Никифоров [*подп. неразб.*]. В том же удостоверяю штабс-капитан Александр Чапкин. В том же удостоверяю капитан и кавалер Александр Протасов. В том же удостоверяю коллежский асессор и кавалер Матвей Степанов сын Чернавкин.

КРАТКАЯ ПОКОЛЕННАЯ РОСПИСЬ ГРАФОВ ТОЛСТЫХ

Индрис, а по крещению
Леонтий.
|
Константин.
|
Харитон
|
Андрей Толстой.
|
Петр, пожалованный
за услуги отечеству графом.
|
Иван.
|
Андрей.
|

Петр. Иван. Василий.
|
Федор. Петр. Ианнуарий.
| |
Валериан. Дмитрий.

Илья. Федор. Андрей.
|
Николай.
|
Николай. Сергей. Дмитрий. Лев.

Отставной майор и кавалер граф Валериан Петров сын Толстой. 1850 года ноября 16 дня Тульской губернии Крапивенский земский суд

сим удостоверяет, что сие свидетельство действительно подписано рукою отставного майора и кавалера графа Валериана Петрова Толстого и свидетелями под оною равно и под поколенною росписью его же Толстого.

Крапивенский исправник и кавалер (подпись). В должности секретаря (подпись). Столоначальник (подпись)».

Николай Евгеньевич *Неелов* (1815—1852), чернский помещик, штабс-капитан (1842), участник Польской кампании 1830—1831 гг., чернский уездный исправник. Василий Александрович *Кретов* (1826—1881), чернский помещик, коллежский секретарь, участвовал в Тульском ополчении 1855 г. Родион Михайлович *Журавлев*, коллежский ассесор, штаб-лекарь (1843). Андрей Севастьянович *Гофштеттер* (1796—1866), сын выходца из Австрии, чернский помещик, штабс-капитан, земский исправник Чернского уезда в 1838—1840 гг. и в 1850—1852 гг. О бар. Александре Антоновиче *Дельвиге* см. прим. 7 к п. № 97. Об Александре Николаевиче *Сомове* сведений не имеем. Павел Иванович *Сухотин* (1812—1871), штабс-капитан в отставке (1840), участник Тульского ополчения 1855 г., в 1865—1873 гг. заседатель земского суда. Александр *Чапкин* — м. б. Александр Васильевич Чапкин, сын Василия Никитича Чапкина (р. в 1791 г.) и Соломониды Петровны Суходольской, штабс-капитан Александр Андреевич *Протасов*, чернский помещик, капитан (1837), участник Турецкой кампании 1828 г. и Польской 1830—1831 гг. Матвей Степанович *Чернавкин* (1787—1855), коллежский асессор, крапивенский уездный стряпчий, заседатель Крапивенского уездного суда в 1850—1855 гг.

Родоначальник Толстых, *Индрис*, в крещении Леонтий, выехал «из Немец, из Цесарския земли» в Чернигов в 1353 г. и был в Чернигове боярином (I колено). Старший сын его Литвинос, в крещении *Константин*, выехал с отцом в Чернигов и был там боярином (II кол.). У него был один сын *Харитон* (III кол.), у которого тоже был один сын *Андрей* (IV кол.), «приехавший из Чернигова к Москве, к в. к. Василию Васильевичу всея России (1435—1462), который прозвал его Толстым, и от него пошли Толстые, о сем свидетельствует грамота великого государя, царя и великого князя Иоанна Васильевича» (Родословие 1686 г.).

В приложенной к прошению Толстого таблице допущена ошибка. *Петр*, «пожалованный за услуги отечеству графом», показан сыном Андрея Харитоновича, тогда как он (Петр) является представителем XV колена Толстых, т. е. между Андреем Харитоновичем Толстым и гр. Петром Андреевичем Толстым числится еще десять колен. Сын Андрея Васильевича (ум. в 1690), окольничего (с 1682 г.) и Милославской, Петр Андреевич Толстой (1645—1729), видный деятель царствования Петра I, получил графский титул 7 мая 1724 г. и был женат на Соломониде Тимофеевне Дубровской. В 1727 г. он был лишен всех своих чинов, имений и титула и сослан в Соловецкий монастырь, где и умер. Старший сын его *Иван Петрович* (ум. в 1728 г.), президент Юстиц-коллегии, вместе с отцом был сослан в Соловки, где и умер. С апреля 1711 г. он был женат на Прасковье Михайловне Ртищевой. Сыну его *Андрею Ивановичу* (1721—1803) 26 мая 1760 г. был возвращен графский титул. Он был женат (с 9 июня 1745 г.) на кж. Александре Ивановне Щетининой (ум. 2 февраля 1811 г.), от которой имел двадцать трех детей. Старший сын его гр. *Петр Андреевич* (1746—1882),

генерал крипс-комиссар, был женат на Елизавете Егоровне Барбо-де-Марни (1750—1802). Брат его гр. *Иван Андреевич* (1747—18..), кологривский предводитель дворянства, был женат на Анне Федоровне Майковой (1771—1834). Брат его гр. *Василий Андреевич* (1753—1824), статский советник, был женат на Екатерине Яковлевне Трегубовой (ум. в 1832 г.). Брат его, дед Толстого гр. *Илья Андреевич* (1757—1820), статский советник, казанский губернатор, изображенный Толстым в «Войне и мире» в лице гр. Ильи Андреевича Ростова, был женат на кж. Пелагее Николаевне Горчаковой (1762—1838). Брат его гр. *Федор Андреевич* (1758—1849), собиратель рукописей, был женат на Стефаниде Алексеевне Дурасовой (ум. в 1821 г.). Гр. *Андрей Андреевич* (1771—1844), белевский предводитель дворянства, был женат на Прасковье Васильевне Барыковой (1796—1879). Сын гр. Ивана Андреевича, двоюродный дядя Толстого, гр. *Федор Иванович* (1782—1846), прозванный «американцем», приятель Пушкина, известный своим необузданным нравом, дуэлянт и картежный игрок, по определению Толстого («Воспоминания детства»), «необыкновенный, преступный и привлекательный человек». Брат его, двоюродный дядя Толстого, гр. *Петр Иванович* (1785—1834) мичман в отставке, умерший от чахотки, тоже упоминаемый Толстым в «Воспоминаниях детства», был женат на Елизавете Александровне Ергольской (1790—1851), сестре Татьяны Александровны. Брат его, двоюродный дядя Толстого гр. *Иннуарий Иванович* (1792—18..), участник Отечественной войны 1812—1814 гг., костромской помещик, был женат на Екатерине Дмитриевне Ляпуновой (ум. в 1882 г.). Сын его гр. *Дмитрий Иннуарьевич* (1827—1859) был женат на бар. Марье Михайловне Менгден-фон-Альтенвога (1829—1902).

* 30. Т. А. Ергольской.

1850 г. Декабря 4. Тула?

Chère tante!

J'ai été obligé de passer la nuit à Toula à cause de mon congé qui va m'être apporté, [1] — rien ne m'empêchera alors de partir; [2] je crois que le староста pourra vous dire, à quelle heure il m'aura vu partir. — Je viens de recevoir une lettre des Perfillieffs [3] à votre nom, que j'ai décachetée espérant y trouver quelque chose pour moi, et en effet Basile m'écrit qu'il est très faché que je lui doive et me prie d'attendre de meilleures circonstances pour le payer. — Je n'ai pas lu ce que vous écrit Pauline. [4] — J'ai passé la soirée hier chez les Arsenieffs où j'ai vu toutes les demoiselles Stchoulkoffs [5] qui ne partent pour Cazan que le 8 Janvier. — J'ai pris à Капыло[въ] un écrit à Moscou par lequel j'y recevr[ai] 600 r. ass. encor[e].

Adieu, je baise vos main[s].

4 Décembre 1850.

Дорогая тетенька!

Я был принужден переночевать в Туле из-за отпуска, который сейчас получу[1] — тогда мой отъезд ничем не задержится;[2] думаю, что *староста* скажет вам, в котором часу я выехал. — Только что получил письмо на ваше имя от Перфильевых;[3] я распечатал его, надеясь найти там что-нибудь для меня; и точно, Васенька пишет мне, что сожалеет о том, что я ему должен и просит меня отложить платеж до более для меня благоприятных обстоятельств. — Я не прочел, что Полина пишет Вам.[4] — Вчера провел вечер у Арсеньевых, где видел всех барышень Чулковых,[5] которые едут в Казань только 6 января. — Я взял у* Копылова* бумагу, по которой получу в Москве еще 600 р. асс. Прощайте, целую ваши ручки.

4 декабря 1850.

Печатается по автографу, хранящемуся в АТБ. Публикуется впервые.

[1] Отпуск со службы в Тульском губернском правлении.

[2] Толстой уезжал в Москву.

[3] Вас. Степ. и Праск. Федор. Перфильевы. О них см. прим. 4 к п. № 6.

[4] Прасковья Федоровна Перфильева.

[5] Чулковы — дочери тульского помещика Алексея Васильевича Чулкова (1795—1848) и Степаниды Дмитриевны Ждановой — Екатерина (р. 12 ноября 1822 г.), Анна (р. 13 января 1824 г.), бывшая замужем за Грицевичем, Софья (р. 2 января 1830 г.) и Елизавета (р. 8 февраля 1832 г.), постригшаяся впоследствии в монахини. Кто-то из них были классными дамами в Казанском Родионовском женском институте. См. письмо Толстого к гр. Марье Николаевне Толстой № 42.

* 31. Т. А. Ергольской.

1850 г. Декабря 7. Москва.

Jeudi ce 7 décembre.

Chère Tante. —

Je suis arrivé à Moscou, mardi à 5 heures du matin, en vie; mais pas en bonne santé, ma fluxion a augmenté et me retient jusqu'à présent chez moi, de sorte que, depuis deux jours que je suis à Moscou je n'ai fait qu'une seule course — je suis allé faire dire un *Te Deum* à notre Dame[1] d'Iverskai[a]. J'ai chargé des affaires, en attendant que je sois en état de les faire moi même, Pierre,[2] que j'ai trouvé dans le plus grand chagrin, ou bien affectant de l'être. Il est venu hier matin tout éploré et la figure de travers se jeter à mes pieds pour me demander pardon, de ce que s'étant grisé il s'est laissé voler 500 r. arg. qu'il avait apporté

pour payer à la Banque. — Le récit de ce malheur, comme vous pouvez vous le figurer, fait par un orateur de sa force, a été très pathétique et très long, c'est pour cela que je vous en fais grâce;— Il a présenté une supplique à la Police, on a fait des recherches et l'on a retrouvé 350 r. arg. le reste c. à d. 150 doit être perdu, le mal n'est pas bien grand, vous concevez. Il a arrangé les affaires à la Banque pas tout à fait comme on pouvait le désirer mais au pis aller c'est toujours quelque chose — le terme du payement n'est que retardé. J'écris en détail de toutes les affaires à Serge. [3]—

Je suis arrivé directement chez le Prince Serge [4] pour avoir des nouvelles de mes gens et je les ai trouvés encore là, le logement n'était pas encore pris, à cause d'un retard arrivé à la poste, avec laquelle j'avais envoyé les 25 r. à Nicolas; [5] j'ai été donc obligé de m'arrêter à un hôtel [6] où j'ai passé quelques heures et d'où j'ai déménagé dans mon logement, dont je suis fort content c'est la maison Loboff au *Сивцевъ Вражекъ въ старой Конюшенной* [7] que j'ai gardée à raison de 40 r. arg. avec mon chauffage ce qui fait une affaire de 50 r. — Je n'ai vu en fait de conaissances qu'Islénieff [8] qui continue à jouer et par conséquent à perdre, Ozéroff [9] qui se trouve très heureux et qui est venu me faire visite avec sa femme et Dmitri Calochine, [10] qui continue à se plaindre de ses parents. —

Comme vous êtes amateur d'histoires tragiques, je vais vous en raconter une qui fait bruit à Moscou. Un certain Mr. Kabiline entretenait une certain[e] M-me Simon et lui avait donné pour la servir deux hommes et une femme de chambre. Or Mr. Kabiline avant qu'il n'ait entretenu cette M-me Simon avait été en liaison avec M-me Narichkine née Knor[r]ing, une femme de la meilleure société de Moscou et une femme très à la mode et, quoiqu'entretenant M-me Simon, n'avait pas cessé d'être en corespondance avec elle; sur ces entrefaites on trouve un beau matin M-me Simon assassiné[e] et de[s] preuves certaines qu'elle l'a été pa[r] ses propres gens. — Ceci ne serait encore rien mais en arrêtant Kabiline la Police a trouvé dans ses papiers des lettres de M-me Narichkine dans lesquelles M-me Nar. lui reproche de l'avoir délaissé[e] et menace M-me Sim. ce qui fait qu'on est convaincu encore par beaucoup d'autres raisons que les assasins n'ont été que les instruments de M-me Nar. [11]

Je ne vous ai pas raconté le tour pendable que m'a joué André [12] à Toula. Figurez vous qu'au lieu de me donner à souscrire une

lettre de change de 250 r. comme c'était convenu il m'a voulu faire signer, croyant que je[ne] lirai pas le papier comme j'en ai l'habitude. Quelle vilenie! M-le Vergani [13] m'avait prié de savoir par quel moyen on peut envoyer de l'argent à Vienne? Dite lui qu'elle n'a qu'à m'envoyer l'argent qui sera expédié sans retard ou bien, si elle le préfère, elle peut l'envoyer elle-même à l'adresse suivante на Маросейку въ контору Бургарта, [14] въ собственный домъ. — Serge Kalochine [15] n'est pas mari[é] comme on le disait mais il est devenu beaucoup plus rangé et travaille beaucoup à des traductions de roman[s] dans des journaux et à faire des nouvelles qu'il fait imprimer. Je n'ai rien lu de lui mais on dit qu'il a beaucoup de talent et que ses petites pièces sont fort joli[e]s; au moins il gagne honnêtement sont pain et plus de pain que n'en rapportent 300 paysans.

Je baise vos mains et attends une lettre de vous avec tout[s] les détails possibles sur tout. Гашѣ [11] кланяюсь comme cela lui fera plaisir.

Четверг 7 декабря.—

Дорогая тетенька. —

Приехал я в Москву во вторник, в 5 часов утра, живой, но не здоровый; мой флюс увеличился, я сижу дома и за два дня, что я в Москве, выехал только раз, ездил в часовню Иверской божьей матери, [1] где заказал молебен. Я поручил дела, покуда сам не выезжаю, Петру, [2] которого застал в большом горе. А, может-быть, он и прикидывается. Вчера утром он явился в отчаянии, с перекошенным лицом, бросился мне в ноги и стал просить прощения, что у него, пьяного, стащили 500 р. сер., которые он должен был внести в банк. Рассказ об этом несчастье из уст такого великого оратора, как вы легко себе представляете, был очень трогателен и очень длинен, поэтому я вас избавлю от него. Он подал заявление в полицию, в результате 350 р. сер. уже разыскали, остальные же 150 р., вероятно, пропали бесследно. Согласитесь, что беда не велика. В банке он устроил дела не совсем так, как бы этого хотелось, но сносно — срок платежа только отсрочен. Обо всем этом подробно пишу Сереже. [3]—

Приехал я прямо к князю Сергею, [4] чтобы узнать о своих людях, которых я застал еще там. Квартира еще не нанята из-за задержки, происшедшей с посланными мною по почте 25 р. Николеньке. [5] Таким образом, я принужден был остановиться в гостинице, [6] но только на несколько часов, и оттуда я перебрался на свою квартиру; я ею очень доволен, она в доме Лобова * *Сивцевъ Вражекъ въ Старой Конюшенной* *, [7] плата 40 р. сер. в месяц с моими дровами, всего обойдется в 50 р. —

Из знакомых видал только Исленьева, [8] который продолжает играть, следовательно и проигрывать; Озерова, [9] очень счастливого, который при-

езжал ко мне со своей женой, и Дмитрия Колошина. [10] который по-прежнему жалуется на своих родителей. —

Так как вы охотница до трагических историй, расскажу вам ту, которая наделала шуму по всей Москве. Некто Кобылин содержал какую-то г-жу Симон, которой дал в услужение двоих мужчин и одну горничную. Этот Кобылин был раньше в связи с г-жей Нарышкиной, рожд. Кнорринг, женщиной из лучшего московского общества и очень на виду. Кобылин продолжал с ней переписываться, несмотря на свою связь с г-жей Симон. И вот в одно прекрасное утро г-жу Симон находят убитой, и верные улики указывают, что убийцы ее — ее собственные люди. Это бы куда ни шло, но при аресте Кобылина полиция нашла письма Нарышкиной с упреками ему, что он ее бросил, и с угрозами по адресу г-жи Симон. Таким образом, и с другими возбуждающими подозрения причинами, предполагают, что убийцы были направлены Нарышкиною. [11]

Я не рассказал вам, какую непростительную штуку проделал со мной Андрей [12] в Туле. Представьте себе, что вместо того, чтобы дать мне подписать, как было условлено, вексель в 250 р., он хотел, чтобы я подписал его, надеясь, что я не прочту бумаги, что со мной часто случается. Какая мерзость! М-ль Вергани [13] просила меня узнать, как послать деньги в Вену. Пусть она пришлет их мне, и я перешлю их безотлагательно; или же, ежели она это предпочитает, она может сама послать их *на Маросейку, въ контору Бургарта, [14] въ собственный домъ.* — Сергей Колошин [15] не женат, как были о том слухи, но он остепенился и много работает над переводами романов для журналов и пишет повести, которые печатаются. Я не читал ничего из написанного им, но говорят, что он очень талантлив, и что его маленькие вещицы очень милы. По крайней мере, он честно зарабатывает свой хлеб и зарабатывает его больше, чем приносят 300 душ крестьян. Целую ваши руки и жду письма со всевозможными подробностями обо всем. *Гашѣ [16] кланяюсь*, чтобы доставить ей удовольствие.

Печатается по автографу, хранящемуся в АТБ. Публикуется впервые. Год письма определяется содержанием и днем недели: 7 декабря в четверг было в 1850 г.

[1] Иверская часовня находилась у Воскресенских ворот (снесены в 1931 г.) Китайгородской стены. В 1929 г. она была снесена по распоряжению Московского совета.

[2] Петр Евстратьевич Воробьев, бурмистр в Ясной поляне.

[3] Это письмо не сохранилось.

[4] Кн. Сергей Дмитриевич Горчаков. О нем см. прим. 1 к п. № 7.

[5] Гр. Николай Николаевич Толстой. О нем см. вступ. прим. к п. № 50.

[6] Вероятно в гостинице Шевалье в Старо-Газетном переулке, где часто останавливался, приезжая в Москву. См. прим. 3 к п. № 13.

[7] Домовладельца в Сивцевом-Вражке Лобова не существовало, но был дом Анны Акимовны Глобы (теперь № 36) на углу Сивцева Вражка и Никольского пер., ныне не существующий (Сообщ. Н. П. Чулковым).

[8] Александр Михайлович Исленьев (р. 16 июля 1794 г., ум. 23 апреля 1882 г.), приятель отца Толстого, служил в гвардейской пехоте, в 1817 г. был адъютантом приятеля Пушкина, М. Ф. Орлова; в 1819 г. вышел в отставку капитаном. Арестованный по делу декабристов в Москве, Исленьев сидел в Петропавловской крепости с 18 по 25 января 1826 г. Азартнейший игрок в карты, он в апреле 1827 г. обыграл на 75000 р. в компании с другими лицами (в том числе гр. Фед. Ив. Толстой американец) С. Д. Полторацкого, впоследствии известного библиографа, за что был выслан в Холмогоры, где, правда, прожил недолго. Высылка эта не исправила Исленьева, и он до глубокой старости продолжал сильно играть, выигрывая и проигрывая большие деньги. Много наделала шуму в «свете» женитьба его на неразведенной со своим мужем кн. Софье Петровне Козловской, рожд. гр. Завадовской (ум. в 1830 г.). От этого признанного «незаконным» брака у Александра Михайловича было шесть человек детей, получивших фамилию Ославиных (см. о них прим. 10 к п. № 12). После смерти Софьи Петровны Исленьев женился на дочери одоевского предводителя дворянства Софье Александровне Ждановой (1812—1880), от которой имел трех дочерей. С отцом Льва Николаевича Исленьев был на ты, и дети его были друзьями детства Толстого. На внучке Александра Михайловича впоследствии женился Толстой, изобразивший А. М. Исленьева в «Детстве», «Отрочестве», «Юности» в лице отца Николеньки. (См. 1 том.)

Исленьев был членом Московского общества сельского хозяйства и писал по сельскохозяйственным вопросам. Кроме этого, опубликованы его рассказ о декабристах в «Русском архиве» 1882, I, стр. 176 и «Охотничье послание 1845 г. приятелю П. А. Офросимову» в сб. «Старина и новизна», кн. XVIII, 389—391. Об А. М. Исленьеве см. в воспоминаниях его внучки Т. А. Кузминской «Моя жизнь дома и в Ясной поляне» (ч. I); «Алфавит декабристов» под ред. и с прим. Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса. Госиздат Л. 1925; статья Д. Соколова в архангельской газете «Волна» 1928, 30. IX, № 228 (2578).

[9] Борис Семенович Оверов. О нем см. прим. 3 к п. № 12.

[10] Дмитрий Павлович Колошин (р. в 1827 г., ум. 2 декабря 1877 г. в Ментоне), сын декабриста Павла Ивановича Колошина (1799—1854) и гр. Александры Григорьевны Салтыковой (1805—1871), приходившейся Толстому по кн. Горчаковым четвероюродной сестрой. С семьей П. И. и А. Г. Колошиных, имевших трех сыновей, Сергея, Дмитрия и Валентина и двух дочерей, Александру и Софью, был очень близок Толстой. Софья Павловна (р. 22 августа 1828 г., ум. в 1911? г.), предмет первой любви Толстого, изображена в «Детстве» и «Юности» в лице Сонечки Валахиной. Дмитрий Павлович служил в 1859—1861 гг. младшим секретарем русской миссии в Брюсселе.

[11] Француженка Луиза Симон-Диманш, бывшая в связи с окончившим в 1838 г. Московский университет Александром Васильевичем Сухово-Кобылиным (1817—1903), автором «Свадьбы Кречинского», была убита 7 ноября 1850 г. в его квартире. В убийстве были обвинены и сосланы на каторгу четверо крепостных Сухово-Кобылина, но многие утверждали, что убийцей был сам Сухово-Кобылин, арестованный 16 ноября и освобожденный из-под ареста 21 ноября. Виновница убийства, Надежда Ива-

новна Нарышкина, рожд. Кнорринг (1825—1895), по словам Е. М. Феоктистова «небольшого роста, рыжеватая, с неправильными чертами лица, приковывала к себе внимание главным образом какою-то своеобразною грацией, остроумной болтовней и тою самоуверенностью и даже отвагой, которая свойственна так называемым «львицам» («Атеней», кн. III, Л. 1926, стр. 111). Б. Н. Чичерин так ее характеризует: «Лицо у нее было некрасивое, и даже формы не отличались изяществом; она была вертлява и несколько претенциозна; но умна и жива, с блестящим светским разговором. По обычаю львиц, она принимала у себя дома, лежа на кушетке и выставляя изящно обутую ножку; на вечера всегда являлась последнею, в 12 часов ночи. Скоро, однако, ее поприще кончилось трагедиею. За нею ухаживал Сухово-Кобылин, у которого в то же время на содержании была француженка, m-me Симон. Однажды труп этой женщины был найден за Петровской заставою. В Москве рассказывали, что убийство было следствием сцены ревности. Кобылин, подозреваемый в преступлении, был посажен в острог, где пробыл довольно долго. Он успел даже написать там «Свадьбу Кречинского». Но кончилось дело тем, что его выпустили, а повинившихся людей сослали в Сибирь. Многие не верили в виновность осужденных, говорили, что они были подкуплены, и что всё дело было замято вследствие сильных ходатайств. При тогдашних судах добраться до истины было невозможно. Нарышкина же тотчас покинула Москву и уехала за границу. Овдовев, она вышла замуж за Александра Дюма-сына». («Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина», II, М. 1929, стр. 106.)

Дело об убийстве Диманш тянулось в разных инстанциях до октября 1857 г., когда приговором Государственного совета были оставлены свободными от ответственности за убийство и А. В. Сухово-Кобылин и его крепостные. Об этом деле см. книгу Л. П. Гроссмана «Преступление Сухово-Кобылина», изд. «Прибой», Л. (1927), где доказывается, что убийцей Диманш был А. В. Сухово-Кобылин. Последнее опровергается Я. Гроссманом, в ряде докладов, сделанных им в Москве в 1932—1933 гг., доказывающим, что убили Диманш крепостные А. В. Сухово-Кобылина.

[12] Андрей Ильич Соболев. О нем см. вступ. прим. к п. № 16.

[13] См. о ней прим. 1 к п. № 27.

[14] Торговый дом И. Л. Буркгардта занимался переводами денег за границу.

[15] Сергей Павлович Колошин (1825—1868) в юности военный; с 1846 г. начал печатать в «Москвитянине» юмористические очерки, затем писал фельетоны для «Пантеона» и «Северной пчелы». Прожив некоторое время в Восточной Сибири, Колошин в 1857 г. возвратился в Москву и занялся исключительно литературной деятельностью. В 1858 г. напечатал роман «Светские язвы». В 1861—1863 гг. Колошин издавал литературный иллюстрированный журнал «Зритель». В 1863 г. уехал в Италию, откуда посылал корреспонденции в «Голос», «Русский инвалид», а затем описал свою поездку в «Современной летописи».

[16] Гаша или Агафья Михайловна. См. прим. 2 к п. № 23.

* 32. Т. А. Ергольской.

1850 г. Декабря 9. Москва.

Chère Tante! 9 Décembre.

Ma fluxion va mieux; mais je n'ai pas encore quitté la chambre et je compte le faire demain c'est à dire dimanche.

J'irai chez le Comte Zakrevsky, [1] chez Крюковъ, [2] chez les vieux Per[rfi]ffilieffs, [3] chez les deux Princ[es] Gortchakoffs André [4] et Serge. [5] En un môt je réserve la journée de demain pour les visites d'affaires et de devoir. J'ai envoyé dire avant hier au Prince Lwoff [6] que j'étais arrivé et souffrant, il est tout de suite venu me voir et quoique changé en beaucoup de choses je l'ai trouvé tout aussi excellent ami. — J'avais fait dire aussi à Ogareff [7] que j'étais arrivé et désirais le voir, il est tout de suite venu et m'a apporté mes deux lettres de change en faisant force excuses; mais ne m'a pas rendu l'argent qu'il me doit. — Il est tout à fait perdu de réputation à Moscou. Sa femme est enceinte et il attend d'un jour à l'autre sa délivrance. — Je n'ai rien de plus à vous raconter, restant continuellement à la maison on ne devient pas intéressant. En revanche je lis beaucoup, je me suis abonné chez Gautier [8] et j'ai déjà lu la fin du Vicomte de Bragelonne, 4 volumes de Louis XIV et son siècle, un ouvrage d'Alexandre Dumas assez futile mais très-intéressant et un nouve[au] roman de lui «Les mille et un Fantôme» qui est une telle réunion de sottises que cela n'a l'air de rien. [9] — Нѣтъ худа безъ добра. — Je dis cela à propos que je suis, dans un sens, même content d'avoir été malade et obligé de ne pas sortir pendant près d'une semaine; j'ai eu au moins le temps de m'installer *оглядѣться*, sans cela je risquais de faire com[me] Ma[rie] [10] à Pirogovo. Je vous disais que mon logement est fort joli, il se compose de quatre chambres, une salle à manger où j'ai déjà un royalino que j'ai loué, un salon meublé de divans, 6 chaises et tables en bois de noyers et couve[r]t[e]s de draps rouges et orné de trois grandes glaces, un cabinet, où j'ai ma table à écrire, mon bureau et un divan, qui me rapelle toujours nos disputes au sujet de ce meuble, et une chambre assez grande pour être chambre à coucher et cabinet de toilette et par dessus tout cela une petite antichambre, je dîne à la maison avec du щи et du каша dont je me contente parfaitement, je n'attends que les confitures et la наливка pour avoir tout selon mes habitudes de la campagne. J'ai un traîneau

pour 40 r. arg. c'est un пошевни une espèce de traîneau très à la mode, Serge [11] doi[t] savoir ce que c'est, j'ai acheté tout l'attirail pour l'attelage que j'ai, pour le moment très élégant. A propos de Serge, dites lui, que je n'ai pas encore été chez Крюковъ puisque je n'ai été nulle part, que les intérêts à la banque sont payé[s] et que tout ce qu'il voulait savoir au sujet de ses affaires est expliqué dans l'écrit [12] ci joint que m'a donné Pierre [13] d'après mon ordre de se rendre de nouveau à la Banque et de savoir au plus juste. — Dites lui aussi que quand cette lettre sera arrivé[e] ce sera le dix, le terme auquel il m'a promis de payer, rappelez lui aussi qu'il m'envoye les deux attestats et une réponse du Prince Anikéeff [14] auquel, je voudrai[s] qu'il dise s'il le voit, que je ne suis pas content de sa montre et que je consens à déchanger, [15] Капыловъ m'a joué aussi un vilain tour il m' avait donné une lettre à vue sur son comissionair[e] à Moscou pour me faire payer des 80 четв. de blé que je lui avais vendu et je n'ai pu recevoir l'argent jusqu'à présent, ce qui m'est fort désagreable puisque j'avais rabattu de 50 kop. sur la четв. pour avoir l'argent d'avance.

Adieu, je baise vos mains, je suis étonné de n'avoir encore reçu une lettre de vous. — Dans ma dernière j'ai tout-à-fait oublié Ник. Серг. [16] mais je suis sûr que vous avez supléé à mon oubli par votre délicatesse en disant que j'écris aussi un mot pour lui.

Dites-lui que je n'ai pas encore eu le temps de baiser les reliques; mais que je ne manquerai de le faire sitôt rétabli. [17] — Въ многолюдствѣ не разсѣиваюсь и игрокам[ъ] не поддаюсь. Ник[олая] Серг[ѣевича] помню.

Avez vous des nouvelles des frères et de Marie?

9 декабря.

Дорогая тетенька!

Флюс у меня проходит, но я еще не выхожу из дому, а рассчитываю это сделать завтра, т. е. в воскресенье.

Поеду к графу Закревскому, [1] к Крюкову, [2] к старикам Перфильевым [3] и к обоим князьям Горчаковым, Андрею [4] и Сергею. [5] Словом, завтрашний день я посвящаю визитам деловым и обязательным. Третьего дня я послал сказать князю Львову, [6] что я приехал и болен; он тотчас навестил меня и, хотя он во многом изменился, но дружественен остался попрежнему. Огареву [7] я тоже дал знать, что приехал и желаю его видеть. Он тотчас явился, передал мне с большими извинениями мои два векселя, но денег, которые мне должен, не отдал. — Его репутация совсем погублена в Москве. Жена его беременна, и он со дня на день ждет родов. — Рас-

сказать вам больше нечего, сидя дома, не становишься интересным. Зато читаю я много; абонировался у Готье [8] и уже прочел конец «Виконта де Бражелон», прочел еще 4 тома «Людовика XIV и его время» Александра Дюма, поверхностно, но интересно, и его же новый роман — «Тысяча и одно привидение», такая масса вздора, что мочи нет. — *Нѣтъ худа безъ добра*; говорю это по поводу того, что я отчасти рад, что болезнь меня продержала дома целую неделю; по крайней мере успел устроиться, *оглядѣться*, а то могло бы произойти то же, что с Машенькой [10] в Пирогове; я уже писал вам, что моя квартира очень хороша, она состоит из четырех комнат: столовая с маленьким роялем, который я взял на прокат, гостиная с диванами, 6 стульями, столами орехового дерева, накрытыми красным сукном, и тремя зеркалами, кабинет, где мой письменный стол, бюро и диван, постоянно напоминающий мне наши споры по поводу его, и еще комната, которая достаточно велика, чтобы служить и спальней и уборной, да еще маленькая прихожая; обедаю я дома, ем *щи* и *кашу* и вполне доволен; жду только варенье и *наливку* и тогда будет всё по моим деревенским привычкам. За 40 р. сер. приобрел сани, *пошевни*, которые здесь в моде, Сережа, наверное, знает какие, и купил всю упряжь, очень нарядную.

Кстати о Сереже, [11] скажите ему, что я еще не был у Крюкова, потому что не был нигде, что проценты в банк внесены, и что всё, что он хотел знать относительно дел, разъяснено в прилагаемой бумаге, [12] переданной мне Петром, которого я послал еще раз в банк, чтобы разузнать всё повернее. [13] — Еще скажите ему, что письмо это придет десятого, т. е. — срок, в который он обещал мне уплатить; напомните ему также прислать мне оба аттестата и ответ князя Аникеева, [14] которому я прошу его сказать, что я недоволен его часами и согласен обменять их обратно. [15] *Капыловъ* сыграл со мною также плохую шутку; он мне дал записку к своему московскому комиссионеру, который должен был уплатить мне за проданные ему 80 четвертей ржи; денег я до сих пор не получил, что мне чрезвычайно неприятно, так как за уплату вперед я сделал скидку в 50 коп. на четверть.

Прощайте, целую ваши ручки, удивляюсь, что от вас еще нет письма. — В прошлый раз совсем забыл *Николая Сергѣевича* [16] но я уверен, что вашей доброй внимательностью вы исправили мою забывчивость, сказав ему, что я ему кланяюсь. Скажите ему, что у меня еще не было времени приложиться к мощам, [17] но исполню это, как только поправлюсь. — *Въ многолюдствѣ не разсѣиваюсь и игрокамъ не поддаюсь. Ник[олая] Серг[ѣевича] помню.*

Какие известия о братьях и Машеньке?

Печатается по автографу, хранящемуся в АТБ. Впервые опубликованы отрывки из письма (по-французски и в переводе) П. И. Бирюковым в Б, I, 1906, стр. 157—158; затем несколько бо́льшие отрывки даны (только в переводе) П. А. Сергеенко в ПТС, I, стр. 4—5; впервые полностью (только в переводе) опубликовано в Бир., XX, 1913, стр. 7—9. Год письма определяется содержанием и указанием, что 10 декабря воскресенье. В дневнике Толстого под 8 декабря 1850 г., вероятно, об этом

письме записано: «Утром, тотчас после кофе, письма в контору, тетушке и Перфильевым».

[1] Граф (с 1830 г.) Арсений Андреевич Закревский (1793—1865), известный самоуправством московский ген.-губернатор в 1848—1859 гг., приходился по жене гр. Аграфене Федоровне Толстой родственником Льву Николаевичу.

[2] Вероятно, Иван Васильевич Крюков (1794—1857), крапивенский помещик, но в письме от 15 декабря 1850 г. Толстой говорит об «И. П.» Крюкове.

[3] Перфильевы — Степан Васильевич и Анастасия Сергеевна. О них см. прим. 25 к п. № 12.

[4] О кн. Андрее Ивановиче Горчакове см. прим. 1 к п. № 33.

[5] О кн. Сергее Дмитриевиче Горчакове см. прим. 1 к п. № 7.

[6] Кн. Георгий Владимирович Львов. О нем см. прим. к п. № 94.

[7] Огарев — один из сыновей крапивенского помещика, подполковника Ивана Михайловича Огарева (р. 1795), имение которого Телятинки находилось в 3 в. от Ясной поляны. В «Воспоминаниях детства» Толстой говорит, что при жизни матери, «никто почти, кроме близких людей, Огаревых, и родственников... не посещал Ясной поляны». Сохранилось письмо гр. Н. И. Толстого (отца Льва Николаевича) к И. М. Огареву. К нему же относится и воспоминание Толстого, приведенное в дневнике А. Б. Гольденвейзера: «Сначала, помню, еще при отце, это было имение жандармского полковника Огарева. Он был маленького роста, добродушный» («Вблизи Толстого» т. I, М. 1922 г., стр. 212). Огарев был женат на Юлии Михайловне Арсеньевой (ум. ок. 1889 г.), родной тетке Валерии Владимировны Арсеньевой; от этого брака у него было две дочери, Юлия и София, и два сына, Владимир (р. 1822) и Константин (р. 1828). Владимира Ивановича, повидимому, и имеет в виду Толстой, проигравший ему в карты, о чем имеется запись в дневнике Толстого под 8 декабря 1850 г.

[8] Готье — весьма известный магазин и библиотека иностранных книг, существовавший в 1799—1917 гг. В 1850 г. владельцем был Владимир Иванович Готье (1813—1881).

[9] Александр Дюма (1802—1870), известный французский романист. Роман его «Le Vicomte de Bragelonne ou Dix ans plus tard» [«Виконт де Бражелон» или «Десять лет спустя»] представляет собою продолжение многотомных романов А. Дюма: «Les trois Mousquetaires» [«Три мушкатера»] и «Vingt ans après» [«Двадцать лет спустя»]. «Виконт де Бражелон» написан А. Дюма в сотрудничестве с М. Огюст Макэ. Толстой вероятно имел в руках первое французское издание этого романа: Paris. Michel Lévy frères 1848—1850, 26 tt. in 8°. Исторический труд А. Дюма «Louis XIV et son siècle» [«Людовик XIV и его век»] выдержал во Франции к 1850 г. два издания, одно из них вероятно читал Толстой: 1) Paris. Dufour, Moulat et Boulanger 1844—1845. 2 tt. in 8°, 2) Paris, Passard 1845—1846. 9 tt. in 8°. «Les Mille et un Fantômes» [«Тысяча и одно привидение»] роман А. Дюма вышел во Франции первым изданием в 1849 г. в двух томах.

[10] Гр. Марья Николаевна Толстая.

[11] Гр. Сергей Николаевич Толстой.

[12] Бумага эта не сохранилась.

[13] Петр Евстратьевич Воробьев. О нем см. прим. 2 к п. № 31.

[14] О ком из князей Еникеевых идет речь, сказать не можем.

[15] Гр. С. Н. Толстой 5 декабря 1850 г. писал Льву Николаевичу: «Деньги тебе мною должные в четверг высылаю к тебе. Аттестаты серому и вороному высылаю, не помню хорошенько их имен поэтому в аттестатах один называется *Потешный*, а другой *Гордый*. Тебе это разумеется *сей равно*. Аникеев был у меня, купил кобылу в 200 р. ассигнациями, дал мне в 100 р. асс. билиард, а остальные 100 асс. не отдал, говоря, что у него покуда денег нет. Из этого ты можешь заключить, что у него и для тебя оных нет. Однако, я, чтобы исполнить твое поручение, у него об оном деле спрашивал; он мне отвечал то же, что и тебе, что теперь он вовсе без денег, а есть ли будут, то он тебе об оном сейчас даст знать, что я тебе и передаю. Говорил еще он мне, что он сам поедет в Москву и там тебя увидит, но всё же это me paraît louche [мне кажется подозрительным]».

[16] Николай Сергеевич Воейков. О нем см. прим. 5 к п. № 7.

[17] В дневнике Толстого под 24 декабря 1850 г. записано: «До обеда съездить к мощам».

* 33. Т. А. Ергольской.

1850 г. Декабря 11. Москва.

11 Décembre.

J'ai été hier chez le C. Zakrevsky, chez le Prince André [1] chez lequel j'ai dîné, chez les Perfilieffs [2] chez la Comtesse [3] avec laquelle, contre mon attente nous sommes très bons amis, au point mêm[e] qu'elle veut à toute force me marier. Le Prince et la Princesse sont aimables au point que j'en ai peur. — J'ai été hier au[x] deux clubs, Anglais [4] et de la noblesse, [5] j'ai joué au whist et j'ai gagné 10 roub. mais il me semble, que je ne jouerais pas gros jeu comme j'en avais l'intention, les clubs sont remplis de chevaliers d'industrie qui jouent sans le sou. — Ce matin l'envoi de la campagne est arrivé et m'a app[orté] votre lettre [6] et celle de Serge. [7] Je vous remercie pour la votre. Vos conseils me sont et me seront utiles. Dites à Serge que tout sera fait selon ses désirs. — C'est bien dommage, que vous n'ayez pu m'envoyer de la *наливка*, je tâcherai de m'en consoler avec de la liqueur. — Je m'en vais tout de suite faire encore quelques visites chez Крюковъ, [8] chez les Канивальскій [9] chez les Diakoffs. [10] J'espère vendre l'un de mes chevaux à Oséroff [11] qui a grande envie de l'acheter et qui est en fonds pour le moment. [12] Au club j'ai rencontré Канивальскій qui m'a beau[coup] engagé à venir chez lui, Нащокинъ [13] avec lequel nous avons parlé chasse et Жда-

новъ [14] qui me prie en grâce de lui rendre ce que je lui dois; ce qui m'est fort désagréable comme vous pouvez vous figurer. Après l'histoir[e] de M-me Simon il y a à présent l'histoire de Gagarine [15] qui fait beaucoup de bruit. La voilà. Un P-ce Gagarine ayant dissipé sa fortune prend le parti d'épouser une marchande, empoche la dot, et quitte sa femme le lendemain de la noce ce qui fait tant de peine à la nouvelle P-sse Gagarine, qu'elle en tombe malade et en meurt. Voilà Gagarine veuf et de nouveau riche; il vient donc faire bamboche à Moscou, court les théatres, le[s] bals masqués et surtout, les filles. — A l'un de ces bals masqués, ayant [fait] des propositions à une actrice Française, celle-ci lui répond que pas autrement que pour le bon motif. Le P-ce Gagarine l'assure qu'il ne l'avait pas pensé autrement, et que pour le lui prouver il l'engage à venir de ce pas (il était quatre heures du matin) à l'église pour être mariés — Avant de venir à l'église il lui dit, qu'ordinairement cette cérémonie se passe avec beaucoup de pompe et qu'on mette des couronnes sur la tête des époux, ils ne seront pas moins bien mariés sans cet usage qui ne fait rien à la cérémonie; alors le P-r Gag. en entrant à l'église attend que les matines soient finies et prie le prêtre de dire un Te Deum; après le Te Deum la Française lui demande, pourquoi ne leurs donne-t-on pas de cierges à tenir, ce qu'elle avait vu faire. Gag. lui dit qu'elle attende, que cela viendrait la cérémonie n'étant pas encor[e] fini[e], alors aprochant du prêtre il le prie de dire une *панафида* et on leur donne des cierges, à la grande satisfaction de la française. La cérémonie fini[e], ils vont se coucher; mais le lendemain Gag. repart pour Тверь et la Francaise pleinement convaincu[e] qu'elle était bien et dûment mariée s'en va se plaindre à C. Zakrevsky; c'est de là qu'on tient cette histoire; preuve qu'elle est véridique. — Adieu je bais[e] vos mains.

11 декабря.

Вчера был у гр. Закревского, у князя Андрея, [1] у которого обедал, у Перфильевых, [2] у графини, [3] с которой, против всяких ожиданий, мы оказались такими друзьями, что она хочет непременно меня женить. Князь и княгиня до такой степени любезны, что даже страшно. — Вчера был я в двух клубах, в Английском [4] и в Дворянском, [5] играл в вист и выиграл 10 руб. Думаю, что крупно играть не буду, как намеревался. Все клубы полны проходимцами, которые играют, не имея копейки за душой. Утром пришла посылка из деревни, которая доставила мне письма от вас [6] и Сережи. [7] За ваше — благодарю. Ваши советы и теперь, и в будущем мне

полезны. Сереже скажите, что всё будет исполнено, как он того желает. Очень жаль, что вы не смогли прислать мне *наливку*, постараюсь утешиться ликером. — Сейчас отправляюсь еще с визитами к *Крюкову*, [8] к *Канивальским* [9] и Дьяковым. [10] Надеюсь продать одну из своих лошадей Озерову; [11] ему очень хочется ее купить, и он в настоящее время при деньгах. [12] — В клубе я встретил *Канивальского*, который очень звал меня к себе, *Нащокина*, [13] с которым говорили об охоте, и *Жданова*, [14] который умолял меня отдать ему мой долг. Как мне это было неприятно, вы легко себе представляете. —

После истории г-жи Симон теперь в Москве много шума с историей Гагарина. [15] Вот в чем дело. Некто кн. Гагарин, прокутивший свое состояние, женится на богатой купчихе, захватывает всё ее приданое и бросает ее на другой же день свадьбы. С огорчения, новая княгиня Гагарина заболевает и умирает. Вдовый Гагарин, вновь богатый, приезжает кутить в Москву, ездит по театрам, маскарадам и главным образом по женщинам. — На одном из маскарадов он делает известные предложения французской актрисе, на которые получает ответ, что она согласна не иначе как повенчавшись. Князь уверяет, что иного он и не предполагал и, в подтверждение, приглашает ее ехать тотчас (в 4 ч. утра) в церковь венчаться. Он предупреждает ее при этом, что обыкновенно церемония происходит с большим торжеством, причем на головы венчающихся надевают венцы, но что этот обычай не имеет никакого отношения к обряду, и без него они будут не хуже обвенчаны. Приехав в церковь и выждав окончания утрени, кн. Гагарин просит священника отслужить молебен. После молебна француженка спрашивает, почему им не дали свеч в руки, что она сама видела на свадьбах. Гагарин отвечает, что церемония еще не окончена, нужно подождать, будет и это... и, подойдя к священнику, просит его отслужить **панафиду**. К большому удовлетворению француженки, им подали свечи. По окончании церемонии, они едут спать, а на следующее утро Гагарин удирает к себе в *Тверь*. Убежденная в своем замужестве француженка едет с жалобой на своего супруга к гр. Закревскому, от которого и узнали эту историю, поэтому и в правдивости ее сомневаться не приходится. Прощайте, целую ваши ручки.

Печатается по автографу, хранящемуся в АТБ. Публикуется впервые. Год письма определяется содержанием, которое близко к содержанию предыдущего письма.

[1] Кн. Андрей Иванович Горчаков (р. 1776 г., ум. 11 февраля 1855 г.), троюродный брат бабки Толстого, с 1832 г. генерал-от-инфантерии. При нем одно время состоял адъютантом отец Толстого. Кн. А. И. Горчаков жил в своем доме на Б. Никитской.

[2] Степан Васильевич и Анастасия Сергеевна Перфильевы. О них см. заключ. прим. к п. № 12.

[3] «Графиней» в дневнике Толстой называет вдову двоюродного дяди гр. Фед. Ив. Толстого-американца гр. Авдотью Максимовну Толстую, рожд. Тугаеву (р. в 1796 г., ум. 27 сентября 1861 г.), по происхождению цыганку. Она выведена Писемским в романе «Масоны» в лице Аграфены Васильевны.

[4] Московский Английский клуб основан при Екатерине II; до ликвидации в 1917 г. с апреля 1831 г. помещался на Тверской, в доме, построенном еще до 1812 г. гр. Львом Кирилловичем Разумовским.

[5] Дворянский клуб в Москве помещался в здании «Благородного собрания» в Охотном ряду, с 1918 г. дом профсоюзов.

[6] Письмо это неизвестно.

[7] Это вероятно сохранившееся в АТБ письмо гр. Серг. Ник. Толстого от 5 декабря.

[8] О Крюкове см. прим. 2 к п. № 32.

[9] Иван Матвеевич Канивальский (1790—1856), генерал-майор; женат был на Марье Ефремовне (ум. в 1884 г.). У них было три дочери: Софья, Елизавета и Александра.

[10] О Дьяковых см. прим. 4 к п. № 9.

[11] Борис Семенович Озеров. О нем см. прим. 3 к п. № 12.

[12] В дневнике Толстого под 17 января 1851 г. записано: «ехать к Озерову и предложить лошадь, велеть напечатать в газетах еще», т. е. поместить публикацию в «Московских ведомостях» о продаже лошади. Под 10 марта 1851 г.: «С Озеровым говорил дурно и навязывал лошадь».

[13] Вероятно Петр Александрович Нащокин (1793—18..), известный картежный игрок и псовый охотник.

[14] Может быть один из братьев второй жены Александра Михайловича Исленьева, Софьи Александровны Ждановой, у которой их было пять: Иван (р. 1802 г.), Дмитрий (р. 1810 г.), Михаил (р. 1811 г.), Александр (р. 1814 г.) и Сергей (р. 1819 г.).

[15] О каком из князей Гагариных рассказывает Толстой, установить не удалось.

* 34. Гр. С. Н. Толстому.

1850 г. Декабря 15. Москва.

Сережа!

1) Деньги взятые на продовольствіе и обсѣмененіе, къ капиталу причислены. [1] —

2) За Серебро проценты внесъ и билетъ для передачи тебѣ отдалъ Петру Евстратичу. [2]

3) У Крюкова сейчасъ былъ и наконецъ засталъ дома. — Онъ просилъ меня передать тебѣ слѣдующее: 1) долгъ, который остается отъ уплаты за рощу, онъ переписать болѣе не намѣренъ, говоря, что, зачѣмъ ты прежде не сдѣлалъ этаго. Главная же причина, по которой онъ этаго сдѣлать болѣе не хочетъ, та, что теперь вышло новое положеніе о поручительствѣ, по которому поручитель почти не отвѣтствуетъ за того, за кого поручался. — Ежели же ты хочешь перезакладывать, то бумагу, въ которой онъ изъявилъ свое согласіе на перезалогъ,

съ тѣмъ, чтобы деньги эти были внесены въ опеку, онъ согласенъ дать. — Проценты проситъ прислать. Какой подлой человѣкъ! Я намѣренъ однако къ нему съѣздить еще и сказать: И. П.,[3] отъ вашего запрещенія на наше имѣніе у насъ у всѣхъ руки связаны, и покуда оно не будетъ снято, мы будемъ терпѣть ущербъ, потому то и тому то, и вы не получите своихъ денегъ.— Поэтому я отъ себя и отъ всѣхъ братьевъ даю вамъ слово, что ежели вы не перепишите векселей послѣ послѣдней уплаты за лѣсъ, то вы денегъ вашихъ не получите и черезъ 10 лѣтъ; ежели же вы снимите запрещеніе, то, даю вамъ слово, что сумма будетъ заплочена сполна, черезъ годъ. Согласенъ ли ты на это? То есть предложить ему миръ или войну. — Совѣтовалъ бы я тебѣ во всякомъ случаѣ заняться подачею прошенія въ Ту[льскую] Гражд[анскую] палату слѣдующаго содержанія: Что долги мы принимаемъ на себя, а раздѣлъ просимъ утвердить.[4]— 4) *О Капнистѣ*,[5] Львова[6] не видалъ, которого хотѣлъ попросить узнать объ этомъ; а въ канцелярію не ѣздилъ, съ слѣдующей же почтой увѣдомлю. — 5) *О прибавочныхъ душахъ*. Не понимаю. — 6) Можно ли перезаложить по 8-й ревизіи? Можно. Совѣтъ деньги выдастъ по Свидѣтельству, какое бы оно ни было, и справокъ наводить не будетъ, для того что справки всѣ должны уже будут находиться въ Свидѣтельствѣ. — 7) Odontine и elexir посылаю съ Петромъ; 1—50 к. передержаны, которые ты отдай Петру. — Денегъ у меня становится мало, поэтому пришли мнѣ поскорѣе оныхъ. — Живу я себѣ ни хорошо, ни дурно — скромно, въ карты не играю, только по 2 коп. въ Ералашъ съ Анд. Ив. Горчак[овымъ] pour lui faire la cour.[8]— Прощай, ежели тебѣ кажется темно, что я тебѣ пишу о прош[еніи], которое совѣтую подать, то Петръ тебѣ объяснитъ, въ чемъ дѣло; надо, разумѣется, дать денегъ секретарю, попросивъ его на квартиру, и подавать прошеніе поскорѣе, подписавшись подъ наши руки, разумѣется. Казариновъ[9] въ Москвѣ, слѣдовательно, Елагинъ[10] правитъ должность и сдѣлаетъ все по прошенію. —

15 Декабря.

1850.

Петръ увѣряетъ, что подписаться подъ руки опасно, и мнѣ кажется, правда, вышиши лучше Митиньку и Валерьяна. Къ 1-мъ числамъ Генваря я буду.[11]

На 4 странице:

Его Сіятельству Графу Сергѣю Николаевичу Толстому.

Петру Евстратову безъ задержки дать лошадей до Пирагова. — Г. Л. Толстой.

Печатается по автографу, хранящемуся в ГТМ. Публикуется впервые. Письмо является ответом на письмо гр. С. Н. Толстого от 11 декабря 1850 г.:

«Лёва. Письмо твое почтенное от 7-го ноября получил, на которое отвечаю тебе следующее: «Сделай милость, напиши мне об всем поподробнее и на все пункты моих обоих писем первых отвечай не пропустя ничего: —

1) о деньгах, взятых на обсеменение и продовольствие.

2) о серебре. —

3) О Крюкове. —

4) О Капнисте. —

5) О прибавочных душах.

6) О перезалоге по 8-ой или 9-ой ревизии.

7) О Odontine и elixir Peletier.

Петр Евстратов всё врет, узнай хорошенько сам, примет ли Совет по 8-ой и будет ли наводить справки. Естьли примет и справки наводить не будет, то это сделать будет можно, ибо в Гражданской Палате мне говорят, что свидетельство по 8-ой ревизии взять можно. — Естьли ты мне уже второе письмо подробнее написал и хорошенько про перезалог по 8-ой ревизии не узнал, то не поленись, хорошенько узнай и еще напиши. Я жду твоего ответа, чтобы начинать действовать, а время терять будет некогда, надо будет до Рождества выхлопотать свидетельство. Это уже мое второе письмо к тебе, не знаю, получил ли первое, где я пишу тебе о исполнении мною всех твоих поручений. Это письмо пошло к тебе с обозом, с которым прошу тебя переслать мне odontine. Естьли же обоз отправлен, то с почтой. Тетиньку еще не видал, поэтому не знаю содержания твоего письма к ней. Напиши мне об себе поподробнее как всё — *шукр* или! пашукр? *требицы или на ловы*? Очень рад что квартера не фризовая. Отвечай скорее на всё. С. Пирогово. Гр. С. Толстой». (Письмо неопубликовано; подлинник в АТБ.)

У гр. С. Н. Толстого явная ошибка: в ноябре Толстой был еще в Туле. *Это уже второе письмо... получил ли первое* — т. е. от 5 декабря 1850 г. В цыганских словах: *шукр*, *пашукр*, *требицы или на ловы* гр. С. Н. Толстой что-то напутал, и перевести их не удалось.

[1] Об этом см. ответное письмо гр.С. Н. Толстого от 21 декабря 1850 г., приводимое нами ниже.

[2] Об этом писал гр. С. Н. Толстой 5 декабря: «Не замедли уплатить за серебро и пришли мне билет обратно».

[3] И. П. Крюков. См. прим. 2 к п. № 32.

[4] Тульская палата гражданского суда утвердила раздел имений между Толстыми 8 февраля 1851 г.

[5] Иван Васильевич Капнист (1794—1860), сын известного писателя,

в 1842—1844 гг. смоленский, а в 1844—1856 гг. московский гражданский губернатор, в канцелярии которого служил или вернее числился гр. С. Н. Толстой.

[6] Кн. Георгий Владимирович Львов. О нем см. вступ. прим. к п. № 94. В дневнике Толстого под 21 декабря записано: «У Львова узнать о службе Сережи».

[7] Кн. Андрей Иванович Горчаков. О нем см. прим. 1 к п. № 33.

[8] чтобы за ним поухаживать.

[9] Николай Павлович Казаринов (р. в 1808 г.) в 1844—1861 гг. председатель Тульской палаты гражданского суда.

[10] Николай Павлович Елагин (1801—1863) в 1844—1849 гг. товарищ председателя Тульской палаты гражданского суда.

[11] Вырван край листа с несколькими словами.

На это письмо гр. С. Н. Толстой ответил письмом от 21 декабря. Приводим его полностью:

«Леушка. Посылаю тебе 60 руб. серебром. Не знаю, дойдут ли до тебе письмо это и деньги, потому что Петр Евстратов мне говорил, что квартера твоя не в доме Львова, а в доме Ивановой. Это третье мое письмо к тебе. Об Аникееве я тебе уже писал и аттестаты послал. Его Сиятельство денег, разумеется, тебе не даст. Он у меня купил лошадь и насилу мог за нее отдать деньги. — Всё время живу я в деревне, тетинька у меня. Цыгане благодаря всевышнего создателя меня не забывают. Они были у меня в Пирогове, чему я даже, к моему удивлению, был не рад. Одному с ними быть в деревне невыносимо. Я собираюсь, кажется, им, как и ты, сказать Хамрабу. Я из писем твоих ко мне и к тетиньке мог заключить, что ты не играешь вовсе или играешь по маленькой, но по маленькой ведь тоже можно проиграть, и проиграть много. Дай бог, чтобы это с тобой не случилось. Авось либо ты уже стал поопытней. — Радуюсь, что у тебя не фризовая квартера.—Понравилась ли тебе меньшая Канивальская? Я исполнением моих комиссий не вполне доволен. Во-первых, я из слов Петра Евстратова мог заключить, что вы не узнали подробно, числится ли на нас долг *продовольственных денег*. Петр Евстратов спрашивал в Совете: *не числится ли на нас долг денег, взятых во время голодного года*. Ему сказали, что деньги, взятые в голодный год, причислены к капиталу, что и сделано действительно *для семянных*, но *продовольственные* даны на 10 лет, поэтому их по случаю окончания этих 10 лет еще не требуют, но есть ли они взяты, то их потребуют и, как говорят, с огромными процентами. Узнай, сделай милость это наверно. Это меня крайне мучает. — Петр Евстратов положительно мне на счет этого ничего не сказал; когда будешь узнавать, то узнай еще вот что: *числится ли долг на Пирогове*, ибо, так как Ясное и Никольское перезаложены после голодного года, то у нас эти деньги вычтены из суммы полученной за перезалог, в Пирогове же они вероятно не уплочены. Ради бога, узнай об этом поверней и напиши поскорей об оном, да не поленись, сходи сам в Совет, через других никогда ничего не узнаешь. Я ожидал, что Петр Евстратов мне об всем объяснит дельно, а он сам почти ничего не знает. — Еще раз прошу тебя, узнай о *продовольственных деньгах собственно для Пирогова*. 2) Ты говоришь, что не понимаешь, что такое *надбавочные деньги*, т. е. я желаю знать, во сколько

у меня заложены души в 70 или в 80 руб[лей] серебром, и могу ли я что нибудь еще получить надбавочных денег. Спроси об этом сам в Совете и напиши мне. 3) *О Крюкове непременно ли нужно ему в наискорейшем времени вносить проценты* или можно *еще подождать*. Мысль твоя объявить Крюкову *мир или войну* хороша, но как бы он естьли откроем войну, не подал ко взысканию моего *векселя*. Напиши мне, что он тебе еще говорил после твоего последнего предложения, т. е. *мир или войну*. 4) О *Капнисте. Нужно ли мне ехать в Москву по случаю службы или можно отделаться*. Уведомь об этом *непременно*. Прошение в палату о утверждении раздельного акта написано. Пишу об оном Митеньке. — Узнай утвержден ли я в 12-ом классе. Прощай *моём то суто*. Гр. С. Толстой. *Одонтин и елексир разбили*. Сделай милость, не забудь, пришли с почтой или оказией еще и того и другого. Деньги доставлю в контору». (Письмо не опубликовано; подлинник в АТБ.)

Его сиятельство — кн. Еникеев. *Меньшая Канивальская* — дочь Ивана Матвеевича Канивальского (см. о нем прим. 9 к п. № 33) Александра Ивановна. *Деньги, взятые в голодный год* — деньги, взятые на продовольствие крестьян и обсеменение во время неурожайного 1839—1840 года. В цыганских словах *хамрабу, моём то суто* гр. С. Н. Толстой что-то напутал, и они не поддаются переводу.

* 35. Гр. С. Н. Толстому.

1850 г. Декабря 22. Москва.

ты прожи
служенія — въ Мос
выдти для тебя непр
въ томъ случаѣ; ежели
попался въ какомъ нибудь дѣлѣ.
Вотъ что мнѣ сказали. [1] — Отвѣчай мнѣ пожалуйста на предидущее письмо и еще сдѣлай одолженіе узнай, въ Т[ульскомъ] Депут[атскомъ] собр[аніи] награжденъ ли я чиномъ? — Я приготовилъ прошеніе на Вы[сочайшее имя]. [2]
оборот страницы:
и порядо
скоро будетъ ѣсть
остому позаботиться мнѣ поскорѣе прислать денегъ. — Прощай.

22 Декабря
1850

Печатается по автографу, хранящемуся в АТБ. Публикуется впервые. Подлинник — оборванный листок бумаги.

[1] Речь идет о чине гр. С. Н. Толстого; см. предыдущие письма.

[2] Об этом прошении есть записи в дневнике Толстого: 13 декабря: «Занятия на 13 декабря. Переговорить с Петром о прошении на высочайшее имя и о том, могу ли я перейти служить в Москву» и 14 декабря: «Нужно нынче велеть написать прошение». О чем было прошение, сказать не можем.

* 36. Т. А. Ергольской.

1850 г. Декабря 24. Москва.

24 Décembre, Diman[che],

1850

Chère Tante!

Je m'étonne et ne cesse de m'étonner de votre silence; quoique j'aie reçu hier votre lettre du 16 Décembr[e] [1] qui est une réponse à ma première et celle là est la 4-me [2] que je vous écris. Ma santé est excellente; mais en revanche l'état de ma poche n'est pas florissant. — Et si maintenant l'argent qu[e] j'attends de Serge et de *Ясное* n'est pas encore expedié il ne faut plus l'envoyer; puisque nous nous croiserons en route. Vous avez dû voir Pierre et la répétition de la même comédie; je ne lui ai fait ni grâce, ni ne lui ai demandé compte de cet argent, — la chose ne me regardant pas. N'a-t-on pas nouvelles de Nicolas? Je commence à m'inquié[ét]tter beaucoup sur son compte.

L'histoire de M-me Simon n'est pas encore terminée; hier même on m'a raconté; comme quoi un commis de M. Sim étant venu chez Mr. Kabiline pour avoir une explication avec lui est tombé mort dans sa chambre; on ne sait encore à quoi attribuer cette mort subite. [3] — Pourquoi êtes-vous tellement montée contre Islénieff? si c'est pour m'en détourner c'est inutile puisqu'il n'est pas à Moscou. [4] Tout ce que vous dites au sujet de la passion du jeu est très vrai et me revient souvent à l'esprit. C'est pourquoi je crois que je ne jouerai[ais] pas; je dis «je crois» mais j'espère bientôt vous dire pour sûr; vous savez, il est très pénible de quitter une idée qu'on a eue pendant longtemps.

Dernièrement j'ai rencontré *Чулковъ* à la banque et hier il m'a fait un[e] visite, il assure qu'il a arrangé toutes ses affaires à la Banque; mais je crois qu'il ment. Il m'a engagé beaucoup à venir chez lui; mais comme vous concevez que sa société ni celle de sa femme n'a aucun attrait pour moi je n'en ferai rien. [5] —

Tout ce que vous dites de la société est vrai aussi comme tout ce que vous dites surtout dans vos lettres. I-mo parceque vous écrivez comme M-me de Sévigné [6] 2-o parceque je ne puis selon mon habitude — disputer. Vous dites aussi beaucoup de bon de ma personne, je suis convaincu que les louanges font autant de bien que de mal. — Elles font du bien puisqu'elles maintiennent dans les bonnes qualité[s] qu'on loue, et du mal parcequ'elles augmentent l'amour propre; je suis sûr que les vôtres ne peuvent que me faire du bien; par la raison qu'elle[s] sont dictées par une amitié sincère — cela va sans dire autant que je les meriterai[s]. Je crois les avoir méritées pendant tout le tems de mon séjour à Moscou — je suis content de moi. — La maladie de ma tante Lise [7] me fait beaucoup de peine au moins c'est une compensation de savoir Marie et son enfant bien portantes; [8] Quand doit-elle accoucher? Dites à Serge que je l'embrasse et que toutes ses commissions sont remplies et consciencieusem[ent].

Adieu, je baise vos mains, au revoir.

Je salue le moine. [9]

24 декабря, воскресенье 1850.

Дорогая тетенька!

Меня удивляет и не перестает удивлять ваше молчание, не взирая на то, что вчера я получил ваше письмо от 16 декабря, [1] в ответ на мое первое, а сегодня я пишу вам в 4 раз. [2] Здоровье мое прекрасно, но зато мой карман не в цветущем состоянии. — Ежели деньги, которые я жду от Сережи и из *Ясного*, еще не высланы, задержите их, иначе мы разминемся в пути. Вы верно уже видели Петра и повторение той же комедии. Ни прощать его, ни требовать отчета мне не пришлось, так как меня это никак не касалось. Есть ли известия о Николеньке? Начинаю беспокоиться о нем.

История г-жи Симон не окончена; еще вчера слышал, будто бы служащий ее явился к Кобылину за какими-то объяснениями и там скоропостижно скончался. Причина смерти еще не выяснена. [3] — Почему вы так восстаете против Исленьева? Ежели для того, чтобы меня от него отвратить, так это бесполезно, потому что его нет в Москве. [4] Всё, что вы говорите о страсти к игре, справедливо, и часто об этом сам думаю. Поэтому, я думаю, что больше играть не буду, — говорю «думаю», а надеюсь скоро сказать вам, что уверен, что не буду играть, но вы знаете, как трудно бывает отказаться от той мысли, которая долго вас занимала.—

На-днях встретил в банке *Чулкова*, и вчера он был у меня и уверяет, что дела с банком устроил; но я думаю, что он врет; он очень звал меня к себе, но, как вы догадываетесь, общество его и его жены мне мало привлекательны, и его приглашеньем я не собираюсь воспользоваться.[5]—

Всё то, что вы говорите об обществе, так же верно, как всё, что вы говорите, особенно в ваших письмах. Во 1-х, потому, что вы пишете, как м-м де Севинье, [6] а, во 2-х, потому что по своей привычке я не могу спорить. Вы много хорошего говорите тоже обо мне самом. Я уверен, что похвалы так же полезны, как и вредны. — Они полезны потому, что поддерживают в качествах, вызывающих похвалу, и вредны потому, что развивают самолюбие; я уверен, что ваши мне только полезны, потому что они вызваны искренней дружбой, но лишь в том случае, ежели я их заслуживаю. И я думаю, что я заслужил их; за всё время моего пребывания в Москве я собой доволен. Болезнь тети Лизы [7] меня очень огорчает; хорошо еще, что Машенька со своим ребенком здоровы. Когда должна она родить? [8] Скажите Сереже, что я его целую, что все его поручения исполнены и добросовестно.

Прощайте, целую ваши ручки.

Монаху [9] кланяюсь.

Печатается по автографу, хранящемуся в АТБ. Впервые опубликованы отрывки из письма (по-французски и в переводе) П. И. Бирюковым в Б, I, 1906, стр. 158—159; несколько бо́льшие отрывки даны (только в переводе) П. А. Сергеенко в ПТС, I, стр. 5—6; впервые полностью (только в переводе) в Бир., XX, 1913, стр. 9—10.

[1] Письмо это неизвестно.

[2] Толстой ошибся: по приезде в Москву 24 декабря 1850 г. он писал в пятый раз.

[3] См. об этом прим. 11 к п. № 31. Слух, передаваемый Толстым, неверен.

[4] Александр Михайлович Исленьев. О нем см. прим. 8 к п. № 31.

[5] Вероятно брат упоминавшихся в п. № 30 сестер Чулковых, тульский помещик Василий Александрович Чулков (р. в сентябре 1828 г.), женатый на Юлии Петровне Извековой.

[6] Маркиза Мария Севинье, рожденная Рабютэн-Шанталь (1626—1696) прославилась замечательными по содержанию и стилю письмами к своей дочери.

[7] Гр. Елизавета Александровна Толстая. О ней см. прим. 7 к п. № 4.

[8] Гр. Марья Николаевна Толстая 31 декабря 1850 г. родила сына Николая.

[9] Николай Сергеевич Воейков. О нем см. прим. 5 к п. № 7.

1851

* 37. Т. А. Ергольской.

1851 г. Января 17. Москва.

Chère tante!

La petite lettre, bien courte, mais en revanche, bien peu agréable que j'ai reçue de vous à Toula, [1] m'a beaucoup chagriné, et je dirai même m'a fait beaucoup de peine, si quelque chose venant de vous pouvait me faire de la peine. — Pourquoi croire, que je n'ai pas assez de bon sens et de délicatesse, pour faire voir à un frère, [2] que de le revoir est un grand bonheur pour moi et que, si je le quitte ce n'est qu'à regret. Soyez persuadé[e], que malgré l'apparence de froideur et d'indifférence dans nos relations il est plus convaincu que jamais, que je l'aime tout autant, que je l'ai toujours aimé c. à d. autant que je puis aimer et que lui est mieux disposé envers moi depuis notre entrevue qu'il ne l'a été pendant notre séparation. [3]

J'ai abandonné l'entreprise des postes, à cause de ce qu'on n'a pas voulu m'ac[c]order les conditions que j'avais demandées. — Je n'ai rien perdu dans cette affaire, si ce n'est un peu de tems et d'argent, dont je ne puis être remboursé qu'au premier de Février. [4]

Kiréevsky [5] et Языковъ [6] sont à Moscou et de nouveau, amis cochons, au point qu'ils logent ensemble. Hier je les ai vu[s] au Théatre; mais comme de raison je n'ai approché ni l'un ni l'autre; ce soir j'irai au club et me ferai présenter à Kiréevsky. — Dites à Serge si vous le voyez et si non, écrivez lui слѣдующее:

Деньги, выдаваемыя на обсѣмененіе полей и продовольствіе, были браты въ 1840 году частью изъ суммъ Опекунскаго Совѣта, частью же изъ Губернскихъ и уѣздныхъ казначействъ.— Суммы, братыя изъ Опекунскаго Совѣта, всѣ причислены къ

капитальному долгу заложенныхъ имѣній по Узаконенію, вышедшему въ 1844 году Августа 8-го. Суммы же, братыя изъ казначействъ, въ дѣлахъ Опекунскаго Совѣта не значутся; поэтому о нихъ узнать слѣдуетъ въ Губернскомъ или уѣздномъ казначействѣ. — По Пирогову была взята сумма на обсѣмененіе и причислена къ капиталу; суммы же на продовольствіе не значится. Чтобы узнать, была ли она взята или нѣтъ, и на какихъ условіяхъ, нужно справиться въ казначействахъ.

Adieu, chère Tante, je baise vos mains, écrivez moi, donnez moi de vos nouvelles et de la tante Lise à laquelle je baise les mains. Quel est l'état? — Je ne vous recommande pas de me parler de Marie; vous savez bien si cela m'intéresse.

17 Janvier 1850.

J'avais bien envi[e] de vous décrire la journée passée chez Diakoff et les charmantes impressions qu'elle m'a données; mais je suis pressé et je dirai comme Alex. Dumas: il y a dans la vie deux heures inexorables: celle de la poste et de la mort; l'une m'attend, à vous jusqu'à l'autre.

Дорогая тетенька!

Письмецо ваше, такое короткое, но зато такое неприятное, полученное мною в Туле, [1] меня глубоко опечалило, сказал бы даже, сделало мне больно, ежели бы что-либо от вас могло мне сделать больно. — Почему вы думаете, что здравый смысл и деликатность не подскажут мне показать своему брату, [2] что я счастлив его видеть и расстаюсь с ним с сожалением. Уверяю вас, что, не взирая на внешнюю холодность и равнодушие в наших отношеніях, он убежден более, чем когда-либо, что я люблю его по-прежнему, что я всегда любил его, т. е. настолько, насколько я могу любить, и что сам он лучше ко мне расположен с тех пор, как мы встретились, чем был в моем отсутствии. [3]

Я отказался от почтового предприятия, так как мои условия в этом деле не были приняты. — Этим я ничего не потерял, кроме небольшого количества времени и денег, которые однако мне возвратят не раньше 1-го февраля. [4] —

Киреевский [5] и *Языков* [6] в Москве; снова закадычные друзья и даже живут вместе. Видел я их вчера в театре; но, разумеется, не подошел ни к тому, ни к другому; нынче вечером в клубе я попрошу представить меня Киреевскому. — Ежели вы видаете Сережу, скажите ему, а ежели — нет, то напишите *слѣдующее:

Деньги, выдаваемыя на обсѣмененіе полей и продовольствіе, были браты въ 1840 году частью изъ суммъ Опекунскаго Совѣта, частью же изъ Губернскихъ и уѣздныхъ казначействъ. — Суммы, братыя изъ Опекунскаго совѣта, всѣ причислены къ капитальному долгу заложенныхъ

имѣній по Узаконенію, вышедшему въ 1844 году августа 8-го. Суммы же, братыя изъ казначействъ, въ дѣлахъ Опекунскаго Совѣта не значутся; поэтому о нихъ узнать слѣдуетъ въ Губернскомъ или уѣздномъ казначействѣ. — По Пирогову была взята сумма на обсѣмененіе и причислена къ капиталу; суммы же на продовольствіе не значится. Чтобы узнать, была ли она взята или нѣтъ, и на какихъ условіяхъ, нужно справиться въ казначействахъ. *

Прощайте, дорогая тетенька, целую ваши ручки, пишите мне, извещайте меня о себе и тете Лизе, которой тоже целую ручки. Каково положение? Не поручаю вам сообщать мне о Машеньке, вы сами знаете, как меня это интересует. —

17 января 1850.

Хотелось бы мне описать вам день, проведенный у Дьяковых, [7] и прелестное впечатление, произведенное ими на меня, но я тороплюсь и скажу, как Александр Дюма, что в жизни существуют два неумолимых часа — час почты и час смерти; первый меня ожидает, весь ваш до второго.

Печатается по автографу, хранящемуся в АТБ. Публикуется впервые. Год письма определяется содержанием (у Толстого несомненно ошибка, часто встречающаяся в начале нового года) и ответным письмом Т. А. Ергольской от 27 января 1851 г., где она пишет: «получила твое письмо от 17-го нынешнего месяца».

[1] Толстой выехал из Москвы 30 декабря, съездил в Покровское на крестины сына гр. Марьи Николаевны Толстой, Николая, оттуда в Ясную поляну и Тулу. Вернулся в Москву вероятно числа 5-6 января.

[2] Числа 29 декабря 1850 г. гр. Николай Николаевич Толстой приехал в Покровское с Кавказа (неопубликованное письмо гр. Вал. Петр. Толстого ко Льву Николаевичу от 29 декабря 1851 г.).

[3] Об этой встрече с Николаем Николаевичем в дневнике Толстого записано под 1 января 1851 г.: «Был в Покровском, виделся с Николенькой он не переменился, я же очень много, и мог иметь на него влияние, ежели бы он не был столько странен; он или ничего не замечает и не любит меня, или старается делать, как будто он не замечает и не любит».

[4] У Толстого был план взять в аренду почтовую станцию в компании с кн. Петром Александровичем Щербатовым, о чем есть запись в дневнике под 31 декабря 1850 г.: «Виделся со Щербатовым и решился взять станцию. Был у почтмейстера, но не довольно основательно переговорился с Щербатовым»; под 2 январем: «ехать к Дьяковым и в ночь в Тулу. Заключить там с Щербатовым условие»; под 12 января: «прочесть всё касательно станции, передумать, записать и ехать к Татищеву»; под 13 января: «Станцию сдал — характер не выдержал». См. приведенное ниже ответное письмо Т. А. Ергольской от 27 февраля 1851 г. Станция эта—вероятно, «Ясная поляна», находившаяся на тракте из Тулы в Орел, в 17 в. от Тулы. Другая дорога из «Ясной поляны» шла через г. Крапивну в г. Белев.

Петр Александрович Щербатов (р. 1811 г.), отставной корнет, женатый на Софье Николаевне Горсткиной (ум. в 1858 г.), имения которого находились в Крапивенском, Тульском и Богородицком уездах. *Почт-*

мейстером в Туле в 1850 г. был Афанасий Дионисович Дьяченко. *Иван Иванович Татищев* — помощник московского почт-директора.

[5] Николай Васильевич Киреевский (р. в 1797 г., ум. 20 февраля 1870 г.), в 1815—1821 гг. служил в кавалергардском полку. Выйдя в отставку ротмистром, поселился в своем имении Шаблыкино Карачевского у., Орловской губ., славившемся своей красотой (известен изданный Киреевским «Альбом села Шаблыкина») и прекрасной постановкой хозяйства. Владелец 6000 душ, Киреевский имел одну из лучших псовых охот в России. Позднее он перешел на ружейную охоту, которой и занимался до конца жизни, собрав замечательную коллекцию оружия. В 1856 г. издал свои воспоминания об охоте под заглавием: «Сорок лет постоянной псовой и ружейной охоты», М. 1856 (изд. 2, М. 1875 г.). Толстой в «Воспоминаниях детства» называет Киреевского товарищем по охоте и приятелем своего отца. Как записано в дневнике Толстого под 17 января 1851 г., он хотел у Киреевского занять денег.

[6] Семен Иванович Языков. О нем см. прим. 3 к прошению № 2.

[7] О Дьяковых см. прим. 4 к п. № 9.

На это письмо Т. А. Ергольская ответила 27 января. Приводим ее письмо полностью: «Дорогой Léon! После 20-дневной смертельной неизвестности на твой счет, я наконец получила твое письмо от 17-го нынешнего месяца. Зная мою нежную привязанность, ты легко можешь себе представить, как огорчало меня твое молчание; повлияло это и на мое здоровье, я проболела несколько дней, но теперь поправилась. — Надеюсь, дорогой Léon, что ты не сетуешь на меня за прошлое мое неприятное письмо; мне было так грустно расстаться с тобой, так расстроена я была твоим неожиданным отъездом, что я вылила всё горе, наполнявшее мое сердце в эту минуту. — Зато твое ласковое и нежное письмо доставило мне такое удовольствие, что я забыла свое огорчение. — Ты так мило пишешь, так натурально, что ты сумел своими письмами как бы живой стать передо мной. По поводу Николеньки ты говоришь, что после последней встречи он кажется лучше к тебе расположенным, чем во время вашей разлуки. Я знаю его доброе сердце, знаю его дружескую о тебе заботливость, поэтому-то я и желала бы, чтобы ты с доверием и с полной откровенностью говорил с ним обо всем, что тебя касается, чтобы ты советовался с ним относительно твоих дел и службы, ведь приобрел же он опыт от шести лет службы. Чем больше я его вижу, чем больше я прислушиваюсь к нему, тем больше я нахожу в нем достоинств. Пусть он руководит твоим поведением и поступками. Ты его мало видел, но ты мог воспользоваться его присутствием, а вместо этого ты, по его словам, избегал его, отклонялся от серьезного разговора. Казалось бы естественным, что приятно общение с братом, с которым ты не видишься четыре года, а вместо этого, в Туле ты предпочел проиграть всю ночь в карты. Ах, Левочка, неужели ты не бросишь эту проклятую страсть, которая может привести тебя к беде. — Всё это происходит от праздности и безделья; примером тому — Сережа; будь у него служба, которая заняла бы его серьезно, он не отдался бы безумной страсти к цыганке. Какое он себе готовит будущее? Он будет проводить жизнь среди самого предосудительного общества людей, которые хитростью завладеют его умом, сумеют так воспользо-

ваться слабостью его характера и злоупотреблять его добрым сердцем, что он не сможет освободиться из их хитросплетений, ежели не найдется какого-нибудь милосердного существа, которое вырвало бы его из их когтей. Так это меня огорчает, так озабочивает, что голова идет кругом. Я и на твой счет не покойна, милый Léon, боюсь, чтобы ты снова не подпал искушению и не начал играть, когда еще не уплачены твои карточные долги, и ты рискуешь еще задолжать. Ведь пора же образумиться, ты пережил тяжелый год; дай бог, чтобы нынешний был для тебя благополучнее. Хорошо, что ты раздумал насчет почтового предприятия. Князь Щербатов, говорят, разорившийся человек; ты бы только запутался в своих делах. Постарайся, милый мой, поподробнее разъяснить Валерьяну свое предложение; хорошо было бы, ежели бы это устроилось; перемена места развлекла бы нашу милую Мари, а то однообразная жизнь в Покровском действует на ее расположение духа и на здоровье; ведь ей совсем не хорошо всё это время — она мучается зубами. Она шлет тебе тысячи нежностей. Дети ее, слава Богу, здоровы. Твои братья, Митенька и Николенька, здесь; последний приехал из Тулы совсем больной, теперь ему немного лучше. Оба дружески приветствуют тебя, так же и Валерьян, который с нетерпением ждет твоего ответа. Не задерживай его. — Каков результат твоей встречи с Киреевским и Языковым? — Валерьян тебя просит, милый мой, на случай удачи того, что ты ему предлагаешь, замолвить за него слово князю *Сергею* и генералу *Боде*. Рассчитывая на протекцию этих двух лиц, он поспешит приехать и представиться им. На этом прощусь с тобой, добрый и милый мой Léon. Храни тебя Господь. Нежно целую тебя. Моя кроткая Машенька просит тебя ее не забывать и желает тебе всевозможного счастья. Наталья Петровна тебе кланяется. Послали отсюда за тетей Полиной, завтра надеемся ее увидеть». (Публикуется впервые; оригинал по-французски; подлинник в АТБ.)

Князь Сергей — кн. Сергей Дмитриевич Горчаков. О нем см. прим. 1 к п. № 7. *Бар. Лев Карлович Боде* (1787—1859), сын французского эмигранта, участник кампании 1812—1814 гг.; в 1842—1849 гг. вице-президент московской дворцовой конторы, а в 1849—1858 гг. президент ее. *Наталья Петровна Охотницкая* — приживалка у Толстых. После смерти Т. А. Ергольской перешла в богадельню в «Спасском» Тургенева, где и умерла, впавши в идиотизм.

* 38. Т. А. Ергольской.

1851 г. Февраля конец. Москва.

Chère Tante!

Vous avez à peu près deviné, que j'étais mécontant de moi même et que c'est cela qui a été la cause de mon silence. — Je me suis trop amusé et couru le monde tout ce tem[p]s ce qui a fait, que j'ai négligé ma correspondance; pour ce qui est du jeu,

il est vrai, que j'ai perdu mais très peu de chose. Je ne vous écris que pour vous tranquilliser s[u]r mon compte et vous demander pardon de mon silence. Nicolas [1] m'attend pour aller avec lui faire des courses et des achats. Adieu ou plutôt à revoir, demain je vous écrirai plus longuem[ent]. Vous m'avez demandé les suites de mon entrevue avec Kireevsky et Языков, [2] elles n'ont était[é] aucunes, nous avons parlé de l'état de leur santé et de la mienne, du Théatre et de fleurs; mais comme vous sentez bien, pas un mot sur votre lettre. —

Je vous baise les mains et embrasse bien tendrement Marie. [3]—

На конверте:

Ея Высокоблагородію Татьянѣ Александровнѣ Ергольской. Въ Тульскую губернію въ городъ Чернь.

Дорогая тетенька!

Вы почти угадали, что причина моего молчания та, что я собой недоволен. Я слишком много веселился, слишком много бывал в свете и запустил корреспонденцию; что касается игры, правда, я проиграл, но очень немного. Пишу вам только, чтобы успокоить вас насчет себя и чтобы просить вас меня простить за долгое мое молчание. Николенька [1] ждет меня, чтобы ехать с ним по делам и покупкам. Прощайте, или, вернее, до свиданья, завтра напишу вам письмо длиннее. Вы спрашиваете, какие последствия моей встречи с Киреевским и *Языковымъ* [2] — никаких. Разговор шел об их здоровье, о моем, о театре, о цветах. Разумеется, о вашем письме ни слова. —

Целую ваши ручки и нежно целую Машеньку. [3]

Печатается по автографу, хранящемуся в АТБ. Публикуется впервые. Письмо датируется на основании пометы Т. А. Ергольской на конверте: «1-е марта 1851 год» и является ответом на ее письмо от 27 января 1851 г., приведенное нами в прим. к п. № 37.

[1] Гр. Николай Николаевич Толстой. О нем см. вступ. прим. к п. № 50.

[2] Николай Васильевич Киреевский. О нем см. прим. 5 к п. № 37 и Семен Иванович Языков. О нем см. прим. 3 к п. № 2.

[3] Гр. Марья Николаевна Толстая.

* 39. Т. А. Ергольской.

1851 г. Марта 8. Москва.

8 Mars.

Chère Tante!

Je crois, d'après votre silence, que vous êtes fâché contre moi, en effet il y a longtems, que je ne vous ai écrit; mais vous savez

que s'il m'arrive, d'avoir des torts envers vous c'est bien malgré moi, vous savez aussi que plus je reste longtems sans vous voir, plus le sentiment que j'ai pour vous devient vif. — Je me calomniais quand je disais, que pour moi les absents ont tort. —

Dernièrement dans un ouvrage que je lisais l'auteur disait que les premiers indices du printems agissent ordinairement sur le moral des hommes. — Avec la nature qui renait on voudrait se sentir renaître aussi, on regrette le passé, le tems mal employé, on se repent de ses faiblesses et l'avenir nous apparait comme un point lumineux devant vous; on devient meilleur, moralement meilleur.

Ceci quant à moi est parfaitement vrai depuis que j'ai commencé [à] vivre (indépendament) le printem[s] me mettait toujours dans de bonnes dispositions, dans lesquelles je persévérais plus ou moins longtems mais c'est toujours l'hiver qui est une pierre d'achopement pour moi. — Всегда собьюсь. —

Au reste en récapitulant les hivers passés celui là est sans doute le plus agréable et le plus raisonable, que j'aie passé. — Je me suis amusé, je suis allé dans le monde, j'ai gardé des souvenirs agréables et avec cela je n'ai pas dérangé mes finances ni arrangé, c'est vrai. Tout de suite je viens de faire un calcul des dettes que j'ai et il se trouve que le chiffre en est le même que l'année précédente.

Adieu, chère et bonne tante, je baise mille fois vos mains et espère bientôt de [le] faire en réalité.

Dites à Valérien, [1] que je ne puis lui rien répondre; puisqu'il y a longtems que je n'ai vu le Prince; il vient de perdre sa fille.[3]— Cependant aujourd'hui même je vais diner chez eux et je lui parlerais[ai].

Léon.

На конверте:

Ея Высокоблагородію Татьянѣ Александровнѣ Ергольской. Тула. Чернь.

8 марта.

Дорогая тетенька!

Мне кажется по вашему молчанию, что вы сердитесь на меня, и точно я вам давно не писал; но вы знаете, что и виноват я перед вами всегда против своей воли; вы знаете, что, чем дольше я вас не вижу, тем живее мое чувство к вам. — Я оклеветал себя, когда говорил, что отсутствующие всегда виноваты.

Прочел недавно в одной книге, что первые признаки весны действуют обыкновенно на моральную сторону человека. — С оживающей природой хочется переродиться самому, жалеешь о прошлом, о дурно использованном времени, раскаиваешься в своих слабостях, и будущее представляется светлым впереди; становишься лучше, нравственно лучше.—

Относительно меня это совершенно верно; с тех пор как я начал жить (самостоятельно), весна всегда приводила меня в хорошее состояние, в котором я удерживался более или менее долго, но зима всегда была камнем преткновения. — *Всегда собьюсь.*—

Впрочем, если вспомнить прошлые зимы, нужно признать, что нынешняя была самой приятной и самой благоразумной из проведенных мною. — Я веселился, ездил в свет, сохранил много приятных впечатлений и не расстроил своих денежных дел. Правду сказать, и не устроил. Сейчас я подводил счет своим долгам, и оказывается, что сумма та же, что и в прошлом году.

Прощайте, милая и добрая тетенька, тысячу раз целую ваши ручки и надеюсь скоро исполнить это в действительности.

Скажите Валерьяну, [1] что ничего не могу ему ответить потому, что давно не видел князя, у которого только что умерла дочь. [2] — Однако я обедаю у них сегодня и буду с ним говорить. Лев.

Печатается по автографу, хранящемуся в АТБ. Впервые опубликован отрывок (по-французски и в переводе) П. И. Бирюковым в Б, I, 1906, стр. 159—160; несколько бо́льшие отрывки (почти полностью, только в переводе) даны П. А. Сергеенко в ПТС, I, стр. 6—7; впервые опубликовано полностью (только в переводе) в Бир,, XX, 1913, стр. 10—11. Год письма определяется почтовым штемпелем: «Москва, 1851, марта 8». На конверте рукой Т. А. Ергольской: «Получено 15 марта 1851-го г.».

[1] Гр. Валерьян Петрович Толстой. О нем см. прим. к п. № 43.

[2] Князь — Сергей Дмитриевич Горчаков, дочь его — кж. Софья Сергеевна Горчакова, скончавшаяся 25 февраля 1851 г.

* 40. Т. А. Ергольской.

1851 г. Марта 1... 15. Москва.

Chère tante!

L'arrivée de Nicolas a été pour moi une surprise bien agréable; puisque j'avais presque perdu l'espoir de le voir arriver chez moi. — J'ai été si content de le voir, que même j'ai négligé un peu mes devoirs ou plutôt mes habitudes ou bien comme dit Н[иколай] С[ергѣевичъ] [1] *въ многолюдствѣ не разсѣиваться* je me suis laissé *разсѣиваться*. A présent je suis de nouveau seul, et seul au pied de la lettre: je ne vais nulle part ni ne reçoit personne. — Je fais des plans pour le printems et l'été, les aprouve-

rez vous? Vers la fin du mois de Mai je viendrai à Ясное, j'y passerai un mois ou deux et tâcherai d'y retenir Nicolas aussi longtems que possible et puis aller avec lui faire une tournée au Caucase (c'est dans le cas ou je reviens gros — Jean, comme avant.—)

Nicolas m'a fait un petit commérage sur vous, chère tante, il m'a dit que vous aviez extrêmement peur de ce que je ne fasse un mauvais mariage (du calcul). — Savez-vous que je m'étonne beaucoup, à voir que vous, qui êtes si bonne et si noble, croyez sur le compte des autres, même des personnes, que vous aimez, toutes les horreurs possibles. — Adieu, chère tante, je vous baise les mains. — Je viens, en relisant ce que je viens de vous écrire me mettre dans une alternation très désagréable, ou bien de vous envoyer cette lettre qui vous fâchera ou bien d'attendre, jusqu'à demain pour vous écrire. Mais au fond quoique vous vous fâcherez un peu vous serez néanmoins contente de recevoir de mes nouvelles, je prends le parti de l'envoyer quitte à recevoir une réprimande.

Léon.

На конверте:

Ея Высокоблагородію Татьянѣ Александровнѣ Ергольской. Въ Тулу. Г. Чернь.

Дорогая тетенька!

Приезд Николеньки был для меня очень приятной неожиданностью, так как я почти потерял надежду, что он ко мне приедет. — Я так ему обрадовался, что даже несколько запустил свои обязанности, вернее изменил своей привычке — **въ многолюдствѣ не разсѣиваться**, как говорит Н[иколай] С[ергѣевичъ], я дал себе * *разсѣиваться* *. Теперь я снова в одиночестве, и в полном одиночестве, нигде не бываю и никого не принимаю к себе. — Строю планы на весну и лето, одобрите ли вы их? К концу мая приеду в *Ясное*, проведу там месяц или два, стараясь как можно дольше задержать там Николеньку, а потом с ним вместе съезжу на Кавказ (всё это в том случае, ежели мне здесь ничего не удастся).

Николенька насплетничал мне на вас немножко, милая тетенька, он сказал, что вы ужасно боитесь, как бы я не женился дурно (т. е. по расчету). Знаете, я удивляюсь, что, с вашей добротой и благородством, вы готовы верить о других и даже о тех, кого вы любите, всякую гадость.— Прощайте, милая тетенька, целую ваши ручки.

Перечтя то, что я написал, я раздумываю — отправлять ли это письмо, которое вас рассердит, или переждать и завтра написать вам. — Впрочем, хотя вы рассердитесь немножко, а всё же известьям обо мне будете довольны. Решаюсь послать, хотя и получу выговор. Лев.

Печатается по автографу, хранящемуся в АТБ. Впервые опубликованы отрывки из письма (по-французски и в переводе) П. И. Бирюковым в Б, I, 1906, стр. 160—161. Датируется на основании почтового штемпеля: «Москва, отд. 2.1851» и пометой на конверте рукой Т. А. Ергольской: «Получено 15 марта 1851».

[1] Ник. Серг. Воейков. О нем см. прим. 5 к п. № 7.

* 41. Т. А. Ергольской.

1851 г. Мая 8. Казань.

Chère tante!

Voilà de nouveau ces deux mots placés au-dessus d'une feuille de papier et me voilà de nouveau dans l'embarras. Qu'irais-je vous écrire? Cependant j'ai tant à vous dire. — Notre voyage a été des plus heureux, pour ce qui est du tems et de la route.— Nous avons passé deux jours à Moscou, j'y ai été chez les Gortshakoffs, André [1] et Serge, [2] chez les Volkonsky, [3] j'ai vu Lwoff, [4] Calochine, [5] Kostinka [6] et tous ceux que j'aime à voir.

J'ai été à la promenade de Sokolniki [7] par un temps détestable, c'est pourquoi je n'ai rencontré personne des dames de la société, que j'avais envie[vi] de voir. Comme vous prétendez, que *je suis un homme à épreuve,* je suis allé parmi le plebs, dans les tentes bohémiennes. Vous pouvez aisément vous figurer le combat intérieur, qui s'engagea là-bas pour et contre; au reste j'en sortis victorieux, c. à d. n'ayant rien donné que ma bénédiction aux joyeux descendants des illustres Pharaons. —

Nicolas trouve que je suis un compagnon de voyage très agréable si ce n'était ma propreté, il se fâche, de ce que, comme il le dit, je change de linge 12 fois par jour. Moi je le trouve aussi compagnon très-agréable, si ce n'était sa saleté.

Je ne sais lequel de nous deux a raison. —

J'ai écrit à Valérien [8] de Moscou, que j'avais gagné 400 r.: je crains que cela ne vous donne l'alarme, vous croirez, que je joue et jouerais[ai] de nouveau. — Tranquillisez-vous, c'est une exception, que je me suis permise, seulement avec M-r Zoubkoff.[9]— Ce n'est que depuis mon arrivée à Cazan, que je commence à reprendre ma bonne humeur et j'en profite pour vous écrire. — Tout ce temps ce n'est pas que j'ai été de mauvaise humeur mais je n'était pas gai. — Vous en devinerez facilement la cause.

Vous avez tâché de paraitre peu chagrinée, à notre départ; je l'ai remarqué et je vous en remercie. —

Avez-vous reçu les portraits — et en etes vous contente. — J'ai tout à fait oublié

Рукой гр. Н. Н. Толстого:

le porte monnaie pour Mad. Verganie.[11] Léon vien de partir pour aller chez Mad. Zagoskine[12] et j'achève sa lettre. Demain nous allons à Panovo[13] et ensuite nous allons continuer notre voyage, dès que nous trouverons un bateau à vapeur. C'est la grande question pour nous maintenant! à l'heure qu'il est il n'y a pas de bateau à Cazan, mais il doit en arriver un le 10 c. à d. après demain, comme je ne peux pas rester longtemps à Cazan il peut arriver que nous partirons par terre ce qui sera un peu désagréable pour nous. Adieu, ma bonne tante, je vous baise les mains bien tendrement, portez vous bien, soyez heureuse et croyez à l'amour que vous porte votre affectionné et reconnaissant Nicol. C. Tolstoy.

Дорогая тетенька!

Вот опять эти два слова во главе листа, и опять я в затруднении, о чем вам писать. А так много есть чего вам рассказать. — Путешествие наше было самое удачное в смысле погоды и дороги. — В Москве мы пробыли два дня; я был у Горчаковых, Андрея [1] и Сергея, [2] у Волконских, [3] видел Львова, [4] Калошина, [5] Костиньку [6] и всех тех, кого мне приятно встречать.

Был на гулянье в Сокольниках [7] при отвратительной погоде, поэтому никого из дам общества, кого хотелось видеть, не встретил. По вашим словам, что я *человек, испытывающий себя*, я отправился к плебсу, в цыганские палатки. Вам легко себе представить, какая внутренняя борьба поднялась там во мнѣ за и против, но я вышел оттуда победителем, т.е. ничего не дал, кроме своего благословения веселым потомкам славных фараонов. —

Николенька находит, что я очень приятный спутник, кабы не моя чистоплотность; он сердится, что, по его словам, я 12 раз в день меняю белье. Я же нахожу его очень приятным спутником, кабы не его неопрятность.

Не знаю, кто из нас двух прав. —

Из Москвы я писал Валерьяну, [8] что выиграл 400 р.; боюсь, что это вас растревожит, что вы подумаете, что я опять играю и буду играть. — Не беспокойтесь; как исключение я разрешил себе это только с г. Зубковым. [9] — Только по приезде в Казань вернулось мое хорошее расположение духа; пользуясь этим, я вам пишу. — А всё это время не то, чтобы я был в дурном настроении, но я был не весел. — Вы догадываетесь почему. —

Вы старались не выказать грусти при нашем отъезде, я это заметил и благодарю вас. —

Получили ли вы портреты [10] и нравятся ли они вам. — Я совершенно забыл *(рукой гр. Н. Н. Толстого:)* кошелек для М-ль Вергани. [11] Левочка уехал к г-же Загоскиной, [12] и я заканчиваю его письмо. Завтра мы едем в Паново, [13] а затем пустимся в путь, как будет пароход. Для нас — это большой вопрос; сейчас в Казани парохода нет, но обещают прибытие одного 10 числа, т. е. после завтра, а так как мне нельзя долго задерживаться в Казани, может случиться, что мы поедем на лошадях, что будет для нас не совсем приятно. Прощайте, добрая тетенька, нежно целую ваши ручки, будьте здоровы, будьте счастливы и верьте привязанности вашего любящего и благодарного Николая Гр. Толстого.

Печатается по автографу, хранящемуся в АТБ. Впервые опубликованы отрывки из письма (по-французски и в переводе) П. И. Бирюковым в Б, I, 1906, стр. 166; несколько бо́льшие отрывки (только в переводе) опубликованы П. А. Сергеенко в ПТС, I, стр. 7—8; впервые полностью (только в переводе) в Бир., XX, 1913, стр. 11—12. Письмо датируется словами, что «после завтра» будет 10-е. Написано оно в Казани, куда из Москвы приехал Толстой с гр. Николаем Николаевичем в первых числах мая.

[1] Кн. Андрей Иванович Горчаков. О нем см. прим. 1 к п. № 33.

[2] Кн. Сергей Дмитриевич Горчаков. О нем см. прим. 1 к п. № 7.

[3] Волконские — вероятно троюродный брат Толстого кн. Александр Алексеевич Волконский (1818—1865), в 1857—1858 гг. бывший Вологодским предводителем дворянства, и его жена Луиза Ивановна Трузсон (1825—1890), изображенные в отрывке, написанном в марте 1851 г.: «История вчерашнего дня». Кроме этого, кн. Л. И. Волконская изображена в «Войне и Мире» в лице маленькой княгини Болконской.

[4] Кн. Георгий Владимирович Львов. О нем см. вступ. прим. к п. № 94.

[5] Вероятно Сергей Павлович Калошин. О нем см. прим. 15 к п. № 31.

[6] Константин Александрович Ислявин. О нем см. прим. 25 к п. № 12.

[7] Сокольники — парк под Москвой.

[8] Письмо это не сохранилось.

[9] Владимир Васильевич Зубков (р. 1828 г.), сын приятеля Пушкина Василия Петровича Зубкова (1799—1862), в 1839—1851 гг. служившего в московском Сенате.

[10] Лев Николаевич снялся в Москве в мастерской Мазера перед отъездом на Кавказ с гр. Ник. Ник. Толстым. Этот дагеротип в настоящее время находится в АТБ. На обороте его имеется помета, сделанная точно бы рукой Т. А. Ергольской: «1851, 1 Мая». Впервые полностью воспроизведен в 46 томе настоящего издания (при «Дневниках» за 1847—1854 гг.). Один Лев Николаевич многократно воспроизводился, см. напр. I т. восьмого издания собрания сочинений Толстого 1893 г. и I т. полного собрания сочинений Толстого под ред. П. И. Бирюкова, изд. Сытина, 1913 г.

[11] О Вергани см. прим. 1 к п. № 27.

[12] Екатерина Дмитриевна Загоскина, рожд. Мертваго (р. 10 октября 1807 г., ум. 6 мая 1885 г.), начальница Казанского Родионовского института в 1836—1861 гг. Ее гостиная, по свидетельству П. Д. Боборыкина,

«по типу стояла почти на одном уровне с губернаторской». («За полвека»— «Русская мысль» 1906, № 25, стр. 9; статья К. С. Шохор-Троцкого «Казанские знакомства Толстого» (гл. III — Е. Д. Загоскина, ее гостиная и Родионовский институт) в сб. «Великой памяти Л. Н. Толстого Казанский университет. 1828—1928», Казань, 1928, стр. 96—101.)

[13] Паново — имение мужа тетки Толстого Влад. Ив. Юшкова, сельцо Астраханской волости, Лаишевского уезда, Казанской губ., в 29 в. от Казани по Оренбургскому тракту.

42. Гр. М. Н. Толстой.

1851 г Мая 26. Астрахань.

chez V. I. [1] la matinée était superbe et sous l'impression du bal et du champagne j'ai passé quelques heures délicieuses; M-me Zagoskin[e] [2] arrangeait tous les jours des parties sur l'eau tantôt à Zilantieff, [3] tantôt à Suisses et. cet. où j'ai eu l'occasion de voir toujours Zénaïde. [4] Pouchnikoff [5] est dame de classe et très jolie. Les demoiselles Tchulkoff [6] sont dégoutantes et néanmoins dames de classe. Je suis tellement ivre de Zinaide que j'ai eu même la hardiesse de faire des vers:

Лишь подъѣхавши къ Сызрану *
Я ощупалъ свою рану, и т. д.

* Сызранъ станція Симбирской Губер.

Сейчасъ пришелъ Алешка [7] съ чаемъ и оборвалъ нить моихъ мыслей. Прощай, цѣлую тебя сто разъ.

Рукой гр. Н. Н. Толстого:

Léon vous a écrit une si longue épitre que je me dispense de vous écrire beaucoup, j'ai envie de ne vous dire que deux mots: que je vous embrasse de tout mon coeur! d'après nos deux lettres, si vous le voulez mieux, d'après notre lettre, vous voyez bien que nous [nous] portons bien et que nous sommes tous les deux de très bonne humeur. Adieu, donc mes bons amis, une fois arrivé[e] à Kislar, ce sera mon tour de vous écrire; maintenant contentez vous de ce P. S. Tandis que Léon vous écriva, j'étais à la fenetre à admirer la belle nuit et à écouter les grenouilles, que tu aimes toi aussi ma bonne *Шушка*. [8] Quand il t'arrivera d'écouter cette musique, ma bonne Marie, pense à moi, tu peut être (sûre) à peu près sûre, que moi aussi je serai occupé à faire la meme chose, par ce qu'il y a des grenouilles partout même au Caucase, mai[s] il n'y a qu'a Pocrowskoe, une si bonne petite personne que toi, ma bonne et chère soeur. Léon vien de commencer un[e] nouvel[le] épître, si je ne finis pas le[a] mie[nne], ça n'aura pas de fin. Adieu donc encore une fois mes bons amis, je vous embrasse tous tendrement.

Приписка сбоку 2 страницы рукой Л. Н. Толстого:

Si vous voyez Dmitri, [9] dites lui, qu'il feroit bien de nous écrire. Moi, je n'attendrai pas sa lettre pour lui écrire et je l'adresserai chez vous.

у В. И. [1] утро было великолепное, и под впечатлением бала и шампанского я очаровательно провел несколько часов. Г-жа Загоскина [2] устраивала каждый день катания в лодке то в Зилантьево, [3] то в Швейцарию и т. д., где я имел часто случай встречать Зинаиду. [4] Пушникова [5] — классная дама и прехорошенькая. Барышни Чулковы [6] отвратительны и всётаки классные дамы. Я так опьянен Зинаидой, что возымел смелость написать стихи:

Лишь подъѣхавши къ Сызрану
Я ощупалъ свою рану, и т. д.

* Сызранъ станція Симбирской Губер.

Сейчасъ пришелъ Алешка [7] съ чаемъ и оборвалъ нить моихъ мыслей. Прощай, цѣлую тебя сто разъ.*

Рукой гр. Н. Н. Толстого:

Левочка написал вам такое огромное послание, что я могу и не писать много; хочу только сказать вам два слова, что я сердечно вас целую! По двум нашим письмам, вернее, по нашему общему письму, вы видите, что мы здоровы и оба в очень хорошем расположении духа. Итак, прощайте, добрые друзья мои; мой черед вам писать будет из Кизляра; пока будьте довольны и этой припиской. В то время, как Левочка вам писал, я, стоя у окна, любовался красотой ночи и слушал лягушек, которых и ты любишь, милая моя **Шушка**. [8] Когда тебе придется слушать эту музыку, милая Маша, подумай обо мне и ты можешь быть уверена, почти уверена, что и я буду занят тем же, потому что лягушки везде есть, даже на Кавказе, а добрая и дорогая сестрица у меня одна и только в Покровском. Левочка принялся за другое длинное послание; ежели я не прерву своего, конца этому не будет. Итак, еще раз прощайте, добрые друзья мои, целую вас всех нежно.

Приписка Л. Н. Толстого сбоку 2 страницы:

Ежели увидите Митеньку, [9] скажите ему, что хорошо бы ему нам написать. Я не буду дожидаться его письма, напишу сам и адресую на вас.

Начало письма, почтовый лист в четыре страницы, утрачено. Сохранившийся листок имеет цыфру 5, означающую номер страницы. Печатается по автографу, находящемуся у К. С. Шохор-Троцкого. Впервые опубликовано почти полностью в виде цитат К. С. Шохор-Троцким в сб. «Великой памяти Л. Н. Толстого. Казанский университет 1828—1928». Казань, 1928, стр. 112, 114, 115. Датируется словами письма к Т. А. Ергольской от 27 мая 1851 г.: «Вчера я послал длинное письмо Машеньке».

Гр. Марья Николаевна Толстая (р. 1 марта 1830 г., ум. 6 апреля 1912 г.), сестра Толстого, некоторое время училась в Казанском Родионовском ин-

ституте; 3 ноября 1847 г. вышла замуж за троюродного брата, гр. Валерьяна Петровича Толстого (1813—1865). Жила она с мужем в имении его матери, Покровском Чернского уезда, Тульской губ. (в 80 в. от Ясной поляны). От брака с гр. В. П. Толстым у Марьи Николаевны было четверо детей: Петр, умерший в раннем детстве (р. и ум. в 1849 г.), Варвара (1850—1921) по мужу Нагорнова, Николай (1850—1879) и ныне здравствующая Елизавета (р. 1852), по мужу Оболенская. Покровское находится в 20 в. от имения И. С. Тургенева Спасского. Знакомство Тургенева с Марьей Николаевной, начавшееся 24 октября 1854 г., скоро повело к дружеским отношениям между ними. Весьма неравнодушный к гр. М. Н. Толстой, Тургенев некоторые черты ее придал героине своей повести «Фауст», Вере Николаевне. Повесть эта писалась в 1855 году и посвящена была Марье Николаевне. И в фабуле повести есть черты действительности. По семейному преданию, передаваемому Елиз. Вал. Оболенской в неопубликованных воспоминаниях, Тургенев так же, как герой его повести, читал с Марьей Николаевной в беседке, но только не «Фауста», а «Евгения Онегина». Уехав из Спасского в середине ноября 1854 г. Тургенев встречался с гр. М. Н. Толстой в 1855—1856 гг. и в Москве и в Спасском. В I книге «Звеньев» [1932 г.] опубликованы В. И. Срезневским шестнадцать писем Тургенева к Марье Николаевне (хранятся в ИРЛИ). Брак М. Н. Толстой был несчастлив. Валерьян Петрович, до брака с Марьей Николаевной имевший детей от крепостной, и будучи мужем Марьи Николаевны продолжал эту связь и вообще вел весьма распущенный образ жизни. В 1857 г. Марья Николаевна оставила его, не желая, по ее выражению, «быть первой султаншей в его гареме». Разойдясь с мужем, Толстая жила по зимам в Москве с братьями, а летом (с 1859 г.), в Пирогове. По раздельному акту детей Толстых 1847 г. Марье Николаевне в Пирогове досталось 904 дес. земли. Здесь она выстроила дом на реке Упе. В июле 1860 г. Марья Николаевна, страдавшая легкими, с детьми и Львом Николаевичем выехала из Петербурга морем за границу, куда незадолго до этого уехал Сергей Николаевич, повезший больного чахоткой Николая Николаевича. Проведя осень и зиму 1860/1861 гг. в Гиере, где 20 сентября умер Николай Николаевич, Марья Николаевна в июне 1861 г. переехала с детьми в Швейцарию (в Веве). Оставив здесь детей, Толстая летом проходила курс лечения в Aix les Bains, где познакомилась со шведом, виконтом Виктором-Гектором де-Кленом (р. в 1831 г., ум. в 1873 г.), ставшим ее гражданским мужем. С ним и детьми Марья Николаевна зимы 1861/1862 и 1862/1863 гг. провела в Алжире. 8 сентября 1863 г. в Женеве у нее родилась дочь, ныне здравствующая Елена Сергеевна Денисенко. Вернулась из-за границы Марья Николаевна в июне 1864 г. В 1870-ых годах М. Н. Толстая подолгу живала за границей. В 1889 г. она поселилась в Шамардинском монастыре (близ Оптиной пустыни), где приняла монашество и где скончалась. Всю свою жизнь Толстой был связан с Марьей Николаевной глубоким чувством братской любви и, уходя перед смертью из Ясной поляны, Толстой поехал к ней в Шамардино. Из большого, надо думать, числа писем Толстого к сестре сохранилось только двадцать четыре.

О гр. М. Н. Толстой см. в биографиях Толстого П. И. Бирюкова и Н. Н. Гусева, Т. А. Кузминская «Мои воспоминания о М. Н. Толстой» (иллюстр.

прилож. к «Новому времени» 1913, №№ 13543 и 13550); ее же воспоминания «Моя жизнь дома и в Ясной поляне»; М. С. Бибикова «Мои воспоминания» в юбилейном сборнике Московского Толстовского Музея «Лев Николаевич Толстой» под ред. Н. Н. Гусева, М. 1928; А. М. Хирьяков «М. Н. Толстая» в газ. «Речь», 1912, № 95 от 8 апреля.

[1] Владимир Иванович Юшков. О нем см. прим. 4 к п. № 46. Толстой провел у В. И. Юшкова в Панове утро 9 мая, после последнего бала в Казани у Мертваго.

[2] Екатерина Дмитриевна Загоскина. О ней см. прим. 12 к п. № 41.

[3] Зилантьево — Старинный Зилантьев монастырь в $4^1/_2$ в. от Казани, живописно расположенный на высоком берегу Волги, недалеко от места впадения в Волгу речки Казанки.

[4] Зинаида Модестовна Молоствова. О ней см. прим. 1 к п. № 44.

[5] Пушникова вероятно сестра Владимира Семеновича Пушникова, в 1846—1850 гг. студента казанского университета, с которым Толстой вероятно был знаком.

[6] О Чулковых см. прим. 5 к п. № 30.

[7] Алексей Степанович Орехов. О нем см. прим. 4 к п. № 4.

[8] Шушка (или «Шушки») — так в детстве братья Толстые называли, ласково дразня, не выговаривавшую *с* («шушки» вместо: сушки) свою младшую сестру гр. М. Н. Толстую.

[9] Гр. Дмитрий Николаевич Толстой. О нем см. прим. 5 к п. № 84.

* 43. Т. А. Ергольской.

1851 г. Мая 27. Астрахань.

27 Mai, 1851.

Chère Tante!

Nous sommes à Astracan et sur notre départ pour Кизляръ ce qui fait, que nous avons un voyage de 40 v. [?] par un chemin des plus affreux à faire. — J'ai passé à Cazan une semaine des plus agréables, mon voyage jusqu'à Saratoff a éte désagréable; mais en revanche de là le trajet en petit bateau jusqu'à Astracan très poétique et plein de charme par la nouveauté des lieux et par la manière même de voyager pour moi. J'ai écrit hier une longue lettre à Marie [1] où je lui parle de mon séjour à Cazan, je ne vous en dis rien de crainte de me répéter; quoique je suis sûr que vous ne confronterez pas les deux lettres. Je me trouve très content jusqu'à présent de mon voyage, je vois beaucoup de choses qui me font penser, et puis le changement même de lieux est agréable. En passant par Moscou je me suis abonné de sorte que j'ai beaucoup de lectures, que je fais même en *тарантасъ*. Puis,

comme vous le pensez bien, la société de Nicolas contribue beaucoup à mon contentement. Je ne cesse de penser à vous et à tous les miens; je me reprôche même quelquefois d'avoir quitté cette vie que me rendait si douce votre affection; mais ce n'est qu'un retard et je n'aurais que plus de plaisir à vous revoir et à la reprendre. — Si je n'étais pressé j'aurais écrit à Serge;[2] mais je rem[e]t cela au moment où je serais casé et plus tranquille. Embrassez le [de]ma part et dites-lui que je me répens beaucoup de la froideur qu'il y a eu entre nous avant mon départ et de laquelle je n'accuse que moi. Adieu, chère Tante, je vous baise mille fois les mains.

Рукой гр. Н. Н. Толстого:

Je vous baise les mains bien tendrement, ma bonne excellente Tante, pardonnez moi si je ne vous écris que quelque[s] mots m[ais] nous nous depêchons d'envoyer nos lettres à la poste et puis de partir, notre voyage dure déjà bien longtemps — comme cela, mais nous ne pouvons pas nous en plaindre trop. Adieu, ma bonne Tante, croyez que je pense bien souvent à vous et que je vous aime bien tendrement. — J'embrasse Serge.

На 4 странице:

Ея Высокоблагородію Татьянѣ Александровнѣ Ергольской.
Въ Г. Тулу.

27 мая 1851.

Дорогая тетенька!

Мы в Астрахани и отправляемся в Кизляр, имея перед собой 400 в. (?) ужаснейшей дороги. — В Казани я провел неделю очень приятно, путешествие в Саратов было неприятно; зато до Астрахани мы плыли в маленькой лодке, — это было и поэтично и очаровательно; для меня всё было ново и местность, и самый способ путешествия. Вчера я послал длинное письмо Машеньке[1] в котором описываю ей свое пребывание в Казани; не пишу об этом вам, чтобы не повторяться, хотя и уверен, что вы не будете сличать писем. До сих пор я очень доволен своим путешествием, вижу многое, что возбуждает мысли, да и самая перемена места очень приятна. Проездом в Москве я абонировался, поэтому книг у меня много, и читаю я даже в **тарантасѣ**. Затем, как вы отлично понимаете, общество Николеньки весьма способствует моему удовольствию. Не перестаю думать о вас и о всех наших, иногда даже упрекаю себя, что покинул ту жизнь, которая мне была дорога вашей любовью; но я только прервал ее, и тем сильнее будет радость вас снова увидеть и к ней вернуться. — Я написал бы Сереже,[2] ежели бы не торопился, откладываю до того, как устроюсь и буду поспокойнее. Поцелуйте его за меня и скажите ему, что я раскаиваюсь в том охлаждении, которое произошло между нами перед моим отъездом, и в котором я упрекаю лишь себя. Прощайте, дорогая тетенька, тысячу раз целую ваши ручки.

Рукой гр. Н. Н. Толстого:

Нежно целую ваши ручки, добрая и чудесная тетенька, простите, что пишу вам только несколько слов, но мы торопимся отправить письма на почту и уезжать, уже достаточно долго тянется наше путешествие, хотя жаловаться не на что. Прощайте, добрая тетенька, верьте, что я часто о вас думаю и нежно вас люблю. — Целую Сережу.

Печатается по автографу, хранящемуся в АТБ. Почти полностью (без последней фразы и приписки гр. Н. Н. Толстого) по-французски и в переводе опубликовано П. И. Бирюковым в Б, I, 1906, стр. 168; впервые полностью (только в переводе) без приписки гр. Н. Н. Толстого опубликовано П. А. Сергеенко в ПТС, I, стр. 8—9.

На конверте рукой Т. А. Ергольской: «Получено 10-го июня». Почтовые штемпеля: «Астрахань, 27 мая 1851» и «Получено июня 8».

[1] См. предыдущее письмо к гр. М. Н. Толстой.

[2] Гр. Сергей Николаевич Толстой.

44. А. С. Оголину.

1851 г. Мая 30... июня 2. *Станица Старогладковская.*

Господинъ
Оголинъ!
Поспѣшите,
Напишите
Про всѣхъ васъ
На Кавказъ,
И здорова ль
Молоствова? [1]
Одолжите
Льва Толстова.

Печатается по тексту, сообщенному Алдр. Петр. Мертваго, племянником Зин. Мод. Тиле, рожд. Молоствовой, в его статье «Первая любовь Толстого» («Утро России» № от 12 июня 1911 г.). По тексту, сообщенному бар. Мейендорфом, записку напечатал П. И. Бирюков во втором издании Б, I, 1911, стр. 175. Наконец, в семейной хронике М. Ватаци «Быль минувшего» (И. В., 1913, № 5, стр. 431) также приводится текст записки. Первый и третий тексты совпадают, в тексте же, напечатанном П. И. Бирюковым, первой строки нет, а вместо строки: «И здорова ль» читается: «Здорова ль».

Время написания определяем на основании слов в статье А. П. Мертваго, что «приехав к осени [это неверно. М. Ц.] на Кавказ, Лев Николаевич в шуточно-стихотворной форме пишет А. С. Оголину: «Господин Оголин!..» Толстые приехали в Старогладковскую 30 мая (см. дневник

Толстого, т. 46), почему предположительно и датируем: 30 мая... 2 июня.

Александр Степанович Оголин (1821—1911) окончил Училище правоведения; казанский губернский прокурор; председатель Тифлисской судебной палаты, с 1873 г. сенатор. В 1851 г. Александр Степанович был женихом дочери казанского помещика Модеста Порфирьевича Молоствова, Елизаветы Модестовны Молоствовой (р. 20 декабря 1831 г., ум. 5 апреля 1852 г.). Толстой с ним ездил в деревню к В. И. Юшкову и впоследствии рассказывал П. И. Бирюкову: «Когда мы приехали с Оголиным и подошли к дому, против которого была группа молодых берез, я предложил Оголину, пока слуга докладывал о приезде, поспорить, кто лучше и выше влезет на эти березы. Когда Владимир Иванович вышел и увидал прокурора, лезущего на дерево, он долго не мог опомниться». (Б, II, 1911, стр. 175). Женат был А. С. Оголин на Софье Николаевне Загоскиной, дочери Екатерины Дмитриевны. Умер в Женеве (?).

[1] Зинаида Модестовна Молоствова (р. 18 ноября 1828 г., ум. 10 февраля 1897 г.), сестра Елизаветы Модестовны, дочь спасского уездного предводителя дворянства Модеста Порфирьевича Молоствова (1799—1854) и Варвары Ивановны Мергасовой (1803—1881), внучка казанского губ. предводителя дворянства; племянница попечителя казанского учебного округа. Училась в Казанском Родионовском институте, где была подругой сестры Льва Николаевича гр. Мар. Ник. Толстой. Еще будучи студентом, Толстой был знаком с ней, встречаясь в светских гостиных Казани. Не будучи красивой, остроумная, с большой склонностью к юмору, Зинаида Модестовна среди сверстниц отличалась незаурядным душевным строем. Во время недельного пребывания в Казани в мае 1851 г. Толстой, как свидетельствует запись в его дневнике под 8 июля 1851 г., был совершенно очарован З. М. Молоствовой. В июле 1852 г. Зинаида Модестовна вышла замуж за чиновника особых поручений при казанском губернаторе, впоследствии коммерческого деятеля Ник. Вас. Тиле (ум. в 1893 г.). Толстой больше никогда с ней не встречался, но через пятьдесят лет не без волнения расспрашивал о Зинаиде Модестовне у племянника ее А. П. Мертваго (о чем см. статью последнего «Первая любовь Л. Н. Толстого» в «Утре России», 1911, № 134 от 12 июня). О З. М. Тиле см. в ст. К. С. Шохор-Троцкого «Казанские знакомства Толстого» в сб. «Великой памяти Л. Н. Толстого Казанский университет 1828—1928 гг.» Казань 1928, стр. 105—123 (гл. V. — Молоствовы, гл. VI — З. М. Молоствова).

* 45. Т. А. Ергольской.

1851 г. Июня 22. Старый Юрт.

Chère Tante!

J'ai été longtems sans vous écrire; mais aussi je n'ai reçu de vous que quelques mots dans la lettre de Valérien. [1] Позвольте вамъ за это сдѣлать выговоръ.

Je suis arrivé sain et sauf, mais un peu triste vers la fin du mois de mai dans la *Старогладовская*. [2] J'y ai vu de près le genre de vie que mène Nicolas [3] et j'y ai fait la connaissance des officiers, qui font sa société. — Le genre de vie n'est pas très attrayant à ce qu'il m'a paru, d'abord: puisque le pays, que je m'attendais à trouver fort beau ne l'est pas du tout. Comme la *станица* est située sur un [terrain] bas il n'y a pas de point de vue, puis le logement est mauvais de même que tout ce qui fait le comfort de la vie. Pour ce qui est des officiers ce sont comme vous pouvez vous le figurer des gens sans éducation, mais avec cela de très braves gens et surtout aimant beaucoup Nicolas. Алексѣевъ, [4] son chef, est un petit bonhomme, бѣлокуренькій tirant sur le roux, съ хохольчикомъ, съ усиками и бакенбардами, говорящій пронзительнымъ голосомъ, mais excellent homme, bon chrétien rappelant un peu Алекс. Серг. Воейковъ, [5] mais pas caffard comme lui. — Puis Бу[емскій] [6] un jeune officier — enfant et bon enfant rappelant *Петруша*. [7] — Puis un vieux capitaine *Хилковскій* [8] des kosaks de l'Oural, un vieux soldat simple mais noble, brave et bon. — Je vous avouerai qu'au commencement beaucoup de choses me choquaient dans cette société, mais je m'y suis habitué sans toute fois m'être lié avec ces messieurs. J'ai trouvé une heureuse moyenne dans laquelle il n'y a ni fierté ni familiarité, au reste en ceci je n'avais qu'à suivre l'exemple de Nicolas. A peine arrivé Nicolas reçut l'ordre de partir въ Староюртовское укрѣпленіе [9] для прикрытія больныхъ въ Горячеводскомъ лагерѣ. [10] On a découvert depuis peu des eaux chaudes et minérales de différentes qualités qui sont dit-on très salutaires pour toutes les maladies de refroidissement, de blessures et surtout pour les maladies..... On dit même que ces eaux sont de meilleure qualité que celles de Пятигорскъ. [11] — Nicolas est parti dans une semaine après son arrivée et moi je l'y ai suivi, de sorte que nous sommes presque depuis trois semaines ici, [12] où nous logeons dans une tente, mais comme le temps est beau et que je me fais un peu à ce genre de vie, je me trouve très bien. Ici il y a des coups d'oeil magnifiques: à commencer par l'endroit où sont les sources; c'est une énorme montagne de pierres l'une sur l'autre dont les unes se sont détachées et forment des espèces de grottes, les autres restent suspendues à une grande hauteur toute coupée par les torrents d'eau chaude, qui tombent avec bruit dans quelques endroits et couvrent, surtout le matin, toute

la partie élevée de la montagne d'une vapeur blanche qui se détache continuellement de cette eau bouillante. L'eau est tellement chaude qu'on cuit dedans les oeufs (въ крутую) en trois minutes. — Au milieu de ce ravin sur le torrent principal il y a trois moulins, l'un au-dessus de l'autre. Ces moulins se construisent ici d'une manière toute particulière et très pittoresque. Toute la journée les femmes Tartares[13] ne cessent de venir au-dessus et au dessous de ces moulins pour laver leur linge. Il faut vous dire qu'elles lavent avec les pieds. C'est comme une fourmilière toujours remuante. Les femmes sont pour la plupart belles et bien faites. Le costume des femmes orientales malgré leur pauvreté est gracieux. Les groupes pittoresques que forment ces femmes, joints à la beauté sauvage de l'endroit, font un coup d'oeil véritablement admirable. Je reste très souvent des heures à admirer ce paysage. Puis le coup d'oeil du haut de la montagne est encore plus beau et tout à fait dans un autre genre; mais je crains de vous ennuyer avec mes déscriptions. Je suis très content d'être aux eaux puisque j'en profite. Je prends des bains d'eau ferrugineuse et je ne sens plus de douleurs aux pieds. J'avais toujours des rhumatismes, mais pendant notre voyage sur l'eau je crois que je me suis encore refroidi. Je me suis rarement aussi bien porté qu'à présent et malgré les grandes chaleurs je fais beaucoup de mouvement. Ici le genre des officiers est le même que de ceux dont je vous ai parlé; il y en a beaucoup. Je les connais tous: et mes relations avec eux sont les mêmes. Dites à Serge que je l'embrasse et que ce que je vous écrit est tout à fait la même chose que ce que je lui aurais écrit à lui, et que j'attends une lettre de lui. Il sait bien ce qui peut m'intéresser, donc il ne lui sera pas difficile de remplir sa lettre. —Adieu, chère Tante, je baise vos mains.

Рукой гр. Н. Н. Толстого:

Ma bonne Tante! Nous avons été deux mois à peu près sans recevoir aucune nouvelle ni de vous, ni de personne, aussi vous pouvez vous imaginer comme nous avons été contents de recevoir vos lettres. Maintenant que nous sommes sur place pour assez longtems, moi au moins qui resterai ici jusqu'au mois de Septembre, notre correspondance sera plus suivi[e], aujourd'hui je ne vous écris que quelque mots parceque Léon vient déjà de vous faire une description assez detaillé[e]. Adieu donc ma bonne Tante, je vous baise les mains.

Votre très soumis affectueux neveu C. N. Tolstoy.

Дорогая тетенька!

Я вам долго не писал, но и от вас получил всего несколько слов в письме Валерьяна. [1] *Позвольте вамъ за это сдѣлать выговоръ*.

В конце мая приехал я в **Старогладковскую*** [2] здоров и благополучен, но немножко грустен. Я увидел вблизи образ жизни Николеньки [3] и познакомился с офицерами, которые составляют его общество. — Этот образ жизни вначале не показался мне привлекательным, так как я ожидал, что край этот красив, а оказалось, что вовсе нет. Так как **станица** расположена в низкой местности, то нет дальних видов, затем квартира плоха, как и всё, что составляет удобства в жизни. Офицеры все, как вы можете себе представить, совершенно необразованные, но славные люди и, главное, любящие Николеньку. Его начальник, **Алексѣевъ**, [4] маленький человечек, *бѣлокуренькій, рыжеватый, съ хохольчикомъ, съ усиками и бакенбардами, говорящій пронзительнымъ голосомъ*, но прекрасный человек, добрый христианин, напоминающий немного *Алекс. Серг. Воейкова*, [5] только он не ханжа. — Затем *Бу[емскій* [6]] молодой офицер — ребенок и добрый малый, напоминающий **Петрушу***. [7] — Затем старый капитан **Хилковскій***, [8] из уральских казаков, старый солдат, простой, но благородный, храбрый и добрый. — Сознаюсь, что вначале многое меня коробило в этом обществе, потом я свыкся с ним, хотя не сошелся ни с одним из этих господ. Я нашел подходящую середину, в которой нет ни гордости, ни фамильярности; впрочем, в этом мне только приходилось следовать примеру Николеньки. Едва приехав, Николенька получил приказ ехать *въ Староюртовское укрѣпленіе [9] для прикрытія больныхъ въ Горячеводскомъ лагерѣ*. [10] Недавно открылись горячие и минеральные источники различных качеств, целебные, говорят, для простудных болезней, для ран и, в особенности, для болезней... Говорят даже, что эти воды лучше *Пятигорскихъ*. [11] Николенька уехал через неделю после своего приезда, я поехал вслед за ним, и вот уже почти три недели, как мы здесь, [12] живем в палатке, но так как погода прекрасная, и я понемногу привыкаю к этим условиям — мне хорошо. Здесь чудесные виды, начиная с той местности, где самые источники: огромная гора камней, громоздящихся друг на друга; иные оторвавшись составляют как бы гроты, другие висят на большой высоте, пересекаемые потоками горячей воды, которые с шумом срываются в иных местах и застилают, особенно по утрам, верхнюю часть горы белым паром, непрерывно подымающимся от этой кипящей воды. Вода до такой степени горяча, что яйца свариваются *(въ крутую)* в три минуты. — В овраге на главном потоке стоят три мельницы одна над другой. Они строятся здесь совсем особенным образом и очень живописны. Весь день татарки [13] приходят стирать белье и над мельницами и под ними. Нужно вам сказать, что стирают они ногами. Точно копошащийся муравейник. Женщины в большинстве красивы и хорошо сложены. Восточный их наряд прелестен, хотя и беден. Живописные группы женщин и дикая красота местности — прямо очаровательная картина, и я часто часами любуюсь ею. А сверху горы вид в другом роде и еще прекраснее; боюсь однако наскучить вам своими описаниями. Я рад, что я на водах и пользуюсь ими. Беру ванны из желези-

стого источника, и боль в ногах прошла. У меня давно ревматизмы, а после путешествия по воде, вероятно, я еще простудился. Редко я был так здоров, как теперь и, несмотря на сильную жару, я много двигаюсь. Офицеры здесь в том же роде как те, о которых я вам говорил; их много. Я знаком со всеми, и наши отношения тоже такие, какие я вам описывал. Скажите Сереже, что я его целую и что то, что я написал вам, ровно то же, что я написал бы и ему, и что я жду от него письма. Он знает, что меня может интересовать, поэтому ему будет не трудно заполнить письмо. — Прощайте, дорогая тетенька, целую ваши ручки.

Рукой гр. Н. Н. Толстого.

Добрая тетенька! Около двух месяцев ни от вас, ни от других не было известий, и вы можете представить себе, как мы обрадовались вашим письмам. Теперь мы пробудем здесь довольно долго, я по крайней мере до сентября, и переписка наша установится; сегодня же приписываю вам только несколько слов, так как Левочка уже описал вам всё довольно подробно. Итак, прощайте, добрая тетенька, целую ваши ручки. Ваш покорный и любящий племянник гр. Н. Толстой.

Печатается по автографу, хранящемуся в АТБ. Впервые опубликованы отрывки из письма (по-французски и в переводе) П. И. Бирюковым в Б, I, 1906, стр. 171—172 и 173—174; почти полностью (без двух фраз в середине текста и без приписки гр. Н. Н. Толстого, только в переводе) опубликованы П. А. Сергеенко в ПТС, I, стр. 9—11; впервые полностью (только в переводе) опубликовано в Бир., XX, 1913, стр. 13—15. Датируется на основании слов о письме Толстого: «от 22-го», упоминаемом в письме от 24 июня № 47.

[1] Письмо гр. В. П. Толстого от середины мая 1851 г. с припиской Т. А. Ергольской сохранилось в АТБ.

[2] Старогладовская (правильнее «Старогладковская») — станица Терской области, на левом берегу р. Терека. Описана в «Казаках» под именем Новомлинской станицы.

[3] Гр. Николай Николаевич Толстой.

[4] Никита Петрович Алексеев — командир батарейной № 4 батареи 20 артиллерийской бригады, в которой служил гр. Н. Н. Толстой, а затем и Лев Николаевич. В 1887 г. Мих. Алекс. Янжул, служивший в этой батарее в 1871—1889 гг. на основании воспоминаний М. И. Сулимовского и П. Л. Фролова, так характеризовал Н. П. Алексеева: «Он слыл «ученым артиллеристом, университантом», отличался крайней религиозностью, особенно любил бывать в церкви, где по целым часам простаивал на коленях, кладя земные поклоны. К этому нужно еще прибавить, что у Никиты Петровича не доставало одного уха, которое откусила ему однажды лошадь. К странностям Никиты Петровича нужно отнести и то еще, что он не мог спокойно видеть, когда офицеры пили водку, в особенности же, если делала это молодежь; между тем, по обычаю того доброго старого времени, все офицеры ежедневно обедали у батарейного командира. И тут Лев Николаевич нередко школьничал, делая вид, что он собирается пить водку.

Тогда Никита Петрович серьезнейшим образом начинал убеждать его не делать этого и, по своему обыкновению, предлагал вместо водки конфекты». (М. А. Янжул «К биографии Л. Н. Толстого» — «Русская старина», 1900, № 2, стр. 335.) Н. П. Алексеев очень часто упоминается в дневнике Толстого за время пребывания последнего на Кавказе. В архиве Толстого (АТБ) сохранилось шесть писем Н. П. Алексеева ко Льву Николаевичу и пять писем к Николаю Николаевичу. Письма Н. П. Алексеева к Л. Н. Толстому опубликованы в «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа», выпуск 46. Махач-Кала. 1929.

[5] Александр Сергеевич Воейков (р. 10 января 1801 г.), крапивенский помещик, служил в 1817 г. в л.-гв. Измайловском полку; поручик армии при отставке в 1825 г., опекун малолетних Толстых. А. С. Воейков изображен Толстым в «Романе русского помещика» в лице соседа помещика.

[6] Николай Иванович Буемский прапорщик легкой № 6 батареи 20 артиллерийской бригады и бригадный адъютант. О нем в дневнике Толстого под 30 марта 1852 г. записано: «Мой мальчуган—молод и мил. Он жмет руки и готов к сердечным излияниям». В рассказе «Набег» прапорщик Аланин напоминает Буемского; его же черты внесены в образ Володи Ковельцова в «Севастополе в августе». В архиве Толстого (АТБ) сохранилось одно письмо к нему Н. И. Буемского, напечатанное в «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа», выпуск 46. Махач-Кала. 1929.

[7] Вероятно, Петр Александрович Воейков (р. 22 августа 1828 г., ум. в 1894 г.), сын опекуна Толстых Александра Сергеевича Воейкова, подпоручик, владелец сельца Даниловки Крапивенского уезда, служил по выборам в земских учреждениях. Женат был на дочери майора Александре Дмитриевне Симоновой.

[8] Хилковский (ум. в 1854 г.) капитан № 4 батареи 20 артиллерийской бригады. В письме к Толстому от 21 сентября 1854 г. Н. П. Алексеев писал: «Хилковский и Олифер приказали вам долго жить. Как много хлопотал первый о переводе на родину и для чего же. Чтоб там лечь костьми. Дай бог ему царство небесное, был добрый и благородный человек и прекрасный товарищ». Вероятно Хилковский послужил отчасти прототипом для капитана Хлопова в рассказе «Набег».

[9] Старый Юрт — Чеченский поселок Грозненского отдела Терской области, в 8 в. от Грозного, основанный в 1705 г.

[10] Горячеводские минеральные источники на северном склоне Терского хребта в $3^1/_2$ в. от Староюртовской станицы известны с 1770 г.

[11] Пятигорск — уездный город Ставропольской губернии, курорт. Открытие Пятигорских минеральных вод относят к 1774 г., хотя есть известие, что еще Петр Великий знал об их существовании. Город начал развиваться и обстраиваться в 1820-ых гг.

[12] В дневнике Толстого под 11 июня записано: «дней пять я живу здесь», т. е. в Старом-Юрте.

[13] В действительности татар в Старом Юрте не было, но так как чеченцы (местное население) — мусульмане, то их и другие кавказские народности в то время часто называли татарами. Так и в «Кавказском пленнике» Толстой называет горцев татарами.

* 46. А. С. Оголину.

1851 г. Июня 22. Старый Юрт.

22 Іюня.

Нѣтъ, только одинъ Сызранъ дѣйствовалъ на меня стихотворно. [1] Сколько не старался, не могъ здѣсь склеить и двухъ стиховъ. Впрочемъ и требовать нельзя. Я имѣю привычку начинать съ рифмы къ собственному име[ни]. Прошу найдти рифму «Старый юртъ», Старогладковка, и т. д. Великолѣпнаго описанія тоже не ждите; только что послалъ два: одно въ Москву, [2] другое въ Тулу, [3] повторяться непріятно. —

Зачѣмъ вамъ было нарушать мое спокойствіе, зачѣмъ писали вы мнѣ не про дядюшку, [4] не про галстукъ, а про «нѣкоторыхъ». [5] — А впрочемъ нѣтъ, ваше письмо и именно то мѣсто, гдѣ вы мнѣ говорите о нѣкоторыхъ, доставило мнѣ большое удовольствіе.

Вы шутите, а я читая ваше письмо блѣднѣлъ и краснѣлъ, мнѣ хотѣлось и смѣяться и плакать. — Какъ я ясно представилъ себѣ всю милую сторону Казани; хотя маленькая сторона, но очень миленькая. — Сидитъ на жесткомъ стулѣ Загоскина, [6] подлѣ нее развалившись M-me Мертваго, [7] приходитъ въ желтыхъ панталонахъ съ сѣденькой головкой съ полусерьезнымъ, съ полуулыбающимся лицомъ Александръ Степановичъ, [8] кладетъ шляпу. «Que devient-il ce cher procureur? Il devient misterieux et sombre comme Neratoff. [9] D'où venez vous si tard? [10] И приподымается съ жесткаго стула, свертываетъ выкройки «Варинька, [11] mettez votre chapeau et allez dire aux Melles Molostoffs [12] qu'on part». [13] Приходитъ размахивая руками и стуча саблей добрый нѣмецъ Полицимейстеръ. [14] Онъ ужъ чай, мороженное и апельсины выслалъ. Мимо окна вотъ и Тиле [15] прокатилъ, опираясь на трость и заглядывая въ окно съ безпокойной улыбкой. Долгушки у подъезда. Какъ-то размѣстятся?

Выходитъ егоза Варинька съ короткимъ носомъ, но съ большими грудьми, говоритъ: «Maman, aujourd'hui c'est un jour heureux pour moi j'ai vu deux fois M-me Burest». [16] Все общество слегка улыбается.

Потомъ Алек[сандръ] Степан[овичъ] продолжаетъ свой разсказъ о балѣ данномъ Львову. [17] La reine Margot [18] est le tapis de la conversation. [19] Слегка коснулись тоже Лебедевой [20] ска-

завъ, что она львица, но, что у ней груди на спинѣ. — И не смотря на частое повтореніе сдержанная улыбка опять заиграетъ на устахъ слушателей.

Но вотъ заколыхалась зеленая шитая portière, выходитъ Молостовщина, [21] дурныя, но добрыя Депрейсъ. [22] Плутяки всѣ веселинькія, свѣженькія въ кисейныхъ платьицахъ, — такъ всѣхъ бы ихъ и расцѣловалъ.

Александръ Степ[ановичъ] приподымается будто за шляпой, подходитъ къ нѣкоторымъ. Нѣкоторые смотрятъ на него такимъ добрымъ, открытымъ, умнымъ ласкательнымъ взглядомъ, какъ будто говорятъ: «говорите, я васъ люблю слушать». Выходятъ салопы, швейцаръ, тарантасы Тилле, апельсины. — «Садись сюда Варинька». «Оголинъ, здѣсь мѣсто есть». — Поѣхали, а я бѣдняжка остался, только смотрю на это веселье. — Брръ [23] пропалъ въ Астрахани, я думалъ съ нимъ и мое счастіе, но ежели вы мнѣ пишите такое милое и длинное письмо и говорите, что помнютъ обо мнѣ въ Казани, я могу еще быть счастливъ безъ брра. —

Безъ шутокъ, очень, очень вамъ благодаренъ за любезное письмо ваше. Напишите еще подъ веселый часъ, хотя вы и говорите, что въ Казанѣ скучно. Вѣрю и соболѣзную. Завидуйте теперь мнѣ; вы имѣете полное право; когда же воротятся, о, какъ я буду вамъ завидовать. — Я живу теперь въ Чечнѣ [24] около Горячеводскаго укрѣпленія въ лагерѣ, — вчера была тревога и маленькая перестрѣлка, ждутъ на дняхъ похода. [25] Нашелъ таки я ощущенія. Но повѣрите ли какое главное ощущеніе? Жалѣю о томъ что скоро уѣхалъ изъ Казани; хотя и стараюсь утѣшать себя мыслью, что и безъ того-бы они уѣхали что все пріѣдается и что не надо собой роскошничать. —

Грустно. — Прощайте, пожалуйста, до новаго письма. —

Братъ [26] васъ благодаритъ и кланяется, вашъ двоюр[одный] братъ [27] въ Тифлисѣ. — Загоскиной скажите, что... нѣтъ лучше ничего не говорите, а ежели не найдете неприличнымъ, лучше скажите Зинаидѣ Молостовой, que je me rappelle à son souvenir. [28]

Вамъ душевно преданный

Графъ Левъ Толстой.

Адресъ мой тотъ-же. —

Печатается по автографу, хранящемуся в ИРЛИ. Впервые опубликовано А. И. Никифоровым в кн. «Толстой. Материалы и статьи 1850—1860».

Л. 1927, стр. 7—9. Год письма определяется содержанием: «Я живу теперь в Чечне около Горячеводского укрепления в лагере», куда Толстой уехал вскоре после прибытия на Кавказ вслед за братом Николаем.

Об Александре Степановиче Оголине см. прим. к п. № 44.

[1] Намек на шуточное стихотворное послание к А. С. Оголину из Сызрани, две первых строки которого Толстой приводит в своем письме к гр. М. Н. Толстой от 26 мая.

[2] Письмо это неизвестно.

[3] Письмо к Т. А. Ергольской от 22 июня.

[4] Владимир Иванович Юшков (р. в 1789 г., ум. 28 ноября 1869 г.), муж тетки Толстого Пелагеи Ильиничны Толстой, был сыном председателя Казанского верхнего земского суда (1795 г.) Ивана Иосифовича Юшкова (ум. в декабре 1811 г.). В молодости служил в л.-гв. гусарском полку, с которым сделал кампанию 1814—1815 гг. В отставку вышел полковником. Женившись в 1817 г. на гр. П. И. Толстой, поселился в Казани. Н. П. Загоскин в ст. «Гр. Л. Н. Толстой и его студенческие годы», пишет, что «В. И. Юшков оставил по себе в Казани память образованного, остроумного и добродушного человека, но, вместе с тем, большой руки шутника и балагура, каким он и оставался до самой своей смерти... Вынужденный своим положением вращаться в казанском великосветском обществе, В. И. Юшков никогда не был его адептом. Напротив, он непрочь был подшутить подчас над кодексом его условных приличий, над фальшью и противоречиями его жизни и частенько допускал выходки, так или иначе шокировавшие местный большой свет». В последние годы своей жизни Юшков, оригинальности ради, уверял, что он ослеп. Об этом см. воспоминания Евгения Скайлера («Русская старина» 1890, X, стр. 271—272). О В. И. Юшкове, как «шутнике и большом волоките» Толстой вспоминает в «Воспоминаниях детства».

[5] Под «некоторыми» очевидно нужно разуметь сестер Молоствовых — Елизавету Модестовну, невесту А. С. Оголина, и Зинаиду Модестовну. О них см. ниже прим. 12.

[6] Екатерина Дмитриевна Загоскина (о ней см. прим. 12 к п. № 41), по воспоминаниям внучки ее, В. В. Алексеевой, всю жизнь пользовалась только жесткими стульями.

[7] Неясно, которая из родственниц Е. Д. Загоскиной (рожд. Мертваго). Одна Мертваго — двоюродная сестра Зин. Мод. Молоствовой (см. статью А. П. Мертваго в «Утре России», 1911 г., 12 июня), или жена брата Екатерины Дмитриевны, Николая Дмитриевича Мертваго (р. в 1805 г.), Сусанна Александровна Мертваго, рожд. Соймонова (1815—1879), в 1861—1879 гг. бывшая начальницей Казанского Родионовского института или Марья Николаевна Мертваго, рожд. Депрейс (1823—1860), жена другого брата Е. Д. Загоскиной, Петра Дмитриевича Мертваго (1813—1879).

[8] Разумеется сам А. С. Оголин.

[9] Нератов — вероятно, Анатолий Иванович, муж Екатерины Модестовны Молоствовой, которого Толстой знал с Казанского университета (1846—1850).

[10] Что с нашим милым прокурором? Он становится таинственным и мрачным, как Нератов. Откуда вы так поздно?

[11] Варенька — дочь Екатерины Дмитриевны Загоскиной, Варвара Николаевна, впоследствии вышедшая замуж за Владимира Александровича Краснокутского.

[12] У Модеста Порфирьевича Молоствова (1799—1845) и Варвары Ивановны Мергасовой (1803—1881) были дочери: Зинаида (1828—1897), Елизавета (1831—1852), Екатерина (1832—1874), Наталья, Александра (1835—1890), Вера и Аделаида.

[13] Надень шляпу и скажи барышням Молоствовым, что пора ехать.

[14] Полицмейстером в Казани в эти годы был Николай Иванович Кнорринг.

[15] Жених Зинаиды Модестовны Молоствовой, Николай Васильевич Тиле. О нем см. прим. 1 к п. № 44.

[16] Мама, сегодня у меня счастливый день: я два раза видела мадам Бюре. — Кто такая Бюре, сказать не можем.

[17] По всей вероятности это Алексей Федорович Львов («Казанские губернские ведомости» 1851, № 20).

[18] «Королева Margot (La Reine Margot) драма в 5 актах и 13 картинах А. Дюма и Авг. Макэ. Первое издание этой драмы в Париже, 1845 г. у бр. Гарнье в шести томах.

[19] «Королева Margot» — главная тема разговора.

[20] Марья Степановна Лебедева, рожд. Стрекалова, дочь Степана Степановича Стрекалова, Казанского военного губернатора в 1832—1844 гг., жена богатого казанского помещика Александра Евграфовича Лебедева. В апреле 1846 г. она участвовала с Толстым в «живых картинах» в зале Казанского университета. (Сообщено К. С. Шохор-Троцким.)

[21] Барышни Молоствовы.

[22] Депрейс — дочери казанского помещика, бывшего казанским губернским предводителем дворянства, Николая Исаевича Депрейса (1788—1854) и Натальи Порфирьевны Молоствовой (1806—1870)—Екатерина Николаевна Депрейс (р. в 1833 г.), Варвара Николаевна, впоследствии вышедшая замуж за Ив. Вас. Троицкого, и Ольга Николаевна, впоследствии вышедшая замуж за Алексея Николаевича Булыгина. Екатерине Николаевне 6 апреля 1899 г. Толстой писал: «Всегда с большим удовольствием вспоминаю о вашей семье и о вас». (К. С. Шохор-Троцкий «Казанские знакомства Толстого», в кн. «Великой памяти Л. Н. Толстого Казанский университет 1828—1928 г.». Казань. 1928, стр. 105.) О Е. Н. Депрейс см. в воспоминаниях Марии Ватаци «Быль минувшего» — «Исторический вестник», 1913, №№ 5—7.

[23] Кого разумеет Толстой под «Брр», неизвестно.

[24] Чечня (Большая и Малая) — область на Кавказе на северном склоне Андийского водораздела и в равнине р. Сунжи и ее притоков.

[25] Об этом походе Толстой в дневнике под 3 июля кратко записал: «был в набеге». Впечатления от этого похода, в котором Толстой принимал участие волонтером, послужили материалом для рассказа «Набег».

[26] Гр. Николай Николаевич Толстой.

[27] Вероятно А. П. Оголин, штабс-капитан батарейной № 4 батареи

20 артиллерийской бригады, сослуживец Толстого, часто упоминающийся в его дневнике 1852—1854 гг., письмо которого ко Льву Николаевичу от 16 сентября 1854 г. сохранилось в АТБ.

[28] что я прошу вспомнить обо мне.

* 47. Т. А. Ергольской.

1851 г. Июня 24. Старый Юрт.

24 Juin.

Le soldat qui a porté ma lettre du 22 à la poste [1] vient de m'apporter la vôtre, [2] chère tante, dans laquelle vous dites, que j'ai voulu vous reprocher votre indifférence. — Chère Tante. Comment pouvez vous croire, que moi, pour qui votre tendre affection et la ferme confiance, que j'ai dans votre amour, est un point d'appui [pour moi] dans tous les moments difficiles de la vie, que j'aie l'idée de vous reprocher votre indifférence? Non, vous êtes injuste! Vous savez, bonne tante, que si j'ai des défauts ce n'est pas la franchise, qui me manque. Eh bien je vous direz avec cette franchise, que votre lettre m'a fait verser des larmes. Pourquoi avoir de ces tristes pensées? — Vous dites que vous n'espérez plus revoir Nicolas. — Pourquoi le croire, espérons en Dieu. Dans 4 ou 5 mois de nouveau nous nous réunirons tous à Ясное, de nouveau recommencerons ces douces causeries. — Vous êtes trop nécessaire pour notre bonheur pour que Dieu ne vous conserve point. —

J'ai pris la ferme décision de rester servir au Caucase. Je ne suis pas encore décidé, si ce sera au militaire ou au civil auprès du Prince Voronzoff, [3] mon voyage à Tifliss [4] décidera de la chose. Dites à Valérien et à Marie, [5] que je leur fait cadeau de mon piano et que je les prie de ne pas me remercier; car il n'y a aucun mérite à faire cadeau d'une chose dont on n'a pas besoin. Envoyez le leur, je vous prie. — Faites dire, je vous prie, à Arsénieff [6] que la nouvelle de sa convalescence m'a fait beaucoup de plaisir et que je l'embrasse tendrement malgré sa figure bourgeonnée. —

Моимъ вѣрнымъ и добрымъ слугамъ Гашѣ [7] и Прову [8] кланяюсь. — Adieu, chère tante, je baise mille fois vos mains. —

Léon.

На 4 странице:
Ея Высокоблагородію Татьянѣ Александровнѣ Ергольской.
Въ Тулу.

24 июня.

Солдат, который снес мое письмо от 22-го на почту, [1] принес мне сейчас ваше [2] письмо, дорогая тетенька, в котором вы говорите, что я хотел упрекнуть вас в равнодушии. — Дорогая тетенька, как могли вы подумать, что я, для которого ваша нежная привязанность и твердая уверенность в вашей любви — поддержка во всех тяжелых минутах моей жизни, я мог иметь намерение вас упрекнуть в равнодушии? Нет, вы несправедливы! Вы знаете, добрая тетенька, что при всех моих недостатках скрытности во мне нет. И я откровенно сознаюсь вам, что плакал от вашего письма. Отчего у вас такие грустные мысли? — Вы говорите, что не надеетесь больше свидеться с Николенькой. — Но почему? Бог даст, через 4 или 5 месяцев мы снова соберемся все в *Ясном*, и возобновятся наши мирные беседы. — Вы так необходимы для нашего общего счастья, что Бог вас сохранит. —

Я твердо решил остаться служить на Кавказе. Не знаю еще в военной службе или гражданской при князе Воронцове, [3] это решится в мою поездку в Тифлис. [4] Скажите Валерьяну и Машеньке, [5] что я дарю им свое фортепьяно и прошу меня не благодарить за него, так как нет заслуги дарить то, в чем не нуждаешься. Перешлите его им, пожалуйста. — Поручите сказать Арсеньеву, [6] что я рад, что он поправляется, и что я нежно его целую, не взирая на его пятнастое лицо. —

Моимъ вѣрнымъ и добрымъ слугамъ Гашѣ [7] и Прову [8] кланяюсь. — Прощайте, дорогая тетенька, тысячу раз целую ваши ручки. —

Лев.

Печатается по автографу, хранящемуся в АТБ. Публикуется впервые. Год письма определяется пометой, сделанной рукой Т. А. Ергольской: «Получила 21 июня 1851 года».

[1] Письмо № 45.

[2] Письмо это не сохранилось.

[3] Граф (с 1845 г. князь; с 1852 г. светлейший князь) Михаил Семенович Воронцов (1782—1856) — известный государственный деятель. В 1844—1853 гг. главнокомандующий войск на Кавказе, наместник кавказский с неограниченными полномочиями. Его Толстой изобразил в «Хаджи Мурате».

[4] В Тифлис Толстой приехал только 1 ноября 1851 г.

[5] Гр. Валерьян Петрович и Марья Николаевна Толстые.

[6] Владимир Михайлович Арсеньев. О нем см. прим. 3 к п. № 23.

[7] Об Агафье Михайловне см. прим. 2 к п. № 23.

[8] О Прове никакими сведениями не располагаем.

* 48. Т. А. Ергольской.

1851 г. Августа 17. Станица Старогладковская.

Chère et excellente Tante!

Vous m'avez dit plusieurs fois, que vous n'avez pas l'habitude d'écrire des brouillons pour vos lettres, je suis votre exemple; mais je ne m'en trouve pas aussi bien que vous; car il m'arrive fort souvent de déchirer mes lettres après les avoir relues. Ce n'est pas par fausse honte que je le fais, — une faute d'orthographe, un pâté, une phrase mal tournée ne me gênent pas; mais c'est que je ne puis parvenir à savoir diriger ma plume et mes idées. Je viens de déchirer une lettre que j'avais achevée pour vous; parceque j'y avais dit beaucoup de choses, que je ne voulais pas vous dire et rien de ce que je voulais vous dire.

Vous croirez peut-être, que c'est dissimulation et vous direz, qu'il est mal de dissimuler avec les personnes qu'on aime et dont on se sait aimé. Je conviens; mais convenez aussi, qu'on dit tout à un indifférent et que plus une personne nous est chère, plus il y a de choses qu'on voudrait lui cacher.

Je viens d'écrire cette page et je me reprends. Ne croyez pas que ce soit une préface (приготовленіе къ чему нибудь), ne vous effrayez pas. Tout bonnement cette idée m'est passée par la tête et je vous la dit. — Avant hier j'ai reçu votre réponse [1] à la première lettre, que je vous ai écrit[e] du Caucase. Deux mois pour recevoir une réponse! C'est énorme surtout quand on voudrai[t] ne pas cesser de causer avec vous.

Vous me dites «je crains que ma lettre ne te paraisse longue». — Sans figures R[h]étoriques, malgré que je relis au moins une dizaine de fois chacune de vos lettres elles me paraissent tellement courtes que je m'étonne, comment vous faites pour écrire si peu, ayant tant à dire; — vous avez dû recevoir ma lettre, dans laquelle je vous parle du piano. [2] — Les bonnes nouvelles que vous me donnez sur les bonnes dispositions de Serge, à l'égard de la *Sultane* [3] me paraissent douteuses. Pardon, chère tante, mais je ne vous crois pas aveuglement sur ce qui nous concerne. — Votre trop grand amour pour nous vous trompe souvent sur le véritable état des choses; mais je voudrais bien savoir à quoi m'en tenir sur le compte de Serge.

Comme frère cadet c'est à moi de lui écrire le premier; je le ferais et par sa réponse je jugerai.

Depuis deux semaines j'ai quitté Nicola[s], [4] il est au camp des eaux chaudes et moi à son quartier Général. Au mois de Septembre il revient. Beaucoup de personnes m'engagent à prendre du service ici, surtout le prince Bariatinsky [5] dont la protection est puissante. Me le conseillerez - vous? — Adieu, je baise vos mains.

На конверте:

Ея Высокоблагородію Татьянѣ Александровнѣ Ергольской.
Въ Тульской Губерніи Г. Чернъ.

Дорогая и чудесная тетенька!

Вы мне говорили несколько раз, что вы пишете письма прямо набело; беру с вас пример, но мне это не дается так, как вам, и часто мне приходится, перечтя письмо, его разрывать. Но не из ложного стыда, — орфографическая ошибка, клякса, дурной оборот речи меня не смущают; но я не могу добиться того, чтобы управлять своим пером и своими мыслями. Вот только что я разорвал доконченное к вам письмо, в котором я наговорил то, чего не хотел, а что хотел сказать, того не сказал.

Вы, может быть, припишете это скрытности и упрекнете меня, говоря, что ее не должно быть с теми, кого любишь и о ком знаешь, что любим. Согласен; но согласитесь и вы, что всё можно сказать тому, к кому равнодушен, а от дорогого человека многое хочется скрыть.

Дописал эту страницу и должен оговориться. Не примите этого за предисловие *(приготовленіе къ чему-нибудь)* и не пугайтесь. Просто эта мысль пришла мне в голову, и я высказал ее вам. — Третьего дня получил ваш ответ [1] на мое первое письмо с Кавказа. Ответ через два месяца — это ужасно! Особенно когда беспрестанно хочется говорить с вами.

Вы пишете: «боюсь, чтобы мое письмо не показалось тебе чересчур длинным». — Не для фразы я говорю: несмотря на то, что я перечитываю, по крайней мере, до десяти раз каждое ваше письмо, все они мне кажутся такими короткими, что я удивляюсь, как можно писать так мало, имея столько сказать. — Вероятно, вы уже получили то письмо, в котором я писал вам о фортепьяно. [2] — Ваши хорошие вести о намерениях Сережи по отношению к *Султаньше* [3] мне кажутся сомнительными. Простите меня за это, дорогая тетенька, но в том, что касается нас, я не могу слепо вам верить. — Ваша беззаветная любовь к нам часто не дает вам правильно судить о настоящем положении вещей, но мне хотелось бы знать, какой линии держаться с Сережей. —

Как младший брат, я должен первый ему написать; так и сделаю и по его ответу разберусь. —

Две недели тому назад я расстался с Николенькой; [4] он — в лагере при горячих источниках, а я — в его главной квартире. Вернется он в сентябре. Многие мне советуют поступить на службу здесь и, в особенности, князь Барятинский, которого протекция всемогуща. [5] Как вы посоветуете? — Прощайте, целую ваши ручки. —

Печатается по автографу, хранящемуся в АТБ. Впервые опубликован

отрывок (по-французски и в переводе) П. И. Бирюковым в Б, I, 1906, стр. 183—184; несколько бо́льшие отрывки (только в переводе) даны П. А. Сергеенко в ПТС, I, стр. 11—12 (с неверной датой: «сентября 16»): впервые полностью (только в переводе) опубликовано в Бир., XX, 1913, стр. 15—16 (тоже с неверной датой: «сентября 16»). Письмо датируется почтовым штемпелем: «Кизляр 17 авг. 1851». На конверте рукою Т. А. Ергольской: *«Получено 16 сентября 1851 года»*. L'ambition et l'interet sont les mobiles de nos actions et les artisans de nos chagrins [Честолюбие и расчет руководят нашими поступками и создают наши печали и горести]».

[1] Письмо это не сохранилось.

[2] Письмо № 47.

[3] Марья Михайловна Шишкина. О ней см. прим. 15 к п. № 12.

[4] Следовательно, числа 3 августа Толстой выехал из Старого Юрта в Старогладковскую станицу.

[5] Кн. Александр Иванович Барятинский. О нем см. вступ. прим. к п. № 77. Толстой вероятно имеет в виду слова в письме к нему гр. Николая Николаевича Толстого: «Кн. Барятинский очень хорошо отзывается об тебе, ты кажется ему понравился, и ему хочется тебя завербовать». (Письмо, датируемое между 3 и 14 августа, неопубликовано; хранится в АТБ.)

* 49. Т. А. Ергольской.

1851 г. Ноября 12. Тифлис.

12 Novembre.

Tiffliss.

Chère tante!

Dans 8 jours il sera juste 4 mois, que je n'ai pas de vos nouvelles; mais à présent au moins j'ai l'espoir, que vos lettres sont à Старогладовская, et que ce n'est que mon absence de là, qui est cause de ce que je ne puis les avoir. Dans ma dernière lettre du 24 Octobre [1] je vous informais, que nous étions à la veille de notre départ pour Tiffliss. — Nous sommes partis, effectivement le 25 et après 7 jours de voyage fort ennuyeux, à cause du manque de chevaux, presque à chaque relais et fort agréable, à cause de la beauté du pays qu'on passe, le 1-er de ce mois nous étions arrivés. Le lendemain je suis allé chez le Général Brimmer [2] pour lui présenter les papiers que j'avais reçu de Toula et ma personne. — Le Général, malgré son obligeance Allemande et toute sa bonne volonté a été obligé de me refuser, vu que mes papiers n'étaient pas en forme, et qu'il me manquait des documents, qui sont pour le moment, à PTSG et qu'il faut que j'attende.

Je me suis donc résigné à attendre à Tiffliss l'arrivée de ces papiers; mais comme le terme du congé de Nicolas est expiré il est parti il y a trois jours. [3] — Vous vous figurez aisément, chère tante, combien ce contre-tems m'est désagréable — sous plusieurs rapports: 1-mo si mes papiers n'arrivent pas dans un mois, je renonce au service militaire, ne pouvant pas faire cette année l'expédition de l'hiver, ce qui était mon unique désir en prenant du service. 2-o La vie ici étant excessivement chère mon séjour d'un mois (peut-être plus) en ville, et puis le voyage pour retourner me coûteront beaucoup d'argent — et 3-e Je me suis tellement habitué à être toujours avec Nicolas, que cette séparation avec lui, quoique pour très peu de tems m'a été pénible. — Ce n'est qu'à présent, je l'avoue à ma honte, que j'ai su apprécier, respecter et aimer cet excellent frère, autant qu'il le mérite. A tous moments, vos excellents conseils, chère tante, me reviennent à la mémoire. Combien de fois vous m'avez repris, quand je parlais légèrement de Nicolas; et vous avez eu complètement raison, je dis, sans aucune fausse humilité, que sous tous les rapports Nicolas vaut beaucoup mieux, que nous tous. Contre mon attente j'ai trouvé à Tiffliss une bonne connaissance de P-tg — le Prince Bagration, [4] qui m'est une grande ressource. C'est un homme d'esprit et d'instruction. Tiffliss est une ville très civilisée, qui singe beaucoup P-tg et réussit presque à l'imiter, la société y est choisie et assez nombreuse, il y a un théatre Russe et un opéra Italien, dont je profite, autant que me le permettent mes pauvres moyens. — Je loge à la colonie Allemande [5] — c'est un faubourg: mais qui a pour moi deux grands avantages: celui d'être un fort joli endroit entouré de jardins et de vignes, ce qui fait qu'on s'y croit plutôt à la campagne qu'en ville (il fait encore très chaud et très beau, il n'y a eu ni neige ni gelée, jusqu'à présent), le second avantage est celui que je paye pour deux chambres, assez propres, ici 5 r. arg. par mois, tandis qu'en ville on ne pour[r]ait avoir un logement pareil à moins de 40 r. arg. par mois. Par-dessus tout j'ai gratis la pratique de la langue Allemande. — J'ai des livres; des occupations, et du loisir, puisque personne ne vient me déranger de sorte qu'en somme je ne m'ennuie pas. — Vous rappelez-vous, bonne tante, d'un — conseil, que vous m'avez donné jadis: celui de faire des romans, eh bien, je suis votre conseil et les occupations dont je vous parle consistent à faire de la littérature. — Je ne sais si ce que j'écris,

paraitra jamais dans le monde; mais c'est un travail qui m'amuse et dans lequel je persévère depuis trop longtems pour l'abandonner.[6] Voila un compte exacte de mes occupations que je vous donne, pour ce qui est de mes plans, si je n'entre pas au service militaire, je tâcherai de me trouver une place civile ici; mais pas en Russie, чтобы не говорили, что я баклуши бью. — Dans tous les cas je ne me repentirai jamais d'être venu au Caucase — c'est un coup de tête qui me profitera. — Adieu je baise vos mains et attend vos lettres; adressez tout bonnement Въ Грузію въ Тифлисъ.

На конверте:

Въ Г. Тулу. Ея Высокоблагородію Татьянѣ Александровнѣ Ергольской. Въ Сельцо Ясную Поляну.

12 ноября.
Тифлис.

Дорогая тетенька!

Через 8 дней будет ровно четыре месяца, что я без вестей о вас; теперь я, по крайней мере, надеюсь, что ваши письма в *Старогладковской* и что не доходили они до меня из-за моего отсутствия. В последнем письме, от 24 октября, [1] я писал вам, что мы накануне отъезда в Тифлис. — Мы действительно уехали 25 и после 7-дневного путешествия скучнейшего из-за того, что едва ли не на каждой станции не оказывалось лошадей, и приятнейшего из-за красоты местности, по которой мы проезжали, мы прибыли 1 числа в Тифлис. На другой день я явился к генералу Бриммеру[2] и представил ему как полученные из Тулы бумаги, так и собственную свою персону. Несмотря на свою немецкую услужливость и добрые намерения, генерал был принужден отказать мне в моем прошении; представленных бумаг недостаточно из-за отсутствия тех документов, которые в Петербурге, и я должен их дождаться. И я решил поэтому ждать их в Тифлисе; но так как срок отпуска Николеньки кончился, то он уехал три дня тому назад.[3]— Вы легко поймете, милая тетенька, как эта помеха мне неприятна и по многим причинам: во 1-х, ежели я не получу этих бумаг через месяц, я откажусь от военной службы, так как я не смогу уже участвовать в зимнем походе, а это было моим единственным желанием, побудившим меня итти на военную службу. Во 2-х, при дороговизне здешней жизни, пребывание мое в городе месяц (а может быть и дольше) да обратная дорога, будут стоить больших денег — и в 3-х, я так свыкся быть постоянно с Николенькой, что разлука с ним, хотя и на короткий срок, мне тяжела. — К стыду своему сознаюсь, что только теперь я научился ценить, уважать и любить своего прекрасного брата так, как он этого заслуживает. И поминутно вспоминаются мне ваши добрые советы, дорогая тетенька. Как часто вы меня останавливали, когда я небрежно отзывался о Николеньке, и как вы были правы; говорю без притворной скромности, что Николенька во всех отношениях лучше нас всех. Совершенно неожиданно я встретил в Тифлисе Петербургского знакомого — князя Багратиона, [4] который

для меня находка. Он умный и образованный человек. Тифлис — цивилизованный город, подражающий Петербургу, иногда с успехом, общество избранное и большое, есть русский театр и итальянская опера, которыми я пользуюсь, насколько мне позволяют мои скудные средства. Живу я в немецкой колонии [5] — в предместье; оно мне вдвойне приятно тем, что это красивая местность, окруженная садами и виноградниками, и чувствуешь себя скорее в деревне, чем в городе (погода еще прекрасная и теплая, и до сих пор не было ни мороза, ни снега); второе преимущество это то, что я плачу за две довольно чистые комнаты 5 р. сер. в месяц, тогда как в городе подобная квартира стоила бы не менее 40 р. сер. в месяц. Сверх того я имею даром практику в немецком языке. — У меня есть книги, занятия и досуг, никто мне не мешает, так что в общем я не скучаю. — Помните, добрая тетенька, что когда-то вы посоветовали мне писать романы; так вот я послушался вашего совета — мои занятия, о которых я вам говорю — литературные. — Не знаю, появится ли когда на свет то, что я пишу, но меня забавляет эта работа, да к тому же я так давно и упорно ею занят, что бросать не хочу. [6] Вот вам точный отчет о моих занятиях, что же касается моих дальнейших планов, то ежели я не поступлю на военную службу, я постараюсь устроиться на гражданской, но здесь, а не в России, *чтобы не говорили, что я баклуши бью*. — Во всяком случае я никогда не буду раскаиваться, что приехал на Кавказ — эта внезапно пришедшая в голову фантазия принесет мне пользу. — Прощайте, целую ваши ручки и жду писем. Адресуйте просто *Въ Грузію, въ Тифлисъ*.

Печатается по автографу, хранящемуся в АТБ. Впервые опубликованы отрывки из письма (по-французски и в переводе) П. И. Бирюковым в Б, I, 1906, стр. 185—186; несколько бо́льшие отрывки даны П. А. Сергеенко (только в переводе) в ПТС, I, стр. 13-14. Впервые опубликовано полностью (только в переводе) в Бир., XX, 1913, стр. 16—18. Год определяется содержанием: «не смогу участвовать в зимнем походе» (Толстой участвовал в боях 17 и 18 февраля 1852 г.) и: «мои занятия... — литературные» (речь идет о «Детстве», которое начато в марте 1851 г.). Почтовый штемпель из Тифлиса: «отправлено [ноября] 12 185[1]» и «Получено ноябр. 21». На конверте рукою Т. А. Ергольской: «*Получила 27 ноябр.* La raison est la base de toutes les vertus [Разум — основа всех добродетелей]».

[1] Это письмо не сохранилось.

[2] Эдуард Владимирович Бриммер (1797—1874), начальник артиллерии отдельного Кавказского корпуса, генерал-майор, автор записок «Служба артиллерийского офицера, воспитывавшегося в 1 кадетском корпусе и выпущенного в 1815 г.» — «Кавказский сборник», под редакцией Чернявского. Тифлис, тт. XV—XIX, 1894—1898 гг.

[3] Гр. Николай Николаевич Толстой уехал в Старогладковскую.

[4] Какой это Багратион, сказать не можем.

[5] Немецкая колония, предместье Тифлиса, теперь почти в центре Тифлиса (где Плехановский проспект).

[6] Речь идет о «Детстве», которое, возможно, Толстой начал писать еще в марте 1851 г. Во всяком случае работа над первой редакцией этого произ-

ведения шла с июля этого года. С двадцатых чисел августа 1851 г. по январь 1852 г. Толстой работал над второй редакцией «Детства». См. статью М. А. Цявловского „История писания «Детства»“, т. 1, стр. 305—307.

* 50. Гр. Н. Н. Толстому.

1851 г. Декабря 10. Тифлис.

Милый другъ, Nicolas! нынче 10 Декабря получилъ я отъ тебя письма. Мнѣ очень нравится, что ты отзываешься про свое письмо *длинное посланіе.* Длин[ное] посл[аніе] на одномъ листѣ почтовой бумаги и по два слова въ строкѣ. Все твое письмо похоже на окончанія писемъ Мистера Микобера. [1] —

на
главу
и т. д.

Стало быть заслуженной упрекъ твоему письму въ краткости. Пожалуйста ne te laisse pas décourager par ce reproche, [2] а пиши *каждую* почьту. — Ежели же тебѣ лѣнь (о пагубная страсть!) помѣшаетъ это дѣлать, то прикажи Алешкѣ [3] каждый почтовой день брать листъ бумаги изъ твоего стола (слѣдов[ательно] съ изображеніемъ чертей) [4] класть въ конвертъ и отправлять мнѣ. По крайней мѣрѣ это будетъ для меня доказательствомъ, что *неизвѣстные хищники покуда не украли твою голову.* — Ван[юшка] [5] избилъ 3 пары подметокъ, ходя на почту и нынче утромъ не взошелъ, а вбѣжалъ ко мнѣ въ комнату съ стиснутыми зубами и съ конвертомъ въ рукѣ. Твое письмо меня во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворило, исключая того, что о нѣкот[орыхъ] пунктахъ, о коихъ мнѣ очень желательно знать, ты умалчиваешь — имянно о дѣлахъ пекуніарныхъ. Я писалъ тебѣ, что je *serai* sur les féves, [6] теперь я могу сказать *je suis* sur les féves. [7] Болѣзнь мнѣ стоила очень дорого: аптека — рублей 20. Доктору за 20 визитовъ и теперь каждый день вата и извощикъ, стоютъ 1 - 20. — Я всѣ эти подробности пишу тебѣ съ тѣмъ, чтобы ты мнѣ поскорѣе прислалъ какъ можно больше денегъ. — Въ послѣднемъ письмѣ [8] я тебѣ писалъ, что мнѣ нужно 100 р., чтобы уѣхать; теперь я вижу, что не обойдусь без 140. Помогай мнѣ, сколько можешь. — Ты можетъ быть думаешь, что я теперь совершенно здоровъ. — Кнесчастію, мнѣ очень нехорошо: — La maladie vénérienne est détruite;

mais se sont les suites du Mercure, qui me font souffrir l'impossible. [9] Можешь себѣ представить, что у меня весь ротъ и языкъ въ ранкахъ, которыя не позволяютъ мнѣ ни ѣсть ни спать. Безъ всякаго преувеличенія, я 2-ю недѣлю ничего не ѣлъ и не проспалъ одного часу. — Всѣ они коновалы, шельмы. — Хорошо еще, что здѣсь воды, такъ я, Богъ дастъ, и оправлюсь какъ нибудь. —

Хотѣлъ было я писать тебѣ о очень интересномъ дѣлѣ, но такъ усталъ, что пойду лежать. — Съ слѣд[ующей] почтой или ежели успѣю напишу еще. — Бѣлую лошадь за 13 р. не стоитъ отдавать. — Прощай. Не забывай пересылать ко мнѣ всѣ письма изъ Россіи и доставить мнѣ денегъ, сколько можешь.

На четвертой странице:

Его Сіятельству Графу Николаю Николаевичу *Толстому*. Въ Кизлярскомъ округѣ въ станицу Старогладовскую, въ Штабъ батарейной № 4 батареи; черезъ Стан. Шелкозаводскую. [10]

Печатается по автографу, хранящемуся в АТБ. Публикуется впервые. Год определяется содержанием и недатированным письмом Н. Н. Толстого от ноября 1851 г., написанным из Старогладковской, куда Н. Н. Толстой приехал в конце ноября 1851 г., и на которое это письмо является ответом. Год написания письма Н. Н. Толстого от ноября 1851 г. определяется его же письмом, датированным 6 декабря 1851 г.

Гр. Николай Николаевич Толстой (р. 23 июня 1823 г., ум. 8 сентября 1860 г.), старший брат Льва Николаевича. В августе 1839 г. поступил на математический факультет Московского университета, откуда осенью 1843 г. перевелся в Казанский университет, который и окончил весной 1844 г. В декабре этого года Николай Николаевич поступил на службу в легкую № 7 батарею 18 артиллерийской бригады, в январе 1846 г. переведен в 20 артиллерийскую бригаду, в январе 1847 г. в 19 артиллерийскую бригаду, в феврале этого года снова в 20 артиллерийскую бригаду, в июне 1849 г. произведен в подпоручики, в феврале 1851 г. в поручики. В феврале 1853 г. уволен в отставку с чином штабс-капитана; в августе 1855 г. снова поступил на службу с чином поручика в легкую № 3 батарею 19 артиллерийской бригады, в ноябре 1855 г. прикомандирован к 20 артиллерийской бригаде, а в июле 1858 г. уволен в отставку с чином штабс-капитана. По выходе в отставку гр. Н. Н. Толстой жил в своем имении Никольском-Вяземском Чернского уезда Тульской губ. В мае 1860 г. больной чахоткой поехал за границу, где и умер на юге Франции, в Гиере. В «Воспоминаниях детства» (гл. IX) Толстой о нем пишет: «Он был удивительный мальчик и потом удивительный человек. Тургенев говорил про него очень верно, что он не имел только тех недостатков, которые нужны для того, чтобы быть писателем. Он не имел главного, нужного для этого недостатка: у него не было тщеславия, ему совершенно неинтересно было, что о нем думают

люди. Качества же писателя, которые у него были, были прежде всего тонкое художественное чутье, крайнее чувство меры, добродушный веселый юмор, необыкновенное, неистощимое воображение и правдивое высоконравственное мировоззрение, и всё это без малейшего самодовольства. Воображение у него было такое, что он мог рассказывать сказки или истории с привидениями или юмористические истории в духе мадам Рэдклиф, без остановки целыми часами и с такой уверенностью в действительность рассказываемого, что забывалось, что это выдумка». Когда Льву Николаевичу было пять лет, Николенька «объявил», что у него есть тайна, посредством которой, когда она откроется, все люди сделаются счастливыми, все будут любить друг друга и станут «муравейными» братьями. Тайна о том, как сделать, чтобы всё это исполнилось, написана была на зеленой палочке, зарытой у дороги на краю оврага Старого заказа. В этом месте Толстой «в память Николеньки» просил зарыть его труп, что и было исполнено. Фет в своих воспоминаниях, называя Николая Николаевича «замечательным человеком», говорит, что «мало сказать, что все знакомые его любили, а следует сказать — обожали... Будучи от природы крайне скромен, он нуждался в расспросах со стороны слушателей. Но наведенный на какую-либо тему, он вносил в нее всю тонкость и забавность своего добродушного юмора. Он видимо обожал младшего своего брата Льва. Но надо было слышать, с какой иронией он отзывался о его великосветских похождениях. Он так ясно умел отличать действительную сущность жизни от ее эфемерной оболочки, что с одинаковою иронией смотрел и на высший, и на низший слой кавказской жизни. И знаменитый охотник, старовер, дядюшка Епишка (в «Казаках» гр. Л. Толстого — Ерошка) очевидно, подмечен и выщупан до окончательной художественности Николаем Толстым». (А. А. Фет: «Мои воспоминания», М. 1890, ч. I, стр. 217—218.) Перу Николая Николаевича принадлежат «Охота на Кавказе», напечатанная в «Современнике» 1857 г. № 2 и переизданная М. В. Сабашниковым с предисловием М. О. Гершензона в 1922 г.; «Пластун», напечатанный впервые в журнале «Красная новь» 1926 г. №№ 5 и 7 и «Заметка об охоте» в альманахе «Охотничье сердце» под ред. Ник. Смирнова, М. 1929. О гр. Н. Н. Толстом: А. А. Фет «Мои воспоминания» М. 1890, ч. I; А. Е. Грузинский «Писатель Н. Н. Толстой» — «Красная новь» 1926 г., № 5.

Письмо является ответом на следующее неопубликованное письмо гр. Н. Н. Толстого, датируемое ноябрем 1851 г.:

«Приехав в Старогладковскую, я застал Дмитрия и Алешку, от которых очень мало узнал об своих, братьев Дм[итрий] видел в отъезжем поле, Миша тоже охотился, след[овательно] он здоров; тетенек, Валерьяна и Машу он не видал. Он привел двух борзых: Катая и Позора, Помчишку и Бульку, собаки все здоровы, лошадей он привел только Вороного и Пегого, которого я уже продал за 5 монет. Посылаю тебе письма, которые не стоило бы и посылать; одно письмо от Валерьяна и Маши, кажется, от 1 сентября, остальные от Андрея; в одном он пишет, что *он вадним умом умен*, а мне кажется, что он глуп и сзади и спереди. Перечитав это письмо, я вижу, что до сих пор по интересу оно не далеко ушло от писем Андрея, и поэтому продолжаю по рецепту Тат. Алекс., т. е. начинаю описывать всё, что я без тебя делал. *Станция 1-я* Гарцискал. Тут по-

пался мне попутчик и земляк, один из несчастных, путешествующих по воле духовенства, а именно: дьячек из Екатеринодара, родом туляк. Он упросил меня довезти его до Екатериноград; ночью, когда он уселся уже на облучок и вступил даже в новую для него должность моего камердинера, т. е. начал набивать мне трубку, мне пришло в голову, что вместе с званием несчастного путешественника он может соединять и звание пьяного и нечестного путешественника, что для меня очень будет неприятно, тем более, что об этом разряде путешественников даже и Стерн ничего не говорит, и мое изучение «Сентиментального путешествия» не могло научить меня, как мне вести себя в отношении к этим господам; впрочем опасения мои оказались излишними. Сей церковнослужитель служил мне верой и правдой до Екатериноград. *Ст. II-я Душет.* Тут меня хотели задержать под предлогом, что на днях случилось тут несчастие, а именно, выражаясь словами смотрителя: *У Грузинского князя неизвестные хищники украли голову*, подробности этой были ты верно услышишь при приезде, потому что вероятно это происшествие не скоро изгладится из памяти мирных жителей Душета. Несмотря на это, я поехал далее и ночевал в Ананури, где променял свой тарантас. Из Пассанаура я отправился по новой дороге; караван наш состоял из моего тарантаса, запряженного парой волов, двух пустых арб, меня, церковнослужителя и двух грузин, из которых один, Бичо Симо́н всю дорогу распевал грузинские песни, всё шло как нельзя лучше, дорога превосходная, по обеим сторонам горы, осетинские аулы, с которыми перекликался наш Бичо, над нами светлое звездное небо, уже мы доезжали до какого-то укрепления, где мои грузины должны были кормить волов, уже виднелся гостеприимный огонек духана, воображение мое рисовало мне пленительную картину горячего шашлыка. Но les jours se suivent et ne se ressemblent pas, les духан aussi [дни проходят не похожие один на другой и духаны тоже]. В этом мы не нашли баранины. Мой церковнослужитель отправился в укрепление и с торжеством принес мне гадкой говядины, из которой вызвался сделать поварскую штуку, т. е. котлеты; я сперва не соглашался, но когда и Симо́н объявил, что шашлык из говядины будет не хорош, и что лучше сделать *штуку*, я согласился, но, увы, *штука* оказалась вещью неудобосъедомою. Я выпил чурек [?] вина, съел кусок хлеба, лег в тарантас и заснул. Когда утренний мороз меня разбудил, мы были уж на горе (имя и прозвание которой я не знал). Солнце только что выходило из-за Казбека, со всех сторон из ущелий тянулись стада, где-то вправо на горе горел огонек. «Это праздник», говорил Бичо и по этому случаю затянул предлинную песню. В ущелье Черной речки, по которой мы ехали ночью, клубился туман, вид был так хорош, что даже понравился моему дьячку: «Вот и правду говорят, В. Сиятельство, что чудны дела твои, Господи».

В Казбеке пришли ко мне грузины, которые ездили с тобой на монастырь и, вероятно, полагая, что я большой охотник ездить на быках, предложили мне везти меня на оных до Владикавказа, но, разумеется, отказался, на другой день я доехал до Екатериноград, где расстался с моим дьячком. От Екатериноград до Старогладковской было еще несколько интересных эпизодов. Во-первых, Калюгай сделался для меня вторым Гарцискалом и чуть было не второй Капуей. Во-вторых, в Науре я был у Казимира, где ко мне

пристал новый попутчик тоже из породы путешествующих по воле начальства, какой-то инженерный офицер. Я был довольно прост, что согласился довезти его до Старогладковской, за что был наказан, во-первых, тем, что заплатил за 3 лошади, а, во-вторых, тем, что слушал разговоры в роде следующего: «Вы знаете князя Опакидзе? Не правда ли какой милый и образованный молодой человек, он настоящий парижанин», бесконечные похвалы остроумия, светскости Тришатного и Кологривого и так далее.

Наконец я приехал в Старогладковскую. На другой день, кажется, приехал ко мне Арслан-Хан, с тем чтобы охотиться с ястребами; охота эта мне очень понравилась. Мы вместе отправились в Кизляр. Я взял с собой Уляшина и Катая (Дмитрий говорит, что Катай гораздо лучше Позора; Позора подари мне, он мне будет очень нужен будущим летом, зайцев в степи очень мало). Князь взял с собой ястреба, и мы прекрасно поохотились. Погода стояла превосходная, зато теперь идет снег, и я сижу один на той же квартире, где и ты останавливался, и пишу тебе это длинное послание, этим ты обязан дурной погоде.

Завтра возвращаюсь в Старогладковскую и начинаю охоту по пороше, если будет пороша. Лошадей я не продал. За твою белую дают 13 монет (она ужасно худа, и нет надежды ее поправить. Не знаю, что делать, но кажется и ее продам за что бы ни было, а то меня лошади совсем объедают).

Отвечай, пожалуйста, поскорее. (Письмо не опубликовано; хранится в АТБ.)

Дмитрий — слуга гр. Н. Н. Толстого; упомянут в рассказе «Рубка леса». *Алешка* — Алексей Степанович Орехов, камердинер Толстого. О нем см. прим. 4 к п. № 4. Кто такой *Миша*, сказать не можем. *Тетеньки*— Татьяна Александровна Ергольская и гр. Елизавета Александровна Толстая. (О них см. вступ. прим. и 7 к п. № 4.) *Письмо от гр. Валер. Петр. и Мар. Ник. Толстых* не сохранилось. О них см. прим. к п. № 42. *Писем от Андр. Ил. Соболева* не сохранилось. О нем см. прим. к п. № 16. *Гарциская* — вернее Гардоскал, вероятно, одна из станций на речке Гардоскал между Мухетом и Душетом. *Екатериноград* — станица в 191 в. от Тифлиса, бывший наместнический город, основанный по инициативе Потемкина. *«Сантиментальное путешествие через Францию и Италию* — сочинение (1768 г.) Лауренса Стерна (1713—1768). *Душет* — крепость в 50 в. от Тифлиса на Военно-Грузинской дороге. *Ананур* — станция в 61 в. от Тифлиса. Развалины старинной крепости и церковь в Анануре принадлежат к интереснейшим памятникам Военно-Грузинской дороги. *Пассанаур* — станица в 83 в. от Тифлиса. *Гора, имя и прозвание которой я не знал* — Крестовый перевал. *Казбек* — одна из вершин кавказского главного хребта в 11 в. от Военно-Грузинской дороги; $16^1/_2$ тысяч футов высоты. *Ущелье Черной речки* — ущелье Черной Арагвы. *Казбек* — грузинский аул и станция на Военно-Грузинской дороге. *Монастырь* — Стефан-Цминда (или Цвинда-Самеба) — старинная церковь грузинской архитектуры на горе Квенем-Мты (7673 фута над уровнем моря) недалеко от станции Казбек. *Владикавказ* — город на берегу р. Терека, у самого подножия Черных гор, основанный при Екатерине, был прежде крепостью и важным стратегическим пунктом, оберегавшим единственную дорогу через главный хребет. *Калюгай* — правильнее Галюгай — станица на пра-

вом берегу Терека, верстах в 15 к востоку от Моздока. *Капуа* — старинный город древней Кампаньи в Италии на берегу реки Вольтурно. Этот город служил когда-то самым приятным местопребыванием во всей Италии, отсюда поговорка «Les delices de Capoue». [Наслаждения Капуи.] *Наур* — Наурская станция к востоку от Моздока. Кто такие *Казимир* и князь *Опакидзе* — сказать не можем. *Тришатный* и *Кологривой* — очевидно какие-то знакомые Толстых. *Арслан-Хан* Дударов — князь, штабс-капитан легкой № 6 батареи 20 артилл. бригады, из кумыкских ханов. Он довольно часто упоминается в дневнике Толстого. *Кизляр* — город Терской области, на левом берегу Старого Терека в 58 в. от Каспийского моря, основанный в 1735 г. *Где и ты останавливался* — Толстой был в Кизляре вероятно в сентябре 1851 г., когда, как он записал в дневнике под 20 марта 1852 г., «ездил на охоту».

[1] Действующее лицо романа Ч. Диккенса «Давид Копперфильд».

[2] Не падай духом от этого упрека.

[3] Алексей Степанович Орехов.

[4] В «Воспоминаниях детства» (гл. IX) Толстой писал о гр. Николае Николаевиче: «Когда он не рассказывал и не читал (он читал очень много), он рисовал. Рисовал он почти всегда чертей с рогами, закрученными усами, сцепляющихся в самых разнообразных позах между собою и занятых самыми разнообразными делами. Рисунки эти тоже полны были воображения и юмора».

[5] Иван Васильевич Суворов (ум. в 1900-ых годах). В «Воспоминаниях детства» (гл. IX) Толстой писал: «Очень глупая была мысль у опекуншитетушки дать нам каждому по мальчику с тем, чтобы потом это был наш преданный слуга. Митеньке дан был Ванюша». Этот Ванюша перешел потом ко Льву Николаевичу, с которым поехал на Кавказ, где в 1852 г., между прочим, переписывал главы «Детства» (см. том 1 настоящего издания, стр. 308—313). Толстой его изобразил в «Казаках». Последние годы И. В. Суворов прожил в Туле.

[6] Я буду на бобах.

[7] Я на бобах.

[8] Это письмо не сохранилось.

[9] Венерическая болезнь уничтожена, но невыносимо страдать-то меня заставляют последствия ртутного лечения.

[10] Шелковаводская или Шелковая — станица Терской области, на левом берегу Терека. В 1735 г. там был основан шелковый завод, но потом шелководство упало и начало возобновляться только в позднейшее время.

* 51. Т. А. Ергольской.

1851 г. Декабря 15. Тифлис.

15 Décembre. Tiffliss.

Je viens de recevoir votre lettre, [1] chère tante, et pour vous dire le plaisir que j'ai éprouvé en la recevant après 4 mois de silence,

je vous dirai seulement, que j'ai pleuré comme un enfant de bonheur. — Il est vrai, que l'état dans lequel je me trouve a contribué beaucoup à cette faiblesse. — I-mo je croyais, qu'ou bien il vous était arrivé quelque malheur, ou vous étiez fachée contre moi, 2 do c'est qu'en arrivant à Tiffliss je suis tombé malade d'une espèce de fièvre chaude et j'ai été alité pendant 3 semaines (avec cela complètement seul et presque sans argent) à présent je suis tout à fait bien portant quoiqu'un peu faible. Le reproche que vous me faites, excellente tante, pour mes trop grandes dépenses n'est pas mérité, je vous assure; pendant 8 mois j'ai dépensé 1000 r. arg. y compté le voyage de Russie et à Tiffliss. Si, Dieu aidant, je continue à mener ce train, j'éspère vers la fin de l'année avoir fait quelques économies et pouvoir payer quelques dettes, excepté celle de la banque. — Le retard de mes papiers m'a placé dans une position des plus désagréables; et mon plus ardent désir, est de les recevoir le plus tôt possible pour pouvoir suivre votre conseil et désir et entrer au service militaire. Vos conseils sont pour moi plus que des lois. — Je ne sais si le Caucase est un pays d'inspiration; mais bien sûr c'est un pays d'amour; puisque depuis que j'y suis non seulement j'ai commencé à aimer N[icol]as comme il le mérite; mais aussi Marie, les frères et surtout vous, à laquelle je pense nuit et jour et que j'aime plus qu'un fils peut aimer une mère.

L'argent que m'envoie André ne me sera pas suffisant pour aller rejoindre mes pénates à Старогладовская, pénates, qui me sont devenus encore plus attrayants par l'arrivée de mes gens, que je n'ai pas encore vus. De manière ou d'autre cependant, je compte emprunter ici, mais partir un de ces jours, ainsi adressez vos lettres à Кизляръ. — Si mes papiers arrivent il ne m'est plus nécessaire d'être présent ici; je puis être reçu sans cela. — Pour ce qui concerne Serge vous avez mille et mille fois raison, son état me cause de la peine. — Il restera pour sa vie ce qu'il est à présent. — C'était gentil à l'âge de 20, 22 ans, mais rester pour le reste de ses jours un помѣщикъ, enrouiller avec force chiens et chevaux, une amante Bohémienne [2] et rien de plus, n'est pas un avenir bien désirable pour un Comte Tolstoi. Au reste, qui sait, peut être que tout changera. La nouvelle que vous me donnez de Dmitri m'est très agréable, j'espère le trouver bien changé, quand je le reverrai. — Dieu donne seulement qu'il ne donne pas dans l'écart contraire de la dévotion,

c'est une chose que je crains pour lui, connaissant son caractère violent et vif. — Donnez moi je vous prie son adresse je voudrais lui écrire. — Nous lui avons écrit une lettre, [3] avec N[icol]as à une Station en Géorgie, et dont nous avons chargé un Prince Géorgien, qui allait à Koursk. Il est probable que cette lettre ne lui parviendra pas. — J'ai reçu il y a quelque jours une lettre de Val. et Marie datée du 30 Aout. [4] — C'est étonnant comme les postes vont mal de Кизляръ et bien de Tiffliss. Ici j'ai reçu dans 30 jours une réponse et là très souvent je n'en reçois pas dans deux mois. Ecrivez moi, chaque poste, chère tante. — Adieu je baise vos mains.

Ванюшка сейчасъ, съ глупой улыбкой, говоритъ мнѣ, «извольте написать, пожалуйста Т. А., что я у нихъ ручку цѣлую». «Они мнѣ приказывали», говоритъ, «помнить» и меня очень любятъ» — Ne montrez pas cette lettre à Serge; quoiqu'il me paraisse que c'est la pure vérité, que je dis de ce qui le concerne, cependant c'est une de ces choses, que je ne voudrais pas lui dire en face sans dorer la pillule. — J'ai un piano chez moi et pendant le tems de ma convalescence je me suis occupé de musique avec beaucoup de plaisir. Il y avait six mois que je n'avais pas touché une note. Bientôt il me faudra m'en séparer de nouveau, et c'est la seule privation qui m'est sensible, en menant à Старогл. un genre de vie, privé de toute espèce de comfort.

Le moine H. C. [5] est-il en vie? et quel genre de vie mène-t-il?

Vous ne me dites rien de vous-même, chère tante; ce n'est que d'après le cachet de poste que je conjecture, que vous êtes à Ясное. Quand vous verrez Marie et Valérien dites leur je vous prie, que je les prie de ne pas se défaire du petit vieux piano; mais que j'aurais voulu qu'ils le fassent transporter à Ясное, pour qu'il y ait toujours un instrument.

Le temps ici est très beau — il n'y a pas un brin de neige et il ne gèle un peu que la nuit, tandis que le jour on a chaud en paletot d'été.

На конверте:

Ея Высокоблагородію Татьянѣ Александровнѣ Ергольской. Въ Г. Тулу. Въ сельцо Ясную Поляну.

15 декабря.
Тифлис.

Только что получил ваше письмо, дорогая тетенька, и, чтобы выразить вам, какую радость я испытал, получив его после 4 месяцев вашего молча-

ния, скажу, что от счастья я плакал, как ребенок. — Правда, мое душевное состояние способствовало проявлению слабости. — Во 1-х, я думал, что, либо с вами случилось какое-нибудь несчастье, либо вы сердитесь на меня, во 2-х, по приезде в Тифлис я заболел чем-то в роде горячки и пролежал в постели 3 недели (при этом в полном одиночестве и почти без денег); теперь же я совершенно здоров, хотя еще слаб. Ваш упрек, чудесная тетенька, за большие траты мною не заслужен, уверяю вас; я истратил 1000 р. сер. за 8 месяцев, считая и путешествие по России и Тифлис. Ежели, с божьей помощью, я буду продолжать жить так же, надеюсь в конце года из сбережений уплатить некоторые долги, кроме банковского. — Задержка с моими бумагами поставила меня в пренеприятное положение, и я горячо желаю получить их как можно скорее, чтобы последовать вашему совету и поступить на военную службу. Ваши советы для меня сильнее закона. — Не знаю, является ли Кавказ страной вдохновения, но он несомненно страна любви, так как с тех пор, что я здесь, я не только полюбил Николеньку той любовью, какую он заслуживает, но также и Машеньку и братьев, главное же вас; о вас я думаю день и ночь и люблю сильнее, чем сын может любить мать. —

Денег, посланных мне Андреем, мне не хватит, чтобы вернуться к своим пенатам в *Старогладовскую*, а пенаты эти особенно теперь меня привлекают, с тех пор как приехали мои люди, которых я еще не видел. Так или иначе, рассчитываю занять денег здесь и выехать непременно, так что письма ваши адресуйте в *Кизляръ*. — Если прибудут мои бумаги, мое присутствие здесь не необходимо, я и так буду принят. — Относительно Сережи, вы тысячу раз правы, и положение его меня огорчает. — Чем он есть теперь, тем на всю жизнь останется. — Это мило в 20, 22 года, но до конца дней оставаться *помѣщикомъ* здесь, опуститься, иметь многочисленных собак и лошадей, любовницу-цыганку [2] и больше ничего, незавидная это будущность для графа Толстого. А, впрочем, как знать, может быть всё это изменится. То, что вы пишете о Митеньке, меня радует, и я надеюсь увидеть в нем большую перемену. Дай бог только, чтобы он не вдался в крайность противоположную набожности, этого я боюсь, зная его горячий и необузданный нрав. — Сообщите мне пожалуйста его адрес, я бы хотел ему написать. Мы с Николенькой написали ему на одной станции в Грузии письмо [3] и передали его некоему грузинскому князю, ехавшему в Курск. Возможно, что это письмо не дойдет до него. — Несколько дней тому назад я получил письмо от Валерьяна и Машеньки от 30 августа. — Удивительно, как из Кизляра почта плохо ходит, а из Тифлиса хорошо. Здесь я получил ответ на 30-й день, а там и через два месяца не дождешься. Пишите мне с каждой почтой, дорогая тетенька. — Прощайте, целую ваши ручки.

Ванюшка сейчасъ, съ глупой улыбкой, говоритъ мнѣ, «извольте написать, пожалуйста Т. А., что я у нихъ ручку цѣлую»... «Они мнѣ приказывали», говоритъ, «помнить» и меня очень любятъ». — Не показывайте этого письма Сереже, хотя то, что я говорю о нем, кажется мне истинной правдой, но это одна из тех вещей, которых я не хотел бы сказать ему в лицо, не позолотив пилюли. — У меня есть фортепьяно и выздоравливая я с удовольствием занимался музыкой. До этого я шесть месяцев не при-

трогивался к клавишам. Скоро придется опять бросать музыку, это единственное чувствительное для меня лишение в том образе жизни, который я веду в *Старогладковской* при полном отсутствии комфорта. —

Монах Н. С. [6] жив? Как он живет?

О себе вы ничего не пишете, дорогая тетенька, и только по почтовому штемпелю я догадываюсь, что вы в *Ясном*. Когда увидите Машеньку и Валерьяна, передайте им пожалуйста, что я прошу их не сбывать куданибудь старенького фортепьяно; пусть они доставят его в *Ясное*, чтобы там был инструмент.

Тут чудесная погода — снега совсем нет, и только ночью легкий морозец, а днем жарко и в летнем пальто. —

Печатается по автографу, хранящемуся в АТБ. Публикуется впервые. Год определяется почтовым штемпелем: «получено 1851 декабр. 31». На конверте рукой Т. А. Ергольской: «Получила 13 *Генваря 1852*».

[1] Это письмо не сохранилось.
[2] Марья Михайловна Шишкина. О ней см. прим. 15 к п. № 12.
[3] Это письмо не сохранилось.
[4] Это письмо не сохранилось.
[5] Николай Сергеевич Воейков. О нем см. прим. 5 к п. № 7.

* 52. Гр. С. Н. Толстому и М. М. Шишкиной.

1851 г. Декабря 23. Тифлис.

23 Декабря.
Тифлисъ.

Милый другъ Сережа!

Какъ жалко, что мы съ тобой не переписываемся! Что значитъ 20 или 30 гривенниковъ въ годъ и нѣсколько часовъ, посвѣщенныхъ на то, чтобы писать другъ другу? А сколько бы было удовольствія. — Я въ настоящую минуту до такой степени жаждую поболтать съ тобой про всякую дребедень, что ежели бы конвертъ стоилъ не 10 коп., а 30 р., я отдалъ бы послѣднее. Я пишу и завидую удовольствію, которое ты получишь, читая мое письмо. — На дняхъ давно желанный мною приказъ о зачисленіи меня феерверкеромъ въ 4 батарею долженъ состояться, и я буду имѣть удовольствіе дѣлать фрунтъ и провожать глазами мимо-ѣдущихъ офицеровъ и Генераловъ. Даже теперь, когда я прогуливаюсь по улицамъ въ своемъ Шармеровскомъ [1] пальто и въ складной шляпѣ, [за] которую я заплатилъ здѣсь 10 р., несмотря на всю свою величавость въ этой одеждѣ, я такъ привыкъ къ мысли скоро надѣть сѣрую шинель, что невольно правая рука хочетъ схватить за пружины складную шляпу

и опустить ее внизъ. — Да, Маша, [2] теперь, ежели ты проѣдешь мимо меня на извощикѣ съ Вензелемъ или Гельке, [3] я вытянусь въ струнку около тротуарнаго столба и буду стоять въ такомъ положеніи до тѣхъ поръ, покуда вы съ Вензелемъ скроетесь изъ моихъ глазъ. — Впрочемъ, ежели мое желаніе исполнится, то я въ день же своего опредѣленія уѣзжаю въ Старогладовскую, а оттуда тотчасъ-же въ походъ, гдѣ буду ходить и ѣздить въ тулупѣ или черкескѣ и тоже по мѣрѣ силъ моихъ буду способствовать съ помощію пушки къ истребленію *коварныхъ хищниковъ и непокорныхъ Авіятовъ*. — Marie dans sa dernière lettre [4] me parle de toi et de Маша (la bohemienne). Elle dit «ma tante m'a dit que pendant son sejour à Pirogovo elle n'a pas une seule fois aperçu *la sultane* et que c'est une preuve de la delicatesse de Serge, moi, dit Marie, je ne vois en ceci, qu'une preuve de froideur de la part de Serge et je plains beaucoup la pauvre fille si veritablement elle est delaissée, car je suis persuadée, que ce n'est pour l'argent qu'elle s'est donnée et qu'elle aime Serge». [5]

Каково разсуждаетъ недавно еще косолапая съ большими глазами и съ Англійской болѣзнью маленькая Машинька. Какъ мило, какъ умно, и какое чудесное сердце? Я съ ней совершенно согласенъ, и хотя я знаю, что рано или поздно вы должны разойдтись и что чѣмъ раньше, тѣмъ лучше это будетъ для тебя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, но всетаки когда *лопнетъ* не цѣпь, а тонкій волосокъ, который смыкаетъ сердца любовниковъ, между вами, мнѣ будетъ грустно за бѣдную *преступницу* Машу. — Что ее брюхо? —

Маша! Роди пожалуйста мальчика и назови его Львомъ и меня заочно выбери крестнымъ отцомъ, [6] хотя я задолжалый и погорѣлый помѣщикъ, но на послѣднія деньги на ризки куплю канаусу и пришлю. — Главное мнѣ этаго затѣмъ хочется, чтобы, когда я въ 1875 году пріѣду въ Москву опредѣлять сына и заѣду къ Цыганамъ вспомнить старину, найдти тамъ *дилижера* Льва Львовича (крестника). Сережа, ты видишь по письму моему, что я въ Тифлисѣ, куда пріѣхалъ еще 9 Ноября,[7] такъ что немного успѣлъ поохотиться съ собаками, которыхъ тамъ купилъ (въ Старогладовскѣ), а присланныхъ собакъ вовсѣ не видалъ. — Охота здѣсь чудо! Чистыя поля, болотцы, набитые русаками, и острова не изъ лѣса, а изъ камышу, въ которыхъ держутся лисицы. Я всего 9 разъ былъ въ полѣ, отъ ста-

ницы въ 10 и 15 верстахъ и съ двумя собаками, изъ которыхъ одна отличная, а другая дрянь, затравилъ 2-хъ лисицъ и русаковъ съ 60. — Какъ приѣду, такъ попробую травить козъ. — На охотахъ съ ружьями на кабановъ, олѣней я присутствовалъ неоднократно, но ничего самъ не убилъ. — Охота эта тоже очень пріятна, но, привыкнувъ охотиться съ борзыми, нельзя полюбить эту. — Также какъ, ежели кто привыкнулъ курить турецкой табакъ, нельзя полюбить Жуковъ, [8] хотя и можно спорить, что этотъ лучше. —

Я знаю твою слабость, ты вѣрно пожелаешь знать, кто здѣсь были и есть мои знакомые, и въ какихъ я съ ними отношеніяхъ. Долженъ тебѣ сказать, что этотъ пунктъ нисколько меня здѣсь не занимаетъ, но спѣшу удовлетворить тебя. — Въ батареѣ офицеровъ немного, поэтому я со всѣми знакомъ, но очень поверхностно, хотя и пользуюсь общимъ расположеніемъ, потому что у насъ съ Николинькой всегда есть для посѣтителей водка, вино и закуски; на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ составилось и поддерживается мое знакомство съ другими полковыми офицерами, съ которыми я имѣлъ случай познакомиться въ Старомъ Юртѣ (на водахъ, гдѣ я жилъ лѣто) [9] и въ набѣгѣ, въ которомъ я былъ. [10] — Хотя есть болѣе или менѣе порядочные люди, но такъ какъ я и безъ офицерскихъ бѣсѣдъ имѣю всегда болѣе интересныя занятія, я остаюсь со всѣми въ одинаковыхъ отношеніяхъ. Подполковникъ Алексѣевъ, [11] командиръ батареи, въ которую я поступаю, человѣкъ очень добрый и тщеславный. Послѣднимъ его недостаткомъ я, признаюсь, пользовался и пускалъ ему нѣкоторую пыль въ глаза — онъ мнѣ нуженъ. — Но и это я дѣлалъ невольно, въ чемъ и раскаиваюсь. — Съ людьми тщеславными самъ дѣлаешься тщеславенъ. Здѣсь въ Тифлисѣ у меня 3 человѣка знакомыхъ. — Больше я не пріобрѣлъ знакомствъ, вопервыхъ, потому что не желалъ, а во вторыхъ, потому что не имѣлъ къ тому случая — я почти все время былъ боленъ и недѣлю только что выхожу. — Первый знакомый мой Багратіон [12] Петербургскій (товарищъ Ферзена). [13] Здѣсь онъ очень важный Грузинскій Князь, но хотя и очень добръ и часто навѣщалъ меня во время моей болѣзни, я долженъ отдать ему справедливость, — онъ, какъ и всѣ Грузины, не отличается дальнимъ умомъ. — Второй Князь Барятинскій. [14] — Я познакомился съ нимъ въ набѣгѣ, въ которомъ подъ его командой участвовалъ и потомъ провелъ съ нимъ одинъ

день въ одномъ укрѣпленіи вмѣстѣ съ Ильей Толстымъ, [15] котораго я здѣсь встрѣтилъ. — Знакомство это безъ сомнѣнія не доставляетъ мнѣ большаго развлеченія, потому что ты понимаешь, на какой ногѣ можетъ быть знакомъ юнкеръ съ Генераломъ. Третій знакомый мой *помощникъ аптекаря*, разжалованный полякъ, презабавное созданіе. [16] — Я увѣренъ, что К. Барятинскій никогда не воображалъ, въ какомъ бы то ни было спискѣ, стоять рядомъ съ помощникомъ аптекаря, но вотъ-же случилось. Николинька здѣсь на отличной ногѣ: какъ начальники такъ и офицеры товарищи всѣ его любятъ и уважаютъ. Онъ пользуется сверхъ того репутаціей храбраго офицера. — Я его люблю больше чѣмъ когда либо и когда съ нимъ, то совершенно счастливъ, а безъ него скучаю. — Что Митинька? Я его очень дурно видѣлъ во снѣ 22 Декабря. Не случилось ли съ нимъ чего нибудь? Надѣюсь, что ты мнѣ отвѣтишь и напишешь про него, про себя, про свои отношенія съ Машей [17] и про разныя побочныя забавныя исторьи — про Чулковыхъ, [18] офицера, кот[орый] запрягалъ кузнецовъ, Овчинникова, [19] Андрея, кормилицу, [20] Пятакову [21] и т. п. — Да и про Гашу (Цыганку) [22] напиши, передай ей, что я мысленно дѣлаю съ ней чукмакъ семякъ и [23] желаю ей много лѣтъ здравствовать. — По Цыгански я совсѣмъ забылъ, потому что выучился по Татарски (но лучше чѣмъ я говорилъ по Цыгански), такъ что я сначала, говоря по Татар[ски], дополнялъ фразы Цыганскими словами, а теперь, встрѣтивъ Цыганку здѣсь, заговорилъ съ ней по Татарски. — Одно помню *камамату* [24] и говорю его тебѣ отъ души. — Прощай, больше ничего въ голову нейдетъ. Про Перфильевыхъ [25] и Дьякова, [26] что знаешь, напиши, я имъ обоимъ писалъ, [27] но боюсь, что они по глупости и лѣни не отвѣтятъ. — Возьми мой экипажъ (процентный) и пользуйся имъ, ежели онъ тебѣ годится, и, что хочешь, за него вычти изъ того, что я тебѣ долженъ. — Адресъ: *въ Кизлярской округъ, въ станицу Старогладовскую, въ Штабъ батарейной № 4 батареи 20 Артиллерійской бригады. На Кавказъ.*

Ежели въ Тулѣ есть Дагеротипъ, то пожалуйста пришли мнѣ свой портретъ. Пожалуйста. —

Узнай въ Депутатскомъ Собраніи, высланъ ли мой Указъ объ отставкѣ; [28] ежели не высланъ, то немедленно это сдѣлать.— *Очень нужно.* Ежели захочешь щегольнуть извѣстіями съ Кавказа, то можешь разсказывать, что второе лицо после Шамиля, [29]

нѣкто Хаджи-Муратъ,[30] на дняхъ передался Русскому правительству. Это былъ первый лихачь (джигитъ) и молодецъ во всей Чечнѣ, а сдѣлалъ подлость. — Еще можешь съ прискорбіемъ разсказывать о томъ, что на дняхъ убитъ извѣстный храбрый и умный Генералъ Слѣпцовъ.[31] — Ежели ты захочешь знать: *больно ли ему было*, то этаго не могу сказать. —

Печатается по автографу, хранящемуся в ГТМ. Впервые опубликованы отрывки из письма П. И. Бирюковым в Б, I, 1906, стр. 186—189; несколько бо́льшие отрывки даны П. А. Сергеенко в ПТС, I, стр. 14—16; еще более крупные отрывки даны в Бир., XX, 1913, стр. 18—20. Год письма определяется содержанием: Хаджи-Мурат предался русским в 20-х числах ноября 1851 г.

[1] Шармер — лучший в то время портной в Петербурге.

[2] Марья Михайловна Шишкина. О ней см. прим. 15 к п. № 12.

[3] Кто такие Вензель и Гельке, сказать не можем. О Гельке есть записи в дневнике Толстого: под 6 апреля 1851 г.: «сбивает меня очень мысль об истории с Гельке, нынче после обеда опишу ее» и под 8 авг. 1853 г.: «Вечером пришли все дурные воспоминания моей жизни: Гельке...»

[4] Это письмо не сохранилось.

[5] Машенька в своем последнем письме говорит мне о тебе и Маше (цыганке). Она говорит: «Тетенька мне сказала, что во время своего пребывания в Пирогове она ни разу не встретила *султаншу*, и что это есть доказательство деликатности Сережи. Я, говорит Машенька, не вижу в этом ничего, кроме доказательства холодности со стороны Сережи, и я очень жалею бедную девушку, если она действительно брошена, потому что я убеждена, что она отдалась не из-за денег и что она любит Сережу».

[6] Марья Михайловна была беременна первым ребенком, сыном Николаем, умершим в детстве.

[7] Толстой ошибся: в Тифлис он с гр. Н. Н. Толстым приехал 1 ноября (о чем см. п. № 49) и 9 ноября уехал из Тифлиса Николай Николаевич.

[8] Жукова табачная фабрика.

[9] См. п. № 45.

[10] В дневнике под 3 июля 1851 г. Толстой записывает: «Был в набеге, то же действовал нехорошо: бессознательно и трусил Барятинского». Точных сведений об этом набеге, в котором Толстой участвовал в качестве волонтера, еще не надев мундира, мы не имеем. В книге Янжула «Восемьдесят лет боевой и мирной жизни 20-й Артиллерийской бригады, Тифлис, 1886—1887» читаем: «Летом 1851 г. войска левого фланга были собраны снова под начальством ген.-м. князя Барятинского. В составе артиллерии находились, между прочим, четыре орудия батарейной № 4 батареи, которыми командовали капитан Хилковский, поручик гр. Н. Н. Толстой и подпоручик Сулимовский, ракетная команда подпоручика Ладыженского и вся легкая № 5 батарея, под начальством капитана Янова с поручиком Парчевским и подпоручиком Рычковым» (т. II, стр. 88). Из произведенных этим отрядом более значительных набегов у Янжула

Упоминается только движение отряда кавалерии при 19 орудиях к сс. Автурам и Герменчуку 27 и 28 июня, но 4 батарея в нем не принимала участия. Повидимому, этот поход и послужил материалом для рассказа «Набег».

[11] Никита Петрович Алексеев. О нем см. прим. 4 к п. № 45.

[12] О каком Багратионе идет речь, сказать не можем. О нем же упоминает Толстой в письме № 53.

[13] Герман Егорович Ферзен. О нем см. прим. 2 к п. № 12.

[14] Кн. Александр Иванович Барятинский. О нем см. прим. к п. № 77.

[15] Гр. Илья Андреевич Толстой (1813—1879) — двоюродный дядя Толстого.

[16] Кто был помощником аптекаря, выяснить не удалось.

[17] Марья Михайловна Шишкина.

[18] Вероятно брат упоминавшихся в пп. №№ 30 и 42 Чулковых, Николай Алексеевич Чулков (1823—1890), тульский помещик, женатый вторым браком (с 3 сентября 1850 г.) на дочери ген.-лейт. Любови Александровне Волковой (р. в 1829 г.).

[19] Кто такой Овчинников, сказать не можем.

[20] Кормилицей Толстого была крестьянка Ясной Поляны, Авдотья Никитична Зябрева (18..—1868), жена Осипа Наумовича Зябрева, по преданию получившего ряд льгот от отца Толстого в связи с поступлением его жены в мамки Льва Николаевича. Толстой до конца ее жизни поддерживал с ней отношения.

[21] Кто такая Пятакова, сказать не можем.

[22] Гаша — тульская цыганка, подруга Марьи Михайловны Шишкиной.

[23] «Чукмак-семяк» — по-цыгански такого выражения нет.

[24] «Камама ту» — по-цыгански: люблю тебя.

[25] Василий Степанович и Прасковья Федоровна Перфильевы. О них см. прим. 4 к п. № 6.

[26] Дмитрий Александрович Дьяков. О нем см. прим. 4 к п. № 9.

[27] Письма эти не сохранились.

[28] Высочайший приказ об увольнении Толстого от гражданской службы (в канцелярии Тульского дворянского депутатского собрания) состоялся 15 ноября 1851 г.

[29] Шамиль (1797—1874) — знаменитый вождь и объединитель горцев Дагестана и Чечни в их борьбе с русскими, руководил этой борьбой в 1834—1859 гг., когда принужден был сдаться русским.

[30] Хаджи-Мурат (18..—1852) — знаменитый вождь аварского народа, жизнь которого описана Толстым в известном рассказе «Хаджи-Мурат». Передался он русским в 20-х числах ноября 1851 г. См. о нем: в статье и примечании Н. О. Лернера в кн.: «Гр. Л. Н. Толстой. Хаджи-Мурат». Иллюстрации Е. Е. Лансере. Вступительная статья и редакция Н. О. Лернера. Изд. т-ва Р. Голике и А. Вильборг, 2-е Пгр. 1918. См. еще: Гулла и Казанбий Хаджи-Мурат «Хаджи-Мурат. Мемуары». Запись Гамзата Ясулова. Предисловие А. А. Тахо-Годи. Изд. Дагестанского научно-исследовательского института. Махач-Кала. 1927.

[31] Николай Павлович Слепцов (р. 1815 г.), один из выдающихся деятелей кавказских войн, с января 1845 г. командир 1 Сунженского линейного

казачьего полка, в 1841—1851 гг. одержавший ряд побед над войсками Шамиля, был убит в бою на берегу реки Гехи 10 декабря 1851 г.

* 53. Т. А. Ергольской.

1851 г. Декабря 28—1852 г. Января 3. Тифлис.

28 Décembre.
Tiffliss.

Chère Tante!

Il faut avouer, que j'ai une veine de malheur dans tout ce que j'entreprends. — *Malheur* n'est pas le mot; puisque Dieu merci, je n'en ai pas encore éprouvé; mais c'est un guignon étonnant, qui me poursuit toujours et partout. — Je n'ai qu'à me rappeler les désappointements, que j'ai éprouvés dans le *хозяйство*, mes examens commencés et que je n'ai pas pu terminer, la mauvaise chance, continuelle, que j'ai eu quand j'ai joué et une quantité d'autres plans, qui ont tou[t]s manqué. — J'avoue, que dans la plupart de ces revers dont je me plains je puis m'accuser moi-même autant que la fortune; mais il n'en est pas moins vrai, qu'il existe un petit démon, qui s'occupe continuellement à me faire des vexations, et faire échouer toutes mes entreprises. — Votre excellente lettre (à laquelle j'ai repondu le même jour) [1] a en effet été suivie de près de l'argent que j'attendais d'André. — Après avoir payé mes petites dettes, pris une *подорожная*, quatre jours après, j'étais prêt à partir; mais comme le même jour (le 19 Décembre) devait arriver la poste de Кизляръ, je me suis dit qu'il valait mieux attendre une lettre de Nicolas qui devait m'arriver avec cette poste. — En effet le 19 je reçus une longue epître de Nicolas, [2] dans laquelle entre autres choses, il m'écrit «съ этой же почтой Алексѣевъ [3] (батар. командиръ) посылаетъ тебѣ твои бумаги: Метр. Свид. Свид. о происх. и аттестатъ». J'ai donc tout de suite envoyé à la poste, pour savoir, si ces papiers y étaient, mais il n'y avait rien. — Je suis allé le même jour à la chancellerie du Général Brimer [4] pour demander si les papiers dont me parle N[icol]as seront suffisants, on m'a répondu, que si l'*Указъ объ отставкѣ*, [5] n'y est pas, je ne pourrai pas être reçu; mais que probablement il devait y être. Connaissant la négligence de N[icol]as en affaires et croyant qu'il avait oublié de me parler de ce papier, je me suis decidé à attendre la poste suivante, qui devait arriver dans deux jours. D'autant plus, que

pendant mon séjour j'avais arrangé tous les autres papiers, j'avais fait mon examen, le certificat du docteur et autres formalités étaient remplies, de sorte que si je recevais tous les papiers exigés, je pouvais être reçu le même jour. — Vous pouvez vous figurer avec quelle impatience j'attendais la poste; mais quoique nous nous erintons Ванюшка [6] et moi depuis 8 jours à y aller tous les jours, quatre postes sont arrivées, et les papiers promis la même poste, que la lettre, n'arrivent pas. Cependant je ne pouvais pas partir sans savoir si l'*Указъ* y est ou non; puisque dans le cas qu'il n'y est pas, j'avais l'espoir à l'aide de la protection de Bariatinsky [7] ou de Brimer, [d']arranger cette affaire sans ce papier; mais je ne pouvais pas m'adresser à eux, sans savoir, si le papier est envoyé ou non et sans avoir reçu les autres.— A présent je n'ai plus même cet espoir; puisque l'un — Bariatinsky est parti et l'autre, Brimer, est tombé malade et ne reçoit personne. Comme j'avais juste ce qu'il me fallait d'argent pour partir, après avoir fait quelques dépenses indispensables pendant ces 8 jours, je ne puis plus partir; avant de recevoir de l'argent que Nicolas m'a promis d'envoyer. — Vous ne sauriez croire, chère tante, combien tout cela m'est désagréable, d'autant plus, que dans tou[t]s les cas, j'ai pris la résolution d'entrer au service militaire, résolution dans laquelle votre lettre m'a décidé à persister.

Je ne vous parle pas encore de différents petits désagréments, qui sont venus se joindre à celui la, pour ne pas donner à cette lettre une *teinte trop sombre.*

Voilà un manque de délicatesse et de l'égoisme de ma part — de vous écrire tout cela. — En confiant mes petits malheurs à une personne dont je me sais tendrement aimé je sens diminuer mon chagrin; mais je ne pense pas à l'inquiétude que cela vous causera. — Pardonnez moi ce manque de délicatesse et ne vous inquiétez pas trop de moi. — Je m'en tirerai autant bien que possible. — Demain arrive encore une poste, je suis décidé à l'attendre. S'il me m'arrive rien, je tâcherai de trouver de l'argent et partir; si je n'en trouve pas, je tâcherai d'attendre patiemment. — Adieu, chère tante, je baise vos mains.

Ma santé est bonne; mais mon humeur est chagrine. — Voilà deux mois, que je suis séparé de N[icol]as; et il me parait qu'il y a déjà deux ans; tant j'ai envie de le revoir. Adressez vos lettres à Кизляръ.

Cette lettre n'a pas été reçue à la poste aujourd'hui — il était trop tard. Tant mieux; puisque je puis vous donner la nouvelle, de l'arrivée de mes papiers; mais le papier principal n'y est pas. — Il est déjà tard, je ne sortirai donc pas aujourd'hui — *утро вечера мудренье*; mais demain je compte faire tout ce qu'il est possible, pour pouvoir être reçu et partir; je vous informerai dans cette même lettre du succès de mes démarches.

Hier, le 29, le tems a été si mauvais, que je n'ai pu faire toutes les courses, que je m'étais proposées. Celles que j'ai faites ont été sans succès. Aujourd'hui, on m'a formellement refusé; mais je ne perds pas courage et je vais tout de suite chez Brimer, duquel enfin malgré sa maladie, j'ai obtenu une audience.

30. Le Général Brimer est très malade et ne m'a pas reçu. De chez lui, désespérant de voir jamais cette affaire terminée et fâché contre tout le monde je suis allé chez le prince Bagration [8] et je lui ai conté ma peine. — Comme c'est un très brave homme il a voulu m'aider et m'a engagé d'aller avec lui chez le Gen. Wolff [9] chef de l'état major et par conséquent aussi le chef de Brimer. — Celui-là après que je lui ai exposé mon affaire m'a tout de suite promis, que tout serait fait dans quelques jours. — Me voilà donc de nouveau obligé à attendre, mais pour cette fois, au moins ce ne sera pas pour rien. —

31. Ce matin je suis allé à l'état major. — On m'a dit que probablement le General Wolff s'était trompé puisque cette affaire ne le concerne pas. — De nouveau j'ai désesperé et de nouveau je suis allé chez Wolff pour lui demander l'explication de ce mésentendu. — Il m'a dit, qu'il ne s'était pas trompé et que je n'avais qu'à présenter ma supplique; [10] mais comme la chancellerie a été fermée, je n'ai pas eu le temps de la présenter aujourd'hui et comme demain c'est le jour de l'an et qu'on ne s'occupe pas d'affaires, voilà de nouveau l'affaire en suspens et, ce qui plus, est incertaine. Je n'ai jamais cru avoir assez de patience pour pouvoir supporter tous ces désagréments. Depuis 5 mois, malgré toutes mes démarches non seulement je n'ai rien obtenu; mais je ne sais rien de positif. — Le petit démon, chargé de me chicaner ne cesse de s'amuser à mes dépens. — *Patience et longueur de tems...* voila en quoi j'espère. — J'aime mieux retarder l'envoi de cette lettre jusqu'à vendredi; mais au moins pouvoir vous dire, quelque chose de positif au sujet de mon affaire. — Demain c'est le jour de l'an et je vous en félicite; quoique malheu-

reusement je ne puisse le faire de vive voix comme l'anéee dernière. — Ce fut un moment bien agréable pour moi, quand je vins la nuit du nouvel an et le jour de la naissance de Nicolas, [11] vous surprendre;

2 *Janvier.* Encore deux jours passés dans l'incertitude, l'attente et l'ennui. Je ne puis m'occuper de rien; ni penser à autre chose qu'à mon affaire. Mes affaires financières sont aussi dans un malheureux état. Ayez la bonté de dire à André qu'il m'envoie, *le plus tôt possible* 80 r. arg. ici à Tiffliss. Si je parviens à partir sans cet argent, j'ai donné mon adresse à la poste et on me l'enverra. — Pour cette fois il ne peut pas dire, que je lui demande de l'argent d'une manière imprévue. — Эти 80 р. пусть онъ мнѣ пришлетъ, изъ числа тѣхъ 200 р. которые я ему приказывалъ выслать на имя Николиньки. —

3 Janvier. Enfin aujourd'hui j'ai reçu l'ordre de partir pour rejoindre ma batterie et je ne suis plus колеж-регистр.; mais ферверкеръ 4-го класса. [12] Vous ne sauriez [croire] combien cela me fait plaisir. — Combien de gens dans la même position que moi, auraient envisagé pour le [plus] grand des malheurs, ce que je regarde comme la chose au monde la plus agréable. — Ce n'est pas par enfantillage que je trouve tant de plaisir à endosser l'uniforme de soldat; mais je suis content parceque enfin je réussis dans une chose à laquelle je travaillais et que je desirais depuis bien longtems, parceque rien ne me retient plus à Tiffliss où je m'ennuie à mourir, parceque je sais que cela vous fera plaisir et aussi parceque je suis content de n'être plus libre. — Il vous paraîtra peut-être étrange, que je désire ne pas être libre. — Il y a trop longtems que je suis libre en tout; et il me paraît, que cet excès de liberté est la cause principale de mes fautes et que c'est même un mal. — *Rien de trop.* — Voilà une maxime que je voudrais bien suivre en tout. — Je vous écris *rien ne me retient à Tiffliss.* — Ce n'est pas vrai: l'impossibilité de partir m'y retient. Je n'ai, littéralement, pas le sou. — Ne vous alarmez pas, j'espère trouver assez d'argent pour vivre et peut-être même pour partir. — Dans tous les cas je compte beaucoup, sur les 80-r., que je demande à André. — Je viens de relire toute cette lettre et je la trouve très-stupide, mais elle est longue, et c'est pour cela que je me décide à vous l'envoyer. — Comme c'est un grand plaisir d'avoir une personne à laquelle on peut écrire tout ce qui vous passe par la tête, sans fausse honte, sans arrière pensées, comme je le fais pour vous. —

Vous connaissez trop bien tous mes défauts pour que je tâche de cacher ceux de ma lettre et vous avez trop d'affection pour moi et vous êtes trop bonne, pour ne pas me les pardonner. Adieu, chère et bonne tante, je vous baise mille fois les mains et vous félicite encore une fois sur le nouvel an en vous désirant pas le bonheur (le bonheur cela ne veut rien dire), mais je désire que cette année ne vous apporte point de nouveaux chagrins, mais [qu']au contraire qu'elle vous apporte de plus douces consolations que celles que vous avez éprouvées, et surtout une bonne santé et que rien ne vienne vous troubler et vous agiter. — Dieu sait, si cette année j'aurai le bonheur de vous voir? Le service et les *finances* peuvent m'en empêcher. C'est une affaire qui se décidera vers le mois de Juillet; mais dans tous le cas j'y tâcherai. — Vous dites toujours «что не надо загадывать» et vous avez raison. Зачѣмъ загадывать, когда все 20 разъ можетъ перемѣниться и къ лучшему и къ худшему.

28 декабря.
Тифлис.

Дорогая тетенька!

Надо сознаться, что мне не везет во всем, что я предпринимаю. — Не то, чтобы *несчастие*; благодаря богу я его еще не испытал, но меня преследует удивительная неудача всюду и всегда. — Стоит припомнить разочарования мои в **хозяйствѣ**, начатые экзамены, которых я не мог закончить, постоянное несчастие в игре и все неудавшиеся планы. — Положим, что в большинстве этих неудач я должен винить не одну судьбу, а и себя, но тем не менее существует какой-то бесенок, который непрерывно досаждает мне и разрушает всё, что я предпринимаю. — Вслед за вашим чудесным письмом (на которое я в тот же день ответил) [1] я получил ожидаемые мною деньги от Андрея. — Расплатившись с мелкими долгами, взяв **подорожную**, четыре дня спустя я был готов к отъезду, но так как в этот день (19 декабря) приходит почта из Кизляра, то я решил лучше подождать письма от Николеньки, которое должно было притти с этой почтой. — И точно, 19-го я получил от него [2] длинное послание, в котором он пишет, между прочим, что «*съ этой же почтой Алексѣевъ [3] (батар. командиръ) посылаетъ тебѣ твои бумаги: метр. свид. о происх. и аттестатъ»*. Я тотчас же послал на почту, чтобы узнать, прибыли ли бумаги, но ничего не оказалось. — В тот же день я пошел узнать в канцелярии генерала Бримера, [4] достаточно ли тех бумаг, о которых мне пишет Николенька; ответили, что без *указа объ отставкѣ [5]* я не смогу быть принятым, но что вероятно он находится при бумагах. Зная беспечность Николеньки в делах, я подумал, что он забыл упомянуть об указе, и решил дождаться следующей почты, которая должна была притти через два дня. Тем более, что за это время я выправил все остальные бумаги, выдержал экзамен, получил свидетельство врача, и прочие формальности были

тоже исполнены, таким образом, ежели бы пришли все требуемые бумаги, я мог быть принят в тот же день на службу. — Вы можете себе представить, с каким нетерпением я ждал почты. Но хотя мы с *Ванюшкой* [6] измучились, бегая в течение 8 дней ежедневно на почту — прибыли четыре почты, а бумаг, обещанных одновременно с письмом, всё нет. Между тем, я уехать не мог, не зная, выслан ли *Указъ*; в противном случае я надеялся с протекцией Барятинского [7] или Бримера уладить дело и без этой бумаги, но я не мог обращаться к ним, не зная, послана ли бумага или нет, да и не получив остальных бумаг. — Теперь и эта надежда рушится; Барятинский уехал, Бример заболел и никого не принимает. Денег мне хватало только на отъезд; за 8 дней пришлось тратиться на необходимое, и теперь уехать я не могу до получения денег, которые обещал мне выслать Николенька. — Вы не можете себе представить, дорогая тетенька, до чего мне это неприятно, тем более, что я решил поступить на военную службу, и ваше письмо поддерживает меня в этом намерении. —

Не упоминаю еще о разных мелких неприятностях, случившихся за это время, чтобы письмо не вышло *чересчур мрачным*. —

Неделикатно и эгоистично с моей стороны писать вам всё это. Поверяя свои маленькие невзгоды человеку, искренно меня любящему, я облегчаю свою печаль, но я не считаюсь с тем, что вас я волную. Простите меня за такой недостаток деликатности и не волнуйтесь очень за меня. — Как нибудь да выберусь. — Завтра опять почтовый день, и я решил его ждать. Ежели ничего не получу, попытаюсь раздобыть денег и уехать; ежели не раздобуду, постараюсь терпеливо ждать еще. — Прощайте, дорогая тетенька, целую ваши ручки.

Я здоров, но грустен. — Расстался я с Николенькой всего два месяца, а мне кажется, что уже два года, так мне хочется его видеть. Письма адресуйте в *Кизляръ*.

Сегодня не приняли этого письма — было поздно. Тем лучше; могу вас уведомить, что бумаги прибыли, а главной нет. — Уже поздно, и я сегодня никуда не пойду — *утро вечера мудренѣе*; завтра же сделаю всё, что возможно, чтобы меня приняли на службу, и уеду; в этом же письме сообщу вам о результатах моих хлопот.

Вчера, 29-го, погода была плохая, и я не везде побывал, где хотел. Там, где был, удачи не было. Сегодня получил официальный отказ; я не отчаиваюсь и отправляюсь сейчас к Бримеру, у которого, несмотря на то, что он болен, мне обещан прием.

30. Генерал Бример очень болен и меня не принял. От него, не предвидя конца этому делу и злясь на всех, я отправился к князю Багратиону, [8] которому и изложил свое горе. — Так как он хороший человек, он захотел мне помочь и предложил ехать с ним к ген. Вольфу, [9] начальнику главного штаба и поэтому начальнику и Бримера. — Последний, когда я передал ему свое дело, тотчас пообещал мне, что всё будет улажено через несколько дней. Приходится, стало быть, опять выжидать, но, по крайней мере, не по пустому. —

31. Утром пошел я в главный штаб. Там мне сказали, что генерал Вольф вероятно ошибся, так как это дело его не касается. — Вновь я отчаивался и вновь отправился к Вольфу, прося его разъяснить это

недоразумение. — Он сказал мне, что он вовсе не ошибся, и чтобы я подавал сейчас же свое прошение. [10] Однако канцелярия была закрыта, и сегодня я это не успел исполнить, завтра, по случаю нового года, присутствия нет, дело вновь висит в воздухе, и успех далеко не обеспечен. Никогда не думал, что у меня хватит терпения перенести все эти неприятности. В продолжение 5 месяцев после всех моих хлопот не только я ничего не достиг, но даже положительного ответа не могу добиться.

Бесенок, которому поручено мне вредить, не перестает издеваться надо мной. *Терпение и время...* вот на что я надеюсь. — Лучше мне задержать это письмо до пятницы и сообщить вам что-нибудь вернее насчет моего дела. — Завтра новый год, поздравляю вас, но к сожалению только письменно, а не на словах, как в прошлом году. Как было хорошо, когда в ночь на новый год и в день рождения Николеньки [11] я приехал к вам сюрпризом.

2 января. Еще два дня неизвестности, ожидания и скуки. Ничем не могу заниматься, ни о чем думать, кроме как о своем деле. Денежные мои дела в плохом положении. Будьте добры сказать Андрею, чтобы он *как можно скорее* выслал мне 80 р. сер. сюда в Тифлис. Ежели мне удастся выехать без этих денег, то по оставленному на почте адресу мне деньги перешлют. — На этот раз он не сможет сказать, что деньги я выписываю неожиданно. *Эти 80 р. пусть онъ мнѣ пришлетъ, изъ числа тѣхъ 200 р., которые я ему приказывалъ выслать на имя Николеньки*. —

3 января. Наконец сегодня получил приказ отправиться к своей батарее, и я больше не *коллеж.-регистр.*, а *ферверкеръ 4-го класса*. Вы не поверите, какое это доставляет мне удовольствие. — Сколько людей в моем положении сочли бы это большим несчастием, а для меня это приятнейшая вещь на свете. — Мне весело надеть солдатский мундир вовсе не из ребячества, а потому, что я счастлив, что наконец добился того, о чем старался и чего желал давно, что больше ничто меня не задерживает в Тифлисе, где я смертельно скучаю, что я знаю, что и вы будете этим довольны и еще, что я рад не быть больше свободным. — Вам покажется странным мое желание не быть свободным. — Дело в том, что слишком давно я всячески свободен, и мне кажется, что излишек свободы — причина большинства моих погрешностей и что она даже зло. — *Без чрезмерностей.* — Вот принцип, которому я желал бы следовать во всем. — Я сказал, что *ничто меня не задерживает в Тифлисе.* — Это неправда: задерживает меня невозможность выехать. Я буквально без копейки. — Не пугайтесь, я надеюсь раздобыть денег на прожитье и может быть даже на отъезд. — Но очень рассчитываю на 80 р., которые должен выслать Андрей. — Перечел это письмо и нахожу его глупейшим, но потому, что оно длинное, решаюсь его послать. — Какое огромное удовольствие, когда есть кому писать всё, что взбредет в голову, без ложного стыда, без задней мысли, как я вам пишу. —

Вы так хорошо знаете все мои недостатки, что мне не к чему скрывать их в своем письме, вы так любите меня и так добры, что вы мне их простите. Прощайте, дорогая и добрая тетенька, тысячу раз целую ваши руки, еще раз поздравляю вас с новым годом, желая вам не счастья (слово счастье ничего не значит), а желаю, чтобы наступивший год принес вам не новые горести, а, напротив, такие утешения, которых вы еще не испытывали.

Главное же, чтобы вы были здоровы и чтобы ничто вас не тревожило и не волновало. — Бог знает, буду ли я иметь счастье вас видеть в этом году. Мне может помешать служба и денежные дела. Это выяснится приблизительно к июлю. Во всяком случае я буду стараться. — Вы всегда говорите, *«что не надо загадывать»* и вы правы. *Зачѣмъ загадывать, когда все 20 разъ можетъ перемѣниться и къ лучшему и къ худшему*.

Печатается по автографу, хранящемуся в АТБ. Публикуется впервые. Год определяется содержанием: прошение на высочайшее имя об определении Толстого на службу в 20 полевую артиллерийскую бригаду помечено 31 декабря 1851 г.

[1] Письмо Толстого Т. А. Ергольской от 15 декабря № 51.

[2] Это письмо гр. Н. Н. Толстого от 6 декабря сохранилось вероятно не полностью, так как то, что сохранилось, нельзя назвать «длинным письмом». Приводим это письмо:

«Я хотел тебе писать длинное письмо, но завтра идет почта, а сегодня до сих пор мне было всё некогда, а теперь 11-й час, и мне хочется спать. Впрочем, может быть я завтра еще припишу тебе несколько слов. Джиранов тебе кланяется, он стоит у нас в Старогладковской и живет со мной на твоей квартире, которой архитектурой он очень недоволен. *А еще Лев Николаевич говорил мне, что он архитектор.* Посылаю тебе письмо Валериана, на которое я еще не отвечал, письмо от Андрея и 50 руб. денег. Я из твоих денег оставил себе 50; ежели ты не приедешь к празднику, лучше сказать к 20 числу, то это будет значить, что тебе не с чем выехать, и тогда я пришлю тебе еще; к тому времени я должен получить от Петров. Бумаги твои: *Метрическое свидетельство, свидетельство от университета и свидетельство о происхождении Алексеев* получил и посылает с этой почтой на твое имя, через управление начальника артиллерии, следовательно, ежели ты не переменил намерения, то ты успеешь определиться и приехать прямо к походу. Мы выступаем 5 генваря, а еще раньше, т. е. на 26 отправлюсь в Грозную. *Балта* был у меня и очень подружился с косым Алёшкой; со слов его он еще прибавил к песне новый куплет: *Андрюшка плут, Танька бигёт и Анютка бигёт.* Я что-то много хотел тебе писать, но теперь как-то ничего нейдет в голову. Пиши мне поскорее, что ты делаешь и что намерен делать. Это главное. Не переменил ли ты своих намерений. Нет ли новых. Письмо мое начинает принимать стенографическое свойство, и я останавливаюсь. Прощай, мой друг. Еще вопрос: *каково твое здоровье?*» (Письмо не опубликовано; подлинник в АТБ.)

[3] Никита Петрович Алексеев. О нем см. прим. 4 к п. № 45.

[4] Эдуард Владимирович Бриммер. О нем см. прим. 2 к п. № 49.

[5] См. предыдущее письмо № 52.

[6] Иван Васильевич Суворов. О нем см. прим. 5 к п. № 50.

[7] Кн. Александр Иванович Барятинский. О нем см. прим. к п. № 77.

[8] О Багратионе см. прим. 4 к п. № 49.

[9] Николай Иванович Вольф (1811—1881), ген.-майор, обер-квартирмейстер отдельного Кавказского Корпуса и помощник начальника главного штаба при кн. М. С. Воронцове.

[10] Представление начальнику артиллерии Отдельного Кавказского

корпуса прошения на высочайшее имя об определении Толстого на службу в 20 полевую артиллерийскую бригаду помечено 31 декабря 1851 г.

[11] Племянник Толстого, сын гр. Марьи Николаевны Толстой.

[12] 3 января 1852 г. Толстой сдал экзамен на юнкера при штабе Кавказской гренадерской артиллерийской бригады в урочище Мухровань Тифлисского уезда.

54. Прошение об определении на военную службу.

1851 г. Декабря 31. Тифлис.

Всепресвѣтлѣйшій, державнѣйшій, великій государь Императоръ Николай Павловичъ, самодержецъ Всероссійскій, государь всемилостивѣйшій.

Проситъ коллежскій регистраторъ графъ Левъ Николаевичъ сынъ Толстой о нижеслѣдующемъ:

Уволившись отъ службы изъ Тульскаго Дворянскаго Депутатскаго Собранія, — я имѣю ревностное желаніе вступить въ военную Вашего Императорскаго Величества службу; — почему поднося у сего слѣдующіе документы: 1-е, Метрическое свидѣтельство о рожденіи и крещеніи за № 252-мъ, 2-е, Медицинское свидѣтельство о здоровомъ тѣлосложеніи моемъ и способности къ военной службѣ за № 12-мъ, 3-е, Свидѣтельство о наукахъ, данное мнѣ изъ Правленія Казанскаго Университета за № 999-мъ, 4-е, Свидѣтельство правящаго должность Губернскаго Тульскаго Предводителя дворянства въ томъ, что я въ состояніи содержать себя въ пѣшей или конной артиллеріи и кавалеріи за № 599-мъ, 5-е, Два отношенія Тульскаго Дворянскаго Депутатскаго собранія за № 552-мъ и 556-мъ по предмету увольненія меня отъ гражданской службы, а также Указъ объ отставкѣ моей за № 93, 6-е, Копію протокола о дворянскомъ и графскомъ моемъ происхожденіи за № 267-мъ, и 7-е, Подписку о непринадлежности къ тайнымъ обществамъ, — всеподданнѣйше прошу.

Дабы повелѣно было сіе мое прошеніе принять и меня именованнаго опредѣлить на службу в 20-ю Полевую Артиллерійскую бригаду. — Къ поданію надлежитъ начальнику Артиллеріи Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса. — Г. Тифлисъ, Декабря 31-го дня 1851-го года.

Прошеніе сіе сочинялъ самъ проситель и набѣло переписывалъ 21-й Артиллерійской Бригады Горной № 4 батареи фейерверкеръ 2-го класса Григорій Васильевъ, сынъ Домницкій 2-й. — К сему прошению Коллежскій Регистраторъ, графъ Левъ Николаевъ сынъ Толстой, руку приложилъ.

Печатается по подлиннику в «деле» военно-исторического архива, хранящегося в Москве в Центрархиве (Ф. М. И. д. № 348 — 1852). Рукою Толстого написано лишь со слов: «К сему прошению Коллежский регистратор...». Публикуется впервые. На обложке не казенного образца, в которую вшиты документы, а в число их и прошение Толстого, значится: «По отношению начальника Артиллерии Кавказского корпуса о происхождении определенного в Батарейную № 4 батарею графа Льва Толстого», л. 3. Из дела можно заключить, что прошение Толстого поступило в Инспекторский Департамент Военного Министерства при рапорте Начальника артиллерии отдельного Кавказского Корпуса за № 431 от 15 февраля 1852 г.

В этом рапорте указано, что Толстой, согласно его прошениям по выдержании экзамена при Кавказской гренадерской артиллерийской бригаде «определен мною на службу впредь до рассмотрения в инспекторском департаменте Военного Министерства документов о его происхождении, на правах вольноопределяющегося фейерверкером 4-го класса в батарейную № 4 батарею». Перечислив представленные документы и прося разрешить Толстому служить, автор рапорта в заключение удостоверяет: «подписка же, значащаяся в прошении, о непринадлежности ни к каким массонским ложам и другим тайным обществам... оставлена для хранения при делах моего Управления».

На л. 28 отпуск отношения инспекторского департамента от 31 октября 1853 г. за № 28669 на имя Командира 4 батареи 20 артиллерийской бригады, в котором сказано, что «фейерверкера... Толстого следует считать из дворян и именовать графом, согласно с указом Правит. Сената от 11 октября с. г. № 7727 и считать в службе означенного графа Толстого на основании 1 пункта 503 статьи 5-го тома Св. Воен. Постановлений».

1852

* 55. Т. А. Ергольской.

1852 г. Января 6. Тифлис.

6 Janvier Tiffliss.

Chère tante!

Je viens de recevoir votre lettre du 24 Novembre, [1] et je vous y réponds le moment même (comme j'en ai pris l'habitude). — Dernièrement je vous écrivais, que votre lettre m'a fait pleurer et j'accusai ma maladie de cette faiblesse. — J'ai eu tort: toutes vos lettres me font depuis quelque tems le même effet. — J'ai toujours été *Лёва рева;* auparavant cette faiblesse me faisait honte; mais les larmes que je verse en pensant à vous et à votre amour pour nous, sont tellement douces, que je les laisse couler, sans aucune fausse honte. — Votre lettre est trop pleine de tristesse, pour qu'elle ne produise pas sur moi le même effet. C'est vous qui toujours m'avez donné des conseils; et quoique malheureusement quelquefois je ne les aie pas suivi, je voudrais toute ma vie n'agir que d'après vos avis; mais permettez moi, pour le moment, à vous dire l'effet qu'a produit sur moi votre lettre et les idées qui me sont venus en la lisant. — Si je vous parle trop franchement, je sais que vous me pardonnerez en faveur de l'amour que j'ai pour vous. En disant que c'est votre tour de nous quitter, pour aller rejoindre ceux qui ne sont plus et que vous avez tant aimé, en disant que vous demandez à Dieu de mettre un terme à votre existence, qui vous semble si insupportable et isolée, pardon chère tante; mais il me parait qu'en disant cela vous offensez Dieu et moi et nous tous qui vous aiment tant. Vous demandez à Dieu la mort c. à d. le plus grand malheur qui puisse m'arriver (ce n'est pas une phrase; mais Dieu m'est témoin que les deux plus grands malheurs, qui puissent m'arri-

ver ce serait votre mort ou celle de N-as, de deux personnes que j'aime plus que moi-même). Que resterait-il pour moi, si Dieu exaucait votre prière? Pour faire plaisir à qui, voudrais-je devenir meilleur, avoir de bonnes qualités, avoir une bonne réputation dans le monde? Quand je fais des plans de bonheur pour moi, l'idée que vous partagerez et jouirez de mon bonheur m'est toujours présente. Quand je fais quelque chose de bon, je suis content de moi même; parceque je sais que vous seriez contente de moi. Quand j'agis mal ce que je crains le plus c'est de vous faire du chagrin. — Votre amour est tout pour moi et vous demandez à Dieu qu'il nous sépare! Je ne puis vous dire le sentiment que j'ai pour vous, la parole ne suffit pas pour vous l'exprimer et je crains que vous ne pensiez que j'exagère et cependant je pleure à chaudes larmes en vous écrivant. — C'est à cette pénible séparation, que je dois de savoir quelle amie j'ai en vous et combien je vous aime. —

Mais est-ce que je suis le seul à avoir ces sentiments pour vous et vous demandez à Dieu de mourir. — Vous dites que vous êtes isolée; quoique je sois séparé de vous, mais si vous croyez à mon amour cette idée aurait pu faire contrepoids à votre douleur; pour moi je ne me sentirai isolé nulle part, jusqu'à ce que [je] me saurais aimé par vous comme je le suis. —

Je sens cependant que c'est un mauvais sentiment qui me dicte mes paroles — je suis jaloux de votre chagrin. — Aujourd'hui il m'est arrivé une de ces choses, qui m'auraient fait croire en Dieu, si je n'y croyais déja fermement depuis quelque tems.

L'été à *Старый Юртъ* touts les officiers qui y étaient ne faisaient que jouer et assez gros jeu. — Comme en vivant au camp il est impossible de ne pas se voir souvent j'ai très souvent assisté au jeu et malgré les instances qu'on me faisait, j'ai tenu bon pendant un mois; mais un beau jour en plaisantant j'ai mis un petit enjeu, j'ai perdu, j'ai recomencé j'ai encore perdu, la chance m'était mauvaise, la passion du jeu s'est réveillé et en deux jours j'ai perdu tout ce que j'avais d'argent et celui que N[icol]as m'a donné (à peu près 250 r arg) et pardessus cela encore 500 r. arg. pour lesquels j'ai donné une lettre de change payable au mois de Janvier 1852. [2] — Il faut vous dire que près du camp il y a un *аулъ* où habitent les Чеченцы. — Un jeune garçon (Чеченецъ) Садо, [3] venait au camp et jouait; mais comme il ne savait pas compter et inscrire il y avait des ch[e]napans d'offi-

ciers, qui le trichaient. Je n'ai jamais voulu jouer pour cette raison, contre Sado et même je lui ai dit qu'il ne fallait pas qu'il joue parcequ'on le trompe et je me suis proposé de jouer pour lui par procuration. — Il m'a été très reconnaissant pour ceci et m'a fait cadeau d'une bourse; comme c'est l'usage de cette nation de se faire des cadeaux mutuels je lui ai donné un misérable fusil que j'avais acheté pour 8 r. Il faut vous dire, que pour devenir *кунакъ*, ce que veut dire ami il est l'usage 1° de se faire des cadeaux et puis de manger dans la maison du *кунакъ*. — Après cela d'après l'ancien usage de ces peuples (qui n'existe presque plus que par tradition) on devient amis à la vie et à la mort c. à d. que si je lui demande tout son argent ou sa femme ou ses armes ou tout ce qu'il a de plus précieux il doit me donner et moi aussi je ne dois rien lui refuser. — Садо m'a engagé de venir chez lui et d'être *кунакъ*. J'y suis allé; après m'avoir régalé à leur manière il m'a proposé de choisir dans sa maison tout ce que je voudrai: ses armes, son cheval, tout. J'ai voulu choisir ce qu'il y avait de moins cher et j'ai pris une bride de cheval monté en argent, mais il m'a dit que je l'offensais et m'a obligé de prendre une *шашка* qui vaut au moins *100* r *arg.* Son père est un homme assez riche; mais qui a son argent enterré et ne donne pas le sou à son fils. Le fils pour avoir de l'argent va voler chez l'ennemi des chevaux, des vaches quelque fois il expose 20 fois sa vie pour voler une chose qui ne vaut pas 10 r; mais ce n'est pas par cupidité qu'il le fait; mais par genre. — Le plus grand voleur est tres estimé et on l'appelle *джигитъ*, *молодецъ*. — Tantôt, Sado a des 1000 r arg, tantôt pas le sou. Après ma visite chez lui je lui ai fait cadeau de la montre d'argent de N-as, et nous sommes devenus les plus grands amis du monde. — Plusieurs fois il m'a prouvé son dévouement en s'exposant à des dangers pour moi; mais ceci pour eux n'est rien — c'est devenu une habitude et un plaisir. — Quand je suis parti de Стар. Юртъ et que N-as y est resté, Sado venait chez lui tous les jours et disait qu'il ne savait que devenir sans moi et qu'il s'ennuyait terriblement. — Par une lettre je faisais savoir à N-as que mon cheval étant malade, je le priais de m'en trouver un à Стар. Юртъ. — Sado ayant appris cela n'eut rien de plus pressé, que de venir chez moi et de me donner son cheval; malgré tout ce que j'ai pu faire pour le refuser. — Après la bêtise que j'ai faite de jouer à Ст. Юртъ je n'ai plus repris les cartes en main et je faisais continuellement

la morale à Sado, qui a la passion du jeu et quoique il ne connaisse pas le jeu a toujours un bonheur étonnant. — Hier soir je me suis occupé à penser à mes affaires pécuniaires, à mes dettes, je pensais comment je ferais pour les payer. —

Ayant longtems pensé à ces choses, j'ai vu, que si je ne dépense pas trop d'argent toutes mes dettes ne m'embarasseront pas et pourront petit à petit être payés dans deux ou trois ans; mais les 500 r. que je devais payer ce mois, me mettaient au désespoir. Il m'était impossible de les payer et dans ce moment ils m'embarassaient beaucoup plus, que jadis les 4 milles d'Ogareff. [4] — Cette bêtise d'avoir fait les dettes que j'avais en Russie et de venir en faire de nouvelles ici, me mettait au désespoir. — Le soir en faisant ma prière, j'ai prié Dieu qu'il me tire de cette désagréable position et avec beaucoup de ferveur. — «Mais comment est ce que je puis me tirer de cette affaire?» pensais-je en me couchant. «Il ne peut rien arriver qui me donne la possibilité d'acquitter cette dette». Je me représentai déjà tou[t]s les désagréments, que j'aurais à essuyer à cause de cela, какъ онъ подастъ ко взысканію, какъ по начальству отъ меня будутъ требовать отзыва, почему я не плачу и т. д. — «Помоги мнѣ Господи», сказалъ я и заснулъ. — Ce matin je reçois une lettre de N-as [5] à laquelle était jointe la votre et plusieurs autres — il m'écrit: «На дняхъ былъ у меня Садо, онъ выигралъ у Кноринга [6] твои векселя и привезъ ихъ мнѣ. Онъ такъ былъ доволенъ этому выигрышу, такъ счастливъ и такъ много меня спрашивалъ «какъ думаешь, братъ радъ будетъ, что я это сдѣлалъ» — что я его очень за это полюбилъ. Этотъ человѣкъ дѣйствительно къ тебѣ привязанъ». —

N'est ce pas étonnant, que de voir ainsi son voeu exaucé le lendemain même. — C. à d. qu'il n'y a d'étonnant que la bonté Divine, pour un être qui l'a mérité si peu que moi. Et n'est ce pas que le trait de dévouement de Sado est admirable. — Il sais que j'ai un frère Serge qui aime les chevaux et comme je lui ai promis de le prendre en Russie quand j'y irai il m'a dit que dut-il lui en couter 100 fois la vie il volera le meilleur cheval qu'il y aye dans les montagnes et qu il le lui aménera. —

Faites je vous prie acheter à Toula un шестиствольный пистолетъ et me l'envoyer et une коробочка съ музыкой, si cela ne coûte pas trop cher, ce sont des choses qui lui feront beaucoup de plaisir. [7] —

Я все въ Тифлисѣ сижу у моря, жду погоды т. е. денегъ. Adieu chère tante, Léon vous baise mille fois les mains.

На конверте:

Ея Высокоблагородію Татьянѣ Александровнѣ Ергольской.
Въ г. Тулу.

6 января, Тифлис.

Дорогая тетенька!

Только что получил ваше письмо от 24 ноября [1] и в ту же минуту отвечаю (по принятой привычке). — Недавно я вам писал, что плакал над вашим письмом и приписал эту слабость болезни. — Я ошибся: с некоторых пор я плачу над всеми вашими письмами. — Я всегда был **Лёварёва*»; раньше я стыдился этой слабости, а теперь, думая о вас и о вашей любви к нам, у меня текут такие сладостные слезы, что я вовсе их не стыжусь. — Сегодняшнее ваше письмо очень грустно и произвело на меня то же действие. Вы всегда подавали мне советы; к несчастию, я не всегда им следовал, но я хотел бы всю жизнь жить по вашим советам; позвольте мне высказать вам впечатление, которое произвело на меня ваше письмо, и какие оно вызвало во мне мысли. — За мою привязанность к вам, вы простите мне излишнюю, может быть, откровенность. Вы говорите, что пришло ваше время отойти к тем, которых вы так горячо любили при их жизни, что вы молите бога о конце, и что жизнь ваша тяжела и одинока. Простите меня, дорогая тетенька, но мне думается, что этим вы грешите против бога и обижаете меня и нас всех, любящих вас. Вы молите себе смерти, т. е. величайшего для меня несчастия (и это не фраза; видит бог, что большего несчастия я себе не представляю, как смерть ваша и Николенькина, тех двух людей, которых я люблю больше самого себя). Ежели бог услышит вашу молитву, что со мной будет? Для чьего удовольствия стараться мне исправиться, иметь хорошие качества, иметь хорошую репутацию среди людей? Когда я строю планы счастливой жизни, мысль о вас, что вы разделите мое счастье, всегда у меня в голове. Хороший мой поступок меня радует потому, что я знаю, что вы были бы мной довольны. Когда я поступаю дурно, я главным образом боюсь вашего огорчения. — Ваша любовь для меня всё, а вы молите бога, чтобы он нас разлучил. Я не умею высказать вам своего чувства к вам, и нет слов его выразить; боюсь, что вы подумаете, что я преувеличиваю, а между тем я сейчас заливаюсь горячими слезами. — В силу этой тяжелой разлуки, я узнал, какой вы мне друг, и как я вас люблю.

И разве я один к вам так привязан, а вы молите бога о смерти. — Вы говорите о своем одиночестве; хотя я и в разлуке с вами, но если вы верите моей любви, это могло бы быть утешением в вашей печали; при сознании вашей любви я нигде не мог бы чувствовать себя одиноким. — Однако, я должен признаться, что в том, что я написал, мной руководит не хорошее чувство, я ревную вас к вашему горю. — Сегодня со мной случилось то, что я уверовал бы в бога, ежели бы уже с некоторых пор я не был твердо верующим.

Летом в **Старомъ Юртѣ** все офицеры только и делали, что играли

и довольно крупно. — Живя в лагере нельзя не встречаться постоянно, и я часто присутствовал при игре, но как меня ни уговаривали принять в ней участие, я не поддавался и крепко выдержал целый месяц. Но вот в один прекрасный день я шутя поставил пустяшную ставку и проиграл, еще поставил и опять проиграл; мне не везло; страсть к игре всколыхнулась, и в два дня я спустил все свои деньги и то, что мне дал Николенька (около 250 р. сер.), а сверх того еще 500 р. сер., на которые я дал вексель со сроком уплаты в январе 1852. [2] — Нужно вам сказать, что недалеко от лагеря есть **аулъ**, где живут **чеченцы**. Один юноша *(чеченец) Садо*, [3] приезжал в лагерь и играл. Он не умел ни считать, ни записывать, и были мерзавцы офицеры, которые его надували. Поэтому я никогда не играл против него, отговаривал его играть говоря, что его надувают, и предложил ему играть за него. — Он был мне страшно благодарен за это и подарил мне кошелек. По известному обычаю этой нации отдаривать, я подарил ему плохонькое ружье, купленное мною за 8 р. Чтобы стать **кунакомъ**, т. е. другом, по обычаю нужно, во-первых, обменяться подарками и затем принять пищу в доме *кунака*. И тогда, по древнему народному обычаю (который сохраняется только по традиции), становятся друзьями на живот и на смерть, и о чем бы я ни попросил его — деньги, жену, его оружие, всё то, что у него есть самого драгоценного, он должен мне отдать, и, равно, я ни в чем не могу отказать ему. — *Садо* позвал меня к себе и предложил быть **кунакомъ**. Я пошел; угостив меня по их обычаю, он предложил мне взять, что мне понравится: оружие, коня, чего бы я ни захотел. Я хотел выбрать что-нибудь менее дорогое и взял уздечку с серебряным набором; но он сказал, что сочтет это за обиду и принудил меня взять **шашку**, которой цена по крайней мере 100 р. сер. Отец его человек зажиточный, но деньги у него закопаны, и он сыну не дает ни копейки. Чтобы раздобыть денег, сын выкрадывает у врага коней или кор в и рискует иногда 20 раз своей жизнью, чтобы своровать вещь, не стоящую и 10 р.; делает он это не из корысти, а из удали. — Самый ловкий вор пользуется большим почетом и зовется *джигитъ-молодецъ*. У Садо то 1000 р. сер., а то ни копейки. После моего посещения я подарил ему Николенькины серебряные часы, и мы сделались закадычными друзьями. — Часто он мне доказывал свою преданность, подвергая себя разным опасностям для меня; у них это считается за ничто — это стало привычкой и удовольствием. — Когда я уехал из **Стараго Юрта**, а Николенька там остался, Садо приходил к нему каждый день и говорил, что не знает, что делать без меня и что скучает ужасно. — Узнав из моего письма к Николеньке, что моя лошадь заболела, и что я прошу подыскать мне другую в *Старомъ Юртѣ*, Садо тотчас же явился ко мне и привел мне своего коня, которого он настоял, чтобы я взял, как я ни отказывался. — После моей глупейшей игры в *Старомъ Юртѣ* я карт не брал в руки, постоянно отчитывал Садо, который страстный игрок, и, не имея понятия об игре, играет удивительно счастливо. — Вчера вечером я обдумывал свои денежные дела, свои долги и как мне их уплатить. —

Долго раздумывая, я пришел к заключению, что, ежели буду жить расчетливо, я смогу мало по малу уплатить все долги в течение двух или трех лет; но 500 р., которые я должен был уплатить в этом месяце, при-

водили меня в совершенное отчаяние. Уплатить я их не могу, и это меня озабочивало гораздо больше, чем во время оно долг в 4 тысячи Огареву. [4] — Наделать долгов в России, приехать сюда и опять задолжать меня это приводило в отчаяние. — На молитве вечером я горячо молился, чтобы бог помог мне выйти из этого тяжелого положения. — Ложась спать, я думал: «но как же возможно мне помочь? Ничего не может произойти такого, чтобы я смог уплатить долг». Я представлял себе все неприятности по службе, которые мне предстоят в связи с этим; *какъ онъ подастъ ко взысканію, какъ по начальству отъ меня будутъ требовать отзыва, почему я не плачу и т. д. — «Помоги мнѣ Господи», сказалъ я и заснулъ*. — Сегодня утром я получаю письмо от Николеньки [5] вместе с вашим и другими — он мне пишет: *На дняхъ былъ у меня Садо, онъ выигралъ у Кноринга [6] твои векселя и привезъ ихъ мнѣ. Онъ такъ былъ доволенъ этому выигрышу, такъ счастливъ и такъ много меня спрашивалъ «какъ думаешь, братъ радъ будетъ, что я это сдѣлалъ» — что я его очень за это полюбилъ. Этотъ человѣкъ дѣйствительно къ тебѣ привязанъ»*. —

Разве не изумительно, что на следующий же день мое желание было исполнено, т. е. удивительна милость божия к тому, кто ее так мало заслуживает, как я. И как трогательна преданность Садо, не правда ли? — Он знает о страсти Сережи к лошадям и, когда я ему обещал взять его с собой, когда поеду в Россию, он сказал, что пусть это стоит ему 100 жизней, но он выкрадет в горах какого ни на есть лучшего коня и приведет моему брату. —

Пожалуйста велите купить в Туле и прислать мне *шестиствольный пистолетъ* и *коробочку съ музыкой*, ежели не очень дорого, такому подарку он будет очень рад. [7]

Я все въ Тифлисѣ сижу у моря, жду погоды, т. е. денегъ. Прощайте, дорогая тетенька, Левочка тысячу раз целует ваши ручки.

Печатается по автографу, хранящемуся в АТБ. Впервые напечатано почти полностью (по-французски и в переводе, без последней фразы) П. И. Бирюковым в Б, I, 1906, стр. 189—193, впервые полностью (только в переводе) напечатано П. А. Сергеенко в ПТС, 1, стр. 17—22. Год определяется почтовыми штемпелями: «Изъ Тифлиса отправлено» и «Получено 1852». На конверте рукой Т. А. Ергольской помечено: «Получено 20 Января 1852, отъ 3 Января» и «от 6-го января *полу: 3 февралл 1852*».

[1] Это письмо не сохранилось.

[2] Об этом проигрыше 13 июня 1851 г. подпоручику Ф. Г. Кнорингу записано в дневнике Толстого под 3 июля: «Проиграл своих 300, Николенькиных 150 и в долг 500, итого 850».

[3] Об этом Толстой писал 22 августа 1872 г. М. П. Погодину: «... Проигравшись в карты, я поручил зятю платить долги, обещал не играть больше и брать от зятя не больше 500 р. в год. Я всё-таки стал играть и проиграл на Кавказе всё, что было, и в долг 500 р. Кнорингу и дал ему вексель. Время подходило платить, а у меня денег не было, и я не смел писать зятю о своем позоре, что я опять играл, и был в отчаянии. Я жил один в Тифлисе, чтобы держать юнкерский экзамен. Я не спал ночь,

мучился, обдумывал что делать и вспомнил о молитве и силе веры. И я стал молиться, в глубине души считая свою молитву испытанием силы веры. Я молился, как молятся юноши, и лег успокоенный. — Утром мне подали письмо из Чечни от брата. Первое, что я увидел в письме, был мой разорванный вексель. Брат писал: Садо (мой кунак, молодой малый чеченец — игрок) обыграл Кнорринга, выиграл вексель, разорвал и привез мне и ни за что не хочет брать денег» (см. «На литературном посту» 1929, № 10, стр. 65). Этот рассказ Толстого Погодин ввел в свою книгу: «Простая речь о мудрых вещах», М. 1875, отделение второе, стр. 68.

Садо Мисербиев (1832—1900), чеченец, житель аула Старый Юрт, принадлежал к тем «замиренным» чеченцам, которые не уклонялись от службы в русском военном лагере. В 1850-ых гг. Садо Мисербиев служил переводчиком при полковнике Ипполитове в крепости Воздвиженской. В июне 1853 г. при нападении чеченцев Садо выручил Толстого, отдав ему свою лошадь и сам рискуя на худшей лошади Толстого. До конца своей жизни Садо хранил, как память, письмо и подарки Толстого. Среди них были и порванные векселя Толстого, данные Кнорррингу, отыгранные и анулированные по-кунацки Садо. (Сообщено К. С. Шохор-Троцким.)

Садо упоминается в рассказе Толстого «Встреча в отряде». Кунак Хаджи-Мурата в повести Толстого тоже Садо.

[4] Вероятно, Владимир Иванович Огарев (1822—18..) — сын приятеля отца Толстого Ивана Михайловича Огарева (1795—18..), владельца имения Телятинки в 3 в. от Ясной поляны. О нем см. прим. 7 к п. № 32.

[5] Письмо это сохранилось в архиве Толстого, оно не датировано и относится к последним числам декабря 1851 г.

[6] Ф. Г. Кнорринг, подпоручик, командир взвода легкой № 5 батареи 20 артиллерийской бригады. Характеристика его дана в записи дневника Толстого под 4 июля 1851 г.: «Кнорринг человек высокий, хорошо сложенный, но без прелести... Он при мне, как я заметил, удерживался. Когда первые минуты свидания прошли, когда повторились несколько раз вопросы, после молчания: «Ну, что ты?» и ответы: «Да вот, как видишь», он обратился ко мне с вопросом: «Надолго ли-с, граф, сюда?» Я опять отвечал холодно. Я имею особенность узнавать сразу людей, которые любят иметь влияние на других. Должно быть оттого, что я сам люблю это. Он из таких людей. На брата он имеет наружное влияние. Например, подзывает его к себе».

[7] О коробочке с музыкой писал в конце января гр. В. П. Толстой к гр. Н. Н. Толстому: «Табакерку с музыкой, которую он желал иметь, я отдал свою, ибо в наших местах трудно ее достать, да и просят в Туле очень дорого». В дневнике Толстого под 28 марта 1852 г. записано: «привезли коробочку, и мне стало жалко отослать ее к Саде. Глупость! Отошлю с Буемским». Сын Садо С. С. Мисербиев рассказывал летом 1927 г. К. С. Шохор-Троцкому, что коробочка с музыкой еще до 1918 г. хранилась в семье Садо вместе с письмами и другими реликвиями; они погибли при разгроме и сожжении чеченского аула Старый Юрт двигавшимися к югу казачьими отрядами.

* 56. Гр. С. Н. Толстому.

1852 г. Января 7. Тифлис.

7 Генваря 1852.
Тифлисъ.

Милый другъ Сережа!

По моему письму отъ 24 Декабря ты можешь заключить, какъ поздно я получилъ твое письмо отъ 12 Ноября [1] — я его получилъ вчера 6 Генваря. — Пожалуйста не засни на лаврахъ, которыми ты можешь воображать, что увѣнчался, написавъ мнѣ письмо въ $^3/_4$ [2] почтоваго листа, а продолжай мнѣ писать почаще и подлинѣе; когда я получаю письмо отъ кого нибудь изъ нашихъ, то я бываю до того радъ, что краснѣю, конфужусь отъ радости, не знаю какъ держать письмо, съ которой стороны начинать, и когда прочту, то начинаю смѣятся отъ радости, такъ же, какъ Подъемщиковъ смѣялся, когда увидалъ, какъ затравили зайца; [3] потомъ я начинаю ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, какъ Гимбудъ [4] и дѣлать разные дикіе жесты и говорить вслухъ непонятныя слова. — Ежели въ это время мнѣ попадается какой нибудь человѣкъ, я начинаю ему все разсказывать не заботясь о томъ, нужно ли ему, и хочетъ ли онъ знать объ этомъ; ежели никого нѣтъ, je me rabats sur [5] Ванюшка и тоже ему все разсказываю и разспрашиваю, какъ Влад[имиръ] Ив[ановичъ] [6] «а? каково?» и долго не могу успокоится. — Можно бы было сказать, что письмо въ $^3/_4$ листа не коротко, ежели бы было писано по людски; а то у тебя отъ буквы до буквы, отъ слова до слова отъ линѣйки до линѣйки такія перемычки, что всякое слово какъ отъемный островъ. — Насчетъ лошадей, въ томъ числѣ и Криваго Усана я предписалъ Андрею продать и назначилъ minimum цѣны, но такъ какъ я распорядился этой продажей для уплаты долговъ, то ты можешь, заплативъ Андрею за него извѣстную цѣну *звонкой монетой*, взять лошадь. — Предлагая тебѣ экипажъ, я желаю только, чтобы онъ не стоялъ безъ всякой пользы, а деньги вычтешь изъ того, что я тебѣ долженъ, и за сколько хочешь. —

Какъ я тебя знаю, когда писалъ тебѣ, «что, зная твою слабость, пишу тебѣ о нашихъ знакомствахъ» — ты понятно объ этомъ спрашиваешь въ своемъ письмѣ. Объ охотѣ я тоже тебя удовлетворилъ; дальнѣйшихъ извѣстій дать не могу, потому что я все еще въ Тифлисѣ сижу и дожидаюсь денегъ. — Это одно

меня задерживаетъ, потому что наконецъ я принятъ на службу. — Ты спрашиваешь о томъ, когда я буду офицеромъ? По правамъ всѣхъ имѣющихъ чинъ (гражданской) черезъ 6 мѣсяцевъ я буду имѣть удовольствіе быть представлену въ прапорщики. — Зимнюю экспедицію я съ проклятыми затрудненіями, к[отор]ыя мнѣ здѣсь дѣлали, прогулялъ, потому что она уже началась. — Можетъ случиться однако, что и меня пошлютъ. — Еще въ Іюлѣ мѣсяцѣ получилъ я отъ Андрея письмо, въ которомъ онъ пишетъ мнѣ: «С[ергѣй] Н[иколаевичъ] [7] изволили скакать съ какими-то князьями», и больше ничего. — Долго мы съ Н[иколиньк]ой ломали себѣ голову надъ этой фразой и наконецъ рѣшили, что это А[ндрей] загадалъ намъ загадку — теперь ты разгадалъ ее. — Поздравляю тебя съ прошедшими и будущими призами, съ праздникомъ, съ новымъ годомъ, съ сыномъ (хотя и выблядокъ, но всетаки сынъ) [8] и съ будущей женитьбой. На комъ? не на Канивальской ли? [9] — Вотъ какія мысли приходятъ мнѣ насчетъ твоей женитьбы. Вопервыхъ, всякая перемѣна намъ мила, и я съ большимъ удовольствіемъ воображаю себѣ хорошенькую добрую невѣстку, твои дѣла въ цвѣтущемъ состояніи, Пироговской домъ отдѣланный за ново, Никифора въ новомъ фракѣ съ гербовыми пуговицами перваго разбора, воображаю себѣ, какъ я пріѣзжаю къ тебѣ, какъ все мнѣ *у васъ* нравится и невѣстка, и самоваръ, и всѣ ваши семейныя удовольствія, и воркованіе, однимъ словомъ, я воображаю себѣ мой пріѣздъ къ тебѣ въ Страстную пятницу 1851 года, только, новое исправленное изданіе — на веленевой бумагѣ — очень пріятная картина, теперь другая. — Опять я пріѣзжаю — иду съ дороги раздѣваться въ комнату Венеры, какой то незнакомый человѣкъ говоритъ мнѣ «нельзя, генералъ еще почиваютъ». (Генералъ это твой тесть), иду въ другую комнату, тамъ теща. — Наконецъ раздѣваюсь, схожу внизъ; сидитъ цѣлая куча родственниковъ — все незнакомыя и глупыя лица — нашихъ никого нѣтъ. — Пріѣзжаютъ гости сосѣди — Тула, Крапивна — Щелинъ, [10] Чулковъ, [11] Предсѣдатель, Совѣтники. Въ домѣ царствуетъ деревенское — Щелино-Чулковское вѣликолѣпіе. — Начинается разговоръ о дворянахъ, выборахъ — тотъ подлецъ, тотъ мерзавецъ, тотъ — черный человѣкъ. — Однимъ словомъ картина эта представляетъ мнѣ тебя *отрѣзаннымъ ломтемъ* съ духомъ родственниковъ женинныхъ и въ самомъ разгарѣ всей Губернской жизни — скверная картина. — Тре-

тья картина. Маша [12] сидитъ въ извѣстномъ переулкѣ въ Тулѣ съ М. В., [13] Сережей и всей кликою — голосу и молодости у нее ужъ нѣтъ, но есть сынъ Н[икол]ай Сергѣичъ и 3 т. сер. — Несмотря на это она тебя продолжаетъ любить и заливается горькими слезами. — 4-я картина. — Ты вырвался отъ жены и прикатилъ въ Тулу въ извѣстной переулочекъ. Ты вспоминаешь старину, щупаешь Машу, а Финашка прискакалъ верхомъ на рыженькой и приноситъ тебѣ записочку отъ Графини. Она пишетъ, что больна и проситъ тебя скорѣе вернуться. «Ахъ какая тоска!» ты говоришь. — 5-ая картина. С[ергѣй] Н[иколаевичъ] въ Москвѣ съ молодой хорошенькой Графиней живетъ открыто. За графиней волочатся; они ѣздятъ по баламъ С[ергѣй] Н[иколаевичъ] ревнуетъ и проживаетъ больше своихъ доходовъ. — Мало-ли можетъ быть пріятныхъ и непріятныхъ картинъ, но изъ тѣхъ, которыя я себѣ рисую, мнѣ нравится только 1-ая, остальные всѣ гадки. — У меня есть однако предчувствіе, что къ моему пріѣзду (который впрочемъ я не могу опредѣлить) ты будешь женатъ. Я былъ увѣренъ, что монахъ [14] живетъ въ *Бозѣ*, [15] а онъ «un peu», [16] я хотѣлъ было ему написать серьезно нѣсколько словъ, ежели бы зналъ, гдѣ онъ, но теперь, ежели онъ пьянъ, скажи ему, что онъ презрѣнная тварь; ежели не пьянъ, что пора ему умирать и подумать объ смерти. —

Не заботься о томъ, чтобы я не проигрался и не бойся этого.—Вопервыхъ, я 6 месяцевъ не играю и играть не намеренъ, а вовторыхъ, ежели бы можно было тебѣ объяснить образъ жизни, который я здѣсь вѣду, и общій господствующій genre [17] на Кавказѣ (есть совершенно особенный genre у всѣхъ Кавказцевъ, который трудно объяснить) ты бы понялъ, что я никакъ не рискую здѣсь проиграться. — Дружба Митиньки [18] съ Костинькой [19] и его шанкера и бобоны — два извѣстія, которыя одинаково для меня непріятны. Костинькина дружба и близкое знакомство съ нимъ можетъ оставить слѣды не хуже венерической болѣзни. — Митинька, какъ мнѣ кажется (я его 2 года не видалъ), выйдя на свѣтъ Божій, послѣ своей жизни съ Любовь Сергѣевной, [20] съ Полубояриновымъ, [21] съ Лукою [22] и т. д., долженъ быть совершенной ребенокъ. — *Наши умишки мягки какъ воскъ*, поэтому его всякій можетъ сбить съ толку, Кост[инька] же, всю жизнь пресмыкаясь въ разныхъ обществахъ, посвятилъ себя и не знаетъ больше удовольствія, какъ поймать какого нибудь неопытнаго провинціала и подъ предло-

гомъ руководить его — сбить его совсѣмъ съ толку, — онъ его доконаетъ. — Я говорю это по опыту. Несмотря на мое огромное самолюбіе, въ Петербургѣ онъ имѣлъ на меня большое вліяніе и умѣлъ испортить мнѣ такъ эти 8 мѣсяцевъ, которые я провелъ тамъ, что у меня нѣтъ воспоминаній непріятнѣе. Онъ умѣлъ меня убѣдить въ томъ, что Кочубей, Несельроды [23] и всѣ эти Г[оспо]да такіе люди, что я долженъ пасть ницъ передъ ними, когда увижу, и что я съ К[остенькой], [24] съ Михалковымъ, [25] еще могу кое какъ разговаривать, но что въ сравненіи съ этими тузами я ровно нуль — погибшій человѣкъ и долженъ бояться ихъ и скрывать отъ нихъ свое ничтожество. А впрочемъ, жалкое созданіе этотъ Кост[инька]. Чѣмъ онъ кончитъ? Мы разъ съ Н[иколиньк]ой говорили о немъ и придумали, что для него ничего не можетъ быть лучше, ежели онъ чувствуетъ въ себѣ довольно силы, какъ служить въ полку на Кавказѣ. — Можно отвѣчать, что въ 3,4 года онъ изъ солдатъ будетъ офицеромъ и сверхъ того здѣсь онъ можетъ имѣть chance[26] очень скоро получить родовое дворянство, получивъ Владиміра, и онъ могъ бы обогнать своего брата бѣдна[го] Вольдемара, [27] (котораго я очень люблю), который трудится изъ этаго, Богъ знаетъ, сколько лѣтъ. — Ежели ты его увидишь, то скажи ему, что мы съ Н[иколеньк]ой для него придумали. — О себѣ нечего писать мнѣ, потому что съ того дня, какъ тебѣ писалъ, веду жизнь самую спокойную и однообразную. Сначала по цѣлымъ днямъ хлопоталъ о своемъ зачисленіи на службу, обѣгалъ всѣхъ генераловъ и могу сказать, что поступилъ геройски — взялъ съ бою свой приказъ о зачисленіи — теперь сижу цѣлый день дома, читаю, пишу и дожидаюсь денегъ. — Я совершенно здоровъ и спокоенъ, но ужасно хочется поскорѣе съѣхаться съ Н[иколиньк]ой. Можешь узнать еще многія подробности обо мнѣ изъ писемъ къ тетинькѣ Toinette; [28] я много пишу всѣмъ, но ей въ особенности, потому что ее больше всѣхъ люблю, и она чаще всѣхъ мнѣ пишетъ. — Она тебѣ объяснитъ, почему, когда я вернусь въ Россію, тебя ожидаетъ подарокъ — прекрасной Кабардинской лошади отъ незнакомаго тебѣ человѣка. [29] — О портретѣ не забудь. — Прощай. —

Печатается по автографу, хранящемуся в ГТМ. Публикуется впервые.

[1] Это, конечно, письмо № 52, датированное 23 декабря.

[2] Это письмо не сохранилось.

[3] О том, как смеялся купец Подъемщиков на охоте, рассказывает Толстой в восьмой главе III редакции «Детства». См. 1 том, стр. 170.

[4] Карл Фердинандович Гимбут (р. в 1815 г., ум. 27 мая 1881 г.), служил лесничим подгородного лесничества (в чине штабс-капитана в 1851 г.) близ Ясной поляны, в отставку вышел в 1863 г. На сельско-хозяйственной выставке в Туле в 1851 г. он получил серебряную медаль большого размера «за первоначальное введение в Тульской губ. шелководства и за 11 пород древесных растений, разведенных им от семян». В сохранившемся в АТБ письме к Толстому от 6 декабря 1852 г. К. Ф. Гимбут просит продать ему деревню Мостовую. К. Ф. Гимбут часто упоминается в дневнике Толстого 1856—1858 гг.

[5] Я обращаюсь к

[6] Влад. Ив. Юшков. О нем см. прим. 4 к п. № 46.

[7] Гр. Сергей Ник. Толстой.

[8] Умерший в раннем детстве сын Сергея Николаевича, Николай.

[9] У Ив. Матв. Канивальского (о нем см. прим. 9 к п. № 33) было три дочери: Софья, Елизавета и Александра. О которой из них идет речь, выяснить не удалось.

[10] Вероятно, Дмитрий Матвеевич Щелин (1801—18..), в 1850—1866 гг. бывший Крапивенским предводителем дворянства.

[11] Николай Алексеевич (о нем см. прим. 18 к п. № 52) или Василий Алексеевич (о нем см. прим. 5 к п. № 36) Чулков.

[12] Мар. Мих. Шишкина. О ней см. прим. 16 к п. № 12.

[13] Кого разумел Толстой под этими инициалами, сказать не можем.

[14] Ник. Серг. Воейков. О нем см. прим. 5 к п. № 7.

[15] Славянское выражение: «В бозе почил», т. е. умер.

[16] немного

[17] дух

[18] Гр. Дм. Ник. Толстой. О нем см. прим. 5 к п. № 84.

[19] Конст. Александрович Ислявин. О нем см. прим. 10 и 25 к п. № 12.

[20] О Любови Сергеевне Толстой пишет в «Воспоминаниях детства» (гл. IX): «К нашему семейству как-то пристроена, взята была из жалости, самое странное и жалкое существо, некто Любовь Сергеевна, девушка; не знаю, какую ей дали фамилию. Любовь Сергеевна была плод кровосмешения Протасова (из тех Протасовых, от которых Жуковский). Как она попала к нам, — не знаю. Слышал, что ее жалели, ласкали, хотели пристроить даже, выдать замуж за Федора Ивановича, но всё это не удалось. Она жила сначала у нас, — я этого не помню, а потом ее взяла тетенька Пелагея Ильинишна в Казань, и она жила у нее. Так что узнал я ее в Казани. Это было жалкое, кроткое, забитое существо. У нее была комнатка, и девочка ей прислуживала. Когда я узнал ее, она была не только жалка, но отвратительна. Не знаю, какая была у нее болезнь, но лицо ее было всё распухлое так, как бывают запухлые лица, искусанные пчелами. Глаза виднелись в узеньких щелках между двумя запухшими глянцевитыми без бровей подушками. Также распухшие, глянцевитые желтые были щеки, нос, губы, рот. И говорила она с трудом, так как и во рту, вероятно, была та же опухоль. Летом на лицо ее садились мухи, и она не чувствовала их, и это было особенно неприятно видеть. Волоса у ней были еще черные,

но редкие, не скрывавшие голый череп. Владимир Иванович Юшков, муж тетеньки, недобрый шутник, не скрывал своего отвращения к ней. От нее всегда дурно пахло. А в комнате ее, где никогда не открывались окна и форточки, был удушливый запах. Вот эта-то Любовь Сергеевна сделалась другом Митеньки. Он стал ходить к ней, слушать ее, говорить с ней, читать ей. И — удивительное дело! — мы так были нравственно тупы, что только смеялись над этим; Митенька же был так нравственно высок, так независим от заботы о людском мнении, что никогда ни словом, ни намеком не показывал, что он считает хорошим то, что делает. Он только делал. И это был не порыв, а это продолжалось всё время, пока мы жили в Казани». Любовь Сергеевну изобразил Толстой и в «Юности». См. 2 том, стр. 389.

[21] Алексей Иванович Полубояринов, однокурсник гр. Д. Н. и С. Н. Толстых. О нем Толстой пишет в «Воспоминаниях детства» (гл. IX): «Мы, главное Сережа, водили знакомство с аристократическими товарищами и молодыми людьми; Митенька, напротив, из всех товарищей выбрал жалкого, оборванного, бедного студента, Полубояринова (которого наш приятель-шутник называл Полубезобедовым, и мы, жалкие ребята, находили это забавным и смеялись над Митенькой). Он только с Полубояриновым дружил и с ним готовился к экзаменам». Алексей Иванович Полубояринов поступил в Казанский университет осенью 1843 г. и вышел из него (по прошению) осенью 1845 г.

[22] Об этом Луке Толстой пишет в «Воспоминаниях детства» (гл. IX): Митенька «очень сблизился с очень оригинальным человеком, жившим у нашего опекуна, Воейкова, происхождение которого никто не знал. Звали его отцом Лукою. Он ходил в подряснике, был очень безобразен: маленький ростом, косой, черный, но очень чистоплотный и необыкновенно сильный. Он жал руку, как клещами, и говорил всегда как-то значительно и загадочно. Жил он у Воейкова подле мельницы, где построил маленький дом и развел необыкновенный цветник. Этого отца Луку Митенька и водил с собой». Из письма бурмистра Василия Трубецкого гр. Н. Н. Толстому от 4 февраля 1850 г. видно, что у Луки был вексель, выданный ему гр. Дмитрием Николаевичем на 2700 руб.

[23] Фамилии Кочубеев и Нессельроде названы, вероятно, как «громкие» аристократические фамилии. «Известность» фамилии Кочубеев придал государственный канцлер внутренних дел кн. Виктор Павлович (1768—1834), а Нессельроде — гр. Карл Васильевич (1780—1862), с 1844 г. государственный канцлер.

[24] Конст. Алдр. Ислявин.

[25] Кто такой Михалков, узнать не удалось.

[26] возможность

[27] О Влад. Александр. Ислявине см. прим. 10 к п. № 12. Как «незаконнорожденные», Ислявины были «купеческого звания», а чтобы получить «потомственное дворянство» нужно было иметь орден св. Владимира.

[28] Татьяна Александровна Ергольская.

[29] См. прим. к п. № 55 о Садо, который, зная о страсти гр. С. Н. Толстого к лошадям, обещал «выкрасть в горах какого ни на есть лучшего коня» и подарить ему, когда приедет в Россию.

* 57. Т. А. Ергольской.

1852 г. Января 12. Моздок.

12 Janvier. Mosdoc. [1] Station à mi-chemin de Tiffliss.

Chère tante!

Voilà les idées qui me sont venus. Je tâcherai de vous les rendre parceque je pensais à vous. — Je me trouve bien changé au moral et cela m'est arrivé tant de fois. Au reste, je crois que c'est le sort de tous. Plus on vit plus on change. Vous qui avez de l'expérience dites moi n'est ce pas que c'est vrai? — Je pense que les défauts et les qualités — le fond du caractère — resteront toujours les mêmes, mais la manière d'envisager la vie, le bonheur doivent changer avec l'âge. — Il y a un an je croyais trouver le bonheur dans le plaisir, dans le mouvement; à present au contraire le repos au physique comme au moral est un état que je désire. Mais si je me figure l'état de repos, sans ennuie et avec les tranquilles jouissances de l'amour et de l'amitié — c'est le comble du bonheur pour moi! — Au reste on ne ressent le charme du repos qu'après la fatigue et des jouissances de l'amour qu'après la privation. — Me voila privé, depuis quelque temps, de l'un comme de l'autre, c'est pour cela que j'y aspire si vivement. — *Il faut m'*en priver encore. Pour combien de temps? Dieu le sait. — Je ne saurai dire pourquoi; mais je sens *qu'il le faut.* — La religion et l'expérience que j'ai de la vie (quelque petite qu'elle soit) m'ont appris que la vie est une épreuve. — Pour moi elle est plus qu'une épreuve, c'est encore l'expiation de mes fautes.

J'ai dans l'idée, que l'idée, si frivole, que j'ai eu d'aller faire un voyage au Caucase — est une idée qui m'a été inspiré d'en haut. C'est la main de Dieu, qui m'a guidé — je ne cesse de L'en remercier, — je sens que je suis devenu meilleur ici (et ce n'est pas beaucoup dire, puisque j'ai été très mauvais) et je suis fermement persuadé, que tout ce qui peut m'arriver ici ne sera que pour mon bien, puisque c'est Dieu lui-même qui l'a voulu ainsi. — Peut être que c'est une idée bien hardie, mais j'ai néanmoins cette conviction. C'est pour cela que je supporte les fatigues et les privations dont je vous parle (ce ne sont pas des privations physiques que je vous parle — il n'y en a pas pour un garçon de 23 ans et qui se porte bien) sans les ressentir, même avec une espèce de plaisir, en pensant au bonheur qui m'attend. — Voilà

comment je me le représente. Après un nombre indéterminé d'années ni jeune ni vieux je suis à Ясное — mes affaires sont en ordre, je n'ai pas d'inquiétudes ni des tracasseries, vous habitez Ясное aussi. Vous avez un peu vieilli, mais êtes encore fraiche et bien portante. Nous menons la vie que nous avons mené, je travaille le matin, mais nous nous voyons presque toute la journée; nous dînons, le soir je vous fais une lecture qui ne vous ennuie pas, puis nous causons. Moi je vous raconte ma vie au Caucase, vous me parlez de vos souvenirs — de mon père, de ma mère, vous me racontez des страшныя исторіи, que jadis nous écoutions avec des yeux effrayés et la bouche béante. Nous nous rappelons des personnes, qui nous ont été chères et qui ne sont plus; vous pleurez, je ferai la même chose, mais ces larmes seront douces. Nous causerons des frères, qui viendront nous voir de temps en temps, de la chère Marie [2] qui passera aussi quelques mois de l'année à Ясное, qu'elle aime tant, avec tous ses enfants. Nous n'aurons point de connaissances — personne ne viendra nous ennuyer et faire des commérages. C'est un beau rêve, mais ce n'est pas encore tout ce que je me permets de rêver. Je suis marié — ma femme est une personne douce, bonne, aimante, elle a pour vous le même amour que moi. Nous avons des enfants, qui vous appellent «grand maman»; vous habitez dans la grande maison, en haut, la même chambre, qu'a jadis habité grand maman, toute la maison est dans le même ordre qu'elle a été du temps de papa et nous recommençons la même vie, seulement en changeant de rôles; vous prenez le rôle de grand maman, mais vous êtes encore plus bonne; moi le rôle de papa, mais je désespère de jamais le mériter; ma femme celui de maman, les enfants le notre. Marie — le rôle des deux tantes, excepté leurs malheurs. Même Гаша [1] prendra le rôle de Прасковья Исаевна. [4] Mais il manquera un personnage pour prendre le rôle que vous avez joué dans notre famille. — Jamais il ne se trouvera une âme aussi belle aussi aimante, que la votre. Vous n'aurez point de successeur. Il y aura trois nouveaux personnages qui paraîtrons de temps en temps sur la scène, — les frères, surtout l'un, qui sera souvent avec nous — Nicolas. Vieux garçon, chauve, retiré du service, toujours aussi bon, aussi noble. —

Я воображаю, какъ онъ будетъ, какъ въ старину, разсказывать дѣтямъ своего сочиненія сказки. Какъ дѣти будутъ цѣловать у него сальныя руки (но кот[орыя]стоятъ того), какъ онъ

будетъ съ ними играть, какъ жена моя будетъ хлопотать, чтобы сдѣлать ему любимое кушанье, какъ мы съ нимъ будемъ перебирать общія воспоминанія объ давно прошедшемъ времени, какъ вы будете сидѣть на своемъ обыкновенномъ мѣстѣ и съ удовольствіемъ слушать насъ, какъ вы насъ, старыхъ, будете называть по прежнему «Левочька, Николинька» и будете бранить меня за то, что я руками ѣмъ, а его за то, что у него руки не чисты.

Si on me faisait Empereur de Russie, si on me donnait le Perou: en un mot, si une fée venait avec sa baguette me demander ce que je dešire, — la main sur la consience, j'aurai répondu que je désire seulement que ce rêve puisse devenir une réalité. Я знаю, вы не любите загадывать, mais quel mal y a-t-il et cela fait tant de plaisir. — Je crains d'avoir été égoiste et d'avoir fait trop petite votre part de bonheur. Je crains, que les malheurs passés mais qui ont laissé des traces trop sensibles dans votre coeur, ne vous empêchent de jouir de cet avenir qui aurait fait mon bonheur. Chère tante, dites moi: seriez vous heureuse? Tout cela peut arriver, et l'espérance est une si douce chose. —

De nouveau je pleure. Pourquoi est-ce que je pleure quand je pense à vous? ce sont les larmes de bonheur — je suis heureux de savoir vous aimer. — Si tous les malheurs pouvaient m'arriver, je ne me dirai jamais tout à fait malheureux jusqu'à ce que vous existerez. Vous vous rappelez notre séparation à la Chapelle d' Иверская quand nous partions à Casan. [5] Alors comme par inspiration au moment de vous quitter, j'ai compris tout ce que vous étiez pour nous, et quoiqu'encore enfant, par mes larmes et quelques mots décousus j'ai su vous faire comprendre ce que je sentais. Je n'ai jamais cessé de vous aimer mais le sentiment que j'ai éprouvé à la Chapelle d'И-я et celui que j'ai à présent pour vous est tout autre, beaucoup plus fort, plus élevé que je n'ai eu dans tout autre temps.

Je vais vous avouer une chose qui me fait honte, mais qu'il faut que je vous dise pour décharger ma conscience. Auparavant en lisant vos lettres, dans lesquelles vous me parlez des sentiments, que vous avez pour nous, j'ai cru voir de l'éxagération; mais seulement à present en les relisant je vous comprends — votre amour sans bornes pour nous et votre âme élevée. Je suis sûr que tout autre excepté vous en lisant cette lettre et la dernière, m'aurait fait le même reproche; mais je ne crains pas cela de

vous, vous me connaissez trop bien et vous connaissez que peut être ma seule bonne qualité c'est la sensibilité. C'est à cette qualité que je suis redevable des moments les plus heureux de ma vie. — Dans tous les cas c'est la dernière lettre, dans laquelle je me permets d'exprimer des sentiments aussi exaltés — exaltés pour les indifférents, mais vous saurez les apprécier. Adieu chère Tante, dans quelques jours j'espère revoir N-as, alors je vous écrirai.

На конверте:

Ея Высокоблагородію Татьянѣ Александровнѣ Ергольской.
Въ Тулу.

12 января. Моздок. [1] Станция на полдороге от Тифлиса.

Дорогая тетенька!

Вот какие мысли пришли мне в голову. Постараюсь их вам передать, потому что я думал о вас. — Я нахожу, что во мне произошла большая нравственная перемена; это бывало со мной уже столько раз. Впрочем, думаю, что так бывает и со всеми. Чем дольше живешь, тем больше меняешься. Вы имеете опыт, скажите мне, разве я не прав? — Я думаю, что недостатки и качества — основные свойства личности — остаются те же, но взгляды на жизнь и на счастье должны меняться с годами. — Год тому назад я находил счастье в удовольствии, в движении; теперь, напротив, я желаю покоя как физического, так и нравственного. И ежели я представляю себе состояние покоя, без скуки, с тихими радостями любви и дружбы — это для меня верх счастья! — Впрочем, после утомления и познаешь прелесть покоя, а радость любви после лишения ее. — С некоторых пор я испытал и то и другое и потому так стремлюсь к иному. — Между тем нужно еще лишить себя этого. Надолго ли, бог знает. — Не знаю сам, почему, но чувствую, *что должен*. — Религия и жизненный опыт, как бы короток он ни был, внушили мне, что жизнь — испытание. — Для меня же она больше испытания, она искупление моих проступков.

Моя мысль, непродуманное мое решение ехать на Кавказ было мне внушено свыше. Мной руководила рука божья — и я горячо благодарю его, — я чувствую, что здесь я стал лучше (этого мало, так я был плох); я твердо уверен, что что бы здесь ни случилось со мной, всё мне на благо, потому что на то воля божья. — Может быть, это и дерзостная мысль, но таково мое убеждение. И потому я переношу и утомления, и лишения, о которых я упоминал (разумеется, не физические, их и не может быть для 23-х летнего здорового малого), не чувствуя их, переношу как бы с радостью, думая о том счастье, которое меня ожидает. — И вот как я его себе представляю. — Пройдут годы, и вот я уже не молодой, но и не старый в *Ясномъ* — дела мои в порядке, нет ни волнений, ни неприятностей; вы всё еще живете в *Ясномъ*. Вы немного постарели, но всё еще свежая и здоровая. Жизнь идет по-прежнему; я занимаюсь по утрам, но почти весь день мы вместе; после обеда, вечером я читаю вслух то, что вам

не скучно слушать; потом начинается беседа. Я рассказываю вам о своей жизни на Кавказе, вы — ваши воспоминания о прошлом, о моем отце и матери; вы рассказываете *страшные исторіи*, которые мы бывало слушали с испуганными глазами и разинутыми ртами. Мы вспоминаем о тех, кто нам были дороги, и которых уже нет; вы плачете, и я тоже, но мирными слезами. Мы говорим о братьях, которые наезжают к нам, о милой Машеньке, [2] которая со всеми детьми будет ежегодно гостить по несколько месяцев в любимом ею *Ясномъ*. Знакомых у нас не будет; никто не будет докучать нам своим приездом и привозить сплетни. Чудесный сон, но я позволю себе мечтать еще о другом. Я женат — моя жена кроткая, добрая, любящая, и она вас любит так же, как и я. Наши дети вас зовут «бабушкой»; вы живете в большом доме, наверху, в той комнате, где когда-то жила бабушка; всё в доме по-прежнему, в том порядке, который был при жизни папа, и мы продолжаем ту же жизнь, только переменив роли: вы берете роль бабушки, но вы еще добрее ее, я — роль папа, но я не надеюсь когда-нибудь ее заслужить; моя жена — мама, наши дети — наши роли: Машенька—в роли обеих тетенек, но не несчастна, как они; даже *Гаша* [3] и та на месте Прасковьи Исаевны. [4] Не хватает только той, кто мог бы вас заменить в отношении всей нашей семьи. — Не найдется такой прекрасной любящей души. Нет, у вас преемницы не будет. [5] Три новых лица будут являться время от времени на сцену — это братья и, главное, один из них — Николенька, который будет часто с нами. Старый холостяк, лысый, в отставке, по-прежнему добрый и благородный.

Я воображаю, какъ онъ будетъ, какъ въ старину, разсказывать дѣтямъ своего сочиненія сказки, какъ дѣти будутъ цѣловать у него сальныя руки (но кот[орыя] стоятъ того), какъ онъ будетъ съ ними играть, какъ жена моя будетъ хлопотать, чтобы сдѣлать ему любимое кушанье, какъ мы съ нимъ будемъ перебирать общія воспоминанія объ давно прошедшемъ времени, какъ вы будете сидѣть на своемъ обыкновенномъ мѣстѣ и съ удовольствіемъ слушать насъ, какъ вы насъ, старыхъ, будете называть по-прежнему «Левочька, Николинька» и будете бранить меня за то, что я руками ѣмъ, а его за то, что у него руки не чисты.

Ежели бы меня сделали русским императором, ежели бы мне предложили Перу, словом, ежели бы явилась волшебница с заколдованной палочкой и спросила меня, чего я желаю, положа руку на сердце, по совести, я сказал бы: только одного, чтобы осуществилась эта моя мечта.* Я знаю, вы не любите загадывать*, но что ж в этом дурного, и это мне так приятно! — Но мне кажется, что я эгоистичен и мало предоставил вашей долѐ в общем счастье. Боюсь, что прошедшие горести, оставившие чувствительные следы в вашем сердце, не дадут насладиться вам этим будущим, которое составило бы мое счастье. Дорогая тетенька, скажите, вы были бы счастливы? Всё это, может быть, сбудется, а какая чудесная вещь надежда. — Опять я плачу. Почему это я плачу, когда думаю о вас? Это слезы счастья, я счастлив тем, что умею вас любить. — И какие бы несчастья меня ни постигли, покуда вы живы, несчастлив беспросветно я не буду. Помните наше прощание у *Иверской*, когда мы уезжали в Казань. [5] В минуту расставания я вдруг понял, как по вдохновению, что вы для нас значите и, по-ребячески, слезами и несколькими отрывочными

словами, я сумел вам передать то, что я чувствовал. Я любил вас всегда, но то, что я испытал у Иверской и теперешнее мое чувство к вам — гораздо сильнее и более возвышенно, чем то, что было прежде.

Я вам сознаюсь в том, чего мне очень стыдно, что я должен очистить свою совесть перед вами. Случалось раньше, что, читая ваши письма, когда вы говорили о вашей привязанности к нам, мне казалось, что вы преувеличиваете, и только теперь перечитывая их, я понимаю вас — вашу безграничную любовь, и вашу возвышенную душу. Я уверен, что всякий, кроме вас, кто бы ни прочел сегодняшнее мое письмо и предыдущее, упрекнул бы меня в том же, но от вас этого упрека я не боюсь; вы меня слишком хорошо знаете, знаете, что может быть единственное достоинство это то, что я умею сильно чувствовать. Этому свойству я обязан самыми счастливыми минутами своей жизни. — Во всяком случае, это последнее письмо, в котором я позволил себе выражать такие экзальтированные чувства, экзальтированные для равнодушных, а вы сумеете их оценить. Прощайте, дорогая тетенька, через несколько дней я думаю увидать Николеньку, и тогда я вам напишу.

Печатается по автографу, хранящемуся в АТБ. Впервые напечатано почти полностью (без последней заключительной фразы, по-французски и в переводе) П. И. Бирюковым в Б, I, 1906, стр. 195—200. Впервые полностью (только в переводе) напечатано П. А. Сергеенко, в ПТС, I, стр. 22—25. Год определяется почтовыми штемпелями: «18 (Января) 1852» и «Получено 1852 февраля 8 [?]». На конверте рукой Т. А. Ергольской написано: «Тифлис от Москвы 1897 Кизляр о М. 1832 Ставрополь о М. 1869»

[1] Моздок — город Нальчикского округа, Терской области в 77 в. от Владикавказа.

[2] Гр. Мар. Ник. Толстая.

[3] Агафья Михайловна. О ней см. прим. 2 к п. № 23.

[4] Прасковья Исаевна — экономка у Толстых. О ней Толстой пишет в «Воспоминаниях детства» (гл. VIII): «Прасковью Исаевну я довольно верно описал в «Детстве» (под именем Натальи Савишны). Всё, что я о ней писал, было действительно».

[5] Это было осенью 1841 г.

* 58. Т. А. Ергольской.

1852 г. Марта 2. Станица Старогладковская.

2 Марта.
1852.
Старогладовская.

Chère tante!

Je viens de recevoir votre lettre datée du 18 janvier [1] cette lettre en effet nous a trouvé ensemble et ce que plus est, à la

maison. Je dis *à la maison* en parlant de Старогладовская, tant je m'y suis habitué! pendant les 9 mois que j'y ai passé. Arrivé à Староглад. je n'y ai pas trouvé N. il était déjà depuis un mois à l'expédition [2] je suis allé le rejoindre et j'y ai passé un mois. [3]

Quoique je vous aye écrit de Tifflis que mon affaire était terminé, il se trouve qu'elle ne l'est pas encore entièrement, de sorte que je ne suis pas au service militaire et que j'ai fait cette expédition comme volontaire. [4] —

Tous ces retards me tourmentaient beaucoup à Tiffliss, puisque j'étais seul et je ne prévoyais pas la fin de tout cela; mais à présent comme je suis avec Nicolas et *à la maison* et que bientôt les papiers que j'attends, doivent arriver, cela m'est presque indifférent.

Je vous félicite sur Pâques [5] et sur la naissance de Lise, votre petite nièce. [6] Il serait temps, et cependant je ne puis encore m'habituer à voir en Marie une mère de famille et d'une famille, qui Dieu merci, commence à devenir nombreuse. Je me représente toujours Marie enfant comme elle était le temps que nous avons passé avec elle et vous à la campagne après la mort de grande maman. [7] C'est pendant ce temps, que j'ai été avec elle le plus souvent et que nous avons été plus amis que jamais. — Comment se porte-t-elle? La petite est-elle forte et bien portante? c'est bien dommage que Serge ne cesse ses relations avec la Bohémienne — l'habitude peut l'attacher plus que l'affection. Chère tante, donnez moi je vous prie des nouvelles de Dmitri. Je lui ai écrit, [8] mais pas encore reçu de réponse. A-t-il changé? se porte-t-il bien? — Je pense très souvent à lui et voudrais bien avoir de ses nouvelles. Vous m'écrivez, chère Tante, que vous aimez de vivre à Ясное. Je voudrait bien que cela fut vrai, mais il me parait que vous m'écrivez cela pour me faire plaisir, car en effet je suis content de vous savoir à Ясное et surtout de savoir que vous aimez y être. Excusez, chère Tante pour cette mauvaise et courte lettre, je réparerai ma faute une autre fois. — Je crains par dessus tout que vous ne vous inquiétiez sur notre compte, c'est pour cela que j'aime mieux vous envoyer une lettre comme celle-là que rien.

Nicolas se porte bien et vous baise les mains, je fais la même chose et vous souhaite tout le bonheur possible. Léon.

Dès demain moi et N[icol]as nous faisons nos dévotions. [9]

Дорогая тетенька!

Только что получил ваше письмо от 18 января. [1] Оно действительно застало нас уже вместе и, что важнее всего, дома. О *Старогладовской* говорю *дома*, так я с ней свыкся за 9 месяцев своего пребывания там. По приезде в *Старогладовскую*, я не застал Николеньки, он был в походе уже с месяц. [2] Я отправился за ним следом и пробыл там месяц. [3] —

Хотя я писал вам из Тифлиса, что дело мое устроилось, но оказалось, что еще не окончательно. Так что я еще не на военной службе и поход совершил волонтером. [4] —

Все эти задержки расстраивали меня в Тифлисе, потому что я был в одиночестве и не предвидел конца всему этому. Теперь же, так как я с Николенькой и *дома*, и бумаги должны скоро получиться, то я к этому почти равнодушен. —

Поздравляю вас со Светлым праздником [5] и с рождением Лизы, вашей внучатой племянницы. [6] Уже пора бы, кажется, а всё я не могу привыкнуть к тому, что Машенька мать семейства, и семейства, которое, слава богу, становится многочисленным. Я всегда представляю себе Машеньку ребенком, как в то время, когда она с вами и с нами жила в деревне, после смерти бабушки. [7] — Мы тогда постоянно бывали вместе и были особенно дружны. — Как ее здоровье? А девочка, крепкая, здоровая? Как жаль, что Сережа не прервал своих отношений с цыганкой — привычка свяжет его с ней крепче, чем привязанность. Милая тетенька, напишите мне, пожалуйста, как живет Митенька. Я писал ему, [8] но ответа еще не получил. Переменился ли он? здоров ли? Я о нем часто думаю и хотел бы побольше знать. Вы мне пишете, дорогая тетенька, что вы любите жить в *Ясномъ*. Хотелось бы, чтобы это была правда, но мне думается, что вы говорите это, чтобы доставить мне удовольствие, и действительно, я рад, что вы в *Ясномъ* и, главное, рад, что вам там приятно. Извините меня, дорогая тетенька, за это плохое и коротенькое письмо; в другой раз заглажу свою вину. — Больше всего я боюсь, чтобы вы не беспокоились о нас, поэтому предпочитаю послать и такое письмо, чем ничего. —

Николенька здоров и целует ваши ручки, я точно также и желаю вам всевозможного счастья.

Лев.

С завтрашнего дня мы с Николенькой начинаем говеть.

Печатается по автографу, хранящемуся в АТБ. Публикуется впервые.

[1] Это письмо не сохранилось.

[2] 6 декабря 1851 г. Н. Н. Толстой писал Льву Николаевичу: «Мы выступаем 5 генваря, а еще раньше, т. е. на 26 отправляюсь в Грозную». Лев Николаевич приехал в Старогладковскую числа 14 января.

[3] В противоречии с этим утверждением находится запись в дневнике Толстого под 20 марта: «Генварь я провел частью в дороге, частью в Старогладовской, писал, отделывая первую часть, готовился к походу и был спокоен и хорош».

[4] Приказ о зачислении Толстого на службу фейерверкером 4 класса в батарейную № 4 батарею 20 артиллерийской бригады со старшинством

с 14 января состоялся 13 февраля. В действовавший против горцев отряд Толстой, надо полагать, выезжал из Старогладковской дважды. В первый раз он поехал сейчас же по приезде в Старогладковскую из Тифлиса. 19 января Толстой был командирован с одним единорогом в укрепленное место Герзель-аул, находившееся на пути в Хасав-Юрт, уже вне поля военных действий. В 20-ых числах января Толстой, надо думать, вернулся в Старогладковскую, но числа 5 февраля снова поехал в отряд, где принял участие в боях 17 и 18 февраля. В дневнике под 28 февраля 1852 г. Толстой записал: «Состояние мое во время опасности открыло мне глаза: — Я люблю воображать себя совершенно хладнокровным и спокойным в опасности. Но в делах 17 и 18 я не был таким». Под 20 мартом 1852 г.: «Февраль прошел в походе — собою был доволен». Об этом же походе Толстой вспоминает в дневнике 18 февраля 1897 г.: «45 лет тому назад был в сражении».

Янжул сообщает об этих двух днях похода следующее: «Кн. Барятинский 17 февраля двинулся в глубь Чечни, на Мискирь-Юрт. В состав отряда вошли два орудия батарейной № 4 батареи под командой поручика гр. [Н. Н.] Толстого... До аулов Цацын и Эманы отряд следовал почти беспрепятственно и взял эти селения лишь при ничтожном сопротивлении. Но далее начался целый ряд настойчивых и ожесточенных преследований со стороны горцев, особенно при переправе через Хулхулау... Вечером колонна прибыла в Маюртуп. Отсюда оставалось около 10 верст прямого пути до укр. Куринского, но в виду упорного сопротивления горцев, кн. Барятинский послал приказание полковнику Бакланову выступить к нему навстречу через р. Гонсаул к аулу Гурдали, чтобы тем отвлечь силы Шамиля и дать возможность отряду пройти в Куринское без большой потери. Полковник Бакланов вышел из укрепления в 3 часа утра 18 февраля с 5-ю ротами пехоты и с своим Донским № 17 полком, при двух легких орудиях батарейной № 4-й батареи, бывших в ведении поручика Макалинского, и со взводом мортир. Колонна эта... пройдя Кочкалыковский хребет... на рассвете спустилась в долину Мичика и, быстро перейдя через эту реку, почти без боя заняла аул Гурдали, покинутый разбежавшимися жителями. Остановив здесь свои войска и расположив их к бою, полковник Бакланов приказал... сделать несколько сигнальных выстрелов, чтобы известить кн. Барятинского о своем приходе. Вскоре послышалась ответная пальба со стороны Маюртупа, а вслед за тем обе колонны соединились и, при беспрерывной перестрелке, последовали к Гонсаулу. Потом они приблизились к реке Мичику, где сосредоточилось до 6 тысяч горцев, с 4 орудиями, под личным предводительством Шамиля, который не замедлил тотчас же атаковать отряд. Но несмотря на все усилия неприятеля остановить наше движение, колонна полковника Бакланова, составив арриергард, усиленный до 12 орудий, и отстреливаясь картечью, с успехом отражала все атаки и тем дала возможность вполне свободно пройти главным силам в укрепление Куринское». (Янжул, т. II, стр. 103—104.)

К этим боям относится и памятный эпизод, при котором Толстой едва не лишился жизни, и о котором он писал Г. А. Русанову 18 февраля 1906 г.: «Сегодня 53 года, как неприятельское ядро ударило в колесо той

пушки, которую я наводил. Если бы дуло пушки, из которой вылетело ядро, на $^1/_{1000}$ линии было отклонено в ту или другую сторону, я был бы убит, и меня бы не было. Какой вздор, я бы был, но в недоступной мне теперь форме». («Вестник Европы», 1915, № 4, стр. 18.)

Об этом походе см. п. № 62, о нем же упоминается в дошедшем до нас черновике неотправленного письма кн. А. И. Барятинскому № 77.

[5] Пасха в 1852 г. была 30 марта.

[6] Вторая дочь гр. Марии Николаевны Толстой, ныне здравствующая Елизавета Валериановна, родилась 23 января 1852 г. В 1871 г. она вышла замуж за кн. Леонида Дмитриевича Оболенского (1844—1888). Е. В. Оболенской написаны воспоминания, отрывки из которых напечатаны в ж. «Октябрь» 1928, № 9—10.

[7] Бабка Толстого по отцу гр. Пелагея Николаевна Толстая, рожд. кж. Горчакова. О ней см. прим. 3 к прошению № 2. Лето 1838 г. Толстые прожили с Т. А. Ергольской в Ясной поляне.

[8] Это письмо не сохранилось.

[9] В дневнике Толстого под 20 марта 1852 г. записано: «Начало марта говел».

* 59. Гр. С. Н. Толстому.

1852 г. Марта 28. Станица Старогладковская.

28 Марта 1852.
Старогладовская.

Любезный Сережа!

Надняхъ получилъ твое... какъ бы сказать: не то чтобы непріятное, но слишкомъ полное совѣтовъ и пропитанное запахомъ Тулы — письмо, [1] а я ни того, ни другаго терпѣть не могу. —

Лучше бы ты мнѣ писалъ побольше о себѣ, о своемъ житьѣ-бытьѣ, о Митѣ, который, кажется, не намѣренъ мнѣ отвѣчать, [2] и прислалъ бы свой портретъ. Впрочемъ, ежели уже ты непремѣнно хочешь мнѣ давать благія наставленія, то зато ты долженъ потрудиться привести нѣкоторые изъ этихъ совѣтовъ къ исполненію.

Я давно уже имѣлъ въ виду, для скорѣйшей уплаты долговъ, продать одно изъ двухъ — Мостовушку [3] или Грецовку, [4] но развѣ ты думаешь это легко? — Вопервыхъ, за вычетомъ долга Совѣту чистыхъ денегъ за одно изъ двухъ — можно получить никакъ не больше 2,500, и то трудно. Вовторыхъ, хлопотъ по отчисленію отъ Ясной и для совершенія купчей не оберешься. — Хлопотъ будетъ гибель, денегъ не только для устрой-

ства Ясной, но и для уплаты половины моихъ долговъ не достанетъ, а доходовъ уменьшится значительно. —

Ясенской домъ — не потому чтобы я его цѣнилъ во сколько нибудь, но потому что онъ мнѣ дорогъ по воспоминаніямъ — я не продамъ низачто, и это — послѣдняя вѣщь, съ которой я рѣшусь разстаться.[5] Вообще, согласись, что выгоднѣе и благоразумнѣе платить (ежели возможно) долги по немногу, чѣмъ продавая по кускамъ имѣніе. —

Вопросъ, слѣдовательно, состоитъ въ томъ — есть ли эта возможность. Отъ тебя въ нѣкоторой степени зависитъ: сдѣлать такъ, чтобы была эта возможность, объ чемъ я тебя и прошу.

Возможность платить по немногу будетъ: 1) ежели имѣніе будетъ приносить доходы и 2) ежели кредиторы захотятъ терпѣть.

Чтобы имѣніе приносило доходы, нужно, чтобы былъ порядокъ въ хозяйствѣ, а чтобы былъ порядокъ, нуженъ присмотръ, а чтобы былъ присмотръ, нужно, чтобы ты согласился принять въ полное свое распоряженіе Ясную поляну. — Я недавно писалъ къ Валеріяну[6] (я не обратился къ тебѣ потому что не зналъ гдѣ ты) и умолялъ его повѣрить А[ндрея] И[льича], который безсовѣстно меня грабитъ. — Ежели бы ты взялся за это, написалъ бы мнѣ, что ты согласенъ, я бы съ первой почтой выслалъ тебѣ довѣренность, по которой ты бы удалилъ Андрея, принялъ бы хозяйство на себя, назначилъ бы въ Ясную другаго прикащика или бурмистра и съ сильнымъ желаніемъ привести въ порядокъ мое хозяйство принялся бы за дѣло, ты бы мнѣ сдѣлалъ большую пользу. —

Чтобы кредиторы дожидались — нужно съ ними объ этомъ поговорить. — Федуркинъ,[7] которому я долженъ 1,800 р., а не 3,000 (до 2,000 съ процентами) мой главный кредиторъ; ежели ты захочешь поговорить ему объ этомъ и объяснить, что для него выгоднѣе будетъ получать долгъ понемногу отъ меня, чѣмъ черезъ опеку, и что въ нынѣшнемъ 1852 году я намѣренъ заплатить ему около 800 р., въ декабрѣ мѣсяцѣ — срокъ его векселю въ Августѣ — то сдѣлаешь для меня другую большую услугу. —

Ежели же кредиторы ждать не захотятъ, и доходовъ по какимъ нибудь причинамъ не будетъ, тогда, дѣйствительно, надо будетъ продать Мост[овую] или Грец[овку]... поэтому ты сдѣлаешь мнѣ третью большую услугу, ежели пріищешь

покупателей, узнаешь о цѣнѣ и о томъ: не представитъ-ли къ этому затрудненій — общій ихъ залогъ съ Ясной, и напишешь объ этомъ мнѣ. — О всѣхъ этихъ трехъ пунктахъ я хотѣлъ писать тебѣ еще прежде, но ты мнѣ напомнилъ о нихъ своими совѣтами, за которые благодарю, но еще болѣе буду благодарить за исполненіе 3-хъ просьбъ. —

Т[атьяна] А[лександровна] ужаснулась бы, я думаю, прочтя такое холодное письмо, но мы съ тобой слишкомъ хорошо знаемъ другъ друга, чтобы бояться испортить наши отношенія холоднымъ письмомъ. Отвѣчай категорически на всѣ пункты.

Аксинья[8] мною отпущена, поэтому я ей приказать — быть въ твоей власти не могу, но, чтобы избавить тебя отъ ошибки, прилагаю записку Андрею, которую ты употребишь по благоусмотрѣнію.

Я могу быть представленъ за отличіе въ дѣлахъ и просто послѣ 6-ти мѣсяцевъ — въ первомъ случаѣ — держать экзамена не нужно, во второмъ я долженъ буду осенью ѣхать въ Петербургъ. — За отличіе-ли, или просто я буду представленъ? Я не знаю. —

Печатается по автографу, хранящемуся в ГТМ. Публикуется впервые.

[1] Об этом не сохранившемся письме в дневнике Толстого от 24 марта записано: «Получил письмо от Сережи, — его советы и рассуждения мне были очень неприятны, потому что напомнили слишком хорошо Тулу».

[2] На не сохранившееся письмо Толстого к гр. Дмитрию Николаевичу Толстому последний ответил письмом от 29 марта 1852 г.:

«Христос воскресе! друг мой и брат Лев! Я, слава богу, жив и здоров; письмо твое получил я в генваре и не отвечал, потому что нечего тебе сказать, на таком дальнем расстоянии я не люблю говорить; чего ты не поймешь и захочешь спросить, я не могу тотчас передать, а непонятым быть я не хочу.

Поэтому довольствуйся тем, что я жив и живу в Москве с августа по сие число, получаю из дворянской конторы жалования 200 р. сер. Теперь собираюсь в деревню на лето и уехал бы теперь, но ожидаю из Тулы свидетельства на залог своего Белевского имения, которое, как только заложу, что может случиться в апреле, тотчас уеду к себе в Щербачевку, оттуда летом может быть в Одессу купаться в море и может быть в Крым из Одессы полечиться чистым воздухом.

Я в хороших отношениях с Лукою Никитичем, который у меня *будет* жить.

Всё остальное по старому. Новых знакомых у меня нет; Калошины, Озеров Борис, Панин и Полянский, которых когда-то встретил у Кало-

шина, вот лица, которых я вижу, когда они у меня бывают; я решительно нигде не бываю. Сережа 4-го дня приехал из Пирогова в Москву и на другой день укатил по железке в Питер, решительно, чтобы только прокатиться, звал туда меня за тем же.

За тем прости, целуй брата Ник. Будьте оба здоровы. Г. ДТ.

1852 Марта 29. Москва.

Рапиры и маски тебе давно посланы, прежде твоего письма. Дагеротипных портретов я должен многим, в том числе и тебе, и не знаю на что из двух решиться, послать ли тебе портрет свой с бородой, которая у меня теперь очень велика, потому что я, бывши всю зиму болен, не брился, или обриться и послать без бороды. Когда я решу этот вопрос, то и выполню твою просьбу». (Письмо не опубликовано; подлинник в АТБ.)

Белевское имение — Поляны. Вспоминая своего деда гр. Илью Андреевича Толстого, Лев Николаевич писал в «Воспоминаниях детства» (гл. IV), что в этом имении «шло долго не перестающее пиршество, театры, балы, обеды, катания», которые разорили деда. По разделу Толстых в 1847 г. Поляны достались гр. Дмитрию Николаевичу Толстому. О *Луке Никитиче* см. прим. 22 к п. № 56. О *Калошиных* см. прим. 10 к п. № 31. О *Борисе Семен. Озерове* см. прим. 3 к п. № 12. *Панин* — Валериан Александрович Панин (1803—1880), смотритель Московского вдовьего дома в 1847—1862 гг., женатый на Софье Федоровне Пушкиной (1806—1862), к которой в 1826 г. сватался Александр Сергеевич Пушкин. Кто такой *Полянский*, сказать не можем. *Железка* — железная дорога между Петербургом и Москвой, открытая для пассажиров в ноябре 1851 г. *Рапиры и маски* нужны были Толстому для фехтования, чем он занимался, как видно из записей дневника.

[3] В деревне Мостовой пустоши Крапивенского у. было во время раздела имений Толстых 11 апреля 1847 г. 18 душ.

[4] Грецовка — деревня в 9 в. от Ясной поляны; при ней было 50 душ.

[5] О продаже большого дома в Ясной Поляне, выстроенного дедом (по матери) Толстого кн. Н. С. Волконским (1753—1821) и отцом, см. прим. 6 к п. № 89.

[6] Об этом не сохранившемся письме есть запись в дневнике Толстого под 20 марта: «... сел писать письма Валериану и Андрею. Я сочинил эти письма в то время, когда получил письмо Андрея, тогда я был сердит, и мне казалось очень хорошо; теперь же, напротив, был в хорошем расположении духа, и из этого соединения двух расположений вышли письма, которые мне не нравятся. Досада и выражения совершенно женские». Гр. В. П. Толстой отвечал 24 апреля 1852 г.: «Милый друг и брат Léon! — Андрей Ильин переслал мне письмо твое, в котором ты поручаешь мне свои дела и хозяйство. — Считаю излишним распространяться в своих чувствах к тебе, скажу прямо, что с душевной готовностью рад служить тебе всегда и во всем, — но так как во всяком случае недостаточно одной моей готовности и дружеского усердия — а потому позволю тебе откровенно высказать мое мнение. — Ты знаешь, что я весьма плохой и неопытный хозяин, твое же имение требует бдительного и постоянного над-

зора человека знающего, ибо скажу откровенно, что хуже трудно итти, как идет в Ясном. Андрей пьянствует, староста при этом случае ловит в мутной воде рыбку и также себя не забывает, а Осип дурак набитый, который слепо повинуется воле начальников. Что Андрей горький пьяница, ты это знал и несмотря на то, поручил ему всё хозяйство и оставил в полной доверенности, что придало ему большой форс, — а потому я теперь никак до твоего приезда сменить его не решусь, тем более, говоря с тетенькой о твоих делах, — в которых она принимает самое живейшее участие, я ясно видел, что ей нежелательно, чтобы он был сменен, — а вчера я получил от ней письмо, в котором она ясно пишет, *что Андрей оклеветан*, что он *с самой масленицы ведет себя отлично хорошо:* и потому сменить его я не имею уже и причины, — да, наконец, кем его заменить, — нанять управляющего без тебя я не решусь ни за что, я на всякий случай приискал человека, которого мне рекомендовали с хорошей стороны, лет 40 — холостой — он был управляющим над большим имением у Тургеневой, — потом заведывал главной конторой, и теперь у детей ее поверенным; он получил свободу и ищет место; я за ним посылал — он мне весьма понравился, но ручаться за него никак не могу. — Просит он *600* р. сер. и содержание на одного человека без всяких отвесных. Я ему сказал, что я к тебе напишу и буду ждать твоего ответа, на этих днях если здоровье мое позволит, поеду в Ясные, сосчитаю Андрея и уведомлю тебя обо всем подробно, но решительных мер никаких предпринимать не могу. — Относительно того, что ты желаешь, чтобы он без позволения моего не смел ничего расходовать, тут встретится также затруднение, испрашивать за 100 верст разрешения трудно. — И покуда будет переписка, то она может сделать упущение. — Что он непременно уже будет делать на зло. А потому не лучше ли будет поручить тебе эту статью тетеньке, которая, живя в Ясных, вероятно охотно возьмет это на себя и будет иметь более возможности за этим наблюдать; даже брат Сергей, будучи в 25 верстах и часто бывая в Ясных, скорей может это исполнить. — Я же непременно навлеку на себя большие неприятности или не угожу тебе, или тетенька останется мной недовольна. — Я уверен, мой милый друг, что ты, размыслив хорошо, найдешь мое мнение справедливым и не причтешь это к нежеланию моему быть тебе полезным, но к совершенной невозможности. — Если я по дружбе брата Николая заведывал его делами, то там я имел хорошего помощника Петра, а во-вторых, если бы и сделал промах, то отвечал одному брату: mais ici je me trouve entre deux feux [но здесь я себя чувствую между двух огней], а это самое затруднительное. Ради бога, не сердись; если бы я тебя менее любил и менее дорожил бы твоей дружбой, то скорей бы может-быть решился взять это на себя. — Что Андрей уже упустил, того воротить трудно, — ты, бог даст, по обещанию своему приедешь летом, сам всё увидишь и тогда сделаешь свои распоряжения, и я готов буду действовать по твоей инструкции, а с того времени я буду поверхностно надсматривать за Ясным и постараюсь не упустить ничего из виду, что будет клониться к твоей пользе. (Письмо не опубликовано, подлинник в АТБ.)

Андрей — Андр. Ил. Соболев, *Осип* — Осип Наумович Зябрев — крестьянин Ясной Поляны, пасечник, муж кормилицы Толстого, зани-

мавший в это время какую-нибудь административную должность в Ясной Поляне. *Тетенька* — Татьяна Александровна Ергольская. *Тургенева* — мать И. С. Тургенева, Варвара Петровна Тургенева, рожд. Лутовинова (1787—1850), имение которой — Спасское, находилось в 20 в. от Покровского, имения гр. В. Н. Толстого. Дети ее — Ник. Серг. и Ив. Серг. Тургеневы. О Петре Евстратовиче Воробьеве см. прим. 2 к п. № 31.

[7] Никакими сведениями о Федуркине мы не располагаем.

[8] Кто такая Аксинья сказать не можем.

* 60. Т. А. Ергольской.

1852 г. Мая 30 — июня 3. Пятигорск.

30 Mai. *Пятигорскъ.*

Chère tante!

Je n'ai aucune raison valable, pour excuser mon silence; je commence donc par vous demander mon pardon. — Revenu de l'expédition [1] j'ai passé avec Nicolas 2 mois à Старогладовская. — Nous y avons mené notre genre de vie habituel: chasse, lecture, conversations, échecs. J'ai fait pendant ce tems une course à la mer Caspienne très intéressante et agréable. [2] — J'aurais été tout-à-fait content de ces deux mois, si je n'avais pas été malade pendant ce tems; [3] au reste нѣтъ худа безъ добра, ma maladie m'a fourni le prétexte d'aller passer l'été à Пятигорскъ, d'où je vous écris. [4] —

Je suis ici depuis 2 semaines et je mène un genre de vie régulier et retiré; ce qui fait que je suis content de ma santé ainsi que de ma conduite. — Je me lève à 4 heures pour aller prendre les eaux, ce qui dure jusqu'à 6. A 6 je prends un bain et je reviens chez moi. — Je lis ou je cause en prenant le thé avec un de nos officiers qui loge à côté de moi et avec lequel nous faisons table commune; [5] après quoi je me mets à écrire jusqu'à midi — heure à laquelle nous dinons. Ванюшка [6] dont je suis parfaitement content nous fait la cuisine à très bon marché et assez mangeable. Je dors jusqu'à quatre, je joue aux echecs ou je lis, je vais de nouveau aux eaux et en revenant si le temps est beau je fais servir le thé au jardin et j'y passe quelquefois des heures entières à rever à Ясная, aux doux moments que j'y ai passé et surtout à une tante [7] que j'aime plus de jour en jour. — Plus ces souvenirs s'éloignent, plus je les aime et je

sais les apprécier. Quoiqu'il soit triste de penser au bonheur passé et surtout à celui qu'on a laissé passer sans avoir su en profiter, j'aime cette espèce de tristesse et j'y puise quelquefois des moments bien doux. —

Depuis mon voyage et séjour à Tiffliss mon genre de vie n'est pas changé: je tâche de faire le moins de connaissances possibles et de m'abstenir de l'intimité de celles que j'ai. — On est habitué à ma manière, on ne m'importune plus et je suis sûr qu'on dit que je suis un *чудакъ* et *гордецъ*. Ce n'est pas par fierté que je me conduis ainsi, mais cela s'est fait de soi même: il y a une trop grande différence dans l'éducation, les sentiments et la manière de voir de ceux que je rencontre ici, pour que je trouve quelque plaisir avec eux. Il n'y a que Nicolas [8] qui a le talent, malgré l'énorme différence qu'il y a entre lui et tous ces messieurs, à s'amuser avec eux et à être aimé de tous. Je lui envie ce talent, mais je sens que je ne puis en faire autant. — Il est vrai que ce genre de vie n'est pas fait pour s'amuser, aussi il y a bien longtems que je ne pense plus aux plaisirs, je pense à être tranquille et content. — Depuis quelque tems je commence à prendre gout pour les lectures historiques (c'était un point de dispute entre nous et sur lequel à présent je suis tout-à-fait de votre avis); mes occupations littéraires vont aussi leur petit train quoique je ne pense pas encore à rien imprimer. J'ai trois fois refait un ouvrage que j'ai commenceé il y a bien longtemps et je compte le refaire encore une fois, pour en être content. Peut être que ce sera comme le travail de Pénélope; [9] mais cela ne me dégoute pas, je ne compose pas par ambition, mais par gout — je trouve mon plaisir et mon utilité à travailler et je travaille. [10] Quoique je sois bien loin de m'amuser comme je vous l'ai dit, je suis aussi bien loin de m'ennuyer; parce que je suis occupé; mais excepté cela je goûte un plaisir plus doux et plus élevé que celui qu'aurait pu me donner la société — celui de sentir le repos de ma conscience, de se connaitre et de se savoir mieux apprécier que je ne l'avais fait, et de sentir remuer en moi des sentiments bons et généreux. — Il y a eu un tems où j'étais vain de mon esprit, de ma position dans le monde, de mon nom; mais à présent je sais et je sens que s'il y a en moi quelque chose de bon si j'ai à en rendre grace à la Providence c'est pour un coeur bon, sensible et capable d'amour, qu'il lui a plu de me donner et de me conserver. C'est à lui seul que je suis redevable des moments les

plus doux que je passe et de ce que malgré l'absence des plaisirs et de société je suis non seulement content mais souvent heureux. — Il y aura bientôt 5 mois que je sers, donc dans un mois j'aurai du être avancé; mais je sais qu'il passera encore six mois et peut-être plus avant que je reçoive le rang. — Ceci, la main sur la conscience m'est parfaitement indifférent; la seule chose qui m'inquiète c'est le voyage à Pétersbourg qu'il me faudra faire et pour lequel je n'ai pas de moyens. —

Вспоминаю ваше правило, что *не надо загадывать*, какъ нибудь да сдѣлается. —.

Adieu chère tante; je termine cette lettre puisqu'il est tard; mais comme la poste ne va que dans deux jours et qu'il ne se passe pas de jour que je ne pense à vous je la continuerai probablement. Donc à revoir. — Que fait tante Pauline? [11] Se porte-t-elle bien? Est-elle toujours contente de son genre de vie? —

Je pense souvent à elle, à sa vie étrange, qui au fond doit être bien triste, je me dis qu'il est bien mal à moi d'avoir, quoique involontairement rompu toutes relations avec elle et je me promets de lui écrire, mais il est si difficile de commencer ou de reprendre une correspondance interrompue. —

3 Juin. Le seul moyen, pour moi de vous écrire, sans être tenté de déchirer ce que j'ai écrit est de ne point relire. — Il me parait tantôt, que ma lettre est froide, tantôt — stupide, tantôt — exaltée jamais je n'en suis content; tant je crains de vous choquer, de vous donner quelque sujet d'incertitude ou d'inquiétude sur mon compte et tant je désire, que mes lettres vous soyent agréables. —

Je viens d'apprendre par une lettre d'André [12] qu'on vous attend à Ясное. — Je ne sais pourquoi; mais rien ne me fait tant de plaisir, que de vous savoir à Ясное; il me parait que cela me rapproche de vous et puis mon imagination ne vous représente pas autrement, que dans votre petite chambre dans l'aile [13] sur votre пироговскій диванчикъ, avec des têtes de sphinx, devant votre petite table, que vous aimez tant et à côté de votre шифоньерка, въ которой все есть. — Quand il nous manque quelque chose, nous disons toujours avec Ni[colas] нѣтъ тетинькиной шифоньерки. Ordonnez à André de vous montrer la lettre dans laquelle je lui indique les titres des livres Français [14] dont j'ai besoin et ayez la bonté de me les envoyer. —

Ayez la bonté, aussi, de lui dire qu'il m'envoye à Пятигорскъ,

на Кабардинской слободкѣ, 252 № (c'est mon adresse) — les 100 r. que je lui ai ordonné de préparer. — Je suis excessivement mécontent d'André et j'ai écrit à Serge, [15] en le priant de vouloir se charger de Ясное, je l'ai prié de me répondre s'il consent à s'occuper sérieusement de mes affaires, ce qui devient de jour en jour plus indispensable; puisque d'après les lettres et les вѣдомости d'André [16] je vois clairement qu'il ne s'occupe qu'à boire et à voler. — Serge jusqu'à présent par paresse ou par quelque autre raison, ne m'a pas encore tiré de l'incertitude dans laquelle je suis à ce sujet. [17] Побраните его за это, пожалуйста.

Adieu chère tante, je baise vos mains.

Et c'est vous qui me parlez de reconnaissance dans votre dernière lettre. [18] Je vous assure, chère tante, que malgré toute la confiance que j'ai en votre coeur, j'ai eu un moment l'idée que vous vous moquiez de moi. C'est qu'il serait trop ridicule que je prenne au sérieux de vous, à laquelle nous devons tout, des paroles de reconnaissance pour des choses qui ne me coutent pas le moindre sacrifice. Adieu. Au revoir, chère tante. Dans quelques mois si le bon Dieu ne dérange pas les projets que je fais je serais auprès de vous et en état de vous prouver par mes soins et mon amour que j'ai mérité quelque peu tout ce que vous avez fait pour nous. — Votre souvenir m'est tellement présent qu'après avoir écrit ceci je suis resté quelques moments sans écrire et occupé à me représenter l'heureux moment quand je vous reverrai, quand vous pleurerez de joie en me voyant et quand moi aussi je pleurerai comme un enfant en vous baisant les mains. Sans exagération, de ma vie je n'ai rien attendu avec tant d'impatience et d'espoir de bonheur que j'attends à présent cet heureux moment. J'ai voulu adresser cette lettre à Serge, mais malgré moi je me suis laissé aller au plaisir de vous parler de mes sentiments et comme les plaisanteries qu'il pourrait faire làdessus me feraient trop de peine j'aime mieux l'adresser à vous en vous priant de ne lui montrer que la première feuille. Je suis sûr qu'il n'a pas un coeur moins sensible que le mien, mais il a une certaine fausse honte de parler de ses sentiments, qui le prive de ce plaisir moral, que je ressens en ce moment en vous écrivant et en pensant à vous. L'idée que ce que je vous écris peu paraître outré ou ridicule à un etranger ne me préocupe nullement je suis tellement persuadé que vous me comprendrez toujours.

На конверте:
Ея Высокоблагородію Татьянѣ Александровнѣ Ергольской.
Въ г. Тулу. Ясная Поляна.

30 мая. Пятигорск.

Дорогая тетенька!

У меня нет никакой достойной причины, чтобы оправдываться в своем молчании, и я начинаю с того, что просто прошу у вас прощения. — Вернувшись из похода, [1] я провел с Николенькой 2 месяца в *Старогладовской*. Вели мы наш обычный образ жизни: охота, чтение, разговоры, шахматы. За это время я совершил интересную и приятную поездку к Каспийскому морю.[2] — Этими двумя месяцами я был бы вполне доволен, ежели бы не заболел. [3] Впрочем, *нѣтъ худа безъ добра* и из-за этой болезни я поехал на лето в *Пятигорскъ* откуда и пишу вам. [4] —

Здесь я уже две недели, веду образ жизни правильный и уединенный, так что я доволен и своим здоровьем и своим поведением. — Встаю в 4 ч. и иду пить воды — это длится до 6. Принимаю ванну и возвращаюсь к себе. — Читаю или разговариваю во время чая с одним из наших офицеров, который живет рядом, и с которым я столуюсь, [5] затем я сажусь писать до двенадцати — часа нашего обеда. *Ванюшка*, которым я очень доволен, кормит нас дешево и довольно сытно. Сплю до четырех часов, играю в шахматы или читаю, иду опять на воды и, вернувшись, ежели погода хорошая, чай велю подать в сад и там я часами мечтаю об *Ясной*, о чудесном времени, которое я проводил там, и в особенности об одной тетеньке, которую день ото дня я люблю всё сильнее. — Чем дальше эти воспоминания, тем дороже они становятся, и тем больше я их ценю. Хотя грустно бывает думать о прошедшем счастье и в особенности о том, которым не сумел воспользоваться, но мне приятна эта печаль, и я черпаю в ней сладостные мгновенья. —

Вернувшись из Тифлиса, я не изменил своего образа жизни, всё так же стараюсь избегать новых знакомств и воздерживаться от всякой интимности с прежними. К этому все привыкли, никто не навязывается, но, наверное, я слыву *чудакомъ и гордецомъ*. Но это не из гордости, а произошло это невольно; слишком большая разница в воспитании, чувствах, взглядах моих и тех людей, которых я здесь встречаю, чтобы я испытывал малейшие удовольствия с ними. А Николенька [8] обладает талантом, несмотря на огромную разницу между ним и всеми этими господами, веселиться с ними, и все его любят. Завидую ему, но не способен на это. Правду сказать, в нашем образе жизни мало веселого, но я уже давно не ищу удовольствий, желаю только быть покойным и довольным. — С некоторых пор я полюбил исторические книги (это бывало причиной несогласия между нами, теперь же я совершенно вашего мнения); мои литературные занятия идут понемножку, хотя я еще не думаю что-нибудь печатать. Одну вещь, которую я начал уже давно, я переделал три раза и намерен еще раз переделать, чтобы быть ею довольным; пожалуй это в роде работы Пенелопы, [9] но это меня не удручает, я пишу не из честолюбия, а по вкусу — нахожу удовольствие и пользу в этой работе, потому

и работаю. [10] — Хотя, как я уже сказал, я очень далек от того, чтобы веселиться, но я так же далек от скуки, потому что занят, и, кроме того, я вкушаю удовольствие более сладостное, более возвышенное, чем то, которое могло бы мне дать общество, это удовлетворенность, вызванная спокойной ссвестью, самоуглублением и сознанием, что есть успехи, что во мне пробуждаются добрые и великодушные чувства. — Было время, когда я гордился своим умом, своим положением в свете, своей фамилией, но теперь я сознаю и чувствую, ежели во мне и есть что хорошего по милости божьей, то только доброе сердце, чуткое и любящее, которое богу угодно было дать мне и сохранить до сих пор, и благодаря ему я испытываю тихие радости и, лишенный всяких удовольствий и всякого общества, не только удовлетворен своею жизнью, но временами и прямо счастлив. — Скоро исполнится 5 месяцев, как я на службе, через месяц я мог бы быть произведен; но я знаю, что пройдет шесть месяцев, а может быть и больше, прежде чем я получу чин. — Но, по совести говорю, что мне это совершенно безразлично; единственное, что меня озабочивает, это необходимость ехать в Петербург, а ехать не на что. —

*Вспоминаю ваше правило, что *не надо загадывать*, какъ нибудь да сдѣлается.* —

Прощайте, дорогая тетенька, кончаю письмо, потому что поздно, но так как почта отходит через 2 дня, а дня не проходит, чтобы я не думал о вас, я это письмо продолжу, вероятно. Итак, до свиданья. — Как поживает тетя Полина? Здорова ли она? По прежнему ли довольна своей жизнью? —

Часто думаю о ней и о странной ее жизни, которая в сущности довольно грустная и я расстраиваюсь, что, хотя невольно, прекратил всякое с нею общение и даю себе слово, что напишу ей; но так трудно начинать или возобновлять прерванную переписку. —

3 июня. Единственная возможность для меня вам писать и не разорвать то, что я написал — не перечитывать письма. — То мне кажется, что письмо мое холодно, то глупо, то экзальтированно — никогда я не бываю доволен, до такой степени я боюсь вас оскорбить чем нибудь, возбудить ваше подозрение или беспокойство на мой счет и так мне хочется, чтобы мои письма вам были приятны. —

Из письма Андрея[12] сейчас узнал, что вас ждут в *Ясное*. — Не знаю почему, но ничего не доставляет мне такого удовольствия, как сознание, что вы в Ясном; как то этим вы мне кажетесь ближе, и я иначе вас себе не представляю, как в вашей маленькой комнате во флигеле, [13] на «пироговском диванчике» со сфинксовыми головами, за вашим любимым столиком, рядом с шифоньеркой, в которой все есть. — *Когда у насъ нѣтъ, чего намъ нужно, — мы съ Николенькой говоримъ: нѣтъ тетиньки ной шифоньерки*. — Прикажите Андрею показать вам письмо, в котором я посылаю список французских книг, [14] которые мне нужны, и пришлите их пожалуйста.

Будьте добры, скажите ему тоже, чтобы он выслал мнѣ в *Пятигорскъ на Кабардинской слободкѣ, 252 №* (это мой адрес), — те 100 р., которые я велел ему заготовить. — Андреем я очень недоволен и написал Сереже, [15] прося его взять на себя управление «Ясным»; я просил его ответить мне, согласен ли он серьезно заняться моими делами. что с каждым

днем становится все более и более необходимым; судя по письмам Андрея [16] и по *вѣдомостямъ*, я ясно вижу, что он только и делает, что пьет и ворует. До сих пор Сережа из лени или по какой другой причине не дает мне положительного ответа. [17] Побраните его за это, пожалуйста.

Прощайте, дорогая тетенька, целую ваши ручки.

Как это вы, в вашем последнем письме [18] говорите о вашей благодарности. Право, дорогая тетенька, несмотря на то, что я знаю ваше доброе сердце, в первую минуту я подумал, что вы насмехаетесь надо мной. Ведь не могу же я принять всерьез, что вы, которой мы всем обязаны, благодарите меня за то, что мне не стоило ни малейшзй жертвы. Прощайте и до свиданья, дорогая тетенька. Если бог даст сбудутся мои планы, то через несколько месяцев я буду с вами и своею любовью и заботами докажу вам, что я хоть кое как заслужил всё то, что вы для нас делаете. — Я так живо вспоминаю о вас, что сейчас перестал писать и стал представлять себе счастливую минуту, когда я вас увижу; вы заплачете от радости, а я буду плакать, как ребенок, целуя ваши руки. Без преувеличения скажу, что ничего в жизни я не ждал с таким нетерпением, с такой надеждой на счастье, как я жду теперь этого счастливого момента. Я собирался адресовать это письмо на имя Сережи, но нечаянно дав себе волю, выразил вам свои чувства, которые вызовут его насмешки, и мне это будет тяжело, я адресую письма вам, а вы ему передайте только первый лист. Я уверен, что у него такое же чувствительное сердце, как у меня, но ложный стыд не дает ему говорить о своих чувствах, и потому он лишен той духовной радости, которую испытываю я, когда пишу вам и думаю о вас. Мысль, что чужому человеку может показаться преувеличенным и смешным то, что я вам высказываю, меня не озабочивает нисколько, а что вы всегда меня поймете, я убежден.

Печатается по автографу, хранящемуся в АТБ. Впервые напечатаны отрывки из письма (по-французски и в переводе) П. И. Бирюковым в Б, 1, 1906, стр. 204—205; несколько бо́льшие отрывки (только в переводе), даны П. А. Сергеенко, в ПТС, 1, стр. 26—29; затем еще бо́льшие отрывки (только в переводе), даны в Бир., XX, 1913, стр. 27—30. Год письма определяется почтовым штемпелем: «получено 1852 июня 11». На конверте рукой Т. А. Ергольской написано «Получила 14 июня, от [т. е. отправила] 21 июня».

Об этом письме в дневнике Толстого есть запись под 30 мая: «... написал письмо Татьяне Александровне, которое не послал и которым недоволен».

[1] См. письмо № 58.

[2] Выехав из Старогладковской в Кизляр 13 апреля, Толстой пробыл тут до 21 апреля, когда поехал на Шандраковскую пристань (на Каспийском море, севернее впадения Терека), откуда 24 апреля выехал через Кизляр в Старогладковскую.

[3] Приехав в Старогладковскую, Толстой скоро заболел кровавым поносом (запись в дневнике под 28 апреля).

[4] В Пятигорск Толстой выехал 13 мая.

[5] Ник. Ив. Буемский. О нем см. прим. 6 к п. № 45.

[6] Иван Васильевич Суворов. О нем см. прим. 5 к п. № 50.

[7] Тат. Алдр. Ергольская.

[8] Гр. Н. Н. Толстой. О нем см. вступ. прим. к п. № 50.

[9] Пенелопа — добродетельная жена царя Итаки Одиссея, героя Троянской войны. Разлучившись с Одиссеем, отправившимся под Трою, она терпеливо в течение 20 лет ждала его возвращения и, чтобы избавиться от навязчивых женихов, сказала, что отдаст свою руку одному из них только тогда, когда кончит своему престарелому отцу хитон; но сотканное за день она распускала ночью, пока не вернулся Одиссей.

[10] Речь идет о «Детстве», работа над третьей редакцией которого шла с 21 марта 1852 г. по 27 мая 1852 г. С 30 мая началась отделка текста, давшая в результате окончательную редакцию.

[11] Пелагея Ильинишна Юшкова.

[12] Это письмо не сохранилось.

[13] Ныне существующий дом, в котором жил Толстой с 1856 г. до своей смерти. Комната, в которой жила Татьяна Александровна, — теперешняя гостиная.

[14] Этот список не сохранился.

[15] Разумеет письмо № 59.

[16] Ни одного письма не сохранилось.

[17] На письмо № 59.

[18] Это письмо не сохранилось.

На это письмо Т. А. Ергольская ответила письмом от 20 июня 1852 г.:

«С огромной радостью получила твое письмо из Пятигорска, дорогой Léon; не могу выразить, с каким волненьем я читала его, и я вовсе не обижена твоим молчаньем. Прочла и перечитывала твое письмо много раз со слезами, теми редкими, сладостными слезами, от которых сердцу становится легче. Я почувствовала, что в тебе нет равнодушия, а только — беспечность. Я часто писала тебе, мой милый, из Покровского, хотя ты не всегда аккуратно мне отвечал, но воспоминание о хорошем времени, которое мы провели с тобой в Ясном, сохранилось в моем сердце, и я не могу его забыть.

Мне то в тебе мило, что ты не придумываешь оправданий для своего молчания, а просто просишь прощения за то, что не писал; эта откровенность мне по душе и утешительна, по ней я вижу, что ты всё такой же; полюбила бы я тебя за это еще нежней, да это невозможно, милый мой, мне радостно видеть ту прямоту и откровенность, свойственные тебе, которых не изменили ни разлука, ни расстояние; на них я основываю свою надежду на счастье.

Всё, что ты пишешь о своей жизни в Пятигорске, мне интересно; когда часы распределены, и весь день занят, не видишь, как идет время; ты говоришь, что твои литературные сочинения идут своим чередом; ты прав, мой милый, что не бросаешь этого рода занятия; если оно доставляет тебе удовольствие, нужно надеяться, что оно тебе удается.

Ты хорошо сделал, что поехал лечиться в Пятигорск, и давно это было нужно, так как здоровье твое расшатано; отделался ли ты, наконец, от боли в ноге и флюсов? Пожалуйста, мой дружок, лечись серьезно. Боюсь, что у тебя денег не хватит на продолжительное пребывание; 100 р.,

которые ты выписал, собрали с трудом; Андрей расстроил твои дела и устроил свои; продавать больше решительно нечего. А бог знает, каков будет нынешний урожай; сильная засуха и страшная жара не предвещают ничего хорошего.

Ты мне поручаешь, мой милый, пожурить Сережу за то, что он не отвечает на твои письма, и просишь его приглядывать за Ясным, тем самым и за Андреем; но ему опротивело его собственное хозяйство, и он не возьмется за твое. Дозволь мне указать тебе, что ты непоследователен; ты уже просил Валерьяна взять под свое наблюдение Ясное; он согласился на эту услугу охотно, и вслед за этим ты тоже поручение даешь Сереже, который отказывается, потому что не находит себя на это способным. Ежели ты желаешь передать управление имением Валерьяну, необходимо прислать ему доверенность, по которой он мог бы распоряжаться по своему усмотрению и уничтожить ту, которую ты дал Андрею; он должен быть в полном подчинении Валерьяна, а то он так привык всё делать по-своему и, главное, разыгрывать роль полного хозяина в Ясном, что ему будет трудно привыкнуть к чужому распорядителю; а бедный Осип и староста натерпятся от него, ежели он будет восстановлен в прежней власти. Меня в особенности возмутило в нем то, что он допустил Копылова предъявить вексель и не предупредил тебя об этом, но я плохо этому верю, ведь он с ним в дружбе. Опасаюсь, как бы *Федуркин* не сделал того же, что и Копылов. Говорят, он хочет купить у тебя лошадь; хорошо, ежели бы этим можно было выплатить половину твоих долгов.

Еще ты пишешь мне, мой милый, что ты на службе 4 месяца, что тебе нужно ехать в Петербург для получения офицерского чина, но что денег нет, ехать не на что. Как в этом разобраться? В марте месяце ты мне писал, что еще не принят на службу и в поход ходил волонтером. Разъясни мне эту загадку, я ее не могу разгадать. Во всяком случае надо заготовить деньги раньше, чем ехать в Петербург, впрочем я опять повторяю то же: *не надо загадывать, бог всё устроит к лучшему.*

Книги, которые ты выписал, уже давно тебе высланы, 1-го тома Новой Элоизы нет; может быть, ты оставил его в Москве, а здесь его не сыскали.

Хорошо бы тебе, милый Léon, написать тете Полине; она о вас справляется в каждом письме. Напрасно ты думаешь, что она соскучилась в монастыре; народу она видает много, и это ее развлекает; но главным образом она свыклась с этой жизнью. Единственное, что ее расстраивает это то, что она по временам терпит лишения; деньги выплачиваются не всегда аккуратно, и это часто ставит ее в затруднительное положение.

Затем прощай, дорогой Léon, нежно целую тебя. Да будет на тебе милость господня, и да сохранит он тебя.

Так как ты очень доволен Ванюшей, поклонись ему от меня; он и камердинер, и повар и обе должности исполняет хорошо — это делает ему честь. Хорошо, что ты его взял с собой, он умный малый и на всё горазд. Мать его переведена в Грумант, чему она очень рада. — Гаша целует твою руку, тоже и *Осип;* он прямой малый и не в чести у управляющего за то, что раскрыл Валерьяну все его проделки. А что делают Алешка и Дмитрий? Я нахожу, что при тебе слишком много людей, их содержание

тебе дорого обходится. Ты всегда живешь барином, не то что Николенька; тратишь больше его, а средств у тебя меньше.

Сережа уехал на несколько дней в Покровское; Митенька всё еще в Москве и лечится серьезно. Дай то бог, чтобы он вполне излечился от своей болезни». (Оригинал по-французски; публикуется впервые; подлинник в АТБ.)

Новая Элоиза — роман (1761 г.) Ж. Ж. Руссо. *Грумант* (Угрюмы или Грумы тож) — деревня в 3 в. от Ясной Поляны. Интересно происхождение названия этой деревни. Дед Толстого кн. Николай Сергеевич Волконский (1753—1821) в царствование Павла был губернатором в Архангельске. В память об острове Груманте (русское название Шпицбергена) он и назвал свою деревню. Название это было крестьянами переделано в «Грумы», а затем в «Угрюмы». Там когда-то была ферма гр. Толстых, о которой упоминает Лев Николаевич в своих «Воспоминаниях детства». *Гаша* — Агафья Михайловна. *Осип* — Осип Наумович Зябрев. *Алешка* — Алексей Степанович Орехов.

* 61. Гр. С. Н. Толстому.

1852 г. Июня 24. Пятигорск.

24 Іюня.
Пятигорскъ.

Какъ тебѣ не совѣстно, Сережа, не отвѣчать на письмо, и отвѣтъ на которое очень интересуетъ меня? Надѣюсь, что теперь отвѣтъ этотъ тобою уже отправленъ, поэтому не буду больше говорить о немъ. — Лошади мои не продаются несмотря на участіе, которое ты въ этомъ принималъ — какъ пишетъ мнѣ Андрей. Не дорого ли за нихъ ты назначалъ цѣну? —

Я очень хорошо знаю, что, ежели бы я самъ взялся продавать ихъ, то я бы непременно дорожился и также какъ Андрей никогда-бы не продалъ ихъ; но такъ какъ я лошадей не вижу и не могу увлекаться ими, я вижу только убытокъ и нахожу, что лучше продать ихъ всѣхъ за сто р. асс. чѣмъ держать дальше — даромъ кормить, давать имъ старѣться и терять какіе-бы то ни были проценты на сумму, которую за нихъ можно взять. — Сдѣлай же одолженіе, продай ихъ за то, что дадутъ. Деньги съ лошадей я назначилъ для уплаты Беершѣ [2] и не перемѣняю этаго распоряженія. —

Нѣтъ ли у тебя въ Пироговѣ 1-го тома Nouvelle Heloise? Я смутно помню, что во времена моего жокейскаго костюма и твоего Карповскаго соперничества съ Чулковымъ [3] эта книга играла тутъ какую-то роль. Не забыта-ли она въ Ка-

зачьемъ?[4] Пожалуйста наведи справки, у себя поищи хорошенько и, ежели окажется, вышли мнѣ.[5] Что тебѣ сказать о своемъ житьѣ? Я писалъ три письма и въ каждомъ описывалъ то-же самое.[6] Желалъ бы я тебѣ описать *духъ* Пятигорскій, да это также трудно, какъ разсказать новому человѣку, въ чемъ состоитъ — *Тула*, а мы это кнесчастью отлично понимаемъ. Пятигорскъ то же немножко *Тула*, но особеннаго рода — Кавказская. Н[а] п[римѣръ] здѣсь главную роль играютъ *семейные дома и публичныя мѣста*. Общество состоитъ изъ *помѣщиковъ* (какъ технически называются всѣ пріѣзжіе), которые смотрятъ на здѣшнюю цивилизацію презрительно и Г[оспо]дъ Офицеровъ, которые смотрятъ на здѣшнія увеселенія какъ на верхъ блаженства. — Со мною изъ Штаба пріѣхалъ офицеръ нашей батареи.[7] Надо было видѣть его восторгъ и безпокойство, когда мы въѣзжали въ городъ! Еще прежде онъ мнѣ много говорилъ о томъ, какъ весело бываетъ на водахъ, о томъ, какъ подъ музыку ходятъ по бульвару и потомъ, будто всѣ идутъ въ кондитерскую и тамъ знакомятся — даже съ семейными домами, театръ, собранье, всякій годъ бываютъ сватьбы, дуэли... *ну однимъ словомъ, чисто парижская жисть*. Какъ только мы вышли изъ тарантаса, мой офицеръ надѣлъ голубые панталоны съ ужасно натянутыми штрипками, сапоги съ огромными шпорами, эполеты, обчистился и пошелъ подъ музыку ходить по бульвару, потомъ въ кондитерскую, въ театръ и въ собраніе. Но сколько мнѣ извѣстно, вмѣсто ожидаемыхъ знакомствъ съ семейными домами и невѣсты помѣщицы съ 1,000 душами, онъ въ цѣлый мѣсяцъ познакомился только съ тремя оборванными офицерами, которые объиграли его до тла и съ однимъ семейнымъ домомъ, но въ которомъ два семейства живутъ въ одной комнатѣ и подаютъ чай въ прикуску. Кромѣ этаго офицеръ этотъ въ этотъ мѣсяцъ издержалъ рублей 20 на портеръ и на конфеты и купилъ себѣ бронзовое зеркало для *настольнаго прибора*. Теперь онъ ходитъ въ старомъ сертукѣ безъ эполетъ, пьетъ серную воду изо всѣхъ силъ, какъ будто серьезно лечится, и удивляется, что никакъ не могъ познакомиться, несмотря на то, что всякій день ходилъ по бульвару и въ кондитерскую и не жалѣлъ денегъ на театръ, извощиковъ и перчатки, съ *аристократіей* (здѣсь во всякой гавенной крѣпостченкѣ есть аристократія), а аристократія какъ на зло устраиваетъ кавалькады,

пикники, и его никуда не пускают. [8] — Почти всѣхъ офицеровъ, которые пріѣзжаютъ сюда, постигаетъ таже участь, и они притворяются, будто только пріѣхали лѣчиться, хромаютъ съ костылями, носятъ повязки, перевязки, пьянетвуютъ и разсказываютъ страшныя исторіи про Черкессовъ. Между тѣмъ въ Штабу они опять будутъ разсказывать, что были знакомы съ *семейными домами* и веселились на славу; и всякій курсъ со всѣхъ сторонъ кучами ѣдутъ на воды — повеселиться.

Я очень удивился встрѣтивъ здѣсь на дняхъ Еремѣева-младшаго. Онъ ужасно болѣнъ и женатъ на Скуратовой. [9] Они здѣсь *задаютъ тонъ*, но несмотря на это я рѣдко вижусь съ ними: она очень глупа, а онъ — Еремѣевъ. — Притомъ-же у нихъ безпрестанный картежъ, а онъ мнѣ вотъ гдѣ сидитъ. — Время производства моего будетъ еще очень не скоро; со всѣми проволочками, никакъ не раньше 53-го года. —

Ты былъ въ Москвѣ, въ Петербургѣ, пожалуйста разскажи мнѣ про наших знакомыхъ: Дьяковъ, [10] Ферзенъ, [11] Львовъ, [12] Озеровъ, [13] Ислявины, [14] Волконскіе, [15] даже Горчаковы—? [16]

Связываютъ-ли тебя теперь какія нибудь узы съ Машей, и какіе это узы? Митинька прошлаго года хотѣлъ ѣхать на Лонд[онскую] выставку и уѣхалъ въ Москву, нынче онъ писалъ мнѣ, что хочетъ ѣхать на Кавказъ, или въ Крымъ, [17] такъ не уѣхалъ-ли онъ въ Полтаву?

Прощай, я-бы писалъ больше, но очень усталъ, а усталъ отъ того, что не спалъ всю эту ночь. — Вчера въ первомъ часу меня разбудилъ на моемъ дворѣ плачь, пискъ, крики и страшный шумъ. — Мой хозяинъ ѣхалъ ночью съ ярмарки, съ нимъ повстрѣчался Татаринъ — пьяный и въ видѣ шутки выстрѣлилъ въ него изъ пистолета. Его привезли, посадили на землю посереди двора, сбѣжались бабы, пьяные родственники, окружили его, и никто не помогалъ ему. Пуля пробила ему лѣвую грудь и правую руку. Сцена была трогательная и смѣшная. Посереди двора весь въ крови сидитъ человѣкъ, а кругомъ него столпилась огромная пьяная компанія. Одинъ какой-то пьяный офицеръ разсказываетъ, какъ онъ самъ былъ два раза раненъ и какой онъ молодецъ, баба оретъ во все горло, что Шамиль [18] пришелъ, другая, что она теперь ни за что по воду ночью ходить не будетъ и т. д. и т. д. Наконецъ ужъ я послалъ за Докторомъ и самъ перевязалъ рану. Тутъ прибѣжалъ мертвецки пьяный фершелъ, сорвалъ мою повязку и еще разъ

разберединлъ рану, наконецъ приѣхалъ Докторъ и еще разъ перевязалъ. — Раненый — человѣкъ лѣтъ 50 изъ хохловъ, красавецъ собой и удивительный молодецъ. Я никогда не видалъ, чтобы такъ терпѣливо переносили страданія. — Однако кажется мы вмѣстѣ съ Докторомъ, который все шутитъ, уморили его. Я сейчасъ заходилъ къ нему и никакъ не могъ разувѣрить его, что онъ умретъ. Онъ очень плохъ, харкаетъ кровью, это вѣрный признакъ смерти, но говоритъ и только морщится. Я пишу подробно о вещи, до которой тебѣ нѣтъ никакого дѣла потому, что самъ нахожусь еще подъ этимъ впечатлѣніемъ.[19] Кромѣ этаго старика въ моей квартирѣ лежитъ Ванюшка — при смерти больной. У него fièvre lente. [20]—

Печатается по автографу, хранящемуся в ГТМ. Впервые напечатан отрывок из письма П. И. Бирюковым в Б, I, 1906, стр. 206—208. Год определяется содержанием: Толстой упоминает о письме Дмитрия Николаевича Толстого: — «нынче он писал мне, что хочет ехать на Кавказ или в Крым», — датированном 29 марта 1852 г. См. прим. 2 к п. № 59. Об этом письме записано в дневнике Толстого от 24 июня: «Написал порядочное письмо Сереже».

[1] Это письмо не сохранилось.

[2] О Нат. Андр. Беэр см. прим. 5 к п. № 64

[3] Эти слова очевидно нужно понимать в том смысле, что гр. Сергей Николаевич Толстой и Николай Алексеевич Чулков ухаживали за одной из барышень Карповых, дочерей Николая Алексеевича (р. в 1802 г.) и Марьи Евстафьевны Карповых. Их было три: Елизавета, Екатерина (р. 4 октября 1832 г.) и Марья (р. 28 мая 1835 г.).

[4] Имение Н. А. Чулкова Крапивенского уезда.

[5] *В автографе ошибочно:* меня.

[6] Из этих трех писем известно лишь одно к Т. А. Ергольской № 60.

[7] Ник. Ив. Буемский. О нем см. прим. 6 к п. № 45.

[8] В дневнике Толстого под 24 июня записано: «Прочел Буемскому то, что писал о нем, и он взбешенный убежал от меня».

[9] Об этом Еремееве есть записи в дневнике под 17 июня: «встретил Еремеева, слишком обрадовался» и под 22 июня: «Еремеев так же глуп и безалаберен, как был всегда. Забавляет тем, что знал московских высших чиновников и т. д. и тем, что здешние господа обыгрывают его, и тем, что у него есть не свои деньги и глупая жена, а я мог ему завидовать!» *Еремеевы* — родственники Молоствовым. Сестра деда Зинаиды Модестовны, Марья Львовна Молоствова была замужем за Ив. Фед. Еремеевым.

[10] Дм. Алекс. Дьяков. О нем см. прим. 4 к п. № 9.

[11] Бар. Герман Егор. Ферзен. О нем см. прим. 2 к п. № 12.

[12] Кн. Георг. Влад. Львов. О нем см. вступ. прим. к п. № 94.

[13] Борис Сем. Озеров. О нем см. прим. 3 к п. № 12.

[14] Влад. Алдр., Мих. Алдр. и Конст. Алдр. Ислявины. О них см. прим. 10 к п. № 12.

[15] Кн. Алдр. Алекс. и Луиза Ив. Волконские. О них см. прим. 3 к п. № 41.

[16] Семья кн. Серг. Дмитр. и Анны Алдр. Горчаковых. О них см. прим. 1 к п. № 7.

[17] Толстой имеет в виду письмо гр. Д. Н. Толстого от 29 марта 1852 г., которое см. в прим. к п. № 59.

[18] О Шамиле см. прим. 29 к п. № 52.

[19] Об этой истории записано в дневнике Толстого под этим же числом: «В 1-м часу ночи разбудил меня Буемский и крики у соседей. Старика ранили; я вел себя необдуманно и слабо, но не неприлично».

[20] Продолжительная лихорадка.

Записи о болезни Ванюшки идут в дневнике Толстого с 9 июня. Под 23 июня записано: «Ванюшка плох», под 25 июня: «Ванюшке лучше».

На это письмо гр. С. Н. Толстой ответил таким письмом из Пирогова от 14 июля 1852 г.

«Любезный Леон! Левон! Ты укоряешь меня в том, что я долго не отвечал на твое письмо, виноват в этом частью ты сам, потому что ты в одно и то же время пишешь и мне и Валериану об одном и том же предмете, и мы могли бы, естьли бы мы не видались бы перед этим, наделать у тебя разные беспорядки, но так как письма твои к нам обоим пришли почти в одно и то же время, то я и предоставил бразды правления Валериану, а почему я их ему оставил, увидишь из нижеследующего. Нет, не подумай пожалуйста из начала моего письма, что я не сурьезно подумал о твоих мне поручениях, напротив, я от того тебе долго и не отвечал, потому что я всё был в нерешимости, взять ли на себя управление Ясною, или нет, но когда приехал Валериан за 100 верст для ревизии Андрея, то я решился в это не входить, потому что он, естьли не сведущей меня в хозяйском деле, то уже наверно гораздо терпеливее, что по моему нужнее, и он, естьли ты пришлешь ему доверенность (что между прочим вещь необходимая), вероятно, не устроив тебе никакого заправского хозяйства, по крайней мере не допустит Андрея или его преемника, естьли таковой будет, тебя, как ты справедливо выражаешься, *бессовестно грабить*. Поэтому (обращаюсь опять к началу моего письма), зная, что Валериан тебе обо всем писал и начал, сколько мог, твоими делами заниматься, и что от замедления мною ответа на твое письмо никакого ущерба тебе произойти не может, я и предался по сие время столь нам Толстым обычной и приятной лени, ни мало не упираясь на оную, ни мало не думая, чтобы ты за это стал на меня претендовать, но медиатор наш — тётинька — Татьяна Александровна, как мне не безъизвестно, писала тебе письмо с целью меня оправдать и в котором письме, как мне то же не безъизвестно, ma tante a abusé des mots [тетенька злоупотребила словами] *доверенность, опекунский совет, долги* etc. (и т. д.).

Сережа, по врожденной ему деликатности où Valerien a bien lavé la tête à André qui a pourtant beaucoup pleuré et s'est repentit [где Валериан хорошо намылил голову Андрею, который много плакал и раскаялся] и т. д. слов и фраз, которые, как дошли до меня слухи через самую же

тетеньку (ибо я этого письма не читал, но выведал содержание оного третрёзным образом) стояли в этом письме без всякой видимой связи и цели. Но кстати, хороши же и ты ей *цедульки* пишешь. Я одну из последних как то видел. Я не говорю, чтобы вовсе не надо было выписывать тирад из M-me de Genlis и ей подобных, но не следует этого употреблять во зло, и, хотя ты это делаешь с похвальной целью и сделать удовольствие на твои дусёры (до-усёру) sont jusqu'à un tel point cousus à fil blanc [до такой степени шиты белыми нитками], что, смотри, как бы она этого не раскусила. Ты просишь меня прислать тебе 1-й том *Новой Елоизы*; зачем она тебе? Из писем твоих к тетеньке видно, что ты ее помнишь наизусть. Послушай, я право люблю старуху тетку, но, убей меня бог, Тэмар ман девело [убей меня бог], как говорят цыгане, в экстаз прийти от нее не могу; не знаю, разве расстояние производит такое странное действие, что можно шестидесятилетней женщине писать письма вроде тех, которые писывали в осьмнадцатом веке друг другу страстные любовники, ибо теперь этак и любимой особе не напишешь просто вот что: [нарисовано сердце, пронзенное стрелой, и купидон с луком]. Ну, брат, видно Николенька правду сказал, что у вас здесь в Азии голодуха на женщин. Тебя просто за 5000 верст [*1 неразобр.*] берет. (Знаешь что? я так тебя однако мало знаю, и ты такой странный и переменчивый человек, что мне приходит в голову, не обиделся бы ты за это, что я тебе теперь пишу, и не скажешь ли ты, что я профанирую твое возвышенное чувство к тетке, но знай же, что я сам ее очень люблю.) Не думай, что я всё буду тебе писать о пустяках. Я сел с тем, чтобы писать тебе о деле и дать тебе еще несколько советов, не зная, вкусишь ли ты их или нет. Письмо мое будет, естьли не помешает Маша (которая еще у меня, и о которой я буду писать после обстоятельно, и которая терпеть не может, когда пишут или вообще что-нибудь делают) бесконечное: я сегодня в таком писательном расположении духа, что готов уничтожить, кажется, всю попавшуюся мне почтовую бумагу, но всё-таки не изолью всех толпящихся на моем челе (vieux style [старый стиль]) мыслей. — Знаешь ли, что несмотря на неудобство письма я (то есть, говоря собственно о себе) никогда изустно не разговорился бы с тобой так, как я это теперь делаю. — Знаешь ли, отчего я тебе долго не писал? Причиною тому были твои письма зимой ко мне, Митиньке, Дьякову, Перфильевым и еще кажется кому-то; все эти письма пришли с одной почтой, все были одного формата, одним манером свернуты, слог в них был почти во всех один и тот же, обороты фраз одинакие, и я, прочитав сперва мое письмо, с большим удовольствием хотел вслед же отвечать (но ты был в Москве), увидав другие письма, подобные моему, заметил, что это было вовсе не письмо, а какой то циркуляр (вроде тех, которые Щелин посылает дворянам), написанный, вероятно, тобою в то время, когда с тобой делаются припадки оригинальности. Может, впрочем, это мне так показалось, и во всех этих письмах не было ничего необыкновенного, но однако я невольно, сам не зная почему, замедлил к тебе ответом. Главное сделало на меня странное впечатление твое письмо к Митеньке. Он получил и читал его при мне; письмо (естьли ты помнишь его и помнишь Митеньку), было вовсе не в его духе, и Митенька, прочитав это письмо, посмотрел

на меня очень пристально, сделал головой и шеей известное тебе движение и кликнул. Продолжение впредь». (Письмо не опубликовано; подлинник в АТБ.)

Андрей — Андр. Ил. Соболев. *Жанлис* — Стефания Фелисита (1746—1831) — французская писательница. *Щелин* — Дмитрий Матвеевич. О нем см. прим. 10 к п. № 56. *Письмо к гр. Д. Н. Толстому* не сохранилось.

* 62. Т. А. Ергольской.

1852 г. Июня 26. Пятигорск.

26 Juin.
Пятигорскъ.

Pourquoi m'avez-vous offensé, chère tante? Vous commencez votre lettre [1] par me dire, que probablement vos lettres m'ennuient; puisqu'il y a si longtems, que je ne vous ai écrit. Est-ce que il ne peut y avoir, que cette seule raison, qui puisse m'avoir empêché de vous écrire? — Si vous choisissez celle-là, c'est que probablement vous ne croyez pas un mot de ce que je vous écris et que vous me prenez pour un hypocrite, qui fait parade des sentiments qu' il n'a pas. — Je n'ai pas mérité cette défiance de votre part. — Si je ne puis vous expliquer toutes les causes de mes actions, comme je l'aurais fait dans la conversation, il ne faut pas s'en prendre à moi, mais à notre séparation. Je crois, chère tante, que la poste n'est pas le meilleur moyen pour rendre la separation moins pénible; mais c'est la confiance mutuelle; et vous n'en avez pas en moi. — Depuis que je vous ai quitté, jamais le moindre doute sur vos sentiments pour moi, n'est venu me troubler; mais vous, chère tante, vous doutez de moi et vous ne sauriez croire combien cela me fait de peine. — Au reste — je radotte — ai-je le droit de douter de vos sentiments? Vous les avez prouvé par toute une vie d'amour et de constance; tandis que moi, qu'ai-je fait pour cela? Je vous ai donné des chagrins, j'ai méprisé vos conseils, je n'ai pas su aprecier votre amour. — Oui, vous avez le droit de me croire hypocrite et menteur; mais vous n'avez pas raison de le faire. —

Ne rien cacher de ma conduite, quelle qu'elle soit et à qui que ce soit, a été toujours mon point d'honneur. — Il faut avoir mal fait pour vouloir cacher ses actions aux yeux des indifférents. Il faut avoir quelque chose d'abominable à se reprocher

pour dissimuler vis-à-vis d'une personne qu'on aime. — Dieu qui voit le fond de mon coeur et qui le dirige, sait que grâce à Lui, il n'est pas d'époque dans ma vie, que j'aye passé plus irréprochablement et qui m'aye donné plus de contentement intérieur, que les 8 mois — depuis mon voyage à Tiffliss jusqu'à aujourd'hui. — Ce n'est pas pour satisfaire mon amour-propre, que je le dis, mais c'est parceque je sais, que si vous me croyez cela vous sera agréable à savoir. — Oui, chère tante, vous m'avez cruellement offensé en me croyant hypocrite. Je n'ai rien à cacher devant qui que ce soit, d'autant plus devant vous. —

Je vais donc tâcher de vous expliquer ce qui vous semble embrouillé dans l'affaire de mon service et aussi les raisons pourquoi je ne l'ai pas fait plutôt. — Я писалъ вамъ изъ Тифлиса, [2] что отставка моя была еще не получена, но что несмотря на это я надѣлъ мундиръ и отправляюсь въ батарею. Вотъ какъ это устроилъ Генералъ Вольфъ. [3] Онъ приказалъ написать бумагу въ батарею, въ которой было сказано, что *Гр. Толстой изъявилъ желаніе поступить на службу; но такъ какъ отставки еще нѣтъ, и онъ не можетъ быть зачисленъ Юнкеромъ, то предписываю Вамъ употребить его на службу съ тѣмъ чтобы по полученіи отставки, зачислить его на дѣйствительную службу, со старшинствомъ, со дня употребленія на службу въ батарею.* J'ai mis donc ce papier en pôche et suis parti pour Старогладовская. Je n'y ai pas trouvé Nicolas; il était à l'expédition. J'ai endossé l'uniforme et je suis allé le rejoindre т. е. меня употребили на службу, но я не былъ еще зачисленъ. Le papier qui manquait est arrivé à Tiffliss au mois de Janvier, mais à Старогладовска seulement au mois de Mars — c. à d. après notre retour de l'expédition. —

J'ai écrit que nous sommes revenu de l'expédition, [4] pour vous tranquilliser sur notre compte, ayant fait l'indiscretion d'avoir écrit à Serge, [5] que je comptais y aller. J'ai écrit que je l'ai faite comme volontaire pour vous faire entendre que je n'avais ni croix ni avancement à esperer. Je ne vous parlais pas de cela dans mon avant-dernière lettre pour ne pas répéter une chose également désagréable à vous et à moi: c'est que j'ai un guignon constant dans tout ce que j'entreprends. — Pendant cette expédition j'ai eu l'occasion d'être deux fois présente à la croix de St Georges et je n'ai pu la recevoir à cause du retard de quelque jours de ce maudit papier. J'ai été présenté pour

la journée du 17 Février (mon jour de nom) mais on a été obligé de refuser à cause du manque de ce papier. La liste des présentations partie le 19, le 20 [6] le papier était arrivé. Je vous avoue franchement que de tous les honneurs militaires c'est cette seule petite croix, que j'ai eu la vanité d'ambitionner; et que ce contre tems m'a causé un violent dépit. D'autant plus qu'il n'y a qu'une époque pour la recevoir et qu'a présent pour moi elle est passée — Vous sentez bien que j'ai caché non seulement aux indifférents; mais même à Nicolas le dépit que cela m'a causé; c'est aussi pour la même raison, que je ne vous en ai pas parlé; mais à present il a fallu que je le dise, puisque vous prenez ma discrétion pour de l'hypocrisie.

J'ai écrit à Valérien, [7] chère tante, que le 12 de Juillet il y aura 6 mois que je suis au service et que c'est le terme de mon service comme porte-enseigne; mais cela ne prouve pas que je compte au mois de Juillet être en Russie. J'ai déjà éprouvé combien de tems durent toutes ces *переписки* et je ne m'abuse plus. — Dans tous les cas ce ne sera pas avant l'année 53 que j'aurai le bonheur de vous embrasser. J'ai ecrit à Serge il y a deux jours; [8] mais j'éxpédie les deux lettres ensemble. — Ванюшка va mieux; mais à present c'est mon tour. J'ai souffert de dents et de la fièvre toute la journée d'aujourd'hui. — J'ai rencontré avant-hier Protassoff [9] et quoique je ne le connaisse presque pas j'ai été très content de le voir. Il m'a dit que Сухотинъ [10] était ici; mais je ne l'ai pas encore vu; puisque je ne sors presque pas. Хотя глупая но все живая грамота. Adieu je baise vos mains. Comme c'est dommage que le 1-er volume de la Nouvelle Heloise est perdu. Engagez, je vous prie Serge à la chercher chez lui et chez les Tchoulkoffs. [11]

26 июня.
Пятигорск.

За что вы обижаете меня, дорогая тетенька? Ваше письмо [1] вы начинаете со слов, что мне, вероятно, наскучили ваши письма, поэтому так давно я не писал вам. Разве только одна эта причина могла помешать мне писать вам. — Ежели вы предполагаете именно эту, значит, вы не доверяете ни одному моему слову из того, что я вам пишу, и вы считаете меня лицемером, выставляющим на показ те чувства, которых у него нет. — Такого недоверия с вашей стороны я не заслужил. — Если я не имею возможности письменно разъяснять вам причины своих поступков, как бы сделал на словах, то виноват в этом не я, а наша разлука. И я думаю,

милая тетенька, что не переписка облегчает разлуку, а обоюдное доверие; а вы его ко мне не имеете. — С тех пор, как мы расстались, я не испытал минуты сомнения в вашей привязанности; дорогая тетенька, вы во мне сомневаетесь и вы не поверите, как мне это больно. — Нет, впрочем, я вздор говорю — разве я имею право вам не доверять? Всей вашей жизнью, полной любви и постоянства, вы доказали свои чувства. А я что сделал для этого? я вас огорчал, я не следовал вашим советам, я не умел ценить вашей любви. — Да, конечно, вы имеете право считать меня лицемером и лжецом, но все-таки напрасно вы это делаете.

По долгу чести я никогда не скрывал своего поведения, какое бы оно ни было, перед кем бы то ни было. — Плохой поступок скрываешь от равнодушных, но только сознание чего-нибудь отвратительного в себе побуждает утаить его от той, кого любишь. — С помощью бога, который видит мое сердце и направляет его, я провел эти 8 месяцев, с поездки моей в Тифлис и до сего дня, безупречно и с большим внутренним удовлетворением, чем в какую бы то ни было эпоху моей жизни. Не из самолюбия я говорю это, а только потому, что ежели мне поверите, вам это будет приятно знать. — Дорогая тетенька, вы меня обидели жестоко, подозревая меня в лицемерии. Мне нечего скрывать перед кем бы то ни было, а тем более перед вами. —

Попытаюсь разъяснить вам то, что вам непонятно в моем служебном деле, равно и причину, почему я раньше этого не исполнил. — *Я писалъ Вамъ изъ Тифлиса, [2] что отставка моя была еще не получена, но что несмотря на это я надѣлъ мундиръ, и отправляюсь въ батарею. Вотъ какъ это устроилъ Генералъ Вольфъ. [3] Онъ приказалъ написать бумагу въ батарею, въ которой было сказано, что *Гр. Толстой изъявилъ желаніе поступить на службу, но такъ какъ отставки еще нѣтъ, и онъ не можетъ быть зачисленъ Юнкеромъ, то предписываю Вамъ употребить его на службу съ тѣмъ чтобы по полученіи отставки, зачислить его на дѣйствительную службу, со старшинствомъ со дня употребленія на службу въ батареѣ*. С этой бумагой в кармане я уехал в *Старогладковскую*, я *Николеньку* не застал, он был в походе. Я надел мундир и поехал следом за ним,* т. е. меня употребили на службу, но я не былъ еще зачисленъ*. Бумага, которую я ждал, в Тифлис пришла в январе, а в *Старогладковской* была получена только в марте, т. е. по возвращении нашем из похода. —

Я написал вам, что мы вернулись из похода, [4] чтобы вы не беспокоились о нас, так как из письма к Сереже [5] вы могли увнать, что я намеревался итти в поход. Упомянул я, что иду волонтером для того, чтобы вы знали, что ни на производство, ни на знак отличия нельзя надеяться. А не упомянул я об этом в своем предпоследнем письме, чтобы не повторять того, что одинаково неприятно и вам и мне; о преследующих меня неудачах во всем, что я предпринимаю. — В походе я имел случай быть два раза представленным к Георгиевскому кресту и не мог его получить из-за задержки на несколько дней всё той же проклятой бумаги. Я был представлен 17 февраля (мои именины), но были принуждены отказать за отсутствием этой бумаги. Список представленных к отличию был отправлен 19-го, а 20-го [6] была получена бумага. Откровенно сознаюсь, что из всех военных отличий этот крестик мне больше всего хотелось получить, и

что эта неудача вызвала во мне сильную досаду. Тем более, что для меня возможность получить этот крест уже прошла. — Конечно я скрыл свою досаду, не только от чужих, но даже от Николеньки; по той же причине я и вам об этом не упомянул; но теперь пришлось рассказать, когда вы приняли мою сдержанность за неискренность.

Я писал Валерьяну, [7] дорогая тетенька, что 12 июля исполнится 6 месяцев моей службы и окончательный срок служения юнкером, но из этого не следует, что в июле я рассчитываю вернуться в Россию. Теперь я знаю, как тянутся эти **переписки**, и не предаюсь пустой надежде. — Во всяком случае думаю, что не ранее 53 года я буду иметь счастье поцеловать вас. Сереже я написал два дня тому назад, [8] но отправляю оба письма зараз. — *Ванюшка* поправляется; теперь мой черед — сегодня весь день промучился зубами и лихорадкой. — Третьего дня встретил Протасова, [9] и, хотя я мало с ним знаком, я был ему очень рад. Он мне сказал, что *Сухотинъ* [10] здесь, я его еще не видал, потому что почти не выхожу из дома. *Хотя глупая, но всё живая грамота*. Прощайте, целую ваши ручки. Какая жалость, что 1 том «Новой Элоизы» затерян. Пожалуйста, скажите Сереже, чтобы он поискал его у себя и у Чулковых. [11]

Печатается по автографу, хранящемуся в АТБ. Впервые напечатан отрывок из письма (по-французски и в переводе) П. И. Бирюковым в Б, 1, 1906, стр. 225—226; несколько бо́льшие отрывки (только в переводе) даны П. А. Сергеенко в ПТС, 1, стр. 29—30. Впервые напечатано полностью (только в переводе) в Бир., XX, 1913, стр. 30—32. Год определяется почтовыми штемпелями: «Пятигорск, Июня 27, 1852» и «получено 1852, Июля 8». На конверте рукой Т. А. Ергольской: «Получила 8 июля 1852».

[1] Это письмо не сохранилось.

[2] Это письмо № 53.

[3] Ник. Ив. Вольф. О нем см. прим. 9 к п. № 53.

[4] Имеется в виду письмо № 58.

[5] Это письмо не сохранилось.

[6] Март 1852 г.

[7] Это письмо не сохранилось.

[8] См. письмо № 61.

[9] Николай Алексеевич Протасов (р. 24 октября 1817 г., ум. 18..), тульский помещик, женатый (с 17 июля 1844 г.) на кж. Марье Николаевне Голицыной (р. 8 сентября 1825, ум. 18..). Об нем Т. А. Ергольская писала 11 октября 1852 г.: «третьего дня мы обедали у Мар. Протасовой, и я долго говорила о тебе с ее мужем, вернувшимся совершенно больным из Пятигорска. Он нашел тебя очень изменившимся и похудевшим. Меня это так поразило, что я насилу удержала слезы, слушая его. Видимо кавказский климат тебе вреден, дорогой Léon, я смертельно огорчена и успокоюсь только, когда увижу тебя, а до тех пор буду мучиться».

[10] Сергей Михайлович Сухотин (1818—1886), в 1837—1851 гг. служил в Преображенском полку; в 1851—1874 гг. советник, а в 1874—1880 гг. вице-президент Московской дворцовой конторы. Человек очень общительный, С. М. Сухотин был желанным гостем в московских гости-

ных; он славился как прекрасный чтец художественных произведений. У Толстого в дневнике под 24 июля 1852 г. записано: «У меня был Сухотин, и я с удовольствием говорил с ним о выборах. Несмотря на его добродетельные речи, он должен быть хитрый и самолюбивый, но добронамеренный человек». С. М. Сухотин был женат на сестре приятеля Толстого Марье Алексеевне Дьяковой (1830—1889), с которой развелся в 1868 г. История этого развода дала Толстому некоторый материал для «Анны Карениной», точно так же, как для Каренина прототипом в некоторых отношениях послужил сам С. М. Сухотин.

[11] Об этом см. в п. № 61.

63. Н. А. Некрасову.

1852 г. Іюля 3. Станица Старогладковская.

3-го іюля 1852-го года.

Милостивый Государь!

Моя просьба будетъ стоить вамъ такъ мало труда, что, я увѣренъ, вы не откажетесь исполнить ее. Просмотрите эту рукопись [1] и, ежели она не годна къ напечатанію, возвратите ее мнѣ. Въ противномъ-же случаѣ оцѣните ее, вышлите мнѣ то, что она стоитъ по вашему мнѣнію и напечатайте въ своемъ журналѣ. Я впередъ соглашаюсь на всѣ сокращенія, которыя вы найдете нужнымъ сдѣлать въ ней, но желаю, чтобы она была напечатана безъ прибавленій и перемѣнъ.

Въ сущности рукопись эта составляетъ I-ю часть романа — Четыре эпохи развитія; появленіе въ свѣтъ слѣдующихъ частей будетъ зависѣть отъ успѣха первой. Ежели по величинѣ своей она не можетъ быть напечатана въ одномъ номерѣ, то прошу раздѣлить ее на три части: отъ начала до главы 17-ой, отъ главы 17-ой до 26-ой до конца.

Ежели бы можно было найдти хорошаго писца тамъ, гдѣ я живу, то рукопись была бы переписана лучше, и я бы не боялся за лишнее предубѣжденіе, которое вы теперь непремѣнно получите противъ нея.

Я убѣжденъ, что опытный и добросовѣстный редакторъ — въ особенности въ Россіи — по своему положенію постояннаго посредника между сочинителями и читателями, всегда можетъ впередъ опредѣлить успѣхъ сочиненія и мнѣнія о немъ публики. Поэтому я съ нетерпѣніемъ ожидаю вашего приго

вора. Онъ или поощритъ меня къ продолженію любимыхъ занятій, или заставитъ сжечь все начатое.

Съ чувствомъ совершеннаго уваженія,
имѣю честь быть,
Милостивый Государь, вашъ покорный слуга
Л. Н.

Адресъ мой: черезъ городъ Кизляръ въ станицу Старогладковскую, Поручику артиллеріи Графу Николаю Николаевичу Толстому съ передачею Л. Н.—Деньги для обратной пересылки—вложены въ письмо.

Печатается по автографу, хранящемуся в ЛБ. Письмо написано рукой не Толстого. Впервые напечатано Н. С. Ашукиным в АК., стр. 185—186. Вверху письма Некрасовым сделана позднейшая помета: «При этом письме прислана повесть «Детство». Автор гр. Лев Толстой».

Николай Алексеевич Некрасов (р. 22 ноября 1821 г., ум. 27 декабря 1877 г.) — поэт. Приехав в 1838 г. из Ярославской губ. в Петербург, Некрасов в 1839—1841 гг. был здесь вольнослушателем филологического факультета, но науками занимался мало, тратя много времени для добывания средств к существованию. В 1840 г. выпустил под инициалами «Н. Н.» сборник стихотворений «Мечты и звуки», неодобрительно встреченный Белинским. В 1843—1846 гг. Некрасов издал ряд сборников, а в конце 1846 г. вместе с И. И. Панаевым купил у П. А. Плетнева основанный Пушкиным в 1836 г. журнал «Современник», скоро ставший лучшим русским журналом и существовавший до 1866 г. Завязавшиеся этим письмом Толстого сношения его с Некрасовым продолжались до 1859 г., когда они разошлись, впрочем без какой-либо размолвки. Из их переписки всего известно двадцать писем Толстого к Некрасову и двадцать восемь писем Некрасова к Толстому.

[1] «Детство».

На это письмо Некрасов отвечал не датированным письмом от первых чисел августа. См. его в прим. к п. № 66.

* 64. Т. А. Ергольской.

1852 г. Июля 4. Станица Старогладковская.

Chère tante!

J'ai aujourd'hui 8 lettres à expédier cela vous expliquera la négligence de celle-ci. Je vous envoye-ci incluses une lettre à André [1] à Valérien [2] à Копыловъ [3] à Федуркинъ [4] et à Mademoiselle (Наталья Андреевна) Бееръ. [5] Vous examinerez ces lettres et si vous trouvez qu'il faut les envoyer, envoyez les. [6]

Pour ce qui concerne celle que j'écris à Valérien, vous aurez la bonté de l'envoyer съ нарочнымъ avec les deux papiers ci-joints. — Je prie Valérien de ce charger de mes affaires et de la vente de Мостовая et de Грецовка. Ne combattez pas cette résolution; ell[e] est fermement prise. Si non seulement la vente de M. et Грец., mais même la vente de la moitié de Ясное pouvait me délivrer de mes dettes et des tourments qu'elles me causent, je me trouverai[s] parfaitement heureux. Soyez si bonne joignez à ma lettre à V. une de votre part qui l'engage à ne pas me refuser. — Dites à Serge, qu'il ne se donne pas la peine de me répondre; son silence m'a prouvé son indifférence, c'est à tort que vous m'accusez d'inconséquence, j'ai engagé Serge à régir constament Ясное et Valér. de vérifier André. A present c'est Valér. que je prie de prendre sur lui tous ces soins. André vous dira, si la lettre à Копыловъ peut être utile. Pour ce que [qu'est] de la lettre de M-elle Beier, quoiqu'elle soit fort extravagante, M-elle Beier, l'est encore plus. Je pense donc qu'on peut la lui envoyer. —

Dites moi je vous prie où est Дьяковъ. [7] Je veux m'adresser à lui pour lui demander à m'aider selon ses moyens. Je crois à l'amitié mais je n'ai pas encore eu l'occasion de l'éprouver. Je ferai l'épreuve et si elle ne me réussit pas il me sera plus cruel de me désabuser que de recevoir un refus. [8] — Adieu, chère tante, je baise vos mains. Il y a bien longtems, que je n'ai eu tant d'affaires qu'aujourd'hui 8 lettres à expédier. Mon roman, que j'envoie aujourd'hui a *Petbg.* [9] les *прошенья и довѣренность* et pardessus cela, aujourd'hui je pars aus eaux de fer. Mais mon adresse reste la même jusqu'au 15 Juillet. Apres le 15 — de nouveau à Старогладовская. —

На конверте:

Ея Высокоблагородію Татьянѣ Александровнѣ Ергольской.
Въ Тулу.

Дорогая тетенька!

Сегодня я должен отправить 8 писем, вот причина небрежности этого письма. Прилагаю к нему письмо к Андрею, [1] Валерьяну, [2] Копылову, [3] Федуркину [4] и м-ль (Наталье Андреевне) Беэр. [5] Пересмотрите их, и ежели вы найдете, что их нужно посылать, разошлите. Письмо Валерьяну будьте добры отослать с нарочным с приложением этих двух бумаг. [6] — Я прошу Валерьяна заняться моими делами и продажей Мостовой и Гре-

цовки. Не возражайте на это, мое решение бесповоротно. Не только Мостовая и Грецовка, но ежели бы пришлось продать половину Ясного, чтобы освободить меня от долгов и от того, как они меня мучают, я был бы совершенно счастлив. Пожалуйста и сами напишите Валерьяну, прося его не отказать мне в моей просьбе. — Сереже скажите, чтобы он не трудился мне отвечать; его молчание доказало мне его равнодушие. Вы напрасно обвиняете меня в непоследовательности. Я просил Сережу управлять Ясным, а Валерьяна только проверять Андрея. Теперь же я прошу Валерьяна взять все дела на себя. Андрей вам скажет, нужно ли письмо к Копылову. Относительно письма к г-же Беэр, хотя оно сумасбродно, но и сама она сумасбродная, и я думаю, его можно послать.

Скажите мне пожалуйста, где Дьяков. [7] Хочу просить его помочь мне, поскольку он может. Я верю в дружбу, но мне не пришлось еще ее испытать. Попытаюсь, и ежели будет неудача, мне будет тяжелее разочарование, чем отказ. — Прощайте, дорогая тетенька, целую ваши ручки. Давно я не был так завален делами, как сегодня — отправка 8 писем, мой роман, который я сегодня высылаю в *Петербург*, [8] * *прошенья и довъренность* * и, ко всему этому, сегодня же я уезжаю на железистые источники. Адрес мой всё тот же до 15 июля, а после 15 снова в Старогладовской. —

Печатается впервые по автографу, хранящемуся в АТБ. Датируется содержанием и записью в дневнике под 3 июля: «Написал письмо Валериану о продаже Грецовки и Мостовой. Велел написать доверенность». Под 4 июля: «... написал письма Федуркину (хорошо), Копылову (порядочно), Татьяне Александровне (всё хорошо), Беерше (умно, но небрежно), написал доверенность и прошение и всё отправил на почте довольно аккуратно». На конверте рукой Т. А. Ергольской написано: «Получила 8 июля 1852».

[1] Соболев А. И.

[2] Гр. В. П. Толстой.

[3] Копылов — тульский купец.

[4] Федуркин — тульский купец. Этих писем не сохранилось.

[5] Наталья Андреевна Ржевская, рожд. Беэр (1809—1887) — троюродная сестра Толстого, дочь Андрея Андреевича Беэр (17...—1820) и Анастасии Владимировны Ржевской (1784—18..), двоюродной тетки Толстого. С семьей Беэр были близки Бакунины, Станкевич, Грановский, Киреевские. В молодости Наталья Андреевна увлекалась Н. В. Станкевичем и М. А. Бакуниным. В 1852 г. она вышла замуж за своего двоюродного брата Владимира Константиновича Ржевского (1811—1885). Об этой свадьбе писала Толстому Т. А. Ергольская 12 декабря 1852 г.: «Могу тебе сообщить, милый мой (как говорила г-жа Де-Севинье), новость самую необыкновенную, самую поразительную, самую удивительную (догадайся что), свадьбу Нат. Андр. Беэр с ее двоюродным братом Ржевским. Оказывается, что это не внезапная привязанность, а длится уже давно, но они такие близкие родственники, что я удивляюсь, как могли их повенчать. Молодожены отправились в деревню предаваться своей любви без свидетелей». (Оригинал по-французски.) Толстой был должен Н. А. Беэр, и в его дневнике под 12 апреля и 26 и 27 июня есть записи

о том, что нужно написать, письмо «Беерше», как называл ее Толстой. В ответ на несохранившееся письмо Толстого от 4 июля Н. А. Беэр писала 20 сентября. В письме этом (оно сохранилось в АТБ) она довольно резко выговаривает Толстому за то, что он не торопится с уплатой своего долга, и кончает письмо так: «Управитель ваш мне отдал 200 р. серебром, в которых я дала ему расписку — следует стало быть 300 рублей серебром и сколько придется за 6 месяцев процентов. Мне необходимо нужно будет вскоре уехать из Москвы. Умоляю, не заставляйте меня задерживаться из-за недостатка средств. Вы просили у меня отсрочки до нового урожая. Теперь он уже собран. И потом, раз Вы знаете, что мне эти деньги так необходимы, Вы можете найти другие источники, чтобы не затруднять меня в моих делах. Вполне рассчитывая на Вашу доброту и на Ваше желание быть мне полезным, умоляю Вас, дорогой кузен, послать деньги на мое имя в Москву, на Остоженке, в дом Жилиной и уведомить меня, кому нужно вручить Ваш вексель». (Со слов: «Мне необходимо нужно...» в подлиннике по-французски.) Письмо это было послано Толстому Т. А. Ергольской, которая писала 11 октября 1852 г.: «Прилагаю письма от Валериана и м-ель Беэр в ответ на то, которое ты написал ей в июле». В этом же письме Ергольская пишет: «Валериан собирается в ближайшие дни уплатить остаток твоего долга м-ель Беэр».

Получив письмо, Толстой записал в дневнике 5 ноября: «Письмо Беерши заставило меня задуматься. Может напишу ей». И на другой день. «Вчера было очень грустно по случаю письма Беерши. Хотел написать ей. Лучше молчать, а грустно».

[6] Т. А. Ергольская в ответ писала 26 июля: «Присланные тобою последние письма все посланы по адресу. Нахожу, что Федуркин из купцов самый честный и даже деликатный. Видимо, он был польщен твоим письмом и на предложение Сережи купить у тебя лошадей, которых ты назначил в продажу, тотчас же явился в Ясную, нашел, что лошади прекрасны, и не торопясь, дал ту цену, которую просили, т. е. 800 руб. серебром. Сережа уверяет, что они не стоят и половины. По крайней мере хотя часть долга будет уплачена. Что касается Копылова, помочь делу уже нельзя, он не может вернуть векселя. Андрей объяснит это тебе подробно. Твою доверенность на имя Валериана Сережа взялся сам ему передать, он к ним едет на этих днях». (Оригинал по-французски; публикуется впервые, подлинник в АТБ.)

[7] Дм. Алекс. Дьяков.

[8] «Детство».

[9] Т. А. Ергольская в ответ писала 26 июля: «Наконец то, милый мой, *работе Пенелопы* наступил конец. Твой роман закончен и отослан в Питер. Под каким заглавием он появится и на каком языке он написан? Не терпится мне это узнать и еще больше не терпится прочесть его». (Оригинал по-французски; публикуется впервые; подлинник в АТБ.)

В ответ на это письмо, прочитанное гр. С. Н. Толстым, последний писал Толстому от 18 июля из Я. П.

«Сейчас я приехал в Ясную поляну, не докончив начатого мною в Пирогове письма, которое хотел кончить здесь, но письма, которые ты прислал вместе с доверенностью Валериану и которые я прочел, разом пре-

кратили все мои любезности. Они сделали на меня то же впечатление, которое делает на пьяного внезапно вылитый ему на голову ушат воды. — Ты говоришь, что ты хотел, чтобы я управлял твоим имением, а Валериан поверял бы Андрея; из твоих писем этого не видно, или по крайней мере мы этого не поняли. Валериан приехал, еще раз повторяю, за 100 верст и начал ревизовать Андрея, не зная, что от тебя ко мне было тоже письмо, в котором ты просишь управлять Ясной. Согласись, что мне глупо бы было говорить Валериану, что я хочу заниматься твоими делами и повторяю тебе еще раз, я оттого тебе долго не отвечал, что я хотел знать, на что решится Валериан, и что, так как Валериан начал твоими делами заниматься, то тебе от этого ущерба произойти не может. К тому же Валериан для тебя полезней меня, ибо ты не желаешь у себя утонченного хозяйства, а хочешь, чтобы был только присмотр за твоим хозяйством.

Ты можешь быть уверен, что естьли бы поручил бы мне одному управление Ясной, то давно бы ты от меня имел бы ответ, и я не отказался бы от этого, хотя мне свое собственное хозяйство до того надоело, что я его бросаю и готов лучше потерять в год 1000 руб. серебром, чем портить себе десять раз в сутки кровь. Ты говоришь, что я весь в сивом жеребце, это мнение твое ошибочно, ибо я конный завод продаю для уплаты своих долгов, которых у меня одному Крюкову 5000 рублей серебром да Мите 4000 р. сер. и Митинька едва ли не хуже Крюкова. Крюков же пристает ко мне с нелёгким.

У меня над моим имением, между прочим, опекун Николай Чулков: я не знаю, право, во что легче проигрывать: в карты или в цыган. Но несмотря на это, я ни в своих, ни твоих делах ничего слишком мрачного не вижу. Разумеется, естьли я для поправления своих дел уеду за 5000 верст, то они от этого лучше не пойдут. Ты верно на это скажешь, что, вместо того, чтобы говорить о том, что уже сделано, лучше подумать как этому помочь. Правда, но всё как-то не терпится об этом не упомянуть. — Естьли у тебя не более 5000 р. серебр. долга и ты не давал еще векселей на Кавказе, как это видно из одного твоего письма, в котором ты пишешь о благородном поступке одного черкеса, то продажею одних твоих 4-х маленьких лесов можно, естьли не все, то бóльшую часть оных заплатить. Леса же эти суть: Чепыж, овраг Грумонтский, роща за почтовым двором и круглый березник, у тебя же еще останется осинник молодой, который с нуждой, но тоже можно продать, и большой дом, к которому по твоему желанию должно приступить к последнему, но мне кажется, что естьли он простоит без всякого ремонта еще несколько лет (а ремонт оного довольно значительный), то он действительно будет только годен как *сувенир*, ты же, естьли будешь с деньгами когда либо, всегда можешь построить новый, а жить еще, слава богу, есть где. — Поверь мне, конный завод дороже твоих сувениров, а я его всё таки продам, потому что больше не за что взяться. — Деревень же твоих, есть ли у тебя нет более 5000 р. сер. долга, продавать решительно не надо. Я же думал, что у тебя его более. Лошади твои, чорт знает, почему с рук нейдут, никто даже 100 р. сер. за голову не дает. Я попробую их спустить с своим заводом, в числе они сойдут скорее. Хотя ты на меня и сердишься, но я иначе, как я поступил, поступить не мог, ибо, не говоря о том, что

я думал, что Валериан обидится, что я приму на себя управление Ясной (на что я впрочем не стал бы смотреть, приняв в расчет свои интересы), но я ей богу не знал, кто из нас сделал бы тебе действительно больше пользы, ибо, хотя я и нахожу, что у себя я лучше хозяин, чем он, но в чужом имении дело другое, я за себя не отвечаю. Теперь же, естьли Валериан откажется от управления Ясной, что может очень легко случиться, то, как ты в доверенности упомянул о передоверении, я приму это на себя и, что можно будет сделать, сделаю теперь же. Я нарочно еду к нему в Покровское, чтобы обо всем с ним поговорить и главное посоветоваться о продаже леса, за что надо будет скоро приняться. Письмо твое к Федуркину хорошо, к Копылову для него не понятно, ибо ты пишешь к нему как к человеку, а он просто лавошник, к Беэрше же письмо мне вовсе не нравится. Федуркину я уже о твоем долге говорил, и он обещается подождать, что же касается Копылова, то тебе до тех пор, пока ты не утвердишь своей руки, опасаться опеки нечего; тебе глупые скрупулы надо оставить, и на требования полиции об утверждении твоей руки по этому векселю отвечать глупыми сведениями или сказать, как очень умно придумал Андрей, что у тебя есть с ним конторские счеты, и что отец его должен тебе за равные заборы в контору; поэтому, покуда эти щеты не поверят, ты заемное письмо не утверждаешь, а покуда эти пятитысячи-верстная переписка будет продолжаться, время уйдет много. Тебе же, ибо ты эти деньги отдать намерен, совеститься нечего. — На намерение твое адресоваться к Дьякову скажу, что оно по моему вовсе не основательно, ибо во-первых, Дьяков, который теперь в деревне, по случаю своей женитьбы в самых дурных обстоятельствах, опять же нынче такой век, что ни у кого денег нет, а у кого и есть, то не дают, то, право, лучше не пиши.

Заключаю мое письмо следующим; что и Валериан ли или я будем управлять твоим имением и, хотя я почти уверен, что твои долги, разумеется, естьли ты не будешь кутить, можно заплатить одними этими 4-мя лесами, но всё таки мы не можем сделать со всем нашим желанием того, что сделал бы ты сам, ибо никто своих дел и своего имения так не знает, как сам хозяин. Прощай, поцелуй Николиньку. Гр. С. Н. Толстой».

(Письмо не опубликовано; подлинник в АТБ.)

Это письмо гр. С. Н. Толстого является продолжением его письма от 14 июля из Пирогова, проведенного нами в прим. к п. № 61.

* 65. Т. А. Ергольской.

1852 г. Августа 15. Станица Старогладковская.

15 Août.

Старогладовская.

Chére tante!

Je crains que la lettre que j'ai écrit[e] à André [1] de Пятигорскъ dans laquelle je lui ordonne de m'envoyer de l'argent et de continuer à adresser à Пятиг., ne vous donne des inquié-

tudes sur ma santé. — J'ai cru un tems, qu'il faudrait que je reste aux eaux jusqu'au mois d'Octobre; mais mon docteur m'a tranquillisé sur la maladie que je croyais avoir et m'a dit que je pouvais partir; et c'est ce que j'ai fait il y a une semaine. Ma santé est bonne. Hier j'ai reçu trois lettres: l'une de vous, [2] l'autre de T. Pauline [3] et la 3-eme d'André. [4] En arrivant ici j'ai trouvé la lettre de Serge dont vous me parlez dans la votre. [5] Je ne lui répondrai pas aux charmantes plaisanteries qu'il m'écrit au sujet des lettres que je vous ai écrit[es]. Je chéris trop le sentiment, qui me les a dicté pour le faire. Dites lui seulement, que le plaisir qu'il a eu de faire de si gentilles plaisanteries a été sans doute beaucoup moindre que le déplaisir que j'ai eu à les lire. J'ai appris que vous vous êtes chargée de touts les ennuis et désagréments de mon ménage. Je suis sûr que c'est aussi pour cela que vous restez si longtems toute seule à Ясная et que vous vous privez du plaisir d'être avec Marie. [6] Croyez, chère tante, que je sens le sacrifice que vous me faites — je sais l'aprécier; mais je ne puis vous rendre à quel point il m'a touché. Mon affection et ma reconnaissance pour vous ne peuvent augmenter. Dites, je vous prie à Valérien que le projet de Serge de vendre les forêts me déplait beaucoup. Je désire qu'on vende avant tout *Мостовая* (si c'est possible) puis *Грецовка*, même *la grande maison avant les forêts.* Au reste je lui donne plein pouvoir d'agir comme il trouvera bon et de vendre ces 4 objets comme et à quel prix il voudra. Mon désir consiste à avoir 4,000 r. arg. pour payer mes dettes; et il n'y a rien que je ne sacrifie pour remplir ce désir, et le plutot possible. Ma lettre est décousue et courte c'est que je n'ai pas le tems d'écrire. A force de manger des fruits hier j'ai eu une fièvre d'indigestion qui m'a empêché d'écrire et aujourd'hui il faut que j'envoye tout de suite ma lettre. Adieu, chère tante, je baise vos mains. La poste suivante j'écrirais longuement à vous, à Valérien et à Serge. Ayez la bonté de dire à André qui je suis très content de la vente des chevaux, qu'il se donne toutes les peines du monde pour faire envoyer l'argent reçu pour la terre du grand chemin à la banque et qu'il fasse des confiture[s] des oranges amères pour T. Pauline et les lui envoye. —

На конверте:

Ея Высокоблагородію Татьянѣ Александровнѣ Ергольской.
Въ г. Тулу.

15 августа,
Старогладовская.

Дорогая тетенька!

Боюсь, что мое письмо к Андрею из Пятигорска, [1] в котором я велю ему выслать мне деньги и продолжать писать в Пятигорск, вас взволнует относительно моего здоровья. — Одно время я думал, что мне следует пробыть на водах до октября; но насчет той болезни, которую я в себе предполагал, мой доктор меня успокоил; он сказал мне, что я могу уезжать, что я и исполнил неделю тому назад. Я здоров. Вчера я получил три письма: одно ваше, [2] другое Т[етушки] Полины [3] и третье от Андрея. [4]

Письмо Сережи, о котором вы упоминаете, я нашел здесь при приезде. [5] Не буду отвечать на его прелестные шуточки по поводу моих писем к вам. Мне дорого то чувство, которое вызывает то, что я в них высказываю, и обсуждать его с ним я не буду. Скажите ему, что удовольствие, которое ему доставили его миленькие шуточки, наверное слабее того неудовольствия, которое я испытывал, читая их. Я узнал, что вы приняли на себя всю скуку и неприятности моего хозяйства. Я уверен, что поэтому вы и живете так долго одна в Ясной и лишаете себя удовольствия быть с Мащенькой. [6] Поверьте, я понимаю, что это жертва, дорогая тетенька, и умею ценить ее, а выразить как я этим тронут я не умею. Моя благодарность и моя привязанность к вам увеличиться не могут.

Скажите, пожалуйста, Валерьяну, что проект Сережи продать леса, мне совсем не нравится. Я желаю, чтобы продали прежде всего *Мостовую* (ежели это возможно), затем *Грецовку*, даже *большой дом раньше лесов*. А впрочем, предоставляю ему делать так, как он считает лучшим, и продать то, что я переименовал, как и по какой хочет цене. Главное для меня получить 4 000 р. сер., чтобы расплатиться с долгами; нет того, чем бы я не пожертвовал, чтобы исполнить это мое желание и чем скорее, тем лучше. Я тороплюсь и письмо несвязно и коротко. Переел фруктов и вчера меня весь день знобило от засорения желудка, потому я не писал, а я должен отослать письмо сейчас. Прощайте, дорогая тетенька, целую ваши ручки. Следующий раз напишу длинно вам, Валерьяну и Сереже. Будьте добры сказать Андрею, что я очень доволен продажей лошадей, чтобы он из всех сил старался, чтобы вырученные деньги с продажи земли большака были пересланы в банк и чтобы он сварил варенье из померанцев и отослал его т(етушке) Полине. —

Печатается по автографу, хранящемуся в АТБ. Публикуется впервые. Почтовые штемпеля стерты. Год определяется содержанием: это письмо является ответом на письмо Т. А. Ергольской, датированное 26 июля 1852 г.

Об этом письме в дневнике Толстого под 14 августа записано: «... написал письмо Татьяне Александровне».

[1] Письмо это не сохранилось.

[2] Это сохранившееся в АТ письмо от 26 июля.

[3] Пел. Ильин. Юшкова.

[4] Эти письма не сохранились.

[5] Это большое письмо от 14, 18 июля, приведенное нами в прим. к п. № 61 и к п. № 64.

В ответ на это письмо Т. А. Ергольская писала 11 октября 1852 г.:

«Твое долгое молчание меня стало тревожить; с возвращения твоего из Пятигорска я получила только одно коротенькое письмецо. Хотя ты и говоришь, что ты здоров, и что лечебные пятигорские воды были тебе полезны, но в конце письма ты упоминаешь, что переел фруктов, и что у тебя лихорадка от несварения желудка. И с тех пор ни слова. Сознаюсь тебе, мой дружок, я очень беспокоюсь. И Валериан удивляется, что ты не ответил на его письмо из Ясного. Он с таким усердием принялся устраивать твои дела, что наверное в этом успеет; будь спокоен, он вкладывает много доброй воли в готовность тебе услужить и быть тебе полезным. Он заслуживает признательность с твоей стороны, а уж я непрестанно его благодарю. Управляющий, им поставленный в Ясное, кажется человек честный, и главное, что у него нет того ужасного недостатка, которым отличался Андрей, уж это огромное преимущество. Пробудь он еще год в Ясном, я уверена, что все постройки развалились бы. Он ни о чем не заботился, вечно пьяный и тратит деньги на наряды своей красавицы жены, такой же пьяницы, как и он. — Валериан прислал несколько своих рабочих на различные поправки в Ясном: переклали печь в кухне, которую уж почти нельзя было топить, и сделали, что нужно, в людской на дворне. Теперь всё в порядке, не беспокойся. Деньги, врученные [*неразобр.*] внесены в банк, и на этот год ты свободен от этого долга. Валериан собирается на днях уплатить остаток твоего долга *м-ль Беэр*. Есть покупатель на большой дом — Черемушкин. Валериан хотел бы взять три тысячи рублей серебром; тогда ты освободился бы от всех долгов. Так то, мой дружок, не беспокойся об этих делах; всё уладится хорошо и без продажи *Мостовой, Грецовки* и *лесов*. Хорошо бы ты сделал, добрый мой Léon, ежели бы ты написал Сереже; он обижен твоим молчанием, может думать, что ты на него сердишься, и что я этому причиной; мне это было бы грустно. Так вот, мой милый, избавь меня от этого огорчения, мне не хотелось бы быть яблоком раздора между вами двумя». (Оригинал по-французски; публикуется впервые; подлинник в АТБ.)

[6] Гр. Мар. Ник. Толстая.

66. Н. А. Некрасову.

1852 г. Сентября 15. Станица Старогладковская.

Милостивый Государь.

Меня очѣнь порадовало доброе мнѣніе, выраженное Вами о моемъ романѣ; тѣмъ болѣе, что оно было первое, которое я о немъ слышалъ и что мнѣніе это было, имянно, Ваше. Несмотря на это, повторяю просьбу, съ которой обращался къ Вамъ въ первомъ письмѣ моемъ: оцѣнить рукопись, выслать мнѣ деньги, которыя она стоитъ по вашему мнѣнію, или прямо сказать мнѣ, что она ничего не стоитъ. —

Принятая мною форма автобіографіи и принужденная связь послѣдующихъ частей съ предъидущею, такъ стѣсняютъ меня,

что я часто чувствую желаніе бросить ихъ и оставить 1-ую безъ продолженія. —

Во всякомъ случаѣ, ежели продолженіе будетъ окончено, и какъ скоро оно будетъ окончено, я пришлю его Вамъ. — Въ ожиданіи вашего отвѣта, съ истиннымъ уваженіемъ, имѣю честь быть,

Милостивый Государь
Вашъ покорный слуга
Л. Н.

Адресъ: Въ г. Кизляръ. Графу Николаю Николаевичу Толстому, съ передачею Л. Н.

15 Сентября
1852.

Печатается по автографу, хранящемуся в ЛБ. Впервые напечатано Н. С. Ашукиным в АК, стр. 186—187.

Письмо Толстого является ответом на письмо Некрасова (без даты) от первых чисел августа 1852 г.:

«Милостивый Государь! Я прочел вашу рукопись (Детство). Она имеет в себе настолько интереса, что я ее напечатаю. Не зная продолжения, не могу сказать решительно, но мне кажется, что в авторе ее есть талант. Во всяком случае, направление автора, простота и действительность содержания составляют неотъемлемое достоинство этого произведения. Если в дальнейших частях (как и следует ожидать) будет поболее живости и движения, то это будет хороший роман. Прошу Вас прислать мне продолжение. И роман ваш и талант меня заинтересовали. Еще я советовал бы вам не прикрываться буквами, а начать печататься прямо со своей фамилией. Если только вы не случайный гость в литературе. Жду вашего ответа. Примите уверение в истинном моем уважении Н. Некрасов». (Литературные приложения «Нивы», 1898, № 2 (февраль) стр. 340.)

О получении этого письма в дневнике Толстого под 29 августа записано: «... получил письмо из Петербурга от редактора, которое обрадовало меня до глупости. О деньгах ни слова. Завтра писать письма: Некрасову...» Но 30 августа Толстой Некрасову не написал, и только под 5 сентября в дневнике записано: «Написал письмо Некрасову». Это, конечно, письмо, датированное на самом письме 15 сентября. Между тем, Некрасов, не дождавшись от Толстого ответа на свое первое письмо, послал второе от 5 сентября 1852 г.:

«Милостивый Государь! Я писал Вам о вашей повести; но теперь считаю своим долгом еще сказать вам о ней несколько слов. Я дал ее в набор на IX кн. «Современника» и, прочитав внимательно в корректуре, а не слепо написанной рукописи, нашел, что эта повесть гораздо лучше, чем показалось мне с первого раза. Могу сказать положительно, что у автора есть талант. Убеждение в том для Вас, как для начинающего,

думаю, всего важнее в настоящее время. Книжка «Современника» с Вашей повестью завтра выйдет в Петербурге, а к Вам (я пошлю ее по вашему адресу), вероятно, попадет еще не ранее, как недели через три. Из нее кое-что исключено (немного, впрочем)... Не прибавлено ничего. Скоро напишу вам подробнее, а теперь некогда. Жду вашего ответа и прошу Вас — если у Вас есть продолжение — прислать мне его. Н. Некрасов.

P. S. Хотя я догадываюсь, однакоже прошу Вас сказать мне положительно имя автора повести. Это мне нужно знать — и по правилам нашей цензуры». (Литературные приложения «Нивы», 1898, № 2, стр. 340—341.)

О тексте «Детства» в IX кн. «Современника» см. письма от 18 и 27 ноября 1852 г.

Получив это письмо, Толстой записал в дневнике 30 сентября: «получил письмо от Некрасова — похвалы, но не деньги».

На письмо Толстого от 15 сентября Некрасов ответил лишь 30 октября письмом следующего содержания: «Милостивый Государь! прошу вас извинить меня, что я замедлил ответом на последнее ваше письмо — я был очень занят. Что касается вопроса о деньгах, то я умолчал об этом в прежних моих письмах по следующей причине: в лучших наших журналах издавна существует обычай *не платить* за *первую* повесть начинающему автору, которого журнал впервые рекомендует публике. Этому обычаю подверглись все доселе начинающие в «Современнике» свое литературное поприще, как то: Гончаров, Дружинин, Авдеев и др. Этому же обычаю подвергались в свое время как мои, так и Панаева первые произведения. Я предлагаю вам то же, с условием, что за дальнейшие Ваши произведения прямо назначу вам лучшую плату, какую получают наши известнейшие (весьма немногие) беллетристы, т. е. 50 руб. сер. с печатного листа. Я промешкал писать Вам еще и потому, что не мог сделать Вам этого предложения ранее, не поверив моего впечатления судом публики: этот суд оказался как нельзя более в вашу пользу, и я очень рад, что не ошибся в мнении своем о вашем первом произведении, и с удовольствием предлагаю Вам теперь вышеписанные условия.

Напишите мне об этом. Во всяком случае могу вам ручаться, что в этом отношении мы сойдемся, так как ваша повесть имела успех, то нам очень было бы приятно иметь поскорее второе ваше произведение. Сделайте одолжение, вышлите нам, что у вас готово. Я хотел выслать вам IX № «Совр.», но к сожалению, забыл распорядиться, чтобы отпечатали лишнее, а у нас весь журнал за этот год в расходе. Впрочем, если Вам нужно, я могу выслать вам один или два оттиска одной вашей повести, набрав из дефектов.

Повторяю мою покорнейшую просьбу выслать нам повесть или что нибудь в роде повести, романа или рассказа, и остаюсь в ожидании вашего ответа. Готовый к услугам Н. Некрасов.

P. S. Мы *обязаны* знать имя каждого автора, которого сочинения печатаем, и потому дайте мне *положительные* известия на этот счет. Если вы хотите, то никто, кроме нас, этого знать не будет». (Литературные приложения «Нивы», 1898, № 2, стр. 341—342.)

Иван Алдр. *Гончаров* (1814—1891) выступил на литературное по-

прище «Обыкновенной историей», напечатанной в «Современнике» 1847, № III и IV, Алдр. Вас. *Дружинин* (1824—1864) — повестью «Полинька Сакс», напечатанной в «Современнике» 1847, № XII. Мих. Вас. *Авдеев* (1821—1876) получил известность как автор романа «Тамарин», части которого печатались в «Современнике» 1849—1851 гг.

* 67. Т. А. Ергольской.

1852 г. Октября 2. Станица Старогладковская.

2 Octobre.
Старогладовская.

Chère tante!

Il y a assez longtems que je n'ai eu de vos bonnes lettres. Dieu donne, comme je l'espère que ce silence ne soit causé par rien de grave. — Ce retard peut-être n'est causé que par l'inexactitude de la poste; mais je sens le besoin de vous écrire: cela me tranquillisera. — Arrivé des eaux, j'ai passé un mois assez désagréablement, à cause de la revue, que devait faire le Général. Маршированье и разныя стрѣлянья изъ пушекъ не очень пріятно, особенно потому, что это разстраивало регулярность моей жизни. — Heureusement cela n'a pas duré longtems et j'ai de nouveau repris mon genre de vie, qui consiste: dans la chasse, l'écriture, la lecture et les conversations avec Nicolas. — J'ai pris du goût à la chasse au fusil et comme il s'est trouvé que je tire passablement, cette occupation me prend 2 ou 3 heures par jour. On n'a pas d'idée en Russie, combien et quel excellent gibier on trouve ici. A 100 pas de chez moi je trouve des faisans et dans l'espace d'une demi-heure j'en tue 2, 3, 4. — Excepté le plaisir, cet exercice est excellent pour ma santé, qui malgré les eaux n'est pas en très bon état. Je ne suis pas malade; mais je souffre très souvent des refroidissements; tantôt des maux de gorge, tantôt des maux de dents (qui durent toujours), tantôt des rhumatismes; de sorte que au moins 2 jours la semaine je garde la chambre. Ne pensez pas que je vous câche quelque chose: je suis comme j'ai toujours été, d'une complexion forte, mais d'une santé faible. Je compte passer l'été suivant encore aux eaux. Si elles ne m'ont pas rétabli elles m'ont fait du bien. Нѣтъ худа безъ добра. Quand je suis indisposé, je m'occupe avec moins de distraction à écrire un autre roman, que j'ai commencé, [1] Celui que j'ai envoyé a P—g, est imprimé dans le livre du mois

de Septembre Современника 1852 г. sous le titre *Дѣтство*. Je l'ai signé *Л. Н.* et personne excepté Nicolas n'en connait l'auteur. Je ne voudrais pas aussi qu'on le sache. Mon avancement n'avance pas. Serai-je officier et irai-je à P—g cette année? C'est ce que je ne sais pas: peut être oui, peut-être non. Il serait trop long de vous expliquer pourquoi; mais la pure vérité est que cela dépend des circonstances. Je vous assure, que cela m'est indifférent, je n'ai pas fait de plans ambitieux en allant au Caucase et je n'en fais pas; n'en faites pas pour moi. — Je ne sais même pas où vous êtes; mais en adressant à Ясное, je suis sûr que cette lettre vous parviendra. Si vous êtes avec Serge, dites lui que je me sens très fautif envers lui et que la poste suivante je réparerai ma faute en lui écrivant une longue lettre. L'état de ses affaires d'argent et d'amour m'intéressent vivement. Si vous êtes avec Marie, embrassez la de ma part et dites à Valérien, que je l'aime et le remercie de tout mon coeur. — Adieu chère tante, je baise vos mains, Nicolas fait de même. Il a grande envie de vous écrire, mais vous connaissez son mal. Peut-être que ce reste de papier blanc le tentera. —

Рукой Н. Н. Толстого:

Ce n'est pas ce reste de papier blanc qui me tente, mais bien mon amour pour vous, Léon est une méchante langue, mais un bon coeur. Je suis sûr, ma bonne Tante, que vous excusez mon silence *inexcusable!* Voila pourquoi je me permets de ne pas vous écrire, c'est vilain! mais vous ne doutez pas de mon amour et vous faites très bien! —

2 октября.

**Старогладовская*.*

Дорогая тетенька!

Уже давно нет от вас писем. Дай бог, и я надеюсь, что ничего особенно-важного не случилось — может быть, просто неаккуратность почты; я же чувствую потребность вам писать, это меня успокоит. — По возвращении моем с вод месяц был пренеприятный из-за ожидаемого смотра генерала. *Маршированія и разныя стрелянія изъ пушекъ не очень пріятно, особенно потому, что это разстраивало регулярность моей жизни*. — К счастью, это продолжалось не долго, и я вернулся в свою колею, т. е. охота, писанье, чтение и разговоры с Николенькой. — Я пристрастился к ружейной охоте; оказалось, что я стреляю порядочно. Это занятие берет у меня часа 2-3 в день. В России и понятия не имеют какое здесь множество и какой великолепной дичи. Фазаны в 100 шагах отсюда и за полчаса я застреливаю 2, 3, 4 штуки. Кроме удовольствия, мне и движение полезно; не взирая на воды, мое здоровье не в блестящем состоянии. Я не болен, но

постоянно болею, то простудами, то горлом, то зубной болью (всегда продолжительною), то ревматизмами, так что дня 2 в неделю не выхожу из своей комнаты. Не думайте, что я от вас что-нибудь скрываю: по прежнему, я крепкого сложения, но слабого здоровья. Следующее лето я собираюсь опять ехать на воды. Если они и не вылечили меня совсем, то всё же принесли мне пользу. *Нѣтъ худа безъ добра*. Когда мне нездоровится, я менее рассеянно работаю над другим романом, который начал. [1] Тот, который я отослал в П[етербур]г, вышел в сентябрьской книжке Современника, 1852 г., под заглавием *Дѣтство*. Подписан он *Л. Н.* и, кроме Николеньки, автора никто не знает. Я желаю, чтобы никто этого и не знал. С производством дело мое не продвигается. Буду ли я произведен в офицеры, поеду ли я в П[етербур]г, в нынешнем году? Ничего не знаю: может быть да, может быть, нет. Долго вам объяснять почему; это зависит от обстоятельств, говорю истинную правду. Уверяю вас, что я к этому равнодушен. Уезжая на Кавказ, я не строил честолюбивых планов, и теперь их у меня нет; и вы за меня не стройте. — Я даже не знаю, где вы теперь; но адресую письмо в Ясное, уверен, что вам его доставят. Ежели вы с Сережей, скажите ему, что я очень виноват перед ним, но с следующей же почтой искуплю свою вину длинным письмом. Его денежные и любовные дела меня очень интересуют. Ежели вы с Машенькой, поцелуйте ее от меня и скажите Валерьяну, что я его люблю и благодарен ему сердечно. — Прощайте, дорогая тетенька, мы с Николенькой целуем ваши руки. Ему очень хочется самому написать, но ведь вы знаете его болезнь. Может быть, он соблазнится остаточком страницы. *Рукой Н. Н. Толстого:*

Совсем не недописанная страница меня соблазняет писать вам, а моя привязанность. Левочка зол на язык, хотя сердце у него доброе. Я уверен, добрая тетенька, что вы простите мне мое *непростительное* молчание! Поэтому то я и позволяю себе вам не писать, это дурно. Но в любви моей вы не сомневаетесь и прекрасно делаете.

Печатается по автографу, хранящемуся в АТБ. Впервые напечатан отрывок из письма (по-французски и в переводе) П. И. Бирюковым в Б, I, 1906, стр. 212—213 (с неверной датой «28 окт.»); несколько бо́льшие отрывки (только в переводе) даны П. А. Сергеенко в ПТС, I, стр. 30—32 (с неверной датой: «20 окт.»). Впервые полностью (только в переводе, без приписки гр. Н. Н. Толстого) напечатано в Бир., XX, 1913, стр. 33—34 (с неверной датой «20 окт.»).

Об этом письме есть запись в дневнике Толстого под 2 октября: «написал письмо Татьяне Александровне».

[1] Речь идет о «Романе русского помещика». Записи в дневнике о работе над этим произведением начинаются с 10 мая 1852 г. Самое писание началось 23 сентября и продолжалось без значительных перебоев в течение двух месяцев. Рукопись работы этого времени сохранилась. См. т. 4.

* 68. Т. А. Ергольской.

1852 г. Октября 29. Станица Старогладковская.

29 Octobre.
1852
Starogladovskaia.

Chère tante!

Je ne conçois et ne puis m'expliquer votre long silence. Ai-je eu le malheur de le mériter? Dans ce cas pardonnez moi; mais ne me privez pas de vos lettres. Vous ne sauriez croire de quel[les]e p ix elles sont pour moi. Elles me donnent la tranquillité, la gaieté, le courage et un plaisir que je ne puis vous rendre; je les lis et les relis 100 fois, elles font époque pour moi. — Ecrivez moi souvent, chère tante. — J'ai un petit reproche à vous faire; pourquoi montrez vous les lettres que je vous écris? Je vous ai dit et vous ai écrit qu'il n'y a personne que j'aime autant que vous et que je suis persuadé que je ne suis véritablement aimé que de vous: voila pourquoi les lettres que je vous écrit son différentes de celles que j'écris aux autres et que je ne voudrai[s] pas que tout le monde les lise. Le démon, qui s'est chargé de faire manquer toutes mes entreprises continue son ouvrage. Hier j'ai reçu un papier d'après lequel — je ne pourrais être avancé avant 2 ans à compter d'aujourd'hui. Cette nouvelle m'a donné du chagrin. L'heureux moment de vous revoir, que je croyais venu se trouve retardé pour 2 ans. Oui, les plans que je faisais dans une de mes lettres sont trop beaux pour être réalisé de si tôt. Tout ce qui m'est arrivé et qui paraissait être malheureux pour moi, a été pour mon bien, j'espère que Dieu ne m'abandonnera pas et qu'il en sera ainsi du reste. Les 18 mois que j'ai passé au Caucase m'ont rendu moins mauvais je tâcherai d'employer utilement les 2 ans qu'il me reste à passer, à devenir meilleur, digne de vous et du bonheur que je me promets auprès de vous. Ma santé est bonne, mes occupations sont les mêmes, la chasse me procure toujours beaucoup de plaisir. La semaine dernière j'ai tué un sanglier, ce qui m'a donné un moment de joie, que je n'ai jamais encore éprouvé. — Je présume que vous êtes à Pokrovskoe d'après une lettre de l'intendant, [1] dans ce cas embrassez Marie les enfans et Valérien de ma part. Dites à ce dernier, que je n'ai pas encore reçu les 60 r. arg. dont on me

parle que je le prie de m'envoyer le plutôt possible. 300 r. arg. (somme qui me suffira j'espère jusqu'à la nouvelle récolte), que je suis parfaitement content de ses dispositions, que je le remercie pour ses soins et le prie de continuer ce qu'il a si bien commencé! Adieu. Je baise vos mains.

29 октября 1852 Старогладовская.

Дорогая тетенька!

Ничем не могу объяснить себе причины вашего долгого молчания. Неужели я его заслужил? Так простите меня и не лишайте меня ваших писем. Вы представить себе не можете, как я ими дорожу. Они успокаивают меня, я делаюсь веселый, бодрый и я не смогу выразить, какое они доставляют мне удовольствие; читаю их и перечитываю до 100 раз; они составляют эпоху в моей жизни; пишите мне почаще, дорогая тетенька. — Хочу вас упрекнуть: зачем вы даете другим читать мои письма? Я говорил и писал вам, что люблю вас больше, чем кого бы то ни было на свете и уверен, что настоящим образом, любим вами одной: поэтому вам я пишу не так, как другим и мне не хотелось бы, чтобы все их читали. Бесенок, который взялся разрушать все мои начинания, продолжает орудовать. Вчера я получил бумагу, в которой значилось, что произведен я буду только через два года, считая с сегодняшнего дня. Известие это меня очень огорчило. Радость моего свидания с вами, которое я считал уже совсем близким, откладывается на два года. Видно, планы, которые я строил, в одном из своих писем, так прекрасны, что им не суждено скоро осуществиться. Всё, что со мной случилось и что мне казалось несчастьем, было на мое благо; надеюсь, с божьей помощью, что так будет и впредь. За 18 месяцев, которые я провел на Кавказе, я стал лучше, буду стараться провести с пользою остающиеся 2 года, совершенствоваться, стать достойным вас и счастливой жизни возле вас. Здоровье мое хорошо, занятия всё те же, охотой наслаждаюсь по-прежнему. На прошлой неделе убил кабана и сильнее радости я еще никогда не испытывал. — Судя по письму управляющего, [1] вы должны быть в Покровском, поцелуйте за меня Машеньку, детей и Валерьяна; ему передайте, что я еще не получил 60 р. сер., о которых мне писали, и прошу выслать мне, возможно скорее, 300 р. сер. (надеюсь, что их хватит до нового урожая). Распоряжениями его я вполне доволен, благодарю его за хлопоты и прошу продолжать то, что он так хорошо начал! Прощайте, целую ваши руки.

Печатается по автографу, хранящемуся в АТБ. Публикуется впервые.

Об этом письме записано в дневнике Толстого под 29 октября: «Написал письмо Татьяне Александровне — грустное письмо».

[1] Письмо это не сохранилось.

В ответ на это письмо Т. А. Ергольская писала 12 декабря 1852 г.: «... Последнее твое письмо уже не застало меня в Покровском; я выехала оттуда 23 ноября и всё это время пробыла у ережи, который был

мне очень рад и проводил меня в Ясное, откуда я тебе и пишу. Он участливо относится к твоим делам и кажется обижен твоим молчанием. Написал он тебе несколько писем и не получил ответа. Пожалуйста, дорогой Léon, напиши ему. Меня огорчает твое кажущееся равнодушие к нему, потому что в глубине души, я уверена, что ты его любишь по-прежнему.

А теперь поговорим о твоем сочинении; мы его прочли с огромным удовольствием. Невозможно лучше описать личность Рёсселя, так правдиво и так правильно; Прасковья Исаишна тоже хорошо описана, но самая трогательная сцена и самая интересная это — смерть матери, она описана с таким чувством, что без волнения нельзя ее читать, без пристрастия и без лести скажу тебе, что надо обладать настоящим и совершенно особенным талантом, чтобы придать интерес сюжету столь мало интересному, как *детство*, и ты, мой дорогой, ты владеешь этим талантом. Твое выступление на литературном поприще вызвало много шума и произвело большое впечатление среди соседей Валерьяна. Все любопытствовали узнать кто новый автор, выступивший в свет с таким успехом. Всех заинтересованнее в этом деле Тургенев, автор «Записок охотника»; он у всех расспрашивает, нет ли у Маши брата на Кавказе, который мог бы быть писателем. (Ежели этот молодой человек будет продолжать так, как он начал, говорит он, он далеко пойдет.) Итак, мой дружок, продолжай заниматься литературой; вот тебе открытый путь к славе, но не пиши длинных историй, окончание никогда не соответствует началу, мысли истощаются, являются повторения, содержание становится нелепым и вызывает скуку, вместо интереса, как [*1 неразобр.*] «Львы в провинции». Так берегись, чтобы не впасть в подобную ошибку». (Оригинал по-французски; публикуется впервые; подлинник в АТБ.)

Рессель — Федор Иванович Рессель, бывший гувернером у Толстых и выведенный Львом Николаевичем в «Детстве» и «Отрочество» в лице Карла Ивановича. В «Воспоминаниях детства» (гл. VII) Толстой писал: «Немца, нашего учителя Федора Ивановича Рёсселя, я описал, как умел, подробно в «Детстве» под именем Карла Ивановича. И его история и его фигура, и его наивные счеты, всё это действительно так было». *Прасковья Исаишна* — экономка у Толстых. О ней см. прим. 4 к п. № 57. *«Львы в провинции»* — роман И. И. Панаева, печатавшийся в «Современнике» за 1852 г. *И. С. Тургенев* жил в ссылке с июня 1852 года в 20 верстах от имения гр. Вал. Петр. Толстого в своем имении Спасском (Мценского уезда, Орловской губ.). В ответ на просьбу Н. А. Некрасова обратить внимание на повесть «гр. Ник. Ник. Толстого, служащего на Кавказе» (Некрасов еще не знал, что автор повести не гр. Николай Николаевич Толстой, а брат его, Лев Николаевич), Тургенев писал 28 октября: «Ты прав, это талант надежный... Пиши к нему и понукай его писать. Скажи ему, если это может его интересовать, что я его приветствую, кланяюсь и рукоплещу ему». («Русская мысль» 1902, № 1, стр. 116) Познакомился И. С. Тургенев с гр. Вал. Петр. и Мар. Ник. Толстыми лишь в октябре 1854 г.

69. Н. А. Некрасову (неотправленное).

1852 г. Ноября 18. Станица Старогладковская.

18 Ноября.
1852.

Милостивый Государь!

Съ крайнимъ неудовольствіемъ прочелъ я въ IX № «Современника» *повѣсть* подъ заглавіемъ *Исторія моего дѣтства* и узналъ въ ней *романъ Дѣтство*, который я послалъ вамъ. [1] Первымъ условіемъ къ напечатанію поставлялъ я, чтобы вы *прежде оцѣнили рукопись и выслали мнѣ то, что она стоитъ, по вашему мнѣнію.* Это условіе неисполнено. Вторымъ условіемъ — чтобы ничего не измѣнять въ ней. Это условіе исполнено еще менѣе, вы измѣнили все, начиная съ заглавія. Прочитавъ съ самымъ грустнымъ чувствомъ эту жалкую изуродованную повѣсть, я старался открыть причины, побудившія редакцію такъ безжалостно поступить съ ней. Или редакція положила себѣ задачею какъ можно хуже изуродовать этотъ романъ, или безконтрольно поручила корректуру его совершенно неграмотному Сотруднику. — Заглавіе *Дѣтство* и нѣсколько словъ предисловія объясняли мысль сочиненія; заглавіе-же *Исторія моего дѣтства* противорѣчитъ съ мыслью сочиненія. Кому какое дѣло до исторіи *моего* дѣтства... [2] *Портретъ моей маменьки* вмѣсто *образка моего ангела* на 1-ой страницѣ такая перемѣна, которая заставитъ всякого порядочнаго читателя бросить книгу не читая далѣе. [3] Перечесть всѣхъ перемѣнъ такого рода нѣтъ возможности и надобности; но не говоря о безчисленныхъ обрѣзках фразъ безъ малѣйшаго смысла, опечаткахъ, неправильно переставленныхъ знакахъ препинанія, дурной орфографіи, неудачныхъ перемѣнъ словъ *дышать*, вмѣсто *двошать* (о собакахъ), [4] *въ слезахъ палъ на землю*, вмѣсто *повалился* (падаетъ скотина), [5] доказывающихъ незнаніе языка, замѣчу одну непостижимую для меня перемѣну. Для чего выпущена вся исторія любви *Натальи Савишны*, исторія, обрисовывавшая ее, бытъ стараго времени и придававшая важность и человѣчность этому лицу. *Она даже подавила любовь къ офиціянту Фокѣ.* Вотъ безсмысленная фраза, замѣняющая это место. [6] Слово deliге въ запискѣ Мими переведено *горячность*. [7] *Чугунная доска*, въ которую бьетъ кара-

ульщикъ, замѣнена *мѣдной*. Непостижимо. [8] — Скажу только, что, читая свое произведеніе въ печати, я испыталъ то непріятное чувство, которое испытываетъ отецъ при видѣ своего любимаго сына, уродливо и неровно обстриженнаго самоучкой-парикмахеромъ. «Откуда взялись эти плѣшины, вихры, когда прежде онъ былъ хорошенькій мальчикъ». Но мое дитя и было не очень красиво, а его еще окорнали и изуродовали. — Я утѣшаюсь только тѣмъ, что имѣю возможность напечатать съ своею фамиліею весь романъ отдѣльно и совершенно отказаться от повѣсти *Исторія моего дѣтства*, которая по справедливости принадлежитъ не мнѣ, а неизвѣстному сотруднику вашей редакціи.

Имѣю честь быть, Милостивый Государь, Вашъ покорнѣйшій слуга Л. Н.

Печатается по автографу, хранящемуся в АТБ. Впервые напечатано М. А. Цявловским в жур. «Печать и революция» М. 1928, кн. 6, стр. 91—92.

Не получив своевременно «Современник» с «Детством» (см. п. Н. А. Некрасова от 30 октября 1852 г. в прим. к п. № 66), Толстой прочел его лишь в конце октября. В дневнике под 31 октября записано: «Прочел свою повесть, изуродованную до крайности». Под 8 ноября: «Написал письмо редактору, которое успокоило меня, но которое не пошло». Эта редакция не сохранилась. Под 17 ноября снова: «Еще раз писал письма Дьякову и Редактору, которые опять не пошлю. Редактору слишком жестко».

Так как это письмо не было послано Некрасову, мы к сожалению, не имеем ответа последнего на ряд обвинений, предъявленных ему начинающим автором. Не дошла до нас и та рукопись «Детства», которая была послана Толстым, и по которой, вероятно, повесть и набиралась для «Современника». Отсутствие рукописи не позволяет нам судить, насколько был искажен в журнале текст, присланный Толстым. По его словам в тексте «Современника» оказались «бесчисленные обрезки фраз, без малейшего смысла, опечатки, неправильно переставленные знаки препинания, дурная орфография, неудачные перемены слов». Через четыре года (в первых числах октября 1856 г.) вышла в свет книга «Детство и отрочество» Толстого, изданная самим автором. Сличив текст «Детства» в этом издании с текстом «Современника», мы должны признать отзыв Толстого о журнальном тексте слишком суровым. Так, например, «бесчисленных обрѣзок фраз без малейшего смысла» в «Современнике» текст издания 1856 г. не вскрывает, не так уже много в «Современнике» и опечаток. Разночтения текста издания 1856 г. с текстом «Современника» даны нами в 1 томе.

[1] Толстой недоволен подзаголовком «Повесть», который был дан в журнале, но, не говоря уже о том, что «повестью» называет «Детство»

сам Толстой в дневнике и письмах. названия «роман» нет и в издании 1856 г.

[2] Непонятно, о каком «Предисловии» говорит здесь Толстой: имеет ли он в виду какое-то свое предисловие, не напечатанное Некрасовым и до нас не дошедшее, или говорит о том, что редактор мог бы сам прибавить предисловие к присланному тексту. Возможно, что Толстой имеет в виду обращение «К читателям», сохранившееся в АТБ в черновой редакции (см. I т. стр. 207—209). Если это обращение было в рукописи «Детства», посланной Толстым Некрасову (она не сохранилась), то оно было в сильно сокращенном виде, так как о тексте обращения черновой редакции никак нельзя сказать, что в нем «несколько слов». Так же неясен и вопрос о самом заглавии. Несмотря на то, что Толстой определенно был против заглавия «История моего детства», это заглавие имеется и в издании 1856 г., на шмуц-титуле, после заглавного, и на первой странице текста, и сделано это, надо думать, с согласия самого Толстого, так как Д. Я. Колбасин, ведавший издание 1856 г., в письме от 20 августа спрашивал у Толстого, какое печатать заглавие.

[3] В действительно глупой замене «образка моего ангела» «портретом моей маменьки» Некрасов был неповинен: эта замена была сделана по требованию цензуры.

[4] В XIV главе (в четвертом абзаце) в «Современнике» напечатано «Несколько борзых собак — одни тяжело дышали лежа на солнце...» Толстой указывает, что у него в рукописи было «не дышали», а «двошали», но «дышали» стоит и в издании 1856 г.: очевидно Толстой сам отказался от провинциализма «двошали».

[5] Слова «в слезах пал на землю» находятся в XII главе (в третьем от конца абзаце). В издании 1856 г. стоит, как и требовал Толстой, «повалился».

[6] Возможно, что замена в главе XIII второй половины первого абзаца фразой «она даже подавила в сердце своем любовь к молодому официанту Фоке», вызвана цензурными требованиями.

[7] Замечание Толстого, что слово delire в записке Мими переведено «горячность», указывает на то, что в посланной Толстым рукописи текст записки Мими был на французском языке. Некрасов же дал только русский перевод. Только русский текст дан в издании 1856 г., но здесь стоит «в бреду», как и требовал Толстой.

[8] «Чугунной» доске (глава XII, пятый абзац) вместо «медной» не повезло. «Медная» осталась в издании 1856 г. (и во всех последующих), и только в настоящем издании мы внесли эту конъектуру на основании печатаемого письма Толстого. См. 1 том, стр. 34.

70. Н. А. Некрасову.

1852 г. Ноября 27. Станица Старогладковская.

Милостивый государь!

Очень сожалѣю, что не могу тотчасъ исполнить вашего желанія, прислав что нибудь новое для напечатанія въ нашемъ

журналѣ; тѣмъ болѣе что условія, которыя вы мнѣ предлагаете, нахожу для себя слишкомъ выгодными и вполнѣ соглашаюсь на нихъ.

Хотя у меня кое что и написано, я не могу прислать вамъ теперь ничего: вопервыхъ потому, что нѣкоторый успѣхъ моего перваго сочиненія развилъ мое авторское самолюбіе и я-бы желалъ чтобы послѣдующія не были хуже перваго, вовторыхъ, вырѣзки, сдѣланныя цензурой въ *Дѣтствѣ*, заставили меня во избѣжаніе подобныхъ, передѣлывать многое снова.[1]— Не упоминая о мелочныхъ измѣненіяхъ, замѣчу два, которыя въ особенности непріятно поразили меня. Это выпускъ исторіи любви Натальи Савишны, обрисовывавшей въ нѣкоторой степени бытъ стараго времени и ея характеръ и придававшей человѣчность ея личности; и перемѣна заглавія.— Заглавіе: *Дѣтство* и нѣсколько словъ предисловія объясняли мысль сочиненія; заглавіе же *Ист*[*орія*] *М*[*оего*] *Д*[*ѣтства*] напротивъ, противорѣчитъ ей. Кому какое дѣло до исторіи *моего* дѣтства? Послѣднее измѣненіе въ особенности непріятно мне, потому, что, какъ я писалъ вамъ въ первомъ письмѣ моемъ, я хотѣлъ, чтобы *Дѣтство* было первой частью романа, котораго слѣдующія — должны были быть: Отрочество, Юность и Молодость.

Я буду просить васъ, Милостивый Государь, дать мнѣ обѣщаніе, насчетъ будущаго моего писанія, ежели вамъ будетъ угодно продолжать принимать его въ свой журналъ — не измѣнять въ немъ ровно ничего. — Надѣюсь, что вы не откажете мнѣ въ этомъ. Что до меня касается, то повторяю обѣщаніе прислать вамъ первое что почту достойнымъ напечатанія.

Подписываюсь своей фамиліей, но прошу, чтобы это было извѣстно одной редакціи. —

Съ совершеннымъ уваженіемъ
имѣю честь быть,
Милостивый Государь,
Вашъ покорнѣйшій слуга
Г. Л. Н. Толстой.

P. S. Будьте такъ добры, пришлите мнѣ экземпляръ моей повѣсти, ежели это возможно. —

Печатается по автографу, хранящемуся в ЛБ. Впервые напечатано

Н. С. Ашукиным в АК, стр. 187—189. Датируется содержанием. Получив вышеприведенное письмо Некрасова от 30 октября 1852 г. (см. прим. к п. № 66), Толстой записал в дневнике под 26 ноября: «получил письмо от Некрасова. Мне дают 50 р. сер. за лист, и я хочу не отлагая, писать рассказы о Кавказе. Начал сегодня. Я слишком самолюбив, чтобы написать дурно, а написать еще хорошую вещь едва ли меня хватит». На другой день записано: «Написал письмо Некрасову и теперь успокоился на этот счет. Не торопясь примусь за что-нибудь».

[1] Имеется в виду рассказ «Набег», первоначально называвшийся «Письмо с Кавказа». Работа над этим произведением шла с 17 мая 1852 г. по 8 июля, когда рассказ был отложен. Снова идут записи о нем в дневнике с 26 ноября до 26 декабря этого года, когда рассказ был послан Некрасову.

* 71. Гр. С. Н. Толстому.

1852 г. Декабря 10. Станица Старогладковская.

10 Декабря 1852.
Старогладковская.

Я такъ хорошо знаю тебя, что какъ только послалъ свою рукопись,[1] сказалъ Николинькѣ, что, какъ только она выйдетъ въ печати, ты непремѣнно напишешь мнѣ на нее свои замѣчанія, и ожидалъ и получилъ ихъ съ большимъ нетерпѣніемъ и удовольствіемъ, чѣмъ отзывы журналовъ.[2] — Ты боишься, чтобы я не возгордился и не проигралъ въ карты. Видно, что давно уже мы не видались. Мысль о картахъ, я думаю, съ годъ не приходила мнѣ въ голову; что же касается до того, чтобы я не опустился въ слѣдующихъ своихъ сочиненіяхъ, надѣюсь, что этого не случится, вотъ почему: я началъ новый, серьезный и полезный, по моимъ понятіямъ, романъ, на который намѣренъ употребить много времени и всѣ свои способности. Я принялся за него съ такимъ же чувствомъ, съ которымъ я въ дѣтствѣ принимался рисовать картинку, говоря, что «эту картинку я буду рисовать три мѣсяца». Не знаю, постигнетъ ли романъ участь картинки;[3] но дѣло въ томъ, что я ничего такъ не боюсь, какъ сдѣлаться журнальнымъ писакой и, несмотря на выгодныя предложенія редакціи, пошлю въ Современникъ — и то едва ли — одинъ разсказъ, который почти готовъ и который будетъ очень плохъ.[4] Не бѣда! Это будетъ послѣднее сочиненіе Г-на Л. Н. Ты не повѣришь, сколько крови перепортило мнѣ печатаніе своей повѣсти,— столько въ

ней выкинуто дѣйствительно хорошихъ вещей и глупо перемѣнено цензурой и редакціей. Въ доказательство этого посылаю тебѣ письмо, которое я въ первую минуту досады написалъ, но не послалъ въ Редакцію.[5] Мнѣ непріятно думать, что ты можешь приписать мнѣ различныя пошлости, вставленныя какимъ-то Господиномъ.

На дняхъ я разсчитывалъ, какъ скоро я могу быть представленъ[6] и выйдти въ отставку. Съ большимъ счастіемъ черезъ $1^1/_2$ года, безъ всякого счастія — черезъ два, съ несчастіемъ — черезъ 3. — Признаюсь — мнѣ очень скучно, даже часто бываетъ грустно; но что жъ дѣлать? зато жизнь эта принесла мнѣ большую пользу. Пускай мнѣ, послѣ того, какъ я вырвусь отсюда, придется два,— три года прожить на свободѣ — я съумѣю прожить ихъ хорошо. — Напрасно ты думаешь, что планъ твой можетъ мнѣ не понравиться. Я ужъ тысячу разъ, еще въ Россіи мечталъ о немъ, и, только боясь твоей положительности, не предлагалъ его тебѣ. Одно не нравится мнѣ: это то, что ты не хочешь жить въ деревнѣ; я же только о томъ и мечтаю, какъ-бы опять и навсегда поселиться въ деревнѣ и начать тотъ же самой образъ жизни, который я велъ въ Ясной, пріѣхавъ изъ Казани:[7] т. е. другими словами я хочу возвратить времена долгополаго сюртука.[8] Теперь-бы я съумѣлъ воздержаться отъ необдуманности, самоувѣренности, тщеславія, которыя тогда портили всѣ мои добрыя предпріятія. Ежели-бы не эта мечта, которую съ Божьей помощью надѣюсь привести въ исполненіе, я бы не могъ себѣ представить жизни лучше той, которую ты предлагаешь, хотя впередъ знаю, что не всегда буду находиться подъ вліяніемъ того чувства, которое произвело во мнѣ твое письмо. Но Никольское, Ясное и Пирогово недалеко; и планъ твой можетъ осуществиться въ деревнѣ, и по моему въ 10 разъ, чѣмъ въ какомъ нибудь городѣ, въ которомъ бы мы жили безъ дѣлъ и обязанностей — только такъ, чтобы жить гдѣ нибудь.— *Узы*, которыя тяготятъ тебя, безпокоятъ и меня. Зная твой характеръ, я ничего не могу тебѣ желать и совѣтовать лучшаго, какъ во что-бы то ни стало *поскорѣе* разорвать ихъ. *Время все идетъ*. Но только не ѣзди для этаго на Кавказъ. Не знаю, почему, по мнѣ пріятнѣе будетъ еще дожидаться, чѣмъ испортить это удовольствіе, свидѣвшись съ тобой на Кавказѣ. Я связанъ службою, ты-же, пріѣхавъ сюда, не останешься жить въ Старогл[адков-

ской], гдѣ гадко и скучно. Не знаю, почему, по мнѣ этаго очень не хочется. —

Гдѣ ты былъ нынѣшнею зимою? я ничего не знаю про тебя. Какъ твои денежныя дѣла? Прощай. Давай пожалуйста переписываться поаккуратнѣе. Ты давно уже обѣщалъ прислать мнѣ свой портретъ. Я ожидаю его.

Черновое.
1852. 5 Декабря.

Я такъ хорошо знаю тебя, что какъ только послалъ свою рукопись, сказалъ Ник[оленькѣ]: какъ только она выйдетъ въ печати, Сережа непремѣнно напишетъ мнѣ свои на ея счетъ замѣчанія; и ожидалъ ихъ съ большимъ нетерпѣніемъ, и они больше порадовали меня, чѣмъ отзывы журналовъ. Ты боишься, чтобы я не возгордился и чтобы не проигралъ въ карты. Видно, что ты давно не видалъ меня. Я очень измѣнился. Мысль о картахъ, я думаю, съ годъ, не приходила мнѣ и въ голову; что-же касается до того, чтобы я опустился въ своихъ будущихъ сочиненіяхъ, не думаю, чтобы это случилось. Я началъ романъ серьозный, полезный по моимъ понятіямъ и на него намѣренъ употребить всѣ свои силы и способности. Я романъ этотъ называю *книгой*, потому что полагаю, что человѣку въ жизни довольно написать хоть одну, короткую, но полезную книгу и говорилъ Ник[оленькѣ], какъ бывало мы рисовали картинки: *ужъ эту картину я буду рисовать 3 мѣсяца.* Не знаю, что изъ этаго выйдетъ, но дѣло въ томъ, что Современныя Замѣтки нейдутъ ко мнѣ, потому что я ничего такъ не боюсь, какъ сдѣлаться журнальнымъ писакой; а ежели кончу когда нибудь свой романъ, то самъ издамъ его. У меня былъ уже написанъ Кавказскій разсказъ, я теперь отдѣлываю его и пошлю въ этомъ мѣсяцѣ; но не смотря на то, что Редакторъ проситъ меня прислать ему чтобы-то ни было моего писанья и за все предлагаетъ 50 р. сер. съ листа и больше, я думаю, что для журналовъ больше писать не буду. Мнѣ хотѣлось испытать себя и только. — Ты не повѣришь, какъ мнѣ непріятно было читать свою повѣсть въ печати; столько въ ней выкинуто и перемѣнено цензурой и редакціей. Смѣло могу сказать, что всѣ пошлости и нелѣпости, которыя ты вѣрно замѣтилъ въ ней произошли не отъ меня. Чтобы показать тебѣ, какія пошлыя перемѣны сдѣланы въ ней, и какъ онѣ раздосадовали меня,

посылаю тебѣ письмо, которое я написалъ въ первую минуту Редак[тору], но не послалъ. — Я вчера разсчитывалъ, какъ скоро я могу быть произведенъ и выдти въ отставку. — Съ большимъ счастіемъ — через $1^1/_2$ года, безъ всякаго счастія — черезъ 2, съ несчастіемъ — черезъ 3. —

Признаюсь, что мнѣ скучно жить здѣсь и часто бываетъ грустно; но Кавказъ принесъ мнѣ огромную пользу. Пускай мнѣ придется еще нѣсколько лѣтъ прожить въ этой школѣ; зато, ежели послѣ нея мнѣ останется хоть годъ прожить на свободѣ, я съумѣю его прожить хорошо. Ты напрасно думаешь, что планъ твой можетъ мнѣ не понравиться. Я ужъ тысячу разъ мечталъ объ немъ и, имянно боясь твоей положительности, не передавалъ его тебѣ. Одно не нравится мнѣ это — то, что ты не хочешь жить въ деревнѣ. Я-же только и мечтаю о томъ, какъ-бы снова начать ту жизнь, которой я началъ жить въ деревнѣ; только безъ самоувѣренности, тщеславія и необдуманности, которыя тогда разрушали всѣ мои хорошія, добрыя предпріятія. Смѣйся и не вѣрь мнѣ, но я говорю, что чувствую; ежели бы у меня не было имѣнія и обязанностей въ отношеніи его, исполненіе которыхъ, я увѣренъ, составитъ мое счастіе, я бы не могъ себѣ представить жизни лучше той, которую ты предлагаешь. Имянно потому, что прошло то время, когда мы могли ссориться за глупости, мечтая о жизни, которую ты предлагаешь, я знаю впередъ, что не всегда буду подъ вліяніемъ того чувства, которое произвело во мнѣ твое письмо. Но все таки жизнь была бы славная. Однако Никольское, Ясное и Пирогово тоже недалеко. *Узы*, которыя тебя тяготятъ, беспокоятъ и меня. Зная твой характеръ, я тебѣ ничего не могу желать лучшаго, какъ, какъ можно скорѣе, и какъ бы то ни было отдѣлаться отъ нея. Но только не ѣзди для этаго на Кавказъ. Не знаю почему, но мнѣ пріятнѣе дожидаться еще, чѣмъ свидѣться съ тобой на Кавказѣ. Я связанъ службой, ты-же, пріѣхавъ сюда, не останешься жить въ Старогладковской, гдѣ и скучно и гадко. Не знаю почему, но нехорошо. Не хочется портить удовольствія, которое я представляю себѣ, когда я буду свободенъ и навсегда возвращусь въ Россію. Гдѣ ты былъ нынѣшній годъ? я ничего не знаю про тебя. Какъ твои денежныя дѣла?[1]

Печатается по автографу, хранящемуся в АТБ. Впервые напечатано М. А. Цяьловским в ж. «Печать и революция», М. 1928 г., кн. 6, стр. 88—90.

Это письмо является ответом на недатированное письмо С. Н. Толстого от середины ноября 1852 г.

«Хотя наша переписка перервалась с тобой довольно неприятным образом, я не могу не писать тебе, во-первых, для того, чтобы известить тебя, что мы, в особенности я, были приятно обрадованы, прочитав твою повесть. Я получаю «Современник», и ты можешь себе представить, на первых строках «Истории детства» я догадался, что это твое. Кроме меня, Фервзен (который между прочим женился) и Костинька то же по чутью узнали, что это твое сочинение. Оба им очень довольны, так же как и я. Вероятно, ты на Кавказе получаешь все русские журналы, и в таком случае тебе излишне говорить, что «Отечественные записки»» тебя расхвалили. Я с нетерпением жду еще чего-нибудь твоего в «Современнике» и боюсь, чтобы ты, возгордясь своим первым успехом, не написал чего нибудь слабее твоей первой литературной попытки. Боюсь же, чтобы ты не возгордился от того, что я даже, неизвестно почему, сделался горд тем, что ты пишешь. Кстати, прочти в октябрьском нумере «Современника» в современных заметках листок, который я к тебе кстати посылаю. Не знаю, на твой ли это счет или нет толкует этот господин. Я посылаю тебе этот листок, чтобы указать место, где находится эта статья, и советую тебе прочесть ее всю, ты же «Современник», вероятно, или получаешь, или у кого нибудь берешь. Прочитав твою повесть раза два с большим вниманием, меня ужасно стало беспокоить то, что может она мне показалась отличною потому только, что ее писал ты, и что все лица, в ней находящиеся, мне совершенно известны, и что на человека незнакомого с ними она произведет другое впечатление. Потом я успокоился, потому что видел многих людей, ее читавших, которые отзывались о ней как нельзя лучше.

Напиши мне пожалуйста, что ты намерен делать эту зиму. Будешь ли ты в России, или останешься на Кавказе; естьли бы я знал, что ты наверно будешь на Кавказе, я может быть к вам туда приехал. Может быть, эта поездка помогла бы мне разорвать узы, которые меня — увы! — очень тяготят. Естьли же ты приедешь сюда и, получа офицерский чин, выйдешь в отставку, то я хочу тебе предложить вот что:устроимся так, чтобы нам жить вместе где-нибудь, в Москве ли, в Петербурге ли, в Одессе, даже, естьли пустят, то за границей. Я знаю, ты скажешь, что это нельзя, потому что характеры у нас слишком неодинаковы, и что мы не уживемся, что я буду наводить иногда на тебя тоску моей положительностью. Я же думаю, что так как те времена прошли, когда мы могли поссориться за то, что ты измучил мою лошадь или не спросясь у меня, велел заложить мой экипаж, так точно прошли и те времена, когда мы не могли с тобой ужиться.— Жить поодиночке мы можем тихо, вместе же, особенно естьли бы подался на эту штуку Николенька, мы могли бы жить en grand [широко], как говорит *Тейльс*, и жизнь бы нам была приятнее, потому что у нас образовался бы семейный кружок un chez soi [свой уголок], которого у нас никогда не было, и от недостатка которого ни ты, ни я не могли себе найти до сих пор постоянной оседлости. Может нам будет случаться и ссориться, да по-моему лучше иметь, с кем поспорить, чем прийти в пустой номер, где нет никого, кроме твоего человека, благо еще никто

из нас не женат. Я нахожу, что предложение мое очень удобоисполнимо. Подумай об нем и отвечай мне. — Не играешь ли ты в карты и не проиграл еще что-нибудь значительное, уведомь меня об этом. — Я боюсь, что предложение мое тебе не понравится, и если это будет, то собственно от того, что я передавал его тебе не изустно, а на бумаге, и половина того, что я тебе сказал, выразилась на оборот. Прощай, целуй Николеньку и отвечай».

«Отечественные записки» тебя расхвалили — Сергей Николаевич имеет в виду статью о «Детстве», принадлежащую, вероятно, Ст. Сем. Дудышкину (статья не подписана) и напечатанную в октябрьской книжке «Отечественных записок» за 1852 г. *Листок*, о котором пишет Сергей Николаевич, несомненно следующие места «Современных записок» в № 10 «Современника» за 1852 г.: «Не понимаем, почему наши молодые литераторы, принимаясь за перо фельетониста, скрываются под непонятными заглавными буквами, в то время, как под легким и часто посредственным стихотворением выставляют свое имя вполне» и «... это молодые люди, или подающие надежды, или по большей частию вовсе не подающие никаких надежд: из них один пишет роман, другой замышляет драму, третий напечатал рассказ, четвертый сочиняет стишки, пятый напечатал уже два фельетончика в какой-то газете... и под этими гордыми строками торжественно выпечатывает начальные буквы своего имени. М. Н. Л. и Р. и с этой минуты считает себя уже замечательным человеком, великим писателем». Сергея Николаевича, надо думать, навело на мысль увидеть в приведенных строках намек на брата сходство подписи под «Детством»: «Л. Н.» с инициалами «М. Н. Л.», но нам кажется, — это случайное совпадение, и автор «Современных заметок» не имел в виду Толстого. *Видел многих людей ее читавших.* Отзывы ряда лиц о «Детстве» гр. Сергей Ник. Толстой приводит в письме от 12 апреля 1853 г. См. это письмо в прим. к п. № 73. Под *узами* Сергей Николаевич имеет в виду свою связь с тульской цыганкой Марьей Михайловной Шишкиной. О ней см. прим. 15 к п. № 12. *Тейльс* — вероятно, Никита Дмитриевич де-Тейльс (р. в 1805 г.), тульский помещик, в 1850—1855 гг. уездный Крапивенский судья, хороший знакомый Толстых.

Получив это письмо, Толстой записал в дневнике под 5 декабря: «Получил милое письмо Сережи, на которое отвечал».

[1] Рукопись «Детства» была послана Толстым в редакцию «Современника» в начале июля 1852 г.

[2] Лев Николаевич имеет в виду, кроме отзыва в «Отечественных записках», статью Б. Н. Алмазова о VIII и IX книжках «Современника» в октябрьской книжке «Москвитянина» за 1852 г.

[3] Имеется в виду неоконченный «Роман русского помещика», занимавший Толстого в 1852—1856 гг., начало которого под заглавием «Утро помещика» было напечатано в № 12 «Отечественных записок» за 1856 г.

[4] Имеется в виду рассказ «Набег», напечатанный в мартовской книжке «Современника» за 1853 г. См. прим. к п. № 70.

[5] См. не отправленное письмо к Н. А. Некрасову № 69.

[6] К чину прапорщика. По сдаче в январе 1852 г. экзамена на юнкера,

Толстой был зачислен в феврале «фейерверкером 4-го класса» в «батарейную № 4 батарею 20 артиллерийской бригады». См. прим. к п. № 58.

[7] Не кончив университета, Лев Николаевич в апреле 1847 г. приехал из Казани в Ясную Поляну, где и прожил, довольно часто отлучаясь в Москву и Петербург, до апреля 1851 г., когда с Николаем Николаевичем поехал на Кавказ. Образ жизни в Ясной поляне за это время описан Толстым в «Утре помещика».

[8] Об этом «долгополом сюртуке» Толстой вспомнил 4 апреля 1908 г. ...«Я сшил себе халат такой, чтобы в нем можно было и спать и ходить. Он заменял постель и одеяло. У него были такие длинные полы, которые на день пристегивались пуговицами внутрь». Н. Н. Гусев «Два года с Л. Н. Толстым» М. 1928, стр. 126.

Черновое

Печатается по автографу, хранящемуся в АТБ, публикуется впервые.

[1] Страница недописана.

72. Н. А. Некрасову.

1852 г. Декабря 26. Станица Старогладковская.

26 декабря.

Милостивый Государь!

Посылаю небольшой разсказъ; ежели вамъ будетъ угодно напечатать его на предложенныхъ мнѣ условіяхъ, то будьте такъ добры, исполните слѣдующія мои просьбы: не выпускайте, не прибавляйте, и главное, не перемѣняйте въ немъ ничего. Ежели-бы что нибудь въ немъ такъ не понравилось вамъ, что вы не рѣшитесь напечатать безъ измѣненія, то лучше подождать печатать и объясниться.

Ежели, противъ чаянія, Цензура вымараетъ въ этомъ разсказѣ слишкомъ много, то пожалуйста не печатайте его въ изувѣченномъ видѣ, а возвратите мнѣ. На послѣдней страницѣ я означилъ × и * два варіянта, которыя я сдѣлалъ въ двухъ мѣстахъ, за которыя я боюсь въ этомъ отношеніи; просмотрите и вставьте ихъ, ежели найдете это полезнымъ.

Я полагаю, что примѣчанія, которыя я сдѣлалъ на послѣднемъ листѣ, или по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ нихъ необходимы для Русскихъ читателей.

Я-бы тоже желалъ, чтобы дѣленія, означенныя мною черточкой, такъ-бы и оставались въ печати. —

Извините, что рукопись уродливо и нечисто написана; и то мнѣ стоило ужаснаго труда![1]

Въ ожиданіи вашего отвѣта и мнѣнія о этомъ разсказѣ, имѣю честь быть, съ совершеннымъ уваженіемъ, вашъ покорнѣйшій слуга.

Г. Л. Толстой.

Печатается по автографу, хранящемуся в ЛБ. Впервые напечатано Н. С. Ашукиным в АК, стр. 189—190. Год определяется содержанием: речь идет о рассказе «Набег», напечатанном в мартовской книжке «Современника» за 1853 г.

[1] Рукопись эта не дошла до нас.

1853

* 73. Т. А. Ергольской.

1853 г. Марта 24. Станица Старогладковская.

24 Mars.
1853.

Старогладовская.

Chère tante!

J'ai été près de trois mois sans vous écrire; et j'avoue, que j'aurais été impardonable si je n'avais des raisons pour expliquer ce long silence.— Le premier jour de l'an j'ai quitté *Старогладов[скую]* pour aller à l'expédition, qui a duré jusqu'à présent; et je me suis fait une règle de ne pas vous écrire pendant tout le tems qu'elle dure; puisqu'autrement je suis dans l'alternative: ou de vous dire que je suis à l'expédition et vous donner des inquiétudes, ou de vous mentir; et je ne veux faire ni l'un, ni l'autre. — Au moins à présent cela me donne le double plaisir de vous écrire, que l'expédition est terminée [1] et que j'en suis revenu tout aussi heureusement que l'année passée [2] c. à d. sain et sauf. Vous devez savoir que Nicolas a quitté le service; c'est une idée très heureuse, qui lui est venu de but en blanc en automne, l'année passée. J'aurai[s] bien voulu en faire autant; mais cela ne dépend plus de moi. On dit que je suis présenté au grade d'officier, que je pourrai recevoir tout-au plus dans[au] le commencement de l'année 1854 — c. à d. après deux ans de service. [3] Si je n'avais pas de rang civil, si je n'avais pas été à l'université, si j'avais servi en Russie, sans faire une seule expédition j'aurais été plutôt officier, qu'à présent, comme Petrouche Воейковъ [4] или Митенька Толстой. [5] C'est une chose inconcevable; mais cependant cela est. Il faut avoir été au Caucase

pour savoir comment se font ici les choses, et le guignon que j'ai dans tout ce que j'entreprends. Ajoutez encore à cela qu'à commencer du P. Bariatinsky [6] qui a eu beaucoup de bontés pour moi, tous les chefs sont très bien disposés en ma faveur. Figurez vous, que mes papies sont jusqu'à présent à Pétersbourg et que je ne suis pas encore Юнкеръ, mais tout bonnement Унтеръ-Офицеръ. — Je sens que je fais très mal de vous écrire tout ceci, car cela vous chagrinera; mais c'est que je tiens à me justifier envers vous.

Dans une de vos lettre[s] vous me demandiez si je *n'avais pas fait quelque chose?* et je conçois très bien que vous deviez penser ainsi. — Je vous écris tout ceci aussi pour vous demander conseil sur le projet, que j'ai de prier le Général Brimer, [7] qui doit venir un de ses jours ici, de me donner un congé de 9 mois en Russie et puis me faire donner en Russie un certificat de maladie et quitter le service avec le rang civil que j'avais. —

Adieu, chère tante, j'attends votre réponse avec beaucoup d'impatience et baise vos mains.— Quoique j'ai beaucoup de choses à dire à Serge, j'aime mieux attendre la lettre qu'il m'a promise, son séjour à Moscou m'intéresse beaucoup. A chaque lettre que je reçois de vous j'attends la nouvelle de ce qu'il est promis. Похоже ли на это? —

На конверте:
Ея Высокоблагородію Татьянѣ Александровнѣ Ергольской. —
Въ г. Тулу. — Въ Ясную Поляну. —

24 марта
1853.—
Старогладовская

Дорогая тетенька!

Чуть не три месяца не писал вам и признаюсь, это было бы непростительно с моей стороны, ежели бы не те причины, которые оправдают меня за долгое молчание. — В день нового года я выступил из * *Старогладовской* * в поход и только что вернулся; я поставил себе за правило не писать вам в походе потому, что пришлось бы либо вас взволновать, либо обманывать, а я не хочу ни того, ни другого. — Теперь же я с удовольствием вам скажу, что поход окончен, [1] и что, как в прошлом году, [2] я вернулся здоровым и благополучным. Вы уже знаете, что Николенька вышел в отставку; эта счастливая мысль пришла ему неожиданно прошлой осенью. Хотел бы того же и я, но это теперь зависит не от меня. Говорят, что я представлен к производству в офицеры, которое состоится не позже как в начале 1854 г. — т. е. после двух лет службы. [3] Ежели бы я не

имел гражданского чина, не был в университете, а служил бы в России, не проделав ни одного похода, я был бы произведен в офицеры скорее, как Петруша * Воейковъ [4] или Митенька Толстой*. [5] Вещь невероятная, а однако это так. Надо побывать на Кавказе, чтобы узнать, как здесь это происходит, а затем мне не везет во всем, что я предпринимаю. А между прочим, начиная с кн. Барятинского, [6] который очень добр ко мне, всё начальство ко мне очень расположено. Ведь представьте себе, бумаги мои до сих пор в Петербурге, и я даже не * юнкеръ*, а просто *унтеръ-офицеръ*. — Я напрасно вам пишу об этом, вы огорчитесь, но я хочу оправдаться.

В одном из наших писем вы спрашиваете меня, не *сделал ли я чего?* И я понимаю, что вы могли это подумать. — Всё это я сообщаю вам, чтобы спросить вашего совета; я намереваюсь просить генерала Бримера, [7] который будет здесь на днях, 9-ти месячного отпуска, ехать в Россию, получить свидетельство о болезни и уйти со службы с тем гражданским чином, который имел. —

Прощайте, дорогая тетенька, с нетерпением жду вашего ответа и целую ваши ручки. — Хотя много чего мне хочется сказать Сереже, но предпочитаю подождать обещанного им письма. Очень меня интересует его поездка в Москву. В каждом вашем письме я жду, что вы объявите, что он жених. * Похоже ли на это? * —

Печатается по автографу, хранящемуся в АТБ. Публикуется впервые. Почтовый штемпель: «Получено 1853. апреля 10». Рукой Т. А. Ергольской на конверте написано: «Получила 12 апреля 1853 года в день Вербного воскресенья».

[1] Речь идет о походе против Шамиля в январе — марте 1853 г. Об этом см. прим. к п. № 77.

[2] 17 и 18 февраля 1852 г. Толстой участвовал в походе против горцев. См. прим. к п. № 58.

[3] За отличие в деле 17 февраля 1853 г. Толстой был произведен в прапорщики приказом от 9 января 1854 г.

[4] Петр Александрович Воейков. О нем см. прим. 7 к п. № 45.

[5] Толстой имеет в виду, вероятно, своего троюродного брата гр. Дмитрия Яннуариевича Толстого (1827—1859), сына гр. Яннуария Ивановича Толстого (1792—18..) и Екатерины Дмитриевны Ляпуновой (ум. в 1882 г.).

[6] Кн. Александр Ив. Барятинский. О нем см. прим. к п. № 77.

[7] Эдуард Влад. Бриммер. О нем см. прим. 2 к п. № 49.

На это письмо Т. А. Ергольская ответила 27 апреля. Приводим отрывок ее письма:

«Дорогой Léon, я запаздываю ответом на твое письмо от 24 марта по веским причинам, которых описывать не буду — вышло бы чересчур длинно, но ты не сомневаешься, зная мою нежную привязанность к тебе, как рада я ему была. Не буду говорить, как я горевала без известий эти три месяца, как беспокоилась и мучилась беспрерывно. Я знала, что ты был в походе; ты не писал об этом, но сердцем я это чувствовала; не могло

быть иной причины такого продолжительного молчания. По получении твоего письма, я поспешила в церковь и принесла благодарение всемогущему богу, что ты вернулся жив и здрав, и что Николенька покидает опасную военную службу.

Письмо твое привез мне Сережа, который был в это время по делам в Туле, и прочел его раньше меня. Он говорит, что ответил по всем пунктам на твои запросы, стало быть, я прибавлю только одно — следуй во всем его совету, который вполне совпадает с моим, а я благодарю тебя за доверие, которое ты мне оказываешь, советуясь со мной относительно своей службы. По своей любви и слушаясь сердца, я бы просто сказала: бросай службу и возвращайся в Россию, в семью, где тебя желают и ждут с нетерпением. Но любя тебя невыразимо нежно, я присоединяюсь к совету Сережи: проси, как ты хочешь, 9 месячный отпуск, но не уходи со службы; вернувшись в Россию, ты можешь быть адъютантом при каком-нибудь генерале и подвигаться в чинах. Впрочем, милый мой, я высказываю лишь свое желание, а никак не даю совета. Советовать тебе могут братья, куда лучше моего. Единственное, о чем я тебя умоляю, не ходить больше в походы; подвергаясь всем этим опасностям, ты не получил ни выгоды, ни награды. Ах, ежели бы ты знал, какое я переживаю горе, когда я долго без известий, думая, что ты в походе, среди всех ужасов войны, и я содрогаюсь от страха от всего того, что подсказывает мне воображение, особенно с тех пор, как я прочла твое последнее сочинение (Набег, рассказ волонтера). Оно произвело на меня такое впечатление, что я с трудом удерживала слезы, слушая его в чтении Сережи. Ты описываешь всё так верно, так натурально этот набег, в котором ты участвовал волонтером, что я вся дрожала, думая о всех опасностях, которым вы с Николенькой подвергались, и усердно благодарила всевышнего, что он сохранил вас целыми и невредимыми.

Объявляю тебе скорый отъезд Валерьяна и Маши в *Пятигорск*; они выезжают 4 или 5 мая. Поездка эта нужна, вернее необходима для нашей милой Мари, которая очень слаба здоровьем, особенно с тех пор, как у нее была холерина. Перемена климата и места может принести ей существенную пользу, даже до лечения минеральными водами. Приедешь ли ты к тому времени в Пятигорск, дорогой Léon? Ей было бы так радостно видеть тебя после двухлетней разлуки. Милый Николенька будет там наверное; он писал Валерьяну, что, вскоре после Пасхи, он поедет в Пятигорск приготовить им квартиру. Дай бог, чтобы всё устроилось по их желанию. Я буду жить в Покровском в их отсутствии; мне поручают детей, и хотя эта ответственность меня смущает, я не решилась отказать им, боясь огорчить нашу милую Мари; при ее слабом здоровье всякое волнение ей вредно...». — (Оригинал по-французски; публикуется впервые, подлинник в АТБ.)

Еще до получения письма Толстого к Т. А. Ергольской от 24 марта гр. С. Н. Толстой 12 апреля начал письмо ко Льву Николаевичу, вторая половина которого написана уже по прочтении Сергеем Николаевичем письма Толстого к Т. А. Ергольской от 24 марта. Приводим это письмо (неполностью):

1853. Тула. 12-го апреля.

Знаешь, отчего я тебе не пишу часто, Лева, это я недавно узнал сам. Я всё собираюсь тебе писать чрезвычайно много и потому всё откладываю это день за день, и уж теперь накопилось столько вещей, что уже нет возможности всего написать, поэтому я и решился тебе писать только несколько слов, а все самые интересные по-моему вещи я не пишу потому, что им бы конца не было, *а о себе* я тоже уведомлять не буду. — Видишь, и в коротеньком письме одно предисловие заняло четверть листа. Теперь я живу в деревне, и как-то выходит так, что действительно по случаю хозяйства, которым я пристально занимаюсь, всё не найдешь свободного денёчка тебе написать, ибо, чтобы хорошенько тебе написать, надо не час, а день, да и лень тоже немного причиною моего молчания. Что это значит, что вы ни тот, ни другой не пишете? Знаешь ли, что и мне иногда, приходят дурные мысли. Вам с Кавказа надо писать почаще, одно, что меня успокаивает это то, что Хлопов сказал, что, естьли что случится, то сейчас и без него напишут. Твой *Набег*, просто, как бы его назвать... очень, очень хорош... или я давно не читал ничего, что бы мне так пришлось по сердцу. Нет, и этим я не выражаю того, что хочу тебе сказать да ну просто... малина да и только. Знаешь ли, что я за месяц перед тем, как получить 3-й № «Современника», знал по Ведомостям, что в «Современнике» напечатан Набег Рассказ Волонтера Л. Н., автора Истории моего детства. Тут как нарочно началась ростепель, и целый месяц я был в ожидании. Знаешь ли, что, зная тебя, кажется мне, довольно хорошо, я боялся, что этот рассказ тебе не удастся, чтобы тут невольно не ввернулось бы какое нибудь гусарство, или именно, как ты говоришь, Мулла-Нурство, даже если бы этого и не было, многие порядочные люди могли бы на разные вещи, вовсе не гусарские, смотреть как на гусарские. Одним словом, заглавие *Набег* меня беспокоило. Вдруг в одно прекрасное утро Николай мне принес, покуда я еще был в постеле, *Современника*. Я проглотил Набег. Зачем он так короток? Мало ли что мог ты еще прибавить, даже и тех офицеров, которые ходят в Пятигорске под музыку на бульваре и пьют чай в семейных домах в прикуску и т. д. Цензура верно опять много выкинула. Прочитав Набег, я должен был его прочесть вслух тётеньке Татьяне Александровне, потому что я в этот день ехал из Пирогова в Тулу, чтобы видеть Валерьяна, который в Туле совершал купчую на Мостовую, а с Современником мне расстаться не хотелось. Не сердись на меня, ради бога, и вспомни, что я действительно очень люблю тётеньку. Нет, лучше не стану ничего говорить об этом предмете, а то я тебя расстрою да и опять много очень придется писать. Скажу тебе только, что тётенька теперь со мной, и время идет у нас довольно скоро и хорошо. Она, действительно, очень и очень хорошая женщина, и чем больше я ее узнаю, тем более в этом убеждаюсь, это немного поздно, но *mieux vaut tard que jamais* [*лучше поздно, чем никогда*].—

Писал ли я тебе, что Ферзен (который женился) велел мне тебе сказать, что он, бывши в это время с женой в Крыму, чутьем узнал, что *Детство* писано тобой, и что они, читая это с женой, оба плакали. Перфильевы молодые и старые, Аникеева, даже Горчакова (которая или себя не

узнает, или показывает, что не узнает), милые Волконские, Костинька, которого это страшно мучает, что это не он написал, и многие другие чрезвычайно довольны твоим *Детством*. Одна Авдотья Максимовна сказала мне, что из всего видно, что ты пошел по князю Василью Николаевичу Горчакову, хотя и был умен, но был страшный разбойник и за то был сослан в Сибирь. «Вот уже, говорит она, и он стихи какие то написал. Уже это добра нечего ожидать».

Набег очень хорош: *Хлопов*, *Розенкранц*, *молодой прапорщик*, *татарин*, *(Шамиль середка будет)*, *подголосок шестой роты*, который везде так во время является с своим тенором, и которого я, кажется, вижу и слышу. Одним словом всё хорошо: и переправа через реку, где *артиллерийские ездовые с гром*[*ким*] *кри*[*ком*] *рысью пускают лошадей по каменному дну*, *ящики стучат*, *но добрые черноморки дружно натягивают уносы и с мокрыми хвостами и гривами выбираются на другой берег*. Вижу всё это и завидую, что я не на Кавказе. Отчего ты меня не пускаешь на Кавказ? Это меня обижает. Не в экспедиции ли вы теперь? Может оттого вы не пишете оба; смотри *будь осторожнее*. С тех пор, как ты стал для меня не самым пустяшным малым, я что-то стал больше за тебя беспокоиться. Всегда что-нибудь дурное случается с больными людьми. Бросай свою службу скорей, как это сделал Николенька, и приезжай сюда. Мне иногда, когда я вспомню о Николенькиной отставке и то, что ты меня отговариваешь ехать на Кавказ, приходит в голову, не сбираетесь ли вы ехать сюда и хотите, чтобы это был сюрприз. Тогда вы, пожалуй, разъедетесь с Валерьяном, который едет туда, как тебе верно это известно, и не получите моего письма, что мне будет очень жаль; зачем ты велишь посылать деньги князю Бегичеву? Не играешь ли ты опять в карты? *Ради бога не играй*. Митенька делает всё страшные глупости. Продал Поляны, проиграл довольно много и глупым манером, разным лицам дал заемные письма. После этого просил Закревского, говоря, что он дал эти заемные письма, быв на то принужден насильственным образом, и что он теперь платить не желает. Одним словом, *гадко*. Живет в Москве, устраивает *какую то* аптеку. Прощай, а то я никогда не кончу. Николеньке, естьли он с тобою, не кланяйся. Наши все слава богу.

Тула. 12-е апреля 1853.

Я хотел свертывать письмо и отправлять его на почту, как мне принесли твое письмо к тётеньке, которое я решился распечатать. Ты не можешь себе представить, как я ему был рад. Во-первых, я узнал через него, что ты возвратился благополучно из экспедиции. — Ты пишешь, что хочешь взять отпуск на шесть месяцев и выйти после в отставку с твоим гражданским чином. Дадут ли его тебе при отставке? Мне кажется, что нет, разве по болезни. Тебе впрочем это знать лучше. Отпуск же взять по моему не мешает, и естьли ты представлен, то это не помешает тебе быть очень скоро офицером. Из одного бы упрямства и из того, чтобы поставить на своем, следовало бы это сделать; да опять ты уже сделал большую часть того, что нужно для этого, ты служишь $1\frac{1}{2}$ года и через 6 месяцев верно будешь произведен. Так жаль, естьли задаром пропадет весь прежний труд. Я даю тебе все эти советы, а естьли бы был на твоем

месте, то, вероятно, ничего из сказанного не сделал, и естьли бы мне очень захотелось бы быть в России, то приехал бы. —

Ты, вероятно, понимаешь, до какой степени мне хочется тебя видеть, но я до того сделался рассудителен, что советовать тебе выйти в отставку не хочу, а отпуск, мне кажется, взять надо. Одно, об чем я тебя прошу, пожалуйста обрати внимание на эти несколько строк: не ходи в экспедиции, и естьли можно от оных отделаться, то отделайся. Я уверен, что это твоей репутации, глядя с точки зрения храбрых гусаров даже на Кавказе, повредить не может, а так тебе уже дали не одну карту (я говорю, что тебе дали несколько карт, потому что ты вышел из всех экспедиций, в которых был жив и здоров), то нечего же пробовать счастия до тех пор, покуда оно сделается тебе противно. Что же касается до кавказской службы, то это действительно непостижимо, и в России точно, кажется, производство идет лучше. Поэтому я еще раз говорю тебе. Не пытай больше счастия экспедициями, *не ходи в них*. Мне кажется, это можно, даже естьли бы от этого подвинулось твое производство, но ведь и этого нет. — Да еще мое тебе наставление — *не играй;* теперь твои дела, естьли у тебя нет еще, кроме нам известных долгов, в хорошем положении, т. е. долгов нет; что Мостовая продана, это по моему ничего не значит, ибо, естьли ты распашешь в Ясной 50 десятин новей, которые у тебя по ссекам есть, то это тебе вдвойне воротит Мостовую. Леса у тебя есть, следует только самому приехать и всем позаняться, ибо *l'oeil de maître* [хозяйский глаз] *великое дело*. Когда выйдет твой большой роман с твоей подписью, и где ты его хочешь напечатать? Мне многие говорят, что в журнал лучше, ибо отдельные издания очень туго расходятся, особенно же твое имя первый раз будет в печати, но опять тебе это знать лучше. Ты в конце твоего письма к тетеньке спрашиваешь у нее, похоже ли на то, que je suis promis, helas non! [что я жених, увы нет!] Я действительно подумываю об этом, потому что, как мне кажется, je suis fait de la pâte dont on fait les bons maris [я сделан из теста, из которого делают хороших мужей], но не пришлось, хотя я и таскался по тебе известным московским балам и видел тебе известных московских барышень, но мне кажется, что не там искать себе жены, да вообще не знаю почему, я ужасный недруг, или, лучше сказать, не нравятся мне les demoiselles [барышни]... или у меня дурной вкус, или пора влюбляться прошла, или всё «*Слышишь разумеешь*», «*Молодость*», «*Улетай соколик*» и др. (которые я до сих пор не могу равнодушно слышать) причиною, только верно для меня то, что мне после твоего отъезда никто еще хорошенько не понравился, не говоря уже о барышнях, даже и *полька*, не полька танец, а Полька Федорова дочь, не делает на меня никакого эфекта, а замужество без любви, т. е. amour [*любовь*], должно быть скверно. Я это по себе испытал отчасти, и естьли бы моя Маша, которая добрая девка, не была цыганка и могла бы меня отчасти понимать и сколько нибудь мне сочувствовать, то я почел бы самым большим счастием окончить дни мои с нею и иметь много детей. Но увы, несмотря на ее доброту, с ней можно только говорить о бурнусах, да о том, какой московский купец чем наградил свою Грушу или Таню и т. п. —

Вот я почти исписал кругом четыре листа и почти ни о чем с тобой

не поговорил, ни о московских наших знакомых, ни о Митеньке, ни о всех наших, ни о моем хозяйстве, ни о том, отчего я не принял управленья Ясной, ни о Маше, ни о Гаше-цыганке, которая ничего, не стареет и еще может быть для тебя опасна, ни о охоте и о том, как Чулков затравил в Крапивенском уезде оленя и т. д. Может ты не скоро получишь письмо от Валерьяна, потому я тебе пишу, что Мостовая продана, Федуркин и Капылов удовлетворены, в Совет удержано даже за часть 1854 года вперед — души, переведенные из Мостовой в Ясную, от Советского долга очищены, следственно и платить в Совет будешь меньше.

Напиши мне с первой почтой, *играешь ли ты или нет*. Знаешь ли, что очень может быть, что много моих писем к тебе не доходило, потому что я, кажется, клал по два больших листа в конверт одного лота. — Маша живет в Туле и иногда, когда я в Пирогове, приезжает ко мне, но очень на короткое время. Вообще, когда мы вместе, нам гадко, а врозь скучно. Мне всё хочется ее устроить, но нет капиталов. Прощай. Мне всё не верится, что ты приедешь. Это было бы слишком хорошо. Николиньке, разумеется, не кланяйся — его, значит[ё], мы почти наверное можем ожидать. Гр. С. Толстой». (Письмо не опубликовано; подлинник в АТБ.)

Хлопов — герой рассказа Толстого «Набег». Сергей Николаевич имеет в виду следующее место в I главе рассказа: «Часто он вам пишетъ — спросил я. — Редко, батюшка: нешто в год раз, и то когда с деньгами, так словечко напишет, а то нет. Ежели, говорит, маменька, я вам не пишу, значит жив и здоров; а коли что, избави бог, случится, так и без меня напишут». Говоря о *гусарстве* и *Мулла-Нурстве*, Сергей Николаевич имеет в виду следующее место в III гл. рассказа: «Это был из наших молодых офицеров, удальцов-джигитов, образовавшихся по Марлинскому и Лермонтову. Эти люди смотрят на Кавказ не иначе, как сквозь призму «героев нашего времени», Мулла-Нуров и т. п. и во всех своих действиях руководствуются не собственными наклонностями, а примером этих образцов». «Мулла-Нур (быль)» входит в «Кавказские очерки» Александра Марлинского (А. А. Бестужева) и впервые была напечатана в «Библиотеке для чтения» 1836 г. *Николай* — слуга гр. С. Н. Толстого. Герман Егор. *Фервен*. О нем см. прим. 2 к п. № 12. *Перфильевы молодые* — приятели братьев Толстых: Вас. Степ. и его жена Праск. Федор. Перфильевы. О них см. прим. 4 к п. № 6. *Перфильевы старые*. Отец Василия Степановича — Степан Вас. и его жена Анаст. Серг. Перфильевы. О них см. прим. к п. № 12. Ольга Дм. *Аникеева* — троюродная тетка Толстого, рожд. кж. Горчакова (1834—1869). Кн. Анна Александровна *Горчакова*. О ней см. прим. 1 к п. № 7. *Милые Волконские* — троюродный брат Толстого, кн. Александр Алексеевич и жена его Луиза Ив. Волконские. О них см. прим. 3 к п. № 41. *Костенька* — Конст. Александр. Ислявин. О нем см. прим. 25 к п. № 12. Гр. *Авдотья Максимовна* Толстая. О ней см. прим. 3 к п. № 33. Кн. *Вас. Ник. Горчаков* (1771—18..), брат бабки Толстого, в чине генерал-майора, был обвинен в подделке векселей и других мошенничествах и сослан в Сибирь. Его личностью интересовался в 1870-х гг. Толстой, намеревавшийся вывести этого Горчакова в задуманном романе из жизни XVIII века. Какого *князя Бегичева* имеет в виду гр. С. Н. Толстой, сказать затрудняемся. В дневнике Толстого

1851 г. упоминается Бегичев, у которого Лев Николаевич 3 апреля 1851 г. занял в Москве деньги. Этот Бегичев, может быть, сын друга Грибоедова, Никита Семенович Бегичев, помещик Тульской губ., владелец имения Екатерининского Епифанского уезда, где Грибоедов писал «Горе от ума». Письмо Н. С. Бегичева, относящееся, вероятно, к 1851 г., сохранилось в АТБ. Об имении *Поляны* см. прим. 2 к п. № 59. *Закревский* — московский ген.-губернатор. *Большой роман* Толстого — неоконченный «Роман русского помещика». *«Слышишь, разумеешь»* — цыганский романс, опубликованный в 1870-х гг. *«Молодость»* и *«Улетай соколик»* — цыганские песни. Кто такая *полька, Федорова дочь*, сказать не можем. Ник. Алекс. *Чулков*. См. о нем прим. 18 к п. № 52.

В дневнике Толстого под 15 мая записано об этом письме гр. С. Н. Толстого: «Получил письмо от Некрасова, Сережи и Маши — всё о моем литераторстве, льстящее самолюбию».

* 74. Гр. С. Н. Толстому.

1853 г. Апреля 17. Станица Старогладковская.

17 Апрѣля 1853.

Опять наша переписка прервалась и не по моей винѣ; ты не отвечалъ на послѣднее мое письмо. — Мнѣ кажется, что вы всѣ тамъ сговорились не писать мнѣ: каждую почту жду, какъ не знаю что, и каждую почту — ничего.

Ты вѣрно знаешь, что Ник[оленька] вышелъ въ отставку и на дняхъ ѣдетъ къ вамъ. Я хотѣлъ было сдѣлать то-же, потому что 1) я пробылъ здѣсь уже почти 2 года (терминъ который я назначаю себѣ), 2) долги мои с продажей Мостовой должны всѣ уплатиться, 3) походная безалаберная жизнь и дурное общество ужъ порядочно мнѣ надоѣли и 4) потому что служба мнѣ какъ-то особенно пошла несчастливо; но уѣхать теперь я не хочу да и почти не могу, пока не получу чина, къ кот[орому], говорятъ, я представленъ за нынѣшній походъ. Дѣло въ томъ, что, ежели представленіе это и выдетъ, все-таки я долженъ буду ѣхать еще въ Петербургъ для экзамена, чего мнѣ сильно не хочется, а хочется устроить такъ, чтобы меня произвели на мѣстѣ. Объ этомъ то главное я и хочу просить тебя. Я знаю навѣрное, что могутъ произвести на мѣстѣ, и что это дѣлается. Нужно только попросить объ этомъ кого нибудь изъ значущихъ лицъ въ Петербургѣ въ Штабѣ Фельдцехмейстера, гдѣ и должно находиться мое представленіе. Не найдешь ли ты путь къ кому нибудь изъ этихъ Г[оспо]дъ черезъ Горчаковыхъ А. И. [1] или С. Д. [2] или черезъ Толстыхъ Пракс. Вас. [3] Ты поймешь, что,

имѣя въ виду выдти въ отставку, какъ только меня произведутъ, мнѣ очень невесело будетъ отправляться въ Петербургъ въ сѣрой шинели, жить тамъ мѣсяца два и твердить зады; поэтому быть произведену хоть въ пѣхоту (Куринскій или Кабардинскій полкъ) безъ экзамена или въ Артиллерію, ежели это возможно, для меня очень важно. Сдѣлай же все, что можешь, чтобы уладить это дѣло, и во всякомъ случаѣ отвѣчай мнѣ. Узнай еще пожалуйста черезъ кого нибудь въ Петербургѣ (я писалъ и самъ, но, какъ говорю, всѣ сговорились не отвѣчать мнѣ) въ Инспекторскомъ Департаментѣ, почему тамъ задержаны мои бумаги болѣе года. — Эта задержка сдѣлала то, что чинъ, который я долженъ былъ получить черезъ 6 мѣс[яцевъ], я теперь получаю черезъ 2 года за отличіе, а до сихъ поръ еще не признанъ Юнкеромъ, а Ундеръ Офицеръ.

Я на дняхъ получилъ чудесное письмо от Андрея Ильина, въ которомъ между разными глупостями онъ пишетъ мнѣ, что К. Эникеевъ [4] очень желаетъ купить Мостовую, даетъ гораздо дороже другихъ, но что никто ему не объявлялъ объ этомъ. Скажи Эникееву, ежели ты его увидишь.

Литературныя мои дѣла идутъ плохо. Ужъ давно послалъ разсказъ въ Соврем[енникъ], и вотъ 3 мѣсяца объ немъ ни слуху, ни духу. [5] — Писать новаго, ничего не писалъ, потому что все это время былъ въ походѣ; да и какъ-то охоты не было. Теперь опять принимаюсь. Прощай, напиши о себѣ. Ты жилъ зиму въ Москвѣ. Мнѣ очень интересно знать, какого рода жизнь ты тамъ велъ. Не сбираешься-ли жениться? Что Маша-Цыганка? Скажи пожалуйста Валерьяну, что деньги 240 р. кот[орые] я просилъ его выслать *К. Бегичеву* [6] (онъ знаетъ), очень нужны; поэтому, ежели есть возможность, чтобы онъ послалъ ихъ.

Печатается по автографу, хранящемуся в АТБ. Публикуется впервые.

[1] Кн. Андр. Ив. Горчаков. О нем см. прим. 1 к п. № 33.

[2] Кн. Серг. Дмитр. Горчаков. О нем см. прим. 1 к п. № 7.

[3] Толстые — гр. Прасковья Васильевна Толстая, рожд. Барыкова (1796—1879), жена брата деда Толстого, мать гр. Александры Андреевны Толстой, фрейлины, состоящей в 1846—1866 гг. при дочери Николая I, в. к. Марье Николаевне.

[4] К. Эникеев — кн. Еникеев. Это, конечно, тот, который упоминался в пп. №№ 32 и 34 и в примечаниях к ним.

[5] Речь идет о рассказе «Набег».

[6] О Бегичеве см. прим. к письму гр. С. Н. Толстого, приведенному в прим. к п. № 73.

На это письмо гр. С. Н. Толстой отвечал 18 мая: «Пишу тебе несколько слов, потому что у меня делов куча, а на твое последнее письмо я всё собирался отвечать и вот уже более недели не отвечал, потому что всё хотел написать побольше и когда будет свободное время, а его как-то нет. Желание писать тебе больше — есть главная причина тому, что я редко тебе пишу. Ты пишешь мне, что я не отвечал на твое письмо, это значит что ты еще не получил моего последнего письма. —

Насчет твоего производства мне больше ничего не остается делать, как написать князю Андрею Ивановичу Горчакову, который в бытность мою в Москве сам назывался мне писать к Воронцову, удивляясь тому, что тебя долго не производят, и даже взял у меня выписку о роде твоей службы и сказал, что с первой почтой будет писать. Он говорил мне, что, когда ты еще ехал из Москвы, он хотел писать о тебе Воронцову, но что ты уехал не простясь. У него же наверное есть связи в штабе фельдцехмейстера. В Инспекторском департаменте, где твои бумаги, и в штабе может справиться Илья Толстой, но я даже не знаю его адреса. Неприятно, что ты мне не писал об этом прежде, покуда я был в Москве, там бы я мог лучше всё это сделать. Теперь больше ничего не остается, как писать, или случайно не придется ли увидеть кого на скачках и чрезвычайных выборах, которые будут в Туле в июне, годного для этого.—

Ты знаешь, что я принял в управление Ясную поляну во время отъезда Валерьяна, это уже я сам назвался. Валерьян же мне об этом ничего не говорил, но летом, т. е. в рабочую пору, оставить деревню на руках у человека (Егор. Дм.), которого еще никто хорошенько не знает, опасно. Я точно также писал Валерьяну и прежде, когда ты мне писал, и тебе на меня тогда не за что было претендовать, разве только на то, что я немного замедлил тебе ответом. — В Ясной поляне я был еще только раз и не успел еще *оглядеться*, отдал мельницу на аренду *немцу*, который тебе верно понравится, кажется на выгодных условиях. Тебе контора будет подробно об этом писать, поэтому я тебе теперь ничего более писать не буду до первого моего к тебе письма. —

О твоем «Набеге», которого я уже давно читал в Современнике, и о других разностях я тебе пишу в последнем моем письме. Пиши еще непременно что-нибудь. Я жду, как ты давно мне писал, что-нибудь посурьезнее. — Успокой же меня, еще раз напиши мне, играешь ли ты в карты или нет, и есть ли у тебя какие долги еще на Кавказе и в России. *Бегичеву деньги посланы.* Прощай Гр. С. Н. Толстой.

Я боюсь, чтобы мое последнее и пространное письмо к тебе не дошло. В нем я распространяюсь подробно и о «Набеге» и обо всем — а боюсь, потому что, кажется, много моих писем к тебе пропало, потому что я иногда в лотовый конверт кладу на 2 и более лотов бумаги. — Целуй Николеньку». (Письмо не опубликовано; подлинник в АТБ.)

О *кн. Андрее Ив. Горчакове* см. прим. 1 к п. № 33. *Гр. Мих. Сем. Воронцов.* См. прим. 3 к п. № 47. *Гр. Илья Андр. Толстой.* См. прим. 15 к п. № 52. *Егор Дмитриевич* — Хрусталев, управляющий Ясной поляной. Кто такой *немец*, арендатор мельницы, сказать не можем. Мельница в Ясной поляне была на р. Воронке, немного ниже теперешнего моста по дороге в Подгороднее лесничество. Сохранились следы плотины. В письме

гр. М. Н. Толстой (матери Толстого) к гр. Н. И. Толстому от 16 июня 1829 г. есть описание прогулки на мельницу с двумя старшими детьми и Федором Ивановичем. *Последнее письмо* гр. С. Н. Толстого от 12 апреля 1853 г. см. в прим. к п. № 73.

В дневнике под 25 июня 1853 г. Толстой записал: «Нынче получил от Сережи письмо, в котором он пишет мне, что князь Горчаков хотел писать обо мне Воронцову».

75. Н. П. Алексееву.

1853 г. Мая 30. Станица Старогладковская.

Не имѣя намѣренія продолжать службу, имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Высокоблагородіе войти о томъ съ представленіемъ къ Г-ну Начальнику Артиллеріи, на основаніи означенной въ семъ рапортѣ 56-й ст. 5-го тома Свода Военныхъ Постановленій.

Фейерверкеръ 4-го класса
Графъ Левъ Толстой.

30 мая 1853 года.
Ст. Старогладковская.

Местонахождение автографа неизвестно. Печатается по тексту, опубликованному И. А. Янжулом в статье «К биографии гр. Л. Н. Толстого», напечатанной в «Русской старине», 1900, II, стр. 356. Текст Толстого написан на «рапорте» следующего содержания:

УПРАВЛЕНИЕ
начальника Артиллерии
Отдельного
кавказского корпуса.
№ 816.
18 Мая 1853 года.
г. Тифлис.

Командиру батарейной № 4 батареи 20 артиллерийской бригады, господину подполковнику и кавалеру Алексееву
Исправляющего должность дежурного штаб офицера.

РАПОРТ.

Согласно желания фейерверкера 4-го класса вверенной Вам батареи Графа Льва *Толстого*, и по приказанию Г. Начальника Артиллерии, имею честь донести, что он на основании 56-й статьи 5-го тома свода военных постановлений может быть уволен от службы без именования воинским званием, а потому, если пожелает этого, то не угодно ли будет Вашему Высокоблагородию войти о том с представлением по команде к Г. начальнику артиллерии установленным порядком, для сделания надлежащего распоряжения.

Капитан Мооро.

Согласно этого рапорта предлагаю его сиятельству фейерверкеру 4-го класса графу Толстому уведомить меня на сем же.

Подполковник Алексеев.

Текст Толстого находится в конце текста «рапорта» и приписки Н. П Алексеева. Над датой Толстого, в тексте «Русской старины» стоит: «№ 18», поставленный, вероятно, не Толстым.

Григорий Александрович Мооро, капитан, дежурный штаб-офицер при управлении начальника артиллерии Отдельного кавказского корпуса; в 1848 г. служил в чине поручика бригадным адъютантом 20 артиллерийской бригады (Янжул, II, стр. 38).

В дневнике под 16 апреля 1853 г. Толстой записал: «Хотел выходить в отставку, но ложный стыд вернуться юнкером в Россию решительно удерживает меня. Подожду производства, которое едва ли будет». Под 28 мая: «Нынче прислал мне Алексеев бумагу, по которой Бриммер обещает уволить меня в отпуск с штатским чином. Как вспомню о своей службе, то невольно выхожу из себя». «Бумага» этой записи, конечно, «рапорт» Мооро от 18 мая. *Бриммер* — Эдуард Владимирович, начальник артиллерии Отдельного кавказского корпуса. О нем см. прим. 2 к п. № 49. Под 29 мая в дневнике Толстого записано: «Решился просмотреть 56 статью, выходить в отставку и просил об этом Алексеева». 56 статья 1 книги II части «Свода военных постановлений» (о прохождении службы по Военному ведомству) изд. 1838 г. гласит: «Если кто из желающих поступить в военную службу не согласится остаться в ней на том сроке, какой инспекторским департаментом будет назначен по рассмотрении их документов, может получить увольнение от военной службы с разрешения начальников дивизий без именования воинским званием». В выходивших до 1853 г. «Продолжениях свода военных постановлений» статья эта не подвергалась изменениям.

Рапорт Мооро, вероятно, является ответом на недошедшее до нас письмо Толстого к Мооро или Бриммеру. В ответ на рапорт Мооро Н. П. Алексеев ответил рапортом, о котором узнаем из письма Мооро к Толстому от 15 июня 1853 г.: «Милостивый государь Лев Николаевич! Вследствие письма вашего ко мне, полученного 11-го сего июня, — имею честь уведомить, что об увольнении вас по необходимым домашним обстоятельствам от службы без именования воинским званием, на основании 56-й статьи 5-го тома Свода военных постановлений, — получен того же числа от батарейного командира, подполковника Алексеева рапорт за № 665-м, и как на таковое увольнение никаких препятствий не усматривается, — то и последует вскоре от г. начальника артиллерии представление к г-ну инспектору всей артиллерии, а от него в инспекторский департамент Военного министерства; — приложенное же при означенном письме Вашем прошение, как не нужное, при этом возвращаю и прошу принять уверение в уважении моем к Вам. Г. Мооро. 15 июня 1853 года. Г. Тифлис». (Письмо не опубликовано; подлинник в АТБ.)

Упоминаемые в этом письме *письмо Толстого к Мооро* и *прошение об увольнении со службы* — неизвестны.

* 76. Гр. С. Н. Толстому и Т. А. Ергольской.

1853 г. Июня первая половина. Станица Старогладковская.

Пишу въ торопяхъ, поэтому извини за то, что письмо будетъ коротко и безтолково. *Дѣтство* было испорчено, а *Набѣгъ* такъ и пропалъ отъ Цензуры. Все, что было хорошаго, все выкинуто или изуродовано.[1] Я подалъ въ отставку[2] и на дняхъ, т. е. мѣсяца через $1^1/_2$ надѣюсь свободнымъ человѣкомъ ѣхать въ Пятиг[орскъ], а оттуда въ Россію. Ежели представленіе мое пойдетъ, то я и въ отставкѣ получу чинъ, слѣдовательно, ничего не потеряю. Ты, какъ мнѣ пишутъ, занимаешься моими дѣлами и, какъ кажется, съ охотой. Ты не повѣришь, какъ во многихъ отношеніяхъ мнѣ было пріятно узнать это. — Не помню, кому я писалъ (Валер[ьяну] или Ег. Дм.)[3] о высылкѣ мнѣ 100 р., которые я не получалъ еще. Узнай про это и вели мнѣ ихъ выслать и, ежели возможно, еще 200 р. сер. Будь спокоенъ я въ карты не играю, но такъ какъ задумалъ уѣзжать, многимъ-бы почти необходимымъ хотѣлъ запастись здѣсь. — Контрактъ на мельницу кажется выгоденъ.[4] По послѣднему письму тет. Т. А. она должна быть у тебя, поэтому припишу ей:

Chère tante!

Si je vous ecris rarement cela vient de ce que je m'habitue à l'idée du bonheur de vous revoir bientôt et je compte vous dire mieux de vive voix que par écrit tout ce que je sens de reconnaissance pour votre amour et votre bonté.[5]

Печатается по автографу, хранящемуся в АТБ. Впервые напечатаны отрывки из письма П. И. Бирюковым в Б, I, 1906, стр. 218; несколько большие отрывки даны П. А. Сергеенко в ПТС, I, стр. 32. Письмо датируется содержанием: упоминанием о «Набеге» и указанием, что «подал в отставку», что было в мае.

[1] По получении мартовской книжки «Современника» за 1853 г., где был напечатан «Набег», Толстой в дневнике под 28 апреля 1853 г. записал: «Получил книгу со своим рассказом, приведенным в самое жалкое положение. Это расстроило меня».

[2] Об этом см. прим. к п. № 75.

[3] Егор Дмитр. Хрусталев, управляющий Ясной поляной.

[4] Об этом см. письмо гр. С. Н. Толстого ко Льву Николаевичу от 13 мая 1853 г. в прим. к п. № 74.

5. Дорогая тетенька!

Если я редко пишу вам, то это оттого, что я приучаю себя к мысли о счастии скорого свидания с вами, и я предпочитаю устно, а не письменно выразить вам всю свою признательность за вашу любовь и вашу доброту.

* 77. Кн. А. И. Барятинскому (черновое).

1853 г. Июля 15? Пятигорск.

Можетъ показаться страннымъ и даже дерзкимъ, что я [1] въ частномъ письмѣ обращаюсь прямо къ вамъ, Генералу. Но несмотря на то, что въ моихъ глазахъ, [2] надѣюсь тоже и въ вашихъ, — я имѣю столько же права требовать отъ васъ справедливости, сколько и вы отъ меня, я имѣю [3] право [4] чтобы выслушали меня; — право, основанное не на вашемъ добромъ расположеніи, которымъ [5] я пользовался когда-то, но правомъ на томъ злѣ, которое можетъ быть невольно вы сдѣлали мнѣ. —

Чтобы объяснить мои слова, я долженъ войдти въ нѣкоторыя подробности, которыя могутъ показаться вамъ лишними и нисколько васъ не касающимися, но мнѣ кажется, что, ежели вы сдѣлали мнѣ зло, то я имѣю право сказать вамъ по крайней мѣрѣ, въ чемъ оно состоит, и какъ оно велико.

Въ 1851 году вы совѣтовали мнѣ поступить въ военную службу. [6] Безъ сомнѣнія человѣкъ не можетъ упрекать другого въ поданномъ совѣтѣ, послѣдовавши которому онъ не нашелъ тѣхъ выгодъ, которыя представлялись ему. Но вы, [7] какъ Н. Л. Ф., [8] давая мнѣ совѣтъ поступить на службу подъ ваше начальство, я полагаю обязывались, по крайней мѣрѣ въ томъ, чтобы въ отношеніи ко мнѣ [9] была соблюдена справедливость. Я имѣлъ вѣтренность послушаться вашего совѣта, но съ тѣхъ поръ, какъ я поступилъ на службу, доброе расположеніе перем[ѣнилось] въ з[лое], почему, я совершенно не вѣ[даю]... Я поступилъ 16 мѣсяцевъ тому назадъ на правѣ 6 мѣсячномъ. [10] Я два года былъ въ походахъ и оба раза весьма счастливо. 1 годъ непріятель подбилъ ядромъ колесо орудія, которымъ я командовалъ, [11] на другой годъ, наоборотъ, непріятельское орудіе подбито тѣмъ взводомъ, которымъ я командовалъ. [12]

Оба раза ближайшіе начальники сочли меня достойнымъ наградъ и представили меня, и оба раза Г. Левинъ ни къ чему

не представилъ меня; въ первый разъ на томъ основаніи, что будто бы я еще не былъ на службѣ; [13] тогда [какъ] я былъ представляемъ за 17 и 18 февраля, а я утвержденъ на службѣ съ 8 февраля, второй разъ на томъ основаніи, что [14] не могу получить вмѣстѣ креста и чина, а по его мнѣнію достоинъ чина, къ которому и представленъ, и который со всѣво[змо]жнымъ счастьемъ могу я получить черезъ 13 мѣсяцевъ за отличіе; т.-е., прослужа юнкеромъ 2 съ половиной года; [15] тогда какъ по закону, я долженъ получать его черезъ 6 мѣсяцевъ. Все это ничего бы не значило для меня, ежели [бы] я [16] предполагалъ всю остальную жизнь пробыть въ уединеніи, — или на Кавказѣ, — мнѣ не нужно бы было объяснять моимъ роднымъ и знакомымъ, какимъ образомъ, прослужа 2 года на К[авказѣ], бывая въ походахъ и пользуясь расположеніемъ К[нязя] Б[арятинскаго] (потому что, чтобы оправдать свое поступленіе на службу, я имѣлъ вѣтренн[ость] писать объ этомъ своимъ роднымъ) я могъ не получать не только ни одной награды, но даже не быть офицеромъ. Я могу показать нѣсколько писемъ, въ которыхъ родные не вѣрятъ мнѣ и допрашиваютъ меня, не разжалованъ ли я въ солдаты. Это можетъ казаться смѣшнымъ въ такомъ положеніи, какъ ваше, но повѣрьте, что я часто провожу тяжелыя минуты, думая объ этомъ. [17] Кромѣ того, дѣла мои разстроены, присутствіе мое необходимо въ Россіи, и я не могу получить отставки, так [18] какъ бумаги мои, Богъ знаетъ почему, задержаны въ И. Д., [19] и я еще не юнкеръ, а феерверкеръ. Вы можете сказать, что это не ваша вина, что зачѣмъ же я поступалъ на службу, можете сказать, что участь многихъ точно такая же, какъ и моя, что должно быть я самъ виноватъ въ этомъ, можете тоже сказать — вамъ нѣтъ до этого никакого дѣла.

Печатается по автографу, хранящемуся в АТБ. Публикуется впервые. Письмо датируется записями в дневнике Толстого 15 июля 1853 г.: «Писал письмо Барятинскому, хорошее», 8 августа: «Вечером пришли все дурные воспоминания моей жизни: Гелке, Барятинский, Левин, долги и всё гадкое», и содержанием письма: «Неприятельское орудие подбито тем взводом, которым я командовал». Речь идет о деле 17 февраля 1853 г. походе против Шамиля.

Кн. Александр Иванович Барятинский (р. 2 мая 1815 г., ум. 25 февраля 1879 г.) генерал-фельдмаршал, покоритель Кавказа. По окончании школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров в 1833 г, поступил корнетом в Гатчинский кирасирский полк, а в 1835 г. команди-

рован на Кавказ, где в рукопашном бою был тяжело ранен. Покинув Кавказ, Барятинский путешествовал по Европе, откуда вернулся в Петербург. В 1845 г. он снова на Кавказе, где принимал участие в экспедиции против резиденции Шамиля, аула Дарго. Снова тяжело раненый, Барятинский возвращается в Петербург, а оттуда едет за границу. В феврале 1847 г. он назначен командиром Кабардинского полка, с которым в 1847—1848 г. предпринял ряд удачных набегов. С конца марта до конца сентября 1851 г. Барятинский был исправляющим должность Начальника левого фланга Кавказской линии; с конца сентября до 6 декабря 1851 г. — командиром гренадерской бригады, когда был назначен командиром 20 дивизии и начальником Левого фланга; 5 июля 1853 г. был назначен исправляющим должность Начальника штаба Кавказского отдельного корпуса. В 1854 г. был отозван на турецкий фронт, а в 1856 г. вернулся на Кавказ в звании наместника Кавказа и главнокомандующего кавказской армией; по взятии в плен Шамиля и окончательного покорения Кавказа, произведен в фельдмаршалы. О знакомстве с кн. А. И. Барятинским Толстой рассказывает в своем письме от 23 декабря 1851 г. (см. п. № 52) гр. С. Н. Толстому. Кн. А. И. Барятинский выведен Толстым в «Набеге» в лице командующего отрядом генерала. В дневнике Толстого под 30 апреля 1853 г. записано: «Меня сильно беспокоит, что Барятинский узнает себя в рассказе Набег».

[1] *Зачеркнуто:* фіерверкеръ.

[2] *Зачеркнуто:* а

[3] *Зачеркнуто:* и кромѣ того другое

[4] *Зачеркнуто:* требовать отъ васъ исполненіе моей просьбы

[5] *Зачеркнуто:* вы оказывали мнѣ

[6] Толстой имеет в виду свое знакомство и разговор с Барятинским во время похода в июне 1851 г.

[7] *Зачеркнуто:* вы давая

[8] Начальник Левого Фланга.

[9] *Зачеркнуто:* будетъ оказано толь хот

[10] Толстой принят на службу фейерверкером 4 класса в 1852 г., февраля 13, со старшинством со дня употребления на действительную службу в 1852 г. января 14 с правом через 6 месяцев получить чин за отличие. См. прим. к п. № 74.

[11] О боях 17 и 18 февраля 1852 г. см. прим. к п. № 58.

[12] Имеется в виду дело 18 февраля 1853 г. в походе, предпринятом против Шамиля, в январе—марте 1853 г. под начальством кн. А. И. Барятинского. 1 января 1853 г. Толстой записал в дневнике: «Выступил с дивизионом». По Янжулу «Восемьдесят лет боевой и мирной жизни XX-й артиллерийской бригады 1806—1886». Тифлис, т. II, стр. 126), дивизион этот выступил из штаб-квартиры 31 декабря 1852 г. Его составляли 1 штаб-офицер, 3 обер-офицера, 7 фейерверкеров и 79 рядовых. Одним из этих 7 фейерверкеров был Толстой. Дивизион выступил не 31 декабря, как утверждает Янжул, а 1 января, как записано у Толстого. Это с несомненностью подтверждается записью 31 декабря 1852 г.: «С утра начался кутеж у Хилковского и продолжался в различных местах до

2-х часов ночи 1 Генваря». Под 20 февраля 1853 г. в дневнике Толстого записано: «Выступили из Грозной в Куринское без дела, стояли там недели две, потом стали лагерем на Кочкалыковском хребте. Было 16 числа артиллерийское дело ночью и 17 днем. Я вел себя хорошо».

17 февраля кн. Барятинский овладел Мичиковскою позициею, причем произошло то дело, которое на всю жизнь осталось в памяти Толстого. Главную атаку было решено повести с фланга и с тыла, произведя с фронта только демонстрацию. Обходная колонна выступила из Куринского в 8 часов утра, а в 10 часов из лагеря были высланы к Мичику, под начальством Левина, 14 орудий с двумя баталионами пехоты, за которыми следовала штурмовая колонна с лестницами и фашинами. «Подойдя к реке, артиллерия расположилась невдали от берега в одну линию и открыла сильный огонь частью по завалам и преимущественно по шамильским пушкам, на которые были направлены 8 орудий батарейной № 4 батареи, бывшей под командой подполковника Алексеева и штабс-капитана Олифера. В первое время горцы отстреливались упорно, но спустя немного, принуждены были замолчать, так как орудия их были подбиты; ослабив таким образом неприятельскую батарею, наша артиллерия сосредоточила свои выстрелы преимущественно на завалах и на скрывавшихся за ними толпах. После двухчасовой непрерывной канонады среди горцев произошел видимый беспорядок, пользуясь которым вся артиллерия приблизилась по эшелону к берегу реки и открыла огонь дальнею картечью. В начале первого часа появилась в тылу неприятеля обходная колонна и решила исход сражения. Чеченцы не выдержали двойного натиска и всею массою бросились в разные стороны... они понесли громадный урон». (Янжул, т. II, стр. 126—128.)

За отличие в деле 17 февраля 1853 г. Толстой был произведен в прапорщики (приказ о том, согласно формулярному списку, последовал 9 января 1854 г.). Подробней об этом см. Янжул, т. II, стр. 125—129.

[13] *Зачеркнуто:* второй

[14] *Зачеркнуто:* я и этого

[15] *Зачеркнуто:* тогда какъ служа въ какомъ нибудь Т. Е. полкѣ въ Россіи

[16] *Зачеркнуто:* жилъ

[17] См. п. № 73. Под 20 февраля 1853 г. в дневнике Толстого записано: «Нынче Оголин сказал мне, что я получу крест. Дай бог — и только для Тулы». — Под 10 марта: «Креста не получил, а на пикете сидел по милости Олифера. Следовательно кавказская служба ничего не принесла мне, кроме трудов, праздности, дурных знакомств.. Надо скорей кончить».

Толстой мог получить георгиевский крест еще за зимний поход 1852 г. (см. прим. к п. № 58), но тогда представление не состоялось вследствие опоздания бумаг об его увольнении с гражданской службы. О двух других случаях, представившихся ему для получения креста, Толстой так говорит в письме к П. И. Бирюкову от 1905 г.: «Второй случай был, когда после движения 18 февраля в нашу батарею были присланы два креста, и я с удовольствием вспоминаю, что я не сам, а по намеку милого Алексеева согласился уступить крест ящичному рядовому Андрееву,

старому добродушному солдату. Третий случай был, когда Левин, наш бригадный командир, посадил меня под арест за то, что я не был в карауле, и отказал Алексееву дать мне крест. Я был очень огорчен». (Б, I стр. 103.)

В АТБ сохранился следующий приказ об аресте Толстого: «По приказанию г. начальника артиллерии чеченского отряда арестовывается командующий батарейным взводом фейерверкер 4 класса граф Толстой, почему покорно прошу ваше благородие отправить фейерверкера графа Толстого с дежурным по дивизиону в 5 баталион кн. Чернышева полка, где по распоряжению начальства он и должен содержаться под арестом впредь до приказания. Командующий 6-ю орудиями штабс-капитан Олифер. 7 марта 1853 г. Командующему дивизионом батарейной № 4 батареи 20 артиллерийской бригады, господину поручику и кавалеру Агалину».

[18] *Зачеркнуто:* я еще не фервер

[19] И. Д. — Инспекторский департамент Военного Министерства.

* 78. Гр. С. Н. Толстому.

1853 г. Июля 20. Пятигорск.

20 Іюля.

Я уже писалъ тебѣ, кажется, что я подалъ въ отставку. Богъ знаетъ, однако, выйдетъ ли и когда она выйдетъ теперь, по случаю войны съ Турціей. [1] — Это очень безпокоитъ меня, потому что теперь я уже такъ привыкъ къ счастливой мысли поселиться скоро въ деревнѣ, что вернуться опять въ Старогл[ковскую] и ожидать до безконечности — такъ, какъ я ожидаю всего касающагося моей службы — очень непріятно. — Недели $1^1/_2$ тому назадъ я пріѣхалъ въ Пятигорскъ и долженъ признаться, что я ожидалъ гораздо больше удовольствія отъ свиданія съ М[ашей] и В[алерьяномъ], [2] чѣмъ вышло въ дѣйствительности. — Бѣдная Маша ѣздитъ по здѣшнимъ собраньямъ и находитъ, что это очень весело, а я, какъ ты можешь себѣ представить, нахожу, напротивъ, что это очень грустно. Грустно, вопервыхъ, то, что она находитъ удовольствіе въ дурномъ обществѣ, а еще грустнѣе то, что она такъ занята этими удовольствіями, что предпочитаетъ ихъ обществу брата, котораго не видала 2 года. Но несмотря на это я не могу все таки не радоваться на нее: какъ она мило, просто и благородно умѣетъ себя держать вездѣ. Валер[ьянъ], разумѣется, ужасно крѣпко цѣловалъ и обнималъ меня и сейчасъ же послѣ этихъ объятій замолчалъ и не зналъ, что говорить со мной. — Надобно знать, какъ я былъ экзальтированъ и какъ много ожидалъ отъ свиданія съ В[алерьяномъ]

и М[ашей], чтобы понять, какъ сильно я разочаровался. Можетъ быть я, какъ и всегда, былъ слишкомъ susceptible; [3] но дѣйствительно въ двѣ недѣли, которыя я съ ними, я не слыхалъ ни отъ того ни отъ другаго ни однаго не нѣжного — (нѣжности пожалуй), но душевнаго слова, которое бы доказывало, что меня любятъ, что я что нибудь значу въ ихъ жизни. Все это я пишу тебѣ смѣло, не боясь, чтобы при моемъ свиданіи съ тобой, случилось тоже самое. Мы уже это испытывали неразъ, и не можетъ быть иначе, потому что ни между кѣмъ изъ братьевъ нѣтъ такъ много общаго, какъ между нами съ тобой, и никто другъ друга такъ хорошо не понимаетъ. Вотъ тоже тет[енька] Т[атьяна] А[лександровна] я увѣренъ, что, ежелибы я съ ней 2 вѣка не видался, я нисколько не ошибся бы въ наслажденіи, которое я ожидаю отъ свиданья съ ней. [4] — Благодарю тебя за твои распоряженія по Ясному. Я увѣренъ, что, ежели ты разъ принялся, то они будутъ не только хороши, но отличны. — Я просилъ прислать въ разныхъ письмахъ 200 р. с.; прикажи это сдѣлать. —

Валер[янъ] говорилъ мнѣ, что за домъ можно взять тысячи 2 сер.; сдѣлай одолженіе, узнай настоящую цѣну отъ покупщиковъ, ежели таковые есть — я бы желалъ продать домъ безъ себя. — Прощай, о себѣ ничего не пишу, потому что нахожусь въ самомъ непріятномъ положеніи неизвѣстности насчетъ моей отставки, которая для меня теперь составляетъ важнѣйшій интересъ въ жизни. Толковать тебѣ все было бы долго, дѣло въ томъ, что или очень скоро, или очень не скоро я буду свободенъ. Отъ Мит[иньки] я получилъ письмо, въ которомъ онъ проситъ меня рекомендовать какіе-то химическіе припасы изъ его лавки. Очень грустно. Все пишу, но мало и дурно; для того, чтобы писать хорошо, нужно душевное спокойствіе, котораго у меня нѣтъ. Въ карты я не играю, и долговъ у меня нак[онецъ] 50 ц. Алексѣеву. —

Печатается полностью по автографу, хранящемуся в ГТМ. Впервые отрывок из письма напечатан П. И. Бирюковым в Б, I, 1906, стр. 224; несколько больше дано П. А. Сергеенко в ПТС, 1, стр. 32.

[3] Высочайший манифест о занятии русскими войсками Дунайских княжеств был издан 14 июня 1853 г. Поводом к войне между Россией и Турцией (1853—1856) в союзе с Англией, Францией и Сардинским королевством послужил восточный вопрос. Военные действия происходили на Дунае, Балтийском море и в Малой Азии, но главным образом в Крыму.

Относительно отставки Толстого Мооро писал ему 6 июля 1853 г.: «Милостивый государь Лев Николаевич. От генерала дано согласие на представление вас в офицеры полевой артиллерии, и может быть вас произведут без экзаменов, а представление выйдет не скоро. — Теперь Эдуард Владимирович приостановил вашу отставку, и спрашивает, будете ли вы ожидать производство или представить вас к увольнению от службы? Если вам придется ехать на экзамен в Петербург, то это выгоднее для вас, чем ехать на дом в резервную дивизию — что неизбежно с представлением вас к производству в пехоту. Потрудитесь уведомить скорее о решении вашем для доклада генералу, и дальнейшее распоряжение относительно отставки. — С истинным почтением имею честь быть милостивый государь вашим покорным слугою Г. Мооро».

Эдуард Владимирович — Бриммер. О нем см. прим. 2 к п. № 49.

Об этом письме Мооро в дневнике Толстого под 24 июля записано: «Получил письмо от Мооро: Бриммер задержал мою отставку».

Из письма Мооро видно, что Толстой в решении своем выйти в отставку уже поколебался. Под 4 июля в дневнике записано: «Алексеев пришел и заговорил о моей службе; это так взволновало меня, что я целый день писал письмо к Бриммеру и кажется написал хорошо». Письмо это неизвестно. Под 9—15 июля в дневнике записано: «Послал письмо... Бриммеру — порядочное и Мооро — скверное». Вероятно, эти письма были еще не об отставке, а об отпуске. Писал об этом Толстой и Н. П. Алексееву. Последний ответил письмом: «Милостивый государь Лев Николаевич. Я не могу вам дать отпуска до отставки вашей, а потому просил бригадного командира Левина, чтоб показывать вас в командировке в Москве за покупкою амуниции, но полковник не согласился на это; но просил передать вам просить отсрочки. Пишите Мооро и просите генерала, — всё будет по вашему желанию. Очень жалею, что не могу исполнить вашего желания. Примите уверения в искреннем почтении к вам вашего покорного слуги Н. Алексеева. 6 июля, 1853 г.». (Письмо не опубликовано; подлинник в АТБ.)

Вероятно, по получении этого письма Толстой записал в дневнике 4 сентября: «... ни отставки, ни отпуска мне нельзя дать».

[2] Гр. Мар. Ник. и Валер. Петр. Толстые.

[3] обидчивый;

[4] В дневнике Толстого под 9—15 июля записано: «Уехал из Старогладковской без малейшего сожаления... Приехав в Пятигорск, нашел Машу, пустившуюся в здешний свет. Мне было больно видеть это — не думаю, чтобы от зависти, но неприятно было расстаться с убеждением, что она исключительно мать семейства. Впрочем она так наивно мила, что в скверном здешнем обществе остается благородной... Как не достает у Валериана и Николеньки такта, чтобы не смеяться над наружностью и манерами людей, когда сами они так плохи в этих отношениях. Вообще мне было тяжело и грустно. Этого чувства я не испытаю, я уверен, свидевшись с Сережей, а еще более с Татьяной Александровной». Под 18 июля: «Холодность ко мне моих родных мучает меня».

* 79. Т. А. Ергольской.

1853 г. Августа вторая половина. Пятигорск.

Chère tante!

Il m'arrive assez souvent, que pendant plusieurs semaines je suis à ne pas recevoir de lettres. Je suis pour le moment dans une position pareille; j'attends des lettres de toutes parts et des lettres, qui doivent décider de mon sort c'e. à d. décider si je puis retourner en Russie ou non, et vous pouvez juger de mon impatience? Mais votre silence me fait encore plus de peine. Je ne sais pourquoi notre corespondance, qui me donnait tant de jouissance est devenu plus lente et plus inexacte depuis quelque temps. Si mes lettres dépendaient de mon affection pour vous au contraire elles auraient du devenir plus fréquentes qu'avant puisque jamais je n'ai senti à un tel point, combien je vous aime et désire être auprès de vous, qu'à présent depuis que j'ai quelque espoir de voir se réaliser mes projets les plus chers. —

Que vous dire de mon service? C'est un sujet trop désagréable pour que je puisse avoir du plaisir à vous en parler. Il serait trop long, et trop ennuyeux de vous expliquer touts les désagréables retards qui m'arrivent, je vous dirai seulement, que j'en ai bien assez et tout ce que je désire est de pouvoir quitter le service aussi tôt que possible. —

Ma santé est bonne et c'est cela qui me console de voir le mal de Marie qui jusqu'à présent n'a pas cédé de beaucoup. J'ai eu l'année passée tout-à-fait le même mal qu'elle et ce sont les eaux, qui m'ont rétabli complétement. J'espère donc qu'elles lui feront le même bien. —

Mes occupations littéraires vont mal ou pour mieux dire ne vont pas du tout. Cet état d'incertitude de crainte et d'espérance dans lequel je me trouve dérange trop l'égalité d'humeur indispensable pour pouvoir travailler avec fruit et plaisir. —

Voila Nicolas au point de partir, Valérien et Marie ne tarderont pas à les suivre, ce qui est à désirer; car s'ils restent ce ne sera qu'à cause du mauvais état de la santé de Marie. Je resterai complètement seul ce qui me sera d'autant plus sensible après la vie de famille, que j'ai mené ces deux mois. Les consolations que me donnent vos excellentes lettres me seront plus nécessaires que jamais. Elles me rapellent si bien le rare bonheur que j'ai

d'avoir en vous une amie véritable à laquelle je puis toujours confier mes peines et mes joies.

Je baise vos mains chère tante

Léon.

На 4 странице:

Ея Высокоблагородію Татьянѣ Александровнѣ *Ергольской.* —

Дорогая тетенька!

Со мной довольно часто случается, что по нескольку недель под ряд я не получаю писем. Сейчас я в подобном положении; отовсюду я жду писем, которые должны решить мою судьбу, т. е. решить, могу ли я вернуться в Россию или нет, и вы можете судить о моем нетерпении? Но ваше молчание еще более огорчает меня. Не знаю почему в нашей переписке, которой я так наслаждался, в последнее время наступил перерыв, она стала не так последовательна. Ежели бы мои письма зависели от моей привязанности к вам, я бы писал гораздо чаще потому, что никогда так сильно не тянуло меня к вам, как теперь, с тех пор, как появилась надежда, что сбудется то, что я так горячо желаю. —

Что вам рассказать о моей службе? Не хочется говорить о том, что неприятно. И скучно и длинно описывать все неприятные задержки, скажу вам лишь, что всё это мне надоело и хочется как можно скорее бросить службу. —

Здоровье мое хорошо, и это меня успокаивает по отношению к Машеньке, болезнь которой не поддается лечению. В прошлом году я болел тем же, и воды меня вполне поправили. И ей они также помогут, надеюсь.—

Мои литературные занятия плохо подвигаются или, лучше сказать, не подвигаются вовсе. Состояние неуверенности, и опасений, и надежды, в котором я нахожусь, нарушают ровность и спокойствие духа, необходимые для того, чтобы работать с успехом и охотою.

Николенька уезжает, Валерьян и Машенька скоро соберутся за ним, чего желаю; ежели они останутся, стало быть, Машеньке будет хуже. И я останусь в одиночестве, что мне будет особенно чувствительно после двух месяцев жизни в семье. Больше, чем когда-либо буду ждать утешения от ваших чудесных писем, постоянно напоминающих мне о том, какое редкое счастье иметь такого друга, которому я могу поверять и горести и радости.

Целую ваши ручки, дорогая тетенька.

Лев.

Печатается по автографу, хранящемуся в АТБ. Публикуется впервые. Письмо датируется содержанием: «Николенька на отъезде. Валерьян и Машенька скоро соберутся за ним». Гр. Н. Н. Толстой уехал в Тульскую губернию из Пятигорска 1 сентября, а гр. Валер. Петр. и Мар. Ник. Толстые — в начале октября.

80. Н. А. Некрасову.

1853 г. Сентября 17. Пятигорск.

Милостивый Государь,
Николай Алексѣевичъ.

Посылаю небольшую статью [1] для напечатанія въ Вашемъ журналѣ. Я дорожу ею болѣе, чѣмъ *Дѣтствомъ и Набѣгомъ*, поэтому въ третій разъ повторяю условіе, которое я полагаю для напечатанія — оставленіе ея въ совершенно томъ видѣ, въ которомъ она есть. Въ послѣднемъ письмѣ Вашемъ Вы обѣщали мнѣ сообразоваться съ моими желаніями въ этомъ отношеніи. [2] — Ежели-бы Цензура сдѣлала снова вырѣзки, то, ради Бога, возвратите мнѣ статью или по крайней мѣрѣ напишите мнѣ прежде печатанія. — Напечатать эту статью подъ заглавіемъ, выставленнымъ въ началѣ тетради или: *Самоубійца. Разсказъ маркера* будетъ зависѣть совершенно отъ Вашего произвола. [3]

(Н. С.), поставленные надъ строкой, означаютъ новую строку. — Въ ожиданіи Вашего отвѣта и суда объ посылаемой вещи, имѣю честь быть, съ совершеннымъ уваженіемъ Вашъ покорнѣйшій слуга.

Графъ Л. Толстой.

17 Сентября. 1853. [4] Пятигорскъ —

На 4 странице:

Его Высокоблагородію Николаю Алексеевичу Некрасову
Въ С. Петербургъ, Въ редакцію Ж. Современника.

Печатается по автографу, хранящемуся в ЛБ. Впервые напечатано Н. С. Ашукиным в АК, стр. 200—201.

[1] «Записки маркера» написаны в четыре дня, 13—16 сентября.

[2] Толстой имеет в виду письмо Некрасова от 6 апреля 1853 г.: «Милостивый государь Лев Николаевич. Вероятно вы недовольны появлением вашего рассказа в печати. Признаюсь, я долго думал над измаранными его корректурами — и, наконец, решился напечатать, сознавая то убеждение, что, хотя он и много испорчен, но в нем осталось еще много хорошего. Это признают и другие. Во всяком случае это для вас мерка, в какой степени позволительны такие вещи, и впредь я буду поступать уже сообразно с тем, что вы мне скажете, перечитав ваш рассказ в напечатанном виде.

При сем прилагаются 75 р. сер., следующие вам за этот рассказ.

Пожалуйста не падайте духом от этих неприятностей, общих всем нашим даровитым литераторам. Не шутя, ваш рассказ еще и теперь очень жив и грациозен, а был он чрезвычайно хорош. Теперь некогда, но при случае я вам напишу более. Не забудьте Современника, который рассчитывает на ваше сотрудничество. Примите уверения в моем истинном почтении Н. Некрасов». («Круг», кн. шестая, М. 1927, стр. 188.)

[3] «Записки маркера», испорченные цензурой, были напечатаны в «Современнике» 1855, № 1.

[4] В автографе ошибочно: 1883.

Некрасов ответил Толстому «довольно скоро по получении рукописи» «Записок маркера» (письмо Некрасова от 6 февраля 1854 г.), но это письмо не дошло до Толстого.

14 января 1854 г. Толстой перед отъездом с Кавказа в Ясную поляну писал Некрасову, спрашивая его об участи «Записок маркера» и извещая, что готовится к продолжению «Детства» и «Отрочества». Письмо это неизвестно. На него Некрасов отвечал 6 февраля следующим письмом: «Милостивый государь, Лев Николаевич! ваших писем я получил не два, а одно; отвечал вам довольно скоро по получении рукописи (Записки маркера) по старому вашему адресу (на имя Н. Н. Толстого). Там я излагал и мнение мое об этой вещи. Спрашивал вас в заключение — печатать ли всё-таки эту вещь, или вы соглашаетесь на мои замечания? Итак, приходится мне теперь повторить эти замечания. «Записки маркера» очень хороши по мысли и очень слабы по выполнению; этому виной избранная вами форма; язык вашего маркера не имеет ничего характерного — это есть рутинный язык, тысячу раз употреблявшийся в наших повестях, когда автор выводит лицо из простого звания; избрав эту форму, вы без всякой нужды только стеснили себя: рассказ вышел груб, и лучшие вещи в нем пропали. Извините, я тороплюсь и не выбирал выражений, но вот сущность моего мнения об этом рассказе; это я счел долгом сообщить вам, прежде чем печатать рассказ, так как я считаю себя обязанным вам откровенностью за то лестное доверие, которым вы меня удостоили, при этом ваши первые произведения слишком много обещали, чтобы после того напечатать вещь сколько-нибудь сомнительную. Однако ж я долгом считаю прибавить, что, если вы всё-таки желаете, я напечатаю эту вещь немедленно, мы печатаем много вещей и слабее этой, и если я ждал с этою, то потому только, что ждал вашего ответа. Жду его и теперь и надеюсь получить скоро вместе с *Отрочеством*, которое может быть напечатано очень скоро, если вы не замедлите его присылкою. Уведомьте меня, куда вам посылать Современник и деньги. Примите уверение в моем искреннем уважении и преданности. Н. Некрасов.

P. S. Если вы заглядываете в Современник (начиная с XI книги включительно), то можете заметить, что теперь ваши произведения не подвергнуты таким изменениям по цензуре, каким подвергались прежде. 6 февраля 1854. Спб. Ваше письмо от 14 января я получил 6 февраля». («Круг» кн. шестая, М. 1927, стр. 1.)

* 81. Докладная записка командующему войсками кн. М. Д. Горчакову.

1853 г. Октября 6. Пятигорск.

5 Ноябрь.

Докладная Записка. 20-й Артиллерійской Бригады, Батарейной № 4 Батареи, Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса, фейерверкера 4-го Класса, Графа Льва Толстаго. 6 Октября 1853 г. Пятигорскъ.

Выйдя изъ Университета[1] и поступивъ Коллежскимъ Регистраторомъ въ гражданскую службу,[2] я въ 1852 году вышелъ въ отставку и для совмѣстнаго служенія съ братомъ моимъ, опредѣлился въ военную службу Фейерверкеромъ 4-го класса.[3]

Теперь же, такъ какъ братъ мой вышелъ въ отставку,[4] и я имѣю служащихъ родственниковъ[5] лишь въ дѣйствующей арміи, я желалъ-бы быть переведеннымъ въ одну изъ конныхъ или пѣшихъ батарей командуемаго Вами войска, о чемъ и осмѣливаюсь просить милостиваго ходатайства Вашего Сіятельства. —

Фейерверкеръ 4-го класса
Графъ Левъ Толстой.

Командующему войсками, расположенными въ Молдавіи и Валахіи, Г-ну Генералу отъ Артиллеріи, Князю и Кавалеру Михаилу Дмитріевичу Горчакову.

Печатается по автографу, хранящемуся в Центрархиве (фотография автографа хранится в ГТМ). Публикуется впервые.

Над текстом докладной записки рукой неизвестного написано: «По Дежурн. № 5748»; «Дежур. генералу [*3 неразбор.*] это дело сдать»; на поле слева: «Дежурн. в 12 а. бр. [?]».

Кн. Михаил Дмитриевич Горчаков (р. 20 сентября 1791 г., ум. 19 мая 1861 г.) — троюродный дядя Толстого, участник Бородинского сражения и кампании 1812—1814 гг., Турецкой войны 1828—1829 гг., Польской кампании 1830—1831 гг. С 1831 г. был начальником штаба армии, состоявшей под начальством фельдмаршала Паскевича. В июне 1853 г. Горчаков был назначен командующим войсками 3-го, 4-го и 5-го пехотных корпусов, которые должны были занять Дунайские княжества и южную границу Бессарабии по нижнему Дунаю. В конце 1854 г. назначен главнокомандующим Южною Армиею, расположенною на северо-западном прибрежье Черного моря и на р. Пруте, а в феврале 1855 г. — главнокомандующим Крымскою Армиею. В январе 1856 г. Горчаков был назначен наместником Царства Польского. Этот пост он занимал до самой смерти.

[1] См. прошение № 5.

[2] В Тульском губернском правлении.

[3] Приказ о зачислении Толстого на службу фейерверкером 4 класса в батарейную № 4 батарею 20 артиллерийской бригады со старшинством с 14 января состоялся 13 февраля 1852 г. См. прим. 4 к п. № 58.

[4] Гр. Н. Н. Толстой уволен в отставку в феврале 1853 г. с чином штабс-капитана.

[5] Толстой имеет в виду своих четвероюродных братьев Дм. и Алдр. Серг. Горчаковых. О них см. прим. 4 к п. № 84.

Отнесшись положительно к просьбе Толстого, кн. М. Д. Горчаков писал об этом дежурному генералу Главного штаба. В ответ на письмо кн. М. Д. Горчакова была послана такая бумага:

Канц. нач. штаба № 348.
По Дежурн. № 1810.

Получ. 1 февраля.

МИНИСТЕРСТВО ВОЕННОЕ.

—

Департамент Инспекторский.

—

Отделение 2. Стол 3.
19 Января 1854.
№ 659.

О переводе фейерверкера графа Толстого.

Господину Командующему войсками 3, 4 и 5-го пехотных корпусов.

Дежурного генерала Главного штаба его императорского величества.

РАПОРТ.

Вследствие письма вашего сиятельства № 5603, имею честь покорнейше просить приказать фейерверкера батарейной № 4-й батареи 20 артиллерийской бригады графа Льва Толстого зачислить на службу в батарейную № 4 батарею 12 артиллерийской бригады.

[Позднейшая пометка:]
Писано 10 февраля
генералу Данненбергу № 2101.

Петр Андреевич *Данненберг* (1792—1872) участник кампаний 1812 — 1814 гг., в 1814—1830 гг. состоял при в. к. Константине Павловиче, участвовал в польской кампании 1830—1831 гг. и венгерской 1849 г. В 1852 г. был назначен начальником всех пехотных резервных и запасных войск армии, а затем командиром 4 пехотного корпуса. В восточную войну командовал войсками в сражении при Ольтенице (23 октября 1853 г.), а в октябре 1854 г. вступил с своим корпусом в Крым, где командовал войсками в Инкерманском сражении (24 октября 1854 г.).

По получении этой бумаги из канцелярии кн. М. Д. Горчакова было послано такое отношение:

От Дежурного
Генерала
10 февраля 1854 г.
№ 2101.

Командиру 4 пехотного Корпуса, г. генер. от инфан. и кавалеру Данненбергу.

Дежурный генерал главного штаба его императорского величества (от 19 минувшего января за № 569) донес г. командующему войсками, что по желанию его сиятельства фейерверкер батарейной № 4 батареи 20 артиллерийской бригады граф Лев *Толстой* переведен на службу в батарейную № 4 батарею 12 артиллерийской бригады, и что об отправлении его, со всеми сведениями, в г. Букарест распоряжение сделано.

Доводя о сем до сведения вашего превосходительства к зависящему распоряжению, имею часть присовокупить, что по прибытии сюда означенного фейерверкера, он будет препровожден в штаб вверенного вам корпуса.

Подписал генерал лейтенант Ушаков.
Верно ротмистр Горелов.

* 82. Гр. С. Н. Толстому,

1853 г. Ноября 26. Станица Старогладковская.

Сережа!

Необходимо, чтобы кто нибудь похлопоталъ о моихъ бумагахъ въ Герольдіи, но такъ какъ я уже потерялъ изъ вида своихъ петербургскихъ знакомыхъ, то напиши — ты — кому нибудь, чтобы освѣдомиться: *почему на отношеніе Инспекторскаго Департамента Военнаго Министерства, въ Департаментъ Герольдіи, отъ 24 Іюля 1852 года за № 8190, при которомъ (отношеніи) прилагались бумаги Графа Льва Толстаго на разсмотрѣніе, не сдѣлано никакого распоряженія?* и постараться ускорить это разсмотрѣніе. [1] —

Мнѣ писать некогда, потому что я пью чай. Но впрочемъ я живъ и здоровъ, чего и вамъ желаю.

Л. Толстой.

Изъ скромности долженъ прибавить, что до составленія такого рода писемъ дошелъ я не собственнымъ размышленіемъ, а примѣромъ старшихъ братцовъ.

26 Ноября 1853 г.

Пожалуйста о бумагахъ моихъ напиши поскорѣе. Это нужно. — *Когда я пріѣду?* Знаетъ одинъ Богъ, потому что вотъ ужъ годъ скоро, какъ я только о томъ и думаю, какъ бы положить въ ножны свой мечъ, и не могу. — Но такъ какъ я принужденъ воевать гдѣ бы то ни было, то нахожу болѣе пріятнымъ воевать въ Турціи, чѣмъ здѣсь, о чемъ и просилъ Князя Сергѣй Дмитріевича, который писалъ мнѣ, что онъ уже писалъ своему брату, но, что будетъ, не знаетъ. [2]—

Во всякомъ случаѣ къ новому году я ожидаю перемѣны въ своемъ образѣ жизни, который, признаюсь, невыносимо надоѣлъ мнѣ. — Глупые офицеры, глупые разговоры, глупые офицеры, глупые разговоры, больше ничего. Хоть бы былъ одинъ человѣкъ, съ которымъ бы можно было поговорить отъ души. Тургеньевъ правъ, «что за иронія въ одиночку» — самъ становишься ощутительно глупъ. Несмотря на то, что Николинька увезъ, Богъ знаетъ зачѣмъ, гончихъ собакъ [3] (Мы съ Епишкой его часто называемъ швиньей за это) я по цѣлымъ днямъ съ утра и до вечера хожу на охоту одинъ съ лягавой собакой. И это одно удовольствіе и не удовольствіе, а одурѣвающіе средства. Измучишься, проголодаешься, придешь домой и уснешь, какъ убитый — и день прошелъ. Ежели будетъ случай или самъ будешь въ Москвѣ, то купи мнѣ Диккенса (Давыда Коперфильда) [4] на англійскомъ языкѣ и пришли и англійской лексиконъ Садлера, [5] который есть въ моихъ книгахъ. Очень радъ, что ты согналъ Управляющаго, [6] я намекалъ объ этомъ и Валерьяну, хотя и слабо, потому что видѣлъ, что онъ былъ противнаго мнѣнія. Портретъ твой я нѣсколько разъ просилъ тебя прислать. Ежели бы я былъ на твоемъ мѣстѣ, я бы тотчасъ исполнилъ такую просьбу. Попробуй вѣлѣть прислать мнѣ тебѣ какую-нибудь кавказскую штуку. — Правда-ли, что Черкаскій зарѣзался? [7] И ежели правда, какъ и отчего? Ежели ты будешь продолжать управлять Ясной, а не Валерьянъ (что

само собой разумѣется зависитъ отъ васъ самихъ), то возьми у него memorandum, [8] который я ему написалъ и, главное, возьми къ свѣдѣнью о жеребятахъ и о регулярной высылкѣ мнѣ денегъ 100 р. каждые два мѣсяца. — Я на дняхъ только получилъ въ Кизлярѣ письмо, въ которомъ ты пишешь о посылкѣ мнѣ 150 р., которые я въ началѣ Октября получилъ еще въ Пятигорскѣ; ежели же тѣ, о которыхъ ты пишешь, уже другіе, то эти деньги зачти такъ, какъ будто это 100 р. на Ноябрь и Декабрь, а не Генварь и Февраль пришлешь мнѣ только 50 р. [9]

Ежели паровой кофейникъ стоитъ не дороже рублей 4 сер., то вели купить и прислать. При всѣхъ покупкахъ для меня принимай въ разсчетъ то, что я человѣкъ походный и слѣдовательно для меня въ вещахъ важное достоинство, чтобы онѣ были необъемисты и укладисты. То, что будутъ стоит покупки, вычитай изъ моего 2-хъ мѣсячнаго оклада.

Печатается по автографу, хранящемуся в ГТМ. Впервые напечатан отрывок из письма П. И. Бирюковым в Б, I, 1906, стр. 224—225; несколько бо́льшие отрывки даны П. А. Сергеенко в ПТС, I, стр. 33—34 (с неверной датой «23 ноября»); те же отрывки даны в Бир., XX, 1913, стр. 35—36, но разбиты на два письма, первое датировано «26 ноября», второе «декабрем».

[1] Речь идет очевидно о бумагах, связанных с экзаменом Толстого на офицерский чин. В дневнике под 15 ноября записано: «Получил... бумагу о том, что документы мои задержаны в Герольдии».

[2] Мысль о переводе в действующую армию родилась у Толстого в конце сентября 1853 г. Под 28 сентября записано в дневнике: «Начинаю подумывать о турецком походе»; под 2 октября: «Хочу писать письмо кн. Андрею Ивановичу и Сергею Дмитриевичу»; под 6 октября: «Пришла мысль о переводе. Писал письма и докладную записку».

Письма и докладная записка были посланы кн. С. Д. Горчакову, который отвечал 17 октября: «Любезный граф Лев Николаевич. Сегодня получил ваше письмо из Кизляра и при нем докладную записку о переводе вашем в действующую армию. Письмо от меня к брату Михайле уже написано и пойдет 19 числа с вашей запиской — что будет не знаю, но написано родственно. Дай бог, чтобы удалось. Не понимаю одного, отчего ты не юнкер, а фейерверкер и то 4 только класса; как только от брата что нибудь об вас получу, так не премину уведомить, а до того желаю здоровия, терпения и счастия. Кн. С. Горчаков. Все мои кланяются и желают вас видеть. — ». (Письмо не опубликовано: подлинник в АТБ.)

Михаил — кн. Мих. Дм. Горчаков. О нем вступ. прим. к п. № 81. О кн. *Серг. Дм. Горчакове* см. прим. 1 к п. № 7.

[3] Выйдя в отставку, гр. Н. Н. Толстой уехал 1 сентября 1853 г. из Пятигорска в Тульскую губернию.

[4] Роман Диккенса «Давид Коперфильд» вышел в свет в 1849 г.

[5] Под «лексиконом Садлера» Толстой, очевидно, разумеет кн.: Muret-Sanders «Enzyklopädisches Englisch-Deutsches und Deutsch-Englisches Wörterbuch».

[6] Андр. Ил. Соболев.

[7] Кн. Константин Александрович Черкасский (1819—1853), старший брат известного общественного деятеля кн. Владимира Александровича Черкасского, лишился всего своего состояния, проигравшись в карты и потерпев неудачу в предприятиях. Последние пять-шесть лет своей жизни он прожил в имении Тульской губ. Веневского уезда. Об его смерти хорошо его знавший гр. М. Д. Бутурлин пишет в своих воспоминаниях: «Обстоятельства, сопровождавшие его смерть в 1855 или 1856 году, покрыты некоторой таинственностью. Иные говорили, что, собираясь ехать к обеду к соседу Норову, он, бреясь, срезал прыщик на губе, отчего будто бы сделалось с неимоверной быстротой воспаление и Антонов огонь, и он помер дня через два. Другие уверяли, будто, наскучась жизнью, он хватил себе по горлу бритвою». («Русский Архив», 1897, III, стр. 558.)

[8] памятную записку

[9] В Кизляр Толстой ездил 20 ноября. В дневнике под 22 ноября записано: «Получил от Сережи коротенькое письмо, в котором он пишет о присылке каких-то 150 рублей серебром, которых я, однако, не получил». Письмо гр. С. Н. Толстого неизвестно.

* 83. Т. А. Ергольской.

1853 г. Декабря 27 — 1854 г. Января 1. Станица Старогладковская.

27 Décembre 1853.

Старогладовская.

Chère Tante!

Les absents ont toujours tort. Vos lettres deviennent de plus en plus courtes et rares. [1] Involontairement on oublie ceux qu'on a aimé, si rien ne les rappèle, les liaisons se relâchent et se changent en indifférence. Malheureusement je ne le ressens que trop; il y a trois ans, je croyais avoir des amis et à présent je me vois parfaitement seul et etranger à touts ceux qui j'aime. Même l'affection dans laquelle j'avais le plus de confiance la vôtre, commence à se refroidir à cause d'une trop longue séparation. Et ceci m'est d'autant plus pénible, que je ne saurais me priver de votre tendresse, plus je suis de tems sans vous voir et sans recevoir de vos lettres plus je pense à vous et sens, que le respect et l'amour que je vous porte ne pouront jamais ni changer, ni diminuer.

Chère tante pardonnez moi de chagrin que vous causera cette lettre. Je sacrifie votre tranquillité au plaisir, que je ressens de vous parler et de penser à vous dans un moment de découragement et de tristesse. Depuis quelque tems je ne puis vaincre ma tristesse: sans amis, sans occupations sans intérêt pour tout, ce qui m'entoure je vois passer les meilleures années de ma vie sans fruit ni pour moi ni pour les autres et ma position supportable pour un autre, avec ma sensibilité, commence à me devenir de plus en plus pénible. — Je paye bien cher pour les fautes de ma jeunesse...

Ecrivez moi souvent chère tante; il n'y a rien que me donne la joie et le courage comme quelques lignes de vous qui me prouvent, que vous ne cessez de m'aimer et de penser à moi: et rien qui me fasse tant de bien, que les excellents conseils, dictés par votre tendre affection, que vous me donnez quelquefois. —

Pour ne plus vous faire partager ma tristesse, j'aime mieux terminer ma lettre; car il m'est imposible de paraitre gai et content quand je ne le suis pas. Je tâcherais de trouver un moment plus favorable pour vous écrire la poste suivante. Adieu, je baise vos mains, chère tante, et vous prie encore une fois de ne point me négliger comme les six mois derniers pendant lesquels j'ai reçu une seule petite lettre — vos lettres me font tant de bien. — Je ne sais encore rien de positif au sujet du désir, que j'ai manifesté d'être passé à l'armée de Turquie, de même qu'au sujet de mon avancement pour l'expédition de l'hiver passé. Il parait qu'il n'en sera rien. Les papiers qui me manquaient il y a 2 ans manquent jusqu'à présent. Il n'y aura point d'expédition cet hiver. Les démissions et les congés sont défendus jusqu'à la fin de la guerre de Turquie. Voila pour ce qui est de mon service. Pour ce qui est de mes occupations elles sont dans un état pareil c. à d. que je ne fais absolument rien. Je suis de trop mauvaise et triste humeur pour pouvoir travailler à quelque chose. — Je décachète cette lettre juste à minuit au premier moment de la nouvelle année; je ne puis mieux la commencer qu'en pensant à vous. Je désire que le bon Dieu exauce les voeux que vous faites pour votre bonheur d'autant plus que je suis sûr que parmi ces voeux vous faites aussi celui de me revoir et de me voir heureux. —

Adieu, chère tante, il m'est impossible de vous exprimer combien je vous aime. —

27 декабря 1853

Старогладовская

Дорогая тетенька!

С глаз долой, из сердца вон. Ваши письма становятся всё короче и реже.[1] Невольно забываешь тех, кого любил, если ничто их не напоминает, связи теряют силу и заменяются равнодушием. К несчастью я испытал это на себе, три года тому назад я думал, что у меня много друзей, а теперь я чувствую себя одиноким и чужим для всех, кого я люблю. Даже ваша привязанность, в которой я был больше всего уверен, начинает остывать от продолжительной разлуки. Это мне тем более тяжело, что я не смогу лишиться вашей нежности. Чем дольше я вас не вижу и не получаю ваших писем, тем больше я о вас думаю и я чувствую, что мое уважение и любовь к вам никогда не изменятся, не ослабнут.

Я огорчаю вас этим письмом, простите, милая тетенька. Я беспокою вас ради себя, мне так хочется о вас думать, поговорить с вами в минуту уныния и грусти. С некоторого времени я очень грустен и не могу в себе этого преодолеть: без друзей, без занятий, без интереса ко всему, что меня окружает, лучшие годы моей жизни уходят бесплодно, для себя и для других; мое положение, может быть, сносное для иных, становится для меня с моей чувствительностью всё более и более тягостным. — Дорого я плачу за проступки своей юности...

Пишите мне почаще, дорогая тетенька, ничто меня так не радует, не ободряет, как несколько строчек от вас, доказывающих, что вы не перестаете меня любить, думать обо мне и ничто так не дорого мне, как ваши советы, внушенные вашей нежной привязанностью ко мне. —

Чтобы дольше не омрачать вас своим унынием, я лучше закончу письмо; потому что мне невозможно притворяться веселым и довольным. Постараюсь найти более благоприятное расположение. Прощайте дорогая тетенька, целую ваши руки и еще прошу не бросать меня, как последние шесть месяцев, когда я получил от вас только одно коротенькое письмо — ваши письма мне так нужны. —

Ничего не знаю положительного насчет выраженного мною желания перейти в армию, действующую в Турции, равно и о моем производстве за участие в походе прошлой зимой. Думаю, что ничего из этого не выйдет. Бумаг, которых не оказалось 2 года тому назад, нет и теперь. Похода нынешнею зимой не будет. Отставки и отпуски запрещены до окончания Турецкой войны. Вот и всё касательно службы. А занятия мои всё в том же положении; т. е. я ровно ничего не делаю. Я в слишком дурном и грустном расположении духа, чтобы смочь работать над чем нибудь. — Распечатал это письмо в первую минуту нового года; не могу начать его лучше, как думая о вас. Пошли вам бог исполнение ваших желаний; я уверен, что среди них вы молитесь и о том, чтобы нам свидеться, и о моем личном счастье. —

Прощайте, дорогая тетенька, не могу выразить, как я вас люблю...

Печатается по автографу, хранящемуся в АТБ. Датируется записями в дневнике: под 27, 28 записано «Алешка не уехал, чему я очень рад,

потому что письмо к тетеньке было несообразно с первым правилом — оно огорчило бы ее»; под 29—31 декабря: «После ужина написал письмо Валерьяну и Татьяне Александровне. — Встретил новый год за письмами и потом помолился. — Алешка уехал».

[1] Толстой еще не получил письма Т. А. Ергольской, от 15 декабря 1853 г. (оно сохранилось в АТБ).

1854

* 84. Т. А. Ергольской и гр. Д. Н. Толстому.

1854 г. Марта 13 — 22. Бухарест.

Boukarest

13 Mars 1854.

Chère Tante!

Gimbout [1] a dit parfaitement vrai que *j'irai loin.* En effet je suis allé très loin. De Koursk [2] j'ai fait près de 2000 verstes, au lieu de 1000 que je croyais, et je suis allé par Poltava, Balta, Kichineff et ce n'est pas par Kieff ce qui aurait été un détour: Jusqu'au gouvernement de *Херсонъ* j'ai eu un excellent trainage, mais là j'ai été obligé de jeter mon traineau et de faire mille verstes en *перекладная*, par un chemin affreux, jusqu'à la frontière. Et de la frontière, jusqu'à Boukarest c'est un chemin impossible à décrire, il faut en avoir gouté pour comprendre le plaisir de faire 1000 verstes en chariot plus petit et plus mauvais que ceux dans lesquels on transporte le fumier chez nous, ne comprenant pas un mot du Moldovan et ne trouvant personne qui comprenne le Russe et avec cela payant pour huit chevaux au lieu de deux. Quoique mon voyage n'ai duré que 9 jours j'ai dépensé plus de 200 r. arg. et je suis arrivé presque malade de fatigue. —

17 Mars.

Je n'ai pas continué ma lettre puisque je ne savais que vous dire au sujet de ma personne. Le Prince n'était pas ici. Hier il vient d'arriver et je viens de chez lui. [3] Il m'a reçu mieux que je ne[le] croyais, en vrai parent. — Il m'a embrassé, il m'a engagé de venir diner tous les jours chez lui et il veut me garder auprès de lui, mais ce n'est pas encore décidé. Dès que cela le sera je vous écrirai. —

Pardon, chère tante, que je vous écris peu — je n'ai pas encore la tête à moi, cette grande et belle ville, toutes ces présentations, l'opèra Italien, le théâtre Français, les deux jeunes Gorgeakoffs [Gortchakoffs], qui sont de très braves garçons.... [4] de sorte, que je ne suis pas encore 2 heures chez moi et je n'ai pas pensé à mes occupations ordinaires. Adieu, chère tante, je baise vos mains. J'ai été dejà 4 fois à la poste croyant trouver de vos lettres.

Милый другъ Дмитрій! [5]

Пріѣхалъ я счастливо и живу 5 дней весело, но не совсѣмъ еще хорошо, потому что службы еще нѣтъ никакой, и я не *установился*, ничего не дѣлаю. Дѣла наши, т. е. *Русскія*, идутъ хорошо, войска почти безъ дѣла перешли Дунай, и взяты 4 крѣпости уже на той сторонѣ. [6] Ежели я останусь при Князѣ, то поѣду тоже туда. Край здѣшній гораздо интереснѣе, чѣмъ я предполагалъ. Въ деревнѣ дичь страшная, а въ городахъ цивилизація — по крайней мѣрѣ внѣшняя — такая, какую я воображалъ въ Парижѣ или Вѣнѣ. Прощай, милый другъ, когда ты будешь писать, то, ради Бога, пиши подробнѣе о своихъ денежныхъ дѣлахъ. Эта *гадкая вещь* имѣетъ такое большое вліяніе на поступки и на счастье людей. Передо мной стоитъ теперь твой портретъ, которому я мысленно говорю много искренняго, дружескаго, котораго, почему-то, не пишу тебѣ, да и не говорилъ, когда съ тобой видѣлся. Но надѣюсь, ты самъ знаешь, что я тебя очень люблю. —

22 Mars. Hier j'ai appris que je ne reste pas auprès du Prince, mais je vais à Oltenitza [7] rejoindre ma batterie. [8]

Бухарест
13 марта 1854.

Дорогая тетенька!

Гимбут [1] говорил, что я *далеко пойду*, и он был вполне прав. Действительно, я ушел далеко. Из Курска [2] я проехал около 2000 верст, вместо 1000, как я предполагал; ехал я на Полтаву, Балту, Кишинев, а на Киев дал бы крюку. До *Херсонской* губернии был прекрасный санный путь, но там пришлось бросить сани и остальные тысячу верст до границы проехать на *перекладныхъ* по ужасающей дороге до границы. Дорогу от границы до Бухареста описать невозможно; надо самому испытать это, чтобы понять, каково удовольствие проехать 1000 верст в телеге, и меньше и

хуже тех, в которых у нас навоз возят, не понимая ни слова по-молдавански и не встретив ни одного человека, кто бы понимал по-русски: и при этом платя за восемь лошадей, вместо двух. Хотя путешествие мое длилось только 9 дней, я истратил более 200 р. сер. и добрался до места совершенно больной от усталости. —

17 марта.

Прервал свое письмо, потому что не знал, что вам сказать о себе. Князя здесь не было. Он приехал вчера, и я сейчас от него. [3] Принял он меня лучше, чем я ожидал, прямо по-родственному. — Он меня расцеловал, звал к себе обедать каждый день, хочет меня оставить при себе, хотя это еще не вполне решено. Когда это решится, я напишу вам. —

Простите, милая тетенька, что коротко вам пишу, но я еще не пришел в себя. — Красивый и большой город, все эти представления, итальянская опера, французский театр, два молодых Горчаковых, оба славные малые ...[4] я и 2-х часов не просидел у себя и не подумал о своих обычных делах. Прощайте, дорогая тетенька, целую ваши руки. Я был уже 4 раза на почте, надеясь получить от вас письма.

Печатается по автографу, хранящемуся в АТБ. Впервые напечатано (по-французски и в переводе, почти полностью) П. И. Бирюковым в Б, I, 1906, стр. 230—231; несколько полнее (без приписки гр. Д. Н. Толстому, только в переводе) напечатано П. А. Сергеенко в ПТС, I, стр. 34—35.

[1] Карл Фердин. Гимбут. О нем см. прим. 4 к п. № 56.

[2] Из Курска Толстой выехал числа 3 марта, так как 12 марта, как записано в дневнике, он приехал в Бухарест, а ехал он, как пишет в этом письме, девять дней.

[3] О кн. Мих. Дмитр. Горчакове см. вступ. прим. к п. № 81.

В ответ на это извещение Т. А. Ергольская писала 21 апреля: «Не могу передать тебе того удовольствия, вернее радости, которую доставило мне твое письмо из Бухареста от 22 марта. Оно пробыло в пути около месяца, и ты представляешь себе, как я мучалась в полном неведении насчет тебя. Слава богу, что ты у пристани; я была уверена, что князь примет тебя по-родственному, основываясь на дружеском расположении его к твоему отцу, и можно надеяться, что он не откажет тебе в своей протекции. Ежели он не оставит тебя при себе, значит он имеет на то веские причины и рекомендует тебя кому-нибудь, кто имеет вес в его глазах; так он всегда поступает с родственниками, которыми интересуется. Это самый порядочный и почтенный человек изо всех, кого я знаю. И откровенно тебе сознаюсь, я всегда желала, чтобы ты служил при нем; уверена, что со временем он возьмет тебя к себе адъютантом. Я прозорлива, и часто исполняется то, что я предвижу. Дай бог, чтобы так случилось и на этот раз, и чтобы тебе это послужило на пользу и на счастье». (Оригинал по-французски; публикуется впервые; подлинник в АТБ.)

Кн. М. Д. Горчаков 11 марта лично распоряжался переправою войск через Дунай, 13-го был в занятом русскими войсками с. Мачине, а 15-го отправился из Браилова в Бухарест.

[4] Молодые Горчаковы — кн. Дм. и Алд. Серг. Горчаковы, племянники кн. Мих. Дм. Горчакова, четвероюродные братья Толстого, друзья его детства. Кн. Дмитрий Сергеевич (1828—1907), участник венгерской кампании, служил в гусарском цесаревича полку. В 1867 г. вышел в отставку. Кн. Александр Сергеевич (1831—1879) умер в чине полковника.

[5] Гр. Дмитрий Николаевич Толстой (р. 23 апреля 1827 г., ум. 21 января 1856 г.), брат Толстого, третий сын гр. Николая Ильича. С 1843 г. был на математическом факультете Казанского университета, который и кончил весной 1847 г. Получив по разделу имение в Курской губ., Судженского уезда, Щербачевку, гр. Дмитрий Николаевич поселился в ней. С февраля 1848 г. он служил в течение трех лет в Курске, а с августа 1851 г. в московской дворцовой конторе.

В архиве Толстого сохранилась рукопись гр. Д. Н. Толстого: «Мои предположения хозяйственные деревни Щербачевки 1849 г. с месяца апреля». Об этом произведении Лев Николаевич пишет в «Воспоминаниях детства». «У меня теперь есть записка Митеньки о том, как он смотрел на владение крепостными. Мысли о том, что этого не должно было быть, что надо было их отпустить, среди нашего круга в 40-х годах совсем не было. Владение крепостными по наследству представлялось необходимым условием, и всё, что можно было сделать, чтобы это владение не было дурно, это то, чтобы заботиться не только о материальном, но и нравственном состоянии крестьян. И в этом смысле была написана записка Митеньки очень серьезно, наивно и искренно...».

О гр. Д. Н. Толстом мы располагаем весьма скудными сведениями. Кроме того, что говорится о нем в письмах этого тома, самое значительное, написанное о нем Львом Николаевичем в «Воспоминаниях детства»: «Почти не помню его маленьким. Знаю только по рассказам, что он в детстве был очень капризен... Он был ближе мне по возрасту, и мы больше играли с ним, но я не так любил его, как любил Сережу и как любил и уважал Николеньку... Особенности его проявились и памятны мне уже в Казани, куда мы приехали в 40 году, и мне было 13 лет. До этого в Москве я помню, что он не влюблялся, как я и Сережа, не любил особенно ни танцев, ни военных зрелищ... Он всегда был серьезен, вдумчив, чист и решителен, вспыльчив, и то, что делал, доводил до пределов своих сил. Учился он хорошо, ровно; писал стихи очень легко, помню, прекрасно перевел Шиллера «Der Jüngling am Bach» («Юноша у ручья»), но не предавался этому занятию... Мало общался с нами, всегда был спокоен, серьезен и задумчив. Так он рос незаметно, мало общаясь с людьми, всегда, кроме как в минуты гнева, тихий, серьезный, с задумчивыми, строгими, большими, карими глазами. Он был велик ростом, худ довольно, силен не очень, с длинными большими руками и сутуловатой спиной. Особенности его начались со времени вступления в университет. Он был годом моложе Сергея, но поступил в университет с ним вместе на математический факультет только потому, что старший брат был математиком. Не знаю, как и что навело его так рано на религиозную жизнь, но с первого же года университетской жизни это началось. Религиозные стремления естественно направили его на церковную жизнь, и он предался ей, как он всё делал, до конца. Он стал есть постное, ходить на все церковные службы и еще строже стал к

себе в жизни. В Митеньке, должно-быть, была та драгоценная черта характера, которую я предполагал в матери и которую знал в Николеньке, и которой я был совершенно лишен, — черта совершенного равнодушия к мнению о себе людей... Он не танцовал и не хотел этому учиться, студентом не ездил в свет, носил один студенческий сюртук с узким галстуком, и с молоду уже у него появился тик: он подергивал головой, как бы освобождаясь от узости галстука.

Особенность его первая проявилась во время первого говенья. Он говел не в модной университетской церкви, а в казематской церкви... Мы, главное Сережа, водили знакомства с аристократическими товарищами и молодыми людьми, Митенька, напротив, из всех товарищей выбрал жалкого, бедного, оборваннго студента Полубояринова (которого наш приятель-шутник называл Полубезобедовым), и мы, жалкие ребята, находили это забавным и смеялись над Митенькой. Он только с Полубояриновым дружил и с ним готовился к экзаменам». («Воспоминания детства», гл. IX.)

На основании сопоставления сказанного о Митеньке в «Воспоминаниях детства» с «Юностью» Толстого, нельзя не прийти к заключению, что в образ князя Нехлюдова Толстой внес много черт своего брата. Его же Толстой изобразил в лице Николая Левина в «Анне Карениной».

В архиве Толстого (АТБ) сохранилось по одному письму гр. Д. Н. Толстого к Т. А. Ергольской и гр. Н. Н. Толстому и два письма ко Льву Николаевичу.

[6] Русские войска переправились через Дунай 11 марта в трех пунктах: в Браилове, в Галаце, и в Измаиле, а 12 марта были взяты крепости Тульча и Исакча.

[7] Ольтеница — селение близ Дуная, на юговосток от Бухареста. 20 марта Толстой был прикомандирован к батарейной № 3 батарее 11 артиллерийской бригады, а 22 марта переведен в 12 артиллерийскую бригаду.

[8] 22 марта. Узнал вчера, что не остаюсь при князе, а отправляюсь в Ольтеницу [7] к своей батарее.

* 85. Гр. В. П. Толстому.

1854 г. ? Апреля 30? Бухарест.

Comment ne pas avoir une adoration pour T. T-tte après ce-qu' elle fait. Son plus grand bonheur c'est de se devouer pour les autres, comme à present son voyage et son sejour à K. Je suis sur qu'elle m'a ecrit et cependant je n'ai pas une seule lettre d'elle, même pas de reponse à la mienne.

Как не поклоняться тетеньке Татьяне Александровне после того, что она сделала. Величайшее ее счастие жертвовать собой для других; такова теперь ее поездка и пребывание в Курске. Я уверен, что она мне писала, между тем я не получил от нее ни одного письма, ни даже ответа на свое.

Печатается по копии Т. А. Ергольской, хранящейся в АТБ. Публикуется впервые. Текст написан рукой Т. А. Ергольской на листочке, хранящемся среди ее писем к Толстому. Над текстом две пометы, сделанные рукой той же Т. А. Ергольской: «30 Avril [30 апреля] и «t. d. l.l.d. V. (E. p.L.)», что значит: tiré de la lettre de Valérien (Ecrit par Léon) [извлечено из письма к Валерьяну (написано Львом)]. Означает ли «30 Avril» дату письма Толстого к гр.В. П. Толстому, или дату получения письма Толстого, или же дату выписки Т. А. Ергольской из текста письма Толстого — остается неизвестным. Условно мы считаем датой письма Толстого к гр. В. П. Толстому. Датируем 1854 г. условно на том основании, что листок был вложен в конверт, на котором рукой Т. А. Ергольской написан Бухарестский адрес Толстого.

* 86. Т. А. Ергольской.

1854 г. Мая 24. Бухарест.

24 Mai 1854. Bucarest. —

Figurez vous, chère tante, que jusqu'à présent — près de 3 mois, que je suis ici — je n'ai pas reçu une seule petite lettre de vous. Quoique je suis convaincu que vous m'avez écrit et que votre ou vos lettres doivent être perdues, ce silence extraordinaire m'étonne et me chagrine beaucoup. Si par hasard la lettre que je vous ai écrite en arrivant, [1] a subi le même sort, cela serait encore plus désagréable. Quoique malgré votre silence, j'aurais du vous écrire encore, je ne l'ai pas fait, moitié parceque d'un jour [à] l'autre j'attendais de vos nouvelles, moitié parceque je suis un vilain ce que j'avoue franchement et vous en demande pardon. Je me figure l'inquiétude que vous a causé mon silence surtout si vous êtes encore à Щербачовка (car j'ai écrit assez souvent [2] à Marie et Valér. les seuls dont j'ai reçu des nouvelles) et j'ai consience en pensant que tandis que vous me croyez exposé à tous les dangers de la guerre, je n'ai pas encore senti la poudre Turque et je suis très tranquillement à Boucarest à me promener à faire de la musique et à manger des glaces. En effet, tout ce tems, excepté 2 semaines que j'ai passé à Olteniza, où j'ai été attaché à une batterie, et une semaine que j'ai passé en courses par la Moldavie, Valachie et Bessarabie par ordre de Général Serjpoutovsky [3] auprès duquel je suis à présent *по особымъ порученьямъ*, je suis resté à Bucarest; et à vous avouer franchement, ce genre de vie un peu dissipé, tout à fait oisif et très couteux que je mène ici, me déplait infiniment. Auparavant c'était le service qui m'y retenait; mais à présent j'y suis resté pendant

près de 3 semaines à cause d'une fièvre que j'ai attrapé pendant mon voyage, mais dont, Dieu merci, je suis pour le moment assez rétabli pour rejoindre dans 2 ou 3 jours mon Général, qui est au camp près de Silistrie. A propos de mon Général, il a l'air d'être un très brave homme et parait, quoique nous nous connaissons fort peu, être bien disposé à mon égard. Ce qui est encore agréable c'est que son état-major est composé pour la plupart de gens comme il faut. Les deux fils du Prince Serge [4] que j'ai trouvé ici sont de bons garçons surtout le cadet, qui, quoique n'ayant pas à lui seul inventé la poudre a beaucoup [5] de noblesse dans le charactère et un très bon coeur; je l'aime beaucoup. [6] —

Pour le vieux Prince, [7] il y a déjà longtems que je ne l'ai vu. Vous sentez bien qu'il a d'autres occupations que de penser à ma personne et que moi comme vous savez, je n'aime pas à chercher les occasions à me rappeler au souvenir des hommes comme lui, je n'ai pas trop profité de son engagement à venir tous les jours chez lui. Au reste il a été si bon pour moi et c'est un homme qui m'a inspiré tant de respect, que si jamais, dans quelque cas j'avais besoin d'un protecteur je m'adresserai directement à lui. En général, je me trouve sous tous les rapports dans une position assez agréable et il ne dépend que de moi, en me conduisant bien, (c. à d. ne faisant pas le paresseux comme je l'ait fait pendant tout ce tems) d'en être tout-à-fait content. Les seuls désagréments que j'ai eu sont ceux d'avoir été malade et en même tems à court d'argent, à présent ceux-là même n'existent plus, car je suis tout à fait bien portant et l'argent, que Valérien m'a envoyé, m'a tiré d'embarras. Je ne veux pas m'excuser d'avoir dépenser beaucoup d'argent (car excepté l'argent qui m'est resté de la route et celui que m'a envoyé Val., j'ai reçu déjà plus de 300 r. arg. de gages) j'avoue donc que je n'ai pas été très économe, mais aussi la vie ici est abominablement chère. Si vous êtes déjà à *Ясное*, comme je suppose, et qu'on y connait les dispositions que j'ai faites pour l'envoi des chevaux et des gens, aidez moi, chère tante, de vos conseils, surtout au sujet du cuisinier. Qui faut-il envoyer? J'ai conscience de séparer Nicolas [8] de sa famille et puis en effet il est faible de santé; mais je ne sais décidément qui pourait le remplacer. — Quoiqu'à la rigueur, je n'ai pas besoin d'un bon cuisinier et même du tout d'un cuisinier, mais il faut absolument qu'il y ait quelqu'un pour aider Dmitri à soigner les chevaux pendant le voyage et que ce quelqu'un puisse

m'être utile en arrivant ici. — Si ce n'était cela je n'aurais fait expédier que Dmitri seul. Que faites-vous, chère et excellente tante? Comment avez vous passé tout ce tems chez Dmitri? L'avez vous trouvé changé? Quels sont ses plans? Au reste, à en juger d'après la bienfaisante influence que non seulement votre presence, mais vos lettres ont toujours eu sur moi, je suis sûr que votre séjour chez lui n'a pas été sans fruit pour lui. — Si même je ne vous écrivais pas (ce qui ne peut arriver que dans le cas le plus extraordinaire), ne me punissez pas, chère tante, par votre silence, vous ne sauriez croire [comme] il m'est pénible, combien de fois je vais à la poste pour voir s'il n'y a pas pour moi une petite lettre avec une adresse, написанное *старинным почеркомъ*. Adieu, chère tante, je baise vos mains, vous souhaite beaucoup de bonheur et attands toujours une longue lettre de vous. —

На конверте:

Ея Высокоблагородію Татьянѣ Александровнѣ Ергольской въ г. Тулу. Сельцо Ясные Поляны.

24 мая 1854. Бухарест. —

Представьте себе, дорогая тетенька, что почти за 3 месяца, что я здесь, я до сих пор не получил от вас ни единого письмеца; хотя я и уверен, что вы мне писали и что ваше письмо или ваши письма затерялись, но необычайное ваше молчание меня и удивляет и очень огорчает. А ежели случайно мое письмо, написанное по приезде, [1] тоже до вас не дошло, то это еще хуже. Мне следовало всё-таки самому писать вам еще, несмотря на ваше молчание; но я не исполнил этого, отчасти потому, что ждал от вас известий, а отчасти потому, что я негодяй — сознаюсь в этом откровенно и прошу прощения. Воображаю, как вас беспокоит мое молчание, особенно, ежели вы еще в *Щербачевкѣ* (Машенькѣ и Валерь[яну] я писал довольно часто, [2] и я только от них одних получал известия), и мне совестно, что вы думаете, что я подвергался всем опасностям войны, а я еще и не понюхал турецкого пороха, а преспокойно живу в Бухаресте, прогуливаюсь, занимаюсь музыкой и ем мороженое. Кроме 2 недель, которые я провел в Ольтенице, прикомандированный к батарее, и одной недели, проведенной в проездах по Молдавии, Валахии и Бессарабии по приказу генерала Сержпутовского, [3] я состою при нем *по особымъ порученьямъ*, я жил в Бухаресте; откровенно сознаюсь, что этот несколько рассеянный образ жизни, совершенно праздный и дорого стоящий, мне страшно не по душе. Сначала меня задерживала служба, теперь же я пробыл в нем около 3 недель из-за лихорадки, которую я захватил во время своих поездок. Слава богу, теперь я настолько поправился, что могу выехать через 2 или 3 дня к моему генералу, который в лагере под Силистрией. Он, мне кажется, хороший человек и, хотя мы мало знакомы, я думаю, что он хорошо ко мне расположен. Что еще приятно, это то, что его главный штаб состоит большей частью

из порядочных людей. Я застал здесь обоих сыновей князя Сергея; [4] они славные малые, особенно младший из них; пороха он не выдумал, но в нем много благородства [5] и сердечной доброты. Я его очень люблю. [6]

Старого князя[7] я давно не видел. Вы понимаете, что при его занятиях ему некогда помнить обо мне, я же, как вам известно, не ищу случаев напоминать о себе человеку с его положением и редко пользуюсь его приглашением бывать у него каждый день. Но он был так добр ко мне и возбудил во мне такое уважение, что, ежели бы мне понадобилась помощь, я обратился бы прямо к нему. Вообще же положение, которое я здесь занимаю, мне нравится во всех отношениях, и от меня самого зависит, чтобы я им был вполне доволен (т. е. ежели я не буду бездельничать, как всё это время). Единственные неприятности, которые я здесь испытал, были нездоровье и недостача денег; то и другое прошло — я совершенно поправился, а деньги, присланные Валерьяном, меня вывели из затруднения. Не буду оправдываться в том, что много тратил (ведь, кроме оставшихся от дороги денег и присланных Валер[ьяном], я получил уже более 300 р. сер. жалованья), сознаюсь, что я не очень экономил, но ведь и здешняя жизнь ужасно дорога. Ежели вы уже в **Ясномъ**, как я предполагаю, и ежели там получены мои распоряжения об отправке лошадей и людей, помогите мне, милая тетенька, вашим советом и, главным образом, относительно повара. Кого послать? Мне совестно разлучать Николая[8] с его семьей; к тому же он действительно слаб здоровьем; но не придумаю, кем можно его заменить. — Мне собственно не нужен хороший повар, пожалуй, я и вовсе обойдусь без повара, но лишний человек необходим в помощь Дмитрию для ухода за лошадьми в дороге, и чтобы по приезде он мог здесь мне быть полезным. — Ежели бы не это, я велел бы выслать Дмитрия одного. Что вы поделываете, милая и чудесная тетенька? Как вы провели время у Митеньки? Нашли вы в нем перемену? Каковы его планы? Впрочем, судя по благотворному влиянию не только вашего присутствия, но и писем ваших на меня, я не сомневаюсь в пользе, которую вы принесли ему своим пребыванием. — Ежели и случится, что от меня долго не будет писем (это может быть вызвано только какой-нибудь необычайной причиной), не наказывайте меня, дорогая тетенька, своим молчанием; вы не поверите, как мне это тяжело, сколько раз я хожу на почту справляться, нет ли мне письмеца с адресом, * написаннаго *старинным почеркомъ**. Прощайте, дорогая тетенька, целую ваши ручки, желаю вам счастья и всё жду от вас длинного письма. —

Печатается по автографу, хранящемуся в АТБ. Впервые отрывок из письма напечатан (по-французски и в переводе) П. И. Бирюковым в Б, I, 1906, стр. 231—232, несколько бо́льшие отрывки (только в переводе) даны П. А. Сергеенко в ПТС, I, стр. 35—37. Почтовый штемпель: «Получено 1854 июня 7». На конверте рукой Т. А. Ергольской написано: «*Получила 12 июня*» *1* [*неразобр.*] 24 Mai.

[1] Имеется в виду письмо от 13—22 марта № 84.

[2] Эти письма не сохранились.

[3] Адам Осипович Сержпутовский — ген.-лейт., начальник артиллерии Дунайской армии.

[4] Кн. Серг. Дм. Горчаков.
[5] *Зачеркнуто:* de bonnes qualités.
[6] Кн. Дм. Серг. и Алдр. Серг. Горчаковы. О них см. прим. 4 к п. № 84.
[7] Кн. Мих. Дм. Горчаков. О нем см. прим. к п. № 84.
[8] Вероятно, Николай Дмитриевич Банников, бывший дядька братьев Толстых, выведенный в «Детстве».

* 87. Т. А. Ергольской.

1854 г. Июня 19. Бухарест.

19 Juin

Chère tante! Enfin, hier j'ai reçu la première lettre[1] de vous depuis mon départ. Et je vous avoue qu'excepté le plaisir d'avoir lu et relu votre bonne et excelente lettre, la vue seule de votre écriture m'a tranquillisé sur votre compte, sur lequel je commençais à devenir vivement inquiet. Vous avez donc fait tout ce qui dépendait de vous pour le bien de Dmitri — c. à d. pour l'engager à rester à la campagne et ce n'est pas vous, mais lui qui l'a quitté le premier. Je me dis souvent: si nous autres, pauvres égoistes, espérons avoir un petit coin au paradis, quelle grande et belle place vous y est réservé — à vous, qui ne vivez que pour faire du bien aux autres. Vous vous plaignez, chère tante, de mon silence et vous avez raison, ce qui n'empêche pas aussi que je n'aye eu presque raison aussi en écrivant peu. Ce n'est pas par paresse — c'est une raison, que j'ai donné trop souvent et qu'il devient ridicule de donner à mon âge, mais c'est pour ne pas être obligé de mentir dans mes lettres — et non seulement de mentir, mais être obligé de me taire sur quelque chose, qui m'intéressait et qui par conséquent devait vous intéresser aussi. Il y a près de 2 mois, que je suis tombé assez sérieusement malade et pendant ma maladie, quoique je me suis mis plusieurs fois à vous écrire, je n'ai jamais pu le faire sans parler de la chose qui m'occupait le plus — de ma maladie — ce que je ne voulais pas faire pour ne pas vous donner d'inquiétudes. Après mon rétablissement je suis tout de suite allé au camp de Silistrie.[2] De là j'ai eu les mêmes raisons pour ne pas écrire. Ce n'est qu'à présent, que je le fais avec plaisir et toute franchise. Quoique peut être je ne dise rien, à force d'avoir trop à dire, mais au moins j'ai l'idée qu'à présent il n'y a rien que j'aye besoin de vous cacher. Que vous dirai-je au sujet de moi? Pour le moment malheureuse[ment] rien de trop agréable: ma santé n'est pas encore

tout à fait bonne, — il m'est resté un peu de faiblesse; mes occupations ne vont pas du tout à cause du genre de vie déréglé que je suis obligé de mener — tantôt au camp, tantôt en marche. Et les affaires financières vont mal, l'argent fond comme de la neige sans que je sache où il passe et pour le moment je suis tout à fait à sec.

Adieu, chère tante. Voilà une lettre bien sotte, mais que j'aime mieux envoyer que de déchirer, comme je viens d'en avoir eu l'envie. Je compte par la même poste écrire à Dmitri. Je baise bien tendrement vos mains.

Chère tante, voilà une lettre pour Dmitri que vous aurez la bonté de lui envoyer à Moscou, le plutôt possible.[3]

На конверте:

Ея высокоблагородію Татьянѣ Александровнѣ Ергольской въ г. *Тулу*. Въ сельцо Ясные Поляны.

19 июня.

Дорогая тетенька! Вчера, наконец, я получил ваше первое письмо, с моего отъезда.[1] Сознаюсь, что кроме удовольствия, которое я испытал, читая и перечитывая ваше доброе и чудесное письмо, один вид вашего почерка меня успокоил, а я начинал очень о вас беспокоиться. Итак, вы сделали всё, что от вас зависело, для Митеньки, т. е. уговорили его жить в деревне и не вы, а он уехал первый. Часто я себе говорю: ежели мы, несчастные эгоисты, надеемся на уголок в раю, какое же прекрасное место предназначается там вам — вам, живущей только для других. Вы жалуетесь, милая тетенька, на мое молчание, и, конечно, правы, но, знаете, я не вполне виноват, что редко вам пишу. Не из лени; это причина, которую я слишком часто приводил, и которая становится уже смешной, в мои года. Дело в том, что я не хочу лгать в своих письмах, — и не только лгать, а даже и умалчивать о том, что для меня имеет важное значение и поэтому близко касается и вас. Вот уже почти 2 месяца, что я довольно серьезно заболел. За это время я принимался было вам писать, но не мог я не говорить о том, что больше всего меня озабочивало — о своей болезни; а сказать о ней, я напугал бы и взволновал вас. Как только я поправился, я уехал в лагерь под Силистрию.[2] А оттуда я не мог писать по той же причине. Зато теперь пишу с радостью и совершенно откровенно. Может быть ничего не скажу потому, что слишком много надо сказать, но по крайней мере знаю, что могу ничего не скрывать. Что вам сказать о себе? К сожалению, порадовать вас нечем: здоровье мое неважно — я еще слаб; заниматься я не могу — жизнь для этого неподходящая: либо лагерь, либо поход. И денежные мои дела плохи; деньги таюг, как снег, куда уходят не вижу, а сейчас их и совсем нет.

Прощайте, дорогая тетенька. Письмо вышло совсем пустое; но предпочитаю послать его, нежели изорвать. Хочу этой же почтой написать Митеньке. Нежно целую ваши ручки.

Дорогая тетенька, будьте добры переслать, как можно скорее, это письмо Митеньке в Москву.[3]

Печатается по автографу, хранящемуся в АТБ. Публикуется впервые. Год определяется почтовыми штемпелями «Букарест, 22 июня, 1854» и «Получено 1854, июля 5».

[1] Это сохранившееся письмо от 21 апреля 1854 г.

[2] Под крепость Силистрию Толстой приехал в последних числах мая.

[3] Письмо Льва Николаевича гр. Дм. Н. Толстому не сохранилось. На него Дмитрий Николаевич ответил письмом от 20 октября 1854 г.: «Любезный друг и брат Лев! Последнее твое письмо, которое ты мне писал вместе с тетенькой Татьяной Александровной, я получил в Москве. Странно, как ты не получал моего письма из Щербачевки, где пишу тебе, что я еду в Москву и для чего я еду. Итак, начну теперь с этого времени; я приехал в Москву в мае, чтоб кончить как-нибудь с Доктур[овым] потому что, как ты сам знаешь, его тогда не было в Москве. Я прожил в Москве всё лето и никак с ним не кончил; кончилось тем, что я буду ему по возможности выплачивать. С Машей я рассчитался и расстался навсегда. Долгов у меня осталось всего 6800 р. с. Но считая, что мне должны до 4 т. р. с., то остается 2800 р. сер. Вот тебе мое внешнее положение, моральное же мое положение еще в большем беспорядке; еще не изгладились дурные впечатления моей гадкой жизни в Москве, и вообще я еще не покоен духом, притом здоровье мое не так-то хорошо. Проездом из Москвы в сентябре я был у сестры в Покровском, где прогостил недели две. При мне получено твое письмо, где ты пишешь Валерьяну, что вам остается два перехода до границы; я не оправдываюсь перед тобой, что не писал тебе, но впрочем частью причиною тому твой неопределенный адрес. Теперь пишу тебе по тому, который ты дал Валериану. Я никак не могу проехать Ясной, чтоб в нее хоть на минуту не заехать; именно: ехавши в мае в Москву (тетенька Татьяна Александровна оставалась в Покровском), я свернул на почтовых с шоссе, подъехал к флигелю и оттуда в сопровождении Максима обошел сад и выставку, где тогда всё было в отличном цвету, и это мне доставило такое удовольствие, что я уже вплоть до Москвы ехал с приятным впечатлением. На обратном пути я тоже заезжал в Ясную; там была тогда тетенька, я с ней пробыл два дня, ел груши, которых нынче у тебя изобилие; братьев не было ни в Никольском, ни в Пирогове; они в отъезжем поле. С 23 сентября я сижу в Щербачевке, сажаю сады, строю, собираю деньги, плачу долги; чем всё это кончится и к чему приведет, бог один знает. Одно, что меня еще поддерживает, и почему я не прихожу в отчаяние, — это то, что я не скучаю: хозяйство мое меня занимает. Мне скорее сделается грустно, чем скучно, и грустно оттого, что я один, что я не то, чем бы я мог быть и что, наконец, *всё как-то не то*. — Это мне часто приходит на мысль, и отчего это всё как-то не то, в том я не могу себе дать отчета, но по крайней мере мне так кажется.

Что Горчаков сделан главнокомандующим я этому очень рад, а что в Крыму неприятель, это нехорошо. Что-то будет дальше? — это всё очень меня интересует. —

Планов у меня нет почти никаких; думаю я нынешнею зимою кой-куда недалеко съездить *на своих*; к братьям может быть заеду, так, чтобы время зимнее провести, а к весне опять возвращусь к себе хозяйничать. Вот тебе, друг мой, описал всё, что есть на душе откровенно. Прошу тебя прислать мне свой новый адрес, потому что вероятно тебя уже переместили опять, и тогда я тебе буду писать еще. Хоть и не предвижу ничего нового, но напишу всё, что будет; затем прости, будь здоров, остаюсь всегда любящим тебя, брат и друг твой Г. Д. Т. 1854 г. октября 20-го.

Если ты будешь зимой на постоянном месте, то я и к тебе хочу приехать; напиши мне об этом». (Письмо не опубликовано; подлинник в АТБ.)

Доктур[ов] — майор, сын сенатора, Федор Николаевич Дохтуров (р. в 1828 г.), которому Дмитрий Николаевич выдал 24 ноября 1852 г. вексель на 4500 р., из которых при своей жизни уплатил 1400 р. Об этом см. еще т. 61. *Маша* — «гражданская» жена гр. Д. Н. Толстого, взятая им из публичного дома. Впоследствии они опять сошлись, и Дмитрий Николаевич умер на ее руках. Упоминаемого *письма* Льва Николаевича *к гр. Валер. Петр. Толстому* не сохранилось. *Максим* — очевидно садовник.

* 88. Т. А. Ергольской.

1854 г. Июля 5. Бухарест.

Chère et excellente tante!

Figurez vous, que ce n'est que hier j'ai reçu votre lettre e celle de Dmitri du 1 4 Avril et écrites encore de Koursk.[1] Ré pondre à toutes les lettres que je reçois est devenu pour moi une habitude et répondre aux votres c. à d. penser à vous, causer avec vous est pour moi l'un des plus grands plaisirs. Comme je v-s ai écris, je crois dans ma dernière lettre, je suis pour le moment à Bucharest et y mène une vie tranquille et agréable. Je vais vous parler donc du passé — de mes souvenirs de Silistrie. J'y ai vu tant de choses intéressantes, poétiques et touchantes que le tems que j'y ai passé ne s'effacera jamais de ma mémoire. Notre camp était disposé de l'autre côté du Danube c. à d. sur sa rive droite, sur un terrain très élevé au milieu de superbes jardins apartenant à Moustafa-Pacha, le gouverneur de Silistrie. La vue de cet endroi est non seulement magnifique; mais pour nous tous du plus grand intérêt. Sans parler du Danube, de ses iles et de ses rivages, les uns occupés par nous les autres par les Turcs, on voyait la ville, la forteresse et les petits forts de Silistrie

comme sur la main. On entendait les coups de canons et de fusils, qui ne cessaient ni jour ni nuits et avec une lunette d'aproche on pouvait distinguer les soldats Turcs. Il est vrai que c'est un drôle de plaisir que de voir des gens s'entretuer et cependant tous les soirs et matins je me mettais sur ma *повозки* et je restait des heures entières à regarder et ce n'est pas moi seul qui le faisait. Le spectacle était vraiment beau, et surtout la nuit. Les nuits ordinairement nos soldats se mettaient aux travaux des tranchées et les Turcs se jettaient sur eux pour les en empêcher, alors il fallait voir et entendre, cette fusillade. La première nuit que j'ai passé au camp ce bruit terrible m'a réveillé et effrayé, je croyais qu'on allait à l'assaut et j'ai bien vite fait seller mon cheval; mais ceux qui avaient déjà passé quelque tems au camp me dirent que je n'avais qu'à me tenir tranquille, que cette canonade et fusillade était une chose ordinaire et qu'on appelait en plaisantant «Allah». — Alors je me suis recouché, mais ne pouvant m'endormir je me suis amusé ma montre à la main, à compter les coups de canons que j'entendais et j'ai compté 100 explosions dans l'espace d'une minute. Et cependant tout ceci n'a pas du tout de près l'air aussi effrayant que cela le parait. La nuit quand on n'y voyait rien, c'était à qui brulerait le plus de poudre et avec ces milliers de coup de canons on tuait tout au plus une 30-ne d'hommes de part et d'autre. Vous me permettrez chère tante de m'adresser dans cette lettre à Nicolas; car une fois que je me suis mis à donner des détails de la guerre je voudrais continuer et m'adresser à un homme qui me comprenne et vous puisse donner des explications sur ce que vous paraitra obscure. — Ceci donc est le spectacle ordinaire que nous avions tous les jours et dans lesquels quand on m'envoyait avec des ordres dans les tranchées je prenais aussi ma part; mais nous avions aussi des spectacles extraordinaires, comme celui de la veille de l'assaut, quand on a fait sauter une mine de 240 poudes des poudres[2] sous l'un des bastions de l'ennemi. Le matin de cette journée le Prince[3] avait été aux tranchées avec tout son état major (comme le Général[4] auprès du quel je suis en fait partie j'y ai aussi été) pour faire les dispositions définitives pour l'assaut du lendemain[5] le plan — trop long pour que je puisse l'expliquer ici — était si bien fait tout était si bien prévu que personne ne doutait de la réussite. A propos de cela il faut que je vous dise encore que je commence à avoir une admiration pour le prince (au reste il

faut en entendre parler parmi les officiers et les soldats — non seulement je n'ai jamais entendu dire du mal de lui mais il est généralement adoré). Je l'ai vu au feu pour la première fois pendant cette matinée. Il faut voir cette figure un peu ridicule avec sa grande taille, ses mains derrière le dos, sa casquette en arrière, ses lunettes et sa manière de parler comme un dindon. — On voit qu'il est tellement occupé de la marche générale des affaires que les balles et les boulets n'existent pas pour lui; il s'expose au danger avec tant de simplicité qu'on dirait qu'il n'en a pas l'idée et qu'involontairement l'on a plus peur pour lui que pour soi même et puis donnant ses ordres avec tant de clarté et de précision et avec ça toujours affable avec chacun. C'est un grand homme c. à d. un homme capable et *honnête* comme je comprends ce mot, un homme qui a voué toute sa vie au service de sa patrie et pas par l'ambition mais par le devoir. Je vais v-s raconter un trait de lui qui se lie à l'histoire de cet assaut manqué que j'ai commencé à raconter; l'après diner du même jour on a fait sauter la mine et près de 500 pieus d'artilerie ont fait feu sur le fort qu'on voulait prendre et ont continué ce feu pendant toute la nuit, ceci était un de ces coups d'oeil et une de ces émotions qu'on n'oublie jamais. Le soir de nouveau le Prince avec tout le tremblement est allé coucher aux tranchées pour diriger soi même l'assaut qui devait commencer à 3 heures de la nuit.— Nous étions tous là et comme toujours à la veille d'une bataille nous faisions tous semblant de ne pas plus penser à la journée de demain qu'à une journée ordinaire et tous j'en suis sûr au fond du coeur ressentaient un petit serrement de coeur (et pas même un petit mais un grand) à l'idée de l'assaut. Comme tu sais Nicolas que le tems qui précède une affaire est le tems le plus désagreable, c'est le seul où on a le tems d'avoir peur et la peur est un sentiment des plus désagreables. Vers le matin plus le moment approchait plus le sentiment diminuait et vers trois heures quand nous attendions tous à voir partir le bouquet de fusées qui était le signal de l'attaque, j'étais si bien disposé que si on venait me dire que l'assaut n'aurait pas lieu cela m'aurait fait beaucoup de peine. Et voila que juste une heure avant le moment de l'assaut arrive un aide de camp du Maréchal avec l'ordre d'ôter le siège de Silistrie. Je puis dire sans craindre de me tromper que cette nouvelle a été reçu par tous — soldats officiers et généraux — comme un vrai malheur, d'autant plus qu'on savait par les espions,

qui nous venaient très souvent de Silistrie et avec lesquels j'avais très souvent l'occasion de causer moi-même — on savait que ce fort pris — chose dont personne ne doutait — Silistrie ne pouvait tenir plus de 2, 3 jours. N'est ce pas que si cette nouvelle devait faire de la peine à quelqu'un ce devait être au Prince, qui pendant toute cette campagne ayant fait toutes choses pour le mieux au beau milieu de l'action a venu [?] venir le maréchal sur son dos pour gater les affaires et puis ayant la seule chance de réparer nos revers par cet assaut il reçoit un contre ordre du Maréchal au moment de la commencer. Eh bien le Prince n'a pas eu un moment de mauvaise humeur, lui qui est si impressionable, au contraire il a été content de pouvoir éviter cette boucherie dont il devait porter la responsabilité et tout le tems de la retraite qu'il a dirigé lui même ne voulant passer qu'avec le dernier des soldats qui s'est faite avec un ordre et une exactitude remarquable il a été plus gai qu'il ne l'a jamais été. — Ce qui contribuait beaucoup à sa bonne humeur c'était l'emigration de près de 7 000 familles Bolgars que nous prenions avec pour les sauver de la férocité des Turcs, férocité à laquelle malgré mon incrédulité j'ai été obligé de croire. Dès que nous avons quitté les différents villages Bolgars que nous occupions les Turcs y sont venus et excepté les femmes assez jeunes pour un harem ils ont fait main basse sur tous ce qu'il y avait. Il y a un village dans lequel je suis allé du camp pour y prendre du lait et des fruits qui a été exterminé de la sorte. — Alors dès que le Prince avait fait savoir aux Bolgars que ceux qui le voulaient pouvaient avec l'armée passer le Danube et devenir sujets Russes, tout le pays s'est soulevé et tous avec leur femmes, enfants, chevaux, bétail arrivaient au pont, mais comme il était impossible de les prendre tous le Prince a été obligé de refuser à ceux qui sont venus les derniers et il fallait voir comme cela le chagrinait; il recevait toutes les députations qui venaient de ces pauvres gens, il causait avec chacun d'eux, tâchait de leur expliquer l'impossibilité de la chose, leur proposait de passer sans leur chariots et leur bétails et en se chargeant de leur moyens de subsistance jusqu'à ce qu'il arrivassent en Russie, payait de sa propre bourse des vaisseaux particuliers pour les transporter, en un mot faisant tout son possible pour faire du bien à ces gens. Oui chère tante je voudrais bien que votre prophetie se réalise. La chose que j'ambitionne le plus est d'être l'aide de camp d'un homme comme lui qui

j'aime et qui j'estime du plus profond de mon coeur. Adieu chère et bonne tante, je baise vos mains. Dites je vous prie à Valérien que je le prie d'ecrire à Пятигорск, au Docteur Drosdoff chez lequel j'ai laissé mon télescope pour le prier de me l'envoyer ici. Je le prie aussi de joindre à cette lettre celle que je lui ai laissé pour Drosdoff[6] et l'argent que peuvent couter les frais de poste.

5 Juillet. Bucarest.

Je félicite Serge sur son jour de naissance. Dites lui je vous prie que c'est mal à lui de ne m'avoir écrit jusqu'à présent. Quoique jusqu'à présent j'ai fait la même chose, je suis plus excusable. 1) parceque je suis seul à écrire à tous et 2) parceque quoique je ne lui écrive pas à lui il lit toujours mes lettres, à vous, à Nicolas ou à Valérien tandis que moi je n'ai de lui d'autres nouvelles qu'il se porte bien et qu'il est allé à Lébédiane. Au reste j'espère, que Nic. Serge et Basil[7] penseront à moi quand ils seront ensemble à Béresovka[8] et que je recevrai d'eux tous une lettre de là. —

На конверте:

Ея Высокоблагородію Татьянѣ Александровнѣ Ергольской въ г. Тулу.

Дорогая и чудесная тетенька!

Представьте себе, что я только вчера получил ваше и Митенькино письмо от 14-го апреля, писанное еще из Курска.[1] Отвечать на все получаемые мною письма, вошло в мою привычку; но отвечать на ваши — т. е. думать о вас, с вами беседовать, одно из величайших моих удовольствий. Как я уже писал вам кажется в своем последнем письме, я в Бухаресте живу покойно и приятно. Итак, рассказывать я буду о прошедшем — свои воспоминании о Силистрии. Столько я видел интересного, поэтического и трогательного, что время, проведенное мною там, никогда не изгладится из моей памяти. Лагерь наш был расположен по ту сторону Дуная, т. е. на правом берегу, на возвышенной местности, среди великолепных садов, принадлежащих Мустафа-Паше, губернатору Силистрии. Расстилающаяся перед глазами местность, не только великолепна, она представляла для всех нас огромный интерес. Не говоря о Дунае, его островах и берегах, одних занятых нами, других турками, как на ладони видны были город, крепость и малые форты Силистрии. Слышна была пушечная пальба и ружейная, не перестающие ни днем, ни ночью, и в подзорную трубу можно было различить турецких солдат. По правде сказать, странное удовольствие глядеть, как люди друг друга убивают, а между тем и утром и вечером я со своей *п о в о з к и* целыми часами смотрел на это. И не я один. Зрелище было поистине замечательное, и, в особенности, ночью. Обыкновенно ночью наши солдаты работали на траншеях, турки нападали, чтобы препятствовать этим работам, и надо было видеть и слышать эту

стрельбу! В первую ночь, которую я провел в лагере, этот страшный шум разбудил и напугал меня; думая, что это нападение, я поспешил велеть оседлать свою лошадь; но люди, проведшие уже некоторое время в лагере, сказали мне, что беспокоиться нечего, что и канонада такая, и ружейная стрельба вещь обычная, прозванная в шутку «Аллах». — Я лег, но не мог заснуть и стал забавляться тем, что, с часами в руках, считал пушечные выстрелы; насчитал я 100 взрывов в минуту. Вблизи однако всё это не так страшно, как кажется, ночью в полной темноте точно соревновались между собой, кто больше потратит пороха и тысячами пушечных выстрелов убито было самое большое человек 30 с той и другой стороны.

Вы мне позволите, милая тетенька, обратиться в этом письме к Николеньке; начав рассказывать о подробностях войны, я хотел бы продолжать обращаться к мужчине, который поймет меня и сможет разъяснить то, что вам покажется неясным. — Итак, вот что происходило перед нашими глазами ежедневно, а когда меня посылали с приказами в траншеи, и я принимал в нем участие; но бывали у нас и необычайные зрелища, как например, накануне штурма, когда при одном из неприятельских батальонов взорвали мину в 240 пудов пороха. [2] В этот день, поутру, князь[3] был в траншеях со всем генеральным штабом (так как генерал,[4] к которому я прикомандирован, состоит в генеральном штабе, то и я был там) и делал окончательные распоряжения для штурма на следующий день;[5] план — было бы слишком длинно его здесь описывать — был так хорошо составлен, и всё в нем было предусмотрено, что никто не сомневался в успехе. По поводу этого должен вам сказать, что я становлюсь поклонником князя (впрочем, надо послушать, как говорят о нем офицеры и солдаты, — не только я никогда не слышал о нем плохого слова, но все его обожают). Под огнем я его видел впервые в это утро. Надо видеть эту слегка комичную фигуру — большого роста, с руками за спиной, фуражкой на затылке, в очках и с чем-то от индюка в манере говорить. Видно, что он так погружен в общий ход дела, что ни пули, ни бомбы для него не существуют, он подвергается опасности с такой простотой, точно он ее не сознает, и невольно делается страшнее за него, чем за себя; приказания отдает ясные, точные и при этом всегда приветлив со всеми и с каждым. Это великий человек, т. е. способный и ч е с т н ы й, как я понимаю это слово — человек, который всю свою жизнь посвятил службе отечеству и не из честолюбия, а по долгу. Расскажу вам одну подробность о нем, в связи с историей этого неудавшегося штурма, о котором я начал рассказывать. После обеда того же дня, взорвали мину и около 500 артиллерийских орудий [?] стреляли в форт, который собирались взять. Стрельба продолжалась всю ночь напролет; этого зрелища и испытанного волнения забыть невозможно. Ночевать князь отправился со всей свитой [?] в траншеи, чтобы лично распоряжаться штурмом, назначенным на три [часа] ночи. — Мы все были там и, как всегда накануне сражения, делали вид, что завтрашний день озабочивает нас не более, чем обычный, но я уверен, что у всех сердце немножко сжималось (и даже не немножко, а очень сильно), при мысли о штурме. Ты знаешь, Николенька, что время, предшествующее сражению, самое неприятное, это единственное время, когда есть досуг для страха, а страх — одно из самых неприятных чувств. К

утру, с приближением момента действия, страх ослабевал, а к трем часам, когда ожидалась ракета, как сигнал к атаке, я был в таком хорошем настроении, что ежели бы пришло известие, что штурма не будет, я бы очень огорчился. И вдруг, как раз за час до назначения штурма, приезжает адъютант фельдмаршала, с приказом снять осаду Силистрии. Могу сказать, что это было принято всеми — солдатами, офицерами, генералами, как настоящее несчастие, тем более, что было известно от шпионов, которые часто являлись к нам из Силистрии и с которыми мне самому приходилось говорить — было известно, что когда овладеют фортом, — а в этом никто не сомневался — Силистрия не сможет продержаться более 2,3 дней. Полученный приказ должен был больше всех других огорчить князя, не так ли? Во время всей кампании он сделал, что мог, для успеха дела и вдруг в разгар действий является фельдмаршал, который всё разрушает; к тому же, этот штурм был единственной возможностью исправить наши неудачи, а приказ его отменяющий явился за минуту до его исполнения. И что же? Князь не выказал и тени раздражения, а он так впечатлителен, наоборот, он был доволен, что избежал бойни, за которую ответственность ложилась бы на него, и во всё отступление, которым он сам распоряжался, объявив, что двинется лишь за последним солдатом, порядок и замечательная точность были не нарушены, и он казался веселее, чем когда-либо. — Его радовала в особенности — эмиграция 7000 болгарских семей, которых мы уводили с собой, чтобы спасти от жестокости турок, жестокости, которой и при моей недоверчивости мне пришлось поверить. По мере того, как мы покидали болгарские селения, являлись турки и, кроме молодых женщин, которые годились в гарем, они уничтожали всех. Я ездил из лагеря в одну деревню за молоком и фруктами, так и там было вырезано все население. — И только что князь дал знать болгарам, что желающие могут с нашей армией перейти Дунай и стать русскими подданными, весь край поднялся и с женами, детьми, лошадьми и скотиной двинулись к мосту. Вести всех было немыслимо; князь был принужден отказать тем, которые подходили последними. И надо было видеть, как это его огорчило, он принял все депутации от этих несчастных и лично говорил с каждым из них, старался втолковать им, что это невозможно, предлагал им бросить телеги и скотину, обеспечивая им пропитание до прихода их в Россию, оплачивал из собственных денег частные суда для их переправы, словом делал, что мог, в помощь этим несчастным. Милая тетенька, хотелось бы, чтобы ваше предсказанье сбылось. Мое сильнейшее желание быть адъютантом человека, как он, которого я люблю и почитаю от глубины души. Прощайте, дорогая и добрая тетенька, целую ваши ручки. Скажите, пожалуйста, Валерьяну, что я прошу его написать в Пятигорск доктору Дроздову, у которого я оставил мой телескоп, чтобы просить его выслать мне телескоп сюда. Прошу его также отправить и то мое письмо Дроздову, [6] которое я ему раньше передал, приложив деньги на почтовые расходы.

5 июля. Бухарест.

Поздравляю Сережу со днем его рождения. Попеняйте ему за то, что он не написал мне до сих пор. Положим, что и я не писал, но мне это изви-

нительно. Во 1-х) потому, что я один пишу всем, а во 2-х) потому, что, хотя я ему и не пишу, он читает всегда мои письма к вам, к Николеньке или Валерьяну, я же о нем знаю только, что он здоров и поехал в Лебедянь. Впрочем, я надеюсь, что Ник., Сережа и Васенька [7] вспомнят обо мне, когда они соберутся в Березовке,[8] и оттуда я от них от всех получу письмо. —

Печатается по автографу, хранящемуся в АТБ. Впервые отрывок из письма напечатан (по-французски и в переводе) П. И. Бирюковым в Б, I, 1906, стр. 233—237; в несколько большем виде (только в переводе) дано П. А. Сергеенко в ПТС, I, стр. 37—41 (с неверной датой «июль 4»). Год определяется почтовым штемпелем: «Тула 1855. февраля 8» и «получено 1855». и пометой на конверте рукой Т. А. Ергольской: «Получила 18 февраля 1855 года»; рукой неизвестного на конверте написано: «*За выездом в Чернь* в сельцо Покровское графа Толстого». На обороте конверта неизвестной рукой: «В Симферополь».

[1] Письма эти не сохранились.

[2] Толстой, очевидно, имеет в виду взрыв 7 июня в $5^1/_2$ ч. дня бруствера Арабского форта, но у М. И. Богдановича в «Восточной войне 1853—1856 гг.» сказано, что в первой группе зарядов было 105 пудов пороха, во второй — 48 пудов и в третьей — 15 (т. II, изд. 2, стр. 97).

[3] Кн. Мих. Дм. Горчаков.

[4] Адам Осип. Сержпутовский. См. о нем прим. 3 к п. № 86.

[5] Штурм укреплений Араб-Табия и Песчаное был назначен в ночь с 8 на 9 июня. Об отмене штурма Богданович так рассказывает: «Все приготовления к штурму были окончены, и войска уже двинулись на указанные им места, как вдруг около полуночи прибыл адъютант кн. Варшавского, гвардии ротмистр Протасов с предписанием фельдмаршала — немедленно снять осаду и перейти со всеми силами на левую сторону Дуная. Каруца (местная повозка), на которой он мчался под Силистрию, сломалась, и он был принужден пройти пешком несколько верст, отчего приказание об отмене приступа было получено некоторыми войсками только за четверть часа до ракеты — сигнала кровопролитной сечи. Никогда вестник самого бедственного события не был встречен так неприветливо, как встретили наши офицеры и солдаты Протасова. Конечно, отменою штурма были сохранены тысячи храбрых, но они, не помышляя о себе, изъявляли сожаление о товарищах своих, павших в продолжение осады и не отмщенных покорением Силистрии» (т. II, изд. 2, стр. 98—99).

[6] Иван Ефремович Дроздов (ум. в 1868 г.), штаб-лекарь, помощник главного врача в Пятигорске. В воспоминаниях сына его И. М. Дроздова говорится, что Толстой часто бывал у Дроздовых и, уезжая в Севастополь, в знак памяти, оставил подзорную трубу, которая долго у них хранилась («Русский архив» 1896, № 10, стр. 223).

[7] Вас. Степ. Перфильев. О нем см. прим. 4 к п. № 6.

[8] Березовка — имение Перфильевых Тамбовской губ., Лебедянского уезда.

На это письмо Т. А. Ергольская отвечала в приписке от 26 июля в письме, начатом 20 июля.

* 89. Т. А. Ергольской.

1854 г. Октября 17—18. Кишинев.

Кишиневъ

Chère tante! 1854. 17 Октября.

Il y a des siècles que je ne vous ai écrit. Pourquoi ce silence? je ne saurai[s] vous dire, il y a eu plusieurs raisons. La plus grave, c'est que je n'avais pas de bonnes nouvelles, à vous donner sur mon compte. J'ai été sans argent pendant plus de 3 mois et c'est pour la première fois que j'ai éprouvé jusqu'à quel point cet état [est] désagréable; mais une fois que c'est passé je ne vous en parlerai plus. Je vous parlerai[s] de ce qu'il y a d'agréable dans ma position. I-mo nous sommes depuis près de 6 semaines[1] à Кишиневъ, une jolie ville de province très animée à cause de l'arrivée de l'état-major et surtout depuis quelques jours, à cause de l'arrivée des grands ducs Nicolas et Michel.[2] On y est très tranquillement, on [ne]pense qu'à s'amuser et au nouvelles qui nous arrivent de Crimée. Ces nouvelles sont consolantes depuis quelque tems. Aujourd'hui nous avons appris la nouvelle de la conquête de Liprandi,[3] qui a battu les Anglais, leur a pris 4 redoutes et 4 canons.[4] — J'ai eu un moment d'envie en apprenant cela, d'autant plus que de nom, je suis dans la 12 brigade qui a participé à ce combat, et qu'il y a une semaine j'ai été sur le point d'y partir. L'homme n'est jamais content en général et moi en particulier — pendant nos marches continuelles à l'etranger je ne pensais qu'au bonheur de me reposer à présent que j'ai touts mes aises, un bon logement, un piano, un bon diner, des occupations stables et de bonnes connaissances; je rêve de nouveau à la vie de camp et j'envie ceux qui la mènent. — Hier j'ai interrompu ma lettre pour aller à l'assemblée, où je me suis amusé à regarder danser les Grands Ducs. Ils ont l'air excessivement bons enfants et de très beaus garçons touts les deux. L'aide de camp de Liprandi est arrivé au bal et c'est là qu'il a raconté les *подробности* de l'affaire. Je ne sais pas si chez vous on s'occupe aussi vivement des affaires en Crimée; mais ici, les courriers qui arrivent de Sevastopol font époque; quand les nouvelles sont tristes tout le monde l'est. Hier, au contraire, on dirait que c'était le jour de nom de tous, au point que j'ai bu tout une bouteille de Champagne à souper et que je

suis revenu gris à la maison, ce qui ne m'est arriver il y a bien longtems. Je suis très occupé depuis quelques tems à une entreprise, que ne vous raconterai que quand elle aura réussi et à laquelle je travaille avec beaucoup de plaisir, car c'est une chose, vraiment utile, c'etait aussi une des raison de mon silence.[5] — Il faut que j'écrive à Valérien; mais je sens que je n'en aurai'[s] pas le tems avec cette poste; ayez donc la bonté, chère tante, de lui dire de ma part, que je le remercie beaucoup pour la vente de la maison (J'avais cessé d'espérer de la vendre si bien)[6] et pour l'envoie de l'argent, destiné pour l'achat des chevaux et déjà dépensé à cet usage.Mais que cet envoi ne change rien dans mes dispositions précédentes c. à d. de recevoir 600 r. par an,— à compter du mois de septembre. — Et que comme j'ai déjà reçu 150 r. je le prie de m'envoyer, et plus vite, encore 150. То есть, то что я себе положил до Января. Мнѣ нужны деньги теперь потому что я заплатилъ долги, а въ Январѣ получу жалованье. Adieu, chère tante, je baise vos mains, et vous prie de m'excuser cette petite et безтолкова[я] lettre. — Je prie encore Valérien de me faire acheter à Moscou à comte des 150 r. que je demande.

Артиллерійскую каску съ 12 №
. . . . . полусаблю
и . . . . . пару эполетъ съ 12 №
Каска чтобы была самая маленькая.

Дорогая тетенька!

Целый век вам не писал, а почему, и сам не знаю, было несколько причин. Главная та, что ничего хорошего я не мог вам сказать о себе. Три месяца я был без денег, и в первый раз мне пришлось испытать, до чего это положение неприятно; говорить об этом не буду, это дело прошлое. Лучше расскажу вам о более для меня приятном. Во 1-х, мы в Кишеневе уже скоро 6 недель;[1] город провинциальный, красивый, очень оживленный по случаю приезда главного штаба и особенно за последние дни, по случаю приезда великих князей Николая и Михаила.[2] Жизнь протекает спокойно, в удовольствиях и в ожидании известий из Крыма. С некоторого времени вести утешительные. Сегодня мы узнали о победе Липранди;[3] он побил англичан, овладел 4 редутами и взял 4 пушки.[4] — Известие это вызвало во мне чувство зависти; ведь я приписан к 12 бригаде, которая участвовала в бою, и неделю тому назад я чуть было не уехал туда. Люди, вообще, никогда не довольны своей судьбой, я же — в особенности; в беспрерывном походе за границей я только и мечтал о счастье отдыха; теперь же я пользуюсь всеми удобствами жизни, имею хорошую квартиру,

фортепиано, вкусный обед, установившиеся занятия и приятных знакомых, и я опять мечтаю о походной жизни и завидую тем, кто там. — Вчера я прервал письмо, поехал в собрание; смотрел как танцовали великие князья. На вид они кажутся добрыми малыми и оба очень красивы. На бал приехал адъютант Липранди, и там он рассказывал* *подробности** дела. Не знаю, с таким ли горячим интересом у вас относятся к происходящему в Крыму; здесь же приезд курьера из Севастополя составляет эпоху в жизни, и когда вести печальные — то всеобщее горе. Зато вчера все выглядели именинниками; я сам выпил за ужином целую бутылку шампанского и домой вернулся выпивши, чего со мной уже очень давно не было. С некоторого времени я занят одним начинанием, о котором я вам расскажу, только ежели оно удастся; работаю я с большим удовольствием, потому что это вещь действительно полезная. Это тоже одна из причин моего долгого молчания.[5] — Мне нужно написать Валерьяну, но чувствую, что не успею с этой почтой. Так будьте добры, дорогая тетенька, передайте ему от меня, что я благодарю его за продажу дома (я было потерял всякую надежду на такую удачную продажу)[6] и за присылку денег, предназначенных на покупку лошадей и так и истраченных. Но эта присылка не изменяет моего предыдущего распоряжения о том, чтобы я получал 600 р. в год, начиная с сентября месяца. — И так как я уже получил 150 р., то прошу его как можно скорее выслать еще 150 р.* То есть, то что я себѣ положилъ до Января. Мнѣ нужны деньги теперь потому что я заплатилъ долги, а в Январѣ получу жалованье*. Прощайте, дорогая тетенька, целую ваши ручки и прошу извинить меня за это короткое и* безтолковое* письмо .— Еще прошу Валерьяна велеть мне купить в Москве в счет упомянутых 150 р.:

* Артиллерійскую каску с 12 №
. . . . . полусаблю
и . . . . . пару эполетъ с 12 №
*Каска чтобы была самая маленькая.**

Печатается по автографу, хранящемуся в АТБ. Публикуется впервые. Датируется двумя днями на основании слов: «Вчера я прервал письмо, поехал в собрание».

[1] Толстой выехал из Бухареста по направлению к русской границе 19 июля и 9 сентября приехал в Кишинев.

[2] В. к. Николай Николаевич Старший (1831—1891), третий сын Николая I, и в. к. Михаил Николаевич (1832—1909), четвертый сын Николая I, 27 сентября 1854 г. были командированы в распоряжение командующего 3, 4 и 5 пехотными корпусами кн. Мих. Дм. Горчакова и 6 октября прибыли в Кишинев.

[3] Павел Петрович Липранди (1796—1864) принимал участие в походах 1813—1814 гг., в войне с Турцией 1828—1829 гг., в польской кампании 1830—1831 гг., причем участвовал при штурме варшавских укреплений; в 1842—1848 гг. командовал л.-гв. Семеновским полком, в 1848 г. начальник штаба гренадерского корпуса. В 1853—1854 гг. командовал отрядом в Валахии, а затем был переведен в Крым. До конца

войны 1853—1856 гг. оставался при Крымской армии, принимал участие во всех больших сражениях, а по окончании войны командовал корпусом.

[4] Речь идет о сражении при Балаклаве 13 октября. Войсками Чоргунского отряда под начальством ген.-лейт. П. П. Липранди были взяты 4 редута и 11 (а не 4, как пишет Толстой) орудий.

[5] Речь идет о военном журнале, о чем см. прим. 6 к п. № 90.

[6] Дом этот, выстроенный дедом (по матери) Толстого кн. Н. С. Волконским и отцом, был трехэтажный; по словам Толстого в нем было 42 комнаты. Дом был продан за 5000 р. ассигнациями на сруб помещику Горохову, который поставил его в своем имении Долгое, Крапивенского уезда в 17 в. от Ясной поляны. Толстой всегда с болью вспоминал о продаже дома. 4 декабря 1897 г. он ездил в Долгое, желая взглянуть на тот дом, в котором родился, провел детство и первую молодость. 6 декабря Толстой записал в дневнике: «4-го ездил в Долгое. Очень умиленное впечатление от развалившегося дома. — Рой воспоминаний». В настоящее время этот дом уже не существует. В 1911 г. он был продан местным крестьянам, а в 1913 г. по постановлению сельского схода был разобран на дрова и кирпич и разделен по дворам. Ни письма Толстого к гр. Валер. Петр. Толстому, с просьбой продать дом в Ясной поляне, ни письма гр. В. П. Толстого, извещавшего об этой продаже, не сохранилось. Вырученные от продажи дома деньги Толстой хотел употребить на создание журнала, но журнал не был разрешен, а деньги эти Толстой проиграл в карты. См. прим. к пп. № 95, 96, 97.

На это письмо Т. А. Ергольская отвечала 3 декабря 1854 г. письмом, в котором между прочим писала:

«Ты уже слышал от Валерьяна и Машеньки, что они познакомились с Тургеневым, который в восхищении от твоего последнего сочинения; он говорит, что оно наделало шума во всем Петербурге, что расхваливают тебя на все лады, и что литераторы предсказывают тебе блестящее будущее. Я иного и не ждала, потому что бог наградил тебя драгоценными дарами, и от тебя самого зависит ими хорошо воспользоваться; примени их хорошо, и ты будешь счастлив; молюсь об этом и о том, чтобы сохранилась твоя привязанность ко мне». (Оригинал по-французски; публикуется впервые, подлинник в АТБ.)

О знакомстве *И. С. Тургенева* с гр. М. Н. Толстой см. прим. 6 к п. № 92.

* 90. Гр. С. Н. Толстому.

1854 г. Ноября 29. Эски-Орда.

29 Ноября.

Любезный другъ Сережа!

Я Богъ знаетъ, какъ виноватъ передъ всѣми вами съ самаго моего отъѣзда, и отъ чего это случилось, самъ не знаю; то разсѣянная жизнь, то скверное положеніе и расположеніе, то война,

то кто-нибудь помѣшаетъ и т. д. и т. д. Главная же причина— разсѣянная и обильная впечатлѣніями жизнь. Столько я переузналъ, переиспыталъ, перечувствовалъ въ этотъ годъ, что рѣшительно не знаешь съ чего начать описывать, да и съумѣешь ли описать, какъ хочется. Вѣдь, я тетинькѣ написалъ про Силистрію,[1] а тебѣ и Николинькѣ я не напишу такъ, — я бъ хотѣлъ вамъ передать такъ, чтобы вы меня поняли, какъ я хочу. Теперь Силистрія старая пѣсня, теперь Севастополь, про который, я думаю, и вы читаете съ замираніемъ сердца, и въ которомъ я былъ 4 дня тому назадъ.[2] Ну, какъ тебѣ разсказать все, что я тамъ видѣлъ и гдѣ я былъ и что дѣлалъ, и что говорятъ плѣнные и раненные Французы и Англичане и *больно-ли имъ и очень-ли больно имъ*, и какіе герои наши моряки и наши солдаты и какіе герои наши враги, особенно Англичане. Разсказывать это все будемъ въ Ясной послѣ или Пироговѣ; а про многое ты отъ меня же узнаешь въ печати. Какимъ это образомъ, разскажу послѣ, теперь же дамъ тебѣ понятіе о томъ, въ какомъ положеніи наши дѣла въ Севастополѣ. Городъ осажденъ съ одной стороны, съ южной, на которой у насъ не было никакихъ укрѣпленій, когда непріятель подошелъ къ нему. Теперь у насъ на этой сторонѣ больше 500 орудій огромнаго калибра и нѣсколько рядовъ земляныхъ укрѣпленій, рѣшительно неприступныхъ. Я провелъ недѣлю въ крѣпости и до послѣдняго дня блудилъ, какъ въ лѣсу, между этими лабиринтами батарей. Непріятель уже болѣе 3-хъ недѣль подошелъ въ одномъ мѣстѣ на 80 саженъ и нейдетъ впередъ; при малѣйшемъ движеніи его впередъ, его засыпаютъ градомъ снарядовъ. Духъ въ войскахъ свыше всякаго описанія. Въ времена древней Греціи не было столько геройства. Корниловъ,[3] объѣзжая войска вмѣсто: «здорово ребята!», говорилъ: «нужно умирать, ребята, умрете?» и войска кричали: «умремъ, В[аше] П[ревосходительство.], Ура!» И это былъ не эфектъ, а на лицѣ каждаго видно было, что не шутя, а *взаправду*, и ужъ 22000 исполнили это обѣщаніе. —

Раненный солдатъ, почти умирающій, разсказывалъ мнѣ, какъ они брали 24-го франц [узскую] батарею и ихъ не подкрѣпили; онъ плакалъ навзрыдъ. Рота моряковъ чуть не взбунтовалась за то, что ихъ хотѣли смѣнить съ батареи, на которой они простояли 30 дней подъ бомбами. Солдаты вырываютъ трубки изъ бомбъ. Женщины носятъ воду на бастіоны для сол-

датъ. Многія убиты и ранены. Священники съ крестами ходятъ на бастіоны и подъ огнемъ читаютъ молитвы. Въ одной бригадѣ, 24[4] было 160 человѣкъ, которые раненные не вышли изъ фронта. Чудное время! Теперь, впрочемъ, послѣ 24 умы поуспокоились, — въ Севастополѣ стало прекрасно. Непріятель почти не стрѣляетъ, и всѣ убѣждены, что онъ не возьметъ города, и это дѣйствительно невозможно. Есть 3 предположенія: или онъ пойдетъ на приступъ, или занимаетъ насъ фальшивыми работами, чтобы прикрыть отступленіе, или укрѣпляется, чтобы зимовать. Первое менѣе, а второе болѣе всего вѣроятно. Мнѣ не удалось ни одного раза быть въ дѣлѣ; но я благодарю Бога за то, что я видѣлъ этихъ людей и живу въ это славное время. Бомбардированье 5-го числа останется самымъ блестящимъ славнымъ подвигомъ не только въ Русской, но во всемірной Исторіи. Болѣе 1500 орудій два дня дѣйствовали по городу и не только не заставили сдаться его, но не заставили замолчать и $\frac{1}{20}$й нашихъ батарей.[5] Ежели, какъ мнѣ кажется, въ Россіи невыгодно смотрятъ на эту кампанію, то потомство поставитъ ее выше всѣхъ другихъ; не забудь, что мы съ равными, даже меньшими силами, съ одними штыками и съ худшими войсками въ Русской арміи (какъ 6-й корпусъ), деремся съ непріятелемъ многочисленнѣйшимъ, имѣющимъ еще флотъ, вооруженный 3,000 орудій, отлично вооруженный штуцерами и съ лучшими его войсками. Ужъ я не говорю о преимуществѣ его генераловъ. Только наше войско можетъ стоять и побѣждать (мы еще побѣдимъ, въ этомъ я убѣжденъ) при такихъ условіяхъ. — Надо видѣть плѣнныхъ Французовъ и Англичанъ (особенно послѣднихъ): это молодецъ къ молодцу, именно морально и физически, *народъ бравый*. Козаки говорятъ, что даже рубить жалко, и рядомъ съ ними надо видѣть нашего какого нибудь егеря: маленькій, вшивый, сморщенный какой-то.

Теперь разскажу, какимъ образомъ ты въ печати будешь отъ меня же узнавать о подвигахъ этихъ вшивыхъ и сморщенныхъ героевъ. Въ нашемъ артиллерійскомъ штабѣ, состоящемъ, какъ я, кажется, писалъ вамъ, изъ людей очень хорошихъ и порядочныхъ, родилась мысль издавать военный журналъ, съ цѣлью поддерживать хорошій духъ въ войскѣ, журналъ дешевый (по 3 р.) и популярный, чтобы его читали солдаты. Мы написали проэктъ журнала и представили его Князю. Ему очень понравилась эта мысль, и онъ представилъ проэктъ и пробный

листокъ, который мы тоже составили на разрѣшеніе Государя.[6] Деньги для[7] изданія авансируемъ я и Столыпинъ.[8] Я избранъ редакторомъ вмѣстѣ съ однимъ Г[осподи]номъ Константиновымъ,[9] который издавалъ Кавказъ и человѣкъ опытный въ этомъ дѣлѣ. Въ журналѣ будутъ помѣщаться описанія сраженій, не такія сухія и лживыя, какъ въ другихъ журналахъ. Подвиги храбрости, біографіи и некрологи хорошихъ людей и преимущественно изъ темненькихъ; военные разсказы, солдатскія пѣсни, популярныя статьи объ инженерномъ, артиллерійскомъ искуствѣ и т. д. Штука эта мнѣ очень нравится: во первыхъ я люблю эти занятія, а вовторыхъ, надѣюсь, что журналъ будетъ полезный и не совсѣмъ скверный. — Все это еще предположенія до тѣхъ поръ, пока не узнаемъ отвѣта Государя, а я, признаюсь, боюсь за него: въ пробномъ листкѣ, который посланъ въ Петербургъ, мы неосторожно помѣстили 2 статьи, одна моя, другая Ростовцева,[10] не совсѣмъ *православныя*. Для этой же штуки мнѣ и нужны 1,500 р., которые лежатъ въ Приказѣ и которые я просилъ Валерьяна прислать мнѣ. Такъ какъ я уже проболтался тебѣ объ этомъ, то передай и ему. Передай кстати Валерьяну, что я на дняхъ имѣлъ счастье представляться его бывшему Генералу,[11] что он [?] ужасно старъ, что несмотря на то, что онъ это скрываетъ, я убѣжденъ что [у] него песокъ изъ жопы сыпется, что подъ Алмой он велъ себя столько же храбро — сколько и глупо. Между прочимъ объ немъ очень спрашивалъ.

Я, слава Богу, здоровъ, живу весело и пріятно съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ пришелъ изъ-за границы. Вообще все мое пребываніе въ арміи раздѣляется на 2 періода, за границей скверный, — я былъ боленъ, и бѣденъ, и одинокъ, — въ границахъ пріятный: я здоровъ, имѣю хорошихъ пріятелей, но все-таки бѣденъ, — деньги такъ и лѣзутъ.

Писать не пишу, но за то *испытываю*, какъ меня дразнитъ тетинька. Одно безпокоитъ меня: я 4-й годъ живу безъ женскаго общества, я могу совсѣмъ загрубѣть и не быть способнымъ къ семейной жизни, которую я такъ люблю. Прощай же, Богъ знаетъ, когда мы увидимся, ежели вы съ Николинькой не вздумаете отъѣзжимъ полемъ завернуть какъ нибудь изъ Тамбова въ главную квартиру, а война, кажется, затянулась надолго. За Силистрію я, какъ и слѣдовало, не представленъ, а по линіи получилъ подпоручика, чему очень доволенъ, а то у меня

было слишкомъ старое отличіе для Прапорщика, — стыдно было.

Печатается по автографу, хранящемуся в ГТМ. Впервые отрывок из письма (почти полностью — без последнего абзаца) напечатан П. И. Бирюковым в Б, I, 1906, стр. 242—245: несколько больше напечатано П. А. Сергеенко в ПТС, I, стр. 42—45.

[1] Имеет в виду письмо № 88.

[2] С Дуная Толстой приехал 2 ноября 1854 г. в Одессу, а 7 ноября в Севастополь, где был прикомандирован к 3 легкой батарее 14-й артиллерийской бригады. 15 ноября Лев Николаевич выехал на позицию в 6 верстах от Симферополя, в деревню Эски-Орда.

[3] Владимир Алексеевич Корнилов (1806—1854), вице-адмирал, один из главных участников Севастопольской обороны, участник Наваринского сражения и Синопского боя. После открытия Крымской кампании Корнилов стал во главе обороны северной стороны Севастополя, но вскоре был переведен на защиту южной стороны к адмиралу П. В. Нахимову. В первый же день бомбардирования Севастополя, 5 октября 1854 г., на Малаховом кургане был смертельно ранен.

[4] Толстой имеет в виду т. н. Инкерманское сражение 24 октября, когда русские войска атаковали союзников при Инкермане. Главная атака была поручена генералу П. А. Даненбергу. Несмотря на превосходство сил русской армии (80000 против 70000 союзных войск), сражение было проиграно. Наши потери убитыми и ранеными были более 10000 человек.

[5] Результат первого бомбардирования Севастополя 5 октября так оценивается М. И. Богдановичем: «Несмотря однако же на успех действий английской артиллерии, цель бомбардирования, состоявшая в совершенном ослаблении обороны Севастополя, не была достигнута. Потери, понесенные англо-французами, были напрасны, и положение их после усиленного бомбардирования, 5 октября, сделалось затруднительнее прежнего. Доселе с нашей стороны как бы признавалось превосходство союзников в силах: наш флот, не смея искать встречи с неприятелем, скрывался в бухте, под защитою укреплений, которых сопротивление еще не было испытано, а русская армия, после сражения на Алме, также уклонялась от решительного боя. Но в день 5 октября русские, и прежде готовые пасть в защиту Севастополя, уверились на опыте в возможности успеха борьбы с сильным противником, а союзники были принуждены отказаться от надежды легкого торжества и приступить к медленному способу действий — формальной осаде Севастополя» (М. И. Богданович «Восточная война, 1853—1856 гг.», т. III, Спб., 1876, стр. 95—96).

[6] Мысль о журнале вышла из плана создать общество для содействия просвещению и образованию среди войск. План этот родился среди семи офицеров артиллерийского штаба южной армии: Толстого, капитана Алдр. Яковл. Фриде (1822—1894), капитана Арк. Дм. Столыпина, штабс-кап. Иосифа Карл. Комстадиуса (убит в Инкерманском сражении 24 октября 1854 г.); штабс-капитана Льва Федор. Балюзека (1822—1879), поручика Шубина и поручика Конст. Ник. Боборыкина (1829—1904). В дневн-

нике Толстого под 17 сентября 1854 г. записано, что его «сильно занимает» «план составления общества», а под 23 сентября — 5 октября записано: «план общества перешел в план журнала — для бо́льшей части из 7-ых, но не для меня и для Фриде. По случаю журнала я не еду и журнал подвигается слабо... Мне необходимо написать статью в пробный листок»; под 6—11 октября: «Журнал подвигается медленно».

В АТБ сохранился писанный рукою переписчика с поправками Толстого проект журнала «Солдатский вестник». Несомненно об этом проекте и писал Толстой. Журнал предполагалось издавать «при главной квартире войск 3, 4 и 5 пехотных корпусов, еженедельно по печатному листу, в формате in 4°». Проект журнала издателями был представлен главнокомандующему кн. М. Д. Горчакову, который 16 октября обратился к военному министру с просьбой доложить о журнале государю, а 21 октября, получив пробный номер журнала, послал и его на рассмотрение министру. К этому времени журнал еще назывался «Военный листок». Текст проекта см. в т. 4, о журнале же см. статью В. И. Срезневского «О военном журнале Л. Н. Толстого и его сотоварищей по армии» в кн. «Толстой 1850—1860. Материалы, статьи». Ред. В. И. Срезневского. Л. 1927 г.

[7] *Зачеркнуто:* начала.

[8] Аркадий Дмитриевич Столыпин (р. 25 декабря 1821 г., ум. 17 ноября 1899 г.) участвовал в Венгерской кампании в качестве офицера генерального штаба в партизанском отряде полковника Хрулева. В Восточную войну назначен адъютантом при начальнике артиллерии действовавшей за Дунаем армии. В Крыму состоял адъютантом начальника артиллерии Южной армии, а затем — начальника артиллерии Крымской армии. За оборону Севастополя получил золотое оружие. По окончании войны состоял при Оренбургском и Самарском ген.-губернаторе и был атаманом Уральского казачьего войска. В Русско-турецкую войну 1877—1878 гг. состоял в распоряжении главнокомандующего Дунайской армией, а затем был ген.-губернатором Румелии и Адрианопольского санджака. После войны командовал IX армейским, а затем гренадерским корпусом. С 1889 г. состоял членом Александровского комитета о раненых, а с 1892 г. был заведующим придворною частью в Москве. Столыпин занимался литературой, скульптурой и музыкой. Кроме его описания ночной вылазки в Севастополе, напечатанного при посредстве Толстого в «Современнике» 1855 г. № 7 (см. п. Толстого № 98), им составлена «История России для народного и солдатского чтения». Его мелкие статьи и воспоминания печатались в разное время в нескольких журналах и газетах за подписью «Ст...». На академической выставке в 1869 г. были выставлены две работы Столыпина. Сочинял Столыпин и музыкальные произведения.

В дневнике Толстого за 1854—1857 гг. очень много упоминаний о А. Д. Столыпине, с которым Лев Николаевич был весьма близок. Первым браком Столыпин был женат на Устиновой, вторым — на четвероюродной сестре Толстого, дочери главнокомандующего кн. М. Д. Горчакова кж. Наталье Михайловне Горчаковой (1827—1889). Премьер-министр в 1906—1911 гг. П. А. Столыпин (1864—1911)— их сын.

[9] Осип Ильич Константинов (р. в 1813 г., ум. 3 мая 1856 г.) по окончании Первого кадетского корпуса служил в артиллерии; в 1840—1849 гг.

состоял при главнокомандующем на Кавказе кн. М. С. Воронцове, будучи в 1846—1849 гг. первым редактором еженедельной газеты «Кавказ»; в 1850—1854 гг. состоял при военном министре; во время Восточной войны 1853—1856 гг. состоял при кн. М. Д. Горчакове.

[10] Граф (с 23 апреля 1861 г.) Николай Яковлевич Ростовцев (1831—1897), старший сын известного деятеля по освобождению крестьян Я. И. Ростовцева, в 1854—1855 гг. обер-офицер артиллерии Южной армии. За знакомство с Герценом 5 июня 1862 г. Ростовцев, в то время офицер генерального штаба, флигель-адъютант, был уволен со службы. Впоследствии принятый снова на службу был военным губернатором и командующим войсками Самаркандской области. Толстой в 1890 г. в разговоре с Ю. О. Якубовским вспоминал Ростовцева: «Это был один из самых блестящих офицеров русской армии. Мы были тогда очень дружны с ним. С ним же мы задумали и хлопотали об издании журнала для солдат. Ростовцев выработал программу и представил ее на разрешение, но, понятно, журнал не разрешили, и остались одни только добрые намерения». («Толстовский ежегодник», 1913, стр. 23, вторая пагинация.)

Пробный номер журнала, посланный в Петербург, до сих пор не найден в архивных фондах б. военного министерства, а потому «не совсем православные статьи» Толстого и Ростовцева остаются неизвестными.

[11] Возможно, что речь идет о гр. Дм. Ероф. Остен-Сакене (1789—1881), о котором см. прим. 3 к п. № 98.

91. Н. А. Некрасову.

1854 г. Декабря 19. Эски-Орда.

Милостивый Государь

Николай Алексѣевичъ.

Или мои или ваши письма или тѣ и другія — не доходятъ — иначе я не могу объяснить себѣ вашего 6-ти мѣсячного молчанія; а между тѣмъ мнѣ бы очень многое было интересно знать отъ васъ. Современника тоже съ Августа я не получаю.[1] —

Напечатаны-ли и когда будутъ напечатаны *Разсказъ маркера*[2] и *Отрочество* [3] и почему не получаю я Современника? увѣдомьте меня пожалуйста объ этомъ и письмомъ страховымъ, чтобы это было вѣрнѣе.[4]

Адресъ мой все тотъ-же: въ Кишеневъ, въ главный штабъ Южной арміи. Мнѣ особенно хотѣлось бы теперь успокоиться на счетъ этихъ 2-хъ вещей — т. е. прочесть ихъ въ печати и забыть — для того, чтобы заняться отдѣлкой новыхъ вещей, которыя надѣюсь помѣстить въ нашемъ журналѣ, и для которыхъ у меня матерьяловъ гибель. Матерьяловъ современнаго,

военнаго содержанія, набранныхъ и приготовленныхъ не для вашего Журнала, но для Солдатскаго Листка, о попыткѣ основанія котораго при Южной Арміи вы слышали можетъ быть въ Петербургѣ. На проэктъ мой Государь Императоръ всемилостивѣйше изволилъ разрѣшить печатать статьи наши въ Инвалидѣ![5] Въ ожиданіи скораго отвѣта вашего, съ совершеннымъ уваженіемъ имѣю честь быть,

вашъ покорнѣйшій слуга
Гр. Л. Толстой.

19 декабря 1854 г.

Печатается по автографу, хранящемуся в ЛБ. Впервые напечатано Н. С. Ашукиным в АК, 1916, стр. 201—202.

[1] В ответ на это Некрасов писал 17 января 1855 г.: «Мне ужасно неприятно, что моих писем вы не получаете, хотя я и пишу и писал, сколько было нужно, а именно, после вашего отъезда из Тулы писал я вам 1) в Бухарест: а) с посылкою записок Маркера, б) с уведомлением о получении «Отрочества» и моими о нем мнениями или лучше сказать,— похвалами. 2) В действующую армию — по адресу вами назначенному — опять несколько слов об «Отрочестве» при посылке вам двух №№ «Современника» с вашими рассказами; 3) в Кишинев по адресу, который достал мне Тургенев от ваших родных в Орловской губернии. В последнем письме я уведомлял вас о напечатании «Отрочества» и желал иметь от вас ответ, чтоб послать вам деньги... Отчего мои письма к вам не попадают — не знаю. Что касается ваших, то я до вчерашнего дня не получал их после того, как вы писали мне о высылке вам 2-х №№ «Современника», что тогда же исполнено (не знаю, получили ли вы эти книги, — а что касается до Современн. 1854 г., то адрес ваш был сдан почтамту в Бухарест, и если вы не послали известия о перемене его в нашу контору или не сделали на месте, откуда выехали, распоряжения, то неудивительно, что вы его не получаете). Всё это мне досадно не менее вашего, потому что я заинтересован вашим талантом, как журналист — умалчиваю о прочем, — не желал бы навлекать на «Современник» ваше неудовольствие...» (Альманах «Круг», кн. шестая, М. 1927, стр. 192—193.)

Отъезд из Тулы — отъезд Толстого из Москвы в дунайскую армию во второй половине февраля 1854 г. *Письмо Некрасова с посылкою «Записок маркера»* (ответ на письмо Толстого от 17 сентября 1853 г. № 80) до Толстого не дошло и, вероятно, вообще пропало. *Письмо Некрасова с уведомлением о получении «Отрочества»* (ответ на недошедшее до нас письмо от 27 апреля 1854 г.), нам неизвестное, вероятно, то, о получении которого записано в дневнике Толстого под 24 августа 1854 г.: «Получил лестное об «Отрочестве» письмо от Некрасова, которое, как и всегда, подняло мой дух и поощрило к продолжению занятий». *Письмо Некрасова в действующую армию по адресу, вами назначенному*—письмо от 10 июля 1854 г., напечатанное в альманахе «Круг», кн. шестая, М. 1827, стр. 189—190.

Письмо Некрасова в Кишинев — письмо от 2 ноября 1854 г. (напечатанное там же, стр. 190—191). *Письмо Толстого* с просьбой о высылке ему 2-х номеров «Современника» — вероятно, неизвестное нам письмо от 27 апреля 1854 г.

[2] «Рассказ маркера», т. е. «Записки маркера» были напечатаны в «Современнике» 1855, № 1.

[3] Рукопись «Отрочества» Толстой послал Некрасову из Бухареста 27 апреля с неизвестным нам письмом. Получив рукопись и письмо, Некрасов писал Толстому, но письмо это дошло до Толстого только 24 августа, о чем есть запись в дневнике. Письмо это нам также неизвестно. Снова писал Некрасову Толстой 23 июня (из Бухареста), но и это письмо неизвестно. 10 июля 1854 г. Некрасов писал Толстому об «Отрочестве»: «Если я скажу, что не могу прибрать выражения, как достаточно похвалить вашу последнюю вещь, то, кажется, это будет самое верное, что я могу сказать, да и не совсем ловко говорить в письме и вам больше. Перо, подобно языку, имеет свойства застенчивости — это я понял в сию минуту, потому что никак не умею, хоть и попутное, сказать кое-что из всего, что думаю, выберу только, что талант автора «Отрочества» самобытен и симпатичен в высшей степени, и что такие вещи, как описание летней дороги и грозы или сидение в каземате, и многое, многое дадут этому рассказу долгую жизнь в нашей литературе. Я напечатаю «Отрочество» в IX или X кн. «Современника». Не знаю, получите ли вы его — но он вам в Бухарест высылался». (Там же, стр. 189—190.)

«Отрочество» было напечатано в X (октябрьской) книжке «Современника] за 1854 г. с подписью: «Л. Н. Т.» *Не знаю, получите ли вы его* [«Современник»] *— но он вам в Бухарест высылался»*. Толстой получил сколько-то номеров за 1854 г. «Современника» 11 июля, о чем есть запись в дневнике.

2 ноября Некрасов писал Толстому: «Видно уж такова судьба ваша, что и «Отрочество» в печати подверглось значительным и обидным урезываниям. Случилось несколько цензурных историй, выговоров — и на цензора нашего, как и на других, напал панический страх, вследствие которого он вымарал более, чем бы следовало. Само собою разумеется, что были употреблены все старания, чтобы отстоять что можно; к счастью, как вы заметите, лучшие вещи все уцелели в неиспорченном виде. — Вещь эта произвела в читающем мире то, что называется *эффект*, а что касается литераторов, разумеется, смыслящих, то они сознаются, что очень давно ничего подобного не было в русской литературе. В самом деле, хорошая вещь». (Там же, стр. 190—191.)

О цензурных историях, о которых пишет Некрасов, имеются сведения в дневнике А. В. Никитенки под 26 сентября: «В «Москвитянине», кажется, в июньской книжке, напечатана повесть Лихачева: «Мечтатель». В ней места 3—4 действительно лучше было бы не пропускать, во избежание худшего зла, но цензора Похвистнев и Ржевской пропустили их. Министр велел подать им в отставку. Сколько ни убеждал я, чтобы с ними было поступлено не так строго, министр на этот раз остался при своем решении. К сожалению, это подаст повод злейшим цензорам быть еще неукротимее в своих запрещениях». (А. В. Никитенко. «Записки и дневник», Спб.,

1905, т. I, стр. 436). *Цензором* «Современника», в общем довольно мягким, был Владимир Николаевич Бекетов (р. 1809), казанский помещик, родственник попечителя в 1845—1856 гг. Петербургского учебного округа М. Н. Мусина-Пушкина.

[4] В ответ Некрасов писал 17 января 1865 г.: «Ваше «Отрочество» вышло в свет в октябре 1854 г. (Его изрядно общипала цензура, вымарав многое из первых проявлений любви в отроке и кое-что там, где рассказчик говорит об отце) и произвело то, что называется эфектом, т. е. некоторый говор в Петербурге. Что касается до литературного круга, то все порядочные люди единогласно находили эту вещь исполненною поэзии, оригинальною и художественно-выполненною. Так как пишу вам об вашем «Отрочестве» уже в 3-й раз, то вы извините меня за угловатость этих фраз, да я же и вечно тороплюсь — вот и теперь мне помешали дописать письмо. Мои приятели Тургенев и Анненков в восторге от этого произведения в таком же, как и я. (Это приписано через час.)

В 1 № Совр. на 1855 год поместил я ваш рассказ «Записки маркера», в котором, кажется, я ошибался, в 1-м чтении он мне не понравился, о чем я вам и писал, но, прочитав его недавно, спустя почти год, я нашел, что он очень хорош и в том виде, как написан — по крайней мере был хорош в рукописи, потому что в печати и его-таки оборвали — впрочем, существенного ничего не тронуто. Надо еще заметить, что наш ценсор — самый лучший. Что скажут об «Зап. марк.» я вам напишу — впрочем едва ли я. Корреспонденцию свою по журналу передаю я Тургеневу (который, мимоходом вам сказать, очень любит ваш талант — мы об вас очень много болтали), ибо сам имею надежду в феврале уехать за границу (я болен — и безнадежно), впрочем ваш ответ вероятно меня еще здесь застанет. Но вы адресуйте на имя Тургенева Ивана Сергеевича, в редакцию Современника, или на имя Панаева И. Ив.— впрочем Тургенев займет мою роль в редакции Современника — по крайней мере до той поры, пока это ему не надоест — и сноситься с ним вам будет прямее». (Там же, стр. 193—194.)

Под *описанием в «Отрочестве» первых проявлений любви в отроке* Некрасов разумеет VI («Маша») и XVIII («Девичья») главы, целиком исключенные цензурой в «Современнике». *Кое-что там, где рассказчик говорит об отце* — исключение отдельных мест из главы XXII («Папа»). Некрасов умалчивает о ряде других исключений, сделанных цензурой. *О Павле Вас. Анненкове* см. том 60. План Некрасова *уехать за границу* в 1855 г. не осуществился. Об *Ив. Ив. Панаеве* см. прим. к п. № 101.

[5] В ответ на просьбу о журнале кн. М. Д. Горчакова (см. прим. 3 к п. № 84) военный министр писал 7 ноября: «Его величество, отдавая полную справедливость благонамеренной цели, с каковой предположено было издавать сказанный журнал, изволил признать неудобным разрешить издание оного, так как все статьи, касающиеся военных действий наших войск, предварительно помещения оных в журнале и газетах первоначально печатаются в газете «Русский инвалид» и из оной уже заимствуются в другие периодические издания». Вместе с тем Николай I разрешил инициаторам журнала присылать свои статьи в «Русский инвалид» (военно-политическую газету), на что они имели право и без этого разрешения.

Некрасов в ответ писал Толстому 17 января 1855 г.: «Пришлите нам ваши *солдатские рассказы* — мы их напечатаем в Современнике, зачем вам их совать в Инвалид? Печатать их в нашем журнале *можно*, разумеется, если они пройдут гражданскую и военную цензуру. Да пишите побольше — нас всех очень интересует ваш талант, которого у вас много. Кстати в 1 № Современника напечатал я статью Анненкова по поводу последних произведений Тургенева и Л. Н. Т. — в ней вы найдете несколько дельных замечаний о себе — она высказывает несколько мыслей, на которые наводят ваши произведения. — 10№ Современника, где «Отрочество», и 1-й, где «Зап[иски] М[аркера]» велю я завтра же отослать по легкой почте в виде посылки, и они придут вместе с этим письмом. Дальнейшие будут посылаться в Кишинев обыкновенным порядком, впредь до вашего распоряжения, которое адресуйте в контору. — Деньги тоже на-днях отошлю к вам, послал бы при этом письме, да не знаю, не сделал ли уже этого Тургенев — Пожалуйста пришлите нам вашу повесть или рассказ. Желаю вам всего лучшего, что только можно достать в Кишиневе». (Альманах «Круг», книга шестая, М. А. 1927, стр. 194.)

1855

* 92. Т. А. Ергольской

1855 г. Января 6. Симферополь.

6 Janvier.

Chère et excellente tante!

Je sais que vous ne pouvez au fond du coeur douter de l'amour que je vous porte et que malgré toutes les circonstance je ne cesserai d'avoir pour vous, je sais que ce n'est que le chagrin qui vous fait dire des paroles aussi crueles comme si vous doutiez de mon amour, qui au lieu de diminuer — plus je suis séparé de vous, plus j'avance en âge augmente de jour en jour. Votre lettre du 23 Octobre, que j'ai reçu le 3 Janvier m'a fait beaucoup de peine. — Je vous[ai] écrit pendant l'été passé plus de 5 lettres, dont comme je vois, la moitié ne vous est pas parvenu. Au nom du Ciel, chère tante n'expliquez jamais mon silence par l'indifférence; vous savez mieux que personne qu'elle m'est impossible vous savez que la plus grande affection que j'ai au coeur est et sera toujours celle que je vous porte, ne me blessez donc pas en disant que vous en doutez que vos *lettres ne me font probablement pas de plaisir.* Je vous ai dit et je répete du fond de mon coeur (je vous vénère trop pour gâter le sentiment que je vous porte par un mensonge) que vos lettres ne me font pas du plaisir, mais qu'elles me font un bien immense, que je deviens tout autre, je deviens meilleur après avoir reçu une de vos lettres, que je les relis 80 fois, que je suis si heureux quand je les reçois, que je ne puis rester en plaçe que je voudrais les lire à tout le monde que si je m'étais laissé entrainé à quelque chose de mauvais je m'arrête je fais de nouvaux plans pour devenir meilleur. Au nom du Ciel chère tante, une fois pour toutes, expliquez vous mon silence ou bien par l'inexactitude de la poste (qui est extrême

dans ce tems) ou bien par des raisons que je ne voudrais pas en vain vous donner des inquiétudes sur mon compte, et ne me punissez pas par votre silence. —

Je n'ai pas pris part aux deux sanglantes et malheureuses batailles, qui ont eu lieu en Crimée, [1] mais j'ai été à Sévastopol tout de suite après celle du 24 et j'y ai passé un mois.[2] — On ne se bat plus en rase campagne à cause de l'hiver, qui est extraordinairement rigoureux surtout à présent, mais le siège dure toujours. Quelle sera l'issue de cette campagne Dieu seul le sait; mais dans tous les cas la campagne de Crimée de manière ou d'autre doit finir dans trois on quatre mois. Mais helas! la fin de la campagne de Crimée ne veut pas dire la fin de la guerre, il parait au contraire qu'elle durera bien longtems. J'avais parlé dans mes lettres à Serge [3] et à Valérien [4] je crois d'une occupation que j'avais en vue et qui me souriait beaucoup, à présent que la chose est décidée je puis la dire. J'avais l'idée de fonder un Journal militaire. Ce projet auquel j'ai travaillé avec le concours de beaucoup de gens très distingués fut aprouvé par le Prince et envoyé à la décision de sa Majesté; mais comme chez nous on intrigue contre tout, il s'est trouvé des gens qui craignirent la concurance de ce Journal et puis peut être que L'idée de ce Journal n'était pas dans les vues du gouvernement, L'empereur a refusé.

Cette déconfiture je vous avoue m'a fait une peine infinie et a beaucoup changé mes plans. Si Dieu donne, que la campagne de Crimée finit bientôt et si je ne reçois une place dont je suis content, et qu'il n'y ait pas de guerre en Russie, je quitterai l'armée pour aller à Pétersbourg à l'academie militaire. [5] Ce plan m'est venu 1° parceque je voudrais ne pas abandonner la litérature dont il m'est impossible de m'occuper dans cette vie de camp et 2° parcequ'il me parait que je commence à devenir ambitieux — pas ambitieux, mais je voudrais faire du bien et pour le faire il faut être plus qu'un подпоручикъ, et 3° parceque je vous verrais tous et tous mes amis. Nicolas m'écrit que Tourguénieff a fait la connaissance de Marie [6] je suis enchanté de cela, si vous le voyez chez eux dites à Varinka que je la charge de l'embrasser de ma part et de lui dire que quoique je ne le connais que par ses ecrits j'aurais eu une quantité de choses à lui dire.—

Adieu chère tante comme toujours pour le nouvel an avec lequel je vous félicite de tout mon coeur, je fais une quantité de plans, entre autre celui de vous revoir dans 5 ou 6 mois est sans

doute celui qui me sourit le plus. Je ne sais ce que m'arrivera cette année, mais j'ai commencé la nouvelle année sous d'heureux auspices, je me porte comme le pont neuf, je suis de bonne humeur j'ai reçu des lettres de vous et des frères... Vous savez que je suis un peu superstitieux et j'espère j'attends presque à tout moment quelque chose d'heureux pour moi. Mais comme le bonheur ne peut pas m'arriver sans vous j'attends à vous revoir bientôt.

На конверте:

Ея Высокоблагородію Татьянѣ Александровнѣ *Ергольской*.
Въ г. Тулу. Въ сельцо Ясныя Поляны.

6 января.

Дорогая и чудесная тетенька!

Я знаю, что в глубине души вы не можете сомневаться в моей любви и в том, что она не изменится ни при каких обстоятельствах, и что огорчением вызваны ваши жестокие слова о том, что вы сомневаетесь в моей любви, которая и в разлуке не ослабла и растет с годами день ото дня. Ваше письмо от 23 октября, которое я получил 3 января, меня очень опечалило. —

За прошлое лето я написал вам более 5 писем, из них половина, как я вижу, не дошла. Ради бога, дорогая тетенька, никогда не объясняйте равнодушием мое молчание; вы лучше всех знаете, что это не так; что сильнее привязанности у меня нет и не будет в жизни; так не обижайте меня, говоря, что в ней сомневаетесь и что, *вероятно, ваши письма не доставляют мне удовольствия.* Я говорил и повторяю от глубины души (я слишком почитаю вас, чтобы осквернить свои чувства к вам неправдою), что ваши письма не удовольствие доставляют мне, но что они для меня огромное благо, что я делаюсь совсем другим, делаюсь лучше, получив одно из ваших писем, что я перечитываю 80 раз, счастлив так, что не могу усидеть на месте, хочется всем их прочесть, что ежели я вступил на дурной путь, я останавливаюсь и начинаю вырабатывать правила, чтоб исправиться. Ради бога, дорогая тетенька, раз навсегда, объясняйте мое молчание или неаккуратностью почты (которая черезмерна в это время) или тем, что понапрасно не хочу вас волновать. А меня не наказывайте своим молчанием. —

Я не участвовал в двух кровопролитных и несчастных сражениях, в Крыму, [1] но я прибыл в Севастополь тотчас после того, которое произошло 24-го и прожил там месяц.[2] — Боев в открытом поле не происходит теперь из-за зимнего времени, а зима стоит суровая, осада же продолжается. Каков будет исход кампании, одному богу известно; как бы то ни было, так или иначе, Крымская война должна окончиться месяца через три или четыре. Но увы! окончание Крымской кампании не значит конец войны; похоже, что она затянется надолго. — Кажется, я упоминал в письме к Сереже [3] и Валерьяну [4] об одном занятии, которое меня привлекало; теперь это дело решенное, и я могу о нем говорить. Я задумал основать

военный журнал. Проект этот я выработал в сотрудничестве многих выдающихся людей, он был одобрен князем и послан на усмотрение его величества; но так как у нас всюду интрига, нашлись люди, которые опасались конкуренции этого журнала, да кроме того, может быть, и направление его было не во взглядах правительства. Государь отказал.

Эта неудача, сознаюсь, меня огорчила ужасно и изменила мои планы. Ежели, бог даст, скоро кончится Крымская кампания, ежели я не получу места, которым я был бы доволен, ежели не будет войны в России, я уеду из армии в Петербург и поступлю в военную академию. [5] Мне пришло это в голову, во-первых, потому что я не хочу бросать литературы, которою невозможно заниматься в условиях походной жизни, во-вторых, потому что я, кажется, становлюсь честолюбив, т. е. не честолюбив, я хочу приносить пользу, а для этого надо быть чем-нибудь больше, чем подпоручик, а в-третьих, потому что я вас всех увижу и также всех своих друзей. Николенька мне пишет, что Тургенев познакомился с Машенькой; [6] я в восторге от этого; ежели вы встретитесь с ним у них, скажите Вареньке, что поручаю ей поцеловать его от меня и сказать ему, что, хотя я знаком с ним только по его сочинениям, я многое бы хотел ему сказать. —

Прощайте, дорогая тетенька; как всегда бывает на новый год (с которым я вас сердечно поздравляю), я строю пропасть планов и между ними тот, что я увижусь с вами месяцев через 5 или 6, мне приятнее всего. Не знаю, что со мной будет в этом году, но я вступил в него с хорошими предзнаменованиями — я вполне здоров, я в отличном расположении духа, я получил письма от вас и от братьев... Вы знаете, что я слегка суеверен, и я надеюсь, почти ожидаю, что вот-вот со мной случится что-нибудь хорошее. Но так как я не могу быть счастлив без вас, я надеюсь с вами скоро увидеться. —

Печатается по автографу, хранящемуся в АТБ. Впервые отрывки из письма напечатаны (по-французски и в переводе) П. И. Бирюковым в Б, I, 1906, стр. 246—247; в несколько бóльшем виде (только в переводе) дано П. А. Сергеенко в ПТС, I, стр. 46—48; впервые полностью (только в переводе) в Бир., XX, 1913, стр. 46—48. Почтовый штемпель: «Получено 1855 [февраля] 5».

Письмо является ответом на письмо Т. А. Ергольской от 23 октября 1854 г., из которого приводим часть:

«Я страдаю, не жалуюсь, дорогой мой Léon, но я должна облегчить свое сердце и не буду от тебя скрывать, что твое молчание меня гнетет и огорчает невыразимо. Одному богу известно, как я страдаю, он видит мою душу, мою печаль и мучения.

Давно тебе не писала потому, что не знаю, что сказать; я занята только тобой, думаю о тебе, непрерывно, покуда не успокоюсь сном; я стала, как автомат, всё исполняю машинально, ничем не могу заняться читая, не понимая, работая, не развлекаясь. Одни газеты меня интересуют; я всё надеюсь найти в них признак, что-нибудь подающее надежду на заключение мира в близком будущем. Но надежда эта несбыточна! Ничто не указывает на окончание войны. Содрогаешься, читая подробности о битве при Алме, какая бойня! О! Какой ужас война! Сколько гибнет людей с

той и с другой стороны. Скажи, милый мой, где ты находился в это время! Я не перестаю молиться о тебе. Поручаю тебя воле всемогущего, его святая воля тебя оградит от всякой опасности.

Умоляю тебя, драгоценный Léon, любимое дитя мое, пиши мне хоть несколько строк, чтобы успокоить меня, неизвестность — в которой нахожусь, — хуже ада...

...В одном из твоих писем к нему [Валерьяну], которое он мне переслал, ты спрашиваешь, почему никто тебе не пишет, кроме него? Причина этому самая простая; да потому что ты пишешь ему одному, а другим даже не отвечаешь. Так ты не ответил на мое и Сережино письмо, писанные в июле. С тех пор и я перестала тебе писать, предполагая, что мои письма не доставляют тебе никакого удовольствия.

...Твои письма — наше утешение, не лишай нас его ради бога».

(Оригинал по-французски, впервые публикуется, подлинник хранится в АТБ.)

О сражении при Альме см. прим. 5 к п. № 90. *Письмо Толстого к гр. В. П. Толстому* — неизвестно. *Сережино письмо, писанное в июле* — это сохранившееся в АТБ письмо гр. С. Н. Толстого от 25 июля, июльское же *письмо Т. А. Ергольской* не сохранилось.

[1] Толстой имеет в виду сражение 8 сентября при Алме, о котором см. прим. 5 к п. № 90 и Инкерманское сражение 24 октября, о котором см. прим. 4 к п. № 90.

[2] Толстой, приехав в Севастополь 7 ноября, выехал 15-го на позицию близ Симферополя, откуда вернулся в Севастополь 5 декабря.

[3] Имеется в виду письмо № 90.

[4] Письмо это неизвестно.

[5] В дневнике под 14 февраля записано: «Мысль об отставке или военной академии всё чаще и чаще приходит мне».

[6] Письмо гр. Н. Н. Толстого не сохранилось. О знакомстве с гр. М. Н. Толстой и ее мужем И. С. Тургенев писал 22 октября Некрасову: «Отрочество» я еще не перечел, я послал книгу Современника к графу Толстому, который женат на сестре автора, он третьего дня приезжал ко мне знакомиться, а в воскресенье у него буду (он отсюда в верстах двадцати) и сообщил мне много подробностей о своем шурине». («Русская мысль», 1902, № 1, стр. 120.) Таким образом знакомство состоялось 24 октября. о чем писал Тургенев Некрасову же 29 октября: «Познакомился я с Толстыми. Жена графа Толстого, моего соседа, сестра автора «Отрочество» — премилая женщина, умна, добра, и очень привлекательна. Я узнал много подробностей об ее брате. Он служит теперь в 12-й батарейной батарее и находится, вероятно, в Кишиневе. Видел его портрет. Некрасивое, но умное и замечательное лицо. Кстати, что ж ты мне не скажешь, какое впечатление производит его повесть? Завтра я с графиней Толстой крещу у Тургеневского попа, покумлюсь с ней. Жаль, что отсюда до них около 25 верст. Она мне очень нравится». (Там же.)

Тургеневский поп — священник села Тургенева, имения отца И. С. Тургенева.

93. Н. А. Некрасову

1855 г. Января 11. Эски-Орда.

Милостивый Государь

Николай Алексѣевичь!

Въ предыдущемъ письмѣ моемъ [1] я мелькомъ писалъ Вамъ о матерьялахъ, набравшихся у меня для военнаго журнала, который предполагалось издавать при арміи, и которые — матерьялы — я предлагалъ Вамъ помѣстить въ Вашемъ журналѣ; теперь подробнѣе поговорю объ этомъ предметѣ. Въ неудачѣ этаго Журнала мнѣ не столько жалко даромъ пропавшихъ трудовъ и матерьяловъ, сколько мысли этаго журнала, которая стоитъ того, чтобы быть осуществленной, хотя отчасти, ежели невозможно было осуществить ее вполнѣ.

Основная мысль этаго журнала заключалась в томъ, что ежели не бо́льшая часть, то вѣрно бо́льшая половина читающей публики состоитъ изъ военныхъ, а у насъ нѣтъ военной литературы, исключая офиціяльной военной литературы, почему-то не пользующейся довѣріемъ публики и потому не могущей ни давать, ни выражать направленія нашего военнаго общества. Мы хотѣли основать *листокъ*, по цѣнѣ и по содержанію доступный *всѣмъ* сословіямъ военнаго общества, который-бы, избѣгая всякаго столкновенія съ существующими у насъ военно-офиціальными журналами, служилъ бы только выраженіемъ духа войска. —

Журналъ-бы раздѣлялся на офиціальную и неофиціальную часть. Въ 1-й помѣщались-бы 1) Извѣстія о военныхъ событіяхъ со всѣхъ театровъ войны, 2) Приказы о наградахъ за заслуги, выходящія изъ общаго разряда отличій, 3) сентенціи военнаго суда за постыдные поступки. Въ неофиціяльной — помѣщались-бы: 1) Современные и историческіе разсказы изъ военнаго быта. 2) Біографія и некрологи важныхъ лицъ всѣхъ сословій. — 3) Солдатскія пѣсни. 4) Популярныя статьи о ученыхъ предметахъ военнаго искуства (тактики, артиллеріи, инженернаго искуства). — Изъ военнаго министерства — гдѣ вы можете найти и подробный проэктъ и пробный листокъ нашъ — отвѣтили намъ, что мы можемъ печатать статьи свои въ Инвалидѣ. Но по духу этаго предполагавшагося журнала вы поймете, что статьи, приготовленныя для него, скорѣе могутъ найти мѣсто въ Земледѣльческой Газетѣ или въ какой нибудь Арабескѣ, чѣмъ въ Инвалидѣ. Поэтому-то я и прошу васъ дать нѣкоторымъ

отдѣламъ — почти всѣмъ неофиціяльнымъ мѣсто въ вашемъ журналѣ и не временное, а постоянное. Я бы ежемѣсячно взялся доставлять отъ 2 до 5 и болѣе печатныхъ листовъ статей военнаго содержанія литературнаго достоинства никакъ не ниже статей печатанныхъ въ нашемъ Журналѣ — (я смѣло говорю это — ибо статьи эти будутъ принадлежать не мнѣ) и направленія такого, что онѣ не доставятъ вамъ никакого затрудненія въ отношеніи цензуры.

Наши выгоды — ежели вы примите мои предложенія, будутъ состоять 1) въ томъ, что мысль наша основать литературу, служащую выраженіемъ военнаго духа, найдетъ начало осуществленія, которое, надѣюсь, со временемъ приметъ большіе размѣры и 2) въ томъ, что статьи наши будутъ помѣщаться въ лучшемъ и пользующемся наибольшимъ довѣріемъ публики — журналѣ.

Ваши выгоды будутъ состоять 1) въ пріобрѣтеніи образованныхъ и даровитыхъ сотрудниковъ, 2) въ увеличеніи интереса вашего журнала и 3) въ отчасти обезпеченномъ заготовленіи матерьяловъ для него. Выгоды на вашей сторонѣ; поэтому и условія, которыя я предложу вамъ, будутъ для васъ тяжеле тѣхъ, которыя я возьму на себя. —

Я обязываюсь доставлять вамъ ежемѣсячно от 2 до 5 листовъ статей военнаго содержанія, за которыя вы мнѣ платите, сколько хотите. Вы же обязываетесь печатать тотчасъ-же все, что я ни пошлю вамъ. — Признаюсь, условіе это кажется слишкомъ дерзко, и я боюсь, что вы не захотите принять его. Но ежели вы повѣрите тому, какъ много я дорожу достоинствомъ Журнала, котораго я имѣю честь быть сотрудникомъ, и признаете во мнѣ нѣсколько литературнаго вкуса, надѣюсь, вы не захотите своимъ несогласіемъ разрушить такую обоюдно-выгодную для насъ сдѣлку и предпріятіе, не лишенное и общей пользы. —

Ежели отвѣтъ вашъ будетъ благопріятенъ, то на 1-й мѣсяцъ пришлю я вамъ *письмо о сестрахъ милосердія*, *Воспоминанія о осадѣ Силистріи*, *Письмо солдата изъ Севастополя*.

Затѣмъ въ нетерпѣливомъ ожиданіи Вашего отвѣта и согласія на мое предложеніе имѣю честь быть

Вашъ покорнѣйшій слуга
Гр. Л. Толстой.

11 Января
1855
Эски-Орда.

Печатается по автографу, хранящемуся в ЛБ. Впервые напечатано Н. С. Ашукиным в АК, стр. 190—193.

Некрасов отвечал на это письмо письмом от 27 января: «Милостивый государь, Лев Николаевич. Письмо ваше с предложением военных статей получил и спешу вас уведомить, что не только готов, но и рад дать вам полный простор в Современнике — вкусу и таланту вашему верю больше, чем своему, а что касается до других соображений, то в настоящее время литературный журнал не может не желать такого рода материалов и не чаять себе от них пользы. Об условиях денежных напишу, когда получу первые статьи (я пробуду в Петербурге до конца февраля, а может и долее), пишите ко мне или к Панаеву, ибо Тургенев пропал (поехал в Москву на три дня и до сей поры его нет), и надежды мои на него начинают колебаться. Я в сию минуту не имею времени писать больше. Примите уверения в моем совершенном почтении и преданности. Н. Некрасов». («Круг» кн. шестая 1927, стр. 196—197).

Тургенев приехал из Москвы в Петербург 8 февраля.

[1] См. письмо № 91.

94. Кн. Г. В. Львову.

1855 г. Января 15. Симферополь.

Любезный Львовъ!

Записку эту передастъ тебѣ Бауеръ, [1] музыкальный учитель изъ Симферополя, очень хорошій человѣкъ и учитель и піанистъ порядочный. Помоги ему въ Москвѣ — онъ не хуже московскихъ учителей и человѣкъ чрезвычайно кроткій и милый. — Прощай, добрый другъ, ежели бы ты написалъ мнѣ словечко, я бы отвѣтилъ длиннымъ и интереснымъ письмомъ. Интереснымъ уже потому, что адресъ мой въ Севастополѣ — Подпоручику 12-ой артиллерійской бригады. Пожалуйста не забывай совсѣмъ искренне [2] любящаго тебя. Графъ Л. Толстой.

15 Января. 1855

Симферополь.

На 4-й странице:

На Мал. Дмитровкѣ въ домѣ Хомякова Его Сіятельству Князю Георгію Владиміровичу *Львову*.

Печатается по фотографии, хранящейся в ГТМ. Местонахождение автографа неизвестно. Впервые напечатано М. А. Цявловским в «Л. Н. Толстой. Юбилейный сборник», изд. ГИЗ, М. Л., 1928, стр. 56.

Кн. Георгий Владимирович Львов (1821—1873), к которому адресовано письмо, был в дружеских отношениях со Львом Николаевичем. В дневнике 1850-х гг. Толстой часто упоминает Г. В. Львова, Кн. Г. В. Львов по окончании Училища правоведения в 1842 г. служил в Сенате, затем находился при сенаторе гр. Толстом, командированном в Восточ-

ную Сибирь для ревизии. В 1855 г. Львов перешел в морское ведомство, где в то время по почину либерального в. к. Константина Николаевича производились преобразования. На основании составленной Львовым записки о быте военных и морских кантонистов было уничтожено это, своего рода, сословие. Позднее Георгий Владимирович служил в Москве и входил в кружок чиновников, поставивших целью службы проводить в жизнь либеральные начала. Последние годы жизни Львов провел в Париже, где и умер.

[1] О Бауере нам ничего неизвестно.
[2] *Переправлено* из: искренняго.

*95. Гр. Н. Н. Толстому.

1855 г. Февраля 3. Позиция на р. Бельбек.

3-е февраля.

После дикаго письма моего въ стихахъ и прозѣ[1] не знаю, какъ приступить (какъ афонская гора, какъ говоритъ Николай Сергѣевичь [2] чтобы писать тебѣ; тѣмъ болѣе, что въ письмѣ этомъ я долженъ сдѣлать грустное признаніе. Я проигралъ всѣ деньги 1500 р. сер., которыя прислали мнѣ. Пожалуйста ни въ письмахъ, ни заочно не обвиняйте и не упрекайте меня. Я самъ не перестаю и не перестану упрекать себя за эту ужасную глупость до тѣхъ поръ, пока своими трудами не выкуплю ее. Изъ писемъ моихъ вы вѣрно уже знаете, для чего мнѣ нужны были эти деньги, и какъ не удался предполагавшійся журналъ. Какимъ же образомъ я проигралъ, не стоитъ и описывать — глупо, неосновательно ребячески. [3] —

Въ первыхъ числахъ Ноября я выѣхалъ изъ Кишинева въ Севастополь, куда я просился въ качествѣ недостающихъ артиллерійских офицеровъ, и до сихъ поръ нахожусь въ Крыму, хотя я сначала и писалъ вамъ черезъ Кишиневъ, чтобы не пугать тетушекъ, но теперь, во первыхъ, Севастополь пересталъ быть такъ страшенъ, а, вовторыхъ, Алешка подкатилъ меня письмомъ, брульонъ котораго попался мнѣ для извѣстнаго употребленія, и въ которомъ онъ пишетъ, что мы живемъ въ Крыму, и къ намъ *по морю пришли 3 земли, кои суть слѣдующія: Турокъ, Француз, и Англичанинъ, и идетъ съ ними сильное страженіе*, что, хотя и хорошо сказано, но не совсѣмъ справедливо, потому что вотъ ужъ 3 мѣсяца, что *страженія* никакого нѣтъ, исключая продолжающейся осады. И та идетъ

вяло. Ежедневно человѣкъ 15 потери, безпрерывный штуцерной огонь въ передовыхъ траншеяхъ, бросаніе бомбъ съ той и другой стороны, взрывы минъ, перебѣжчики и плѣнные — больше однако съ ихъ стороны, чѣмъ съ нашей. Изрѣдка ночные вылазки, въ которыхъ колятся штыками и кусаются, вотъ и все. Севастополь не можетъ быть взятъ, въ этомъ убѣжденъ непріятель больше, чѣмъ мы, поэтому безполезныя жестокости эти опостылили и очень непріятелю, который въ матерьяльномъ отношеніи едва ли въ лучшемъ положеніи, чѣмъ былъ въ 12-мъ году, да и намъ. «Когда это, братцы мои, *отойдетъ* этотъ Севастополь проклятый!» говорятъ солдаты. —

Сначала моего пріѣзда я былъ прикомандированъ къ батареѣ въ самый Севастополь и почти мѣсяцъ прожилъ на бастіонахъ, потомъ мѣсяцъ прожилъ подъ Симферополемъ (батарея была на отдыхѣ)[4] игралъ на фортепьянахъ, танцовалъ, охотился на козъ и оленей и видѣлъ про-[5]

Печатается по автографу, хранящемуся в АТБ. Публикуется впервые.

Об этом письме под 2 февраля в дневнике Толстого записано: «Написать нужно письмо Николеньке с признанием в проигрыше».

[1] Письмо это не сохранилось.

[2] О Ник. Серг. Воейкове см. прим. 5 к п. № 7.

[3] Об этом проигрыше записано в дневнике Толстого под 28 января: «Два дня и две ночи играл в штосс. Результат понятный — проигрыш всего — ясно-полянского дома. Кажется, нечего писать — я себе до того гадок, что желал бы забыть про свое существование».

[4] Тут у Толстого несомненная ошибка. Приехав из Кишинева в Севастополь 7 ноября 1855 г., Толстой, как видно из его дневника, уже 15 ноября выехал на позицию в дер. Эски-Орда, в 6 верстах от Симферополя (под 23 ноября записано: «15 я выехал из Севастополя на позицию»). Здесь он пробыл до середины января. Приказом от 5 января 1855 г. по артиллерии Южной армии Толстой был прикомандирован к легкой № 3 батарее 11 артиллерийской бригады. К этой батарее, находившейся в лагере на р. Бельбек, в 20 в. от Севастополя, Толстой официально был отправлен 14 января, но выехал вероятно несколько позже: см. письмо № 94, помеченное еще Симферополем.

[5] Конца письма не сохранилось.

* 96. Гр. В. П. Толстому.

1855 г. Февраля 24. Позиция на р. Бельбек.

Любезный другъ!

Какъ тебѣ, я думаю, извѣстно изъ моего письма Николинькѣ, я проигралъ 1,500 р., которые были присланы мнѣ; но что

еще хуже, я проигралъ еще 575 р. сер. въ долгъ.[1] Деньги эти *необходимо* выслать мнѣ въ самомъ скоромъ времени, поэтому будь такъ добръ, распорядись въ Ясной Полянѣ, чтобы продали хлѣба то число, которое недостаетъ, и выслали ихъ мнѣ въ Севастополь. — Ежели въ опекунской совѣтъ не посланы еще деньги, то эти 575 р. я прошу прислать прежде, чѣмъ посылать въ Совѣтъ. —

Стыдно и больно писать. Пожалуйста не показывай письма всѣмъ. Играть я пересталъ. Я, слава Богу, живъ и здоровъ въ лагерѣ на Бельбекѣ около Севастополя.—

Цѣлуй жену и дѣтей.
Истинный другъ и братъ

Гр. Л. Толстой.

1855, 24 Февраля.
Бельбекъ.

Печатается по автографу, хранящемуся в АТБ. Публикуется впервые

Гр. Валериан Петрович Толстой (р. 19 октября 1813 г., ум. 6 января 1865 г.), сын гр. Петра Ивановича (1785—1834) и Елизаветы Александровны Ергольской (1790—1851). Служил в гусарском принца Оранского полку и был адъютантом отдельного сибирского корпуса. Перед женитьбой, 3 ноября 1847 г., вышел в отставку с чином майора. Женат на своей троюродной сестре гр. Марии Николаевне Толстой. О гр. В. П. Толстом см. еще в прим. о гр. М. Н. Толстой, п. № 42.

[1] О проигрышах в карты есть такие записи в дневнике: 2 февраля: «Мне мало было проиграть всё, что у меня было. Я проиграл еще на слово Мещерскому 150 р., которых у меня нет»; 6—8 февраля: «Опять играл в карты и проиграл еще 200 р. серебром. Не могу дать себе слова перестать, хочется отыграться, и вместе могу страшно запутаться»; 12 февраля: «Опять проиграл 75 р. Бог еще милует меня, что не было неприятностей, но что будет дальше? Одна надежда на него!»; 15—16 февраля: «Проиграл вчера еще 20 р. сер. и больше играть *не—буду*».

* 97. Т. А. Ергольской.

1855 г. Марта 13. Позиция на р. Бельбек.

13 Mars 1855.

Chère tante!

Il y a des siècles, que je n'ai rien reçu ni de vous ni de personne des notres. Je sais que la faute en est à moi ou plutôt aux circonstances. En partant le 2 de Novembre pour Sévastopol je n'ai

pas changé mon adresse mais on m'envoyait mes lettres régulièrement, quoique tard pendant que l'état major de Gortchakoff était à Kichineff; mais à présent que le Prince comme vous savez probablement est nommé à la place de Menchikoff [1] et est venu en Crimée [2] avec tout son état major Serjpoutovsky [3] et tous les autres, je suis sûr qu'il y a une quantité de mes lettres qui y sont restées. Dès à présent mon adresse est tout bonement à Sévastopol. Je vous ai parlé, je crois de la manière dont j'ai passé le premier tems de mon séjour en Crimée. En somme je l'ai passé agréablement, occupé que j'étais de mon service et de l'interêt général de la guerre; mais à commencer du nouvel an quand j'ai reçu l'argent destiné au journal qui a avorté, mon genre de vie a été des plus désagréables oisif et immoral.

Pendant la plus vilaine saison ici, la vie de camp, dans (la) plus mauvaise société, sans occupations — n'ayant même pas le moyen de m'occuper, ayant reçu la somme assez considérable destinée à mon Journal, j'ai commencé à jouer et une fois le premier pas fait je n'ai plus pu m'arrêter, que lorsque j'ai tout perdu et que je suis resté de voir encore près de 700 r. arg. [4] — A présent grâce à Dieu, le printems qui a toujours sur moi une influence bienfaisante, mes dévotions que j'ai faites la semaine passée, [5] l'arrivée du Prince chez lequel j'ai été et qui de nouvau m'a très bien reçu et surtout l'amitié d'un de mes camarades un Certain *Броневской* (le cousin de ceux de Casan) avec lequel je me suis lié ici: tout cela Dieu merci a agi sur moi pour m'arrêter sur le point où j'étais de nouvau de retomber dans la position dans laquelle j'étais avant mon départ au Caucase. La somme que j'ai perdu est considérable je sais; mais avec de l'économie de la persévérance pour le travail j'espère réparer ce mal avant un an. Soutenez moi chère tante dans ces dispositions, je l'ai dit et je répeterai toujours: rien ne me fait tant de bien moral comme vos lettres. Je ne puis pas cependant ne pas vous parler de ce que m'occupe pour le moment plus que toute chose — c'est Броневской. — Je n'ai jamais rencontré un meilleur coeur un caractère aussi noble, que cet homme et j'espère que jamais je ne me desenchanterai sur son compte, que notre amitié durera et que quelques uns des plans que nous faisons se réaliseront un jour. [6] — Que vous dirais-je de la guerre. Rien n'a changé ici, excepté le commandant en chef et que nous avons plus d'ordre et plus de troupes, Sévastopol est toujours assiégé on se bat tous

les jours et on désire la paix. Quelle sera la fin de tout ceci, personne ne le sait, mais Dieu donne seulement qu'elle arrive plus vite; tout le monde en a assez et surtout l'ennemi. Adieu chère tante je baise vos mains mille et mille fois et vous prie de me pardonner tous les chagrins que je vous cause.— Je ne sais trop pourquoi, mais je suis convaincu que je vous reverrai l'année 55.

Si vous voyez Valérien dites lui, je vous en prie, qu'il m'envoye le [plus tôt] plutot possible l'argent les 600 r. arg. que je lui demande dans ma derniere lettre. [7] Cette dette me pèse terriblement.

13 марта 1855.

Дорогая тетенька!

Целый век не получал писем ни от вас, ни от кого из наших. Знаю, что виноват я, или, вернее; обстоятельства. Уезжая в Севастополь 2 ноября, я не дал другого адреса, но пока главный штаб Горчакова находился в Кишиневе, письма мои пересылались мне аккуратно, хотя и с опозданием. Теперь же, как вам, вероятно, известно, князь назначен на место Меньшикова, [1] он приехал в Крым, [2] со своим главным штабом, с Сержпутовским [3] и со всеми прочими, и я уверен, что пропасть писем ко мне осталась там. Теперешний мой адрес просто в Севастополь. Кажется, я уже описывал вам первое время своего пребывания в Крыму. В общем я провел его приятно, будучи занят службой и охваченный общим интересом к войне; но начиная с нового года, когда я получил деньги, предназначенные на журнал, который провалился, мой образ жизни стал праздным и безнравственным.

В самое плохое здешнее время, лагерная жизнь, в отвратительном обществе, без занятий — не имея даже возможности заниматься и получив порядочную сумму, предназначавшуюся для моего журнала, я стал играть; а сделав первый шаг, не смог остановиться, пока не спустил всего, да еще остался должен около 700 р. сер. [4] — Теперь же, слава богу, весна, которая всегда действует на меня благотворно — говение на прошлой неделе, [5] приезд князя, у которого я был и который вновь меня хорошо принял, главное, дружба, с моим товарищем, неким Броневским (двоюродным братом Казанских), с которым я здесь близко сошелся, всё это, благодаря бога, спасло меня от того положения, в котором я находился перед отъездом на Кавказ и в которое мог снова опуститься. Сумма, которую я проиграл, значительна, я знаю, но экономия в тратах и упорство в работе помогут мне раньше чем через год, справиться с этой бедой. Поддержите меня в этих намерениях, дорогая тетенька, я говорил и опять повторяю, ничто мне так не помогает в нравственном отношении, как ваши письма. Не могу не сказать вам о том, что теперь меня более всего занимает — о Броневском. — Я не встречал еще человека с таким горячим сердцем и благородством натуры; надеюсь, что я никогда в нем не разочаруюсь, что наша дружба будет продол-

жаться, и что некоторые наши планы когда-нибудь сбудутся.[6] — Что же вам сказать про войну? Всё по-прежнему, кроме нового главнокомандующего, порядка больше и больше войск, осада Севастополя всё продолжается, всякий день сраженья, желают мира. Чем всё это кончится, никому неизвестно; дай бог, чтобы поскорее наступил конец; для всех пора и, в особенности, для неприятеля. Прощайте, дорогая тетенька, тысячи и тысячи раз целую ваши ручки и прошу вас простить меня за все огорчения, которые я вам причиняю. — Сам не знаю почему, но я уверен, что мы увидимся в 55 году.

Ежели увидите Валерьяна, скажите ему, пожалуйста, чтобы он выслал мне поскорее 600 р. сер., о которых я просил его в последнем письме.[7] Этот долг меня ужасно тяготит.

Печатается по автографу, хранящемуся в АТБ. Публикуется впервые.

[1] Кн. Александр Сергеевич Меншиков (1787—1869), ген.-адъютант, начальник морского штаба, член Государственного совета. Принимал участие в Турецкой кампании 1809 г.; в войне 1812—1814 гг. Перед войной 1853—1856 гг. был послан в Константинополь, а во время самой кампании главнокомандующий в Крыму. Поставленный в тяжелое положение, в виду отсутствия достаточного количества войск, должной организации и надежных помощников, а также и лично не обнаружив умелости и распорядительности, проиграл ряд сражений (Алманское, Инкерманское). После неудачного наступления в Евпатории, Меншиков, серьезно больной, был отставлен. Пробыв после этого короткое время Кронштадтским ген.-губернатором, Меншиков не занимал больше ответственных должностей и поселился в деревне.

[2] Назначенный, вместо кн. Алдр. Серг. Меншикова, главнокомандующим крымской армией, кн. М. Д. Горчаков прибыл в Севастополь 8 марта.

[3] Адам Осипов. Сержпутовский. О нем см. прим. 3 к п. № 86.

[4] Кроме записей о проигранных с 28 января по 19 февраля деньгах, в дневнике есть запись под 6—11 марта: «Я еще проиграл 200 р. Одаховскому, так что запутан до последней крайности».

[5] С 7 по 13 марта в этом году была пятая неделя великого поста.

[6] Броневский — вероятно, Аркадий Алексеевич Броневский (р. 22 октября 1821 г., ум. 18.. г.) сын ст. советника, бывшего прокурором в Земле Войска Донского (1790—18..) и Варвары Тулиновой. В АТБ сохранилось четыре письма М. А. Броневского к Толстому за 1855 г.

[7] Имеется в виду письмо № 96. Следующее за этим было несохранившееся письмо Толстого от 21 марта. На это письмо отвечал гр. В. П. Толстой 9 апреля:

«Письмо твое, любезный друг Léon, от 21 марта я получил—оно обрадовало меня тем, что после долгого молчания дало мне об тебе весточку,— но впрочем во всем остальном крайне меня встревожило и огорчило. — Не стану распространяться насчет последней неприятности, тебя постигшей, ты, верно, сам мучаешься более нас, — скажу только одно, что проигрыш этот по мнению моему окончательно расстроил твои дела, ибо последний рессурс Ясной поляны пошел на ветер, и теперь самый утонченный агроном и спекулятор ничего не придумает, чтобы извлечь из этого

имения, в которое надобно, напротив, много положить, чтобы привесть в порядок. Со всем моим искренним желанием сделать для тебя всё угодное — я решительно не могу принять твоего предложения — взять Ясную на аренду; 1) потому, что в прошедшем году последовал указ, коим воспрещается помещикам отдавать свои имения в аренду — даже в Литве, в Польше и Белоруссии, где издавна существовали поссессии; 2) ты желаешь за уплатой опекунского долга получать 1200 р. сер. — этого при расстроенном Ясенском хозяйстве, — без скотоводства, при упадке всех хозяйственных построек, которые нужно поддерживать и при необходимом домашнем расходе — ни один арендатор тебе не даст. — А я, как человек, мало знающий экономическую часть и сельское хозяйство вообще — не в состоянии буду свести концы с концами, — ибо, условившись высылать тебе деньги в известный срок, не захочу быть неаккуратным и запутаю свои собственные дела. 3) Если бы я умел, как должно, взяться за это — то конечно не оставил бы Ясную в управлении Василия старосты, а где найти хорошего человека? — Послать туда которогонибудь из своих приказчиков — значит привесть в расстройство свое имение. 4) Крестьяне твои чрезвычайно избалованы, и хорошие крайне расстроились пожаром, неурожайными годами и скотскими падежами. Привесть их в надлежащий порядок нужно время, деньги и неусыпная заботливость — для этого нужен опять знающий и опытный человек. Скажу опять, где его взять? Лишних денег я также не имею — а из доходов за уплату 1250 р. совету, 1200 р. тебе и прочих домашних расходов — немного останется — и, наконец, 5) ты говоришь, чтобы первый год дать тебе при заключении контракта 1200 р. сер. вперед — на это нужны свободные деньги, которых я не имею, и, наконец, давши их, если этот год будет неурожай или чрезмерная дешевизна, то откуда я их выручу — и чем заплачу совету, которого долг запускать невыгодно. Из всего этого ты сам убедишься, что это предложение твое совершенно для меня неудобоисполнимо: — ты знаешь, что я никогда ни от кого не отказывался — всегда готов вам всем служить, но имея сам семейство и ограниченное расстроенное состояние, мне ни в какие подобные предприятия пускаться не должно. —

Впрочем я не знаю, почему именно ты думаешь устроить дела свои, отдавши Ясную в аренду — неужели у тебя нет довольно характера умерить свои расходы, сообразно твоему состоянию. Ежели этому причиной бесхарактерность, то кто же тебя остановит в продолжение 5-ти лет, что имение твое будет в аренде, наделать столько долгов, что по прошествии этого срока тебе опять-таки нужно будет продать его, и все хлопоты и труды арендатора твоего пропадут даром. А мне кажется, что эта сделка, вместо того чтобы устроить твои дела, окончательно их расстроит, ибо теперь, проигравши, ты знаешь, что надобно тотчас платить долги, это временное стеснение обстоятельств невольно заставит тебя остановиться играть, а что еще хуже, отыгрываться, а когда уплата долга будет отложена на 5 лет — (а на эту сделку всегда найдутся охотники), то невольно захочешь отыграться, а счастье, как видно, не всегда тебе благоприятствует, и ты запутаешься окончательно. Прости мне откровенность моего мнения, может быть и ошибочного, но в этом случае я руковод-

ствуюсь твоим же правилом — излагать свои мысли откровенно людям, которых любишь, а ты в этом, кажется, сомневаться не можешь и не должен.

Ты сердишься, что я тебе не выслал деньги 150 сер. — к тебе довольно давно отправлено 200 сер. — только по адресу твоему в *г. Кишинев* — причиной твоя неаккуратность — ты по целым месяцам сердишься на меня и не писал ни строки, — а я святым духом не знаю, что ты переменил место своего квартирования; впрочем, я от тебя иначе не получаю писем, только когда тебе нужны деньги — и то всегда самые лаконические. Недавно отправлено к тебе еще 100 сер. под Севастополь, да я велел продать последнюю препорцию овса и выручу, может, еще 150 сер., более ты из Ясных до новых доходов ничего не можешь получить. Я же велел оставить в конторе столько денег, сколько нужно на сдачу ратников и на уплату пожертвованных дворянством денег, что составить копеек 60 сер. с души, а с твоих крестьян взять нечего. Посылаю тебе при сем 200 р. сер., полученных мной в Москве от Некрасова через Ивана Сергеевича Тургенева, в коих я дал и расписку и нарочно призадержал эти деньги, зная, что им у тебя не вод, и вышло очень кстати. Признаюсь, страх подумать, что ты прожил денег с февраля 1854 г.; этими деньгами можно прожить с семейством в Москве в свое удовольствие — а не так, как ты их прожил и вечно нуждался. Эта умеренность и экономия, которыми ты так хвастался, недолго была в действии. — Повторяю опять, что в Ясной продать уже более нечего, и потому умерь свои расходы и примись за настоящую экономию, просто, без всяких особенных планов, которые хорошо обдуманы бывают в голове, но плохо приводятся в исполнение. — Повторяю, что с моей стороны готов всё делать, что могу и что умею, располагай мной, как знаешь, но если по-прежнему зарвешься [*1 не разобр.*] — наделаешь долгов, тогда я решительно отказываюсь, ибо, при всем моем желании, ничего не в состоянии буду сделать. — Впрочем, положение твоих дел и состояние твое тебе лучше еще известно, чем мне, а потому соображайся по этому. Я думаю, ты знаешь из письма брата Николеньки, что он понал опять в артиллерию на Кавказ, а брат Сергей принят поручиком в Стрелковый полк императорской фамилии и уже уехал на службу в Питер. — Барон подал опять в гвардию. — Многие из моих соседей пошли в ополчение, и я остался совершенно один, почему, если буду жив и здоров, при начале осени уеду в Москву до весны — скучно жить в деревне.

Жена ожидает от тебя длинного письма, которое ты обещал ей уже слишком год, т. е. с самого отъезда в армию — нельзя сказать, чтобы ты был очень аккуратен в переписке; она тебя нежно обнимает равно и тетенька, которая гостит у нас с декабря. Дети тебя целуют.— M-elle Verganie se rappelle à ton bon souvenir (М-ль Вергани просит передать тебе привет). — До свидания, мой друг, Христос с тобой, — будь здоров и счастлив — желаю тебе во всем успеха, твой друг и брат граф Толстой.

P. S. Я со дня на день ожидаю Тургенева в деревню, от которого может быть получу еще сколько-нибудь денег за твои сочинения. — Некрасов спрашивал у меня твой адрес и, кажется, сам хотел писать к тебе.—Я получил через Тургенева 250 р., остальные 50 р. не замедлю тебе выслать.—

В этих деньгах я дал расписку Тургеневу. Прощай. Господь да сохранит тебя». (Письмо не опубликовано; подлинник в АТБ.)

Василий староста — Василий Ермилович Зябрев, бывший старостой в Ясной поляне, а затем волостным старшиной. *Стрелковый полк императорской фамилии.* — Высочайшим приказом от 25 декабря 1854 г. сформировался из удельных крестьян полк, получивший наименование «Стрелкового полка императорской фамилии». Первый приказ по полку, которым зачислялись первые 8 офицеров, состоялся 25 января 1855 г. Сборным пунктом для 2 баталиона, куда был зачислен офицером Сергей Николаевич, был назначен г. Суздаль, Владимирской губернии, куда он и выехал (а не в Питер, как пишет Валерьян Петрович). *Барон* — бар. Александр Антонович Дельвиг (р. 28 августа 1818 г., ум. 2 декабря 1882 г.), родной брат друга Пушкина, владелец имения Хитрова в 2 в. от Покровского гр. В. П. Толстого. Он служил военным и, выйдя в отставку штабс-капитаном гвардии, жил в своем имении. О *Вергани* см. прим. 1 к п. № 27.

На это письмо Толстого Т. А. Ергольская отвечала письмом от 16 апреля, которое приводим полностью:

«Дорогой и хороший мой Léon! Я беспокоюсь смертельно и непрестанно мучаюсь о тебе; зная, что я люблю тебя до обожания, ты понимаешь, как исстрадалось мое бедное сердце при сознании, что ты подвергаешься величайшим опасностям, и что ты присутствовал при этой ужасной бомбардировке, которая, по газетам, длилась шесть дней под ряд. Сколько тысяч людей погибло! Дрожь пробирает при мысли об этом. — Я не теряю надежды на милосердие божие, он сохранит твою драгоценную жизнь на счастие всех нас, и ты вернешься к нам увенчанный славой; предчувствую это; бог слышит усердные молитвы. Но не взирая на эту надежду, я трепещу за тебя, боюсь, что ты отважно подвергнешь себя опасности; друг мой, берегись, мне дорога твоя жизнь. Чтобы избавить меня от этого состояния душевной смуты, умоляю тебя, пиши мне. — Одни твои письма приносят мне успокоение; хотя несколько слов, только увидеть твой почерк уж это счастье. Не лишай меня его. Ты уже знаешь, что Сережа поступил на военную службу в полк Стрелков императорской фамилии. Хотя мне было грустно расставаться с ним, но я радуюсь, что он уехал из деревни и этим освободился от известных личностей; иного способа не было. Сердечно желаю ему счастья. Я огорчена, что не могла проводить его в Пирогово, но дорога была такая, что ехать было можно только в телеге, что для меня немыслимо. Николенька подал прошение о желании своем поступить на службу на Кавказ. Несомненно, он будет принят, и тогда я буду мучиться за вас троих, мне дорогих. В Ясном я буду еще более одинока и всё-таки я тороплюсь уехать из Покровского, где прожила слишком долго, не принеся никакой пользы и не получив благодарности. Три месяца я ходила за больными детьми и мучилась за них в отсутствие Валерьяна, Мари и м-ль Вергани, которые вернулись только накануне Пасхи. Теперь буду отвечать на твое письмо от 13 марта, полученное только 5 апреля. Уж не знаю, почему оно так долго пропутешествовало. Очень оно мне было приятно. Вижу, что ты не изгнал меня из своей памяти, что ты мне доверяешь, и что советы мои могут тебе пригодиться. Мой милый друг, благодарю тебя за то, что ты меня утешил, ты просишь моего

прощения за то, что огорчаешь меня, но я не могу и не хочу выговаривать тебе; поверь мне, что я сочувствую твоему огорчению, но сама горюю гораздо больше о том, что ты находишься среди опасности, чем о потере денег, вырученных из продажи дома. Не унывай, всё уладится со временем, только бы ты был жив и невредим. Это мое единственное желание. — Сократи траты, довольствуйся своим жалованьем, а доходы с Ясного пойдут на уплату карточных долгов. Я уже давно знала от Николеньки печальные обстоятельства, в которых ты находишься. Мы жалели тебя, что у тебя не хватает ни силы воли, ни власти над собой, чтобы побороть искушение игры, как только у тебя есть деньги в руках. Больше всего меня огорчает то, что у тебя страсть к игре, а всякую страсть трудно побороть. С твердой волей, конечно, этого можно достигнуть, но у тебя ее в этом случае нет! В другой раз мы еще поговорим об этом, теперь же я только занята одним — бомбардировкой Севастополя. Город возьмут штурмом, будет решительное сражение, и я боюсь, я трепещу за тебя. Еще усерднее буду молиться, чтобы господь тебя сохранил и послал тебе счастья, которого ты достоин. Ты мне пишешь, мой милый дружок, о новом знакомом, некто Г. Барановском, с которым ты подружился. Желаю, чтобы эта дружба продолжилась; большое утешение иметь такого человека, которому доверяешь и горести свои, и радости и находишь в нем сочувствие. Этот молодой человек меня интересует потому, что он тебя любит, и я желаю ему всего хорошего. Тургенев здесь и произвел на меня нехорошее впечатление, совсем не такое, какого я ожидала. Предпочитаю его сочинения его разговору; словом, нахожу, что он лучше пишет, чем говорит, и я вполне в нем разочарована. Больше не скажу, но ты встретишься когда-нибудь с ним и тогда скажешь мне о нем свое мнение. Прощай, мой хороший обожаемый Léon, сохрани и награди тебя господь. Нежно целую тебя. Сердечно твоя Т. Е. М-ль Вергани тебе кланяется и желает всего хорошего. Деньги из Ясного скоро тебе вышлют. Вся наша семья в добром здоровье, Николенька охотится каждый день и затравил порядочно зайцев». (Оригинал по-французски; публикуется впервые; подлинник в АТБ.)

Под *ужасной бомбардировкой* Ергольская разумеет т. н. «второе» бомбардирование Севастополя союзниками, продолжавшееся с 28 марта по 6 апреля включительно, т. е. десять дней, в течение которых союзниками по Севастополю было выпущено от 150 до 160 тысяч зарядов, с нашей же стороны всего 80 тысяч. Выбыло из строя за это время — у союзников 1850 чел., а у нас 6130. См. Богданович «Восточная война 1853—1856 годов», Спб. 1876, т. III, стр. 284. *Пасха* была в этом году 27 марта. *Барановский* — конечно, Броневский Аркадий Алексеевич. См. прим. 6. *Тургенев* приехал из Петербурга в свое Спасское 12 апреля. Из слов Т. А. Ергольской явствует, что в первые же дни своего приезда он побывал в Покровском.

98. Н. А. Некрасову.

1855 г. Апреля 30. Севастополь.

Милостивый государь Николай Алексѣевичъ.

Вы уже должны были получить статью мою «Севастополь въ декабрѣ» [1] и обѣщаніе статьи Столыпина. Вотъ она. [2] Несмотря на дикую орѳографію этой рукописи, которую вы уже сами распорядитесь исправить, ежели она будетъ напечатана безъ цензурныхъ вырѣзокъ, чего старался всѣми силами избѣжать авторъ, вы согласитесь, я надѣюсь, что статей такихъ военныхъ или очень мало или вовсе не печатается у насъ, къ несчастью. Можетъ-быть, съ этимъ же курьеромъ пошлется статья Сакэна, [3] о которой ничего не говорю, и которую, надѣюсь, вы не напечатаете. Поправки въ статьѣ Столыпина сдѣланы черными чернилами Хрулевымъ, [4] лѣвой рукой, потому что правая ранена. Столыпинъ проситъ помѣстить ихъ въ выноскахъ. Пожалуйста, ежели можно, помѣстите, какъ мою, такъ и Столыпинскую въ іюльской книжкѣ. Теперь мы всѣ собрались, и литературное общество падшаго журнала начинаетъ организоваться и, какъ я вамъ писалъ, ежемѣсячно вы будете получать отъ меня двѣ, 3 или 4 статьи *современнаго* военнаго содержанія. Лучшіе два сотрудника Бакунинъ [5] и Ростовцевъ [6] еще не успѣли кончить своихъ статей. Будьте такъ добры, отвѣчайте мнѣ и пишите вообще съ этимъ курьеромъ, адъютантомъ Горчакова, и съ будущими, которые безпрестанно снуютъ отъ васъ и сюда. Затѣмъ съ совершеннымъ уваженіемъ имѣю честь быть покорный слуга.

Гр. Л. Толстой.

Севастополь 1855 г., апр. 30.

Печатается по автографу, хранящемуся в ИРЛИ. Впервые опубликовано в кн.: И. И. Панаев. «Литературные воспоминания с приложением писем разных лиц». Спб. 1888 стр. 414—415.

[1] Работа над «Севастополем в декабре» шла с 20 марта по 25 апреля. Последняя дата стоит в конце печатного текста. Рассказ был послан Некрасову между 25 и 30 апреля, судя по начальным словам этого письма.

[2] Статья А. Д. Столыпина «Ночная вылазка в Севастополе. Рассказ участвовавшего в ней» напечатана в № 7 «Современника» за 1855 г. с примечанием редакции: «Сообщением этой статьи мы обязаны г. Л. Н. Т.» Об Арк. Дмитр. Столыпине см. прим. 8 к п. № 90.

[3] Барон (с 10 августа 1855 г. граф) Дмитрий Ерофеевич Остен-Сакен

(1789—1881) поступил на службу юнкером в 1804 г., участвовал во всех кампаниях, начиная с кампании 1805—1807 гг. и кончая Восточной войной 1853—1856 гг. В качестве начальника севастопольского гарнизона, Остен-Сакен принимал деятельное участие в обороне. В солдатской песне о сражении 4 августа, сочиненной Толстым, о Д. Е. Остен-Сакене сказано: «А там Сакен генерал всё акафисты читал богородице». Гр. Д. Е. Остен-Сакену принадлежит ряд статей по военному делу и очерков мемуарного характера. О нем см. «Русский биографический словарь» и в ст. М. Нечкиной «О Пушкине, декабристах и их общих друзьях» — «Каторга и ссылка» 1930, кн. 4 (65).

[4] Степан Александрович Хрулев (1807—1870), участник Польской кампании 1830—1831 гг., Венгерской кампании 1849 г. и Ак-Мечетской экспедиции 1853 г. Честь завоевания крепости Ак-Мечеть («Форт Перовский») принадлежит Хрулеву. В начале 1854 г. Хрулев прибыл на Дунай и поступил в распоряжение начальника инженеров Шильдера. Здесь, а затем в Севастополе, где он с декабря 1854 г. состоял при главнокомандующем, Хрулев заявил себя выдающимся военачальником. Войска очень любили его и называли «храбрым солдатским генералом». Назначаемый на самые опасные места, Хрулев, никогда не терявший присутствия духа, личным примером увлекал солдат на самые отчаянные предприятия. Раненый в день сдачи Севастополя 27 августа 1855 г., он в ноябре был уволен в Петербург для лечения и через два месяца назначен состоять в распоряжении главнокомандующего Отдельным кавказским корпусом, а с 1862 г. до своей смерти числился в запасных войсках.

[5] Александр Александрович Бакунин (р. 10 ноября 1821 г., ум. 1908 г.), родной брат известного революционера, пятый сын Александра Михайловича Бакунина (176...—1854) и Варвары Алдр. Муравьевой (1791—1864). Окончил московский университет. В марте 1854 г. поступил юнкером в Тобольский полк, с которым проделал Восточную кампанию сначала в Румынии, затем в Севастополе, где познакомился с Толстым. Об этом знакомстве см. рассказ вдовы А. А. Бакунина Елиз. Алдр. Бакуниной в «Голосе минувшего» 1916, № 11, стр. 201—203. Впоследствии Бакунин выдающийся земский деятель, участник движения за освобождение Италии, «до конца своей жизни сохранивший физическую крепость и душевную бодрость, мыслитель, выработавший свою оригинальную философскую систему». (Н. П. Чулков «Генеалогия декабристов Муравьевых» — «Русский евгенический журнал», т. V, в. I. М. 1927, стр. 15.)

[6] Николай Яковлевич Ростовцев. См. о нем прим. 10 к п. № 90.

В ответ писал И. И. Панаев 31 мая. Приводим его письмо полностью.

«Милостивый государь граф Лев Николаевич. Статья ваша «Севастополь в декабре» напечатана в 6 книжке «Современника» (отдельную брошюру я посылаю к вам при сем). — Статья эта с жадностью прочлась здесь всеми. От нее все в восторге — и между прочим Плетнев, который отдельный ее оттиск имел счастие представить государю императору на сих днях. Тысячу раз благодарю вас за эту статью. Мы все здесь молимся, да хранит вас бог для чести и славы русской литературы! — Статья Столыпина была исправлена редакцией, — она очень интересна и должна была быть напечатана также в 6 книжке, но предсе-

датель цензурного комитета (известный вам по Казани Пушкин) вдруг остановил ее — говоря, что в этой статье описываются военные действия, а Современнику не дозволено писать об этом; но я уже протестовал против этого; был вчера у министра и подал ему записку о произвольном толковании Мусина-Пушкина и объявил ему, между прочим, что, если нам будут запрещать подобные статьи, то оставаться теперь редактором литературного журнала постыдно. Кажется, дело обойдется, и статейка Столыпина будет напечатана в 7 книжке... Жду с нетерпением статей Ростовцева, Бакунина и ваших. Сейчас еду к Анненкову — вице-директору инспекторского департамента, чтобы посредством него завести постоянные сношения с вами через курьеров. Алексею Столыпину я показывал уже в корректурах статью Арк. Столыпина. Пишите и шлите всё скорей сюда... Мы ждем вас из Севастополя с нетерпением страшным. Преданный вам И. Панаев». («Красная новь» 1928, 9, стр. 217.)

Об *Ив. Ив. Панаеве* см. прим. к п. № 101. Под *отдельной брошюрой* статьи Панаев разумеет отдельный оттиск. Петр Александрович *Плетнев* (1792—1865) друг Пушкина, профессор и ректор Петербургского университета, академик. Л. 1927. Арк. Дм. *Столыпин*. О нем см. прим. 8 к п. № 90. *Пушкин* — Михаил Николаевич Мусин-Пушкин. О нем см. прим. 8 к п. № 12. *Министром* Народного Просвещения был в 1854—1858 гг. Абрам Сергеевич Норов (1794—1869). *Ростовцев* — гр. Николай Яковлевич. О нем см. прим. 10 к п. № 90. *Бакунин* — Александр Александрович. О нем см. прим. 5 к этому письму. *Анненков* — Иван Васильевич. Анненков (1814—1887), брат писателя, в 1833—1852 гг. служил в л.-гв. конном полку, в 1853—1855 гг. был вице-директором Инспекторского департамента Военного министерства; в 1860—1862 г. начальником 1 округа корпуса жандармов; в 1862—1867 гг. — петербургским обер-полицеймейстером. Алексей Аркадьевич *Столыпин* (1816—1858) — двоюродный брат приятеля Толстого Арк. Дм. Столыпина, приятель Лермонтова, известный под именем «Монго».

* 99. Гр. С. Н. Толстому.

1855 г. Апреля 15... 30? Севастополь.

Отчего я тебѣ не пишу, Богъ знаетъ; отчасти есть причина, что не хочется и непріятно писать тамъ, гдѣ не знаешь нынче, будешь ли живъ завтра.

Баллюзекъ, [1] который передастъ тебѣ это письмо, разскажетъ все про меня. Мнѣ очень хорошо здѣсь, я такъ спокоенъ, что пишу понемногу, въ карты не играю. — Что тебѣ пришла за мысль поступить не въ военную службу, а въ стрѣлковый полкъ, правда, что въ дѣйствующую армію тебя примутъ юнкеромъ, но нельзя ли перейти въ дѣйств[ующую] армію, изъ стрѣлк[оваго] полка.

Прощай, любезный другъ, не сердись на меня за молчаніе

и когда нибудь напиши длинное письмо, я же напишу длинное, какъ скоро здѣсь будетъ потише. Узнай, пожалуйста, съ кѣмъ сноситься въ редакцію Современника и отпиши.

Твой другъ и братъ Гр. Л. Толстой.

На 8 странице:

Его Сіятельству Графу Сергѣю Николаевичу Толстому.

Печатается по автографу, находящемуся в ГТМ. Публикуется впервые. Письмо датируется на основании слов: «поручику в стрелковом полку». О зачислении гр. С. Н. Толстого в стрелковый полк Толстой узнал из письма гр. В. П. Толстого от 9 апреля 1855 г. См. прим. 7 к п. № 97. На то, что письмо писано в Севастополе, указывают слова: «как скоро здесь будет потише».

[1] Лев Федорович Балюзек. О нем см. прим. 6 к п. № 96.

Докладная записка командующему войсками кн. М. Д. Горчакову. См. т. 4.

*** 100. Т. А. Ергольской.**

1855 г. Мая 7. Севастополь.

7 Mai.

Chère Tante!

J'étais à 6 verstes de Sebastopol quand le bombardement a commencé, et la première idée qui m'est venue quand j'ai appris ce que c'était — était de vous écrire dès que le bombardement aurait fini, pour que vous l'appreniez par moi et non par les gazettes; mais le lendemain notre batterie est entrée dans la ville, et pendant tout le reste du bombardement elle y est restée et reste jusqu'à présent. J'ai été au bastion, [1] mais le diable n'est pas aussi noir qu'on le fait, je vous assure, et ce bombardement n'a pas été aussi terrible comme [le] on le décrit. Je dirai au contraire, que c'est l'époque la plus agréable que j'aie passée. Pour le moment tout est presque tranquille, je vais faire mon service au bastion durant 4 jours et puis je suis libre pour 12 jours, que je passe très agréablement. J'ai un logement très élégant avec un piano, qui donne sur le boulevard où il y a promenade et musique toutes les après-diners, j'ai beaucoup de bonnes connaissances, le temps est superbe, j'ai commencé à prendre des bains de mer. De sorte que si depuis quelque tems je fais le paresseux et même à

un tel point que je ne puis prendre sur moi d'écrire des lettres, ce n'est ni à cause du service ni à cause des dangers, mais au contraire parce que la vie est ici trop agréable. Cependant j'avais commencé ma lettre dans le but de vous expliquer ou plutôt de vous demander pardon de mon silence. Les lettres sont si longues à aller et venir et vous écrire pendant que le bombardement durait m'était désagréable et puis le bombardement cessait petit-à-petit; et puis j'ai reçu votre excellente lettre d'après laquelle je vois que vous avez déjà eu la nouvelle du bombardement par les gazettes. [2] Tout ce que cela prouve cependant est seulement que je suis un vilain grand garçon, qui ne mérite l'amour que vous lui portez que par le sien et non par sa conduite. Je ne saurais vous dire combien m'a touché votre bonne lettre, dans laquelle vous ne voulez pas me gronder, me croyant à plaindre et tâchez de me consoler. Je n'ai plus joué et j'ai payé une partie des dettes les plus criantes avec l'argent 400 r. que j'ai reçu de Valérien; mais il m'en reste encore plus de 600 qui me tourmentent. Je crois ne pas avoir besoin de vous dire que je désire et tâche de suivre les conseils de modération et d'activité que vous me donnez; et jusqu'à présent je n'ai encore rien à me reprocher sous ce rapport qu'un peu de paresse; mais au reste j'ai une excuse qui j'espère vous paraitra assez grave: c'est le genre de vie que j'ai mené et que je mène tantôt dans une bonne société, tantôt dans une société canaille, tantôt dans les privations, tantôt dans le luxe même; il est difficile dans ces circonstances de ne jamais dévier du chemin qu'on s'est tracé. — Adieu, chère tante, j'ai voulu écrire beaucoup; mais voilà qu'on m'appelle pour dîner, je ne sais si je pourrais écrire encor le soir, car je suis de service. Je tâcherai de vous écrire plus souvent mais au nom du Ciel ne vous tourmentez pas trop sur mon compte, je vous assure que les dangers que je cours ici ne sont pas trop grands, et aussi ne me désirez pas du succès dans le service, cela me fait trop de peine de ne pouvoir remplir vos voeux sous ce rapport, ne désirez po[ur] moi que la santé et le bonheur — ce sont là des biens véritables. Tandis que pour le succès, c. à d. l'avancement, les honneurs — je ne suis pas fait pour l'avoir. Figurez vous que je n'ai pas pu prendre sur moi de porter la lettre de tante Pauline [3] au Prince, [4] j'en ai chargé un de mes amis, lequel m'a dit 2 jours après que le Prince m'avait fait dire [de] venir dîner le même jour, je

suis venu, et il ne m'a pas remarqu[é] ayant probablement oublié ce qu'il voulait me dire et je ne suis pas homme à me rappe[l]er. De sorte que la seule chose que je désirais être son aide de camp, a présent ne reussira plus. Du reste peut-être que tout est pour le mieux, car sous les rapports de service je me trouve parfaitement dans la batterie où je suis. — Adieu chère tante je baise mille [fois] vos mains.

Léon.

7 мая

Дорогая тетенька!

Я был в 6 верстах от Севастополя, когда началась бомбардировка, и, когда я узнал об этом, первая моя мысль была написать вам тотчас, когда она прекратится, чтобы вы узнали о ней от меня, а не из газет; но на следующий день наша батарея вошла в город и в течение всех последних дней бомбардировки батарея оставалась в городе, где и остается до сих пор. Я был на бастионе; [1] но не так страшен чорт, как его малюют, и уверяю вас, что бомбардировка не так ужасна, как ее описывают. Скажу, наоборот, лучшее время было то, которое я там провел. Теперь почти стихло, 4 дня я дежурю на бастионе, а затем я свободен на 12 дней, которые провожу очень приятно. У меня очень нарядная квартира, с фортепьяно, она выходит на бульвар, где каждый день гулянье, музыка; у меня много хороших знакомых, погода великолепная и я начал купаться в море. Так что, ежели с некоторых пор я разленился до такой степени, что не могу заставить себя написать письма, это не по случаю службы, или опасности, а только потому, что здесь живется чересчур приятно. Собственно говоря, я стал писать это письмо, чтобы объяснить вам свое долгое молчание или, вернее, просить у вас прощение за него. Письма идут так долго туда и обратно, а писать, покуда шла бомбардировка, мне не хотелось, затихала она понемногу, затем я получил ваше чудесное письмо, из которого я узнал, что вы уже знаете о происходящем по газетам. [2] Всё это однако доказывает только, что я скверный малый, заслуживающий вашу любовь не своим поведением, а только своею любовью к вам. — Не сумею вам выразить, как я был растроган вашим добрым письмом, вы не упрекаете меня, думая, что меня надо жалеть, и стараетесь меня утешить. Я больше не играл и уже уплатил часть долгов, самых необходимых из 400 р., присланных Валерьяном; но должен я еще более 600 р., и это меня мучает. Кажется нет необходимости говорить вам, что я желаю и стараюсь следовать вашим советам относительно умеренности и деятельности; покуда не могу себя упрекать в этом отношении, но я ленюсь; некоторое мое оправдание, с чем, я надеюсь, и вы согласитесь, это тот образ жизни, который я вел, да и теперь веду, то в хорошем обществе, то среди всякого сброда, то в лишениях, то даже в роскоши; в таких обстоятельствах трудно не сбиваться с намеченного пути. Прощайте, дорогая тетенька, хотел много написать, а меня зовут обедать; не знаю,

удастся ли мне писать еще вечером, так как я дежурный. Постараюсь писать почаще, но, ради бога, не мучайтесь обо мне, — уверяю вас, что я не в большой опасности; и еще, не желайте мне успехов по службе, а то мне так жаль, что я не могу исполнить вашего пожелания в этом отношении, желайте мне только здоровья и счастья — это действительно благо. А успех, т. е. выдвигаться по службе, почести... я не создан для этого. Представьте себе, я не мог себя заставить снести князю [4] письма тети Полины и поручил это своему приятелю, который сказал мне 2 дня спустя, что князь сказал, чтобы я в тот самый день пришел к нему обедать; я пошел, но он и не заметил моего присутствия, вероятно забыв, что он собирался мне сказать, а я не из тех, которые о себе напоминают. Так что мое единственное желание — быть его адъютантом, теперь не осуществится. Впрочем, может быть, всё к лучшему; в служебном отношении я вполне доволен своим положением в батарее. Прощайте, дорогая тетенька, тысячу раз целую ваши руки.

Печатается по автографу, хранящемуся в АТБ. Публикуется впервые.

Письмо Толстого является ответом на письмо Т. А. Ергольской от 16 апреля.

[1] В первый день (28 марта) «второго» бомбардирования Севастополя (об этом см. прим. к п. № 97) Толстой находился на позиции на р. Бельбеке (в 20 верстах от Севастополя), откуда 30 марта выехал квартирьером батареи в Севастополь. В Севастополе Толстой находился на 4 бастионе, особенно пострадавшем от бомбардирования, до 15 мая, когда выехал на Бельбек, где ему было поручено сформировать горный взвод.

[2] Толстой имеет в виду вышеприведенное письмо Т. А. Ергольской от 16 апреля. См. прим. к п. № 97.

[3] Пелагея Ильинична Юшкова. В дневнике Толстого под 24 апреля записано: «Получил письмо от тетки [не сохранившееся], которое передал, для передачи князю Ковалевскому».

Егор Петрович Ковалевский (1811—1868), писатель, путешественник, сенатор. С ноября 1853 г. состоял в штабе главнокомандующего кн. М. Д. Горчакова, сначала на Дунае, а затем в Севастополе до Инкерманского сражения (24 октября 1854 г.), после которого вернулся в Петербург. Толстой близко познакомился с Е. П. Ковалевским на Дунае, а затем часто встречался с ним в Петербурге. Об Е. П. Ковалевском см. еще в 60 т.

[3] Командующему кн. М. Д. Горчакову.

На это письмо Т. А. Ергольская отвечала 28 мая.

101. И. И. Панаеву.

1855 г. Июня 14. Позиция на р. Бельбек.

Милостивый государь Иванъ Ивановичъ!

Повѣрите ли, что я долженъ переломить стыдъ, который испытываю, чтобы взяться за перо и писать вамъ. Мнѣ стыдно,

что я живъ и здоровъ, что только одно, ежели бы было наоборотъ, могло бы служить извиненіемъ молчанію на 3 письма [1] вашихъ и на письма, столь любезныя, волнующія меня и иногда, въ минуты самолюбиваго заблужденія, заставляющія вѣрить въ талантъ и значеніе мое въ литературѣ, которое, признаюсь, мнѣ бы очень хотѣлось имѣть. На вопросы ваши въ предыдущемъ письмѣ отвѣчаю по пунктамъ. 1) Деньги за «Отрочество» я получилъ, 2) Присылать мнѣ и деньги и книги по старому адресу въ Главный Штабъ, 3) и за каждую статью отдѣльно. — На мое несчастье я обѣщалъ вамъ слишкомъ много — сотрудники мои лѣнились, когда я былъ въ Севастополѣ; теперь же съ мѣсяцъ, какъ я уѣхалъ, ничего не знаю о ихъ статьяхъ.[2] Самъ я былъ боленъ, но несмотря на то надѣюсь, что дня черезъ 3 пошлю вамъ «Разсказъ Юнкера»[3]— довольно большую статью, но не Севастопольскую, а Кавказскую, которая поспѣетъ къ VII книжкѣ. Вѣрьте, что мысль о военныхъ статьяхъ занимаетъ меня теперь столько же, сколько и прежде, и я наднях поѣду въ Севастополь съ тѣмъ, чтобы подгонять Ростовцева и Бакунина и взять у нихъ статьи, ежели онѣ готовы; [4] но дѣйствительность слишкомъ богата событіями, чтобы у когонибудь оставалось время для мысли. За себя я все-таки вамъ отвѣчаю — по статьѣ каждый мѣсяцъ — за другихъ не навѣрное. Адресъ мой все тотъ же и все-таки черезъ курьеровъ, ежели вы устроили это. — Ежели Тургеневъ въ Петербургѣ, то спросите у него позволенія на статьѣ Разсказъ Юнкера надписать: посвящается И. Тургеневу. Эта мысль пришла мнѣ потому, что, когда я перечелъ статью, я нашелъ въ ней много невольнаго подражанія его разсказамъ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью имѣю честь быть вашъ покорный слуга.

Бельбекъ, 1855 г., іюня 14.

Печатается по автографу, хранящемуся в ИРЛИ. Впервые опубликовано П. А. Сергеенко в ПТСО, стр. 1—2.

Иван Иванович Панаев (р. 15 марта 1812 г., ум. 12 февраля 1862 г.), писатель. По окончании Благородного пансиона при Петербургском университете в 1830 г., служил в Министерстве финансов и в Министерстве народного просвещения, где состоял до 1845 г. при редакции «Журнала министерства народного просвещения». Выйдя в отставку, Панаев всецело отдался литературе. С 1839 г. был деятельным сотрудником «Отечественных записок», помещая в них повести и рассказы. В это время очень сблизился с В. Г. Белинским. В конце 1846 г. на свои деньги купил

с Н. А. Некрасовым издававшийся П. А. Плетневым журнал «Современник». После отказа от редакторства А. В. Никитенки, Панаев стал ответственным редактором «Современника». В каждом почти номере журнала были его статьи, часто без подписи или под псевдонимом «Нового поэта». Особенной известностью пользуются «Литературные воспоминания» Панаева (переизданы в 1928 г. под ред. Иванова-Разумника). В свое время очень популярны были «Заметки нового поэта», и имя Панаева ставили рядом с именем Белинского. Толстой, познакомившийся с Панаевым по приезде в Петербург в ноябре 1855 г., часто с ним встречался, но особой близости между ними не было. Из их переписки сохранилось пятнадцать писем — шесть писем Толстого и девять И. И. Панаева.

Письмо является ответом на три письма И. И. Панаева: от 19 апреля, 3 и 19 мая 1856 г.

[1] Первое письмо Панаева — от 19 апреля — не сохранилось. Второе письмо — от 3 мая, в котором Панаев писал Толстому:

«Милостивый государь граф Лев Николаевич, Некрасов уехал в деревню и, кажется, отправляется потом за границу. — «Современником» теперь заведую я и потому прибегаю к вам с покорнейшею просьбою адресоваться уже прямо на мое имя, в контору «Современника». Некрасов, между прочим, уведомил меня, что вы обещали выслать Военные рассказы теперь и прислать ваше «Юношество» к осени... Не могу вам выразить, с каким нетерпением ожидали мы, все почитатели вашего таланта (а таких у вас очень много), и того и другого. Меня особенно беспокоит, что я не получал еще от вас посылки, потому что Некрасов сказал мне, что вы обещали ее не медля выслать. Деньги, следовавшие вам, отданы Некрасовым, если не ошибаюсь, через Тургенева вашему зятю. Потрудитесь уведомить — получили ли вы их? Ваше участие в журнале моем так важно, что его будущее связано некоторым образом с вашими трудами. — Не лишайте же их «Современника» и еще более русскую публику, которая вас так любит и ценит. Преданный вам Иван Панаев». («Красная новь», 1928, кн. 9, стр. 214—215.)

Некрасов уехал из Петербурга в свое костромское имение в середине апреля. Из Костромской губернии он уехал в Москву, к В. П. Боткину, на дачу в Петровском парке. За границу в этот год Некрасов не уехал. *Военные рассказы.* В письмах от 19 декабря 1854 г. и от 11 января 1855 г. к Некрасову Лев Николаевич предлагал ему, для помещения в «Современнике», рассказы и статьи, заготовленные для задуманного кружком офицеров артиллерийского штаба Южной армии военного журнала, не разрешенного Николаем I. *«Юношество».* О работе над «Юностью» Толстой писал Некрасову в недошедшем до нас письме от первой половины апреля. *Деньги.* Речь идет о гонораре за «Отрочество», напечатанное в октябрьской книжке «Современника» за 1854 г. Некрасов писал Льву Николаевичу 17 января 1855 г.: «... несколько дней тому назад Тургенев, уезжая в Москву, сказал мне, что увидит там вашу сестру и ее мужа, и я дал Тургеневу деньги, прося послать их вам, если ваши родные знают верный ваш адрес и имеют от вас известия». (Альманах «Круг», кн. шестая, М. 1927, стр. 192.) О получении денег от Тургенева и высылке их

Толстому писал гр. В. П. Толстой Льву Николаевичу 9 апреля 1855 г. См. прим. 7 к п. № 97.

Третье письмо И. И. Панаева от 19 мая:

«Милостивый государь, граф Лев Николаевич, я писал к вам с месяц назад тому, адресуя мое письмо в штаб главнокомандующего. Не знаю, получили ли вы его? После того я получил от вас ваш превосходный очерк *Севастополь в декабре*, который уже и напечатан в VI книжке Современника — с небольшими ценсурными пропусками. Редакция ничего не изменяет в ваших статьях — и если они печатаются не совсем так, как присылаются, то это уже вина не наша, а ценсуры. — Умоляю вас присылать в Современник статьи в роде присланной. Они будут читаться с жадностью. О продолжении такого рода статей я объявил уже в примечании к вашей статье. Я писал вам, что деньги. следующие вам, были отданы И. С. Тургеневу, который передал их вашему зятю для отсылки к вам. Получили ли вы их наконец? И как мне посылать вам вперед следуемые деньги: 1) куда? во 2) За каждую статью или за несколько вдруг? Уведомьте меня обо всем этом, — адресуя прямо на мое имя и в мою квартиру *Ив. Ив. Панаеву, на углу Загородного проспекта и Ивановской улицы, в дом Погребова.* Прямо по этому адресу письма ваши я буду получать скорее. Мы все, интересующиеся сколько-нибудь русской литературой, молимся за вас, да спасет вас бог! Очень жаль, что я видел один раз мельком, случайно того офицера, с которым вы прислали ваш рассказ. Я его просил ко мне, и он взял мой адрес, но не был у меня. Пожалуйста, Лев Николаевич, не забывайте русскую литературу и Современника, если в Севастополе можно теперь о чем-нибудь помнить. Буду надеяться получить от вас статью и письмо. Преданный вам И. Панаев». («Красная новь», 1928, кн. 9, стр. 215—216.)

Упоминаемое в начале *письмо И. И. Панаева* не сохранилось. Так как рукопись «*Севастополя в декабре*», посланная в конце апреля Толстым в «Современник», до нас не дошла, то нельзя сказать, что́ именно не пропустила цензура в рассказе. Судя по тексту рассказа в книге Толстого «Военные рассказы» изд. 1856 г., текст в «Современнике» не подвергался существенным искажениям. «Севастополь в декабре» в «Современнике» 1855 г. (июньская книжка) сопровожден таким *примечанием* редакции: «Автор обещает ежемесячно присылать нам картины севастопольской жизни, в роде предлагаемой. Редакция «Современника» считает себя счастливою, что может доставлять своим читателям статьи, исполненные такого высокого современного интереса, и притом написанные тем писателем, который возбудил к себе такое живейшее сочувствие и любопытство во всей читающей русской публике своими рассказами: «Детство», «Отрочество», «Набег» и «Записки маркера». *Офицер*, с которым Лев Николаевич посылал «Севастополь в декабре», — вероятно Л. Ф. Балюзек.

[2] Об этом см. п. № 98.

[3] Толстой имеет в виду рассказ «Рубка леса». См. п. № 102.

[4] О статьях А. А. Бакунина и Н. Я. Ростовцева см. п. № 98.

102. И. И. Панаеву.

1855 г. Іюня 16. Буюк-Сюрень.

Милостивый Государь!
Иванъ Ивановичъ!

Чтобы сдержать свое обѣщаніе [1] и прислать Вамъ Разсказъ Юнкера для 7-ой книжки Современника, посылаю его Вамъ непереписаннымъ въ немножко непрезентабельномъ видѣ. Вы замѣтите однако, что, несмотря на перемарки, все очень четко и ясно. [2] Я очень боюсь, чтобы Вы не приняли небрежность переписки за небрежность сочиненія, напротивъ, ни одинъ разсказъ мнѣ не стоилъ столько труда и времени, поэтому [*вырезано несколько строк*] ли бы были исключены, уничтожили бы весь смыслъ разсказа, хотя то, что онъ мнѣ стоилъ много времени, нисколько не доказываетъ мнѣ его достоинства; напротивъ, онъ мнѣ кажется очень сомнительнымъ, и такъ какъ я его никому не показывалъ, то мнѣ очень интересно будетъ узнать о немъ Ваше мнѣніе, которое и прошу Васъ очень поскорѣе сообщить мнѣ и совершенно откровенно. Слѣдующій разсказъ будетъ Севастопольской. [3] Онъ немного не поспѣетъ къ VII книжкѣ, о чемъ я весьма жалѣю, тѣмъ болѣе, что Вы въ примѣчаніи къ моей статьѣ обѣщали современныя статьи, тогда какъ я обѣщалъ только военныя. [4] Какъ бы то ни было, ежели Вы найдете разсказъ этотъ въ *настоящемъ видѣ* стоющимъ печатанія, печатайте, ежели нѣтъ, пришлите мнѣ его обратно. [5] — Затѣмъ съ нетерпѣніемъ ожидая Вашего отвѣта, съ совершеннымъ уваженіемъ имѣю честь быть [*вырезано несколько строк*].

16 іюня 1855.
Буюкъ Сюрень. [6]

На 4 странице:

Его Высокоблагородію Ивану Ивановичу Панаеву.

Печатается по автографу, хранящемуся в ИРЛИ. Впервые опубликовано М. А. Цявловским в «Красной нови», 1928, 9, стр. 218—219.

[1] В письме к И. И. Панаеву от 14 июня 1855 г. № 101 Толстой писал, что надеется дня через три послать «Рассказ юнкера».

[2] Толстой имеет в виду рассказ «Рубка лѣса», начатый еще в июне 1853 г. В дневнике Толстого под 16 июня 1855 г. записано: «Окончил

«Записки юнкера» нечетко и нехорошо, но послать можно». 17 июня: «...работал всё над «Записками юнкера»; 18 июня: «Утром кончил «Записки юнкера», написал письмо и послал». Посланная Панаеву рукопись рассказа до нас не дошла.

[3] Имеется в виду рассказ «Севастополь в мае».

[4] См. письмо И. И. Панаева от 19 мая, приведенное в прим. к п. № 101.

[5] «Рубка лесу. Рассказ юнкера» с посвящением И. С. Тургеневу, был напечатан в «Современнике» 1855, № 9 с датой: «1855 года 15 июня» и подписью: «Л. Н. Т.».

[6] Буюк-Сюрень или Буюк-Сюйрень — татарская деревня в долине р. Бельбека, на Ялтинском шоссе, в 12 в. от Бахчисарая.

На это письмо Панаев отвечал письмом, полученным Толстым 20 июля (запись в дневнике) и до нас не дошедшим.

* 103. Гр. С. Н. Толстому.

1855 г. Июля 3. Позиция на р. Бельбек.

Г-ну поручику Стрѣлковаго Императорской Фамиліи Полка Графу Толстому

Начальника Горной Артиллеріи Южной Арміи и Морскихъ и сухопутныхъ силъ, въ Крыму расположенныхъ, Артиллеріи Подпоручика и кавалера Графа Толстаго

Рапортъ.

Вслѣдствіи продолжительнаго молчанія Вашего и моего Сіятельства, имѣю честь почтительнѣйше донести, что сіе обоюдно было весьма глупо, и что я съ своей стороны намѣренъ исправить сію ошибку и впредь не впадать въ оную, о чемъ покорнѣйше прошу и Ваше Сіятельство. —

Начальникъ Горной Артиллеріи Подпоручикъ
Графъ Толстой.

№ 54
3 Іюля 1855 г.
Позиція при р. Бельбекъ.

Хотѣлъ было не писать больше ничего, съ тѣмъ, чтобы только узнать гдѣ ты (хотя я знаю, что ты былъ въ Суздалѣ, но долженъ былъ перейти въ Петербургъ, а самъ хотѣлъ ѣхать въ Пира-

гово), но потомъ вообразилъ себѣ, какъ ты бы обозлился и нѣсколько разъ назвалъ бы меня — «самымъ пустяшнымъ малымъ», но главное, что самому захотѣлось разсказать и разспросить кое-что, хотя и сильно сомнѣваюсь, дойдетъ ли и когда къ тебѣ это письмо. Хотя ты вѣрно знаешь черезъ нашихъ, [1] гдѣ и что я дѣлалъ, повторю тебѣ свои похожденія съ Кишинева, тѣмъ болѣе, что можетъ быть для тебя будетъ интересно то, какъ я их разсказываю, а поэтому ты узнаешь, въ какой я фазѣ нахожусь — такъ какъ ужъ видно моя судьба всегда находиться въ какой нибудь фазѣ. Изъ Кишинева 1-го Ноября я просился въ Крымъ, отчасти для того, чтобы видѣть эту войну, отчасти для того, чтобы вырваться изъ Штаба Сержпутовскаго, который мнѣ не нравился, а больше всего изъ патріотизма, который въ то время, признаюсь, сильно нашелъ на меня. — Въ Крыму я никуда не просился, а предоставилъ распоряжаться судьбой начальству; меня прикомандировали къ батареѣ въ самый Севастополь, гдѣ я пробылъ мѣсяцъ весьма пріятно, въ кругу простыхъ добрыхъ товарищей, которые бываютъ всегда особенно хороши во время настоящей войны и опасности. Въ Декабрѣ нашу батарею отвели къ Симферополю, и тамъ я прожилъ $1^1/_2$ мѣсяца въ удобномъ помѣщичьемъ домѣ, ѣздилъ въ Симферополь танцовать и играть на фортапьянахъ съ барышнями и охотиться на Чатырдагъ [2] съ чиновниками за дикими козами. Въ Январѣ опять была тасовка офицеровъ, и меня перевели въ бат[арею], кот[орая] стояла на горахъ въ 10 в. отъ Севастополя на Бельбекѣ.[3] Тамъ j'ai fait à la connaissance de la mère de Кузьма, [4] самый гадкій кружокъ полячишекъ въ батареѣ, командиръ, хотя и доброе, но сальное, грубое созданіе, никакихъ удобствъ, холодъ въ землянкахъ.[5] Ни одной книги, ни одного человѣка, съ кот[орымъ] бы можно поговорить. И тутъ то я получилъ 1500 р. на журналъ, кот[орый] ужъ былъ отказанъ, и тутъ то я проигралъ 2500 р. и чѣмъ доказалъ всему міру, что я все таки *пустяшный малый*, хотя предъидущія обстоятельства и могутъ быть приняты comme circonstances attenuantes, [6] все таки очень, очень скверно. Въ Мартѣ стало теплѣй, и пріѣхалъ въ батарею милый отличный человѣкъ Броневской, я сталъ опоминаться, а 1-го Апрѣля батарея во время самаго бомбардированія пошла въ Севастополь, и я совсѣмъ опомнился. Тамъ до 15 Мая, хотя и въ серьезной опасности, т. е. по 4 дня черезъ 8 дней дежурнымъ на

батареѣ 4-го бастіона, но весна и погода отличная; впечатлѣній и народа пропасть, всѣ удобства жизни, и насъ собрался прекрасный кружокъ порядочныхъ людей, такъ что эти $1^1/_2$ мѣсяца останутся однимъ изъ самыхъ моихъ пріятныхъ воспоминаній. 15 мая Горчак[ову] или Началь[нику] Артил[леріи] вздумалось поручить мнѣ сформировать и командовать Горнымъ взводомъ на Бельбекѣ — 20 в. отъ Сев[астополя], чѣмъ я чрезвычайно до сихъ поръ доволенъ во многихъ отношеніяхъ. Вотъ тебѣ общее описаніе, въ слѣдующемъ письмѣ напишу подробнѣе о настоящемъ. —

Адресомъ моимъ пожалуйста никогда не затрудняйся — всегда въ Главный Штабъ Крымской Арміи и больше ничего. — Про себя, кромѣ того, что тебѣ придетъ въ голову, напиши мнѣ пожалуйста двѣ вещи. 1) Зачѣмъ и отчего ты пошелъ на службу и доволенъ ты ли ею и 2-е) Чѣмъ ты рѣшилъ съ Машей. [7] Вчера ночевалъ у меня Ферзенъ, [8] который у князя по особымъ порученіямъ, и немного поразсказалъ мнѣ про тебя. —

Печатается по автографу, хранящемуся в ГТМ. Впервые отрывок из письма опубликован П. И. Бирюковым в Б, I, 1906, стр. 248—250 (с неверной датой «май»); в несколько большем виде дано П. А. Сергеенко в ПТС, I, стр. 49—51; в еще более полном виде в Бир., XX, 1913, стр. 141—143. —

[1] Между письмами к Т. А. Ергольской от 7 мая и 4 августа было еще по крайней мере одно от конца мая, на которое отвечала Т. А. Ергольская 3 июля следующим письмом. Приводим его не полностью:

«Где ты теперь, дорогой, обожаемый мой Léon? В последнем твоем письме, полученном 16 июня, ты пишешь, что ты в Бахчисарае, в прекраснейшем на свете крае, что ты сделан командующим горной артиллерией, и что это назначение тебе приятно. Со своей стороны, я порадовалась, что ты доволен службой, а, главным образом потому, что ты не в горестном Севастополе, в городе крови и бойни. Я всегда боялась за тебя (как и писала в своем последнем письме), покуда ты там находился, опасности войны, отравленного воздуха, которым ты дышал, очагов заразных болезней, всё это возбуждало страх за твою бесценную жизнь. Всевышний господь услышал мои усердные моленья, сжалился над моими терзаниями и сохранил тебя от ужасов войны. Письмо твое с этими добрыми вестями принесло с собою радость и счастье, и сердце мое успокоилось. Но с тех пор прошло больше месяца, от тебя нет письма, и я опять тревожусь. Напиши мне хотя несколько слов, дорогой Léon, только, чтобы меня успокоить. Все жалуются на тебя; ты никому не пишешь, ни Валерьяну, ни Николеньке, а от Тургенева знаю, что ты здоров, так как ты писал Панаеву, который и говорил ему об этом письме. В нем упоминается о новом твоем сочинении; радуюсь, что свое время ты употребляешь на полезное и приятное. Все с ума сходят от твоих сочинений! Твое опи-

сание Севастополя в декабре месяце — великолепно; я прочла эту статью в *Русском инвалиде*. Мне не приходится хвалить тебя; что бы я ни сказала, показалось бы вульгарным в сравнении с оценкой, высказанной этой газетою, где говорится, *что хотим познакомить с истинно превосходной статьею*. И точно, невозможно ничего лучше этого написать. Я виделась недавно с Николенькой, много говорила с ним об этом описании Севастополя; он тоже, и все знакомые в восхищении от твоих сочинений; продолжай, милый Лева, заниматься литературой, ты уже себя очень прославил своими сочинениями, ты одарен удивительными способностями, употребляй их на пользу; и отбрось все *другие слабости*, которые тебя ни к чему доброму не поведут, а только могут навсегда расстроить твои дела». (Оригинал по-французски; публикуется впервые; подлинник в АТБ.)

Ты писал Панаеву. — Т. А. Ергольская несомненно имеет в виду письмо Толстого к Некрасову от 30 апреля, которое за Некрасова получил Панаев и о котором, очевидно, писал Тургеневу в Спасское (письмо Панаева к Тургеневу в печати неизвестно). В письме к Некрасову от 30 апреля Толстой писал о своих военных статьях, которые и нужно разуметь под *сочинением*, как пишет Ергольская. *Севастополь в декабре* был перепечатан в извлечениях в «Русском инвалиде» (№ 122 от 5 июля 1855 г.). Этот номер Ергольская вероятнее всего получила от Тургенева, так как он то же впервые прочел «Севастополь в декабре» в этой газете, о чем писал Панаеву 27 июня 1855 г. (См. И. И. Панаев «Литературные воспоминания с приложением писем разных лиц», Спб., 1888, стр. 400.)

[2] Чатыр-даг — (от татарского «шатер-гора»). Одна из высших вершин крымских гор (в. 5003 ф.), расположенная на юго-восточном берегу полуострова.

[3] Об этом см. прим. 4 к п. № 95.

[4] Я познакомился с Кузькиной матерью.

[5] О командире и офицерах батареи в дневнике Толстого под 23 января записано: «Филимонов, в чьей я батарее, самое сальное создание, которое можно себе представить. Одаховский, старший офицер, гнусный и подлый полячишка, остальные офицеры под их влиянием и без направления». О Филимонове, кроме того, что его имя начиналось на букву «В», мы не располагаем никакими сведениями. В АТБ сохранилось письмо его дочери, которая в 1890-ых годах писала Толстому, что он остался должен ее отцу, как говорил ей последний.

[6] как обстоятельства, уменьшающие вину.

[7] Мария Михайловна Шишкина. О ней см. прим. 16 к п. № 12.

[8] Герман Егорович Ферзен. О нем см. прим. 2 к п. № 12.

104. И. И. Панаеву.

1855 г. Июля 4. Позиция на р. Бельбек.

Милостивый Государь
Иванъ Ивановичъ!

Посылаю Вамъ Севастопольскую статью.[1] Хотя я убѣжденъ, что она безъ сравненья лучше первой, она не понравится, въ

этомъ я увѣренъ. И даже боюсь, какъ бы ее совсѣмъ не пропустили. Насчетъ того, чтобы ея не изуродовали, какъ Вы сами увидите, я принялъ всевозможныя предосторожности.[2] Во всѣхъ мѣстахъ, которыя показались мнѣ опасными, я сдѣлалъ варіянты съ такого рода знаками (в) или скобками означилъ, что выключить въ томъ случаѣ, ежели не понравятся цензурѣ.

— Ежели же сверхъ того, что я отмѣтилъ, стали бы вымарывать что-нибудь, рѣшительно не печатайте. Въ противномъ случаѣ это очень огорчитъ меня. Для заглавія я сдѣлалъ варіантъ,[3] потому что «Севастополь въ Маѣ» слишкомъ явно указываетъ на дѣло 10 Мая,[4] а въ Совр[еменникѣ] не позволено печатать о военныхъ дѣлахъ. *Напшисецкаго* я замѣнилъ *Гнилокишкинымъ* на тотъ случай, ежели цензура скажетъ, что офицеръ не можетъ отъ флюса отказываться отъ службы; тогда это 2 различные офицера.[5] Польскую фразу, ежели можно помѣстить, то съ переводомъ въ выноскѣ, ежели нельзя, то русскую, которая подъ знакомъ (+).[6] И еще ругательства Русскія и французскія нельзя ли означить точками, хотя безъ начальныхъ буквъ, ежели нельзя, но они необходимы.[7]

Вообще надѣюсь, что Вы будете такъ добры защитить сколько можно мой разсказъ — зная лучше взглядъ цензуры, вставите ужъ впередъ нѣкоторые варіанты, чтобы не разсердить ея и какія-нибудь незначительныя, непредвидѣнныя измѣненія сдѣлаете такъ, чтобы не пострадалъ смыслъ. Очень ожидая отвѣта Вашего на 2 письма моихъ[8] и еще разъ повторяя покорную просьбу покровительствовать и защитить этотъ послѣдній разсказъ,

имѣю честь быть
Вашъ покорнѣйшій слуга
Гр. Л. Толстой.

4 Іюля 1855
Бельбекъ.

№-а подраздѣленія и черточки, пожалуйста, также оставьте, какъ они у меня въ рукописи.

На 1 странице:

Его Высокоблагородію Ивану Ивановичу Панаеву.

Печатается по автографу, хранящемуся в ИРЛИ. Впервые опубликовано М. А. Цявловским в «Красной нови», 1928, 9, стр. 219—220.

[1] «Севастополь в мае», писавшийся 18—26 июня.

[2] Посланная Толстым рукопись в настоящее время находится в ЛБ. По этой рукописи рассказ впервые напечатан лишь в настоящем издании (см. 4 т., стр. 18—59 и 387—392).

[3] Вариант был: «Ночь весною в Севастополе».

[4] В ночь с 10 на 11 мая происходило сражение на правом фланге оборонительной линии за наши контр-апроши у кладбища и у карантинной бухты. У кладбища после пятичасового боя неприятельские войска заняли часть контр-апрошей, а у бухты траншеи и ложементы три раза переходили из рук в руки и, наконец, около часа пополуночи были окончательно заняты французами. За ночь у нас выбыло из фронта 2516 человек, а у неприятеля — 2303 чел.

[5] См. стр. 25 и 192 4 тома.

[6] См. там же стр. 36 и 204.

[7] См. там же стр. 45, 55, 57 и 214.

[8] Письма от 14 и 16 июня.

На это письмо Панаев ответил письмом от 18 июля, которое см. в прим. к п. № 107.

* 105. Т. А. Ергольской.

1855 г. Августа 4. Севастополь.

Chère tante!

Aujourd'hui le 4 il y a eu une grande bataille. J'y ai été et pris très peu [de] part. [1] Je suis sain et sauf. Mais au moral je n'ai jamais été pire, l'affaire a été malheureuse. Une journée affreuse: nos meilleurs Généraux et officiers presque tous blessés ou tués. J'expédie cette lettre — avec un courrier, qui part l'instant même. Je crois qu'à présen[t] de longtems nous n'entreprendrons rien. — Adieu, chère tante, je bais[e] mille fois vos mains. Combien j'aurais donné pour être à présent auprès de vous.

Votre Léon.

На конверте:

Ея Высокоблагородію Татьянѣ Александровнѣ Ергольской.
Въ Тулу.

Дорогая тетенька!

Сегодня, 4 числа, было большое сражение. Я там был, но мало участвовал. [1] Я жив и здоров, но в душевном отношении никогда себя хуже не чувствовал, сражение было проиграно. Ужасный день: лучшие наши генералы и офицеры почти все ранены или убиты. Отсылаю это письмо с курьером, который сейчас уезжает. Думаю, что надолго мы теперь

ничего предпринимать не будем. — Прощайте, дорогая тетенька, целую тысячу раз ваши ручки. Сколько бы я дал, чтобы быть теперь с вами.

Ваш Лев.

Печатается по автографу, хранящемуся в АТБ. Публикуется впервые. Датируется содержанием, почтовыми штемпелями: «Москва, 1855, августа 10» и «Получено 1855, августа 12» и ответным письмом Т. А. Ергольской от 23 августа 1855 г., которое приводим полностью:

«Не могу выразить как я была счастлива, получив твое письмо от 4 августа, дорогой мой Léon. Я плакала от радости при виде твоего почерка и узнав, что ты благополучен после этого страшного сражения. Первым долгом, я послала за батюшкой, и он отслужил благодарственный молебен. Я не могла ожидать, что ты будешь в этом сражении; ведь ты писал в последнем своем письме к Валерьяну, что ты стоишь у Бахчисарая, я и успокоилась, зная, что это далеко от Севастополя; и вдруг ты опять туда вернулся. Как быть спокойной, когда знаешь, что город бомбардируется, что бомбы летают день и ночь, и я день и ночь думаю о тебе и молюсь, чтобы всевышний сохранил твою драгоценную жизнь. И молитва моя будет услышана, оттого что я воссылаю ее из глубины своего сердца. — Последнее это письмо от 4 августа я получила только 13 и с московским штемпелем; видимо курьер, которому ты его передал, позабыл передать его на Тульскую почту, раз что оно помечено Москвою. Но по твоей любовной заботе, добрый мой Léon, я точно получила твое письмо ранее, нежели прочла в газетах об этом кровавом деле. Ах! сколько потерь! Благодарение богу, что князь Горчаков остался жив. Верно он находился в большой опасности, когда рядом с ним был убит генерал. Сколько убитых генералов и офицеров, сколько горя, сколько слез, содрогаешься при мысли об этом! Боже мой, когда настанет конец этой бойне! Не задумываясь отдала бы несколько лет своей жизни, чтобы ты вернулся невредимым. Но когда мы доживем до этого счастья, одному богу известно, всё в его высшей воле. Письмо твое я послала Мари, Валерьяну и Николеньке, который у них: они будут рады ему, рады знать, что ты благополучен. Все наши соседи живо тобой интересуются и вообще все желают тебе счастья на службе. Дай бог, чтобы их желания сбылись. М-ль Вергани и семья Арсеньевых особенно тобою интересуются. Бедненькая Валерия хворает с тех пор, как она простудилась на балу на вокзале и всё не может поправиться. Она прехорошенькая и преинтересная девушка. Жаль, что она часто хворает. Затем, прощай, дорогой, обожаемый мой Léon. Призываю на тебя благословение бога, и да хранит он тебя. Целую тебя нежно. Сердечно твоя. Тетя Е.» (Оригинал по-французски; публикуется впервые; подлинник в АТБ.)

Письмо Толстого к гр. В. П. Толстому не сохранилось. *Вокзалом* называлось здание в Москве, в Петровском парке, где давались спектакли, концерты и балы.

[1] 4 августа 1855 г. на Черной речке произошла знаменитая атака со стороны русских войск, находившихся под командованием кн. М. Д. Горчакова. К 7 часам утра, когда сражение казалось оконченным (союзники владели левым берегом Черной речки, русские — правым), кн. Гор-

чаков решился возобновить бой и проиграл сражение. С нашей стороны потеряно было 8000 чел.; из них убито 3 генерала, 69 офицеров и 2273 нижних чинов; раненых 4 генерала, 160 офицеров и 3995 нижних чинов. Среди убитых был генерал-адъютант бар. П. А. Вревский, сраженный ядром в нескольких шагах от главнокомандующего.

* 106. Гр. С. Н. Толстому.

1855 г. Августа 7. Бахчисарай.

Какъ тебѣ не совѣстно не отвѣчать мнѣ, когда я знаю, что ты въ Петербургѣ, черезъ Сталышина,[1] который видѣлъ тебя. Несмотря на это я все таки пишу тебѣ нѣсколько строкъ, чтобы успокоить за себя по случаю сраженія 4-го, въ которомъ я былъ и остался цѣлъ; — впрочемъ я ничего не дѣлалъ, потому что моей Горной артилеріи не пришлось стрѣлять. Какъ не грѣхъ тебѣ не написать мнѣ, я бы такъ желалъ знать, какъ и что ты подѣлываешь въ своемъ полку. Мнѣ кажется, что мы тысячу лѣтъ не видались. —

Ежели ты все въ Петербургѣ, то сдѣлай милость узнай, тамъ ли Зубковъ, кот[орому] я долженъ, гдѣ онъ живетъ, и сколько я долженъ Дюсо[3] и Шармеру,[4] и ихъ адресы. Даже прислалъ бы мнѣ отъ нихъ счеты, объяснивъ имъ, что я этого только жду, чтобы заплатить имъ. Пожалуйста сдѣлай это. Прощай, милый другъ, будь здоровъ и напиши хоть разъ да подлиннѣе.

Гр. Л. Толстой.

Тоже по литературнымъ дѣламъ какъ бы ты могъ мнѣ помочь, ежели бы ты былъ въ Петер[бургѣ], а письма ходятъ теперь удивительно скоро. —

7 Августа.

Печатается по автографу, хранящемуся в ГТМ. Впервые отрывок из письма (четыре строки) опубликован П. И. Бирюковым в Б, I, 1906, стр. 251. Год определяется содержанием: говорится о сражении при Черной речке 4 августа 1855.

[1] Арк. Дм. Столыпин. О нем см. прим. 8 к п. № 90.
[2] Влад. Вас. Зубков. О нем прим. 9 к п. № 41.
[3] Дюссо — ресторан в Петербурге.
[4] Шармер — очень известный в свое время портной в Петербурге.

107. И. И. Панаеву.

1855 г. Августа 8. Бахчисарай.

Милостивый Государь

Иванъ Ивановичъ.

Письма [1] я Ваши получилъ и спѣшу отвѣтить особенно на послѣднее. [2] Очень благодарю Васъ за стараніе защитить *Ночь весною* отъ цензуры, пожалуйста вымарывайте, даже смягчайте, но ради Бога не прибавляйте ничего; это бы очень меня огорчило. Л. Н. Т. [3] не имѣетъ, могу Васъ увѣрить, ни на волосъ авторскаго самолюбія, но ему бы хотѣлось оставаться вѣрнымъ всегда одному направленію и взгляду въ литературѣ. — За Бакунина я обѣщалъ вамъ кажется неосторожно, онъ все это время былъ слишкомъ занятъ службой, а теперь раненъ. Ростовцевъ все обѣщаетъ и лѣнится. Передайте пожалуйста Н. А. Некрасову, что я получилъ деньги за Св. Д. [4] и письмо, на которое прошу извиненія, что не успѣлъ еще отвѣтить. Для Юности, онъ пишетъ, Вы приготовили мѣстечко въ Сентябрѣ. [5] Къ несчастію, я не ранѣе могу прислать Вамъ ее, какъ въ половинѣ Сентября, но навѣрно, ежели только буду здоровъ и живъ, пришлю къ этому времени. Столыпинъ уже началъ разсказъ бывшаго дѣла, [6] я тоже его можетъ быть.—

Затѣмъ съ совершеннымъ уваженіемъ имѣю честь быть Вашъ покорный

Гр. Л. Толстой.

8 Августа 1855.
Бахчисарай.

Не будете ли Вы такъ добры принять на себя трудъ нѣсколькихъ денежныхъ комиссій въ Петербургѣ. Вы бы меня чрезвычайно обязали.

Печатается по автографу, хранящемуся в ИРЛИ. Впервые опубликовано М. А. Цявловским в «Красной нови», 1928, 9, стр. 222.

Письмо является ответом на письмо И. И. Панаева от 18 июля, которое приводим полностью:

«Благодарю вас несказанно, Лев Николаевич, за ваш рассказ *Ночь весною в Севастополе*. Я сейчас получил его и прочел. Вы правы: рассказ этот несравненно лучше первого, но он меньше понравится, по той причине, что героем его — *правда*, а правда колет глаза, голой правды не любят, к правде без украшений не привыкли. Сделаю всё, что могу, дабы защитить его от цензуры. Впечатление рассказа тяжело (ах, как мы не

привыкли к правде!) — и надобно бы было кое-что прибавить в конце, что дескать всё-таки Севастополь и русский народ и проч. для цензуры, хотя это было бы пошловато; но я кое-что посмягчил и посгладил, не портя сущности рассказа и предвидя за него борьбу с цензурою. Это было необходимо. Пишу к вам через Столыпина. Я удивляюсь, как вы не получили мое письмо по почте, — в ответ на присланный вами рассказ «Рубка лесу» — прелестный рассказ, который будет в сентябрьской книжке. Что Ростовцев и Бакунин? Поощряйте их и присылайте рассказ к следующим книжкам. Вы не можете себе представить, с какою жадностию читает их вся Россия. Тургенев Вам кланяется. Он пишет мне, что Ваше посвящение ему и приятно и лестно. Пишите ко мне, — я на вас возлагаю все мои надежды и уверен, что вы будете присылать и собственные рассказы и станете поощрять ваших сотрудников. Буквы Л. Н. Т. ждут все в журнале с страшным нетерпением — это не комплимент — а та же *голая* правда, которая героем в вашем рассказе, хотя эта правда не нуждается ни в малейшем украшении. Она приятна и голая. Посылаю вам при сем объявление Современника, из которого вы усмотрите, что теперь вам нечего стесняться в своих рассказах, ибо Совр. получил дозволение печатать даже военные известия. Да поощрит это вас и ваших сотрудников! Я аккуратно отвечал и буду отвечать на ваши письма. Жаль, если они пропадают на почте. Ваш искренне преданный Ив. Панаев.

Извините меня, что я так намарал. — Спешу, ибо нужно сию секунду отправиться по делу». («Красная новь» 1928, 9, стр. 220—221.)

Правда — «Севастополь в мае» в тексте Толстого кончается словами: «Герой же моей повести, которого я люблю всеми силами души, которого старался воспроизвести во всей красоте его, который всегда был, есть и будет прекрасен, — правда». В «Современнике» (сентябрьская книжка за 1855 г.) рассказ «Севастополь в мае» кончается *словами, прибавленными Панаевым:* «Но не мы начали эту войну, не мы вызвали это страшное кровопролитие. Мы защищаем только родной кров, родную землю и будем защищать ее до последней капли крови...». *Арк. Дм. Столыпин* 7 июля был послан командующим войсками кн. М. Д. Горчаковым в Петербург с письмом к Александру II. *Письмо Панаева*, служащее ответом на присланный рассказ «Рубка леса», не сохранилось. О просьбе Толстого *посвятить Тургеневу* рассказ «Рубка леса» см. п. № 101. Некрасов писал об этом Тургеневу в его Спасское (в письме от 30 июня — 1 июля): «Толстой посвятил тебе повесть «Юнкер», которую прислал в «Современник» (Пыпин, «Некрасов», Спб., 1905, стр. 130), на что Иван Сергеевич отвечал 10 июля Панаеву: «Мне очень лестно желание его посвятить мне свой новый рассказ» (Панаев «Литературные воспоминания», 1883, стр. 401).

[1] Об одном письме Панаева, не дошедшем до нас, и полученном Толстым 20 июля, у него записано в дневнике: «Сегодня получил письмо от Панаева. Записками юнкера доволен, напечатают в VIII книжке».

[2] Это приводимое выше письмо от 18 июля.

[3] Напечатанные в «Современнике» «Детство» (1852, № 9) и «Набег» (1853, № 3) были подписаны: «Л. Н.»; «Отрочество» (1854, № 10), «Записки

маркера» (1855, № 1) и «Севастополь в декабре» (1855, № 6) — «Л. Н. Т.»

[4] «Севастополь в декабре».

[5] Толстой имеет в виду письмо к нему Н. А. Некрасова из Москвы от 15 июня, при котором он посылал гонорар в 50 р. за «Севастополь в декабре», и в котором писал: «Для «Юности» также уже определено место в 9 № «Современника», уведомьте меня или Панаева, можете ли доставить ее к этому времени, т. е. к половине августа». (Альманах «Круг», кн. шестая, М. 1927, стр. 197).

[6] Арк. Дм. Столыпин. «Бывшее дело» — сражение на Черной речке 4 августа. Статья Столыпина вероятно не была написана; по крайней мере в «Современнике» не появлялась. Не описал и Толстой этого сражения.

На это письмо Толстого И. И. Панаев отвечал 28 августа. Приводим это письмо полностью.

«Милостивый государь граф Лев Николаевич, в письме моем к вам, через Столыпина доставленном, я писал к вам, что статья ваша пропущена цензурой с незначительными изменениями, и просил вас не сердиться на меня за то, что надо было прибавить несколько слов в конце для смягчения выражения... Статья «*Ночь* в Севастополе» была уже совсем отпечатана в числе 3000 экземпляров, как вдруг цензор потребовал ее из типографии, остановил выход № (августовская книжка явилась поэтому в Петербурге 18 августа) и в отсутствии моем из Петербурга (я на несколько дней ездил в Москву) представил ее на прочтение председателю цензурного комитета — известному вам по Казани — Пушкину. Если вы знаете Пушкина, вы можете отчасти вообразить, что последовало. Пушкин пришел в ярость, напал не только на цензора, но и на меня — за то, что я представляю в цензуру такие статьи, и собственноручно переделал ее. Я между тем вернулся в Петербург и, увидев эту переделку, пришел в ужас — и статью вовсе не хотел печатать, — но Пушкин в объяснении со мной сказал, что я *обязан* напечатать так, как она им переделана. — Делать было нечего — и статья ваша изуродованная явится в сентябрьской книжке, но без букв Л. Н. Т., которые я уже не мог видеть под ней после этого... Но статья эта была так хороша, что даже после совершенного уничтожения ее колорита, я давал ее читать Милютину, Краснокутскому и другим, всем она нравится очень — и Милютин пишет мне, что грех, если я лишу читателей этой статьи и не напечатаю ее даже в таком виде. Не вините же меня во всяком случае за то, что статья ваша напечатана в таком виде. — Я вынужден был это сделать. Если бог приведет нас когда-нибудь свидеться (чего я очень желаю), я объясню вам эту историю яснее. — Теперь я скажу вам два слова — о впечатлении, которое ваш рассказ (Ночь) производит вообще в его первобытном виде — на нас, на всех, которым я читал его. О цензуре уж тут речи нет. Все находят этот рассказ действительно выше первого по тонкому и глубокому анализу внутренних движений и ощущений в людях, у которых беспрестанно смерть на носу; по той верности, с которою схвачены типы армейских офицеров, столкновения их с аристократами и взаимные их отношения друг к другу, — словом, всё превосходно, всё очерченс

мастерски; но всё до такой степени облито горечью и злостью, всё так резко и ядовито, беспощадно и безотрадно, что в настоящую минуту, когда место действия рассказа — чуть не святыня, особенно для людей, которые в отдалении от этого места, — рассказ мог бы произвести даже весьма неприятное впечатление. *Рубка лесу*, с посвящением Тургеневу, — появится также в сентябре (Тургенев просил меня очень, очень благодарить вас за память о нем и внимание к нему). И в этом рассказе, прошедшем сквозь *три* цензуры: *кавказскую* (цензор статс-секретарь Бутков), *военную* (генер.-майор Стефан) и *гражданскую*, *нашу* (мой цензор и Пушкин), тронуты типы офицеров, и кое-что повыкинуто к сожалению. Всё это для вас должно быть неприятно, но я не могу не утешить вас несколькими строчками. Скорбя и терзаясь за искажения, которым подверглись ваши статьи *только потому*, что мой цензор обратился к Пушкину, — я принял следующие меры в отношении к будущим вашим статьям, за которые я буду драться до истощения сил, как у вас в Севастополе. Я показывал все места, выкинутые Пушкиным из ваших рассказов, *князю Вяземскому*, товарищу министра просвещения и самому министру, которые были приведены по поводу некоторых вымарок в совершенное удивление — и теперь я буду представлять все ваши рассказы министру и печатать с его разрешения. Норов — человек образованный и горячий. Он любит литературу, не бойтесь же за следующие ваши труды и не охлаждайтесь некоторыми цензурными неудачами, особенно с рассказом «Ночи». Ко всему этому я должен прибавить, что в цензуре вообще готовятся великие изменения — к облегчению. Буду ждать с нетерпением к $^1/_2$ сентября вашей *Юности*. Если бы к октябрю вы прислали военный рассказ свой, или Ростовцева — обязали бы крайне. За цензуру теперь, повторяю вам, не бойтесь. — Денежные комиссии ваши в Петербурге готов принять с удовольствием — и прошу вас без церемонии все покупки всё нужное поручать мне. — Кланяйтесь Столыпину. Я писал ему с этой же почтой. — Не забывайте «Современника» и вашего преданного И. Панаева. («Красная новь» 1928, 9, стр. 223—224.)

Письмо мое к вам — Имеется в виду вышенапечатанное письмо от 18 июля. *Цензор «Современника»* — Бекетов Владимир Николаевич. *Ездил в Москву* — И. И. Панаев приехал в Москву к Боткину, где гостил Некрасов, 4 августа, а числа 8-го выехал обратно в Петербург. *Пушкин* — Мих. Ник. Мусин-Пушкин. О нем см. прим. 8 к п. № 12. *Милютин* — Дмитрий Алексеевич (1816—1912), известный государственный деятель, военный министр в 1861—1881 гг., в 1848—1856 гг. состоял по особым поручениям при военном министре, в 1845—1848 гг. был профессором военной академии по кафедре военной географии. Лев Николаевич был с ним знаком. *Краснокутский* — Николай Александрович (1819—1891) в 1852—1856 гг. адъютант сына Николая I, в. к. Николая Николаевича, в 1856—1863 гг. командир л.-гв. Гродненского гусарского полка. Толстой был с ним знаком... *на нас, на всех, которым он читал его.* — Панаев возил рассказ «Севастополь в мае» в неискаженном цензурой виде в Москву, где его читали Некрасов и Боткин. *Бутков* — Владимир Петрович (ум. в 1881 г.), с 1845 г. управляющий делами Кавказского комитета. *Стефан* — Густав Федорович, член военно-цензурного комитета. *Кн. Вяземский* —

Петр Андреевич (1792—1878), известный писатель, приятель Пушкина, в 1855—1858 гг. товарищ министра народного просвещения. *Норов* — Абрам Сергеевич. См. о нем заключ. прим. к п. № 98. *Ночь* — «Ночи в Севастополе».

На это же письмо Толстого отвечал приехавший в Петербург Н. А. Некрасов от 2 сентября 1855 г. Приводим его письмо полностью.

«Милостивый государь Лев Николаевич!

Я прибыл в Петербург в половине августа, на самые плачевные для «Современника» обстоятельства. Возмутительное безобразие, в которое приведена ваша статья, испортило во мне последнюю кровь. До сей поры не могу думать об этом без тоски и бешенства. Труд-то ваш, конечно, не пропадет, он всегда будет свидетельствовать о силе, сохранившей способность к такой глубокой и трезвой правде среди обстоятельств, в которых не всякий бы сохранил ее. Не хочу говорить, как высоко я ставлю эту статью и вообще направление вашего таланта, и то, чем он вообще силен и нов. Это именно то, что нужно теперь русскому обществу: правда, правда, которой со смертию Гоголя так мало осталось в русской литературе. Вы правы, дорожа всего более этою стороною в вашем даровании. Эта правда в том виде, в каком вносите вы ее в нашу литературу, есть нечто у нас совершенно новое. Я не знаю писателя теперь, который бы так заставлял любить себя и так горячо себя чувствовать, как тот, к которому пишу, и боюсь одного, чтобы время и гадость действительности, глухота и немота окружающего не сделали с вами того, что большею частью из нас: не убили в вас энергии, без которой нет писателя, по крайней мере такого, какие теперь нужны России. Вы молоды; идут какие-то перемены, которые — будем надеяться — кончатся добром, и, может-быть, вам предстоит широкое поприще. Вы начинаете так, что заставляете — самых осмотрительных людей заноситься в надеждах очень далеко. Однако я отвлекся от цели письма. Не буду вас утешать тем, что и напечатанные обрывки вашей статьи многие находят превосходными; для людей, знающих статью в настоящем виде, — это не более, как набор слов без смысла и внутреннего значения. Но нечего делать. Скажу одно, что статья не была бы напечатана, если бы это не было необходимо. Но имени вашего под нею нет. «Рубка леса» прошла порядочно, хотя и из нее вылетело несколько драгоценных черт. Мое мнение об этой вещи такое: формою она точно напоминает Тургенева, но этим и оканчивается сходство: всё остальное принадлежит вам и никем, кроме вас, не могло бы быть написано. В этом очерке множество удивительно метких заметок, и весь он *нов*, интересен и делен. Не пренебрегайте подобными очерками: о солдате, ведь, и наша литература доныне ничего не сказала, кроме пошлости. Вы только начинаете и в какой бы форме ни высказали вы всё, что знаете об этом предмете, — всё это будет в высшей степени интересно и полезно. Панаев передал мне ваше письмо, где вы обещаете нам скоро прислать «Юность», пожалуйста, присылайте. Независимо от журнала, я лично интересуюсь продолжением вашего первого труда. Мы приготовим для юности в X или XI кн., смотря по времени, как она получится. Деньги вам будут на днях посланы. Я поселился на зиму в Петербурге и буду рад, если вы напишете мне несколько строк при случае. При-

мите уверения в моем искреннем уважении. Н. Некрасов. Мой адрес: в Малой Конюшенной, дом Имзена, или в контору «Современника» («Литературные приложения к «Ниве», 1898, № 2).

Донесение о последней бомбардировке и взятии Севастополя союзными войсками. См. т. 4.

* 108. Н. А. Крыжановскому (черновое).

1855 г. Сентября 3. Севастополь.

Ваше Превосходительство!

Весьма боюсь, что я взялся не за свое дѣло, потому что не смотря на усердную 2-хъ дневную работу то, что я сдѣлалъ, кажется мнѣ изъ рукъ вонъ плохимъ и недостаточнымъ.

Впрочемъ свѣденія о бомбордированіи очень недостаточны, особенно съ лѣваго фланга, а о ходѣ приступа часто противорѣчатъ другъ другу. Мнѣ много помогли разсказы очевидцевъ (полевыхъ же артилеристовъ), такъ что въ описаніи хода приступа собственно на Малаховъ Курганъ,[1] мнѣ кажется, что я не ошибаюсь. Вы сами рѣшите это.

Съ истиннымъ уваженіемъ и преданностью
имѣю честь быть
Вашего Превосходительства
покорнѣйшій слуга
Гр. Л. Толстой.

3 сентября.

Печатается по автографу, хранящемуся в АТБ. Текст письма написан на обороте л. 5-го рукописи «Донесения о последней бомбардировке и взятии Севастополя союзными войсками» (4 т., стр. 79). Впервые опубликовано почти полностью В. И. Срезневским в примечании к «Донесению в 4 т., стр. 418.

Николай Андреевич Крыжановский (р. 30 октября 1818 г., ум. 29 апреля 1888 г.) окончил артиллерийское училище в 1837 г. В 1842—1850 гг. находился в войсках Черноморской береговой линии. С начала Восточной войны 1853—1856 гг. занимал должность начальника артиллерии Южной армии и участвовал в осаде Силистрии. С открытием Крымской кампании Крыжановский отправился в Севастополь, где состоял начальником штаба артиллерии и где был сильно контужен. Принимал деятельное участие в сражении при Черной речке 4 августа 1855 г. В 1857—1860 гг. был начальником Михайловского артиллерийского училища и Артиллерийской академии. В 1865—1881 гг. Крыжановский был Оренбургским генерал-губернатором и командующим войсками округа.

С последних должностей вследствие раскрытых сенаторской ревизией злоупотреблений по раздаче башкирских земель, совершенных подчиненными Крыжановского, он был уволен без прошения. Крыжановскому принадлежат ряд трудов по военному делу, по военной истории и роман.

В сентябре 1876 г. Толстой в бытность свою в Оренбурге посетил Крыжановского.

Письмо является сопроводительным при посланном начальнику штаба артиллерии Крымской армии Н. А. Крыжановскому «Донесении о последней бомбардировке и взятии Севастополя союзными войсками».

[1] Одно из главнейших укреплений Севастополя, расположенное на восточной стороне оборонительной линии, между 2-м и 3-м бастионами.

* 109. Т. А. Ергольской.

1855 г. Сентября 4. Севастополь.

Chère et excellente tante!

Le 27 il y a eu une grande et glorieuse affaire à Sebastopol. [1] J'ai eu le bonheur ou le malheur de venir juste le jour de l'assaut en ville; en sorte que j'ai assisté à l'affaire, et que j'y ai même pris un peu part comme volontaire. [2] Ne vous effrayez pas, je n'ai presque pas couru de danger. Le 28, mon jour de naissance, a été pour la seconde fois de ma vie une journée mémorable et triste pour moi: pour la première fois, il y a 18 ans de cela, c'était la mort de la Tante Alexandrine, [3] à présent la perte de Sebastopol. J'ai pleuré quand j'ai vu la ville en flammes et les drapeaux français sur nos bastions et en général, c'était sous plusieurs rapports une journée bien triste. Valentin Calochine, que j'ai beaucoup aimé ici, est perdu, sans qu'on sache ce qu'il est devenu. [4] Je n'écris pas à ses parents, parce que j'espère encore qu'il a été fait prisonnier. La note que j'ai envoyée au camp ennemi, n'a pas encore eu de reponse. Je ne puis m'expliquer, chère Tante, le silence de tous ceux auxquels je ne cesse d'écrire: Vous, Valérien, Marie, Nicolas, Serge. Depuis ces derniers jours l'idée de quitter l'armée me vient de plus en plus. Je vois que cela me serait facile; mais pour faire ce pas, je voudrais avoir votre approbation. Et voilà, excepté le désir de vous faire plaisir en vous tranquillisant sur mon comte, le principal but de cette courte et несообразная lettre. [5] Adieu, chère Tante, bonne et excellente Tante, mille et mille fois je baise vos mains et je vous jure que je ne cesse jamais de penser à Vous.

Votre Léon Tolstoi.

4 Septembre 1855.

Дорогая и чудесная тетенька!

27-го в Севастополе произошло большое и главное дело. Я имел счастье и несчастье прибыть в город как раз в день штурма; так что я присутствовал при этом и даже принял некоторое участие, как доброволец. Не пугайтесь: я почти не подвергался никакой опасности. 28-е, день моего рождения, второй раз в моей жизни было для меня памятным и печальным днем: в первый раз, 18 лет тому назад, это была смерть тетушки Александры Ильиничны; теперь — потеря Севастополя. Я плакал, когда увидел город объятым пламенем и французские знамена на наших бастионах; и вообще во многих отношениях это был день очень печальный. Валентин Колошин, которого я здесь очень полюбил, пропал. Я не писал его родителям, потому что я надеюсь еще, что он взят в плен. На запрос, который я послал в неприятельский лагерь, не пришло еще ответа. Я не могу объяснить себе, дорогая тетенька, молчания всех, кому я пишу постоянно: вас, Валерьяна, Маши, Николеньки, Сережи. В эти последние дни мысль бросить армию совсем приходит мне в голову всё чаще и настойчивее. Я вижу, что сделать это мне будет легко, но, чтобы решиться на этот шаг, я хотел бы иметь ваше одобрение. И вот, кроме желания сделать Вам удовольствие, успокоив вас на мой счет, главная цель этого короткого и *несообразнаго* письма. [5] До свидания, дорогая тетенька, добрая и бесценная тетенька! Тысячу и тысячу раз целую ваши руки, — верьте мне, что я не перестаю о вас думать.

Ваш Лев Толстой.

4 Сентября 1855 г.

Печатается по автографу, хранящемуся в АТБ. Впервые опубликовано Н. Г. Молоствовым и П. А. Сергеенко в их книге: «Л. Толстой. Биографический очерк», Спб. 1911, вып. 3, стр. 142.

Почтовые штемпеля: «Получено 1855 сент. 21 Бахчисарай» и «Тула окт. 1 1855». На конверте рукою неизвестного слово *Тулу* зачеркнуто и написано: «Чернь» и «Письмо гр. Льва Ник. Толстого из Севастополя с войны».

[1] 27 августа 1855 г. произошел последний штурм Севастополя союзниками, после которого русские войска покинули все укрепления и отступили на северную сторону, куда переправились последние части войск 28 августа, затопив черноморский флот.

[2] Толстой 25 августа выехал из Севастополя в Симферополь, откуда вернулся 27-го. Об его участии в сражении так писал полковник П. Н. Глебов: «... граф Толстой, поручик артиллерийский; он командует двумя горными орудиями, но сам таскается везде, где ему заблагорассудится. 4 августа примкнул он ко мне, но я не мог употребить его пистолетиков к делу, так как занимал позицию батарейными орудиями; 27 августа опять пристал он ко мне, но уж без своих горных орудий, поэтому я и мог, за недостатком офицеров, поручить ему в командование пять батарейных орудий. По крайней мере из этого видно, что Толстой порывается понюхать пороха, но только налетом, партизаном, устраняя от себя

трудности и лишения, сопряженные с войною. Он разъезжает по разным местам туристом, но как только заслышит где выстрел, тотчас же явится на поле брани; кончилось сражение, — он снова уезжает по своему произволу, куда глаза глядят». «Записки П. Н. Глебова» — «Русская старина» 1905, № 3, стр. 528—529.

[3] Тут у Толстого две странные ошибки. Тетка Толстого гр. Александра Ильинична Остен-Сакен, рожд. гр. Толстая, умерла 30 августа 1841 г., т. е. не 18 лет тому назад, а 14, и не в день рождения Толстого.

[4] Валентин Павлович Колошин (р. 183. г., ум. 27 августа 1855 г.), младший брат Дмитрия и Сергея Колошиных, о которых см. прим. 10 и 15 к п. № 31. Он служил вместе с Толстым в Севастополе, и Лев Николаевич был очень с ним дружен.

[5] Это письмо Толстого, надо думать, прочел Тургенев, написавший 9 октября из имения гр. М. Н. Толстой Покровского письмо Толстому.

110. Н. А. Некрасову.

1855 г. Декабря 31. Петербург.

Отпускъ мой вышелъ и не на 28, а на 14 дней, поэтому я, не теряя ни одного дня, завтра, т. е. 1-го, ѣду въ Москву. Корректуру кончу завтра,[1] Краевскому напишу, а васъ, ежели вы можете, прошу прислать мнѣ 100 рублей, за будущее. Выздоравливайте. Ежели успѣю, то самъ заѣду.

Вашъ гр. Л. Толстой.

Печатается по автографу, хранящемуся в ИРЛИ. Впервые опубликовано в «Современнике» 1913, № 8, стр. 266.

Датируется содержанием: Толстой едет в отпуск «завтра, т. е. 1-го». Так как Толстой вернулся в Петербург числа 2 февраля, а отпуск он получил на 28 дней в январе 1856 г., как значится в его формулярном списке, то «1-е», это — 1 января 1856 г.

[1] Речь идет о корректуре рассказа «Севастополь в августе».

111. А. А. Краевскому.

1855 г. Декабря 31. Петербург.

Я немного увлекся желаніемъ сдѣлать Вамъ пріятное, Милостивый Государь Андрей Александровичъ, сказавъ въ послѣдній разъ, что я былъ у Васъ, что я обѣщаю въ Вашъ журналъ и въ нынѣшнемъ году «Романъ Русск[аго] Пом[ѣщика]». Романъ этотъ еще далеко не конченъ и не отдѣланъ; поэтому ежели Вы будете въ числѣ Вашихъ сотрудниковъ поминать меня, то пожалуйста не называйте именно что я обѣщалъ. Въ томъ же,

что къ Февралю или Марту я непремѣнно доставлю Вамъ статью, Вы можете быть увѣрены.

Истинно уважающій и преданный
Вамъ Гр. Л. Толстой.

Я пишу Вамъ потому, что завтра на 28 дней ѣду въ Москву.

Печатается по автографу, хранящемуся в Публичной библиотеке РСФСР в Ленинграде. Фотография автографа имеется в ГТМ. Впервые опубликовано М. А. Цявловским в кн. «Л. Н. Толстой. Юбилейный сборник МТМ», 1929, стр. 57. Датируется содержанием: «завтра на 28 дней еду в Москву». 31 декабря 1855 г. Толстой писал Н. А. Некрасову: «Краевскому напишу». Исполнением этого обещания и является настоящее письмо.

Андрей Александрович Краевский (1810—1889), известный журналист, редактор-издатель «Отечественных записок» в 1838—1868 гг. Толстой познакомился с ним в ноябре — декабре 1855 г., по приезде в Петербург из Севастополя. Общение их происходило на чисто деловой почве, о чем свидетельствует и печатаемое письмо.

1851 г. Апреля 30. Москва.

5. 1851 года апрѣля 30 дня Крапивенскій помѣщикъ коллежскій регистраторъ графъ Левъ Николаевъ сынъ Толстой, доставшуюся мнѣ по раздѣлу съ братьями моими, поручика артиллеріи графа Николая и губернскихъ секретарей, Сергѣя и Дмитрія и сестрою майоршею Маріей Николаевною Толстыми, крѣпостную дворовую мою дѣвку Марью Иванову дочь, написанную по 9 ревизіи Крапивенскаго уѣзда въ сельцѣ моемъ Ясной Полянѣ, отпустилъ я вѣчно на волю, до которой какъ мнѣ, такъ и наслѣдникамъ моимъ впредь дѣла нѣтъ и не почему не вступаться; примѣтами жъ она лѣтъ осьмнадцати, глаза сѣрые, волосы темно-русые, носъ и ротъ посредственный, круглолика, которая вольна жить и избрать родъ жизни куда пожелаетъ и для того ея отпускная ей Ивановой за своимъ подписомъ при ней же подписавшихся свидѣтеляхъ выдана. Коллежскій секретарь графъ Левъ Николаевъ сынъ Толстой, при сей отпускной свидѣтелемъ былъ майоръ и кавалеръ графъ Алексѣй Николаевъ сынъ Толстой. [1]

1851 года 12 іюня въ Тульскую Гражданскую Палату вольноотпущенная отъ коллежскаго регистратора графа Льва Николаева Толстого при прошеніи представлена крѣпостная дѣвка Марія Иванова сію отпускную просила оную утвердить и ей обратно выдать съ роспис憂 по собраніи къ дѣлу сему нужныхъ свѣденій Палатою. 27 іюня 1853 года докладывано было и заключено представленную отпускную дѣвкою Маріей Ивановою согласно 3 прод. къ IX т. 1059 ст. изд. 1842 года утвердить и учиня на ней о явкѣ надпись и по запискѣ въ крѣпостную книгу выдать съ роспискою дѣвкѣ Марьѣ Ивановой февраля 8 дня 1854 года подписали: Засѣдатель Миляевъ, Секретарь Афанасьевъ, за повѣстчика Дмитревскій и печать Палаты, отпускная писана на листѣ въ девяносто копеекъ серебромъ.

Подлинную отпускную получила дѣвка Марья Иванова и расписалась.

Печатается по «Крепостной Книге Тульской Палаты Гражданского Суда на записку отпускных в 1854 году» (лл. 5 и 6), хранящейся в Тульском Отделении Московского Областного Архивного Управления.

Первый абзац публикуемого крепостного акта, напечатанный корпусом, представляет собою засвидетельствованную крепостным порядком копию с подлинной отпускной, подписанной Толстым 30 апреля 1851 года и врученной им яснополянской крестьянке Марии Ивановой. Вольноотпущенная, как видно из акта, в том же году 12 июня представила эту подлинную отпускную при прошении в Тульскую Гражданскую Палату для утверждения. По внесении текста отпускной в крепостную книгу и утверждении ее порядком, указанным в акте, подлинник отпускной 8 февраля 1854 года был выдан обратно Марии Ивановой.

В дневнике за 1851 год, проживая в Москве (с начала января по начало апреля), Толстой 27 марта сделал следующую запись: «Приходила за паспортом Марья. Я чувствую, что я удержался от... только от ⟨того что⟩ стыда и от того, что у нее на лице прыщи. — Поэтому отмети[ть] сладост[растие]». Запись эта дает некоторые основания думать, что «Марья», приходившая к Толстому в Москве за паспортом и «Марья Иванова», которой, приблизительно через месяц, он дал отпускную — одно и то же лицо.

В последних числах апреля того же 1851 г. Толстой, со старшим своим братом Николаем, уехал из Ясной Поляны через Москву-Казань на Кавказ. По дороге из Казани в письме к Т. А. Ергольской от 8 мая 1851 года (см. п. № 41) он писал, что в Москве они пробыли два дня. 1 мая 1851 года в Москве они с братом снимались в дагеротипной мастерской Мазера. (См. об этом прим. 10 к п. № 41.) Следовательно накануне, 30 апреля, будучи в Москве, Толстой и мог подписать отпускную Марии Ивановой, которая во второй половине зимы 1850—51 года, видимо, проживала в Москве. Сколько времени она жила в Москве, почему оказалась там, где именно проживала, состоял ли Толстой с ней в близких отношениях, — никаких точных сведений по всем этим вопросам в нашем распоряжении нет.

Из публикуемого акта не видно, кем были засвидетельствованы подписи под отпускной как самого Л. Н. Толстого, так и свидетеля гр. А. Н. Толстого. Если это не погрешность переписчика, списывавшего текст отпускной в крепостную книгу, то представляется неясным как гражданская Палата могла принять в июне 1851 г. от Марии Ивановой представленную ею отпускную с незасвидетельствованными подписями. В таком случае приходится допустить или что, помимо отпускной, Толстой вручил Марии Ивановой еще и свое прошение в Гражданскую Палату, под которым подписи были заверены, или что отпускная была представлена в Палату каким-либо иным образом.

1 Гр. Алексей Николаевич Толстой (р. 1823 г.) — четвероюродный брат Льва Николаевича Толстого, внук гр. Степана Федоровича Толстого (1756—1809 г.). См. родословную таблицу в 46 томе. Двоюродная сестра гр. Алексея Николаевича гр. Александра Григорьевна Салтыкова была замужем за декабристом Павлом Ивановичем Калошиным (о Калошиных см. прим. 10 к п. № 31.

1853 г. Июня 6. Станица Воздвиженская.

15. Лѣта 1853 іюня въ 6 день я нижеподписавшійся артиллеристъ фейерверкеръ 4-го класса графъ Левъ Николаевичъ Толстой, отпустивъ холостаго крѣпостнаго крестьянина Александра Михайлова, доставшегося мнѣ по наслѣдству послѣ смерти родителей моихъ подполковника Николая Ильича и Марьи Николаевны графовъ Толстыхъ и по раздѣльному акту съ братьями моими Николаемъ, Сергеемъ, Дмитріемъ и сестрою Марьею Николаевыми дѣтьми графами Толстыми утвержденнаго Тульскою палатою Гражданскаго Суда 8 февраля 1851

года въ числѣ имѣнія нашего часть *[4 неразобр.]* по сказскамъ 9 ревизіи Тульской губерніи Крапивенскаго уѣзда при сельцѣ Ясной Поляны, въ семействѣ подъ № 5-мъ для поступленія ему Александру Михайлову въ монашеское званіе, въ какомъ монастырѣ онъ жить пожелаетъ до котораго какъ мнѣ, такъ и наслѣдникамъ моимъ дѣла нѣтъ и не почему не вступаться, за котораго я подушные деньги обязуюсь платить по смерти его Михайлова. Примѣтами онъ отъ роду 23 лѣтъ, ростъ 2 арш. 3 вершка, волосы на головѣ и бровяхъ темнорусые, глаза сѣрые, носъ и ротъ посредственный, подбородокъ круглый, лицомъ чистъ, особыхъ примѣтъ не имѣетъ. Къ сей отпускной фейерверкеръ 4-го класса Графъ Левъ Николаевичъ Толстой руку приложилъ.

У сей отпускной свидѣтелемъ былъ командиръ батарейной № 4-й батареи Артиллерійской бригады подполковникъ Никита Петровъ, сынъ Алексѣевъ[1] руку приложилъ и свидѣтельствую приложеніемъ печати батарейной бригады.

У сей отпускной свидѣтелемъ былъ батарейный № 4 батареи 20 артиллерійской бригады поручикъ Александръ Павловъ сынъ Оголинъ,[2] 1853 года 14 августа симъ вольноотпущенный отъ фейерверкера 4 класса Графа Льва Николаевича Толстого Крестьянинъ Александръ Михайловъ при прошеніи представилъ въ Тульскую Палату Гражданскаго Суда сію отпускную, которую просилъ утвердить и ему выдать.

Вслѣдствіе чего по собраніи къ дѣлу сему нужныхъ свѣдѣній 15 марта сего 1854 года докладывано и опредѣлено представленную крестьяниномъ Николаемъ отпускную утвердить и учинить на ней о явкѣ надпись по запискѣ въ Крѣпостную книгу для выдачи ему съ росписью препроводить въ Свято-Троицкой Сергіевской Лавры учрежденный соборъ и просить полученную отъ него подписку доставить въ палату, объ утвержденіи отпускной къ свѣдѣнію увѣдомить Московскій отпускной Совѣтъ и Тульскую Казенную Палату Марта 29 дня 1854 года, а подписали Засѣдатель Миляевъ, Секретарь А. Афанасьевъ.

За повытчика Дмитріевскій и печать палаты. Отпускная писана на листѣ въ девяноста копѣекъ серебромъ и отослано для выдачи Свято-Троицкой Сергіевской Лавры учрежденный соборъ.

Апрѣля 1 дня 1854 года № 4342.

Печатается по «Крепостной книге Тульской Палаты Гражданского Суда на записку отпускных в 1854 году» (лл. 148 и 19), хранящейся в Тульском отделении Московского Областного Архивного Управления.

Первый абзац публикуемого крепостного акта представляет собою засвидетельствованную крепостным порядком копию с подлинной отпускной, подписанной Толстым на Кавказе 6 июня 1853 года на имя крепостного Александра Михайлова, о котором не имеется никаких сведений.

[1] О Н. П. Алексееве см. прим. 4 к п. № 45.

[2] Об А. П. Оголине см. прим. к п. № 44.

СПИСОК ПИСЕМ Л. Н. ТОЛСТОГО ЗА 1844—1855 гг., НЕ ИМЕЮЩИХСЯ В РАСПОРЯЖЕНИИ РЕДАКЦИИ.

1. Гр. Н. Н. Толстому. *1848 г. Декабрь? Москва.* Упоминается в письме к Т. А. Ергольской от декабря? 1848 г. Москва № 10: «Письмо, которое я пишу к Николеньке очень непонятно, а переписывать некогда».

2. А. И. Соболеву. *1849 г. Январь... февраль. Петербург?* Уп. в п. к гр. С. Н. Толстому от 15 марта 1849 г. Петербург № 13: «я давно написал уже Андрею, чтобы он продал лес и прислал бы в Москву 900 р. с., которые ты или Василька примете на себя труд распределить всем этим господам».

3. А. И. Соболеву. *1849 г. Февраль? Петербург.* Уп. в п. к гр. С. Н. Толстому от 12...25 марта 1849 г. Петербург № 14: «я в последнем письме приказываю Андрею продать всех лошадей».

4 и 5. В. С. и П. Ф. Перфильевым. *1849 г. Февраль... март. Петербург.* Уп. в п. В. С. Перфильева от 31 марта... 3 апреля 1849 г. Москва: «Упреки, с которыми ты обращаешься ко мне в двух последних письмах незаслужены. Согласен, что с моей стороны это непростительно, но уверяю тебя, с тех пор как двор в Москве, нет — ни минуты свободной».

Об тих же письмах уп. в п. к гр. С. Н. Толстому от 15 марта 1849 г. Петербург № 13: «Я писал Васеньке и Полине относительно разных дел, которые я просил его сделать. 1. Я писал ему, чтобы он послал мне Федора с вещами, которые я оставил в Москве... 2. Я просил его по получении от Андрея 900 р. расплатиться с моими кредиторами».

6. А. И. Соболеву. *1849 г. Февраль... март. Петербург.* Уп. в п. гр. С. Н. Толстого от второй половины апреля 1849 г.: «Так как ты писал Андрею послать в Москву 300 р. сер., то я сказал Копылову доставить эти деньги через корреспондента в Москву Василько». Уп. в п. к гр. С. Н. Толстому от 1 мая 1849 г. Петербург № 19: «Мне в наискорейшем времени нужно сюда 800 р. с. и в Москве, как я писал Андрею, 300».

7. Копылову. *1849 г. Март... апрель. Петербург.* Уп. в п. к гр. С. Н. Толстому апреля 1849 г. Петербург № 17: «Я ему написал, правда, что я уступаю ему за 275, но раз дают больше, надо, чтобы и он сделал то же или бы убирался».

8. Доверенность. *1849 г. Апрель. Петербург.* Уп. в п. к гр. С. Н. Толстому от 1 мая 1849 г. Петербург № 19: «Оболенский говорит, что по Щербач[евскому] перезалогу вся задержка в доверенности... свою я уже давно послал Митиньке».

9. Гр. Д. Н. Толстому. *1849 г. Апрель... май. Петербург.* Уп. в п. к гр. С. Н. Толстому от 11 мая 1849 г. Петербург № 20: «О Щербачевке я тебе уже писал и писал Митиньке».

10. Гр. Д. Н. Толстому. *1850 г. Декабря 7. Москва.* Уп. в п. к Т. А. Ергольской от 7 декабря 1850 г. Москва № 31. «В банке он [Петр Евстратов] устроил дела не совсем так, как бы этого хотелось, но сносно — срок платежа только отсрочен. Обо всем этом подробно пишу Сереже». Уп. в п. гр. С. Н. Толстого от 11 декабря 1850 г.: «Лева, письмо твое почтенное от 7-го ноября получил [явная ошибка: Толстой прибыл в Москву только 5 декабря]. Петр Евстратов всё врет. Узнай хорошенько сам, примет ли Совет по 8-ой и будет ли наводить справки».

11. В контору. *1851 г. Марта 8. Москва.* В дневнике под 8 марта записано: «В контору — тою же, мною принятою глупою формою *(обман себя)*».

12. Гр. Н. Н. Толстому. *1851 г. Марта 8. Москва.* В дн. под 8 марта зап.: «Николеньке написал письмо *(не обдуманно и торопливо)*».

13. Ислявину. *1851 г. Марта 9. Москва.* В дн. под 9 марта зап.: «Ислявину письмо (невнимательность)».

14. Гр. В. П. Толстому. *1851 г. Апреля конец. Москва.* Уп. в п. к Т. А. Ергольской от 1851 г. Мая 8. Казань. № 41. «Из Москвы я писал Валерьяну, что выиграл 400 р.».

15. В Ясную. *1851 г. Апреля 20... мая 20. Пирогово.* В дн. под 20 мая зап.: «Писал в Ясную».

16. Неизвестному. *1851 г. Июня 22. Старый Юрт.* Уп. в п. к А. С. Оголину от 1851 г. июня 22. Старый Юрт, № 46: «только что послал два [письма]: одно в Москву...»

17. Гр. Н. Н. Толстому. *1851 г. Июль... август. Станица Старогладковская.* Уп. в п. гр. Н. Н. Толстого от 3—14 августа 1851 г.: «Наконец по письму твоему я узнал где ты находишься... Не приглашаю тебя к себе, потому что здесь страшная скука, да и скоро, т. е. в первых числах сентября я сам возвращусь в Старогладковскую».

18. Т. А. Ергольской. *1851 г. Октября 24. Станица Старогладковская.* Уп. в п. к Т. А. Ергольской от 12 ноября 1851 г. Тифлис № 49: «В последнем письме от 24 октября, я писал вам, что мы накануне отъезда в Тифлис».

19. Гр. В. П. Толстому. *1851 г. Сентябрь... октябрь. Станица Старогладковская.* Уп. в п. гр. В. П. Толстого от 23 ноября 1851 г.: «Последние письма ваши, друзья мои, получаемые на одной почте и по обыкновению без числа, крайне нас огорчили; решительно не знаем к чему приписать потерю наших писем».

20. Д. Н. Толстому. *1851 г. Ноябрь? Грузия.* Уп. в п. к Т. А. Ергольской от 15 декабря 1851 г. Тифлис № 51: «То, что вы пишете о Митеньке, меня радует... Сообщите мне пожалуйста его адрес, я бы хотел ему написать. Мы с Николенькой написали ему на одной станции

в Грузии письмо и передали его некоему грузинскому князю, ехавшему в Курск. Возможно, что это письмо не дойдет до него».

21. Н. П. Алексееву. *1851 г. Ноябрь... декабрь.* Уп. в п. гр. Н. Н. Толстого от последних чисел декабря: «Письмо твое он [Алексеев] получил и просил меня отвечать тебе, что он деньги 150 руб. давно получил, кажется я тебе уж об этом писал».

22. А. И. Соболеву. *1851 г. Ноябрь... декабрь. Тифлис.* Уп. в п. к гр. С. Н. Толстому от 7 января 1852 г. Тифлис № 56: «На счет лошадей, в том числе и Кривого Усана я предписал Андрею продать и назначил minimum цены».

23. А. И. Соболеву. *1851 г. Ноябрь... декабрь. Тифлис.* Уп. в п. к Т. А. Ергольской от 28 декабря 1851 г. — 3 января 1852 г. Тифлис. № 53: «Будьте добры сказать Андрею, чтобы он *как можно скорее* выслал мне 80 р. сер. сюда в Тифлис... На этот раз он не сможет сказать, что деньги я выписываю неожиданно. Эти 80 р. пусть он мне пришлет из числа тех 200 р., которые я ему приказывал выслать на имя Николеньки».

24. Гр. Д. Н. Толстому. *1851 г. Декабрь. Тифлис.* Уп. в п. к Т. А. Ергольской от 2 марта 1852 г. Станица Старогладковская, № 58: «напишите мне пожалуйста, как живет Митенька. Я писал ему, но ответа еще не получил».

Об этом же письме уп. в п. гр. Д. Н. Толстого от 29 марта 1852 г.: «письмо твое получил я в генваре... Рапиры и маски тебе давно посланы, прежде твоего письма. Дагеротипных портретов я должен многим, в том числе и тебе и не знаю на что из двух решиться, послать ли тебе портрет свой с бородой... или обриться и послать без бороды. Когда я решу этот вопрос, то и выполню твою просьбу».

25. Д. А. Дьякову. *1851 г. Декабрь. Тифлис.* Уп. в п. к гр. С. Н. Толстому от 23 декабря 1851 г. Тифлис, № 52: «Про Перфильевых и Дьякова что знаешь, напиши, я им обоим писал...».

26. В. С. и П. Ф. Перфильевым. *1851 г. Декабрь? Тифлис.* Уп. в п. к гр. С. Н. Толстому от 23 декабря 1851 г. Тифлис № 52. См. предыдущее.

27. Гр. Н. Н. Толстому. *1852 г. Январь. Тифлис.* Уп. в п. гр. Н. Н. Толстого от 22 января 1851 г.: «Я пишу тебе, боясь, чтобы ты не ожидал ответа на свое письмо».

28. Т. А. Ергольской. *1852 г. Январь. Тифлис.* Уп. в п. к Т. А. Ергольской от 2 марта 1852 г. Станица Старогладковская, № 58: «Хотя я писал вам из Тифлиса, что дело мое устроилось, но оказалось, что еще не окончательно. Так что я еще не на военной службе и поход совершил волонтером».

29. Гр. С. Н. Толстому. *1852 г. Январь—февраль. Станица Старогладковская.* Уп. в п. к Т. А. Ергольской от 26 июня 1852 г. Пятигорск № 62: «Я написал вам, что мы вернулись из похода, чтобы вы не беспокоились о нас, так как из письма к Сереже вы могли узнать, что я намеревался итти в поход».

30. А. И. Соболеву. *1852 г. Марта 20. Станица Старогладковская.* В дн. под 20 марта зап.: «Я сел писать письма Валерьяну и Андрею. Я сочинил эти письма в то время, когда получил письмо Андрея;

тогда я был сердит, и мне казалось очень хорошо; теперь же напротив был в хорошем расположении духа; и из этого соединения двух расположений вышли письма, которые мне не нравятся. Досада и выражения совершенно женские».

31. Гр. В. П. Толстому. *1852 г. Марта 20. Станица Старогладковская.* См. предыдущее. Это же письмо уп. в п. к гр. С. Н. Толстому от 28 марта. 1852 г. Станица Старогладковская № 59: «Я недавно писал к Валериану... и умолял его поверить Андрея Ильича, который бессовестно меня грабит». Об этом же письме уп. в п. гр. В. П. Толстого от 24 апреля 1852 г.: «Андрей Ильич пересылал мне письмо твое, в котором ты поручаешь мне свои дела и хозяйство... Относительно того, что ты желаешь, чтобы он без позволения моего не смел ничего расходовать, тут встретится также затруднение.

32. А. И. Соболеву. *1852 г. Марта 28. Станица Старогладковская.* Уп. в п. к гр. С. Н. Толстому от 28 марта 1852 г. Станица Старогладковская. № 59: «Аксинья мною отпущена, поэтому я ей приказать—быть в твоей власти не могу, но, чтобы избавить тебя от ошибки, прилагаю записку Андрею, которую ты употребишь по благоусмотрению».

33. Гр. Д. Н. Толстому. *1852 г. Апреля 19. Кизляр.* В дн. под 19 апреля зап.: «Написал большое письмо Митиньке в ответ на его, которое получил нынче».

34. А. И. Соболеву. *1852 г. Мая 23. Пятигорск.* В дн. под 23 мая зап.:«... написал Андрею о книге и проекте». Вероятно об этом же письме уп. в п. к Т. А. Ергольской от 30 мая — 3 июня 1852 г. Пятигорск, № 60: «Прикажите Андрею показать вам письмо, в котором я посылаю список французских книг, которые мне нужны и пришлите их пожалуйста». В письме от 20 июня 1852 г. Т. А. Ергольская пишет: «Книги, которые ты выписал, уже давно тебе высланы; 1-го тома Новой Элоизы нет; может быть ты оставил его в Москве, а здесь его не сыскали».

35. Гр. Н. Н. Толстому. *1852 г. Мая 27.* В дн. под 27 мая зап.: «написал холодное и небрежное письмо Николиньке».

36. С. П. Колошину. *1852 г. Июня 12—13. Пятигорск.* В дн. под 12 июня зап.: «Получил письмо от Андрея и Колошина... Колошин не исправился, но письмо его было мне приятно, отвечу сейчас же». В дн. под 13 июня зап.: «Писал вчера письмо Колошину злое, но умное, нынче докончил глупой, но доброй припиской».

37. Б. *1852 г. Июня 23. Пятигорск.* В дн. под 23 Июня зап.: «Б. писал».

38. Гр. В. П. Толстому. *1852 г. Июня 23. Пятигорск.* В дн. под 20 июня зап.: «От Валерьяна. Он дельно отказывается от управления Ясной и от милой удивительно Маши. Завтра отвечу». В дн. под 23 июня зап.: «Написал письмо к Валерьяну».

39. П. П. Алексееву. *1852 г. Июня 27. Пятигорск.* В дн. под 27 июня зап.: «Писал письма Алексееву и Ислявину (порядочно)».

40. В. А. Ислявину. *1852 г. Июня 27. Пятигорск.* См. предыдущее. Вероятно об этом же письме уп. в п. В. А. Ислявина от 12 августа 1852 г.: «Никак не мог догадаться, любезный Л. Толстой, от кого может быть мне письмо из Пятигорска, написанное детскою непривычною к

писанию рукой. Оказывается, что от фейерверкера Левы. Уморительно, как это тебя судьба вдруг бросила в фейерверкеры в Старогладковскую... Ну теперь и выбирайся в оберфейерверкеры. Это и было главной целью твоего писания и ты хотел, чтобы я тебе выслал программу предметам и список руководствам для офицерского экзамена. Оказалось, что все эти сведения можно найти не в артиллерийском училище, куда ты меня прогнал, а в ученом комитете артил.».

41. П. И. Юшковой. *1852 г. Июня 28. Пятигорск.* В дн. под 28 июня зап.: «Написал тетиньке Пелагее Ильинишне».

42. Гр. В. П. Толстому. *1852 г. Июнь? Пятигорск?* Уп. в п. к Т. А. Ергольской от 26 июня 1852 г. Пятигорск. № 62: «Я писал Валерьяну... что 12 июля исполнится 6 месяцев моей службы и окончательный срок служения юнкером».

43. Гр. В. П. Толстому. *1852 г. Июля 3. Пятигорск.* В дн. под 3 июля зап.: «... Поправлял и написал письмо Валерьяну о продаже Грецовки и Мостовой. Об этом же письме уп. в п. к Т. А. Ергольской 4 июля 1852 г. Пятигорск. № 64: «Письмо Валерьяну будьте добры отослать с нарочным с приложением этих двух бумаг. Я прошу Валерьяна заняться моими делами и продажей Мостовой и Грецовки». Об этом же письме уп. в п. гр. С. Н. Толстого от 18 июля 1852 г.: «... письма, которые ты прислал вместе с доверенностью Валерьяну и которые я прочел, разом прекратили все мои любезности... ты говоришь, что ты хотел, чтобы я управлял твоим имением, а Валерьян поверял бы Андрея. Из твоих писем этого не видно или по крайней мере мы этого не поняли... Ты говоришь, что я весь в сивом жеребце, это мнение твое ошибочно, ибо я конный завод продаю для уплаты своих долгов».

44. А. И. Соболеву. *1852 г. Июля 4. Пятигорск.* Уп. в п. к Т. А. Ергольской от 4 июля 1852 г.: Пятигорск, № 64: «Сегодня я должен отправить 8 писем, вот причина небрежности этого письма. Прилагаю к нему письма к Андрею, Валерьяну, Копылову, Федуркину и м-ль Беэр».

45. Копылову. *1852 г. Июля 4. Пятигорск.* См. предыдущее. В дн. под 4 июля зап.: «... окончил поправлять и написал письма: Копылову (порядочно)». Уп. в п. к Т. А. Ергольской от 4 июля 1852 г.: «Андрей вам скажет нужно ли письмо к Копылову». Уп. в п. гр. С. Н. Толстого от 18 июля 1852 г. Я. П.: «Письмо твое к Копылову для него непонятно, ибо ты пишешь к нему, как к человеку, а он просто лавочник». «Что же касается Копылова, то тебе до тех пор, пока ты не утвердишь своей руки, опасаться опеки нечего».

46. Федуркину. *1852 г. Июля 4. Пятигорск.* В дн. под 4 июля зап.: «Встал, окончил поправлять и написал письма: Федуркину (хорошо)». Уп. в п. гр. С. Н. Толстого от 18 июля 1852 г. Я. П.: «Письмо твое к Федуркину хорошо»... «Федуркину я уже о твоем долге говорил, и он обещается подождать».

47. Н. А. Беэр. *1852 г. Июля 4. Пятигорск.* В дн. под 4 июля зап.: «*Беерше* (умно, но небрежно). Уп. в п. к Т. А. Ергольской от 4 июля 1852 г. Пятигорск, № 64: «Относительно письма к г-же Беэр, хотя оно сумасбродно, но и сама она сумасбродная, и я думаю, его можно пос-

лать». Уп. в п. Т. А. Ергольской от 11 октября 1852 г.: «Прилагаю письма от Валерьяна и м-ль Беэр в ответ на то, которое ты написал ей в июле».

48 и 49. Доверенность и прошение. *1852 г. Июля 4. Пятигорск.* В дн. под 4 июля зап.: «Написал доверенность и прошение и всё отправил на почте».

50. Т. А. Ергольской (неотправленное). *1852 г. Июля 7. Железноводск.* В дн. под 7 июля зап.: «Написал письмо к Т. А., которое не пошлю».

51. Гр. Н. Н. Толстому. *1852. Июля 14. Железноводск.* В дн. под 13 июля зап.: «Все напишу завтра в убедительном письме Николеньке». В дн. под 14 июля зап.: «Написал письмо Николиньке».

52. Гр. Н. Н. Толстому. *1852 г. Июля 22. Железноводск.* В дн. под 22 июля зап.: «Написал письмо к Николиньке с Оголиным, который едет завтра».

53. Т. А. Ергольской. *1852 г. Июнь — июль.* Уп. в п. Т. А. Ергольской к Н. Н. Толстому от 26 июля 1852 г.: «Теперь я знаю, милый друг, как вы с Левочкой живете; он описал мне подробно ваши экспедиции».

54. А. И. Соболеву. *1852 г. Июль — август. Пятигорск.* Уп. в п. к Т. А. Ергольской от 15 августа 1852 г. Станица Старогладковская, № 65: «Боюсь, что мое письмо к Андрею из Пятигорска, в котором я велю ему выслать мне деньги и продолжать писать в Пятигорск, вас взволнует...».

55. Н. И. Буемскому. *1852 г. Сентября 3. Станица Старогладковская.* В дн. под 3 сентября зап.: «Написал Буемскому». Уп. в п. Н. И. Буемского от 5 октября 1852 г. Укрепление Темир-Хан-Шура: «Желал бы очень доказать... свою готовность всегда быть Вам полезным, а потому очень жалею, что на этот раз мне приходится сказать вам только два слова в ответ на Ваши просьбы: во-первых утверждение Ваше юнкером к вам уже отправлено; во-вторых требуемый приказ за № 102 находится в вашей батарейной канцелярии».

56. Исславину. *1852 г. Сентября 29. Станица Старогладковская.* В дн. под 29 сентября зап.: «Написал 3 письма: Исславину, Талгрену и Валерьяну».

57. Л. Л. Талгрену. *1852 г. Сентября 29. Станица Старогладковская.* См. предыдущее.

58. Гр. В. П. Толстому. *1852 г. Сентября 29. Станица Старогладковская.* См. предыдущее.

59. П. И. Юшковой. *1852 г. Август — сентябрь. Станица Старогладковская.* Уп. в п. Т. А. Ергольской от 11 октября 1852 г.: «Твое письмо и щедрое предложение очень ее [П. И. Юшкову] тронули».

60. Е. Е. Хрусталеву. *1852 г. Октября 9. Станица Старогладковская.* В дн. под 9 октября зап.: «Написал письмо Валерьяну и Новому управляющему».

61. Гр. В. П. Толстому. *1852 г. Октября 9. Станица Старогладковская,* предыдущее.

62. Н. А. Некрасову (неотправленное). *1852 г. Ноября 8. Станица Старогладковская.* В дн. под 8 ноября зап.: «Написал письмо редактору, которое успокоило меня, но которое не пошлю».

63. Д. А. Дьякову. *1852 г. Ноября 12. Станица Старогладковская.* В дн. под 12 ноября зап.: «Написал письмо к Дьякову, которое тоже не пошлю».

64. Д. А. Дьякову. *1852 г. Ноября 17. Станица Старогладковская.* В дн. под 17 ноября зап.: «Еще раз писал письмо Дьякову... Не пошлю. Дьяков не поймет меня». В дн. под 10 декабря зап.: «Послал письмо Дьякову».

65. Т. А. Ергольской. *1852 г. Ноябрь. Станица Старогладковская.* Сохранился один конверт с пометою на нем рукой Т. А. Ергольской: «Получено 8 декабря 1852 г.».

66. Гр. В. П. Толстому. *1852 г. Декабря 1. Станица Старогладковская.* В дн. под 1 декабря зап.: «Получил ведомости: опять 140 р. сер. расходу. Написал об этом письмо Валерьяну».

67. Неизвестному. *1853 г. Февраль — март.* Уп. в п. к гр. С. Н. Толстому от 17 апреля 1853 г. № 74: «Узнай еще пожалуйста через кого-нибудь в Петербурге (я писал и сам, но, как говорю, все сговорились не отвечать мне) в Инспекторском Департаменте, почему там задержаны мои бумаги...».

68. Копылову. (?) *1853 г. Апреля 30. Станица Старогладковская.* В дн. под 30 апреля зап.: «Написал К[опылову.]».

69. Гр. В. П. и М. Н. Толстым. *1853 г. Апрель. Станица Старогладковская.* Уп. в п. Т. А. Ергольской от 23 мая 1853 г.: «Извещаю тебя об отъезде в Пятигорск Валерьяна и Машеньки. Ты писал им, что может быть сможешь туда приехать».

70. Г. А. Мооро. *1853 г. Июня — начало. Станица Старогладковская.* Уп. в п. Г. А. Мооро от 15 июня 1853 г.: «Вследствие письма Вашего ко мне, полученного 11-го сего июня — имею честь уведомить, что об увольнении Вас по необходимым домашним обстоятельствам от службы... получен того же числа от батарейного командира подполковника Алексеева рапорт».

71. Прошение об отставке. *1853 г. Июнь. Станица Старогладковская.* Уп. в п. Г. А. Мооро от 15 июня 1853 г.: «Приложенное же при означенном письме Вашем прошение, как ненужное, при этом возвращаю».

72. Гр. В. П. Толстому. [?]*1853 г. Май — июнь. Станица Старогладковская.* Уп. в п. к гр. С. Н. Толстому и Т. А. Ергольской от первой половины июня 1853 г., № 76: «Не помню, кому я писал: (Валерьяну или Егору Дмитриевичу) о высылке мне 100 р., которые я не получал еще».

73. Гр. Н. Н. Толстому. *1853 г. Июля 2. Станица Старогладковская.* В дн. под 2 июля 1853 г. зап.: «Написал письмо Николиньке».

74. Э. В. Бриммеру. *1853 г. Июля 4. Станица Старогладковская.* В дн. под 4 июля зап.: «Алексеев пришел и заговорил о моей службе. Это так взволновало меня, что я целый день писал письмо к Бриммеру и кажется написал хорошо».

75. Э. В. Бриммеру. *1853 г. Июля 15. Пятигорск.* В дн. под 15 июля зап.: «Послал письмо Бриммеру — поряд[очное]».

76. Г. А. Мооро. *1853 г. Июля 15. Пятигорск.* В дн. под 15 июля зап.: «Послал письмо Мооро — скверное».

77. Т. А. Ергольской. *1853 г. Август.* Уп. в п. Т. А. Ергольской от 22 сентября 1853 г.: «Получила твое письмо, присланное с Ванюшей».

78. «Домой». *1853 г. Сентября 2. Пятигорск.* В дн. под 2 сентября зап.: «Нынче писал домой, чтобы прислали денег».

79. И. И. Либериху. *1853 г. Сентября 25. Пятигорск.* В дн. под 26 сентября зап.: «Вчера написал ответ Либериху».

80. Г. Ф. Ферзену. *1853 г. Сентября 25. Пятигорск.* В дн. под 26 сентября зап.: «Вчера написал... письмо Ферзену».

81. Кн. С. Д. Горчакову. *1853 г. Октября 2.* В дн. под 2 октября зап.: «Хочу писать письмо... Сергею Дмитриевичу». Уп. в п. к гр. С. Н. Толстому от 26 ноября 1853 г. Станица Старогладковская № 82 «...так как я принужден воевать, где бы то ни было, то нахожу более приятным воевать в Турции, чем здесь, о чем и просил князя Сергей Дмитриевича...». Уп. в п. кн. С. Д. Горчакова от 17 октября 1853 г.: «сегодня получил ваше письмо из Кизляра и при нем докладную записку о переводе Вашем в действующую армию. Письмо от меня к брату Михайле уже написано и пойдет 19 числа с вашей запиской».

82. Маслову. *1853 г. Октября 13. Станица Старогладковская.* В дн. под 13 октября зап.: «Написал письма Маслову и Барашкину».

83. Барашкину. *1853 г. Октября 13. Станица Старогладковская.* См. предыдущее.

84. Гр. Н. Н. Толстому. *1853 г. Октября 15. Станица Старогладковская.* В дн. под 15 октября зап.: «Написал длинное письмо Николиньке».

85. Г. А. Мооро. *1853 г. Ноября 5. Хасав-Юрт.* В дн. под 5 ноября зап.: «Написал письмо к Мооро».

86. О. Н. Зябреву. *1853 г. Декабря 10. Станица Старогладковская.* В дн. под 10 декабря зап.: «Нынче написал письмо Осипу».

87. Гр. Н. Н. Толстому (неотправленное). *1853 г. Декабря 22. Станица Старогладковская.* В дн. под 22 декабря зап.: «Писал письмо Николиньке». Под 23 декабря зап.: «Письмо не отослал».

88. Гр. В. П. Толстому. *1853 г. Декабря 31. Станица Старогладковская.* В дн. под 31 декабря зап.: «После ужина написал письма Валерьяну и Т. А. Встретил новый год за письмами».

89. Гр. Н. Н. Толстому. *1853 г. Декабрь. Станица Старогладковская.* Уп. в п. Т. А. Ергольской от 15 января 1854 г.: «Ты писал... из *Старогладовска* Николиньке».

90. Гр. В. П. Толстому. *1853 г. Декабрь? Пятигорск.* Уп. в п. Т. А. Ергольской от 15 января 1854 г.: «Ты писал Валерьяну из Пятигорска».

91. П. И. Юшковой. *1854 г. Января 1. Станица Старогладковская.* В дн. под 1 января зап.: «От Сулимовского получил письмо, которое остановило меня в писании письма тет[ушке] Полине. Бог знает, сбудется ли моя надежда». В дн. под 10—11 января зап.: «Переписать письмо Пелагее Ильинишне».

92. Н. А. Некрасову. *1854 г. Января 13. Станица Старогладковская.* В дн. под 13 января зап.: «После ужина написал дерзкое письмо редактору». Уп. в п. Н. А. Некрасова от 4 февраля 1854 г. Спб.: «Ваше письмо от 14 января я получил 6 февраля».

93. Н. П. Алексееву. *1854 г. Января 21. Николаев.* В дн. под 21 января зап.: «В Николаеве встретил Чикина и с ним написал записку Алексееву».

94. Д. М. Щелину. *1854 г. Февраля 3. Я. П.* В дн. под 3 февраля зап.: «Послал письмо Щелину».

95. В. И. Готье. *1854 г. Февраля 4. Я. П.* В дн. под 4 февраля зап.: «Написал письмо Готье».

96. И. Е. Дроздову. *1854 г. Февраля 5. Я. П.* В дн. под 5 февраля зап.: «Написал письмо Дроздову и Горчакову».

97. Кн. Горчакову. *1854 г. Февраля 5. Я. П.* См. предыдущее.

98. Н. П. Алексееву. *1854 г. Февраля 10. Покровское.* В дн. под 10 февраля зап.: «Написал письмо Алексееву». Вероятно это же письмо уп. в п. Н. П. Алексеева от 18 марта 1854 г.: «Третьего дня я получил письмо Льва Николаевича, коим он уведомляет о своем производстве».

99. К. Н. Боборыкину. *1854 Апрель — май.* Уп. в п. К. Н. Боборыкина от 20 мая 1854 г.: «Я только что получил ваше письмо..... и отвечаю по пунктам: 1. рапорт ваш о болезни получен, свидетельства командира еще нет. 2. Вам было два письма... вам отдаст Вержбицкий. 3. Очень жаль, что вам нельзя взять жалованья вперед, потому что в управлении нет сумм. 4. Часть патронная совершенно в порядке и об этом не беспокойтесь. Наконец что делается с Силистрией, спрашиваете вы...»

100. И. Е. Дроздову. *1854 г. Май?* Уп. в п. к Т. А. Ергольской. 1854 г. Июля 5. Бухарест № 88: «Скажите, пожалуйста, Валерьяну, что я прошу его написать в Пятигорск доктору Дроздову, у которого я оставил мой телескоп, чтобы просить его выслать мне телескоп сюда. Прошу его также отправить и то мое письмо Дроздову, которое я ему раньше передал...».

101. Гр. Д. Н. Толстому. *1854 г. Июня 19. Букарест.* Уп. в п. к Т. А. Ергольской от 19 июня 1854 г. № 87: «будьте добры переслать, как можно скорее это письмо Митеньке в Москву». Уп. в п. Т. А. Ергольской от 25 июля 1854 г.: «Митенька всё еще в Москве; не могу переслать ему твоего письма, не зная его адреса».

102. Т. А. Ергольской. *1854 г. Июня 32. Букарест.* В дн. под 23 июня зап.: «Написал письма: тетиньке, Мите, Некрасову и Оське».

103. Гр. Д. Н. Толстому. *1854 г. Июня 23. Букарест.* См. предыдущее.

104. Н. А. Некрасову. *1854 г. Июня 23. Букарест.* См. предыдущее.

105. О. Н. Зябреву. *1854 г. Июня 23. Букарест.* См. предыдущее.

106. Гр. В. П. Толстому. *1854 г. Июля 1. Букарест.* В дн. под 1 июля зап.: «Написал письмо Валерьяну и Оголину».

107. А. Оголину. *1854 г. Июля 1. Букарест.* См. предыдущее.

108. Гр. В. П. Толстому. *1854 г. Июля 23.* В дн. под 23 июля зап.: «Написал письмо Валерьяну».

109. Т. А. Ергольской. *1854 г. Май — август.* Уп. в п. к Т. А. Ергольской от 6 января 1855 г. № 92: «За прошлое лето я написал вам более 5 писем, из них половина, как я вижу, не дошла».

За май — август 1854 г. до нас дошли три письма.

110. Гр. Н. Н. Толстому. *1854 г. Сентября 5. Скуляны.* В дн. под 5 сентября зап.: «Написал раздраженное письмо Николиньке».

111. Гр. В. П. Толстому. *1854 г. Август — сентябрь.* Уп. в п. гр. Д. Н. Толстого от 20 октября 1854 г.: «Проездом из Москвы в сентябре я был у сестры в Покровском... При мне получено твое письмо, где ты пишешь Валерьяну, что вам остается два перехода до границы».

112. А. Оголину. *1854 г. Август — сентябрь.* Уп. в письме А. Оголина от 16 сентября 1854 г. Станица Старогладковская: «Весьма и весьма был благодарен за письмо... Вы хотите знать подробности нашего житья-бытья — вот они».

113. Гр. В. П. Толстому. *1854 г. Август — октябрь.* Уп. в п. Т. А. Ергольской от 3 декабря 1854 г.: «Валерьян передал мне содержание твоих последних писем и между прочим о твоем распоряжении выслать тебе 1500 р. сер. из суммы, полученной от продажи дома».

114. Гр. Н. Н. Толстому. *1854 г. —Декабрь, 1855 г. — Январь. Эски-Орда* [*?*]. Уп. в п. к гр. Н. Н. Толстому от 3 февраля 1855 г. № 95: «После дикого письма моего в стихах и прозе, не знаю, как приступить... чтобы писать тебе...».

115. К. П. Боборыкину. *1854 г. — Декабрь, 1855 г. Январь. Эски Орда* [*?*]. Уп. в п. К. П. Боборыкина от 26 января 1855 г. Кишинев: «Извините, любезный граф, что давно не отвечал вам».

116. А. А. Столыпину. *1855 г. Февраля — начало. Позиция на р. Бельбек.* В дн. под 14 февраля зап.: «Я написал Столыпину, чтобы он выхлопотал меня в Кишинев».

117. Гр. В. П. Толстому (черновое). *1855 г. Марта 18—20. Севастополь* [*?*]. В дн. под 20 марта зап.: «Два дня не писал ничего ровно, исключая брульона письма Валерьяну».

118. Н. А. Некрасову. *1855 г. Марта 18—20. Севастополь* [*?*]. В дн. под 20 марта зап.: «Два дня не писал ничего ровно, исключая... 2-х писем Некрасову. Одно — ответ на полученное от него нынче, в котором он просит меня присылать ему статьи военные».

119. Гр. В. П. Толстому. *1855 г. Марта 21. Севастополь* [*?*]. Уп. в п. гр. В. П. Толстого от 9 апреля 1855 г.: «Письмо твое... от 21 марта я получил... Я решительно не могу принять твоего предложения взять Ясную на аренду. Ты желаешь за уплатой опекунского долга получать 1200 р. сер., этого при расстроенном Ясенском хозяйстве... ни один арендатор тебе не даст».

120. А. А. Бакунину. *1855 г. Март — апрель. Севастополь.* Уп. в п. А. А. Бакунина от 14 апреля 1855 г.: «Из двух поручений Ваших выполнил отчасти одно... Очень бы желал знать, что вас — так занимает на бастионе, вероятно не бомбы».

Уп. в приписке В. Колошина к п. А. А. Бакунина: «Спасибо за доброе известие, ты меня истинно обрадовал».

121. А. А. Броневскому. *1855 г. Апрель — май. Позиция на р. Бельбек.* Уп. в п. А. А. Броневского от 18 мая 1855 г. «Как Вы нас всех обрадовали строками Вашими».

Уп. в п. А. А. Броневского от 26 мая 1855 г.: «Позвольте благодарить Вас во-первых за память Вашу обо мне, потому что письмо Ваше мине очинь обрадовала и тронула и во-вторых за известия о брате».

122. К. Н. Боборыкину. *1855 г. Июня 5. Позиция на р. Бельбек.*

В дн. под 5 июня зап.: «Написал Боборыкину о проекте итти на аванпосты».

123. Гр. М. Н. Толстой. *1855 г. Июня 21. Позиция на р. Бельбек.* В дн. под 21 июня зап.: «Написал письмо Маше».

124. Т. А. Ергольской. *1855 г. Июня 22. Позиция на р. Бельбек.* В дн. под 22 июня зап.: «Написал письмо Татьяне Александровне».

125. Гр. В. П. Толстому. *1855 г. Июня 30. Позиция на р. Бельбек.* В дн. под 30 июня зап.: «Написал два письма Валерьяну и Пелагее Ильинишне».

126. П. И. Юшковой. *1855 г. Июня 30. Позиция на р. Бельбек.* См. предыдущее.

127. Т. А. Ергольской. *1855 г. Май — июнь. Бахчисарай.* Уп. в п. Т. А. Ергольской от 3 июля 1855 г.: «В последнем твоем письме, полученном 16 июня, ты пишешь, что ты в Бахчисарае, в прекраснейшем на свете крае, что ты сделан командующим горной артиллерии и что это назначение тебе приятно».

128. Гр. Н. Н. Толстому. *1855 г. Июля 1. Позиция на р. Бельбеке.* В дн. под 1 июля зап.: «Написал письмо Николиньке, которое однако необдуманное».

129. Кн. Л. И. Волконской. *1855 г. Июля 11. Позиция на р. Бельбек* [?]. В дн. под 11 июля зап.: «Утром написал письмо Луизе Волконской, которым я однако недоволен».

130. Красовскому. *1855 г. Сентября 23.* В дн. под 23 сентября зап.: «написал... письмо Красовскому».

131. П. И. Юшковой. *1855 г. Сентября 23.* В дн. под 23 сентября зап.: «Написал письмо тетке Пелагее Ильинишне».

132. Старосте. *1855 г. Сентября 23.* В дн. под 23 сентября зап.: «Написал старосте».

133. Веревкину. *1855 г. Сентября 28.* В дн. под 28 сентября зап.: «Письмо к Веревкину о продовольствии».

134. Запрос. *1855 г. Август конец — сентябрь.* Уп. в п. к Т. А. Ергольской от 4 сентября 1855 г. № 109: «Валентин Колошин, которого я здесь очень полюбил, пропал. Я не писал его родителям, потому что я надеюсь еще, что он взят в плен. На запрос, который я послал в неприятельский лагерь, не пришло еще ответа».

135. А. А. Броневскому. *1855 г. Ноябрь первая половина.* Уп. в п. А. А. Броневского от 31 декабря 1855 г.: «до сих пор не отвечал на любезное письмо Ваше еще в ноябре писанное... Одно то только несколько уменьшает вину мою; это быстрое исполнение поручения Вашего. Как только получил письмо Ваше тотчас же было послано за Алешкой, который и был привезен ко мне 14 ноября и до сего времени находится у меня».

136. Михальскому. *1855 г. Декабря 8.* Уп. в п. его к Толстому от 13 марта 1856 г.: «Письмо вашего сиятельства, писанное в декабре я только на днях получил».

УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН.

В настоящий указатель введены имена личные и географические, названия исторических событий (войн, революций и т. п.) и учреждений, заглавия книг, названия статей, произведений слова, живописи, скульптуры, музыки, имена героев художественных произведений не Толстого и Толстого. Кроме того, в указатель введены названия журналов и газет, если они употреблены самостоятельно, а не как библиографические данные. Указанные при географических именах уезды и волости в указатель не вошли. Знак || означает, что цифры страниц, стоящих после него, указывают на страницы текста не Толстого. Курсивом напечатаны страницы, на которых имеется основное ко всей серии примечание о данном лице.

Авдеев Михаил Васильевич — || 204, 205.

— «Тамарин» — || 205.

Австрия — || 61.

Автуры — || 134.

Агалин. См. Оголин А. П.

Агафья Михайловна (Gacha, Гаша) — 51, 52, 65, 66, 112, 113, 160, 163, || 53, 68, 113, 164, 181, 182.

Аграфена Васильевна. См. Писемский А. Ф. «Масоны».

Адрианопольский санджак — || 285.

Азия — || 187.

Академия наук — || 17, 40.

Ак-Мечетская экспедиция 1853 г. — || 310.

Ак-Мечеть («Форт Перовский») — || 310.

Аксаков Константин Сергеевич — || 33.

Аксинья — 170, || 173, 344.

Аланин. См. Толстой Л. Н. «Набег»

Александр II император — || 329.

Александровский комитет о раненых — || 285.

Александровский лицей — || 20.

Алексеев Никита Петрович — 103, 105, 131, 135, 139, 242, || 106, 107, 134, 142, 234, 235, 240, 241, 243, 340, 343, 345, 348, 349, 350.

Алексеева В. В. — || 110.

Алексин, Тульской губернии — 57, 58, || 58.

Алешка. См. Орехов Алексей Степанович.

Алжир — || 98.

Алма — 283, || 284, 294, 295.

Алмазов Борис Николаевич — || 220.

Алманское сражение — || 304.

«Алфавит декабристов», под ред. и с прим. Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса. Гиз. Л. 1925 — || 67.

«Альбом села Шаблыкина» — || 87.

Ананур, Тифлисской губернии — || 123, 124.

Английский клуб в Москве (Club Anglais) — 73, 74 || || 76.

Англия — || 242.

Андийский водораздел — || 111.

Андреев — || 41.

Андреев (солдат) — || 240.

Андрей. См. Соболев Андрей Ильич.

Андроников (столоначальник) — || 5, 6, 7.

Андрюшка — || 142.

Аникеев. См. Еникеев князь.

Аникеева Ольга Дмитриевна, рожд. кж. Горчакова — || || 227, 230.
Анненков Иван Васильевич — || 311.
Анненков Павел Васильевич — || 289, 290, 311.
Анютка — || 142.
Арабский форт — || 276.
Араб-Табия — || 276.
Арсеньев Владимир Михайлович (Arsenieff) — 52, 112, 113, || 53, 113.
Арсеньев Николай Владимирович — || 53.
Арсеньева Валерия Владимировна — || 53, 72, 326.
Арсеньева Евгения Львовна, рожд. Щербатова — || 53.
Арсеньева Евгения Владимировна. См. Липранди Е. В.
Арсеньева Ольга Владимировна. См. Енгалычева кн. О. В.
Арсеньева Юлия Михайловна. См. Огарева Ю. М.
Арсеньевы (Arsenieffs) — 56, 57, 62, 63, || 57, 326.
Арслан-хан. См. Дударов А.
Артиллерийская академия — || 333.
Архангельск — || 182.
«Архив села Карабихи». Письма Н. А. Некрасова и к Некрасову. Примечания составил Н. Ашукин. М. Изд. К. Ф. Некрасова MCMXVI (АК) — || 194, 203, 215, 222, 246, 287, 298.
Архив Толстого в Публичной библиотеке СССР им. В. И. Ленина (АТБ), — 12, 19, 22, 23, 25, 26, 27, 30, 35, 37, 38, 43, 48, 51, 53, 55, 56, 57, 66, 71, 75, 76, 78, 80, 83, 86, 88, 89, 91, 93, 95, 101, 106, 107, 112, 113, 115, 116, 119, 121, 124, 129, 142, 151, 157, 164, 166, 171, 179, 182, 188, 192, 196, 197, 199, 201, 202, 207, 209, 212, 218, 221, 225, 226, 230, 231, 232, 233, 235, 236, 238, 241, 243, 245, 252, 255, 256, 259, 261, 262, 268, 269, 276, 279, 280, 285, 294, 295, 300, 301, 304, 307, 308, 315, 323, 326, 333, 335.
Астрахань (Astracan) — 99, 100, 109, || 96, 99, 101.
«Атеней» — альманах — || 68.
Афанасий — 36, || 37.
Афанасьев А. — || 338, 340.
Афонская гора — 299.
Ашукин Николай Сергеевич — || 194, 203, 215, 222, 246, 287, 298.
Б. — || 345.
Бабушка. См. Толстой Л. Н. «Детство».
Багратион князь (Bagration Prince) — 117, 118, 131, 137, 140, || 119, 134, 142.
Бакланов (полковник) — || 167.
Бакунин Александр Александрович — 309, 316, 328, || 310, 311, 318, 329, 351.
Бакунин Александр Михайлович — || 310.
Бакунин Михаил Александрович — || 196, 310.
Бакунина Варвара Александровна, рожд. Муравьева — || || 310.
Бакунина Елизавета Александровна — || 310.
Бакунины — || 196.
Балаклава — || 280.
Балта (Balta) — 257, 258, || || 142.
Балтийское море — || || 242.
Балюзек Лев Федорович — 311, || 284, 312, 318.
Банников Николай Дмитриевич — 263, 265, || 14, 266.
Банникова Евдокия Николаевна. См. Орехова Е. Н.
Барановский. См. Броневский Аркадий Алексеевич.
Барашкин — || 349.
Барбо-де-Марни Елизавета Егоровна. См. Толстая Е. Е.
Бардовский — || 6.
Барон. См. Дельвиг бар. Александр Антонович.
Баршев Яков Иванович — || || 46.
Барыкова Прасковья Васильевна. См. Толстая гр. П. В.
Барятинский Александр Иванович (Bariatinsky) — 115, 131, 132, 136, 140, 224, 225, 238, || 116, 133, 134, 142, 167, 168, 225, *238*, *239*.
Басманная больница в Москве — || 20.
Бауер — 298, || 299.
Бахчисарай — 328, || 320, 322, 326, 327, 328, 335, 352.
Бегичев Семен — 232, || 228, 230, 231, 232. 233.

Бегичев Никита Семенович — || 231.
Беерша. См. Ржевская Наталья Андреевна.
Бекетов Владимир Николаевич (Цензор) — 330, || 289, 331.
Беклемишев Григорий Алексеевич — || 35, 36.
Белев, Тульской губернии — || || 86.
Белевский уезд Тульской губернии — || 6.
Белевское имение. См. Поляны.
Белинский Виссарион Григорьевич — ||194, 316, 317.
Белоруссия — || 305.
Бельбек (река) — 301, 316, 320, 321, 322, 324, || 299, 300, 301, 315, 320, 323, 351, 352.
Березовка, Тамбовской губернии (Béresovka) — 273, 276, || || 276.
Берс Андрей Евстафьевич — || || 20.
Берс Татьяна Андреевна. См. Кузминская Т. А.
Бессарабия (Bessarabie) — 262, 264, || 249.
Бестужев Александр Александрович. См. Марлинский А.
Беэр Анастасия Владимировна, рожд. Ржевская — || 196, 346.
Беэр Андрей Андреевич || 196.
Беэр Наталья Андреевна. См. Ржевская Н. А.
Беэры (семья) — || 196.
Бибикова М. С., «Мои воспоминания». — || 31, 99.
«Библиотека для чтения — || 230.
Бирюков Павел Иванович — || 45, 49, 71, 83, 91, 93, 95, 98, 101, 102, 106, 116, 119, 133, 151, 164, 179, 185, 192, 207, 236, 240, 242, 252, 259, 276, 284, 294, 322, 327.
— «Лев Николаевич Толстой». Биография, т. I, изд. «Посредник», М. 1906 (БI) — || 16, 30, 45, 49, 71, 83, 91, 93, 95, 101, 106, 116, 119, 133, 151, 164, 179, 185, 192, 207, 236, 241, 242, 252, 259, 276, 284, 294, 322, 327.
— «Лев Николаевич Толстой». Биография, т. I, 2 изд. «Посредник» М. 1911 (БII) — || 102.
Бичо Симон — || 123.
«Благородное собрание» в Москве — || 76.
Благородный пансион при Петербургском университете. — || 316.
Боборыкин Константин Николаевич — || 284, 350, 351, 352.
Боборыкин Петр Дмитриевич — || 95.
— «За полвека» — || 96.
Богданович Модест Иванович — || 284.
— «Восточная война 1853—1856 гг.», Спб. 1876— || 276, 284, 308.
Богородицк Тульской губернии — || 38.
Богородицкий уезд Тульской губернии — || 86.
Боде бар. Лев Карлович — || || 88.
Болконский Андрей. См. Толстой Л. Н. «Война и мир».
Большая Никитская улица в Москве — || 75.
Бородинское сражение — || 249.
Боткин Василий Петрович — || 317, 331.
Браилов (город) — || 259, 261.
Бриммер Эдуард Владимирович (Brimmer) — 116, 118, 135, 136, 137, 139, 140, 224, 225, || 119, 142, 225, 235, 243, 348.
— «Служба артиллерийского офицера, воспитывавшегося в 1 кадетском корпусе и выпущенного в 1815 г.» — || 119.
Броневская Варвара, рожд. Тулина — || 304.
Броневский Алексей—||304.
Броневский Аркадий Алексеевич (Барановский, Броневской) — 302, 303, 321, || 304, 308, 352.
Броневской. См. Броневский Аркадий Алексеевич.
Брр. — 109, || 111.
Брюссель — || 67.
Будда — || 13.
Буемский Николай Иванович — 103, 105, 173, 177, 183, || 107, 152, 179, 185, 186, 347.
Букарест. См. Бухарест.
Булыгин Алексей Николаевич — || 111.
Булыгина Ольга Николаевна, рожд. Депрейс — 109, || 111.
Булька (собака) — || 122.
Буркгардта И. А. торговый дом — 65, 66, || 68.

Бутков Владимир Петрович — || 331.
Бутурлин гр. М. Д. — || || 253.
— «Воспоминания» — || 253.
Бутырки, Тульской губернии — || 6.
Бухарест (Букарест, Boukarest) — 257, 258, 259, 262, 264, 269, 273, 275, || 250, 257, 259, 261, 262, 266, 268, 269, 279, 287, 288, 350.
Буюк-Сюйрень. См. Буюк-Сюрень.
Буюк-Сюрень (Буюк-Сюйрень) — 319, || 319, 320.
Бюре (M-me Burest) — 108, || 111.

Вайтенсон братья — || 32.
Валахия (Valachie) — 248, 262, 264, || 279.
Ванюшка. См. Суворов Иван Васильевич.
Варшавский кн. См. Паскевич кн. И. Ф.
Васенька. См. Перфильев Василий Степанович.
Василий Васильевич великий князь Руси — || 61.
Василий (староста). См. Зябрев В. Е.
Ватаци М. «Быль минувшего» — || 101, 111.
Вене — || 98.
«Великой памяти Л. Н. Толстого. Казанский университет 1828—1928», Казань, 1928— || 97.
Вена (Vienne) — 45, 65, 66, 258, || 46.
Венгерская кампания 1849 г. — || 250, 260, 295, 310.
Веневский уезд Тульской губернии — || 253.
Венера — 154.
Вензель — 130, || 133.
Вера Николаевна. См. Тургенев И. С. «Фауст».
Вергани (Verganie) — 56, 57, 65. 66, || 57, 94, 95, 306, 308, 326.
Веревкин — || 352.
Вержбицкий — || 350.
«Вестник Европы» — || || 168.
В. И. См. Юшков Владимир Иванович.
Владикавказ — || 123, 124.
Владимира св. орден — 156.
Воейков Александр Сергеевич — 103, 105, || 22, 107.
Воейков Николай Сергеевич (монах, le moine) — 21, 22, 70, 71, 82, 83, 91, 92, 127, 128. 155, 299, || 22, 73, 83, 93, 129, 157, 300.
Воейков Петр Александрович (Петруша) — 103, 105, 223, 225, || 107, 225.
Воейкова Александра Дмитриевна, рожд. Симонова — || 107.
Военно-грузинская дорога — || 124.
Военное министерство — 250, 296, || 144, 235, 241, 249, 311.
«Военный журнал». См. «Солдатский вестник».
«Военный листок». См. «Солдатский вестник».
Воздвиженская (крепость) — || 152.
Воздвиженская (станица) — || 339.
Вознесенский проспект в Петербурге — 28, || 32.
Волга — || 99.
Волкова Любовь Александровна. См. Чулкова Л. А.
Волконская кн. Луиза Ивановна, рожд. Трузсон — 93, 94, || 95, 186, 230, 352.
Волконские кн. — 184, || || 228, 230.
Волконский кн. Александр Алексеевич (Volkonsky) — 93, 94, || 95, 186, 230.
Волконский кн. Николай Сергеевич — || 171, 182, 280.
Вольдемар. См. Ислявин Владимир Александрович.
Вольтурно — || 125.
Вольф Николай Иванович (Wolff) — 137, 140, 189, 191, || 142, 192.
Воробьев Петр Евстратович (Pierre, Петр) — 63, 65, 70, 71, 76, 77, 78, 81, 82, || 73, 78, 79, 81, 172, 173, 342.
Воронка (река) — || 34, 233.
Вороной (лошадь) — || 122.
Воронцов кн. Михаил Семенович — 112, 113 || 13, 142, 233, 234, 286.
Воронцова-Вельяминова Ольга Васильевна — || XI.
Воротынка. См. Малая Воротынка.
18-я артиллерийская бригада — || 121.
Воскресенские ворота Китайгородской стены в Москве — || 66.

«Воспоминания о осаде Силистрии» — 297.
Восточная война 1852—1856 гг. (Восточная кампания, Турецкая война, Крымская кампания, La guerre de Turquie) — 254, 255, 292, 293, 294, || 40, 284, 285, 286, 304, 310, 333.
Восточная кампания. См. Восточная война 1852—1856 гг.
Восточная Сибирь. См. Сибирь.
Вревский бар. Павел Александрович — || 327.
«Вскочил козлик во город» («козлик») — русская песня — 37, || 37.
Вяземский кн. Петр Андреевич — || 331, 332.

Гагарин (Gagarine) — 74, 75, || 76.
Галац (город) — || 261.
Галюгай (Калюгай) — || 123, 124.
Гардоскал (река) — 124.
Гардоскал станица (Гарцискал) — || 122, 124.
Гарнье братья — || 111.
Гарцискал. См. Гардоскал.
Гатчинский кирасирский полк — || 238.
Гаша. См. Агафья Михайловна.
Гаша (цыганка)—132, || 133, 230.
Гединг (город) — || 46.
Гельке — 130, || 133, 238.
Гельсингфорс — 30.
Георгиевский крест (La croix de St. Georges) — 189, 191.
Герзель — аул — || 167.
Герменчук — || 134.
Герцен Александр Иванович — || 41, 286.
Гершензон Михаил Осипович — || 122.
Гехи (река) — || 135.
Гиер (город во Франции) — || 98, 121.
Гимбут Карл Фердинандович (Gimbout) — 153, 257, 258, || 157, 259.
Гирганзан [?] — || 41.
Глебов П. Н. — || 335.
— «Записки П. Н. Глебова» — || 336 (цит.).
Гнилокишкин. См. Толстой Л. Н. «Севастополь в мае».
Гоголь Николай Васильевич — || 332.
Голицина кж. Марья Николаевна. См. Протасова М. Н.
«Голос» — газета — || 68.
«Голос минувшего», журнал — || 310.
Гольденвейзер Александр Борисович — || 72.
— «Вблизи Толстого» — || 22, 40, 72.
Гонсаул (река) — || 167.
Гончаров Иван Александрович — || 204.
— «Обыкновенная история» — || 205.
Гончарова дача. См. Гончуровка.
Гончуровка — пустошь (Гончарова дача) — 37, || 38.
Гордый — (лошадь) — || 73.
Горелов — || 250.
Горохов — || 280.
Горсткина Софья Николаевна. См. Щербатова С. Н.
Горчаков кн. — || 350.
Горчаков кн. Александр Сергеевич (Gortchakoff) — 258, 259, 263, 265, || 249, 260, 266.
Горчаков кн. Андрей Иванович (Gortchakoff, André —18, 19, 69, 70, 73, 74, 77, 93, 94, 231, || 20, 72, 75, 79, 95, 232, 233, 234, 252.
Горчаков кн. Василий Николаевич — || 228, 230.
Горчаков кн. Дмитрий Сергеевич (Gortchakoff) — 258, 259, 263, 265, || 249, 260, 266.
Горчаков кн. Михаил Дмитриевич (Gortchakoff) — 248, 251, 257—259, 263, 265, 270—272, 274, 275, 282, 309, 313, 315, 322, || || *249*, 250, 252, 259, 260, 261, 266, 268, 276, 279, 285, 286, 289, 304, 315, 326, 329, 349.
Горчаков кн. Николай Иванович — || 12.
Горчаков кн. Сергей Дмитриевич (Prince Serge, князь Сергей) — 18, 19, 64, 65, 69, 70, 90, 91, 93, 94, 231, 251, 263, 265, || 20, 22, 66, 72, 88, 91, 95, 186, 232, 252, 266, 348, 349.
Горчакова кн. С. Д. дочь. См. Горчакова кн. Софья Сергеевна.
Горчакова кн. Анна Александровна, рожд. Шереметева (La Princesse Serge) — 21, || 22, 186, 227, 230.
Горчакова кж. Екатерина Ивановна. См. Ергольская Е. И.
Горчакова кж. Наталья

Михайловна. См. Столыпина Н. М.
Горчакова кж. Ольга Дмитриевна. См. Аникеева О. Д.
Горчакова кж. Пелагея Николаевна. См. Толстая гр. П. Н.
Горчакова Софья Дмитриевна. См. Лаптева Софья Дмитриевна.
Горчакова кн. Софья Сергеевна — 90, 91, || 91.
Горчаковы князья — 184, || 22, 67.
Горячеводские минеральные источники — || 107.
Горячеводский лагерь (укрепление) — 103, 105, 109, || 110.
Государственный совет — || 68, 304.
Государственный Толстовский музей (ГТМ) — || 3, 4, 9, 10, 37, 38, 41, 43, 45, 49, 78, 133, 156, 170, 185, 242, 249, 252, 284, 298, 312, 322, 327, 337.
Готье — (Gautier) книжный магазин — 69, 71, || 72.
Готье Владимир Иванович — || 72, 349.
Гофштеттер Андрей Савостьянович — || 60, 61.
Градище (город в Моравии) — || 46.
Грановский Тимофей Николаевич — || 196.
Графиня. См. Толстая гр. Авдотья Максимовна.
Гренадерский корпус — || 285.
Греция — 281.
Грецовка, Тульской губернии — 168, 169, 195, 200, 201, || 171, 196, 202. 345.
Грибоедов Александр Сергеевич — || 231.
— «Горе от ума» — || 231.
Григорьев Федор — || 6.
Грицевич Анна Алексеевна, рожд. Чулкова (les demoiselles Tschoulkoffs, барышни Чулковы) — 62, 63, 96, 97, || 63, 83, 99.
Гродненский гусарский полк — || 331.
Грозная. См. Грозный.
Грозный, Терской области (Грозная) — || 107, 142, 166, 240.
Гроссман Леонид Петрович — || 68.
— «Преступление Сухово-Кобылина», изд. «Прибой» Л. [1927] — 68.
Грузинский А. Е., «Писатель Н. Н. Толстой» — || 122.
Грузия (Géorgie) — 118, 119, 127, 128, || 343.
Грумант. См. Угрюмы.
Грумант. См. Шпицберген.
Грумонтский лес — || 198.
Грумы. См. Угрюмы.
Груша — || 229.
Гулла и Казанбий Хаджи-Мурат. «Хаджи-Мурат. Мемуары» — || 134.
Гурдали (аул) — || 167.
Гусарский принца Оранского полк — || 301.
Гусев Николай Николаевич — || 55, 98.
— «Два года с Л. Н. Толстым», М. 1928 — || 221.
— «Толстой в молодости», М. 1927 — || 55.

Дагестан — || 134.
Дальгейм бар. Марья Ивановна. См. Дьякова М. И.
Даниловка, Тульской губернии — || 107.
Даннеберг Петр Андреевич — || 250, 284.
Дарго (аул) — || 239.
20 артиллерийская бригада — 132, 143, 248, || 106, 107, 112, 121, 125, 133, 142, 143, 144, 152, 166, 221, 234, 235, 241, 249, 250, 340.
21 артиллерийская бригада — 144.
12 артиллерийская бригада — 277, 279, 298, || 249, 250, 261.
Дворянский клуб в Москве — 73, 74, || 76.
9 армейский корпус — || 285.
19 артиллерийская бригада — || 121.
Дейч Карл Федорович фон (Deutsch) — 18, 19, 26, 27, || 20, 27.
«Дело Канцелярии правления [Казанского университета] № 109 о принятии в университет студентом Льва Николаевича Толстого» — || 5, 6, 7.
Дельвиг бар. Александр Антонович (Барон) — || 60, 61, 306, 307.
Дельвиг бар. Александра Петровна, рожд. гр. Толстая — || 14.

Дельвиг бар. Антон Антонович (поэт) — || 14, 307.
Дельвиг бар. Иван Антонович — || 14.
Дельвиг — поэт. См. Дельвиг Антон Антонович.
Денисенко Елена Сергеевна — || 98.
Департамент геральдии — 250.
Департамент таможенных сборов — || 33.
Депрейс Варвара Николаевна. См. Троицкая В. Н.
Депрейс Екатерина Николаевна — 109, || 111.
Депрейс Марья Николаевна. См. Мертваго М. Н.
Депрейс Наталья Порфирьевна, рожд. Молоствова — || 111.
Депрейс Николай Исаевич — || 111.
Депрейс Ольга Николаевна. См. Булыгина О. Н.
Джиранов — || 142.
Диккенс Чарльз — || 22.
— «Давид Копперфильд» (Мистер Микобер) — 120, 251, || 125, 253.
Дмитриевский — || 338, 340.
Дмитриевский Иван Степанович — || 8.
Дмитрий — 263, 264, 265, || 122, 124.
Долгое, Тульской губернии — || 280.
Домницкий Григорий Васильевич — 144.
Донской № 17 полк — || 167.
Дохтуров Федор Николаевич — || 268, 269.
Дроздов Иван Ефремович — 273, 275, || 276, 350.
— «Воспоминания» — || 276.
Дроздовы — || 276.
Дружинин Александр Васильевич — || 204, 205.
— «Полинька Сакс» — || 205.
Дубровская Соломонида Тимофеевна. См. Толстая гр. С. Т.
Дударов Арслан-хан — || || 124, 125.
Дудышкин Степан Семенович — || 220.
Дунай (Danube) — 258, 269, 272, 273, 275, || 242, 249, 259, 261, 276, 284, 285, 310, 315.
Дунайская русская армия — || 285
Дунайские княжества — || 242, 249.
Дурасова Стефанида Алексеевна. См. Толстая гр. С. А.
Душет станица — || 123, 124.
Дьяков Алексей Николаевич — || 25.
Дьяков Дмитрий Алексеевич — 132, 184, 195, 196, || 25, 134, 185, 187, 197, 199, 212, 343, 347.
Дьякова Александра Алексеевна. См. Оболенская кн. А. А.
Дьякова Елизавета Алексеевна, рожд. Окулова — || 25.
Дьякова Елизавета Алексеевна. См. Жемчужникова Е. А.
Дьякова Ирина Дмитриевна, рожд. Полторацкая — || 25.
Дьякова Марья Алексеевна. См. Сухотина М. А.
Дьякова Марья Ивановна, рожд. бар. Дальгейм. — || 25.
Дьяковы (Diakoffs) — 24, 73, 75, 85, 86, || 76, 86, 87.
Дьяченко Афанасий Дионисович (почтмейстер) — || 86, 87.
Дюма Александр — сын — || 68.
Дюма Александр (Dumas Alexandre) — 69, 71, 85, 86, || 72.
— «Le Vicomte de Bragelonne ou Dix ans plus tard», Paris, Michel Lévy frères 1848—1850 — || 72.
— «Les Milles et un Fantôme» [«Тысяча и одно привидение»] — 69, 71, || 72.
— «Les trois Mousquetaires» [«Три мушкетера»] — || 72.
«Louis XIV et son siècle», Paris, Passard 1845—1846 — || 72.
— «Louis XIV et son siècle» [«Людовик XIV и его век»] — 69, 71, || 72.
— «Louis XIV et son siècle», Paris, Dufour, Moulat et Boulanger 1844—1845 — || 72.
— «Vingt ans après» [«Двадцать лет спустя»] — || 72.
Дюма А. и Макэ Э. «Королева Марго» (La Reine Margot) — 108, || 111.
— «Le Vicomte de Bragelonne ou Dix ans plus tard» [«Виконт де Бражелон или Десять лет спустя» —] 69, 71, || 72.
Дюссо ресторан в Петербурге — 327, || 327

Евпатория — || 304.

Европа — || 239.
Езыков Семен Иванович. См. Толстой Л. Н. «Декабристы».
Екатерина II — || 16, 41, 76, 124.
— «Наказ» — || 16.
Екатерининская больница в Москве — || 20.
Екатерининское, Тульской губернии — || 231.
Екатеринодар — || 123, 124.
Елагин Николай Павлович — 77, || 79.
Елена Павловна вел. кн., рожд. принцесса Виртембергская — 28, || 34.
Елисеев Иван — || 7.
Енгалычева кн. Ольга Владимировна, рожд. Арсеньева — || 53.
Еникеев князь (Аникеев, Эникеев) — 70, 71, 232, || 73, 79, 80, 232.
Епишка — 251, || 122.
Ергольская Екатерина Ивановна, рожд. кж. Горчакова — || 12.
Ергольская Елизавета Александровна. См. Толстая гр. Е. А.
Ергольская Татьяна Александровна (Tante Toinette) — 19, 30, 41, 48, 49, 52, 54, 55, 92, 100, 113, 115, 118, 127, 128, 149, 156, 162, 170, 177, 195, 200, 224, 236, 242, 245, 261, 264, 267, 273, 281, 283, 293, 325, || 6, 12, 13, 14, 23, 27, 39, 42, *43*, 53, 62, 86, 87, 88, 89, 91, 93, 95, 97, 101, 106, 110, 113, 116, 119, 122, 124, 129, 142, 151, 158, 164, 168, 172, 173, 179, 180, 185—187, 192, 196, 197, 201, 202, 207, 209, 225, 226, 227, 243, 256, 259, 261, 262, 268, 276, 280, 294, 307, 308, 315, 322, 326, 339, 341—343, 344, 346—352.
Ергольский Александр Семенович — || 12.
Ергольского Александра Семеновича дети — || 12.
Ергольского Александра Семеновича жена — || 12.
Еремеев Иван Федорович — || 185.
Еремеев младший — 184, || 185.
Еремеева, рожд. Скуратова — 184.
Еремеева Мария Львовна рожд. Молоствова — || 185.
Еремеевы — || 185.
Ерошка. См. Толстой Л. Н., «Казаки».
Ефремов, Тульской губернии — || 38.

Жанлис Стефания Фелисита (Genlis M-me) — || 187, 188.
Жданов — 73, 74.
Жданов Александр Александрович — || 76.
Жданов Дмитрий Александрович — || 76.
Жданов Иван Александрович — || 76.
Жданов Михаил Александрович — || 76.
Жданов Сергей Александрович — || 76.
Жданова Софья Александровна. См. Исленьева С. А.
Жданова Степанида Дмитриевна. См. Чулкова С. Д.
Железноводск — || 346.
Жемчужников Алексей Михайлович — || 25.
Жемчужникова Елизавета Алексеевна, рожд. Дьякова — || 25.
Женева — || 98, 102.
Жилиной дом в Москве — || 197.
Жукова табачная фабрика — 131, || 133.
Жуковский Василий Андреевич — || 157.
Журавлев Родион Михайлович — || 60, 61.
«Журнал министерства народного просвещения» — || 316.

Завадовская гр. Софья Петровна. См. Козловская кн. С. П.
Загородный проспект в Петербурге — || 318.
Загоскин Н. И. — || 3, 5, 15, 110.
— «Гр. Л. Н. Толстой и его студенческие годы» — 3, 4, 5, 15, 110.
Загоскина Варвара Николаевна. См. Краснокутская В. Н.
Загоскина Екатерина Дмитриевна, рожд. Мертваго (Zagoskine) — 96, 97, 108, 109, || 95, 99, 102, 110.
Загоскина Софья Николаевна. См. Оголина С. Н.

Заказ — лес. — || 43.
Закревская гр. Аграфена Федоровна, рожд. Толстая — || 72.
Закревский гр. Арсений Андреевич (Comte Zakrevsky) — 69, 70, 73—75, || 72, 228, 231.
«Звенья», I. М. 1932 — || 98.
«Земледельческая газета» — 296.
Земля войска Донского — || 304.
Зилантов-Успенский монастырь (Зилантьево) (Zilantieff) — 96, 97, || 99.
Зилантьево. См. Зилантов-Успенский монастырь.
Зинаида. См. Молоствова Зинаида Модестовна.
«Зритель», журнал — || 68.
Зубков Василий Петрович — 327, || 95, 327.
Зубков Владимир Алексеевич (Zoubkoff) — 93, 94, || 95.
Зябрев Василий Ермилович (Василий староста) — || 305, 307.
Зябрев Осип Наумович (Оська) — || 134, 172, 181, 182, 349, 350.
Зябрева Авдотья Никитишна (кормилица) — 132, || 134.

Иван Никифорович — || 60.
Иванов Архип — || 6.
Иванова Анастасия Ивановна. См. Толстая А. И.
Иванова Дарья Ивановна — 18, 19, || 20.
Иванова Марья — 338, || 338, 339.
Ивановой дом в Москве — || 79.
Иванов-Разумник — || 317.
Ивановская улица в Петербурге — || 318.
Ивановский — || 35.
Иверской божьей матери часовня в Москве (Iverskaïa) — 63, 65, 161, 163, 164, || 66.
Ивины. См. Толстой Л. Н. «Детство».
Извекова Юлия Петровна. См. Чулкова Юлия Петровна.
Измаил (город) — || 261.
Измайловский лейб-гвардейский полк — || 107.
Иисус Христос — || 306.
Иловайская. См. Ферзен.
Имзена дом в Петербурге — || 333.
Академия художеств — || 32.
Эрмитаж — || 32.
«Инвалид». См. «Русский инвалид».
Индрис (Леонтий) — || 60, 61.
Инкерман (город) — || 284.
Инкерманское сражение — || 250, 284, 295, 304, 315.
Институт русской литературы (Пушкинский дом) в Ленинграде (ИРЛИ) — 98, 109, 309, 316, 319, 324, 328, 336.
Иоанн Васильевич. См. Иоанн IV Грозный.
Иоанн IV Грозный (Иоанн Васильевич) — || 61.
Ипполитов (полковник) — || 152.
Исакча (крепость в Добрудже) — || 261.
Ислави́н — || 342, 347.
Ислави́н Владимир Александрович (Ислави́ны, Вольдемар) — 28, 156, || 33, 158, 186, 345.
Ислави́н Константин Александрович (Kostinka, Костинька, Ислави́ны) — 28, 93, 94, 155, 156, || 30, *34*, *35*, 95, 157, 158, 186, 219, 228, 230.
Ислави́н Михаил Александрович (Ислави́ны) — 28, || 34, 186.
Ислави́ны. См. Ислави́ны В. А., М. А. и К. А.
Ислави́ны — 184, || 158.
Исленьев Александр Михайлович (Islenieff) — 64, 65, 81, 82, || 33, 34, 67, 76, 83.
— «Охотничье послание 1845 г. приятелю П. А. Офросимову» — || 67.
Исленьева Софья Александровна, рожд. Жданова — || 67, 76.
Исторический музей в Москве — || 35.
«История моего детства». См. Толстой Л. Н. «Детство».
Италия — || 68, 125, 310.

Кабардинская слободка в Пятигорске — 176, 178.
Кабардинский полк — 322, || 239.
Кавказ (Caucase) — 92, 101.

112—115, 118, 119, 126, 128, 132, 155, 156, 159, 160, 163, 184, 206—209, 216, 218, 223, 225, 238, 302, 303, || 86, 95—97, 101, 107, 110, 111, 113, 125, 157, 158, 162, 185, 198, 210, 215, 219, 221, 227—230, 233, 238, 239, 247, 286, 306, 307, 339, 340.

«Кавказ», газета — 283, || 286.

Кавказская гренадерская артиллерийская бригада — || 143, 144.

Кавказский отдельный корпус — || 142.

Казанка, река — || 99.

Казанская вторая гимназия — 5.

Казанская первая гимназия — 5.

«Казанские губернские ведомости» — || 111.

Казанский верхний земский суд — || 110.

Казанский университет (Факультет восточной словесности, Юридический и Математический факультеты) — 3, 5, 9, 15, 39, 143, || || 4—11, 14—16, 17, 30, 39, 99, 110, 111, 121, 158, 260.

Казанский учебный округ — || 4, 9, 33, 102.

Казань (Casan) — 10, 62, 63, 93, 94, 99, 100, 108, 109, 161, 163, 216, || 3—5, 9—13, 16, 25, 32, 33, 93, 95, 96, 99, 102, 110, 111, 221, 260, 311, 330, 339, 342.

Казаринов Николай Павлович — 77, || 79.

Казачье, Тульской губернии — 182, || 185.

Казбек (аул) — || 123, 124.

Казбек (гора) — || 123, 124.

Казбек (станция) — || 124.

Казимир — || 123, 125.

Калошин Сергей Павлович. См. Колошин С. П.

Калюгай. См. Галюгай.

Кампания 1812—1814 гг. — || 62, 88, 249.

Кампанья — || 125.

Канивальская — 154.

Канивальская Александра Ивановна (Канивальская меньшая) — || 76, 79, 80, 157.

Канивальская Елизавета Ивановна — || 76, 157.

Канивальская Марья Ефремовна — || 76.

Канивальская Софья Ивановна — || 76, 154.

Канивальская меньшая. См. Канивальская Александра Ивановна.

Канивальский Иван Матвеевич — 73, 75, || 76, 80, 157.

Капнист Василий Васильевич («известный писатель») — || 78.

Капнист Иван Васильевич — 77, || 78, 80.

Капнист известный писатель. См. Капнист Василий Васильевич.

Капуа (Capoue) — || 123, 125.

Капылов. См. Копылов.

Каренин. См. Толстой Л. Н. «Анна Каренина».

Карл Иванович. См. Толстой Л. Н. «Детство» и «Отрочество».

Карнаковы князья. См. Толстой Л.Н. «Детство» и «Юность».

Карпов Николай Алексеевич. — || 185.

Карпова Екатерина Николаевна — || 185.

Карпова Елизавета Николаевна — || 185.

Карпова Марья Евстафьевна — || 185.

Карпова Мария Николаевна — || 185.

Каспийское море (La mer Caspienne) — 173, 177, || 125, 179.

Катай (собака) — || 122, 124.

Катилина — || 41.

Катков Михаил Никифорович — || 34.

Квенем-Мты (гора) — || 124.

Киев (Kieff) — 257, 258.

Кизляр (Kislar) — 99, 100, 126—128, 135, 139, 140, 194, 203, 252, || 96, 97, 116, 124, 125, 164, 179, 252, 253, 344, 349.

Кизлярский округ — 121, 132.

Киреевские — || 196.

Киреевский Николай Васильевич (Kireevsky) — 84, 85, 89, || 87—89.

— «Сорок лет постоянной псовой и ружейной охоты» — || 87.

Кирсановский уезд Тамбовской губернии — || 20.

Киселева Елизавета Дмитриевна. См. Милютина Е. Д.

Кишинев (Kichineff) — 257, 258, 277, 278, 286, 299, 302, 303,

321, || 277, 279, 287, 288, 290, 295, 300, 306, 351.
Клен виконт Виктор-Гектор де — || 98.
Кнорринг Надежда Ивановна. См. Нарышкина Н. И.
Кнорринг Николай Иванович (полицеймейстер) — 108, || 111.
Кнорринг Ф. Г. — 148, 151, || 151, 152.
Кобылин. См. Сухово-Кобылин Александр Васильевич.
Ковалевский Егор Петрович — || 315.
Козельцов Володя. См. Толстой Л. Н. «Севастополь в августе».
«Козлик». См. «Вскочил козлик в огород».
Козловская кн. Софья Петровна, рожд. гр. Завадовская — || 33, 67.
Колбасин Д. Я. — || 213.
Кологривой — || 124, 125.
Колошин Валентин Павлович (Calochin Valentin) — 334, 335, || 67, 336, 351, 352.
Колошин Дмитрий Павлович (Calochin Dmitri) — 64, 66 || 67, 336.
Колошин Павел Иванович — || 67, 339.
Колошин Сергей Павлович (Калошин, Kalochin Serge) — 65, 66, 93, 94, || 67, 68, 95, 336, 344, 345.
— «Светские язвы» — || 68.
Колошина Александра Григорьевна, рожд. гр. Салтыкова — || 67, 339.
Колошина Александра Павловна — || 67.
Колошина Софья Павловна — || 67.
Колошины — || 170, 171.
Комиссариатский департамент Морского министерства — || 32.
«Комиссия о сочинении и проекта нового уложения» — || 16.
Комстадиус Иосиф Карлович — || 284.
Конно-гвардейский полк — 45.
Константин (Литвинос) — || 60, 61.
Константин Николаевич великий князь — || 299.
Константин Павлович великий князь — || 250.
Константинов Осип Ильич — 283. || 285.
Константинополь — || 304.
Конт Огюст — || 33.
Копылов (тульский купец) — 18, 19, 24, 29, 40—42, 48, 62, 63, 70, 71, 194—196, || 20, 25, 34, 35, 42, 43, 196, 197, 199, 230, 341, 342, 346, 348.
Копылов — || 181.
Кормилица. См. Зябрева Авдотья Никитична.
Корнилов Владимир Алексеевич —281, || 284.
Костромская губерния — || 59, 317.
Кочаки, Тульской губернии — || 6, 7.
Кочаковский Александр Федорович — || 6.
Кочкалыковский хребет — || 167, 240.
Кочубей — 156, || 158.
Кочубей кн. Виктор Павлович — || 158.
Краевский Андрей Александрович — 336, || *337*.
Краков — || 46.
Крапивенские. См. Крапивины.
Крапивенский. См. Крапивин И. И.
Крапивенский земский суд — Тульской губернии — || 60.
Крапивенский уезд Тульской губернии — 338, 340, || 6—8, 86, 230.
Крапивенский уездный суд — || 61.
Крапивин Александр Иванович — || 38.
Крапивин Аркадий Иванович — || 38.
Крапивин Валерьян Иванович — || 38.
Крапивин Иван Иванович (Крапивенский) — || 38.
Крапивин Иван Иванович — сын — || 38.
Крапивин Орест Иванович — || 38.
Крапивина Анна Ивановна — || 38.
Крапивина Екатерина Ивановна — || 38.
Крапивина Елена Дмитриевна — || 38.
Крапивины (Крапивенские) — 37, || 38.

Крапивна, Тульской губернии, — 154, || 86.
«Красная новь», журнал — || 317—319, 324, 328, 329, 331.
Краснокутская Варвара Николаевна, рожд. Загоскина (Варенька) — 108, 109, || 111.
Краснокутский Владимир Александрович — || 111.
Краснокутский Николай Александрович — || 330, 331.
Красовский — || 352.
«Крепостная книга Тульской палаты гражданского суда» — ||338,340.
Крестовый перевал — || 123, 124.
Кретов Василий Александрович — || 60, 61.
Кривой Усан (лошадь) — 153, || 343.
Кронштадт — || 304.
«Круг», альманах — || 247, 287, 290, 298, 317, 330.
Крыжановский Николай Андреевич — || *333, 334.*
Крым (Crimée) — 184, 277—279, 292, 293, 299, 302, 303, 320, 321, || 170, 185, 227, 242, 250, 268, 279, 285, 304.
Крымская война. См. Восточная война.
Крымская русская армия — 322, || 285.
Крюков Иван Васильевич — 69—71, 73, 75, 76, || 72, 76, 198.
Крюков И. П. — 76, 77, || 78, 80.
Ксенофонтов — 42, || 43.
Кузминская Татьяна Андреевна, рожд. Берс — || 20, 31.
— «Мои воспоминания о М. Н. Толстой» — || 98.
— «Моя жизнь дома и в Ясной поляне» — 20, 22, 32, 35, 53, 67, 99.
Кузнецкий мост улица в Москве — || 32.
Куринский полк — 232.
Куринское укрепление — || 167, 240.
Курск (Koursk) — 127, 128, 257, 258, 261, 269, 273, || 259, 260, 343.
Кушелева-Безбородко гр. Любовь Александровна. См. Мусина Пушкина Л. А.

Ладыженский — || 133.
Ланская кж. Анастасия Сергеевна. См. Перфильева А. С.
Лаптев Дмитрий Андреевич (Лаптевы) — 28, || 32.
Лаптева Софья Дмитриевна, рожд. кж. Горчакова — 28, || 32.
Лаптевы. См. Лаптев Д. А. и Лаптева С. Д.
Лебедев Александр Евграфович — || 111.
Лебедева Марья Степановна, рожд. Стрекалова — 108, || 111.
Левенфельд Р. — || 39, 46.
— «Гр. Л. Н. Толстой. Его жизнь, произведения и миросозерцание». Перевод с немецкого. Изд. 2, М. 1904. — || 46.
Левин — 237, || 238, 240, 241, 243.
Левин Николай. См. Толстой Л. Н. «Анна Каренина».
Левина. См. Ферзен.
Ленинградский государственный университет — || 39.
Леонтий. См. Индрис.
Лермонтов Михаил Юрьевич — 311, || 230.
Лернер О. — || 134.
Либерих И. И. — || 348.
Либин Василий Иванович — || 7.
Лиза. См. Толстая гр. Елизавета Александровна.
Липранди Евгения Владимировна, рожд. Арсеньева — || 53.
Липранди Павел Петрович (Liprandi) — 277—279, || 279, 280.
Литва — || 305.
Литвинос. См. Константин.
«Литературные приложения к «Ниве» — || 203, 204, 333.
Лихачев, «Мечтатель» — || 288.
Л. Н. См. Толстой Лев Николаевич.
«Л. Н. Толстой. Юбилейный сборник», изд. ГИЗ. М. Л., 1928 — || 298, 337.
Лобачевский Николай Иванович — 3, 5, || 3—5, 9, 10.
Лобов (Loboff) — 64, 65, || 66.
Лондонская выставка — 184.
Лука Никитич — 155, || 158, 170, 171.
Лутовинова Варвара Петровна. См. Тургенева В. П.
Львов Алексей Федорович — 108, || 111.
Львов кн. Георгий Владимирович (Prince Lwoff) — 28, 29, 37,

69, 70, 77, 93, 94, 184, 298, || 34, 38, 72, 79, 95, 185, 298, 299.
Львова кж. Екатерина Владимировна — || 34.
Любовь Сергеевна — 155, || 157.
Ляпусова Екатерина Дмитриевна. См. Толстая гр. Е. Д.

Мазера даггеротипная мастерская в Москве — || 95, 339.
Майкова Анна Федоровна. См. Толстая гр. А. Ф.
Макалинский (поручик) — || 167.
Максим — || 268, 269.
Макэ Огюст — || 72.
Малахов курган — 333, || 284.
Малая Азия — || 242.
Малая Воротынка Тульской губернии (Воротынка, Vorotinka) — 44, 48, 49, 55, 56, || 34—46, 47, 56.
Малая Дмитровка улица в Москве — 298.
Малая Конюшенная улица в Петербурге — || 333.
Малая Морская улица в Петербурге — 28, || 32.
Малый Николо-Песковский переулок в Москве — 18, 19, || 20.
Малых Сергей Александрович — || 6.
Мари. См. Толстая гр. Мария Николаевна.
Мария Николаевна вел. кн. — || 232.
Марковой дом в Москве — || 37.
Марлинский Александр (Бестужев Александр Александрович) — || 230.
— «Кавказские очерки» («Мулла Нур») — || 227, 230.
Маросейка улица в Москве — 65, 66.
Маслов — || 349.
Мать. См. Толстая гр. Мария Николаевна.
Мачино (город в Добрудже) — || 259.
Маша. См. Шишкина Марья Михайловна.
Маша (гражданская жена гр. Д. Н. Толстого) — || 268, 269.
Машенька. См. Толстая гр. Мария Николаевна.
Маюртуп — || 167.
М. В. — 155, || 157.
Медико - хирургическая академия в Москве — || 19.
Мейендорф барон — || 101.
Менгден-фон-Альтенвога бар. Марья Михайловна. См. Толстая гр. М. М.
Ментона — || 67.
Меньшиков кн. Александр Сергеевич (Menchikoff) — 302, 303, || 304.
Мергасова Варвара Ивановна. См. Молоствова В. И.
Мертваго — || 99.
Мертваго М-me — 108.
Мертваго Александр Петрович — || 101, 102,
— «Первая любовь Толстого» — || 101, 102.
Мертваго Екатерина Дмитриевна. См. Загоскина Е. Д.
Мертваго Марья Николаевна, рожд. Депрейс — || 110.
Мертваго Николай Дмитриевич — || 110.
Мертваго Петр Дмитриевич — || 110.
Мертваго Сусанна Александровна, рожд. Соймонова — || 110.
Мещерский — || 301.
Мещерская кж. Анастасия Борисовна. См. Озерова А. Б.
Микобер мистер. См. Диккенс Ч., «Давид Копперфильд».
Милославская. См. Толстая гр.
Милютин Алексей Михайлович — || 33.
Милютин Вас. — || 41.
Милютин Владимир Алексеевич — 28, || 33.
— «О недвижимых имуществах духовенства в России» — || 33.
Милютин гр. Дмитрий Алексеевич — || 33, 330, 331.
Милютин Николай Алексеевич — || 33.
Милютина Елизавета Дмитриевна, рожд. Киселева — || 33.
Миляев — || 338, 340.
Ми-ми. См. Толстой Л. Н. «Детство».
Министерство государственных имуществ — || 33, 34.
Министерство иностранных дел — 50, 51.
Министерство народного просвещения — || 316.

Министерство финансов — || 316.
Мисербиев Садо — 146 — 148, 150, 151, || 152, 158.
Мисербиев С. С. — || 152.
Мискирь-Юрт — || 167.
Митенька. См. Толстой гр. Дмитрий Николаевич.
Митя. См. Толстой гр. Дмитрий Николаевич.
Михаил Николаевич великий князь (Michel) — 277—279, || 279.
Михаил Павлович великий князь — || 34.
Михайлов Александр — 339, 340, || 340.
Михайловское артиллерийское училище — || 333.
Михалков — 156, || 158.
Михальский — || 353.
Мичик, река — || 167, 240.
Миша — || 122, 124.
М.Н.Л.Р. — || 220.
Модзалевский Лев Борисович — || 40.
Можайский Василий Давыдович — || 6.
Моздок Терской области (Mosdoc) — 159, 162, || 125, 159, 164.
Молдавия (Moldavie) — 248, 262, 264.
«Молодость», цыганская песня — || 229, 231.
Молоствов Модест Порфирьевич — || 102, 111.
Молоствов Н. Г. и Сергеенко П. А. «Л. Толстой. Биографический очерк», Спб. 1911 — || 20, 335.
Молоствова Аделаида Модестовна (Molostvoff) — 108, 109, || 111.
Молоствова Александра Модестовна (Molostvoff) 108, 109, || 111.
Молоствова Варвара Ивановна, рожд. Мергасова — || 111.
Молоствова Вера Модестовна (Molostvoff) 108, 109, || 111.
Молоствова Екатерина Модестовна. См. Нератова Е. М.
Молоствова Елизавета Модестовна («Некоторые», Molostvoffs) 108, || 102, 110, 111.
Молоствова Зинаида Модестовна. См. Тиле З. М.
Молоствова Марья Львовна. См. Еремеева М. Л.
Молоствова Наталья Модестовна (Molostvoff) — 108, 109, || 111.
Молоствова Наталья Порфирьевна. См. Депрейс Н. П.
Молоствовы — || 185.
Молоствовы барышни (Molostvoffs). См. Молоствовы З. М., Е. М., Е. М., Н. М., А. М., В. М. и А. М.
Монах. См. Воейков Николай Сергеевич.
«Монго». См. Столыпин Алексей Аркадьевич.
Монтескье, «L'esprit des lois» [«Дух законов»] — || 16.
Мооро Григорий Александрович — || 234, 235, 243, 348, 349.
Москва (Moscou) — 18, 19, 28, 29, 44, 48, 57, 58, 63, 64, 69, 70, 74, 75, 77, 81, 82, 84, 85, 93, 94, 99, 100, 108, 130, 155, 184, 224, 225, 232, 251, 267, 268, 298, 336, 337, || 16, 18—20, 22, 25, 26, 32, 34—38, 43, 46, 61, 63, 66—69, 73, 76, 80, 81, 83, 84, 88, 89, 91, 93, 95, 98, 144, 164, 170, 171, 181, 182, 187, 197, 219, 221, 228, 231, 233, 243, 260, 268, 285, 287, 298, 299, 306, 317, 326, 330, 331, 337—339, 341, 342, 344, 350.
«Москвитянин», журнал — || 68, 220, 288.
Московская городская больница — || 20.
Московская дворцовая контора — || 192, 260.
Московская провиантская комиссия — || 20.
«Московские ведомости» — || 35, 76.
Московский вдовий дом — || 20, 171.
Московский университет — || 4, 20, 67, 121, 310.
Московский отпускной совет — || 340.
Московский Совет Рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов — || 66.
Московское общество сельского хозяйства — || 67.
Мостовая, Тульской губернии (Мостовушка) — 168, 169, 195, 200, 201, 231, 232, || 157, 171, 196, 202, 227, 229, 230, 345.

Мостовушка. См. Мостовая.
«Мулла Нур». См. Марлинский А., «Кавказские очерки».
Муравьева Варвара Александровна. См. Бакунина В. А.
Муравьева Татьяна Николаевна — || XI.
Мусин-Пушкин гр. Алексей Иванович (Пушкин Алеша) — 30, || 34.
Мусин-Пушкин гр. Иван Алексеевич — || 34.
Мусин-Пушкин Михаил Николаевич (Пушкин) — 28, 38, || 33, 38, 289, 311, 330, 331.
Мусина-Пушкина гр. Любовь Александровна, рожд. гр. Кушелева-Безбородко — || 34.
Мусина-Пушкина гр. Мария Александровна, рожд. кж. Урусова — || 34.
Мустафа-Паша (Moustafa-Pacha) — 269, 273.
Мухет станица — || 124.
Мухровань, Тифлисской губернии — || 143.
М. Ц. См. Цявловский М. А.

Наваринское сражение — || 284.
Нагорнова Варвара Валерьянова, рожд. гр. Толстая (Varinka) — 55, 56, 82, 83, 292, 294, || 53, 56, 88, 98.
«На литературном посту» — журнал — || 152.
«Наполеон» — гостиница в Петербурге — 28.
Напшисецкий. См. Толстой Л. Н. «Севастополь в мае».
Нарышкина Надежда Ивановна, рожд. Кнорринг (Narichkine née Knorring) — 64, 66, || 67, 68.
Наталья Савишна. См. Толстой Л. Н. «Детство».
Наур. См. Наурская станица.
Наурская станица Терской области (Наур) — || 123, 125.
Нахимов Павел Степанович — || 284.
Нащокин Петр Александрович — 73, 75 || 76.
Неволин Константин Алексеевич — || 46.
Неелов Николай Евгеньевич — || 60, 61.
Неизвестный — || 342.
Неизвестный — || 347.
«Некоторые». См. Молоствовы З. М. и Е. М.
Некрасов Николай Алексеевич (Н. Н.) — 246, 328, || *194*, 203, 204, 210, 212, 213, 215, 220, 231, 246, 247, 287—290, 295, 298, 306, 309, 317, 323, 330—333, 337, 347, 349—351.
— «Мечты и звуки» — || 194.
Нелединская-Мелецкая кж. Аграфена Юрьевна. См. Оболенская кн. А. Ю.
Немец — || 233.
Нератов Анатолий Иванович — 108, || 100, 111.
Нератова Екатерина Модестовна, рожд. Молоствова (Molostvoff) — 108, 109, || 110, 111.
Нессельроде — 156, || 158.
Нессельроде кн. Карл Васильевич — || 158.
Нехлюдов. См. Толстой Л. Н., «Юность».
Нечкина М., «О Пушкине, декабристах и их общих друзьях» — || 310.
Не-Эвклидова система геометрии — || 4.
Никитенко Александр Васильевич — || 33, 288, 317.
— «Записки и дневник» Спб., 1905 — || 33, 288.
Никифор — 154.
Никифоров Александр Исаакович — || 109.
Николаев, Херсонской губернии — || 349.
Николай — || 227, 230.
Николай. См. Банников Николай Дмитриевич.
Николай I Павлович, император — 143, 283, || 37, 232, 279, 287, 289, 331.
Николай Николаевич великий князь (Старший, Nicolas) — 277—279, || 279, 331.
Николай Петрович. См. Толстой Л. Н., «Два спутника».
Николенька. См. Толстой гр. Николай Валерьянович.
Николо-Песковский переулок. См. Малый Николо-Песковский переулок.
Никольский переулок в Москве — || 66.
Никольское - Вяземское Тульской губернии — 216, 218, || 79, 121, 268.
Н. Н. См. Некрасов Николай Алексеевич.

«Новая Элоиза». См. Руссо Ж. Ж., «Новая Элоиза».
Новомлинская станица. См. Толстой Л. Н., «Казаки».
Новосильский уезд Тульской губернии — || 36.
«Новый поэт». См. Панаев Иван Иванович.
Норов — || 253.
Норов Абрам Сергеевич (министр) — || 311, 331, 332.

Облонский Стива. См. Толстой Л. Н., «Анна Каренина».
Оболенская кн. Аграфена Юрьевна, рожд. кж. Нелединская-Мелецкая — || 32.
Оболенская кн. Александра Алексеевна, рожд. Дьякова — || 25.
Оболенская Елизавета Валерьяновна, рожд. Толстая — 165, 166, || 98, 168.
— «Воспоминания» — || 98.
Оболенская кн. Марья Львовна, рожд. гр. Толстая — || 6.
Оболенский кн. Александр Петрович — || 32.
Оболенский кн. Андрей Васильевич — || 25.
Оболенский кн. Дмитрий Александрович — 28—30, 41, 44, 48, || 32, 33, 42, 45, 47.
— «Хроника недавней старины» (Из архива кн. Оболенского-Нелединского-Мелецкого») — || 33.
Оболенский кн. Леонид Дмитриевич — || 168.
Овер Александр Иванович (Over) — 18, 19, 26, 27, || 19, 20, 27.
Овчинников — 132, || 134.
Огарев Владимир Иванович (Ogareff) — 69, 70, 148, 151, || 72, 152.
Огарев Иван Михайлович — || 72, 152.
Огарев Константин Иванович — || 72.
Огарева Софья Ивановна — || 72.
Огарева Юлия Ивановна — || 72.
Огарева Юлия Михайловна, рожд. Арсеньева — || 72.
Оголин А. — || 350, 351.
Оголин Александр Павлович (Агалин) — 109, || 111, 240, 241, 340.
Оголин Александр Степанович — 108, 109, || 101, *102*, 110, 111, 342, 346.
Оголина Софья Николаевна, рожд. Загоскина — || 102.
Одаховский — || 304, 323.
Одесса — || 170, 219, 284.
11-я артиллерийская бригада — || 261, 300.
Одиссей Итаки — || 180.
Озеров Борис Семенович (Ozeroff) — 28, 64, 65, 73, 75, 184, || 32, 67, 76, 170, 171, 185.
Озеров Семен Николаевич — || 32.
Озерова Анастасия Борисовна, рожд. кж. Мещерская — ||32.
Озерова (Бориса Семеновича жена) («француженка с Кузнецкого моста») — || 32.
Озерова Е. С. «Памятные записки игуменьи московского Страстного монастыря Евгении Озеровой» — || 32.
«Октябрь», журнал — || 168.
Окулова Елизавета Алексеевна. См. Дьякова Е. А.
Олифер — || 107, 240, 241.
Ольмюц — || 46.
Ольтеница (Oltenitza) — 258, || 250, 261.
Опакидзе князь — || 124, 125.
Опекунский Совет (Совет) — 30, 44, 49, 51, 84, 85, 301, || 51, 78—80, 186, 230.
Оптина пустынь — || 98.
Орел — || 86.
Оренбург — || 285, 334.
Оренбургский тракт — || 96.
Орехов Алексей Степанович (Алешка, domestique, камердинер) — 11, 96, 97, 120, 299, || 14, 99, 122, 124, 125, 142, 181, 182, 255, 256, 353.
Орехова Евдокия Николаевна, рожд. Банникова — || 14.
Орлов (Орловский долг) — 29, 36, || 34, 35, 37.
Орлов М. Ф. — || 67.
Орловская губерния — || 287.
Орловский долг. См. Орлов.
Осип. См. Зябрев Осип Наумович.
Остен-Сакен гр. Александра Ильинична (Tante Alexandrine) —-334, 335, || 4, 6, 7, 14, 336.
Остен-Сакен гр. Дмитрий Ерофеевич (Сакен) — 283, 309, || 286, 309, 310.

Остен-Сакен гр. Карл Иванович — || 7, 14.
Остоженка улица в Москве — || 197.
Оська. См. Зябрев Осип Наумович.
Отдельный Кавказский корпус — 143, 248, || 119, 144, 234, 235, 239, 301, 310.
Отец. См. Толстой гр. Николай Ильич.
«Отечественные записки», журнал — || 219, 220, 316, 337.
Охотницкая Наталья Петровна — || 88.
Охотный ряд в Москве — || 76.

Павел I император — || 182.
Пажеский корпус в Петербурге — || 35.
Панаев Иван Иванович (Новый поэт) — 319, 324, || 194, 204, 289, 298, 310, 311, *316—317*, 318—320, 322, 323, 325, 328—332.
— «Заметки нового поэта». — || 317.
— «Литературные воспоминания» — || 317.
— «Литературные воспоминания с приложением писем разных лиц». Спб. 1888 — || 309, 322, 329.
— «Львы в провинции» — || 210.
Панин Валерьян Александрович — || 170, 171.
Панина Софья Федоровна, рожд. Пушкина — || 171.
Паново, Казанской губернии — || 95, 96, 99.
«Пантеон» — || 68.
Панютин Ф. С. — || 46.
Париж — 258, || 111, 299.
«Париж» — гостиница в Петербурге — || 32.
Парчевский (поручик) — || 133.
Паскевич кн. Иван Федорович (Князь Варшавский) — || 249, 276.
Пассанаур, Тифлисской губернии — || 123, 124.
Пашенька — 11, 12, || 14.
Пегий (лошадь) — || 122.
Пенелопа (Pénélope) — 174, 177, || 180, 197.
Первый кадетский корпус — || 285.
Перфильев Василий Степанович (Васенька, Perfilieff Basile) — 18, 19, 27, 36, 62, 63, 273, 276, || 20, 27, 37, 43, 63, 134, 230, 276, 341, 343.
Перфильев старик. См. Перфильев Степан Васильевич.
Перфильев Степан Васильевич (Перфильев старик, vieux Perfillieffs) — 69, 70, || 20, 35, 72, 75, 230.
Перфильев Федор Васильевич — 55.
Перфильева Анастасия Сергеевна, рожд. кж. Ланская (vieux Perfillieffs) — 69, 70, || 35, 72, 75, 230.
Перфильева Прасковья Федоровна (Pauline, Полина) — 18, 19, 36, 54, 55, 62, 63, || 20, 21, 37, 55, 63, 134, 230, 341, 343.
Перфильевы — 132, || 72, 73, 187, 227, 343.
Перу (Pérou) — 161, 163.
Песчаное (укрепление) — || 276.
Петербург (Питер, Pétersbourg, P.T.S.B.) — 28—30, 44, 48, 55, 56, 116—119, 156, 170, 175, 178, 184, 195, 196, 205, 207, 224, 225, 231, 232, 246, 278, 279, 283, 287, 292, 294, 316, 320, 327, 328, || 7, 28, 32—35, 37—44, 46, 47—51, 98, 133, 171, 181, 194, 197, 203, 204, 219, 221, 239, 243, 280, 286, 289, 298, 306—308, 310, 315, 317, 329—332, 336, 337, 341, 342, 347.
Петербургский университет — 38, 39, || 33, 38—40, 46, 311.
Петербугский учебный округ — || 33, 289.
Петр. См. Воробьев Петр Евстратович.
Петр I император — 59, || 41, 61, 107.
Петрашевский Михаил Васильевич — || 33.
Петров [?] — || 142.
Петровская застава в Москве — || 68.
Петровский парк в Москве — || 317, 326.
Петропавловская крепость в Петербурге — || 67.
Петруша. См. Воейков Петр Александрович.
Петухов Алексей — 49, || 50.
«Печать и революция», журнал — || 212, 218.

Пирогово, Тульской губернии (Pirogovo) — 55, 56, 69, 71, 78, 85, 86, 130, 182, 216, 218, 281, 320, 321, || 22, 31, 32, 35, 38, 56, 78, 79, 98, 133, 171, 186, 197, 199, 227, 230, 268, 307, 342.
Пироговский дом — 154.
Писемский Алексей Феофилактович — || 75.
— «Масоны» («Аграфена Васильевна») — || 75.
«Письмо о сестрах милосердия» — 297.
«Письмо солдата из Севастополя» — 297.
Питер. См. Петербург.
Плетнев Петр Александрович — 39, || *40*, 194, 310, 311, 317.
Плехановский проспект в Тифлисе — || 119.
Погодин Михаил Петрович — || 151, 152.
— «Простая речь о мудрых вещах» М. 1875. — || 152.
Погребова дом в Петербурге — || 318.
Подгородное лесничество бывш. Тульской губернии — || 233.
Подъемщиков (купец) — 153, || 157.
Позор (собака) — || 122, 124.
Покровское, Тульской губернии (Pocrowskoe) — 208, 209, || 35, 53, 56, 86, 88, 96—98, 173, 180, 182, 209, 226, 268, 276, 307, 308, 350, 351.
Полина. См. Юшкова Пелагея Ильинична.
Полицеймейстер. См. Кнорринг Николай Иванович.
Полтава (Poltava) — 184, 257, 258.
Полторацкая Ирина Дмитриевна. См. Дьякова И. Д.
Полторацкий С. Д. — || 67.
Полубезобедов. См. Полубояринов.
Полубояринов Алексей Иванович (Полубезобедов) — 155, || 158, 261.
Полька, Федорова дочь — || 229, 231.
Польская кампания 1830—1831 гг. — || 61, 249, 250, 279, 310.
Польша (Царство Польское) — || 249, 305.
Полянский — || 170, 171.
Поляны, Тульской губернии (Белевское имение) — || 170, 171, 228, 231.
Полячишка (собака) — || 122.
Потемкин кн. Григорий Александрович — || 124.
Потешный (лошадь) — || 73.
Похвистнев — || 288.
Почтмейстер. См. Дьяченко Афанасий Дионисович.
Правительствующий Сенат — 58, 59, || 32, 144, 298.
Прасковья Исаевна — 160, 163, || 164, 210.
Преображенский полк — || 192.
Пров — 112, 113, || 113.
Протасов — || 276.
Протасов Александр Андреевич — || 60, 61.
Протасов Николай Александрович (Protassoff) 190, 192, || 192.
Протасова Марья Николаевна, рожд. кж. Голицына — || 192.
Протасовы — || 157.
Прудовский Михаил — || 6.
Прут, река — || 249.
Публичная библиотека Союза ССР имени В. И. Ленина (ПБ) — || 194, 203, 214, 222, 246, 287, 298, 325, 337.
Пушкин — || 41.
Пушкин. См. Мусин-Пушкин М. Н.
Пушкин Александр Сергеевич — || 25, 40, 62, 67, 95, 171, 194, 307, 311, 332.
— «Евгений Онегин» — || 98.
Пушкин Алеша. См. Мусин-Пушкин гр. А. И.
Пушкина Софья Федоровна. См. Панина С. Ф.
Пушников Владимир Семенович — || 99.
Пушникова (Pouchnikoff) — 96, 97, || 99.
Пыпин А. Н., «Некрасов», Спб. 1905 — || 329.
Пятакова — 132, || 134.
Пятигорск, Ставропольской губернии — 103, 105, 173, 175, 177, 178, 182, 183, 188, 199, 201, 236, 241, 246, 248, 252, 273, 275, || 107, 173, 179, 180, 182, 188, 192, 202, 226, 227, 237, 241, 243—246, 248, 252, 276, 344, 345—350.
5-й пехотный корпус — || 249.

Рабютэн-Шанталь Мария. См. Севинье М.
Разумовский Лев Кириллович — || 76.
Ревель — 30.
Рессель Федор Иванович — || 210.
Ржевская Анастасия Владимировна. См. Беэр А. В.
Ржевская Наталья Андреевна, рожд. Беэр (Беерша) — 182, 194—196, || 185, 196, 197, 199, 202.
Ржевский Владимир Константинович — || 196.
Ржевской — || 288.
Родионовский женский институт в Казани — || 63, 95, 97, 102, 110.
Розенкранц. См. Толстой Л. Н., «Набег».
Россия (Russie) — 29, 118, 119, 121, 126, 128, 148, 151, 156, 190, 192, 193, 205, 206, 216, 218, 223—225, 238, 244, 245, 272, 275, 282, 292, 294, || 19, 61, 87, 158, 219, 226, 229, 233, 235, 236, 240, 242, 329, 332.
Ростов гр. Илья Андреевич. См. Толстой Л. Н., «Война и мир».
Ростова Наташа. См. Толстой Л. Н., «Война и мир».
Ростовцев гр. Николай Яковлевич — 283, 309, 316, 328, || 286, 310, 311, 318, 329, 331.
Ростовцев Яков И. — || 286.
Ртищева Прасковья Михайловна. См. Толстая П. М.
Румелия — || 285.
Румыния — || 310.
Русанов Гавриил Андреевич — || 167.
«Русская мысль», журнал — || 295.
«Русская старина», журнал — || 33, 110, 235.
«Русский архив», журнал — || 33, 67, 253, 276.
«Русский биографический словарь» — || 33, 310.
«Русский инвалид», газета («Инвалид») — 287, 296, || 68, 289, 290, 323.
Русско-Турецкая война 1877—1878 гг. — || 285.
Руссо Ж. Ж., «Новая Элоиза» («Nouvelle Héloise») — 182, 190, 192, || 181, 182, 186, 344.
Рычков (подпоручик) — || 133.
Рэдклиф мадам — || 122.
Сабашников Михаил Васильевич — || 122.
Савинлес — 18, 19, 29, || 30, 37, 42, 43, 46.
Садлера лексикон. См. Muret-Sanders, «Enzyklopädisches Englisch-Deutsches und Deutsch-Englisches Wörter-buch».
Садо. См. Мисербиев Садо.
Сазонов — || 41.
Сакулин П. Н., «Русская литература и социализм» ч. I, М. 1922 — || 33.
Сакэн. См. Остен-Сакен бар. Дмитрий Ерофеевич.
Салтыкова гр. Александра Григорьевна. См. Колошина А. Г.
Самара — || 285.
Самарин Юрий Федорович — || 33.
Самаркандская область — || 286.
Саратов (Saratoff) — 99, 100.
Сардинское королевство — || 242.
Сафонов — || 41.
«Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. 46, Махач-Кала. 1929 — || 107.
Свод военных постановлений — 234, || 144, 234, 235.
Свод законов — 59, || 16, 59.
Свято-Троицкая Сергиевская лавра. См. Троицко-Сергиевская лавра.
Севастополь (Sévastopol) — 277, 279, 281, 282, 292, 293, 298, 299—304, 309, 312, 314, 316, 321, 322, 333, 334, || 14, 40, 276, 284, 285, 295, 300, 304, 306, 308—312, 315, 318, 322, 323, 325, 326, 329, 331, 333—337, 351.
«Северная пчела», журнал — || 68.
Севинье марк. Мария, рожд. Рабютэн-Шанталь («Sévigné») — 82, 83, || 83, 196.
Селезнев Дмитрий Степанович — 44, || 45, 47.
Семеновский лейб-гвардейский полк — || 279.
Сенат. См. Правительствующий сенат.
Сенат Московский — || 95.
Сенька — || 35, 36.

Сергеенко Петр Алексеевич — || 30, 71, 83, 91, 95, 101, 106, 116, 119, 133, 151, 164, 179, 192, 207, 236, 242, 252, 259, 276, 284, 294, 322, 335.
Сергей князь. См. Горчаков кн. Сергей Дмитриевич.
Сержпутовский Адам Осипович (Serjpoutowsky) — 262, 264, 270, 274, 302, 303, 321, || 265, 276, 304.
Сибирь — || 68, 228, 230, 299.
Сивцев Вражек переулок в Москве — 64, 65, || 22, 66.
Силистрия (Silistrie) — 263, 264, 266, 267, 269, 271—273, 275, 281, 283, || 268, 276, 333, 350.
Симбирская губерния — 96, 97.
Симон-Диманш Луиза (Simon) — 64, 66, 74, 75, 81, 82, || 67, 68.
Симонов Иван Михайлович — 15, || 16, 17.
Симонова Александра Дмитриевна. См. Воейкова А. Д.
Симферополь — 298, 300, 321, || 276, 284, 291, 295, 298, 300, 335.
Синопский бой — || 284.
Сиротский дом в Москве — || 20.
Скайлер Евгений — || 110.
Скуляны, Бессарабской губернии — || 351.
Скуратова. См. Еремеева.
Скуратова Татьяна Семеновна — || 14.
Слепцов Николай Павлович — 133, || 134.
«Слышишь разумеешь», романс — || 229, 231.
Собачья площадка в Москве — 18, 19.
Соболев Андрей Ильич (André, Андрей) — 18, 19, 21, 25, 26, 29, 30, 36, 37, 41, 44, 48—50, 53, 64, 66, 126, 128, 132, 135, 138, 139, 141, 153, 154, 169, 170, 175, 176, 178, 179, 182, 194—196, 199, 200, 201, 232, 251, || 20, 34, 35, 40 — 43, 46, 50, 68, 122, 124, 142, 171, 172, 181, 186, 188, 196—199, 202, 253, 341, 343—347.
Совет. См. Опекунский совет.
«Современная летопись», журнал — || 68.
«Современник», журнал — 206, 207, 211, 214, 215, 232, 246, 286, 287, 296, 297, 312, 319, 324, || 40, 194, 203—205, 210, 212, 213, 219, 220, 222, 227, 233, 236, 247, 285, 287—290, 295, 298, 309—311, 317, 318, 320, 329—333, 336.
«Современные заметки» — || 220.
Соймонова Сусанна Александровна. См. Мертваго С. А.
Соколов Д. — || 67.
Сокольники (парк в Москве) (Sokolniky) — 93, 94, || 95.
«Солдатский вестник» («Военный журнал», «Солдатский листок», «Военный листок») — 282, 283, 286, 287, 296, 299, || 284, 286, 317.
«Солдатский листок». См. «Солдатский вестник».
Соловецкий монастырь — || 61.
Сомов Александр Николаевич — || 60, 61.
Сонечка Валахина. См. Толстой Л. Н., «Детство» и «Юность».
Спасское-Лутовиново, Орловской губернии («имение Тургеневой») — || 88, 98, 172, 173, 210, 308, 323, 329.
Срезневский Всеволод Измайлович — || 98, 333.
— «О военном журнале Л. Н. Толстого и его сотоварищей по армии» — || 285.
Ст. См. Столыпин Аркадий Дмитриевич.
Ставрополь — || 164.
Станкевич Николай Владимирович — || 196.
Старая Конюшенная улица в Москве — 64, 65, || 66.
Старо-Гаветный переулок в Москве — || 37, 66.
Старогладковская станица (Starogladovskaïa) — 103, 105, 108, 116, 118, 121, 126, 127, 128, 130, 132, 164, 165, 166, 168, 173, 177, 189, 191, 194—196, 199, 201, 205, 206, 208, 209, 215, 216, 218, 223, 224, 234, 241, 253, || 101, 106, 114, 116, 119, 121—124, 142, 164, 166—168, 179, 193, 194, 199, 202, 205, 208, 211, 213, 215, 221, 223, 231, 234, 236, 243, 250, 253, 342—349, 351.
Староюртовское укрепление. См. Старый Юрт.
Старый заказ — || 122.
Старый Терек — || 125.

Старый-Юрт, Терской области (Староюртовское укрепление) — 103, 105, 108, 131, 146, 147, 149, 150, || 102, 107, 108, 112, 116, 152.
Стахович Софья Александровна — || XI.
Стерн Лоренс — || 123, 124.
— «Сентиментальное путешествие через Францию и Италию» — || 123, 124.
Стефан Густав Федорович — || 331.
Стефан-Цминда (Цминда-Самеба) — || 124.
Столыпин Алексей Аркадьевич («Монго») — || 311, 351.
Столыпин Аркадий Дмитриевич («Ст.») — 283, 327, 328, || 284, 285, 311, 327, 329—331.
— «История России для народного и солдатского чтения» — || 285.
— «Ночная вылазка в Севастополе. Рассказ участвовавшего в ней» — 309, || 309—311.
Столыпин Петр Аркадьевич — || 285.
Столыпина Наталья Михайловна, рожд. кж. Горчакова — || 285.
Столыпина, рожд. Устинова — || 285.
Стрекалов Степан Степанович — || 111.
Стрекалова Марья Степановна. См. Лебедева М. С.
Стрелковый полк императорской фамилии — 320, || 31, 306, 307.
Субботин — || 6.
Суворов Иван Васильевич (Ванюшка) — 120, 127, 128, 136, 140, 153, 173, 177, 185, 190, 192, || 125, 142, 180, 181, 186, 348.
Судаково, Тульской губернии — || 53.
Суздаль, Владимирской губернии — || 307, 320.
Сулимовский М. И. — || 106, 133, 349.
Султанша. См. Шишкина Марья Михайловна.
Сунжа (река) — || 111.
Сунженский первый линейный казачий полк — || 134.
Сухово-Кобылин Александр Васильевич (Cobiline, Кобылин) — 64, 66, 81, 82, || 67, 68.
— «Свадьба Кречинского» — || 67, 68.
Суходольская Соломонида Петровна. См. Чапкина С. Н.
Сухотин Павел Иванович — || 60, 61.
Сухотин Сергей Михайлович — 190, 192, || 25, 192, 193.
Сухотина Марья Алексеевна, рожд. Дьякова — || 25, 193
Сухотина-Толстая Т. Л., «Друзья и гости Ясной поляны», М. 1923 — || 53.
Сызран (станция) — 96, 97, 108, || 110.

Талгрен Л. Л. — || 347.
Тамбов — 283.
Тамбовское губернское по крестьянским делам присутствие — || 20.
Танька — || 142.
Таня — || 229.
Татищев Иван Иванович — || 86, 87.
Тверь — 74, 75.
Тверская улица в Москве — || 76.
Тейльс Никита Дмитриевич — || 219, 220.
Телятинки, Тульской губернии — || 72, 152.
Темир-Хан-Шура — || 347.
Терек (река) — || 106, 124, 125, 179.
Терская область — || 125.
Тиле Зинаида Модестовна, рожд. Молоствова (Zénaïde, Зинаида, «Некоторые», Molostvoff) — 96, 97, 101, 108, 109, || 99, 101, 102, 110, 111, 185.
Тиле Николай Васильевич — 108, 109, || 102, 111.
Тифлис (Tiffliss) — 109, 112, 113, 116—119, 125, 126—131, 135, 138,139, 141, 143, 145, 149, 151, 153, 159, 165, 166, 174, 177, 189, 191, || 113, 119, 120, 124, 125, 129, 133, 135, 143, 145, 151, 153, 162, 164, 167, 234, 235, 342, 344.
Тифлисская судебная палата — || 102.
Тобольский полк — || 310.
Толстая гр., рожд. Милославская — || 61.
Толстая гр. Авдотья Максимовна, рожд. Тугаева (Comtesse, графиня) — 73, 74, || 75, 228, 230.
Толстая гр. Аграфена Федоровна. См. Закревская гр. А. Ф.

Толстая гр. Александра Андреевна — || 232.
Толстая гр. Александра Петровна. См. Дельвиг бар. А. П.
Толстая гр. Анастасия Ивановна, рожд. Иванова (Толстые) — 28, || 32.
Толстая гр. Александра Ивановна, рожд. Щетинина — || 61.
Толстая гр. Анна Федоровна, рожд. Майкова — || 62.
Толстая гр. Варвара Валерьяновна. См. Нагорнова В. В.
Толстая гр. Екатерина Дмитриевна, рожд. Ляпунова — || 62, 225.
Толстая гр. Екатерина Яковлевна, рожд. Трегубова — || 62.
Толстая гр. Елизавета Александровна, рожд. Ергольская (Lise, Лиза) — 11, 12, 18, 19, 21, 22, 52—57, 82, 83, 85, 86, || 13, 14, 19, 22, 27, 53, 55, 62, 83, 125, 301.
Толстая гр. Елизавета Валерьяновна. См. Оболенская Е. В.
Толстая гр. Елизавета Егоровна, рожд. Барбо-де-Марни. — || 32, 62.
Толстая гр. Мария Львовна. См. Оболенская кн. М. Л.
Толстая гр. Марья Михайловна, рожд. бар. Менгден-фон-Альтенвога — || 62.
Толстая гр. Мария Николаевна (Marie, Машенька, Шушка, Мари) — 18, 19, 21, 22—24, 44, 52, 54—57, 69—71, 82, 83, 85, 86, 89, 99, 100, 112, 113, 126, 127, 128—130, 132, 160, 163, 165, 166, 184, 200, 201, 206—209, 241, 242, 244, 245, 262, 264, 292, 294, 334, 335, 338, 339, || 4, 6, 7, 14, 21, 22, 25, 45, 47, 53, 55—57, 63, 72, 83, 88, 89, 96, *97—98*, 101, 102, 110, 113, 122, 124, 133, 164, 168, 187, 202, 210, 226, 231, 243, 245, 280, 295, 301, 307, 326, 335, 348, 352.
Толстая гр. Мария Николаевна, рожд. кж. Волконская (мать) — 339, || 12, 13, 38, 234.
Толстая гр. Пелагея Николаевна, рожд. кж. Горчакова — 165, 166, || 6, 12, 14, 53, 62, 168.
Толстая гр. Прасковья Васильевна, рожд. Барыкова — 231, || 62, 232.
Толстая Прасковья Михайловна, рожд. Ртищева — || 61.
Толстая гр. Соломонида Тимофеевна, рожд. Дубровская — || 61.
Толстая Софья Андреевна, рожд. Берс — || VI, 14, 37.
Толстая гр. Стефанида Алексеевна, рожд. Дурасова — || 62.
«Толстовский ежегодник» — || 286.
Толстой гр. сенатор — || 298.
Толстой гр. Алексей Николаевич — 338, || 339.
Толстой гр. Андрей Андреевич — || 60, 62.
Толстой гр. Андрей Васильевич — || 61.
Толстой гр. Андрей Иванович — || 60, 61.
Толстой Андрей Харитонович — || 60, 61.
Толстой гр. Валерьян Петрович (Valérien) — 18, 19, 21, 22, 25, 26, 52, 54—57, 59, 77, 90, 91, 93, 94, 102, 112, 113, 127, 128, 169, 190, 192, 194—196, 200, 201, 206—209, 232, 236, 241, 242, 244, 245, 251, 262—265, 273, 275, 278, 279, 283, 292, 293, 303, 304, 313, 314, 334, 335, || 14, 21, 59, 60, 61, 86, 88, 91, 98, 106, 113, 122, 124, 142, 152, 171, 181, 186, 196—199, 202, 210, 226—228, 230, 233, 243, 245, 256, 262, 268, 269, 280, 295, 301, 304, 307, 312, 317, 318, 322, 326, 342—352.
Толстой гр. Василий Андреевич — || 60, 62.
Толстой гр. Дмитрий Иануарьевич (Митенька Толстой) — 223, 225, || 60, 62, 225.
Толстой гр. Дмитрий Николаевич (Dmitri) — 21, 29, 30, 44, 48, 57, 58, 70, 71, 77, 97, 126, 128, 132, 155, 165, 166, 168, 184, 242, 258, 264—269, 273, 338, 339, || 4, 6, 7, 22, 31, 35, 42, 46, 47, 59, 60, 80, 88, 99, 125, 157, 158, 170, 171, 181, 182, 185—188, 198, 228, 230, 259—261, 268, 269, 342—344, 350, 351.
— «Мои предположения хозяйственные деревни Щербачевки 1849 г. с месяца апреля» (рукопись) — || 260.
Толстой гр. Иануарий Иванович — || 59, 60, 62, 225.
Толстой гр. Иван Андреевич — || 59, 60, 62.
Толстой Иван Петрович — || 60, 61.
Толстой гр. Илья Андреевич (дед Толстого) — || 6, 7, 14, 59, 60, 62, 171.

Толстой гр. Илья Андреевич — 132, || 134, 233.
Толстой Илья, «Мои Воспоминания» — || 14, 32, 35, 53.
Толстой Лев Николаевич.
— «Анна Каренина» (Стива Облонский, Левин Николай, Каренин) — || 20, 53, 193.
— Военные рассказы» СПБ. 1856 — || 318.
— «Война и мир» (Андрей Болконский, Наташа Ростова, Илья Андреевич Ростов) — || 31, 62, 95.
— «Воспитание и образование» — || 46.
— «Воспоминания детства» (Любовь Сергеевна, Протасова, Федор Иванович) — || 6, 7, 12, 14, 31, 34, 41, 62, 72, 87, 110, 121, 125, 157, 158, 164, 171, 182, 210, 260, 261.
— «Встреча в отряде» — || 152.
— «Два спутника» (Николай Петрович) — || 22.
— «Декабристы» (Семен Иванович Езыков) — || 6, 37.
— «Детство» (История моего детства) (Бабушка, князья Карнаковы, Ивины, Гаша, Сонечка Валахина, Подъемщиков, Наталья Савишна, Карл Иванович, Фока, Мими) — 174, 178, 193, 195, 196, 202, 206, 207, 211, 212, 214, 215, 236, 246, || 6, 22, 34, 53, 67, 119, 120, 125, 157, 164, 180, 194, 197, 203, 204, 210, 212, 213, 220, 227, 228, 247, 266, 318, 329.
— «Детство и отрочество». Сочинение гр. Л. Н. Толстого. Санкт Петербург. 1856 — || 212.
— «Дневник помещика» — || 53.
— «Дневники и записные книжки» — || 71, 73, 76, 79, 81, 86, 87, 95, 107, 111, 112, 133, 157, 167, 171, 179, 185, 186, 192, 196, 197, 203, 207, 209, 212, 215, 220, 231, 234, 235, 239, 240, 243, 252, 253, 255, 259, 280, 284, 285, 295, 298, 300, 301, 304, 315, 319, 320, 323, 339, 342, 345—352.
— «Донесение о последней бомбардировке и взятии Севастополя союзными войсками» — || 333, 334.
— «Записки маркера» («Самоубийца») — 246, 286, || 246, 247, 287—290, 318, 329, 330.
— «Записки юнкера». См. «Рубка леса».
— «Исповедь» — || 33.
— «История вчерашнего дня» — || 95.
— «Кавказский пленник» — || 107
— «Казаки» (Новомлинская станица, Ерошка) — || 37, 106, 125.
— «Книжки для чтения» — || 40.
— «Молодость» — 214.
— «Набег» («Письмо с Кавказа») (Аланин, Хлопов, Розенкранц) — 214, 215, 217, 221, 232, 236, 246, || 107, 111, 134, 215, 220, 222, 226, 227, 228, 232, 233, 236, 239, 318, 329.
— «Новый сборник писем Л. Н. Толстого», собр. П. А. Сергеенко. Под ред. А. Е. Грузинского, изд. «Окто». М. 1912 (ПТСО) — || 15, 316.
— «Ночь». См. «Севастополь в мае».
— «Ночь весною в Севастополе». См. «Севастополь в мае».
— «Отрочество» (Гаша, Карл Иванович) — 214, 286, 316, || 53, 67, 210, 247, 287, 290, 295, 317, 318, 329.
Письма Толстого к
Депрейс Е. Н. — || 111.
Бирюкову П. И. — || 240.
Погодину М. П. — || 151—152.
Русанову Г. А. — || 167.
Письма к Толстому:
Гимбут К. Ф. — || 157.
Толстого гр. В. П. — || 86.
— «Письма Л. Н. Толстого», собранные и редактированные П. А. Сергеенко. Изд. «Книга», т. I, 1910 (ПТСI) — || 30, 45, 71, 83, 91, 95, 101, 106, 116, 119, 133, 151, 164, 179, 192, 207, 236, 242, 252, 259, 276, 284, 294, 322.
— «Поликушка» — || 14.
— «Полное собрание сочинений Л. Н. Толстого» тт. I—XX. Под редакцией и с примечаниями П. И. Бирюкова, изд. И. Д. Сытина. М. 1912—1913. (Бир. XX) — || 71, 83, 91, 95, 106, 116, 119, 133, 179, 192, 207, 252, 294, 322.
— «Полное собрание сочинений», под редакцией и с примечаниями П. И. Бирюкова. «Библиотека Русского слова» М. 1913 — || 95.
— «Полное собрание сочинений», Юбилейное издание, под общей редакцией В. Г. Черткова тт. — 1, 2, 4, 45, 46, 60 — || 16, 25, 33, 41, 58, 95, 102, 120, 125, 157, 158, 207, 213, 325, 333, 339.
— «Рассказ юнкера». См. «Рубка леса».

— «Роман из жизни XVIII века» — || 230.
— «Роман русского помещика» («Характеры и лица») — 206, 207, 215, 217, || 40, 107, 207, 220, 229, 231, 336.
— «Рубка леса» («Рассказ юнкера», «Записки юнкера», «Юнкер») — 319, || 124, 316, 318—320, 329, 331, 332.
— «Самоубийца. Рассказ маркера». См. «Записки маркера».
— «Севастополь в августе» (Володя Козельцов) — 336, || 107, 336.
— «Севастополь в декабре» — 309, 328, || 309, 310, 318, 323, 330.
— «Севастополь в мае» («Ночь», «Ночь весною в Севастополе») (Напшисецкий, Гнилокишкин) — 319, 323, 324, 328, || 33, 320, 325, 328—332,
— «Солдатская песня» — || 310.
— «Утро помещика» — || 221.
— «Хаджи Мурат» — || 113, 134.
— «Хаджи-Мурат», иллюстрации Е. Е. Лансере. Вступительная статья и редакция Н. О. Лернера. Изд. т-ва Р. Голике и А. Вильборг, 2-е Пгр. 1918 — || 134.
— «Характеры и лица». См. Толстой Л. Н. «Роман русского помещика».
— «Четыре эпохи развития»—193.
— «Что я видел во сне» — || 31.
— «Юнкер». См. «Рубка леса».
— «Юность» («Юношество») (Нехлюдов, князья Карнаковы, Николенька, Сонечка Валахина) — 214, 328, || 22, 67, 158, 261, 317, 330 — 332.
— «Юношество». См. «Юность».
«Толстой (1850—1860) материалы и статьи». Редакция В. И. Срезневского, Л. 1927 — || 40.
Толстой Митенька. См. Толстой гр. Дмитрий Иоаннуарович.
Толстой гр. Николай Валерьянович — 141, || 83, 88, 98, 143.
Толстой гр. Николай Ильич (Nicolas, отец) — 58, 339, || 6—8, 12—14, 30, 59, 60, 67, 72, 75, 171, 234, 259, 260, 280.
Толстой гр. Николай Николаевич (Nicolas, Николенька, брат, frère) — 11, 12, 25, 26, 58, 64, 65, 70, 71, 81, 82, 84, 85, 89, 91—94, 100, 103, 109, 112—115, 117, 118, 121, 126, 127, 128, 131, 132, 135, 138—141, 146—150, 151, 154, 156, 160, 161, 163—166, 173—175, 177, 178, 189—191, 194, 203, 205—207, 215, 217, 223, 224, 231, 244, 245, 248, 251, 270, 271, 273, 274, 276, 281, 283, 292, 294, 300, 334, 335, 338, 339, || 4, 6, 7, 14, 22, 26, 31, 47, 59, 60, 66, 86—89, 95—98, 100, 101, 104, 107, 110, 111, 116, 119, *121—122*, 124, 125, 133, 142, 151, 152, 158, 166, 167, 171, 172, 180, 182, 187, 199, 207, 210, 219—221, 226, 228, 230, 233, 243, 245, 247, 249, 252, 261, 295, 300, 306—308, 322, 326, 339, 341—344, 346, 348, 349, 351, 352.
— «Заметка об охоте» — || 122.
— «Охота на Кавказе» — || 122.
— «Пластун» — || 122.
Толстой гр. Николай Сергеевич — 154, 155, || 133, 157.
Толстой гр. Петр Андреевич — || 32, 60, 61.
Толстой гр. Петр Андреевич — 59, || 60, 61.
Толстой гр. Петр Валерьянович — || 25, 98.
Толстой гр. Петр Иванович — || 14, 59, 60, 62, 301.
Толстой Сергей Львович — || 12, 14.
— «Мать и дед Л. Н. Толстого. Очерки жизни, записи и письма по неизданным материалам» — || 12,14.
Толстой гр. Сергей Николаевич (Serge) — 18, 19, 21, 23, 24, 29, 40, 49—51, 54—56, 58, 64, 65, 70, 71, 73—75, 78, 81—85, 100, 104, 106, 114, 115, 126—128, 130, 148, 151, 154, 155, 165, 166, 176, 178, 179, 189—192, 195, 196, 200, 201, 206, 207, 217, 224, 225, 273, 275, 276, 292, 293, 312, 334, 335, 338, 339, || 4, 6, 7, 20, 22, 25, *30—31*, 32, 34, 38, 40, 41, 46, 50, 56, 59, 60, 72, 73, 76, 78, 79, 80, 81, 87, 98, 100, 101, 133, 157, 158, 170—172, 181, 182, 185, 186, 197, 199, 202, 209, 219, 220, 226, 230, 231, 233, 234, 236, 239, 243, 253, 260, 261, 295, 306, 307, 312, 341—348.
Толстой гр. Степан Федорович — || 339.
Толстой гр. Федор Андреевич — || 60, 62.
Толстой гр. Федор Иванович (американец) — || 20, 62, 67.
Толстой гр. Федор Петрович (Толстые) — 28, || 32.

Толстые гр. — || 6, 210.
Трегубова Екатерина Яковлевна. См. Толстая гр. Е. Я.
3-й пехотный корпус — || 249.
Тришатный — || 124, 125.
Троицкая Варвара Николаевна, рожд. Депрейс — 109, || 111.
Троицкий Иван Васильевич — || 111.
Троицко-Сергиевская лавра (Свято-Троицкая Сергиевская лавра) — || 340.
Троя — || 180.
Троянская война — || 180.
Трубецкой Василий (бурмистр) — || 158.
Тула (Toula) — 19, 24, 42, 49—51, 54, 55, 62—64, 66, 92, 100, 108, 113, 116, 118, 127, 132, 148, 149, 151, 154, 155, 162, 168, 177, 183, 195, 200, 224, 264, 267, 273, 293, 325, || 38, 46, 51, 53—56, 58, 62, 78, 84—88, 125, 152, 157, 170, 226—228, 230, 233, 240, 276, 287, 335.
Тулинова Варвара. См. Бронеевская В.
Тульская губерния — 59, 115, 340, || 45, 59, 157, 231, 245, 252.
Тульская духовная консистория — 3, 5, || 4, 6, 7.
Тульская палата гражданского суда — || 32, 77—79, 338—340.
Тульский уезд — || 7, 86.
Тульское архивное бюро — 59, || 6.
Тульское губернское правление — || 55, 63, 249.
Тульское дворянское депутатское собрание — 3, 5, 58, 59, 80, 132, 143, || 4, 6, —8, 55, 59, 60, 134.
Тульское ополчение 1855 г. — || 61.
Тульское отделение Московского областного архивного управления — || 338, 340.
Тульской губернии дворянская родословная книга — || 7, 8.
Тульча (крепость) — || 261.
Тургенев Иван Сергеевич (Tourguénieff) — 251, 292, 294, 316, || 40. 88, 98, 173, 210, 280, 287, 289, 290, 295, 298, 306—308, 317, 318, 320, 322, 323, 329, 331, 332, 336.
— «Отцы и дети» — || 40.
— Фауст (Вера Николаевна) — || 98.
Тургенев Николай Сергеевич — || 173.
Тургенев Сергей Николаевич — || 295.
Тургенева Варвара Петровна, рожд. Лутовинова — || 172, 173.
Тургеневой имение. См. Спасское-Лутовиново.
Тургеневский поп — || 295.
Турецкая война. См. Восточная война.
Турецкая кампания 1809 г. — || 304.
Турецкая кампания 1828—1829 гг. — || 61, 249, 279.
Турция (Turquie) — 241, 251, 254, 255, || 242, 349.
1812 год — || 35, 304.

Уваров — 44, || 45—47.
Уваров гр. Алексей Сергеевич — || 35.
Угрюмы Тульской губернии (Грумы, Грумант) — || 124, 181, 182.
«Улетай соколик» (цыганская песнь) — || 229, 231.
Уляшин (собака) — || 124.
Упа, река — || 98.
Уральское казачье войско — || 285.
Урусова кж. Мария Александровна. См. Мусина-Пушкина М. А.
Устинова. См. Столыпина.
«Утро России», газета — || 110.
Училище правоведения в Петербурге — || 32, 102, 298.
Ушаков — || 250.

Факультет восточной словесности Казанского университета. См. Казанский университет.
Федор (Théodore) — 36, 38, 49, || 35—37, 341.
Федор Иванович — || 234.
Федор Иванович. См.

Толстой Л. Н. «Воспоминания детства».
Федуркин — 169, 194, 195, || 173, 181, 196, 197, 199, 230, 346.
Феоктистов Евгений Михайлович — || 68.
Ферзен бар. Герман Егорович — 28, 131, 322, || 32, 41, 134, 219, 227, 323, 348.
Ферзен (Германа Егоровича жена), рожд. Иловайская, по первому мужу Левина — 184, || 32, 185.
Фет Афанасий Афанасьевич — || 31, 122.
— «Мои воспоминания» т. I. М. 1890 — || 22, 31, 122.
Филимонов — || 323.
Финашка — 155.
Фойгт Карл Карлович — 9, || 9, 10.
Фойгт Карл Т. — || 10.
Фока. См. Толстой Л. Н. «Детство».
Форт Перовский. См. Ак-Мечеть.
Франция — || 72, 121, 242.
Француженка с Кузнецкого моста. См. Озерова (жена Б. С.).
Фриде Александр Яковлевич — || 284, 285.
Фролов П. Л. — || 106.

Хаджи-Мурат — 133, || 133, 134, 152.
Харитон Константинович — || 60, 61.
Харьковский императорский университет — || 10.
Харьковский учебный округ — || 10.
Хасав-Юрт, Терской области — || 167.
Херсонская губерния — 257, 258.
Хилковский — 103, 105, || 107, 133, 239.
Хирьяков А. М. «М. Н. Толстая» — || 99.
Хитрово, Тульской губернии — || 307.
Хлопов. См. Толстой Л. Н. «Набег».
Холмогоры — || 67.
Хомяковa дом в Москве — 298.
Христос. См. Иисус Христос.
Хрулев Степан Александрович — 309, || 285, 310.
Хрусталев Егор Дмитриевич — 236, || 233, 236, 347, 348.
Хрущов Иван Николаевич — || 7.
Хулхулау (река в Терской области) — || 167.

Царство Польское. См. Польша.
Цацын (аул) — || 167.
Цвинда-Симеба. См. Стефан Цминда.
Цензор. См. Бекетов Владимир Николаевич.
Центрархив — || 144, 249.
«Цесарские земли» — || 61.
Цыганка. См. ШишкинаМ. М.
Цявловский Мстислав Александрович (М. Ц.) — || IX, XI, 101, 212, 218, 298, 319, 324, 328, 337.
— „История писания «Детства»“ — || 120.

Чапкин Александр Васильевич — || 60, 61.
Чапкин Василий Никитич — || 61.
Чапкина Соломонида Петровна, рожд. Суходольская — || 61.
Чатыр-даг (гора в Крыму) — 321, || 323.
Чепыж (лес в Тульской губернии) — || 198.
Черемушкин — || 202.
Черкасский кн. Владимир Александрович — || 253.
Черкасский кн. Константин Александрович — 251, || 253.
Чернавкин Матвей Степанович — || 60, 61.
Черная Арагва (Черная речка) — || 123, 124, 326, 327, 330, 333.
Черная речка. См. Черная Арагва.
Чернигов — || 61.
Черное море — || 249.
Чернопятов В. И., «Дворянское сословие Тульской губернии» — || 12.
Чернский уезд Тульской губернии — || 61.
Черные горы (Кавказ) — || 124.
Чернышева князя полк — || 241.
Чернь, Тульской губернии — 92, 115, || 276, 335.

Чертков Владимир Григорьевич — || VI, VIII.
4-й пехотный корпус — || 249, 250.
14-я артиллерийская бригада — || 14, 284.
Чечня (Большая и Малая Чечня) — 109, 133, || 110, 111, 134, 152, 167.
Чикин — || 349.
Чичерин Борис Николаевич — || 68.
— «Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина». 14, М. 1929 — || 68.
Чоргунский отряд — || 280.
Чулков — 154.
Чулков Алексей Васильевич — || 63.
Чулков Василий Алексеевич — 81, 82, || 83, 157.
Чулков Николай Алексеевич — 132, 182, || 134, 157, 185, 198, 230, 231.
Чулков Николай Петрович — || 66.
— «Генеалогия декабристов Муравьевых» — || 310.
Чулкова Анна Алексеевна. См. Грицевич А. А.
Чулкова Екатерина Алексеевна (les demoiselles Stchoulkoffs, барышни Чулковы),— 62, 63, 96, 97, || 63, 83, 99.
Чулкова Елизавета Алексеевна (les demoiselles Stchoulkoffs, барышни Чулковы) — 62, 63, 96, 97, || 63, 83, 99.
Чулкова Любовь Александровна, рожд. Волкова — || 134.
Чулкова Софья Алексеевна (les demoiselles Stchoulkoffs, барышни Чулковы) — 62, 63, 96, 97, || 63, 83, 99.
Чулкова Степанида Дмитриевна, рожд. Жданова — || 63.
Чулкова Юлия Петровна, рожд. Извекова — || 83.
Чулковы (Stchoulkoffs) || 190, 192.
Чулковы (сестры, барышни). См. Чулковы А. А., Е. А., Е. А. и С. А.

Шаблыкино, Орловской губернии — || 87.
Шамардино. См. Шамардинский монастырь.
Шамардинский монастырь (Шамардино) — || 98.
Шамиль — 132, 184, || 134, 135, 167, 186, 225, 238, 239.
Шандраковская пристань (на Каспийском море) — || 179.
Шармер (Шармеровское пальто) — 129, 327, || 133, 327.
Швейцария (Suisse) — 96, 97, || 98.
Шевалье Ипполит (Chevalier) — 36, || 37, 66.
Шелкозаводская станица, Терской области (Шелковая) — 121, || 125.
Шереметев (Sheremet...) — 18, 19, 29, || 20, 34, 35.
Шереметев С. Д., «Константин Александрович Ислявин» — || 35.
Шиллер И.-Ф., «Der Jüngling am Bach» («Юноша у ручья») — || 260.
Шильдер Карл Андреевич — || 310.
Шишкина Марья Михайловна (Маша, цыганка, Султанша, Sultane) — 28, 37, 114, 115, 126, 128, 130, 155, 165, 166, 322, || 30, 31, 34, 87, 116, 129, 133, 157, 220, 229, 230, 232, 323.
Шляпкин И. А., «Памяти гр. Л. Н. Толстого», СПБ, 1911 — || 39.
Шохор-Троцкий Константин Семенович — || XI, 97, 111, 152.
— «Казанские знакомства Толстого» — || 96, 102, 111.
Шпицберген (Грумант) — || 182.
Шубин — || 284.
Шушка. См. Толстая гр. Мария Николаевна.

Щелин Дмитрий Матвеевич — 154, || 157, 187, 188, 349.
Щербатов кн. Петр Александрович — || 86, 88.
Щербатова Евгения Львовна. См. Арсеньева Е. Л.
Щербатова Софья Николаевна, рожд. Горсткина — || 86.
Щербачевка, Курской губернии — 41, 44, 48, 262, 264, || 41—43, 46, 170, 260, 268, 342.
Щетинина Александра Ивановна. См. Толстая гр. А. И.

Экспедиция сохранной казны — || 22.
Эманы (аул) — || 167.

Эмс (курорт в Пруссии) — || 33.
Эникеев кн. См. Еникеев кн.
Эски-Орда, Таврической губернии — 297, || 280, 284, 286, 296, 300, 351.

Южная русская армия — 286, 287, 320, || 285, 286, 300, 317, 333.
Юридический факультет Казанского университета. См. Казанский императорский университет.
Юшков Владимир Иванович (В. И., V. J.) — 96, 97, 108, 153, || 4, 12, 14, 96, 99, 102, 110, 157, 158.
Юшков Иван Иосифович — || 110.
Юшкова Пелагея Ильинична (Pauline, Полина) — 11, 12, 25, 26, 52—55, 175, 178, 200, 201, 313, 315, || 4, 6, 12—14, 26, 43, 53, 55, 88, 110, 157, 180, 181, 201, 315, 345, 347, 349, 352.

Языков Семен Иванович — 6, 84, 85, 89, || 6, 84, 87, 88, 89.
Якубовский Юрий Осипович — || 286.
Ялтинское шоссе — || 320.
Янжул Михаил Алекс. — || 106, 133, 167, 239.
— «Восемьдесят лет боевой и мирной жизни 20-й Артиллерийской бригады, Тифлис, 1886—1887» — || 133, 167, 235, 239, 240.
— «К биографии Л. Н. Толстого» — || 107, 234.
Янов (капитан) — || 133.
Ярославская губерния — || 194.
Ясенки, Тульской губернии — || 305.
Ясная поляна (Ясное, Ясная) — 11, 12, 19, 27, 41, 42, 45, 50, 51, 53, 81, 82, 92, 112, 113, 118, 127, 128, 160, 163, 165, 166, 168—170, 173, 175—178, 195, 196, 206, 207, 216, 218, 224, 242, 251, 263—265, 267, 281, 293, 301, 338, 340, || VII, 6, 13, 14, 20, 22, 30, 34, 35, 41—43, 47, 51, 53, 57, 58, 66, 72, 79, 98, 134, 152, 157, 162, 168, 171—173, 180—182, 197—199, 202, 210, 221, 229, 230, 233, 236, 247, 268, 280, 304, 305—308, 339, 342, 345, 346, 351.
«Ясная поляна» — журнал — || 40.
Ясная поляна музей усадьба — || 6.
Ясная поляна, станция — || 86

Aix les Bains — || 98.
Alexandrine Tanto. См. Остен-Сакен гр. Александра Ильинична.
André. См. Соболев Андрей Ильич.
Arsenieff. См. Арсеньев Владимир Михайлович.
Arsenieffs. См. Арсеньевы.

Bagration Prince. См. Багратион князь.
Balta. См. Балта.
Béresovka. См. Березовка.
Bessarabie. См. Бессарабия.
Boukarest. См. Бухарест.
Brimmer. См. Бриммер Эдуард Владимирович.
Burest M-me. См. Бюре.

Calochin Dmitri. См. Калошин Дмитрий Павлович.
Calochin Valentin. См. Калошин Валентин Павлович.
Capoue. См. Капуа.
Casan. См. Казань.
Caucase. См. Кавказ.
Club Anglais. См. Английский клуб.
Comtesse. См. Толстая гр. Авдотья Максимовна.
Crimée. См. Крым.
La croix de St. Georges. См. Георгиевский крест.

Danube. См. Дунай.
Deutsh. См. Дейч К. Ф. фон.
Diakoffs. См. Дьяковы.
Dmitri. См. Толстой гр. Дмитрий Николаевич.
Dumas Alexandre. См. Дюма Александр.

Gacha. См. Агафья Михайловна.
Gagarine. См. Гагарин.
Gautier. См. Готье.
Genlis M-me. См. Жанлис Стефания Фелисита.
Géorgie. См. Грузия.
Gortchakoff André. См. Горчаков кн. Андрей Иванович.

Gortchakoff Serge. См. Горчаков кн. Сергей Дмитриевич.
Gortchakoff. См. Горчаков кн. Михаил Дмитриевич.
La guerre de Turquie. См. Крымская кампания.

Islénieff. См. Исленьев Александр Михайлович.
Iverskaïa. См. Иверской иконы божьей матери часовня.

Kabiline. См. Сухово-Кобылин Александр Васильевич.
Kalochin Serge. См. Калошин Сергей Павлович.
Kichineff. См. Кишинев.
Kieff. См. Киев.
Kiréevsky. См. Киреевский Николай Васильевич.
Kislar. См. Кизляр.
Koursk. См. Курск.

Lise. См. Толстая гр. Елизавета Александровна.
«Les mille et un Fantômes». См. Дюма А.
Loboff. См. Лобов.
Louis XIV et son siècle» См. Дюма А.
Lwoff Prince. См. Львов кн. Георгий Владимирович.

«Margot». См. Дюма и Макэ Э. «Королева Марго».
Marie. См. Толстая гр. Мария Николаевна.
La Mer Caspienne. См. Каспийское море.
Michel grand duc. См. Михаил Николаевич вел. кн.
Le Moine. См. Воейков Николай Сергеевич.
Moldavie. См. Молдавия.
Molostvoffs. См. Молоствовы барышни.
Moscou. См. Москва.
Mosdoc. См. Моздок.
Moustafa-Pacha. См. Мустафа-Паша.
Muret-Sanders «Enzyklopädisches Englich-Deutsches und Deutsch-Englisches Wörterbuch» («Лексикон Садлера») — 251, || 253.

Narichkine née Knorring. См. Нарышкина Надежда Ивановна.
Nicolas. См. Толстой гр. Николай Николаевич.
Nicolas. См. Толстой гр. Николай Ильич.
Nicolas grand duc. См. Николай Николаевич вел. кн.
«Nouvelle Héloïse». См. Руссо Ж. Ж., «Новая Элоиза».

Ogareff. См. Огарев Владимир Иванович.
Ogareff. См. Огарев Владимир Иванович.
Oltenitza. См. Ольтеница.
Over. См. Овер А. И.

Pauline. См. Юшкова Пелагея Ильинична.
Pénélope. См. Пенелопа.
Perfilieff. См. Перфильевы В. С. и П. Ф.
Perfillieffs vieux. См. Перфильевы В. С. и А. С.
Pérou. См. Перу.
Pétersbourg. См. Петербург.
Pierre. См. Воробьев Петр Евстратович.
Pocrowskoe. См. Покровское.
Poltava. См. Полтава.
Pouchnikoff. См. Пушникова.
P.T.S.G. См. Петербург.
Princesse Serge. См. Горчакова кн. Анна Александровна.
Protassoff. См. Протасов Николай Алексеевич.

Russie. См. Россия.

Saratoff. См. Саратов.
Serge Prince. См. Горчаков кн. С. Д.
Serge. См. Толстой гр. Сергей Николаевич.
Serjpoutovsky. См. Сержпутовский Адам Осипович.
Sevastopol. См. Севастополь.
Sévigné. См. Севинье Мария.
Sheremet... См. Шереметев.
Silistrie. См. Силистрия.
Simon. См. Симон-Диманш Луиза.
Sokolniky. См. Сокольники.
Starogladovskaïa. См. Старогладковская.
Stchoulkoffs. См. Чулковы Е. А., А. А., С. А. и Е. А.

Suisse. См. Швейцария.
Sultane. См. Шишкина Мария Михайловна.

Tchoulkoffs. См. Чулковы.
Théodor. См. Федор.
Tifliss. См. Тифлис.
Toinette tante. См. Ергольская Татьяна Александровна.
Toula. См. Тула.
Turquie. См. Турция.

Valachie. См. Валахия.
Valérien. См. Толстой гр. Валерьян Петрович.
Varinka. См. Нагорнова Варвара Валерьяновна.
Vergani. См. Вергани.
«Vicomte de Bragelonne». См. Дюма А. и Макэ О. «Le Vicomte de Bragelonne ou Dix ans plus tard».
Vienne. См. Вена.
Les Volkonsky. См. Волконские кн. А. А. и кн. Л. И.
Vorotinka. См. Малая Воротынка.

Wolff. См. Вольф Николай Иванович.

Zagoskine. См. Загоскина Екатерина Дмитриевна.
Zakrevsky Comte. См. Закревский гр. Арсений Андреевич.
Zénaide. См. Молоствова Зинаида Модестовна.
Zilantieff. См. Зилантов-Успенский монастырь.
Zoubkoff. См. Зубков Владимир Александрович.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ АДРЕСАТОВ.

		№	Стр.
Алексееву Н. П.	1853 г. мая 30.	75	234
*Барятинскому кн. А. И. (черновое)	1853 г. июля 15?	77	237
*Докладная записка командующему войсками Горчакову, кн. М. Д.	1853 г. октября 6	81	248
*Ергольской Т. А.	1845 г. августа 25—28	4	10
* » и Толстой гр. Е. А.	1848 г. октября 19	6	18
* »	1848 г. октября 19...26	7	21
* » и Толстой гр. А. Е.	1848 г. октября 27	8	22
* »	1848 г. ноября первая половина	9	23
* »	1848 г. декабрь?	10	25
* » и Толстой гр. Е. А.	1848 г. декабрь	11	26
* »	1849 г. мая 20—26	21	50
* »	1849 г. декабря конец.	23	51
* »	1849 г. июнь ... декабрь	24	53
* »	1850 г. января 10	25	54
* »	1850 г. февраль.	26	55
* »	1850 г. апреля 20.	27	56
* »	1850 г. декабря 4.	30	62
* »	1850 г. декабря 7.	31	63
* »	1850 г. декабря 9.	32	69
* »	1850 г. декабря 11.	33	73
* »	1850 г. декабря 24.	36	81
* »	1851 г. января 17.	37	84
* »	1851 г. февраля конец.	38	88
* »	1851 г. Москва марта 8.	39	89
* »	1851 г. марта 1... 15.	40	91
* »	1851 г. мая 8.	41	93
* »	1851 г. мая 27.	43	99
* »	1851 г. июня 22.	45	102
* »	1851 г. июня 24.	47	112
* »	1851 г. августа 17.	48	114
* »	1851 г. ноября 12.	49	116
* »	1851 г. декабря 15.	51	125
* »	1851 г. декабря 28 — 1852 г. января 3	53	135
* »	1852 г. января 6.	55	145
* »	1852 г. января 7.	56	153
* »	1852 г. января 12.	57	159
* »	1852 г. марта 2.	58	164

		№	Стр.
*Ергольской Т. А.	1852 г. мая 30—июня 3.	60	173
* »	1852 г. июня 26.	62	188
* »	1852 г. июля 4.	64	194
* »	1852 г. августа 15.	65	199
* »	1852 г. октября 2.	67	205
* »	1852 г. октября 29.	68	208
* »	1853 г. марта 24.	73	223
* » и Толстому гр. С. Н.	1853 г. июня перв. пол.	76	236
* »	1853 г. августа вторая половина	79	244
* »	1853 г. декабря 27 — 1854 г. января 1.	83	253
* » и Толстому гр. Д. Н.	1854 г. марта 13—22.	84	257
* »	1854 г. мая 24.	86	262
* »	1854 г. июня 19.	87	266
* »	1854 г. июля 5.	88	269
* »	1854 г. октября 17—18.	89	277
* »	1855 г. января 6	92	291
* »	1855 г. марта 18	97	301
* »	1855 г. мая 7.	100	312
* »	1855 г. августа 4.	105	325
* »	1855 г. сентября 4	109	334
А. А. Краевскому,	1855 г. декабря 31.	111	336
Н. И. Лобачевскому,	1844 г. мая 29	1	3
Львову кн. Г. В.	1855 г. января 15.	94	298
Некрасову Н. А.	1852 г. июля 3.	63	193
»	1852 г. сентября 15.	66	202
»	1852 г. ноября 18.	69	211
»	1852 г. ноября 27.	70	213
»	1852 г. декабря 26.	72	221
»	1853 г. сентября 17.	80	246
»	1854 г. декабря 19.	91	286
»	1855 г. января 11.	93	296
»	1855 г. апреля 30.	98	309
»	1855 г. декабря 31.	110	336
Оголину А. С.	1851 г. мая 30... июня 2	44	101
»	1851 г. июня 22.	46	108
Панаеву И. И.	1855 г. июня 14.	101	315
»	1855 г. июня 16.	102	319
»	1855 г. июля 4.	104	323
»	1855 г. августа 8.	107	328
Плетневу П. А.	1849 г. марта 30.	15	38
*Проректору Казанского университета, Фойгту К. К.	1845 г. августа 25.	3	9
*Ректору Казанского университета, Лобачевскому Н. И.	1844 г. мая 29.	1	3
Ректору Казанского университета, Лобачевскому Н. И.	1844 г. августа 3.	2	5
*Ректору Казанского университета, Симонову И. М.	1847 г. апреля 12.	5	15
Ректору Петербургского университета, Плетневу П. А.	1849 г. марта 30.	15	38
Симонову, И. М.	1847 г. апреля 12	5	15
*Соболеву А. И. (черновое).	1849 г. марта 15...31?	16	40
* »	1849 г. апрель ... май.	22	51
*Толстой гр. Е. А. и Ергольской Т. А.	1848 г. октября 19.	6	18
*Толстой гр. Е. А. и Ергольской Т. А.	1848 г. октября 27.	8	22

		№	Стр.
*Толстой гр. Е. А. и Ергольской Т. А.	1848 г. декабрь.	11	26
*Толстой гр. М. Н. (отрывок)	1851 г. мая 26.	42	96
*Толстому гр. В. П.	1854 г. апреля 30.	85	261
* » »	1855 г. февраля 24.	96	300
*Толстому гр. Д. Н. и Ергольской Т. А.	1854 г. марта 13—22.	84	257
*Толстому гр. Н. Н.	1851 г. декабря 10.	50	120
* » »	1855 г. февраля 3.	95	299
*Толстому гр. С. Н.	1849 г. февраля 13.	12	28
* » »	1849 г. марта 15.	13	36
* » »	1849 г. марта 1—25.	14	37
* » »	1849 г. апреля 1 . . . 30	17	41
	1849 г. апреля 20.	18	42
* » »	1849 г. мая 1.	19	44
* » »	1849 г. мая 11.	20	48
* » »	1850 г. декабря 15.	34	76
* » »	1850 г. декабря 22.	35	80
* » »	1851 г. декабря 23.	52	129
* » »	1852 г. января 7.	56	153
* » »	1852 г. марта 28.	59	168
* » »	1852 г. июня 24.		
* » »	1852 г. декабря 5.	71	217
* » » (черновое)	1852 г. декабря 10.	71	215
* » » »	1853 г. апреля 17.	74	231
* » » »	1853 г. июня перв. пол.	76	236
* » » » и Ергольской Т. А.	1853 г. июля 20.	78	241
* Толстому гр. С. Н.	1853 г. ноября 26.	82	250
* » »	1854 г. ноября 20.	90	280
* » »	1855 г. апреля 15... 30?	99	311
* » »	1855 г. июля 3.	103	320
* » »	1855 г. августа 7.	106	327
* » »	1850 г. ноября 18.	29	58
*В Тульское дворянское депутатское собрание	1845 г. августа 25.	3.	9
*Фойгту К. К.			

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стр.
Предисловие к серии «Письма»	V
От главного редактора	VII
Предисловие к пятьдесят девятому тому	XI
Редакционные пояснения	XIII

ПИСЬМА

№			Стр.
1	*1844 г. мая 29*	Ректору Казанского университета.	3
2	— *августа 3*	Ректору Казанского университета.	5
*3	*1845 г.* » *25*	Проректору Казанского университета.	9
*4	— » *25—28*	Т. А. Ергольской	10
5	— *апреля 12*	Ректору Казанского университета.	15
6	*1848 г. октября 19*	Т. А. Ергольской и гр. Е. А. Толстой	18
*7	— » *19—26*	Т. А. Ергольской	21
*8	— » *27*	Т. А. Ергольской и гр. Е. А. Толстой	22
*9	— *ноября первая половина*	Т. А. Ергольской	23
*10	— *декабря?*	Т. А. Ергольской	25
*11	— »	Т. А. Ергольской и гр. Е. А. Толстой	26
12	*1849 г. февраля 13*	Гр. С. Н. Толстому	28
*13	— *марта 15*	Гр. С. Н. Толстому	36
*14	— » *1...25*	Гр. С. Н. Толстому	37
*15	— » *30*	Ректору Петербургского университета	38
*16	— » *15...31*	А. И. Соболеву (черновое)	40
*17	— *апреля 1...30*	Гр. С. Н. Толстому	41
*18	— » *20*	Гр. С. Н. Толстому	42
*19	— *мая 1*	Гр. С. Н. Толстому	43
*20	— » *11*	Гр. С. Н. Толстому	48
*21	— » *20—26*	Т. А. Ергольской	50
*22	— *апрель... май*	А. И. Соболеву	51
*23	— *декабря конец*	Т. А. Ергольской	51
*24	— *июнь... декабрь*	Т. А. Ергольской	53
*25	*1850 г. января 10*	Т. А. Ергольской	54
*26	— *февраль?*	Т. А. Ергольской	55
*27	— *апреля 20*	Т. А. Ергольской	56
*28	— *октябрь...ноябрь*	Неизвестной. Черновое	57
29	— *ноября 18*	В Тульское дворянское депутатское собрание	59

№			Стр.
*30	*1850 г. декабря 4*	Т. А. Ергольской	62
*31	— » 7	Т. А. Ергольской	63
*32	— » 9	Т. А. Ергольской	69
*33	— » 11	Т. А. Ергольской	73
*34	— » 15	Гр. С. Н. Толстому	76
*35	— » 22	Гр. С. Н. Толстому	80
*36	— » 24	Т. А. Ергольской	81
*37	*1851 г. января 17*	Т. А. Ергольской	84
*38	— *февраля конец*	Т. А. Ергольской	88
*39	— *марта 8*	Т. А. Ергольской	89
*40	— » *1...15*	Т. А. Ергольской	91
*41	— *мая 8*	Т. А. Ергольской	93
*42	— » *26*	Гр. М. Н. Толстой (отрывок)	96
*43	— » *27*	Т. А. Ергольской	99
*44	— » *30...июня 2*	А. С. Оголину	101
*45	— *июня 22*	Т. А. Ергольской	102
46	— » *22*	А. С. Оголину	108
*47	— » *24*	Т. А. Ергольской	112
*48	— *августа 17*	Т. А. Ергольской	114
*49	— *ноября 12*	Т. А. Ергольской	116
*50	— *декабря 10*	Гр. Н. Н. Толстому	120
*51	— » *15*	Т. А. Ергольской	125
*52	— » *23*	Гр. С. Н. Толстому и М. М. Шишкиной	129
*53	— *декабря 28—1852 г. января 3*	Т. А. Ергольской	135
54	— *декабря 31*	Прошение об определении на военную службу	143
*55	— *января 6*	Т. А. Ергольской	145
*56	— » *7*	Гр. С. Н. Толстому	153
*57	*1852 г. января 12*	Т. А. Ергольской	159
*58	— *марта 2*	Т. А. Ергольской	164
*59	— » *28*	Гр. С. Н. Толстому	168
*60	— *мая 30—июня 3*	Т. А. Ергольской	173
*61	— *июня 24*	Гр. С. Н. Толстому	182
*62	— » *26*	Т. А. Ергольской	188
63	— *июля 3*	Н. А. Некрасову	193
*64	— » *4*	Т. А. Ергольской	194
*65	— *августа 15*	Т. А. Ергольской	199
66	— *сентября 15*	Н. А. Некрасову	202
*67	— *октября 2*	Т. А. Ергольской	205
*68	— » *29*	Т. А. Ергольской	208
69	— *ноября 18*	Н. А. Некрасову	211
70	— » *27*	Н. А. Некрасову	213
*71	— *декабря 10*	Гр. С. Н. Толстому	215
72	— » *26*	Н. А. Некрасову	221
*73	*1853 г. марта 24*	Т. А. Ергольской	223
*74	— *апреля 17*	Гр. С. Н. Толстому	231
75	— *мая 30*	Н. П. Алексееву	234
*76	— *июня первая половина*	Гр. С. Н. Толстому и Т. А. Ергольской	236
*77	— *июля 15*	Кн. А. И. Барятинскому (черновое)	237
*78	— » *20*	Гр. С. Н. Толстому	241
*79	— *августа вторая половина*	Т. А. Ергольской	244
80	— *сентября 17*	Н. А. Некрасову	246
81	— *октября 6*	Докладная записка командующему войсками кн. М. Д. Горчакову	248

№			Стр.
*82	*1853 г. ноября 26*	Гр. С. Н. Толстому	250
*83	— *декабря 27—1854 г. января 1*	Т. А. Ергольской	253
*84	*1854 г. марта 13—22*	Т. А. Ергольской и гр. Д. Н. Толстому	257
*85	— *апреля 30?*	Гр. В. П. Толстому	261
*86	— *мая 24*	Т. А. Ергольской	262
*87	— *июня 19*	Т. А. Ергольской	266
*88	— *июля 5*	Т. А. Ергольской	269
*89	— *октября 17—18*	Т. А. Ергольской	277
*90	— *ноября 20*	Гр. С. Н. Толстому	280
91	— *декабря 19*	Н. А. Некрасову	286
*92	*1855 г. января 6*	Т. А. Ергольской	291
93	— » *11*	Н. А. Некрасову	296
94	— » *15*	Кн. Г. В. Львову	298
*95	— *февраля 3*	Гр. Н. Н. Толстому	299
*96	— » *24*	Гр. В. П. Толстому	300
*97	— *марта 13*	Т. А. Ергольской	301
98	— *апреля 30*	Н. А. Некрасову	309
*99	— » *15...30*	Гр. С. Н. Толстому	311
*100	— *мая 7*	Т. А. Ергольской	312
*101	— *июня 14*	И. И. Панаеву	315
102	— » *16*	И. И. Панаеву	319
*103	— *июля 3*	Гр. С. Н. Толстому	320
104	— » *4*	И. И. Панаеву	323
*105	— *августа 4*	Т. А. Ергольской	325
*106	— » *7*	Гр. С. Н. Толстому	327
107	— » *8*	И. И. Панаеву	328
*108	— *сентября 3*	Н. А. Крыжановскому	333
*109	— » *4*	Т. А. Ергольской	334
110	— *декабря 31*	Н. А. Некрасову	336
111	— » *31*	А. А. Краевскому	336

ДЕЛОВЫЕ БУМАГИ

1851 г. апреля 30	Отпускная Марии Ивановой	338
1853 г. июня 6	Отпускная Александру Михайлову	339

Список писем Толстого за 1844—1855 гг., не имеющихся в распоряжении редакции 341
Указатель собственных имен 352
Алфавитный указатель адресатов 382

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Фототипия с группы братьев Сергея, Николая, Дмитрия и Льва Толстых. 1855 г. (размер подлинника) — между XVI и 1 стр.
Автотипия с прошения Толстого ректору Казанского университета. 1844 г. (размер подлинника) — между 4 и 5 стр.

Настоящее юбилейное издание первого полного собрания сочинений Л. Н. Толстого печатается на основании постановления Совета Народных Комиссаров СССР от 24 июня 1925 г.

Набрано во 2-й типографии „Печатный Двор“ треста „Полиграфкнига“. Ленинград, Гатчинская, 26. Заказ изд. № 227. Тираж 10 000. Ленгорл. №10961. Формат бум. 68×100 в 1/16. 77600 тип. знаков в 1 бум. л., 12¾ бум. листов, 24½ печ. л. Сдано в набор 25 января 1931 г. Подписано к печати 23 апреля 1935 г. Отпечатано с матриц во 2-й тип. Трансжелдориздата НКПС. Л-град. Ул. Правды, 15. Учк. № 4334.

Корректор М. А. Перфильева.

□

Техническая редакция
Н. И. Гарвея.